

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929245 2

(Callan)
32 I 7

*QCA

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ЖУРНАЛЪ

**СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ,**

СОСТАВЛЯЕМЫЙ

ИЗЪ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И УЧЕНЫХЪ ТРУДОВЪ

К. И. Арсеньева. Е. А. Баратынского. Барона Брамбеуса. Ф. В. Бул-
гарина. А. Ф. Воейкова. Кн. П. А. Вяземскаго. Ф. Н. Глинка. Н. И.
Греча. В. И. Григоровича. Д. В. Давыдова. И. И. Давыдова. В. А.
Жуковскаго. М. Н. Загоскина. И. Т. Калашикова. М. Т. Каченовскаго.
И. В. Киръевскаго. Кавана Луганскаго. И. И. Козлова. И. А. Крылова.
Н. В. Кукольника. М. Е. Лобанова. А. М. Максимовича. А. П. Мак-
симовича. Марлинскаго. К. П. Масальскаго. А. И. Михайловскаго.
Данилевскаго. А. С. Норова. Кн. В. Ф. Одоевскаго. А. Н. Очкина.
В. И. Панаева. П. А. Плетнева. М. П. Погодина. А. Погорьльскаго.
Н. А. Полеваго. А. С. Пупкина. С. Е. Раича. А. Г. Ротчева. Рудаго-
Панько. П. П. Свиныина. О. И. Сенковскаго. И. Н. Скобелева. И.
М. Снягирева. Н. Г. Устрялова. В. А. Ушакова. Б. М. Федорова.
Гр. Д. И. Хвостова. А. С. Хомякова. Кн. А. А. Шаховскаго. С. П.
Шевырева. А. В. Шишкова. А. С. Шишкова. В. Н. Щастинаго.
Д. И. Языкова. Н. М. Языкова. П. Л. Яковлева. И. М. Ястребцева.
Г. М. Яценкова, и другихъ.

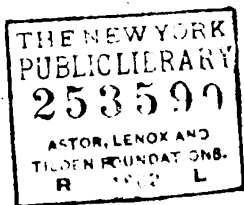
— 3 —
ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА АЛЕКСАНДРА СИМРДИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЪ СЪ СЫНОМЪ.

1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.

С. Петербургъ, 1834 года Марта 31 дня.

Ценсоръ *Никитенко*.

NOV 20 1887
LIBRARY
Y. S. A.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Судъ въ подземельѣ. <i>В. А. Жуковского</i>	1.
Красавица. <i>А. С. Пушкина</i>	238.
Разбойникъ и Извозчикъ — Левъ и Мышь, Басни <i>И. А. Крылова</i>	235.
Вальсъ. <i>Д. В. Давыдова</i>	24.
И моя звездочка. Его же.....	239.
Обманутое сердце. <i>И. И. Козлова</i>	19.
Стансы изъ Лорда Байрона. Его же.....	23.
Къ печальной красавицѣ. Его же.....	239.
Бываетъ. <i>А. Г. Ротчева</i>	21.
Постояльцы. <i>Ө. Н. Глинки</i>	22.
Конекъ-Горбунокъ, Русская сказка. <i>Г. Ершова</i>	214.
Стансы. <i>Г. Бека</i>	237.
Эпиграмма. <i>Г. Суханова</i>	24.
Путь жизни, Апологъ. Его же.....	234.

ПРОЗА.

Достопамятныя сказанія объ Императрицѣ Екатеринѣ Великой. <i>А. С. Шишкова</i>	25.
Брамбеусъ и Юная Словесность. <i>Бирона Брамбеуса</i> .	33.
Вечеръ на Хопрѣ. <i>М. Н. Загоскина</i> . Статья первая.	61.
Статья вторая..	129.
Вы трусили. <i>Князя Голицына</i>	181.
Литературный вечеръ въ Римѣ. <i>А. С. Норова</i>	193.
Два обстоятельства изъ жизни Суворова. <i>Графа Д. И. Хвостова</i>	211.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Плаваніе на корабль съ Лордомъ Байрономъ. <i>А. Н. Очкина.</i> Изъ Blackwood's Magazine.....	1.
Рейнскіе Пилгриммы, Романъ Г. Больвера. <i>Е. О. Корша.</i> Изъ New Monthly Magazine и Athenaeum.	23.
Графиня изъ простыхъ. Сцены образованнаго свѣта. Его же. Изъ New Monthly Magazine.....	35.
Замокъ Эльмиръ, Очерки Ирландскихъ нравовъ. Его же. Изъ Blackwood's Magazine.....	49.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Монастырь на Валаамъ. Автора «Путешествіе къ Святымъ мѣстамъ».....	1.
Магнитная сила Земнаго Шара (съ картою). Статья Норвежскаго Профессора <i>Ганстена</i>	21.
Англія и Китай. Изъ Quarterly Review.....	37.
Египетъ въ 1833 году. Изъ United Service Journal...	63.
Ископаемыя. <i>И. М. Ястребцова</i>	85.
Зодчество насекомыхъ, Статья Англійскаго натуралиста, Джонъ Ренни. <i>А. Н. Очкина</i>	101.
Тарифъ 1822 года (съ таблицею). <i>Князя П. А. Вяземскаго.</i>	133.
Русское посольство во Флоренцію въ 1658. <i>Д. И. Языкова.</i>	161.
Картинки Г. Сапожникова къ Баснямъ Крылова <i>В. И. Григоровича</i>	177.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Новый плутъ Гранже. <i>Г. Коростовцова</i>	1.
О кожевенномъ дѣлѣ въ Россіи. <i>Г. М. Яценкова</i>	8.
О скотоводствѣ въ Голландіи и о приготовленіи масла и сыра. Его же.....	15.
О Голландскихъ карманныхъ вѣскахъ для взвѣшиванія зерноваго хлѣба. Его же.....	28.
Безменъ для взвѣшиванія зерноваго хлѣба, изобрѣтенный Копенгагенскимъ механикомъ Тиллемъ. Его же	30.
О-де-колонъ и другіе составы Фарины. Изъ Journal des connaissances usuelles.....	13.

КРИТИКА.

Письма изъ Болгаріи, Г. Теплякова. — Impressions et Souvenirs de Finlande, Г. Сень-Жюльена. — Изгнанники, Г. Калашникова.....	1.
Новоселье, Часть вторая.....	25.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Новыя книги. Мартъ, 1834.....	1.
— Апрель 1834.....	8.
Разныя извѣстія.....	12.
Русскій театръ въ С.-Петербургѣ. — Шестнадцать лѣтъ или Зажигатели. — Любовное зелье. — Маскарадъ въ театрѣ. — Старые грѣхи. <i>М. Я.</i>	13.
Два матеріала для Исторіи Русскаго книгопечатанія.	
1. Экстрактъ изъ дѣлъ Типографской Конторы <i>Д. М. К-а.</i>	38.
2. Труды Петра Великаго въ книгопечатаніи. <i>И. М. Снигирева</i>	41.

VII.

СМѢСЬ.

Впечатлѣнія Свѣтлой Нсдѣли, 1834. <i>О. И. С-го.</i>	81.
Королевское Общество Ученыхъ въ Лондонѣ. — Электро-химическіе опыты Г. Фареде. — Существо смерти.	1.
Королевскій Институтъ въ Лондонѣ. — Часы со стеклянными пружинами и маятниками — Стрѣнное свойство металловъ. — Теплотворныя машины.....	2.
Королевское Географическое Общество. — Новѣйшія извѣстія объ экспедиціи Ландера.....	5.
— Новѣйшія свѣдѣнія о Кабрахъ.....	106.
Сраженіе корабля Эссексъ съ китомъ.....	108.
Освобожденіе теплотвора въ цвѣтахъ.....	13.
Капля воды, видѣнная въ микроскопъ (съ рисункомъ).	15.
Плодородность и жизнь наливочныхъ животныхъ.....	110.

Живыя жабы въ твердыхъ тѣлахъ.....	18.
Природный огненный фонтанъ.....	21.
Нѣжность нѣкоторыхъ чувствъ у слѣпыхъ.....	22.
Исполнскіе цвѣты на островѣ Суматрѣ.....	26.
Хищность нѣкоторыхъ насѣкомыхъ. — Муравей-левъ. — Могильщикъ.....	28.
Дикія утки зимою.....	30.
Вліяніе временъ года на свойства человѣка.....	89.
Судебная Статистика Европы.....	95.
Новое толкованіе Данта.....	33.
Банкрутство Вальтеръ-Скотта.....	31.
Лучшія времена.....	86.
Парижскія скипцы. — Одна изъ маковокъ общества. — Карлисть. — Человѣкъ стариннаго правленія. — Республиканецъ. — Герцогиня временъ Имперіи. — Писатель новой школы.....	37.
Новый Русскій языкъ. <i>А. Марлинскаго</i>	84.
Выставка Изыщныхъ Художествъ въ Парижѣ. — Энгръ. Деларошъ. — Деканъ. — Гранетъ. — Верне. — Руссо. — Пребогатый путешественникъ. — Брюдловъ. — Штейбенъ.....	44.
Германія ученая и литературная. Шлейермахеръ. — Гегель. — Габлеръ. — Шеллингъ. — Омеопатія. — Идрофилы. — Книгопродавцы. — Дешевая Литература. — Ярмарочный каталогъ и новыя сочиненія по всемъ частямъ. — Драма и Раупахъ. — Переводы.	112.
Французскій Театръ въ Парижѣ. <i>Мартъ</i>	51.
<i>Апрѣль</i>	123.
Театры въ Лондонѣ.....	119.
Словесность во Франціи. <i>Мартъ</i>	59.
<i>Апрѣль</i>	128.
Словесность въ Англіи. <i>Мартъ</i>	64.
<i>Апрѣль</i>	132.
Новыя книги: Французскія, Англійскія, Нѣмецкія. <i>Мартъ</i>	70.
<i>Апрѣль</i>	135.
Моды. <i>Мартъ</i>	75.
<i>Апрѣль</i>	138.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П О Э З І Я.

СУДЪ ВЪ ПОДЗЕМЕЛЬѢ.

ПОСЛѢДНЯЯ ГЛАВА НЕДОКОНЧАННОЙ ПОВѢСТИ *.

I.

Ужъ день прохладно вечерѣлъ,
И сводъ лазоревый алыъ ;
На немъ сверкали облака ;
Дыханьемъ свѣжимъ вѣтерка
Былъ воздухъ сладко растворѣнъ ;
Играя, вѣя, морщилъ онъ

* Первая глава еще не написана; сія же послѣдняя заимствована изъ Вальтеръ-Скоттова Марміона.

Пурпурно-блещущій заливъ;
 И, бѣлый парусъ распустивъ,
 Заливомъ тѣмъ ладья плыла;
 Изъ Витби инокинь несла,
 По легкимъ прыгая зыбямъ,
 Она къ Кутбертовымъ брегамъ.
 Летитъ веселая ладья;
 Покрыта палуба ея
 Большимъ узорчатымъ ковромъ;
 Рѣзной, высокій стулъ на нѣмъ
 Съ подушкой бархатной стоитъ;
 И мать Игуменья сидитъ
 На стулѣ въ помыслахъ святыхъ;
 Съ ней пять монахинь молодыхъ.

II.

Впервой покинувъ душный плѣнъ
 Печальныхъ монастырскихъ стѣнъ,
 Какъ птички въ вольной вышинѣ,
 По гладкой палубѣ онъ
 Играютъ, рѣзвятся, шалютъ....
 Все веселитъ ихъ, какъ ребятъ:
 Той шаткѣй парусъ страшенъ былъ,
 Когда имъ вѣтеръ шевелилъ,
 И онъ, надувшись, гремѣлъ;
 Крестилась та, когда бѣлѣлъ,
 Катясь къ ладѣ, кипучій валъ,
 Ес ловилъ и подымалъ
 На свой изгибистый хребетъ;
 Ту веселилъ зеленый цвѣтъ
 Морской чудесной глубины;
 Когда жъ изъ пѣнистой волны,
 Какъ черная незапно тѣнь,
 Предъ ней выскакивалъ тюлень,
 Бросалась съ крикомъ прочь она,
 И долго трепетна, блѣдна,
 Читала шепотомъ псаломъ;

У той былъ рѣзвымъ вѣтеркомъ.
 Покровъ развѣянъ головой;
 Густою, шелковой струёй
 Лились на плечи волоса,
 И груди тайная краса
 Мелькала ярко межъ власовъ,
 И дѣвственный поймать покровъ
 Ея заботилась рука,
 А взоръ стерегъ исподтишка,
 Не любовался ль кто за ней
 Завѣтной прелестью грудей.

III.

Игуменья порою той
 Вкушала съ важностью покой,
 Въ подушкахъ нѣжась пуховыхъ,
 И на монахинь молодыхъ
 Смотрѣла съ ласковымъ лицомъ.
 Она вступила въ Божій домъ
 Во цвѣтъ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ,
 Не оглянулася на свѣтъ,
 И, жизнь на вѣки затвора
 Въ безмолвіи монастыря,
 По слуху знала издали
 О тревоженіяхъ земли,
 О томъ, что радость, что любовь
 Смущаютъ умъ, волнуютъ кровь,
 И съ непроснувшейся душой
 Достигла старости святой,
 Сердечныхъ смутъ не испытавъ;
 Тяжелый инокинъ уставъ
 Смиренно, строго сохранять,
 Души спасенія искать
 Блаженной Гильды по слѣдамъ,
 Служить ея честнымъ мощамъ,
 И день и ночь въ молитвѣ быть,
 И день и ночь огонь хранишь

Лампадъ, горящихъ у иконъ :
 Въ такихъ заботахъ проведенъ
 Былъ вѣкъ ея. Богатый вкладъ
 На обновленіе оградъ
 Монастыря дала она;
 Часовня Гильды убрана
 Была на славу отъ нее :
 Сіало пышное шитье
 Тамъ на покровъ гробовомъ,
 И обложенный жемчугомъ
 Былъ вылить гробъ изъ серебра ;
 И много дѣлала добра
 Она убогимъ и больнымъ,
 И возвращался пилигримъ
 Отъ стѣнъ ея монастыря,
 Хваля небеснаго Царя.
 Имѣла важный видъ она,
 Была худа, была блѣдна;
 Былъ величавъ высокій ростъ ;
 Лицо являло строгій постъ,
 И покаянье тмѣло взоръ.
 Хотя въ ней съ самыхъ давнихъ поръ
 Была лишь къ иночеству страсть ,
 Хоть строго данную ей власть
 Въ монастырѣ она блюла ,
 Но для смиренныхъ сестръ была
 Она лишь ласковая мать :
 Свободно было имъ дышать
 Въ своей келейной тишинѣ,
 И мать Игуменью онѣ
 Любили дѣтски всей душой.
 Куда жъ той позднею порой
 Черезъ заливъ плыла она?
 Была въ Линдсарнъ приглашена
 Она съ Игуменьей другой ;
 И тамъ ихъ ждалъ Аббатъ святой
 Кутбертова монастыря,

Чтобы, соборомъ сотвори
Кровавый судъ, проклятье дать
Отступницъ, дерзнувшей снять
Съ себя монашества обѣтъ;
И, сатанъ продавъ за свѣтъ
Всѣ блага кельи и креста,
Забуть Спасителя Христа.

IV.

Ладыя вдоль берега летить,
И берегъ весь назадъ бѣжить;
Мелькаютъ мимо нихъ очей
Въ сіяньи западныхъ лучей:
Тамъ замокъ на скалѣ крутой
И бездна пѣни подъ скалой
Отъ разшибаемыхъ валовъ;
Тамъ башня, сторожъ береговъ,
Густымъ одѣтая плющѣмъ;
Тамъ холмъ, увѣнчанный селомъ;
Тамъ золото цвѣтущихъ нивъ;
Тамъ зеленѣющій заливъ,
Въ тѣни зеленыхъ береговъ;
Тамъ Божій храмъ, среди дерѣвъ
Блестящій яркой близаной.
И островъ наконецъ святой
Съ Кутбертовымъ монастыремъ,
Облитый вечера огнемъ,
Громадою багряныхъ скалъ
Изъ водъ вдали предъ ними всталъ,
И приближаясь тихо росъ,
И вдругъ надъ нихъ главою вознѣсь
Свой брегъ, крутой со всѣхъ сторонъ.
И островъ, и не островъ онъ:
Два раза въ день морской отливъ,
Пески подводны обнаживъ,
Противный брегъ сливается съ нимъ:
Тогда поклонникъ пилигримъ

На богомолье по пескамъ
 Пышкомъ идетъ въ Кутбертовъ храмъ;
 Два раза въ день морской приливъ,
 Его отъ тверди отдѣливъ,
 Стираетъ силою воды
 Съ песковъ поклонника слѣды.
 Несъ вѣтеръ къ берегу ладью;
 На самомъ берега краю
 Стоялъ Кутбертовъ древнѣй домъ,
 И волны пѣнились кругомъ.

V.

Стоитъ то зданіе давно;
 Саксоновъ памятникъ, оно
 Межъ скалъ крутыхъ крутой скалой
 Восходитъ грозно надъ водой;
 Всѣ стѣны страшной толщины
 Изъ грубыхъ камней сложены;
 Зубцы, какъ горы на стѣнахъ;
 На низкихъ тѣлостныхъ столбахъ
 Лежитъ огромный храма сводъ;
 Кругомъ идетъ широкой ходъ,
 Являя безконечный рядъ
 Сплетенныхъ вѣтвями аркадъ;
 И крѣпки башни на углахъ
 Стоять, какъ стражи на часахъ.
 Вотще ихъ крѣпость превозмочь
 Пыталась вражеская мочь
 Жестокихъ нехристей Датчанъ;
 Вотще волнами океанъ
 Всечасно ихъ разить, дробить:
 Святое зданіе стоитъ
 Недвижимо съ давнишнихъ поръ;
 Морскихъ разбойниковъ напоръ,
 Набѣги хлада, бурь, валовъ,
 И силу грозную годовъ
 Перетерпѣвъ, какъ встарину,

Оно морскую глубину
 Своей громадою гнетётъ;
 Лишь кое-гдѣ растреснулъ сводъ,
 Да въ нишѣ ликъ разбить святой,
 Да мохъ растеть вездѣ съдой,
 Да стѣнъ углы оточены
 Упорнымъ треніемъ волны.

VI.

Въ ладѣ монахини плывутъ;
 Приблизясь къ берегу, поютъ
 Святую Гильды пѣснь онѣ;
 Ихъ голосъ въ поздней тишинѣ,
 Какъ бы сходящій съ вышины,
 Сліясь съ гармоніей волны,
 По небу звонко пробѣжалъ;
 И съ брега хоръ имъ отвѣчалъ,
 И вышелъ изъ святыхъ воротъ
 Съ хоругвями, крестами ходъ
 На встрѣчу инокинѣ честныхъ;
 И возвѣстилъ явленье ихъ
 Колоколовъ согласный звонъ,
 И былъ онъ звучно повторѣнъ
 Отзвономъ ближнихъ, дальныхъ скалъ,
 И весь народъ на брегъ созвалъ.
 Съ ладьи Игуменя сошла,
 Благословенье вѣсѣмъ дала,
 И, подпираясь костылѣмъ,
 Пошла въ святой Кутбертовъ домъ
 Во слѣдъ хоругвей и крестовъ.

VII.

Имъ столъ въ трапезницѣ готовъ;
 Садятся ужинать; потомъ
 Обширный монастырскій домъ
 Толпой осматривать идуть;
 Смѣются, рѣзвятся, поютъ;

Заходить въ кельи, въ древній храмъ,
 Творятъ поклоны образамъ,
 И молятся мощамъ святымъ.....
 Но вечеръ холодомъ сырымъ
 И рѣзкій съ моря вѣтерокъ
 Собраться нудятъ всехъ въ кружокъ
 Къ огню, хозяекъ и гостей;
 Жужжать, лепечуть; какъ ручей
 Веселый льется 'разговоръ;
 И наконецъ межъ ними споръ
 О томъ заходить, чей Святой
 Своею жизнію земной
 И болъ славы заслужилъ,
 И болъ небу угодилъ?

VIII.

Святая Гильда (говорятъ
 Монахини изъ Витби) врядъ
 Отдастъ ли первенство кому?
 Известна жъ болъ потому
 Ея обитель съ давнихъ дней,
 Что три барона знатныхъ ей
 Служить вассалами должны;
 Угодницей осуждены
 Когда-то были Брюсъ, Гербертъ
 И Перси; судъ сей былъ простертъ
 На ихъ потомство до конца
 Всего ихъ рода: чернеца
 Они дерзнули умертвить.
 Съ тѣхъ поръ должны къ намъ приходить
 Три старшихъ въ родъ каждый годъ,
 Въ день Вознесенья, и народъ
 Тутъ видитъ, какъ Игуменъ ихъ
 Становитъ рядомъ у честныхъ
 Мощей угодницы святой,
 Какъ надъ склоненной ихъ главой
 Прочтетъ псаломъ, какъ наконецъ

Съ словами: все простилъ чернецъ!
 Имъ разрѣшеніе даётъ;
 Тогда *аминь!* гласить народъ.
 Къ намъ повѣсть древняя дошла
 О томъ, какъ нѣкогда жила
 У насъ Саксонская Княжна,
 Какъ наша вся была полна
 Окрута ядовитыхъ змѣй,
 Какъ Гильда, внявъ мольбамъ своей
 Любимицы святой Княжны,
 Явилась, какъ превращены
 Всѣ змѣи въ камень, какъ съ тѣхъ поръ
 Находятъ въ нѣдрѣ нашихъ горъ
 Окаменѣлыхъ много змѣй.
 Еще же древность намъ объ ней
 Сказаніе передала:
 Какъ разъ во гнѣвѣ проклала
 Она пролетныхъ журавлей,
 И какъ съ тѣхъ поръ до нашихъ дней,
 Едва на Витби налетитъ
 Журавль, застонетъ, закричитъ,
 Перевернется, упадетъ,
 И чудной смертію отдастъ
 Угодницѣ блаженной честь.

IX.

А нашъ Кутбертъ? Не перечесть
 Его чудесъ. Теперь покой
 Нашелъ ужъ гробъ его святой;
 Но прежде..... что онъ претерпѣлъ!
 Отъ Датскихъ хищниковъ сгорѣлъ
 Линдфарнъ, приютъ съ давнишнихъ дней
 Честныхъ угодника мощей;
 Монахи гробъ его спасли,
 И съ гробомъ странствовать пошли,
 Изъ земли въ землю, по полямъ,
 Лѣсамъ, болотамъ и горамъ;

Семь лѣтъ въ молитвѣ и трудахъ,
 Съ тяжелымъ гробомъ на плечахъ,
 Они скитались; въ Мельросъ
 Ихъ напоследокъ Богъ принёсъ:
 Мельросъ Кутбертъ живой любилъ,
 Но мертвый въ немъ не разсудилъ
 Онъ для себя избрать приютъ,
 И чудо совершилось тутъ:
 Хоть тяжкій гробъ изъ камня былъ,
 Но отъ Мельроса вдругъ поплылъ
 По Твиду онъ, какъ легкій чолнъ.
 На югъ теченьемъ быстрыхъ волнъ
 Его помчало; миновавъ
 Тильмутъ и Риппонъ, въ Вардилавъ,
 Препонъ не встрѣтя, наконецъ
 Привелъ свой гробъ святой пловець;
 И выбралъ онъ въ жилище тамъ
 Святой, готическій Дургамъ;
 Но гдѣ святаго погребли,
 Ту тайну знаютъ на земли
 Лишь только трое; и когда
 Которому изъ нихъ чреда
 Разстаться съ жизнію прійдетъ,
 Онъ на духу передастъ
 Ее другому; тотъ молчитъ
 Дотоль, пока не разрешитъ
 Его молчанья смертный часъ.
 И мало ль чудесами насъ
 Святой угодникъ изумлялъ?
 На нашу Англію попалъ
 Король Шотландскій, злой тиранъ;
 Пришла къ намъ рать Галвегіанъ
 Неистовыхъ, какъ море ихъ;
 Онъ рыцарей привелъ своихъ,
 Разбойниковъ, залитыхъ въ сталь;
 Онъ весь подвигнулъ Тевьотдалъ;
 Но рать его костыми легла:

Для насъ Кутбертова была
 Хоругвь спасеніемъ отъ бѣды.
 Имъ ободренъ былъ и Алоредъ
 На пораженіе Датчанъ;
 Предъ нимъ впервой и самъ Норманъ
 Завоеватель страхъ узналъ,
 И изъ Нортумбріи бѣжалъ.

X.

Монахини изъ Витби тутъ
 Сестрамъ Линдфарнскимъ задаютъ
 Съ усмѣшкою вопросъ такой:
 А правда ли, что вашъ святой
 По свѣту бродитъ кузнецомъ?
 Что онъ огромнымъ молоткомъ
 По тяжелой наковальнѣ бьетъ
 И имъ жемчужины куетъ?
 Что на работу ходитъ онъ,
 Туманной рясой облаченъ?
 Что на приморской онъ скалѣ,
 Черпаетъ мгли, стоятъ во мгли?
 И что, покуда молотъ бьетъ,
 Онъ вѣтеръ на море зоветъ?
 И что въ то время рыбаки
 Уводятъ въ пристань челноки,
 Боясь, чтобъ бурею ночной
 Не утопилъ ихъ вашъ святой? —
 Сестеръ Линдфарнскихъ оскорбилъ
 Такой вопросъ; отвѣтъ ихъ былъ:
 Пустаго много бредить свѣтъ;
 Объ этомъ здѣсь и слуху нѣтъ;
 Кутбертъ, блаженный нашъ отецъ,
 Честный угодникъ, не кузнецъ.

XI.

Такъ весело передъ огнемъ
 Шелъ о житейскомъ, о святомъ,

Между монахинь разговоръ.
 А близко былъ иной соборъ,
 И судъ иной происходилъ.
 Подъ зданьемъ монастырскимъ былъ
 Тайникъ — страшный темницы нѣтъ;
 Король Кольвудъ, покинувъ свѣтъ,
 Жилъ произвольнымъ мертвецомъ
 Въ глубокомъ подземельѣ томъ.
 Сперва въ монастырь оно
Смиренья кельей названо;
 Потомъ въ ужасной кельѣ той,
 Куда ни разу лучъ дневной,
 Ни воздухъ Божій не входилъ,
 Прелать Секстельмъ опредѣлилъ
 Кладбищу осужденныхъ быть;
 Но наконецъ тамъ хоронить
 Не мертвыхъ стали, а живыхъ:
 О бѣдственной судьбинѣ ихъ
 Молчалъ невѣдомый тайникъ;
 И судъ, и казнь, и жертвы крикъ —
 Все жадно поглощалось имъ;
 А если случаемъ какимъ
 Невнятный стонъ изъ глубины
 И доходилъ до вышины;
 Никто изъ внѣшнихъ не зналъ,
 Кто, гдѣ и отъ чего стоналъ;
 Шептали только межъ собой,
 Что тамъ, глубоко подъ землей,
 Во гробѣ мучится мертвецъ,
 Свершившій дней своихъ конецъ
 Безъ покаянiя во злѣ,
 И непрощенный на землѣ.

ХІІ.

Хотя въ монастырь о томъ
 Заклепъ казни роковымъ
 И сохранилася молва,

Но гдѣ онъ былъ? Одинъ или два
 Монаха знали то, да самъ
 Отецъ Аббатъ; и къ тѣмъ мѣстамъ
 Ему лишь съ ними доступъ былъ;
 Съ повязкой на глазахъ входилъ
 За жертвой самъ палачъ туда,
 Въ часъ совершенія суда.
 Тамъ зрѣлся тѣсный, тяжкій сводъ;
 Глубоко ниже вѣшанныхъ водъ
 Прорытъ, въ скалы таился онъ;
 Весь гробовыми замощёнъ
 Плитами полъ неровный былъ;
 И рядъ покинутыхъ могилъ
 Съ полумстертою резьбой,
 Полузатоптанныхъ землѣй,
 Являлся тамъ; отъ мокроты
 Скопаясь, капли съ высоты
 На камни падали; ихъ звукъ
 Однообразно тихъ, какъ стукъ
 Ночнаго маятника, былъ;
 И блѣдно, трепетно свѣтилъ,
 Пуская дымъ, борясь со мглой,
 Огонь въ лампадѣ гробовой,
 Висѣвшей тяжело на цѣпяхъ;
 И тускло на сырыхъ стѣнахъ,
 Покрытыхъ плеснью, какъ корой,
 Свѣтъ, поглощенный темнотой,
 Туманнымъ отблескомъ лежалъ.
 Онъ въ подземельѣ озарялъ
 Явленье страшное тогда :

XIII.

Три совершителя суда
 Сидѣли рядомъ за столомъ;
 Предъ ними разложенъ на нѣмъ
 Уставъ Бенедиктинцевъ былъ;
 И, чуть во мглахъ сіяя, лилъ

Мерцанье блѣдное ночникъ
 На ихъ со мглой сліянный ликъ.
 Товарищъ двумъ другимъ судьямъ,
 Игуменья изъ Витби тамъ
 Являлась, и была сперва
 Ея открыта голова;
 Но скоро скорбь втѣснилась ей
 Во грудь, и слезы изъ очей
 Невольно жалость извлекла,
 И покрываломъ облекла
 Тогда лице свое она.
 Съ ней рядомъ, какъ мертвецъ блѣдна,
 Съ суровой строгостью въ чертахъ,
 Обрѣтшая въ постѣ, въ мольбахъ
 Безстрастье гладное одно,
 (Въ душѣ святошествомъ давно
 Прямую святость умора) —
 Тильмутскаго монастыря
 Пріорша гордая была;
 И ряса, черная какъ мгла,
 Лежала на ея плечахъ;
 И жизни не было въ очахъ,
 Чернѣвшихъ мутно безъ лучей
 Изъ подъ свѣдыхъ ея бровей.
 Аббать Кутбертовой святой
 Обители, монахъ съдой,
 Изсохнувшій полумертвецъ
 И ужъ съ давнишнихъ поръ слѣпецъ,
 Межъ ними сторбившись сидѣлъ;
 Потухшій взоръ его глядѣлъ
 Впередъ, ничѣмъ не привлеченъ,
 И грозной думой омраченъ,
 Ужасенъ блѣдный былъ старикъ,
 Какъ каменный надгробный ликъ,
 Во храмъ зримый въ часъ ночной,
 Нѣмаго праха стражъ нѣмой.

XIV

Предъ ними жертва ихъ стоять:
 На головъ ея лежить
 Лице скрывающій покровъ;
 Видна на бѣлой рясѣ кровь;
 И на столѣ положены
 Свидѣтели ея вины:
 Лампада, четки и кинжалъ.
 По знаку данному, сорвалъ
 Монахъ съ лица ея покровъ;
 И кудри черныхъ волосовъ
 Упали тучей по плечамъ.
 Пріорши строгія очамъ
 Былъ узницы противенъ видъ;
 Съ насмѣшкой злобною глядитъ
 Въ лице преступницы она,
 И казнь ея ужъ рѣшена.

XV.

Но кто же узница была?
 Сестра Матильда. Лишь сошла
 Та роковая полночь, мглой
 Окутавшись, какъ пеленой,
 Тильмутская обитель вся
 Вдругъ замолчала; погася
 Лампады въ кельяхъ, сестры въ нихъ
 Всѣ затворились; пусть и тихъ
 Сталъ монастырь; лишь главный входъ
 Святыхъ обители воротъ
 Не запертъ и свободенъ былъ;
 На колокольнѣ часъ пробилъ.
 Лампаду и кинжалъ беретъ,
 И въ платьѣ мертвеца идетъ
 Матильда смѣло въ ворота;
 Предъ нею ночь и пустота;
 Обитель сномъ глубокимъ спитъ;
 Надъ церковью луна стоитъ

И сыплеть на дорогу свѣтъ;
 И видѣнь на дорогѣ слѣдъ
 Въ густой пыли копытъ и ногъ;
 И слышенъ ей далекій скокъ.....
 Она съ волненьемъ вдалѣ глядитъ;
 Но тамъ ночной туманъ лежитъ;
 Все тише, тише слышенъ скокъ;
 Лишь по дорогѣ вѣтерокъ
 Полночный ходитъ, да луна
 Сілетъ съ неба. Вотъ она
 Минуты двѣ подождала;
 Потомъ съ молитвою пошла
 Впередъ — не встрѣтится ли съ нимъ?
 И долго шла путемъ пустымъ;
 Но все желанной встрѣчи нѣтъ.
 Вотъ наконецъ и дневный свѣтъ,
 И на небѣ зажглась заря....
 И вдругъ отъ стѣнъ монастыря
 Послышался набатный звонъ;
 Всю огласилъ окрестность онъ.
 Что ей начать? Куда уйти?
 Среди открытаго пути,
 Окаменѣвъ, она стоитъ;
 И страшно колоколъ гудитъ;
 И вотъ за ней погоня въ слѣдъ;
 И ей нигдѣ пріюта нѣтъ;
 И вотъ настигнута она,
 И въ монастырь увлечена,
 И скрыта заживо подъ спудъ;
 И ждетъ ее кровавый судъ.

XVI.

Передъ судилищемъ она
 Стоитъ, почти умерщвлена
 Терзаньемъ близкаго конца;
 И блѣдность мертвая лица
 Была виднѣй, была страшнѣй

Отъ черноты ея кудрей,
 Двойною пышною волной
 Облившихъ ликъ ея молодой.
 Оцѣпенѣвъ стоитъ она;
 Глава на грудь наклонена;
 И если бъ мутный лучъ въ глазахъ,
 И содроганіе въ грудяхъ
 Не измѣняли ей порой,
 За ликъ бездушный восковой
 Могла бъ быть принята она:
 Такъ бездыханна, такъ блѣдна,
 Съ такимъ безжизненнымъ лицомъ,
 Такимъ безгласнымъ мертвецомъ
 Она ждала судьбы своей
 Отъ неспрошающихъ судьей.
 И казни страхъ ей весь открытъ:
 Въ стѣнѣ, какъ темный гробъ, прорытъ
 Глубокій, низкій, тѣсный входъ;
 Тому, кто разъ въ тотъ гробъ войдетъ,
 Назадъ не выйти никогда:
 Коренья, въ черепкѣ вода,
 Краюшка хлѣба съ ночникомъ
 Уже готовы въ гробъ томъ;
 И съ дымнымъ факеломъ въ рукахъ,
 На заступъ опершись, монахъ,
 Палачъ подземный, передъ нимъ,
 Безгласенъ, мраченъ, недвижимъ,
 Съ покровомъ на лицѣ стоитъ;
 И грудой на полу лежить
 Гробокопательный снарядъ:
 Кирпичъ, кирка, известка, млатъ.
 Слѣпой Игумень съ мѣста всталъ,
 И руку тощую поднялъ,
 И узницу благословилъ,
 И въ землю факель свой вонзилъ;
 И къ жертвѣ подошелъ монахъ;
 И ужъ она въ его рукахъ

Трепещеть, борется, кричить,
И, сладивъ съ ней, уже влачить,
Безчувственный на крикъ и плачь,
Ее живую въ гробъ палачъ.....

XVII.

Сто ступеней наверхъ вели;
Изъ тайника судьи пошли,
И видъ ихъ былъ свирѣпо дикъ;
И глухо жалкій, томный крикъ
Изъ глубины ихъ провожалъ;
И страхъ шаги ихъ ускорилъ;
И глуше становился стонъ;
И наконецъ умолкнулъ онъ;
И скоро вольный воздухъ имъ
Своимъ дыханіемъ живымъ
Стѣсненны груди освѣжилъ.
Ужъ часъ ночнаго бдѣнья былъ,
И въ храмъ пѣли. И во храмъ
Они пошли; но имъ и тамъ
Сквозь набожный покоющихъ ликъ,
Все слышался подземный крикъ.
Когда жъ во храмъ хоръ отпѣлъ,
Ударить въ колоколъ велѣлъ
Аббатъ душъ на упокой...
Протяжный гласъ въ тиши ночной
Раздался; изъ глубокой мглы
Ему Нортумбріи скалы
Откликнулись; услыша звонъ,
Въ Брамбургъ селянинъ скозь сонъ
Съ подушки голову поднимъ,
Молиться объ умершемъ сталъ,
Недомолился и заснулъ;
Имъ возбужденный, помянулъ
Усопшаго святой чернецъ,
Варквортской пустыни жилецъ;
Въ Шевьотскую залегши стѣнь,

Вскочилъ испуганный олень,
 По вѣтру ноздри распустилъ,
 И чутко ухомъ шевелилъ,
 И поглядывъ по сторонамъ,
 И снова легъ... и снова тамъ
 Все, что смутилъ минутный звонъ,
 Въ глубокой погрузилось сонъ.

В. ЖУКОВСКИЙ.

Вернѣ, на берегу Женевскаго озера.
 1832.

ОБМАНУТОЕ СЕРДЦЕ.

=

О, ты ночь моя, ноченька,
 Ночь ты лунная, ночь морозная!
 Какъ тревожишь ты сердце томное,
 Сердце томное, безнадежное.

Страшно мнѣ; мой уголокъ
 Какъ могила вокругъ чернѣть;
 Разведу я огонѣкъ;
 Дубъ трещить и пламенѣть;
 Свѣтъ багровый на стѣнахъ
 Чудно зыблется въ очахъ;
 Идохнуть не смѣю я:
 Тѣни бродятъ вокругъ меня.

О зачѣмъ я рождена
 Вянуть бѣдной сиротою?
 Жизнь моя отравлена
 Неотступною тоскою:
 Свѣтлый призракъ въ тяжкомъ снѣ
 На бѣду являлся мнѣ;
 Даль мою затмилъ туманъ, —
 Сердцу былъ во всемъ обманъ.

На зарѣ весны моей,
 Голубка я приучила;
 Онъ былъ другъ невинныхъ дней:
 О, какъ я его любила!
 Снѣгомъ бѣлымъ онъ сіялъ,
 Томно, нѣжно ворковалъ;
 Но, какъ легкій вѣтерокъ,
 Улетѣлъ мой голубокъ.

Въ бѣдномъ садикѣ моемъ,
 Рдѣла роза полевая;
 Любавалась я цвѣткомъ,
 Часто горе забывая:
 Къ розѣ съ свѣжею волной
 Я бѣжала въ лѣтній зной: —
 Туча бурная нашла
 Розу молнія сожгла.

Былъ другъ милый у меня!
 Ночь, ты знаешь, ты видала,
 Какъ въ пылу безумномъ я
 Друга къ сердцу прижимала;
 Вспомни, онъ твоей луной
 Мнѣ клялся, что будетъ мой. —
 Но тѣнь бродить..... страшно мнѣ!
 Не душнѣй въ могильномъ снѣ.

О, ты ночь моя, ноченька,
 Ночь ты лунная, ночь морозная!
 Какъ тревожишь ты сердце томное,
 Сердце томное, безнадежное.

И. КОЗЛОВЪ.

БЫВАЕТЪ.

=

Бываетъ время, — разгорится
Огнемъ божественнымъ душа,
И все въ глазахъ позолотится
И вся Природа хороша!
И люди добры — и въ объятъ
Они бѣгутъ ко мнѣ какъ братья,
И какъ любовницу мою
Я ихъ цѣлую — ихъ люблю!
Бываетъ время, — одинокой
Брожу какъ островъ межъ людей;
И какъ охотно, какъ далѣко
Я ихъ бѣжалъ бы въ глушь степей!
Въ вертепъ, гдѣ львенка кормить львица,
Гдѣ нянчить тигръ своихъ дѣтей, —
Лишь только бѣ не видать людей
И ихъ смѣющіяся лица!
Бываетъ время, — въ мракѣ ночи
Я робко прячуся отъ дня;
Но демонъ ищетъ тамъ меня.....
Найдетъ — и прямо смотритъ въ очи!
Моли, мой юной другъ, моли
Творца небесъ, Творца земли,
Чтобы его святая сила
Тебя одѣла и хранила
Отъ добродушной клеветы,
Отъ ядовитаго навѣта,
Отъ обольщенія красоты, —
И бѣснованія поэта!

А. РОТЧЕВЪ.

Спб. 28 Декабря 1832.

ПОСТОЯЛЬЦЫ.

=

«Вы снимайте запоръ,
Отворяйте намъ дворъ;
Мы пришли къ вамъ, семьей, постояльцы.
Мы не зримы для глазъ,
Не ощупаютъ насъ,
Прикоснувшись, пытливые пальцы.
Не питье, не ѣда
Намъ вашъ хлѣбъ и вода, —
Небольшое намъ дайте мѣстечко:
Не пиры намъ рядить,
Будемъ смирно мы жить
Въ уголку, притаившись за печкой.....
Мы бѣды не творимъ;
Но подъ часъ пошалимъ:
Завизжимъ, замяукаемъ кошкой,
Зазвенимъ сковородой;
То старикъ съ бородой
Постучится къ вамъ ночью въ окошко.
Но за то отъ воды,
Отъ огня, отъ бѣды
Мы спасемъ, хоть гори все пожаромъ;
Облегчимъ вамъ труды,
И къ отвѣту въ суды
Не потянуть приказные даромъ.
Отворяйте жъ намъ дворъ
И снимайте запоръ.....»
Такъ просились во дворъ постояльцы:
Василиса встаетъ,
И къ воротамъ идетъ,
И, слагая съ молитвою пальцы,
Оградилась крестомъ.....

Тихо въ полѣ пустомъ,
Только даль огласилась смѣхомъ :
Ночь свѣтла и тиха ;
Но въ кустахъ : «ха ! ха ! ха !»
Раздавалось, и вторилось эхомъ.....

Ө. ГЛЕНКА.

СТАНЦЫ ИЗЪ ЛОРДА БЕЙРОНА.

Межъ дѣвъ, волшебными красами
Плѣняя взоръ, ты духъ тревожишь мой,
И нѣжной музыки надъ синими волнами
Мнѣ милъ, прелестенъ голосъ твой.

Лишь дивный звукъ возникнетъ,
Вдругъ океанъ утихнетъ ;
Прельщёнъ безмолвный токъ,
Не выѣтся вѣтерокъ ;
И мѣсяцъ полуночной
Дрожить въ волнѣ проточной,
И томная струя
Лѣниво зыбь колышетъ,
И чуть вздымаясь дышитъ
Какъ сонное дитя.

Такъ, сладостный восторгъ съ сердечнымъ умиленьемъ
Тобой, прекрасная, душѣ плѣненной данъ,
И въ той же полнотѣ и съ тихимъ тѣмъ волненьемъ,
Съ какими въ лѣтній жаръ струится океанъ.

Н. КОЗЛОВЪ.

ВАЛЬСЪ.

=

Ев. Д. З в ой.

=

Кипить потокъ въ дубравъ шумной,
И мчится скачущей волной,
И катить въ ярости безумной
Песокъ и камень въковой.
Но покоренъ красой невольной,
Колышетъ ласково потокъ
Слетѣвшій съ берега на волны
Весенній, розовый листокъ.
Такъ бурей вальса не сокрыта,
Такъ отъ толпы отличена,
Летить, воздушна и стройна
Моя Любовь, моя Харита,
Виновница тоски моей,
Моихъ мечтаній, вдохновеній
И поэтическихъ волненій,
И поэтическихъ страстей.

ДЕНИСЪ ДАВЫДОВЪ.

Пенза.

=====

ЭПИГРАММА.

=

Въ одномъ собраніи такое было мнѣнїе :

Что скоро свѣта преставленіе. —

Ахъ, Боже мой! — вскричалъ тутъ молодой поэтъ :
Мнѣ надо поспѣшить издать *поэму* въ свѣтъ !

СУХАНОВЪ.

П Р О З А.

=

ДОСТОПАМЯТНЫЯ СКАЗАНИЯ

ОБЪ ИМПЕРАТРИЦЪ

ЕКАТЕРИНЪ ВЕЛИКОЙ *.

=

1.

Екатерина имѣла, выше своего пола, мужественный, твердый духъ. Въ одно время Она, сколько для забавы и любопытства, столько же и для того, чтобъ показать уваженіе свое къ морской службѣ, плавала на яхтахъ, между Кронштатомъ и Петербургомъ. Ночью небо помрачилось черною тучею и поднялась сильная буря. Одна изъ яхтъ сходитя съ яхтою, на которой была Императрица. Это на морѣ самый страшный и опасный случай; первое потому, что два столкнувшіяся, одно съ другимъ, судна, трудно развести, и второе, что при большомъ волненіи могутъ они такъ повредиться, что оба пойдутъ на дно. Въ такихъ обстоятельствахъ, при разводѣ ихъ, бываетъ великій шумъ и крикъ. То жъ было и въ это время; но, по счастью, обѣ яхты, безъ большихъ поврежденій, разошлись. Шумъ утихъ и крики умолкли. Всѣ бывшіе съ Екатериною вельможи крайне удивлены были, что Она, при такомъ страхѣ, не вышла къ нимъ изъ своей каюты, и не могли приписывать того иной причинѣ, какъ весьма крѣпкому Ея

* Сообщены отъ Г. Адмирала А. С. Шишкова.

сну. Императрица поутру вышла и сказала: «Я по удару и потрясенію судна чувствовала, что съ нами сошлось другое судно, испугалась, и при сдѣлавшемся великомъ шумѣ и смятеніи, хотѣла выйти къ вамъ, но подумала: что жъ Я сдѣлаю? бѣды отворотить не могу, и скорѣе помѣшаю тому, нежели пособию. И такъ я осталась на своей постелѣ въ той увѣренности, что если дойдетъ дѣло до надобности спасать себя, то прійдутъ меня увѣдомить.» Но Капитанъ той яхты, которая сошлась съ яхтою Императрицы, приведенъ былъ симъ несчастнымъ случаемъ въ такое отчаяніе, что въ ту жъ минуту бросился въ воду и утонулъ. Когда донесли о томъ Е к а т е р и н ѣ, Она вздохнула и сказала: «жаль, что онъ худо меня зналъ!»

(Приключеніе, многимъ извѣстное.)

2.

Въ началѣ царствованія Е к а т е р и н ы, одинъ изъ бывшихъ въ морѣ, семидесятичетырехъ — пушечный корабль, возвращается въ Ревель, входитъ въ гавань и, по-обыкновенному, укрѣпляется толстыми веревками за пристань. Капитанъ корабля въ тотъ же день, оставя по себѣ Капитанъ — Поручика, съѣзжаетъ на берегъ и остается тамъ ночевать. Немалая часть корабельныхъ служителей распускается для свиданія съ родными и пріятелями. Подъ вечеръ Констапель (артиллерійскій Прапорщикъ) отпросился также побывать въ своемъ домѣ. Онъ, въ продолженіе похода, накопилъ себѣ пуда полтора пороху, который, при наставшей темнотѣ, хотѣлъ свезти съ корабля, но, по-несчастію, искра отъ горѣвшаго огня упала въ него и порохъ вспыхнулъ: корабль загорѣлся. Неожиданный случай сей такъ поразилъ Капитанъ — Поручика, что онъ потерялъ голову, и при маломъ числѣ оставшихся у него людей, не могъ остановить пожара; пла-

мень распространился по 'всему кораблю. Вережки, коими привязанъ онъ былъ къ пристани, обгорѣли. Вѣтромъ горящую громаду сію понесло по гавани и набросило на другой такой же корабль, неподалеку отъ него стоявшій. Тотъ также воспламенился, и оба они до тла сгорѣли. Потеря сія, во всякое время великая, была, при немногомъ бывшемъ тогда числѣ кораблей, еще важнѣйшею. Е к а т е р и н а приказала, Капитана и Капитанъ-Поручика отдать подъ судъ. Главнѣйшимъ въ семъ дѣлѣ виновникомъ былъ Кон-стапель, но его уже не было на свѣтѣ: онъ вспыхнувшимъ порохомъ такъ былъ обожженъ, что на другой день умеръ. Оба подсудимые осуждены были къ лишенію чиновъ и сосланію въ ссылку, полагая срокъ бытія ихъ тамъ, первому меньше, а второму больше. Адмиралтейская Коллегія, получа сей приговоръ, сдѣлала Императрицѣ донесеніе, въ которомъ пишетъ, что опредѣленное военнымъ судомъ наказаніе основано на законахъ, но что она, по данному ей праву, смягчая строгость ихъ, полагаетъ числу лѣтъ пребыванія виновныхъ въ ссылкѣ нѣкоторое уменьшеніе. Е к а т е р и н а, получа сіе донесеніе, продержала его у себя до Святой недѣли, и въ первый день Пасхи, отслушавъ Божественную службу, собственною рукою своею написала: «для Свѣтлаго Христова Воскресенія прощаются».

(Бумага сія, подписанная Ею, находится и повинъ сохраненію.)

3.

Докторъ Роджерсонъ, Англичанинъ, долго находившійся при Е к а т е р и н ѣ, былъ чрезвычайно къ Ней привязанъ. Однажды почувствовала Она себя нездоровою. Роджерсонъ находилъ нужнымъ дать Ей лекарство, но былъ, какъ то часто случалось, почти совершенно увѣренъ, что Императрица его не

приметь, потому, что Она не любитъ лечиться. Однако жъ онъ, приготова питье, приходитъ къ Ней и уговариваетъ, чтобъ Она приняла. Екатерина, противъ чаянія его, взяла и выпила лекарство. Роджерсонъ такъ былъ этимъ обрадованъ, что въ чрезвычайномъ восторгѣ вскричалъ: браво, браво, Madame! и потрепалъ Ее по плечу. Екатерина усмѣхнулась. Марья Савишна Перекусихина стояла за Нею, и послѣ, когда оба они вышли изъ Ея комнаты, Марья Савишна сказала ему, смѣючись: «Какъ ты осмѣлился Государыню трепать по плечу?» — Неужли я это сдѣлалъ? сказалъ Роджерсонъ. — Точно сдѣлалъ, повторила Г-жа Перекусихина. — Ну! такъ я отъ радости самъ себя не помнилъ, отвѣчалъ Роджерсонъ.

Когда Екатерина скончалась, онъ, идучи отъ тѣла Ея, встрѣтился со мною, и съ такимъ горестнымъ чувствомъ, пожавъ у меня руку, сказалъ мнѣ: *Tout est fini!* (все кончилось!) что, казалось, все для него по гibly. По смерти Ея онъ возвратился въ Англію, и тамъ, умирая, сказываютъ, безпрестанно въ бреду твердилъ о Ней.

(Слышалъ о первомъ отъ М. С. Перекусихиной, а о последнемъ отъ Русскихъ, прѣзжавшихъ въ то время изъ Англіи.)

4.

Екатерина, по личной къ Ней привязанности или непривязанности человѣка, не судила объ его достоинствахъ, но смотрѣла на его способность быть на вѣренномъ ему мѣстѣ, и поступала съ нимъ соответственно своему о немъ мнѣнію. Нѣкогда прѣзжаетъ въ Петербургъ одинъ изъ Намѣстниковъ, управлявшихъ Губерніями. Императрица принимаетъ его милостиво, приглашаетъ въ домашнія свои бесѣды, и когда надлежало ему отъѣзжать, даетъ ему свое прощальное съ нимъ свиданіе, по окончаніи котораго от-

пускаетъ его со всякой ласкою и учтивостію. Въ это время, Статсъ-Секретарь Ея, Василій Степановичъ Поповъ, несъ къ Ней доклады. Онъ дожидаяся и, по выходѣ Намѣстника, тотчасъ вошелъ къ Ней. Она, между прочими разговорами, спросила его : « Знаешь ли ты, кто теперь у меня былъ ? » — Знаю, Государыня. — « Да коротко ли ты его знаешь ? » — Нѣтъ, коротко не знаю. — « Ну, такъ я скажу тебѣ о немъ : этотъ человѣкъ, неизвѣстно почему, очень меня не любитъ. » — Это удивительно ! отвѣчалъ Поповъ ; равно какъ и то, что Ваше Величество, при такомъ Вашемъ мнѣніи о немъ, такъ милостиво приняли его и отпустили. — « Это иное дѣло », сказала Екаѣрина : « Я могла ему чѣмъ-нибудь досадить, но зная, что онъ человѣкъ дѣловой и нужный для Государства, не должна, за неудовольствіе его на меня, отнимать у него способы служить отечеству. Можетъ-быть, онъ когда-нибудь перемѣнитъ обо мнѣ свои мысли, увидя, что Я, не взирая на его неблаговоленіе ко мнѣ, добрыхъ своихъ о немъ мыслей, покуда онъ будетъ вести себя хорошо, не перемѣняю. »

(Слышалъ отъ самого В. С. Попова.)

5.

Екаѣрина, вельможъ своихъ, когда они впадали въ какое-либо непозволительное пристрастіе, умѣла, безъ строгихъ наказаній и опалы, исправлять однимъ стыдомъ и болзнію очернить себя въ Ея мнѣніи. Одинъ изъ Намѣстниковъ, Бояринъ знаменитой породы, но нажившій себѣ имя корыстолюбиваго человѣка, пріѣхалъ въ столицу со страхомъ быть худо принятымъ, если разнесшійся о немъ слухъ дошелъ до свѣдѣній Екаѣрины. Императрица напротивъ приняла его съ обыкновенною ласкою ; это его подняло и ободрило : онъ увѣрился въ Ея къ нему благоволе-

ніи. Въ наставшій скоро день именинъ своихъ приготовилъ онъ богатое обѣденное угощеніе, на которое съѣхались всѣ родственники его и многіе другіе знатные господа. Съѣли за столъ. Въ половинѣ обѣда приходятъ ему сказать, что отъ Ея Величества присланъ къ нему придворный чиновникъ съ поздравленіемъ и подарками. Онъ внѣ себя отъ восторга. Посланный входитъ, поздравляетъ его отъ имени Императрицы и подаетъ ему нѣчто, завернутое въ бумагъ. Онъ распечатываетъ, и что жъ вынимаетъ изъ ней? простой шелковый предлинный кошелекъ! Всѣ потупляютъ глаза. Радость его превращается въ стыдъ, и сей урокъ, былъ для него тяжеле всякаго другаго наказанія.

(Слышалъ отъ вѣрныхъ людей.)

6.

Екатерина къ старикамъ и заслуженнымъ людямъ имѣла великое уваженіе. Однажды на балъ Ей случилось сидѣть насупротивъ сидящаго по другую сторону Графа Остермана, близъ котораго стоялъ Камеръ-Пажъ. Ей понадобилось кликнуть Камеръ-Пажа, и Она махнула ему рукою, чтобъ онъ къ ней пришелъ. Графъ Остерманъ, сочтя, что Она этотъ знакъ сдѣлала ему, всталъ и пошелъ къ Ней. Императрица, увидя сіе, тожъ встала, отвела Графа къ окошку и, поговоря съ нимъ нѣсколько, возвратилась на свое мѣсто. Сидѣвшая подлѣ Ней, Графиня Головина, сказала Ей: Государыня, какъ Вы милостивы! Екатерина отвѣчала: «Старику было бы непріятно услышать отъ меня, что Я не его звала; а теперь, когда Я съ нимъ поговорила, онъ, не узнавъ о своей ошибкѣ, остался мною доволенъ.»

(Слышалъ отъ самой Графини Головиной.)

7.

ЕКАТЕРИНА, какъ выотою сана и могуществомъ, такъ и неусыпными попеченіями своими о благѣ народномъ, справедливо гордая, и потому въ привязанности и любви къ Ней, всѣхъ Ея вѣрноподданныхъ, совершенно увѣренная, не обращала ни малѣйшаго вниманія на тѣхъ изъ нихъ, впрочемъ не многихъ, которые, по строптивости нрава, или по инымъ какимъ причинамъ, дерзали Ее злословить. Она знала, что они больше самимъ себѣ, нежели Ей вредятъ, и почитала ниже себя, гнѣваться на нихъ и мстить имъ за то. Однажды отъ градоначальства изъ Москвы присылаютъ оскорбительные для Императрицы стихи, написанные отысканнымъ и уличеннымъ сочинителемъ. Въ старыя времена заплатилъ бы онъ жизнь за сіе преступленіе. Но посмотримъ, что сдѣлаетъ ЕКАТЕРИНА? — Графъ Самойловъ докладываетъ Ей о томъ. Она приказываетъ показать Ей стихи. Самойловъ колеблется и говоритъ Ей: Государыня, они наполнены непристойными выраженіями. — «Подай» продолжаетъ Екатерина: «чего нельзя читать женщинѣ, то должна читать Царица.» — Беретъ у него, читаетъ, глаза Ея сверкаютъ негодованіемъ и гнѣвомъ. Она большими шагами ходитъ по комнатѣ; но вдругъ успокоивается, подходитъ къ камину, бросаетъ недочитанную бумагу въ огонь, и оборотясь, говоритъ Самойлову: «Не сказывай мнѣ объ имени сочинителя: Я не хочу знать объ немъ.»

(Слышалъ отъ самого Графа Самойлова.)

8.

Нѣкто, родственникъ находящагося при ЕКАТЕРИНѣ вельможи, написалъ также нѣчто противъ Ней злословное и бранное. Бумага эта, написанная его рукою, была перехвачена и представлена Графу Самой-

лову, который доложилъ о ней Императрицѣ. Она взяла у него, прочитала, и больше съ улыбкою, нежели съ гнѣвомъ, сказала Самойлову: «Дядя у него челоуѣкъ скупой, вѣрно ничего ему не даетъ, такъ онъ, съ досады на него, меня бранить. Призовите его къ себѣ и спросите, онъ ли это писалъ, и чѣмъ Я передъ нимъ провинилась? Но сдѣлайте это просто, какъ бы въ обыкновенномъ разговорѣ, безъ всякаго вида грозныхъ вопросовъ.» Самойловъ посылаетъ за нимъ. Онъ приходитъ, имѣя взоръ пылающій и съ видомъ отчаяннымъ, но смѣлымъ, говоритъ ему: «Знаю, зачѣмъ я призванъ; не запираюсь: моя бумага, я писалъ!» Самойловъ, учтиво и ласково, старается его успокоить, сажаетъ подлѣ себя, увѣряетъ, что Государыня, безъ всякаго гнѣва, желаетъ только знать причину, подавшую ему поводъ къ такому на Нее негодованію. Преступникъ, увидя томъ кроткіе съ нимъ поступки, переходитъ изъ отчаянія въ удивленіе, не знаетъ, что подумать. Въ семъ колебаніи мыслей своихъ, проситъ Самойлова, позволить ему написать къ Императрицѣ письмо. Самойловъ даетъ ему всякую въ томъ свободу. Онъ пишетъ. Въ письмѣ своемъ изъясняетъ онъ удивленіе къ Ея милосердію, признаетъ себя недостойнымъ его, винится въ своихъ, самъ не зная отъ чего, возникшихъ въ немъ противъ Нея худыхъ мысляхъ и огорченіяхъ, обѣщается истребить ихъ въ себѣ; но при всемъ томъ, какъ бы сомнѣваясь въ пощадѣ, говоритъ отчаянно и смѣло, что онъ не страшится ни какихъ мукъ, а готовъ перенести ихъ съ твердостію. Екатерина приказала отослать его для жительства въ такой городъ, какой самъ онъ изберетъ, съ повелѣніемъ градоначальнику, имѣть его подъ своимъ присмотромъ, и въ заключеніе сказала: «Можетъ быть, дядя не дастъ ему ничего; такъ велите на дорогу выдать ему тысячу рублей.»

(Слышалъ отъ того жъ Самойлова.)

БРАМБЕУСЪ

и

ЮНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

— Боже мой, какъ странно наша публика! Она охотнѣе читаетъ «какого-нибудь Брамбеуса,» чѣмъ, напримѣръ, изящныя творенія людей, которые, подобно мнѣ, проѣхали всю Россію!

— Да кто это Брамбеусъ?

— Да что это онъ пишетъ?

— Да какъ это онъ пишетъ?

— Да какъ смѣетъ онъ писать?

— Онъ невѣжда!

— Онъ безграмотный!

— У него нѣтъ ни ума, ни слога: а наша публика этого и не примѣчаетъ!....

— Онъ портитъ языкъ!

— Онъ искажаетъ вкусъ!

— Онъ возстаетъ противъ новой Французской школы!

— Это только уловка: онъ бранитъ новую школу для того, чтобъ сбить съ толку публику; чтобъ никто не примѣтилъ, что самъ онъ подражаетъ этой школѣ.

— Какой лицемеръ!

— А какой завистливый! Вѣдь онъ находитъ средство, изъ изданія, гдѣ по вѣжливости помѣщаютъ его

пошлыя статейки, устранить сочиненія великихъ писателей, о существованіи которыхъ онъ даже не слыхивалъ!

— Ну, признаться, проныра! Даромъ, что его никто не видитъ и не встрѣчаетъ на пути.....

— Знаете ли, господа! Я слышалъ, что подъ этимъ именемъ скрывается извѣстный Орловъ.

— Да это очевидно!

— А иные говорятъ, что это какой-то.....

— Надо его уничтожить!

— Надо вырвать у него перо изъ рукъ!

— Истребить Брамбеуса однимъ ударомъ!

— Постойте: начто употреблять насильственные средства! Публика, пожалуй, скажетъ, что мы дѣйствуемъ изъ зависти..... Погодимте немножечко: онъ скоро испишется!

— Правда! Онъ испишется! О, онъ скоро испишется!

— И какая будетъ тогда радость всему образованному свѣту, когда этотъ Брамбеусъ испишется!

— И тогда-то мы увидимъ, что будетъ онъ писать, когда испишется!.....

Какъ, что! воскликнулъ я: когда испишусь, я буду переписывать вашу прозу.....

Тутъ поднялся ужасный шумъ.... Я проснулся.

Потому, что все это грѣзилось мнѣ во снѣ, послѣ веселаго объѣда съ добрыми пріятелями.

Я сидѣлъ вмѣстѣ съ ними передъ каминомъ: теплота пылающаго угля, соединяясь съ отраднымъ дѣйствіемъ благовоннаго эрмитажа, выпитаго за столомъ за здоровье моихъ друзей, невольно зажала мои въ-

ки, — и мнѣ показалось, будто они, въ моемъ же присутствіи, составляли противъ меня заговоръ, для спасенія Словесности отъ моего нашествія, и отзывались обо мнѣ такимъ образомъ. Когда я раскрылъ глаза, — ахъ, когда я раскрылъ глаза, мои друзья разсуждали о моихъ добродѣтеляхъ, и смотрѣли на меня съ умиленіемъ!..... Какъ иногда можно быть неблагодарнымъ во снѣ, — въ лучшую минуту жизни, — въ минуту самого сладостнаго пищеваренія, совершающагося въ кругу самыхъ добрыхъ и благомыслящихъ людей! Слѣдственно, это былъ сонъ?.... Слѣдственно, можно согрѣшить и во время сна?.... Я согрѣшилъ неблагодарностью, — согрѣшилъ тяжело, — виновать! Приношу сердечное покаяніе; и, чтобъ наказать себя достойнымъ образомъ, клянусь, никогда не буду спать въ кругу пріятелей, которые такъ любятъ меня и такъ любятъ Словесность.

Я знаю, что они ничего этого не говорили, что они не способны говорить подобныхъ вещей ни о комъ въ свѣтъ, — тѣмъ менѣе о бѣдномъ Брамбеусѣ, который не желаетъ вредить имъ и не можетъ; но, на всякой случай, готовъ очистить себя передъ цѣлымъ свѣтомъ и отъ тѣхъ даже упрековъ, какіе сдѣлали мнѣ во снѣ туманные ихъ призраки, потому, что почитаю не только ихъ, но и ихъ тѣни, образы, призраки, — все, что напоминаетъ мнѣ ихъ присутствіе на свѣтъ. Они такъ меня любятъ!!.....

Только, изъ уваженія къ ихъ туманнымъ призракамъ, позвольте мнѣ не оправдываться ни передъ ними, ни передъ вами, въ томъ, что въ числѣ этихъ упрековъ благородному человѣку трудно было бы понять даже съ помощію Снотолкователя. Одно обстоятельство, заслуживающее, безъ обиды для нихъ и для меня, быть разобрано дружески между нами, это мнимая уловка въ разсужденіи новой литературной школы. Мнѣ

снилось, будто меня обвиняли, яко бы я, Баронъ Брамбеусъ, нарочно браню Французскій романтизмъ, а самъ пишу въ томъ же родъ?..... Это было бы очень недурно : объяснимся, ради Бога !

Что называете вы новою Французскою школою? Что такое Литература, Словесность, романтизмъ? Гдѣ и когда существуетъ Словесность? Какая польза отъ нея для общества, и какое можетъ она имѣть собственное, логическое назначеніе въ порядкѣ людскихъ вещей? Опредѣлимъ напередъ точное значеніе словъ, чтобъ лучше понимать другъ друга.

Нѣтъ, кажется, надобности упоминать о различіи между Литературою и Словесностью : его всѣ почти знаютъ, или должны бы знать. Литературою называемъ мы всю массу книгъ, напечатанныхъ на какомъ-нибудь языкѣ, и она раздѣляется на столько же частей, сколько есть отраслей человѣческихъ познаній. По-этому, каждая Наука имѣетъ свою Литературу, известное количество сочиненій, посвященныхъ ея изложенію, и исключительно ей принадлежащихъ. Есть Литература Исторіи, Литература Физики, Математики, Философіи, Богословія, и т. д. Словесность, или точнѣе, Изыщная Словесность, наряду съ прочими отраслями знаній, составляетъ одну только часть общей Литературы языка, и книги, — тѣ, въ которыхъ она содержится, и тѣ, которыя излагаютъ ея правила и исторію, и тѣ, гдѣ хранятся необходимыя къ ней пособія, — образуютъ «Литературу Словесности». Мы здѣсь говоримъ только о Словесности, — именно, Изыщной Словесности, — а не объ ея Литературѣ, ни о Литературѣ вообще.

Имя Изыщной Словесности, въ тѣсномъ смыслѣ слова, принадлежитъ однимъ плодамъ воображенія, или попросту, сочиненіямъ, служащимъ къ легкому и при-

ятному чтенію: Стихотворенія, то есть, Поэмы въ стихахъ, — и Поэмы въ прозѣ, то есть, Романы, Повѣсти, Разсказы, всякаго рода сатирическія и описательныя творенія, назначенныя къ мимолетному услажденію образованнаго человѣка, — вотъ область Словесности и настоящія ея границы. Воображеніе — геній и царь этой области. Прелесть умной свѣтской бесѣды, и бесѣды дружеской, безъ свидѣтелей, въ уединеніи, — перенесенная на бумагу и доступная во всякое время, — есть первая идея Словесности.

Отсюда истекаютъ два весьма логическіе выводы: произведенія Словесности не могутъ подлежать никакимъ опредѣленнымъ правиламъ, потому что воображеніе человѣческое и его творческая сила безпредѣльны; произведенія Словесности, какъ продолженіе прелести свѣтской бесѣды, какъ вещественный, неисчезающій вмѣстѣ со звукомъ словъ, ея образъ, должны быть писаны на языкъ современнаго образованнаго общества, и допускать всю разнообразность слога и оборотовъ разговора, всю, такъ сказать, изустность бесѣды.

Таково было всегдашнее, постоянное мнѣніе мое объ Изящной Словесности, — и если бѣ новая Французская школа признавала только эти два простыя, ясныя, логическія начала, я былъ бы ея послѣдователемъ и проповѣдникомъ. Но она вмѣстѣ съ ними приняла себѣ въ руководство еще другія правила, которыя всякой здравомыслящій человѣкъ долженъ отвергнуть съ негодованіемъ.

Въ этихъ двухъ началахъ заключаются, и должны заключаться, весь романтизмъ и все различіе его съ классицизмомъ, который предписывалъ произвольные и стѣснительные законы воображенію, ограничивалъ разнообразность слога, и налагалъ на мысли писателя оковы языка условнаго, искусственнаго, тяжелаго.

Болѣе и не нужно было для освобожденія воображенія и Словесности, или, въ другихъ словахъ, для открытія съ одной стороны новыхъ способовъ изящной производительности, съ другой новыхъ источниковъ умственнаго наслажденія читающей публикѣ. Эти два начала были уже развиты и утверждены въ общемъ мнѣніи въ Англіи, Германіи и другихъ странахъ, гораздо прежде появленія въ Парижѣ первыхъ признаковъ такъ называемой новой школы, и самая Франція заимствовала ихъ оттуда.

Но, познакоившись съ ними, новая Парижская школа не ограничилась простымъ измѣненіемъ теоріи: она пожелала произвести въ Словесности нѣчто въ родѣ революціи 1789 года, съ настоящею свирѣпостью и безумствомъ покойнаго Конвента. Она рѣшилась разрушить несомнѣнные и единственные основанія Изящнаго потому только, что ихъ признавалъ классицизмъ, и, въ общемъ ниспроверженіи прежняго эстетическаго порядка, уничтожить нравственность, какъ революція уничтожала Христіанскую Вѣру. Подобно сумасбродамъ того плачевнаго времени, дерзнувшимъ учить людей фантастической религіи, она даже возмечтала, на развалинахъ вѣковыхъ истинъ общественнаго человѣка установить небывалую, невозможную систему причудливой нравственности. И въ чемъ состоитъ эта система? — въ истребленіи всего различія между добродѣтелию и преступленіемъ, между порокомъ и честію, между прекраснымъ и отвратительнымъ! Такъ изъ этого начала должно было возникнуть новое, невѣдомое свѣту Изящное? И это смѣютъ называть обновленіемъ Словесности и литературною школою? Новая школа, или, какъ она сама себя величаетъ, «юная Словесность», по сіе время не заботилась объ освобожденіи воображенія и дара слова, — нѣтъ! она только стремилась и стремит-

ся поступать во всемъ наперекоръ классицизму, — и уму, если классицизмъ дѣйствовалъ въ чемъ-нибудь умно, — и здравому смыслу, если онъ гдѣ признавалъ его права, — и удовольствію, счастію общества, если онъ хоть малѣйше способствовалъ имъ своимъ образомъ дѣйствія на сердце. Кромѣ этой яростной реакціи въ отношеніи къ старинному литературному ученію, она въ то же время подняла формальное гоненіе и на нравственные понятія, на которыхъ опирался классицизмъ, какъ опирается все прочее въ человѣческомъ обществѣ. Тутъ не должно обманывать себя напрасно: «юная Словесность», совершенно отторгнувшаяся отъ логическихъ началъ чистаго романтизма, не есть литературная школа: это прямо вторая Французская революція въ священной оградѣ нравственности, затѣянная со всею легкомысленностію, и производимая со всѣмъ неистовствомъ и остервененіемъ, свойственными народу, который произвелъ и обожалъ Марата, Робеспьера, Сентъ-Жюста; и черпильныя тюрмы, казни, эшафоты, — и это безвѣріе, скептицизмъ, ужасъ и безстыдство въ Драмѣ, Романѣ и Повѣсти, — и эти кровь и буйства на страницахъ легкаго и пріятнаго чтенія, происходятъ отъ того же умственного недуга, который за сорокъ лѣтъ передъ симъ усыялъ Францію политическими развалинами и трупами. Какъ тогда, такъ и теперь, тѣ же судорожныя усилія подражательства, тѣ же наглыя притязанія на преобразованіе человѣчества, тѣ же страшныя оргіи дикихъ страстей и тщеславныхъ надеждъ, тотъ же духъ порабощенія умовъ.

Разсмотрите начала этой прекрасной школы, взгляните только, куда ведетъ она публику, которой взялась доставлять отрадное развлеченіе: добродѣтель — по ея ученію, предразсудокъ или слѣдствіе темперамента; преступленіе, — быть-можетъ, оно до-

бродвѣтель; порокъ — одно лишнее наслажденіе въ жизни; самоотверженіе — расчетъ эгоизма; эгоизмъ — вещь самая естественная; благородство души — лицемѣрство или заблужденіе; лицемѣрство — необходимость; необходимость, фатализмъ — начало всѣхъ дѣйствій; честь женщинъ — оптический обманъ; супружество—учрежденіе, противное Природѣ; прелюбодѣянiе — возстановленіе правъ Природы; соблазнъ — первая пружина занимательности; сладострастіе — поэзія страсти; заслуга всегда безъ награды; злодѣянiе, подлость всегда награждены лучше заслуги и честности; Прекрасное, — о! Прекраснаго нѣтъ и не бывало въ мірѣ: ужасъ, смрадъ, грязь, кровь, болѣзнь, гной, — чуть ли не это и есть Прекрасное, если только оно есть на свѣтѣ!.... Прибавьте ко всему этому общее положеніе «юной Словесности», что законъ не стоитъ ни какого вниманія со стороны высшаго ума и множество другихъ подобныхъ сумасшествій, которыя даже исчислять нельзя безъ негодованія, и скажите сами, можетъ ли человѣкъ, не говоря честный и благомыслящій, но только мыслящій и одаренный здравымъ разсудкомъ, быть обожателемъ или проповѣдникомъ подобной школы.

И не утверждайте, прошу, чтобъ въ этой школѣ ужасная, безчеловѣчная Философія, которой выставилъ я только немногія черты, была случай, прибавка, независимая отъ началъ и формъ Художества, индивидуальность писателей, которую легко можно отдѣлать отъ ихъ образа созданія и изложенія. Отнюдь нѣтъ! На ней-то именно основаны литературныя формы этой школы; она-то и доставляетъ ей всѣ пружины дѣйствія и всѣ средства впечатлѣнія: созданіе, слогъ, фигуры, въ точности подобраны къ основнымъ ея понятіямъ, и суть только словесное выраженіе ея духа. Если бъ я былъ въ состояніи поже-

дать какой-нибудь горсткѣ человечества подобное несчастье, можетъ-быть, желалъ бы видѣть эту Философію распространенною на небольшомъ участкѣ населенной страны и принятою въ руководство всѣми его жителями, — но единственно для того, чтобъ увидѣть здѣсь на земли образъ общества, обитающаго въ аду.

Прибавьте еще, — потому что у Французовъ и самое остервененіе не можетъ быть безъ смѣшнаго, — прибавьте еще къ этому лихорадочному бреду о началахъ нравственного быта, пять или шесть самыхъ отличныхъ дурачествъ, которыя во всякое другое время заставили бы помирать со смѣху родъ человѣческій, а теперь, по несчастію, должны исторгнуть у него грустный вздохъ объ усиливающемся разстройствѣ общественнаго разума, — прибавьте, говорю, напимѣръ, «освобожденіе женскаго пола», которое обѣщаетъ создать вамъ цѣлый міръ Аспазій и Нинонъ Ланкло, — возрожденіе мужскаго пола посредствомъ женщинъ,» операція, которой ни вы, ни я, не понимаемъ, но которую новая школа въ это мгновеніе покровительствуетъ всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ, — идеальное совершенство общества «и раздѣлъ собственности по способностямъ,» новый философическій филінъ, воскресшій изъ праха Сенъ-Симонизма, — и если, вамъ угодно, самую даже *souveraineté du peuple*, идею, достойную тонкой логики кошки или летучей мыши, — всѣ эти арлекинскія флаги подъ которыми плывутъ теперь умы прямо къ постыдному кораблекрушенію, всѣ эти разноцвѣтные соки болѣзненнаго состоянія мозговъ, закрашивающіе въ извѣстной степени жилы и жилки понятій, ползающихъ по страницамъ Романовъ и Повѣстей, Поэмъ и Сказокъ, — соберите ихъ вмѣстѣ, и переищайте съ нравственными парадоксами и пугалами Изящнаго, составьте безпорядочную грудую изъ всего противообщественнаго и смѣш-

наго, — тогда только будете имѣть полную картину ученія новой Французской школы.

Не упрекайте же бѣднаго Брамбеуса, если онъ, при случаѣ, позволяетъ себѣ обнаружить негодование на подобную школу, которой никто въ свѣтъ не можетъ быть пріятелемъ, — разумѣется, исключая тѣхъ, кто ея вполнѣ не знаетъ, или ограниченныхъ людей, неспособныхъ проникнуть и объять ея существо во всей его обширности, всей злокачественности и разрушительной силѣ.

Сдѣлайте милость, примѣйте, что Брамбеусъ никогда не писалъ въ такомъ родѣ, и будьте увѣрены, что онъ никогда въ немъ писать не станетъ, — развѣ сойдетъ съ ума или лишится всей логики, которая по сю пору позволяла ему судить о вещахъ и людяхъ по собственному опыту, а не послѣдней прочитанной имъ книгѣ. Если ужъ примете трудъ примѣчать, то примѣйте также, что Брамбеусъ пишетъ наибольшую частію въ сатирическомъ родѣ, гдѣ самый тонъ веселости и шутки свидѣтельствуетъ о невинности какъ сочиненія, такъ и намѣренія, и провозглашаетъ ихъ безвредность. А почему оный Брамбеусъ пишетъ въ семъ куріозномъ родѣ, о томъ значить въ дѣлѣ о сношеніяхъ иностраннаго Англичанина, по имени Попа, съ иностраннымъ Англичаниномъ, по прозванію Свифтомъ, къ которому упомянутый Попъ писалъ нижеслѣдующее: «Хочешь ли быть полезнымъ нравамъ? — пиши въ сатирическомъ родѣ!»

Брамбеусъ романтикъ только въ томъ отношеніи, что не видитъ ни какой пользы отъ Риторики и ея правилъ ни для ума, ни для Словесности, и что онъ убѣжденъ, какъ въ своемъ существованіи, въ той несомнѣнной истинѣ, что Русская Словесность тогда

лишь укрѣпится и проникнетъ въ высшіе классы общества, когда станетъ говорить Русскимъ языкомъ своего вѣка, свободнымъ отъ приказныхъ словъ и оборотовъ, тѣмъ именно, которымъ изъясняются порядочные люди.

Рѣчь о Брамбеусѣ кончена, и мы можемъ опять припяться за новую Французскую школу, которая, по своему вліянію на молодыхъ писателей и читателей, заслуживаетъ быть разсмотрѣнною со всѣхъ точекъ зрѣнія.

Самое трудное дѣло разложить данную массу человѣческихъ дѣяній и мыслей, и показать ея составныя части, какъ показываются части разлагаемаго куска соли или камня: доказательство — Исторія, о которой по сю пору никто не знаетъ что она значить и въ которой всякой находитъ такіе виды, какіе задумалъ отыскать для своего удовольствія. Взятый отдѣльно, каждый періодъ Словесности какого-нибудь народа — тоже масса дѣяній и мыслей, обломокъ Исторіи. Въ немъ, какъ въ каждой глыбѣ, должны находиться, въ извѣстномъ количествѣ и содержаніи, и начальныя, основныя части массы, и тма разнородныхъ частицъ, неимѣющихъ съ ними ни какого сходства, и наполняющихъ только ея скважины и промежутки. Первая обязанность испытателя удалить эту примѣсь, и вывести на чистую воду основныя стихіи предмета.

Разсматривая нынѣшнюю Французскую школу, какъ простое событіе, какъ извѣстную форму проявленія ума человѣческаго въ извѣстномъ кругу дѣяній, невольно спрашиваешь самого себя, — іероглифъ ли это, съ умысломъ начертанный на Европейской образованности XIX вѣка, и заключающій въ себѣ тайное, глубокое значеніе, или одно изъ тѣхъ странныхъ пятенъ, одинъ изъ тѣхъ уродливыхъ слитковъ

расплавленного и брошеннаго въ воду свинцу, въ которыхъ слабость, потѣха или самолюбіе открываютъ замысловатые образы предметовъ и намѣкъ будущей судьбы. Вникнувъ въ исторію этой школы и въ свойства почвы, которая приняла въ себя и вырастила ея зерно, созрѣвшее подъ чужимъ небомъ, вы скорѣе увидите въ ней и то и другое; — случайное пятно на умъ и нравственности столѣтія, но пятно съ такими причудливými очерками, что умъ, изъ тщеславія, тотчасъ сталъ увѣрять свое суевѣрное время, будто это іероглифъ, скрывающій въ себѣ тайный заветъ будущности, объявилъ себя жрецомъ его, и принялся, толковать его, разумѣется, въ свою пользу. Не станемъ увлекаться хитросплетеніями ума: онъ рожденъ для того, чтобъ надувать челоуѣка, — это его забава; — рѣзвой и злой ребенокъ, быть-можетъ настоящій лѣпшій нашей планеты, онъ избралъ себѣ любимымъ занятіемъ вести нашъ родъ изъ обмана въ обманъ, и сквозь ложе изъ розовыхъ листьевъ безпрестанно роить его въ яму, чтобъ потомъ хохотать надъ его приключеніемъ, сѣдинами и дѣтскою довѣрчивостью. Простой здравый смыслъ, вспомошествоваемый наблюденіемъ, вѣрнѣе доведетъ насъ до сущности дѣла. Разложимъ массу. Устранимъ всѣ постороннія обстоятельства, составляющія разнородную примѣсь: въ этой школѣ должны быть основныя составныя части всякой школы, — первая мысль, или начало, свой секретъ, любимая форма, тонъ, или точка воззрѣнія на Природу, и манера. Онъ есть: каждый изъ насъ ихъ видитъ, но не каждый имѣетъ время и терпѣніе взвѣснить ихъ по-одиначкѣ, опредѣлить взаимное ихъ содержаніе и отыскать слои, изъ которыхъ онъ добыты.

I. Начало школы. Начало всего отъ Жанъ-Жака Руссо. Васъ это удивляетъ? Ну, такъ начало отъ Дидерота! Избирайте изъ нихъ, кого угодно, но дѣло въ

томъ, что новая школа есть истечение, развитіе замѣчательнаго обстоятельства, въ которомъ оба они участвовали, и которое приложило печать свою въ концѣ Словесности прошлаго столѣтія, дописывавшей послѣднія свои строки въ день начатія первой Французской революціи. У насъ немногіе уже его знаютъ, потому, что Руссо старый авторъ, котораго никто почти не читаетъ; но во Франціи оно вырѣзано большими литерами на памяти и воображеніи молодаго поколѣнія писателей. Въ 1750 году Дижонская Академія обнародовала вопросъ къ разрѣшенію: «Возстановленіе Наукъ и Художествъ было ли полезно чистотѣ нравовъ, или нѣтъ?» Руссо написалъ разсужденіе въ утвердительномъ смыслѣ. Онъ тогда занимался сочиненіемъ статьи о музыкѣ для Энциклопедіи, и Дидеротъ, пришедъ къ нему за нею, увидѣвъ на столѣ тетрадь съ заглавіемъ, содержащимъ Дижонскую задачу. «Что это такое?» Онъ взялъ ее, и сталъ читать. «Да!» скалалъ онъ: «это краснорѣчиво, — даже основательно; но это глупо. Вы тѣмъ выиграете только премію въ Дижонѣ, и болѣе ничего. Пишите лучше для Парижа, для Европы.» Руссо хотѣлъ оправдываться, и опровергалъ своего наставника. «Вздоръ!» воскликнулъ академикъ, презиравшій и Руссо, и весь родъ человѣческій: «Пишите истину, — васъ сейчасъ забудутъ, — врядъ ли еще станутъ читать. Пишите парадоксы, разрушайте старинныя убѣжденія, осмѣивайте вчерашнее, льстите настоящему, будьте высоки и сумасбродны (*soyez sublime et absurde*), старайтесь только привести людей въ недоумѣніе, чтобъ они не знали, должны ли смѣяться надъ вами, или упасть къ вашимъ ногамъ съ благоговѣніемъ, и вы получите отъ нихъ славу и богатство.» Руссо послушался благого совѣта.

Теперь, господа, размышляйте! — говаривалъ вели-

кій Кантъ великимъ своимъ слушателямъ, когда самъ хотѣлъ молчать. Подведите, прошу, подъ слова Дидеротова урока образъ литературнаго дѣйствія Гг. Виктора Гюго, Жюльена, Сю, Дюма, Дюканжа, Виньи, Бальзака, Сулье и дюжины другихъ производителей «юной Словесности», — и размышляйте!

Размышляйте !..... Размышляйте еще глубже!

II. Секретъ школы. Опять Руссо! Жанъ-Жакъ разсказалъ однажды о своемъ авторскомъ секретѣ Юму, а Юмъ разсказывалъ Борку, а Боркъ разсказалъ мнѣ въ VIII томѣ своихъ сочиненій: «Вотъ мой авторскій секретъ: чтобъ поражать нынѣшнюю публику, надо производить необычайное, дивное. Волшебство древней Мифологіи давно уже утратило свою силу; великаны, колдуны, вѣдьмы, — имъ вѣрили только въ среднихъ вѣкахъ, и эта вѣра уже израсходована. Тепоръ писателю остается только одинъ родъ дивнаго, который всегда будетъ производить сильное впечатлѣніе, потому, что волнуетъ страсти и разстраиваетъ всѣ понятія, — это дивное въ обыкновенной жизни: дивныя лица, дивные характеры, необычайныя и даже невозможныя положенія, которыя даютъ вамъ средство вдругъ ослѣпить читателя какимъ-нибудь страннымъ политическимъ или нравственнымъ выводомъ свыше его ума.»

Нѣтъ въ свѣтѣ ничего яснѣе откровенности! На этомъ основаніи Руссо дѣйствовалъ всю жизнь. Его предисловіе къ Новой Элоизѣ есть первый очеркъ и разительный очеркъ школы, которая долженствовала чрезъ пятьдесятъ лѣтъ родиться изъ его духа и тѣла. «Дѣвица, которая возьметъ въ руки эту книгу, погублена. — Сожалю о томъ времени, когда сочиненія, подобныя моему, были истребляемы рукой палача. —

Совѣтую всякой женщинѣ, которая купить эту книгу, бросить ее въ огонь, не читавши.»—Совѣтую, сожалѣю, — однако жъ пишу и печатаю! Теперь, противъ всего этого, поставьте рядомъ содержанія твореній Виктора Гюгò, Жанеца, Сю, Дюма, Дюканжа, Виньи, Бальзака, Сулье и прочихъ; поставьте характеры; поставьте еще признанія и возгласы на ничтожность Словесности и недостатокъ нравственныхъ правилъ, — и размышляйте! Размышляйте долго и крѣпко, пока не домыслитесь до самаго секрета, и тогда вы мнѣ скажете.

III. Любимая форма. Вальтеръ-Скоттовы цыганы, жида, палачи, вистълицы, пьяныя сборища, и т. п., сваленные въ одну живописную груду, для вящаго наслажденія образованныхъ читателей. Плоское и неискусное подражательство, утрированное до самаго нельзя. Возьмите въ руки «Квинтина Дурварда», — и размышляйте!

IV. Тонъ, или точка воззрѣнія. Вы уже ее знаете. Вы знаете Нравственную Философію нашихъ пріятелей, Гюго, Жанена, Сю, Бальзака съ товарищи? Это покойная Эдинбургская Философія, бывшая въ большой модѣ въ Англіи лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Размышляйте!

V. Манера. Шекспиръ, Байронъ, Миссъ Эджвортъ, Гёте и Гофманъ, слитые вмѣстѣ, — и, разумѣется, усовершенствованные, въ той степени, какъ Викторъ Гюгò содержится къ Шекспиру и Байрону, какъ Жанень содержится къ Гофману и Гёте, и логика наблюдательнаго Г. Бальзака къ логикѣ и наблюдательности Миссъ Эджвортъ. Первая степень этой манеры — Викторъ Гюгò и Капитанъ Сю; вторая — Бальзакъ; третья — Сентъ-Бёвъ и Г. Фёльдъ, который, силою

своего таланта, овладѣвъ послѣднею точкою возможнаго по части красоты слога. За этою точкою уже нѣтъ слога, — начинается сумасшествіе.

Объ этомъ можете не размышлять, — потому, что оно даже не стоитъ размышленія.

Но, если угодно, прибавьте къ манерѣ особенное Краснорѣчіе, собственно Французское, неизвѣстное ни въ какомъ другомъ языкѣ, и которое состоитъ изъ высокопарныхъ фразъ о мелочахъ, изъ стонувъ или бѣснованія несбыточныхъ чувствованій, изъ скрученныхъ, выжатыхъ, измученныхъ распространеній общихъ мѣсть.

Гдѣ же тутъ новое? Гдѣ удивительное и достойное подражанія? И кому охота подражать подражанію? Прошу однако же помнить, что я здѣсь говорю отнюдь не о талантѣ писателей, а только о школѣ, которой они слѣдуютъ. Таланты могутъ быть великіе, а школа смѣшная, ложная и вредная. А если кто хочетъ, можетъ и самую школу называть великою: для меня это все равно.

Мое объ ней мнѣніе весьма не-лестно, и тѣ, которыхъ оно не убѣдитъ, возразятъ безъ-сомнѣнія, что она однако жъ произвела нѣсколько сочиненій, въ которыхъ господствуетъ чистая, или по крайней мѣрѣ довольно чистая, нравственность. Этимъ счастливымъ случаемъ защищается и сама школа, — если нѣсколько довольно благонаправныхъ сочиненій могутъ служить защитою безнравственности нѣсколькихъ сотъ томовъ, которые всѣ должны были бы быть благонаправны! Эти сочиненія, составляя изысканіе, не измѣняютъ общаго духа школы, и что, прискорбнѣе, — они, такъ сказать исторгнуты у нея силою: крикъ публики и строгая критика нѣкоторыхъ уважаемыхъ Журна-

ловъ принудили авторовъ написать ихъ въ противность собственной системъ.

— Но если бъ насъ не было, недавно восклицалъ Г. Жаненъ, вы бы по сю пору читали сочиненія Жуи и Дюваля съ братьею! — и вся «юная Словесность» зашмекала руками побѣдоносному возраженію. Правда! правда! что бы вы теперь читали, если бъ насъ не было? опровергните эту задачу: что бы вы читали? — Какъ что? Если бъ вы не потеряли лучшаго своего времени и не истощили своихъ дарованій на картины всякихъ мерзостей и проповѣдываніе безнравственности, вы бы произвели много истинно прекраснаго и поучительнаго, и мы бы читали это прекрасное и поучительное.

Постойте, «юные словесники!» здѣсь мѣсто опредѣлить цѣль и назначеніе Словесности, которыхъ вы не понимаете, и важность званія литератора, которымъ вы хвастаете, таская его въ грязи, — которое называете «святительскимъ саномъ», потрясая въ рукѣ вмѣсто свѣщи мира факель зажигателя.

Словесность, въ томъ смыслѣ, какъ мы теперь ее понимаемъ, есть слѣдствіе Христіанскихъ формъ общества. Была ли у Грековъ настоящая Словесность? Народъ, имѣвшій великолѣпные дома, а проживавшій весь день подъ портиками храмовъ, вмѣстѣ съ нищими, или на улицахъ, вмѣстѣ съ собаками; народъ, презиравшій женъ своихъ дома, а раболѣпствовавшій на площади передъ умною распутницею; занятый политическими интригами и философскими сплетнями; бурный, кровожадный, грязный, хвастливый; составленный изъ риторовъ, грамматиковъ, поэтовъ, честолюбцевъ, шутовъ, художниковъ, великихъ изыскателей, великихъ лжецовъ и великихъ мужей, не знавшихъ поэзіи домашняго быта, — не могъ знать Сло-

весности. У Грековъ ея не было. Она заключалась у нихъ въ стихотворствѣ, которое принадлежало къ публичнымъ забавамъ. Ихъ Драма была вещь не болѣе литературная, чѣмъ травля львовъ и сраженія гладиаторовъ у Римлянъ. Греки не знали Романа, ни Повѣсти: немногіе опыты въ этомъ родѣ, исполненные неблагоприспособленности, суть плодъ позднѣйшихъ временъ и уподобляются простымъ сказкамъ. Словесность Римлянъ была тоже стихотворная и приспособленная къ совершенно политическому образу жизни Древнихъ. Восточные по сию пору ждутъ настоящей Словесности: стихотворенія и сказки, — вотъ все, что у нихъ есть по этой части. Тамъ, гдѣ женщины неуравнены въ правахъ на участіе въ общественныхъ забавахъ и на домашнее счастье, — тамъ нынѣшняя наша Словесность была бы даже бесполезна. Возстановленіе достоинства женщины въ гражданскомъ и семейномъ быту, впоследствии имѣвшее со временъ Христіанства и подъ его защитою, ввело новыя умственные потребности, и сообщило Словесности новое направленіе. Надлежало занять чѣмъ-нибудь пріятнымъ и безвреднымъ значительное количество времени свободной женщины, изъ опасенія, чтобъ праздность не заняла его порокомъ. Легкое чтеніе, — Романъ, Повѣсть, — прибѣжало усладить ея одиночество, и нерѣдко охранить ея свободу отъ безславія. Словесность, изъ стихотвореній переселилась въ прозу, и сдѣлалась истинно Словесностью.

Если постепенное развитіе духа Христіанства мало-по-малу возносило женщину къ чертѣ мужчины, то съ другой стороны, уменьшая дикость мужескаго характера, оно непримѣтно понижало гордаго мужчину къ параллели женщины. Уравненіе обоихъ половъ не могло произойти безъ взаимнаго перенесенія значительной части склонностей и вкусовъ съ одной стороны на другую. Создался классъ женскихъ муж-

чина и классъ мужскихъ женщинъ, почти съодинаковыми потребностями, просвѣщеніемъ и образомъ мыслей, почти одинаково располагающіе своимъ временемъ и жаждущіе однихъ и тѣхъ же средствъ развлеченія, въ числѣ которыхъ главное мѣсто занимаетъ легкое и пріятное чтеніе. Эти два класса, нравственные гермафродиты, живущіе средителной массы настоящихъ мужчинъ и настоящихъ женщинъ, чуждыхъ ихъ потребностямъ и прихотямъ, составляютъ «литературную публику», которая живетъ только тогда, когда ей нечего дѣлать, — которая рождается по приколотіи послѣдней ленты къ утреннему наряду, и подписаніи послѣдней дѣловой бумаги, почиваетъ за обѣдомъ, и умираетъ ввечеру въ вихрь шумнаго бала, съ намѣреніемъ возродиться завтра или послѣ завтра, на досугъ. Ея нигдѣ нѣтъ, и она существуетъ повсюду. Она во всякомъ изъ насъ, и мы ея не видимъ. Вотъ она заговорила! — вотъ тамъ, кажется, мелькнула! — она тамъ!... она здѣсь!.... Посчитать ее, — она горстка лицъ безъ собственнаго мнѣнія; и между-тѣмъ она многочисленнѣе, сильнѣе и рѣшительнѣе въ своихъ чувствованіяхъ, нежели какъ мы предполагаемъ.

Неспособная размышлять сама собою, неимѣющая даже времени къ размышленію за мелкими житейскими хлопотами, водобоязливо страшаяся скуки, жадная новостей, ощущеній, игрушекъ, событій, блеска, готовыхъ наслажденій и готовыхъ мыслей, она подобно губкѣ всасываетъ въ себя всѣ понятія изъ легкаго чтенія, попавшагося въ полость ея минутнаго, но безконечнаго, круговращательнаго, существованія. Словесность есть Философія публики. Она составная часть нашего домашняго быта. Въ ней содержится и Философія этого быта, давно уже оставившая холодный трактатъ покойника Цицерона, *De Officiis*, чтобъ жить въ Романѣ и Повѣсти, — въ веселомъ ми-

рѣ занимательныхъ происшествій и семейныхъ сплетней; чтобъ летать по воздуху на золотыхъ крыльяхъ воображенія за стаєю пугливыхъ надеждъ и предчувствій; потомъ бросаться на землю, качаться по цвѣтамъ и купаться въ теплыхъ, сладкихъ, хрустальныхъ слезахъ.

Но ежели Словесность наставница и пища этого класса и нераздѣльная часть этого быта, то, согласитесь сами, у нея должны быть какія нибудь обязанности! Христіанство и происшедшая отъ него Европейская образованность создали то, чего не знали ни Греки, ни Римляне, — идею семейнаго счастія. Оно единственное достояніе смертнаго сердца, его земной рай, его палладій и дарованный ему Вѣрою обломокъ будущаго небеснаго блаженства. Оно неприкосновенно: ни какая людская власть не простираетъ на него своего права, и самый законъ съ почитеніемъ кладетъ свой жезлъ тамъ, гдѣ начинается его царство. Кукла, орудіе, игрище, рабъ обстоятельствъ или актеръ за чертою своего домашняго быта, человѣкъ является полнымъ человѣкомъ только въ этомъ быту; здѣсь онъ стоитъ одинъ передъ лицомъ всей Природы, здѣсь онъ одинъ на своемъ свѣтѣ, внѣ всякихъ вліяній, совершенно независимъ отъ людей и ихъ общества, и можетъ сказать: — Въ мірѣ есть только Богъ и я! Какъ онъ малъ, страненъ и смѣшонъ, выступивъ за эту черту! какъ великъ и почитенъ, когда опять затворился въ этомъ завороженномъ кругу, когда опять сдѣлался самымъ собою, окружилъ себя личнымъ бытомъ и взялъ на руки свое домашнее счастіе, веселое и розовое дитя съ крыльями ангела, которое роскошно обняло его ручкою за шею и озарило своей улыбкою! И какъ мало нужно намъ предметовъ, чтобъ быть великими у себя дома! Посмотрите на мое человѣческое хозяйство, — на мое или на ваше, это все равно: я говорю, на мое, потому, что это короче и интереснѣе; притомъ же я ли-

де фантастическое, — посмотрите на мое обзаведеніе: известное число пріятныхъ чувствъ и дивановъ, столько же зеркалъ и общественныхъ истинъ, часы и пучекъ здравыхъ о вещахъ понятій, составляютъ главное его богатство. Вотъ софа! — вотъ супружеская вѣрность на всякой случай! — честность слугъ, — столъ и нѣсколько креселъ, — и вѣра въ добродѣтель..... Это утварь моего домашняго счастья: съ нею я могу быть такъ великъ, какъ только Природа создала человѣка великимъ.

Не спору, что эта утварь, что мое нравственное хозяйство, — мое или ваше, это все равно, — теперь въ большомъ безпорядкѣ. Дѣлать нечего! Извините. Признаться по совѣсти, я до сихъ поръ былъ большой мотъ на чувства, и очень рѣдко не считался съ общественными истинами. Я нѣсколько поразстроился, по вашему примѣру. Но я могу еще спохватиться, и поправить свое состояніе бережливостію. Англичане ѣздятъ за границу для экономіи: я тоже могу поѣхать за границу, — за границу всей поэзіи, — за границу всей свободы, — всей кипящей кровію и мечтами жизни: я женюсь!

Когда я сказалъ, что человѣкъ становится полнымъ человѣкомъ только въ домашнемъ быту, я выразился не такъ, какъ слѣдовало. Человѣкъ неженатый есть человѣкъ только въ одномъ кускѣ, — а онъ созданъ изъ двухъ! Какъ скоро женюсь, я буду состоять изъ двухъ кусковъ, и тогда лишь буду полный человѣкъ въ этомъ быту. Женщина есть продолженіе и второй кусокъ человѣка: то что не вошло въ мужчину, Природа положила въ женщину, — и должно признаться, что въ мужчину не вошло многое, и чутьли не самое лучшее. Хорошо, что есть средство пополнить себя въ потребномъ случаѣ. Я воспользуюсь имъ когда-нибудь: Надо только искусно подобрать второй кусокъ, чтобъ

онъ какъ разъ приходился ко мнѣ, и чтобъ мы съ нимъ не составили чего нибудь уродливаго.

Но возвратимся къ нравственному хозяйству. Все вещественное въ обществѣ ограждено положительными законами. Когда кто посягаетъ на мою жизнь и хочетъ меня убить, я могу убить его, и законъ извиняетъ подобное убійство. Если кто посягаетъ на мою движимую или недвижимую собственность, если кто засунулъ руку въ мой карманъ, я могу потащить его въ судъ или предать въ руки общественнаго мнѣнія, которое всегда неумолимо для такихъ посягателей. Но кто защититъ мое нравственное хозяйство, если чьему воображенію вздумается его разграбить? Одному воображенію позволено все дѣлать; одно оно состоитъ внѣ положительнаго закона: составивъ шайку изъ Романовъ, Повѣстей, Драмъ и пѣсенокъ, которую нарекло юною Словесностью, новою школою или какъ-нибудь иначе, оно вторгается въ мой домашній бытъ, шумитъ, безчинствуетъ, ломаетъ мою утварь, расхищаетъ всю собственность и принадлежность моего счастья, лишаетъ меня единой сладости въ жизни, — и я долженъ молчать, сложивши руки! — долженъ еще снять ей шляпу, и сказать: А!... это, юная школа! Поразбойничай, душенька, въ моемъ домѣ: ты разбойничаешь такъ мило!

Нѣтъ, этому не бывать! Пока я Брамбеусъ, не бывать этому! Я буду драться съ нею, за свою собственность, до послѣдней капли крови.

Хорошо: я женился! Положимъ, что я женился. Я теперь полный человѣкъ, составленный изъ двухъ половинокъ. Я знаю, что сдѣлалъ глупость: въ наше время, въ вѣкъ нравственныхъ и литературныхъ переворотовъ, жениться весьма опасно!.... Но дѣло сдѣлано, и

надобъ самомъ себѣ поискать средствъ, чтобъ выйти изъ него съ честію. Положимъ, что я толстъ, и моя Баронесса, по счастью, не слишкомъ тонка: мы образуемъ съ нею широкую и плотную массу человѣчества, которая, въ случаѣ нужды, можетъ представить переворотамъ порядочную площадь сопротивленія. У насъ есть полное собраніе чувствъ и страстей всѣхъ сортовъ: которыхъ не было во мнѣ, тѣ нашлись въ моей женѣ. Они слились въ одинъ шаръ, и мое семейное счастье уже въ полномъ дѣйствіи. Но я примѣчаю, что, какъ оно ни толсто, какъ ни раздувается, чтобъ наполнить собою все пространство моего домашняго быта, все-еще остается тутъ много мѣста, много пустопорожняго времени, въ которомъ скука и Словесность хотятъ непременно поселиться. — Какъ быть, любезная Баронесса? говорю я. Намъ будетъ иногда скучно, несмотря на прекрасное наше собраніе чувствъ и страстей. Скуки ни я, ни ты, не желаемъ имѣть въ домѣ, а съ нынѣшнею Словесностью мнѣ бы не хотѣлось возиться, хотя я и вижу, что намъ не избѣжать ея. Она нагла и коварна: мы не спрячемся отъ нея и подъ ломбернымъ столикомъ. Я пробовалъ треснуть ей въ лобъ колодой картъ; что жъ? — послѣ виста, она опять явилась!..... Правда, мы съ тобою довольно хитры и плотны, и она, казалось бы, ничего намъ не сдѣлаетъ. Но для большей безопасности сложимте вмѣстѣ весь нашъ умъ, здравый смыслъ, разсудокъ, правила, честь, благоговіе, выстроимъ изъ нихъ крѣпость съ высокими валами, и запремте въ нее наше счастье. Мы такъ тверды въ нравахъ, что могли бъ обойтись и безъ этого, но, — знаешь, Баронесса! — предосторожность не мѣшаетъ. Теперь время опасное: лучше держать счастье въ крѣпости!.... Его могутъ разграбить.... Не равно и само оно улизнетъ куда-нибудь?... За замкомъ вѣрнѣе! Я буду комендантъ крѣпости, — ты будешь составлять гарнизонъ, — и подъ моимъ предводительствомъ бу-

дешь смѣяться вмѣстѣ со мною надъ неистовствомъ и сумасбродствомъ этой мятежнической Словесности. Намъ будетъ очень весело !

Крѣпость готова, счастье со всѣмъ своимъ хозяйствомъ и гарнизонъ въ крѣпости, ворота заперты, мосты разведены, — я гордо расхаживаю по стѣнамъ твердыни. Милости просимъ, почтеннѣйшая «юная Словесность»! Не угодно ли теперь объясниться? Хочешь ли жить со мною въ мирѣ, или въ войнѣ? Говори безъ обвиняковъ! Тебѣ, я вижу, непріятно, что у меня есть домашнее счастье?.... Ты бы желала его разрушить, чтобъ сдѣлать меня такимъ же несчастнымъ и жалкимъ, какъ ты сама? А! тебѣ хочется моего счастья?..... Бери же его приступомъ.

На приступъ она не пойдетъ: для этого требуется пропасть логики, а у нея недостатокъ въ этомъ снарядѣ. Но она хочетъ осаждать меня; хочетъ утомлять частными нападеніями, подводить мины, дѣйствовать уловками; надѣется надобѣсть и принудить скукою къ капитуляціи. Изволь, изволь! мы этого не боимся! Комендантъ твердъ; гарнизонъ напѣтанъ хорошимъ духомъ..... Ахъ, супостатка! вѣдь она стрѣляетъ раскаленными ядрами по моему бастіону супружества! Она открыла самый слабый пунктъ укрѣпленій!..... Баронесса! любезная Баронесса! надо защищать этотъ пунктъ всѣми силами! Прошу, стой храбро! Мы отразимъ злодѣйку.....

Мы деремся какъ львы; она все стрѣляетъ, — стрѣляетъ денно и ночью, — стрѣляетъ изъ разныхъ орудій. Одно ядро реветъ намъ надъ головою, что наше супружество несогласно съ законами мірозданія, что я не имѣю права быть мужемъ моей жены, что она Баронесса въ противность Природѣ; другое вслѣдъ за

нимъ дребезжить ея стыдъ, и бросаетъ въ ея воображеніе смоляную, горючую мысль, будто невѣрность коня есть заслуга передъ Природою, законное отмщеніе самовластному обществу. Я думаю, будетъ пожаръ въ крѣпости..... Эге! дурныя вѣсти! Проклятая Словесность!.... Эта измѣнническая пальба ни-какъ поколебала твердость моего гарнизона!.... Я слышу вздохи, ропотъ, суматоху.....

— Баронесса! — ради Бога! — это вздоръ! — защищайся! — Не вѣрь этому!..... Это уловка нашего врага!... Военная хитрость!.... Уфъ! мочи нѣтъ!..... Ядра валятся! Команда не слушается!.... Я пропалъ!.....

Бусурманка поднялась на другую штуку: она нечаянно напала сзади на честность. Она кричитъ и доказываетъ, что честность и эгоизмъ одно и то же; она изранила, оцарапала взаимное довѣріе. Уже гарнизонъ подозрѣваетъ коменданта. Уже почти пришло до раздора.....

— Баронесса, не поддадимся!..... Забудь объ этихъ пустякахъ!.... Не должно спорить въ виду непріятеля!.... Мы еще восторжествуемъ: добродѣтель идетъ намъ въ помощь съ огромною ратью хорошихъ правиль.... Увидишь! Она скоро здѣсь будетъ.....

А тутъ «юная Словесность» распространяетъ слухъ, что это не правда; что добродѣтели нѣтъ на свѣтѣ, что я обманываю подчиненныхъ и веду ихъ на погибель. Прошу тсперь управлять крѣпостью! Гарнизонъ уже не вѣритъ мнѣ ни въ одномъ словѣ; онъ гораздо болѣе вѣритъ врагу, чѣмъ мнѣ, хотя мы еще кое-какъ держимся, для чести нашего супружескаго знамени. О коварная Словесность! о мерзкая Словесность!..... Ахъ, распутница! что ты это опять затѣяла?

Ты собираешь всѣ соблазны домовъ безчестія, всѣ ужасы земли и ада, — чертей, вистялицы, пьянство, пытки, сладострастіе, болѣзнь, развратъ, злодѣянія, — чтобъ пугать и соблазнять наши умы, чтобъ разрушить пищевареніе осажденныхъ и сонъ моего гарнизона!.... Мой гарнизонъ срывается ночью съ постели; онъ не можетъ спать; я не сплю тоже: мы ссоримся..... Да это война на жизнь и на смерть!..... Окаянная, что ты дѣлаешь? Вѣдь ты разстроишь, ты разстроила нервы! Гдѣ Докторъ Симонъ?... Гдѣ его брошюра?.... Спазмы! спазмы въ крѣпости отъ Словесности!.....

Ахъ, Боже мой! она повалилась на землю, грызетъ въ бѣшенствѣ камень и провозглашаетъ «освобожденіе женскаго пола»!....

Теперь все потеряно: и въ крѣпости бунтъ!

Вотъ до чего довела ты, адская школа! Посмотри на свои подвиги: моя крѣпость вся прострѣлена, стѣны разбиты, рвы засыпаны развалинами моего счастья; ты ее не взяла, ты не въ силахъ взять ее своимъ сумасброднымъ ополченіемъ, — но и мнѣ нельзя долѣе въ ней оставаться. Ты устала, истощилась; ты, вся запачканная кровію, пыхтишь и качаешься въ своей грязной лужѣ, — а я!..... я!....

— Закладывайте карету! Я долженъ везти мой гарнизонъ къ теплымъ водамъ въ Германію.

Теперь ты предлагаешь мнѣ перемиріе, и общаешься вести себя прилично? Нѣтъ! Между нами не можетъ быть дружбы, ни мира. Ты гадка и безтолкова, — я не такой дуракъ, какъ ты себѣ воображаешь. Я знаю, что ты могла быть иначе, знаю, что ты имѣла всѣ средства къ тому, чтобъ быть блистательною, прият-

ною и вмѣстѣ полезною, и вижу, на что ты ихъ употребила.

Во имя здраваго смысла, нравственности и домашняго покоя, — сгинь ты, пропади, такая Словесность!

Теперь, какъ осада спята, какъ я везу одну усердную читательницу «юной Словесности» въ Карльсбадъ, на счетъ заложеннаго въ Банкъ имѣнія, и, какъ она толкуетъ мнѣ въ каретѣ по Мартену о способъ возрожденія меня, мужчины, стариннаго Барона, посредствомъ ея, женщины, новопроизведенной Баронессы, — скажите мнѣ, пожалуйста, какое можетъ быть назначеніе Словесности на свѣтъ, въ человѣческомъ обществѣ? Неужели вся ея цѣль — возбуждать ощущенія, сильныя, слабыя, тягостныя, раздрающія, веселыя, — словомъ какія бы ни было? Неужели, кромѣ болѣе или менѣе пріятнаго наполненія чужаго времени, она не въ состояніи пріискать себѣ важнѣйшаго и благороднѣйшаго занятія? Въ такомъ случаѣ, она ничѣмъ не отличается отъ пляски на канатѣ и отъ представленій знаменитаго фокусника, который, два года тому назадъ, «для бѣльшаго удовольствія почтеннѣйшей публики» отсѣкалъ мечемъ голову своему сыну, подъ балаганами, на Адмиралтейской Площади. Здѣсь тоже были искусство, талантъ, забава и сильныя ощущенія. Нѣтъ! красивая и честная дочь воображенія, Словесность не можетъ унизиться до такого презрѣннаго ремесла. Ея предназначеніе несравненно выше. Мы, живемъ въ вѣкъ раздражительности и смуты. Всѣ основанія потрясены продолжительною бурей умовъ, которой громы, уже по разсѣяніи тучи, еще отъ времени до времени, раздаются надъ Европейскимъ обществомъ и производятъ пожары. Если Словесность на что ли бо нужна обществу, то первая ея обязанность, въ настоящемъ его

положеніи, скрѣплять всѣми мѣрами общественныя и семейныя узы, успокаивать умы, внушать довѣріе къ собственнымъ силамъ и къ святости нашей природы, не помогать политическому бреду въ преступномъ намѣреніи расторгнуть всѣ звенья цѣпи, уже прерванной во многихъ мѣстахъ, но еще запирающей честь и достояніе мирныхъ гражданъ отъ задуманнаго ею хищничества. Не защищайте ея тѣмъ, что, можетъ-быть добросовѣстно и безъ злобныхъ видовъ, она разочаровываетъ человѣка и уничтожаетъ одну за другою всѣ нравственныя истины, утвердившіяся въ нашемъ обществѣ и необходимыя для его спокойствія, занятій и счастія; что можетъ-быть она отъ чистаго сердца вѣрить тому, что проповѣдуетъ, не примѣчая своего заблужденія. Этого нельзя принять въ оправданіе. Увы! кто того не знаетъ, что въ числѣ нашихъ нравственныхъ истинъ есть много оптическихъ обмановъ! Это не новость, и «юная Словесность» не въ правѣ даже похвастать открытіемъ. Еще древніе ученики Демокрита утверждали, что добродѣтель есть полезный предразсудокъ. Хотя они жестоко ошибались въ своемъ наведеніи, но имѣли полную власть изложить его откровенно: они писали философскіе трактаты, для философовъ, а не для женщинъ и ихъ прислужниковъ. Если вы согласны съ мнѣніемъ покойныхъ поклонниковъ Демокрита, пишите философскія книги: ихъ прочитаетъ только Философъ, и, прочитавши, вздохнетъ или улыбнется; но не суйте вашъ дерзкой и мятежнической Философіи въ Романы, Повѣсти, Сказки, — въ произведенія Словесности, потому что всякая Словесность, если не желаетъ заслужить имя разрушительницы, должна уважать все полезное, — будь оно и полезный предразсудокъ.

БАРОНЪ ВРАМВЕУСЪ.

ВЕЧЕРЪ НА ХОПРЪ.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Дѣдушка моего пріятеля Заруцкаго, Иванъ Алексѣевичъ Асановъ, — дай Богъ ему царство небесное, — былъ старикъ предобрый. Никогда не забуду я нѣсколькихъ дней, проведенныхъ мною подъ конецъ осени, помнится, въ 1806 году, въ его Саратовской деревушкѣ, на Хопрѣ. Какъ теперь гляжу десятка на два крестьянскихъ избъ, разбросанныхъ по высокому берегу рѣки; на его огромныя кирпичныя палаты, построенныя на диво всему Сердобскому уѣзду, въ два этажа, со сводами, и съ такими толстыми стѣнами, что отъ нихъ, какъ мячикъ, отскочило бы сороко-восьми-фунтовое ядро. Я не былъ еще знакомъ съ Иваномъ Алексѣевичемъ, когда пріѣхалъ по дѣламъ въ Сердобскъ. Имѣя рекомендательное письмо къ городничему, я остановился у него въ домѣ, и тутъ-то въ первый разъ услышалъ о богатомъ помѣщикѣ, оставномъ бригадирѣ, Асановѣ. Не проходило дня, чтобъ, въ Сердобскомъ вышнемъ обществѣ, не толковали о его странностяхъ и причудахъ. Городничій уѣздный судья, стряпчій, — словомъ, всѣ власти и первостатейные сановники города Сердобска, относились о немъ съ весьма дурной стороны: одни говорили, что онъ нелюдимъ и гордецъ; другіе называли его полоумнымъ; были даже добрые люди, которые увѣряли, будто бы онъ никогда не ходитъ къ обѣднѣ, и что въ его домѣ нѣтъ ни одного образа. Правда, капитанъ-исправникъ возставалъ противъ этой

клеветы; но такъ какъ онъ одинъ изъ всего Сердобска водилъ хлѣбъ-соль съ Иваномъ Алексѣевичемъ, то никто не давалъ вѣры его словамъ. «Воля твоя, Дмитрій Ивановичъ! говаривалъ ему часто городничій, воля твоя, а это что-нибудь недаромъ. Кто не хочетъ жить съ людьми, у того совѣсть не чиста. Добро бѣ онъ былъ человѣкъ скупой? Такъ нѣтъ! посмотри, какъ сорить деньгами: когда прошлаго года былъ пожаръ въ слободѣ, и открыли подписку на погорѣвшихъ мѣщанъ, такъ онъ одинъ далъ больше, чѣмъ все наше дворянское сословіе. Ну разсудите милостиво, господа, что онъ для экономіи, что ль, живетъ въ этой Хоперской деревнѣ, въ которой, чай, нѣтъ господской запашки и двадцати десятинъ во всѣхъ поляхъ? Человѣкъ онъ богатый; за нимъ въ одной Пензенской губерніи слишкомъ тысяча душъ. Вотъ хоть его за-Сурская волость: есть къ чему руки приложить; десятинъ по пятнадцати на душу, — а угодьевъ то сколько! Поемные луга по Сурѣ, строевой лѣсъ, мельница о восьми поставахъ: подлинно золотое дно! Не захотѣлось жить въ деревнѣ, Пенза подъ бокомъ. Конечно,» — прибавлялъ обыкновенно городничій, поправляя съ важностію свой галстухъ: «у насъ и въ Сердобскѣ общество дворянъ прекрасное; но вѣдь Пенза губернскій городъ, — да еще какой!.... Одна Петровская ярмарка чего стоитъ? Публика отличная, просвѣщенная, благородныя собранія, театръ, воксалы, балы: словомъ, чего хочешь, того просишь. А что всего-то лучше, — Губернаторъ съ Вице-Губернаторомъ живутъ всегда въ ладу, сплетней ни какихъ нѣтъ; барыни межъ собой никогда не ссорятся, и куда ни сунься, вездѣ такъ и рѣжутъ по-Французски. Что и говорить! Пенза городокъ — Москвы уголокъ!»

Хотя сіи блестящія похвалы губернскому городу Пензѣ казались мнѣ всегда нѣсколько преувеличенными, но не смотря на это, я раздѣлялъ сначала безу-

словно мнѣніе городничаго. Въ самомъ дѣлѣ, что за охота богатому человѣку жить затворникомъ въ бѣдной деревушкѣ, верстахъ въ тридцати отъ уѣзднаго города и по крайней мѣрѣ въ двадцати отъ самаго ближайшаго сосѣда, и жить въ какомъ-то заколдованномъ домѣ, — такъ прозвала каменныя палаты Ивана Алексѣевича, сестра городничаго, дѣвица зрѣлыхъ лѣтъ, съ лицомъ уже нѣсколько поблекшимъ, но съ юной душою и сердцемъ отмѣнно романтическимъ. Она одна выписывала изъ Москвы всѣ романы знаменитой Радклифъ, и первая извѣстила Сердобскихъ жителей о существованіи Г-жи Жанлисъ.

— Вы не можете себѣ представить, говорила она мнѣ однажды, какой ужасъ наводитъ на всѣхъ этотъ старый домъ, которому не достаетъ только башенъ и подъемнаго моста, чтобъ походить совершенно на Удольфскій замокъ, или Грасвилльское Аббатство. Если бъ вы знали, сколько рассказываютъ о немъ чудныхъ и страшныхъ исторій! Говорятъ, что лѣтъ сто тому назадъ, прежній помѣщикъ держалъ въ немъ разбойничью пристань; что глубокіе погреба подъ этимъ домомъ завалены человѣческими костями; что по ночамъ происходятъ въ немъ необычайныя явленія, слышенъ громкій стонъ, и хотя капитанъ-исправникъ увѣряетъ, будто-бы это воетъ вѣтеръ по узкимъ корридорамъ и переходамъ, которыхъ понадѣлано въ домѣ великое множество; но онъ говоритъ это потому, что живетъ въ ладу съ Асановымъ. Покойная моя мамушка рассказывала мнѣ преужасную исторію объ этомъ домѣ; странно только, что я почти совсѣмъ ее забыла, а кажется, это не такъ давно: правда, я была тогда еще совершеннымъ ребенкомъ, и, какъ помню, такъ перепугалась, что не могла заснуть всю ночь. Въ этомъ рассказѣ есть разбойники, мертвецы и какой-то ночной потѣздъ. Мамушка божилась мнѣ, что это не сказка, а былъ, и что во всемъ здѣшнемъ уѣздѣ нѣтъ ни

одного старика, который не зналъ бы этой повѣсти со всѣми ея подробностями. Говорять также, будто-бы отъ времени до времени то же самое, что случилось нѣкогда ночью въ этомъ нечистомъ и заколдованномъ домѣ, повторяется и теперь, а особливо съ тѣхъ поръ, какъ нынѣшній помѣщикъ переехалъ въ него жить.

— А развѣ до Ивана Алексѣевича Асанова никто въ немъ не жилъ? спросилъ я сороко-лѣтнюю сестрицу го-родничаго, которая такъ недавно еще была ребенкомъ.

— Да! никто! Лѣтъ двадцать сряду всѣ двери и окна на-глухо въ немъ были заложены.

— Ну, жаль, что Иванъ Алексѣевичъ не знакомъ со мною! думалъ я очень часто, слушая эти рассказы и толки. Стыдно признаться, а грѣхъ утаить, — я всегда былъ смертельный охотникъ до страшныхъ исторій, и не только вѣрю, но даже и не сомнѣваюсь въ существованіи колдуновъ, привидѣній и мертвецовъ, покидающихъ свои могилы, такъ же какъ и огненныхъ змѣевъ, которые летаютъ къ деревенскимъ вдовушкамъ, и, разсыпаясь надъ кровлями избъ, являются къ нимъ въ видѣ покойниковъ, о коихъ онѣ тоскуютъ. Я скорѣе посомнюсь, что Кіевъ былъ столицею Аскольда и Дира, чѣмъ повѣрю, что въ немъ никогда не жили вѣдьмы; и, признаюсь, пѣтичeskій Днѣпръ потерялъ-бы для меня большую часть своей прелести, если бъ я не вѣрилъ, что русалки и до сихъ поръ выходятъ изъ лѣсовъ своихъ поплескаться и поиграть при свѣтѣ луны въ его чистыхъ струяхъ; что онѣ, какъ рассказываетъ одинъ изъ нашихъ поэтовъ:

То, въ восторгъ юной радости,
Будятъ пѣснями берега,
Иль съ безпечнымъ смѣхомъ младости
Ловятъ мѣсяца рога
На пучинѣ серебристые.
Или плескомъ быстрыхъ рукъ

Брызжутъ радуги огнистыя,
Рѣзвятся въ волнахъ, — и вдругъ
Утопають, погружаются
Въ свой невидимый чертогъ.....

Не могу описать, какое неизъяснимое наслаждение чувствую я всякой разъ, когда слушаю повѣсть, отъ которой волосы на головѣ моей становятся дыбомъ, сердце замираетъ, и морозъ подираетъ по кожѣ. Пусть себѣ господа Ученые, эти холодные разыскатели истины, эти *Оомы* невѣрные, которые сомнѣваются даже въ томъ, что лѣшіе обходятъ прохожихъ, и что можно однимъ словомъ изурочить челоуѣка, смѣются надъ моимъ легковѣріемъ, — я не промѣняю на ихъ сухіе математическіе выводы, на ихъ замороженный здравый смыслъ, мой дѣтскіа, но игривыя и теплыя, мечты. Одно только меня всегда огорчало: не смотря на Русскую пословицу, что на охотника звѣрь бѣжитъ, во всю жизнь мою не удавалось мнѣ видѣть ничего чудеснаго, и даже всѣ колдуны, съ которыми я встрѣчался, какъ-будто на смѣхъ, были самые обыкновенные обманщики и плуты. Я навѣрное знаю, что многіе, смотря въ два зеркала, поставленные одно противъ другаго, видятъ и Богъ-вѣсть что; а я смотрѣлъ однажды до тѣхъ поръ, пока мнѣ сдѣлалось дурно и въ глазахъ позеленѣло, а не видѣлъ ничего, кромѣ безконечной перспективы и какого-то туманнаго пятна, которое, какъ открылось послѣ, было не что иное, какъ простое черное пятно на зеркалѣ. Ужъ я ли, кажется, не старался все испытывать! Года два тому назадъ, ходилъ въ Ивановъ день ночью въ лѣсъ, подкараулить, какъ цвѣтетъ папоротникъ; но когда время стало подвигаться къ полуночи, на меня напалъ такой страхъ, что я пустился бѣжать безъ оглядки, и хотя слышалъ позади себя необычайный шумъ и свистъ, не могу однако сказать навѣрное, нечистая ли сила это проказила, или просто гудѣлъ вѣтеръ по лѣсу.

Въ другой разъ , когда я жилъ еще въ степной моей деревнѣ , я рѣшился однажды итти въ полночь на кладбище. Авось , думалъ я , хоть одинъ мертвецъ вылезетъ изъ своей могилы прогуляться по церковному погосту! И въ самомъ дѣлѣ , когда я подошелъ къ кладбищу , то увидѣлъ между могилъ что-то похожее на мертвеца въ бѣломъ саванѣ. Ахъ , какъ забилося мое сердце отъ страха и удовольствія ! какимъ пріятнымъ холодомъ обдало меня съ головы до ногъ ! какъ подкоились подомною колѣни ! И теперь вспомнить не могу безъ восторга объ этой ужасной и восхитительной минутѣ. Крестясь и творя молитву , я пустился бѣжать домой , бросился на мою постелю , и всю ночь то бредилъ какъ въ горячкѣ , то дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. И такъ , думалъ я , задыхаясь отъ радости : этотъ безвѣстный міръ существуетъ въ самомъ дѣлѣ ; мертвецы бродятъ по ночамъ около могилъ , души усопшихъ посѣщаютъ землю , и все то , что господа педанты называютъ суевѣріемъ , обманомъ , бѣлой горячкою , есть истина. И что жъ , любезные читатели ? — какъ вы думаете , чѣмъ все это кончилось ? На другой день , я сталъ разсказывать о семъ приключеніи бурмистру моему , Оедоту : этотъ негодяй засмѣялся , и сказалъ мнѣ : — « Вы напрасно изволили перепугаться , сударь ! вѣдь это шатался по кладбищу староста Тихонъ ; онъ боленъ горячкою , и прошлую ночь , выбѣжалъ изъ избы въ то время , какъ всѣ спали. » — Какъ ? вскричалъ я : такъ это былъ не мертвецъ ? — « И , батюшка , баринъ ! отвѣчалъ Оедотъ , скривя свою безобразную харю : какіе нынче мертвецы ! Вѣдь встарину народъ былъ глупъ : всему вѣрили , а теперь и малаго ребенка не испугаешь этими бабьими сказками. » — Бабьими сказками ! ! ! Вся кровь моя взволновалась ; я затопалъ ногами , закричалъ , и если бъ этотъ вольнодумецъ Оедотъ не ушелъ изъ моего кабинета , то непременно вцѣпился бы ему въ бороду. Да и какъ было не взбѣ-

ситься? Подумаешь, — Господи, Боже мой! — добро бы въ Петербургъ или въ Москвѣ, а то и въ деревняхъ стали умничать!

Послѣ всего сказаннаго мною, читатель можетъ себѣ представить, желалъ ли я познакомиться съ Иваномъ Алексѣевичемъ Асановымъ; но никто, даже самъ капитанъ-исправникъ, не брался привезти меня къ нему въ деревню, и я начиналъ ужъ терять всю надежду, какъ вдругъ однимъ утромъ, проходя базарную площадь, увидѣлъ, что кто-то ѣдетъ въ дорожной коляскѣ. Глядя поближе — старинный мой пріятель и сослуживецъ, Заруцкій. Мы вскрикнули оба въ одинъ голосъ, экипажъ остановился, Заруцкій изъ него выскочилъ, и пошли распросы.

— Куда Богъ несетъ?

— Въ деревню, къ дядѣ. А ты какъ здѣсь?

— По дѣламъ.

— Поѣдемъ виѣсть со мною. Я познакомлю тебя съ дядюшкою, — онъ старикъ предобрый.

— Нѣтъ, милый; не могу. Мнѣ надобно много еще хлопотать по моему дѣлу.

— Поѣдемъ, братецъ! вѣдь это близехонько: верстахъ въ тридцати отсюда, на Хопръ.....

— Верстахъ въ тридцати?..... на Хопръ?..... а какъ зовутъ твоего дядю?

— Иваномъ Алексѣевичемъ.....

— Асановымъ?

— Да.

— О, если такъ..... ѣдемъ, мой другъ!

— Ты знакомъ съ нимъ?.....

— Нѣтъ; но я такъ много о немъ слышалъ..... Поѣзди! Я сейчасъ заверну домой, возьму съ собой узелокъ, прибѣгу назадъ, — и катаемъ!

Какъ сказано, такъ и сдѣлано: черезъ четверть часа я сидѣлъ ужъ подлѣ Заруцкаго, въ Вѣнской его коляскѣ, которая, покачивалась на гибкихъ ресорахъ, не-

слась, какъ изъ лука стрѣла, по кочкамъ и колеямъ проселочной дороги. Сначала ретивые кони рвались одинъ передъ другимъ, но, пробѣжавъ верстъ двадцать, стали призадумываться, и наконецъ, поднявшись съ трудомъ на крутую гору, пошли смиреннымъ шагомъ. Вокругъ насъ виды были довольно пріятные: съ лѣвой стороны разстилались золотистыя поля, на которыхъ кой-гдѣ разбросаны были запоздалыя копны сжатого хлѣба; съ правой, тянулся густой лѣсъ, и отъ времени до времени, вдали сквозь широкія просѣки свѣтѣлись голубоватыя волны живописнаго Хопра. Пока усталые кони, идя шагомъ, отдыхали, Заруцкій рассказывалъ мнѣ про настоящее свое житьебытье, про сельскія хлопоты, хозяйство, и наконецъ про пламенную любовь свою къ какой-то деревенской сосѣдкѣ, молодой вдовушкѣ, — «которая, говорилъ мой пріятель, вздыхая и закуривая четвертую трубку, поклялась уморить меня съ тоски, и до тѣхъ поръ не давать рѣшительнаго отвѣта, пока она не износитъ полдюжины черныхъ платьевъ изъ какой-то фланели, — видно казенной, потому, что они другой годъ не могутъ изнашиваться. Чтобъ поразмыкать мое горе, продолжалъ Заруцкій, я вздумалъ съѣздить недѣльки на двѣ погостить у моего дяди, и очень радъ, что встрѣтился съ тобою.»

— Да радъ ли будетъ этому твой дядя? перерывалъ я. Мнѣ весьма пріятно съ нимъ познакомиться; но, говорить, онъ такой нелюдимъ.....

— Да! онъ не охотно заводитъ новыя знакомства, а особливо съ нашими уѣздными дворянами: они такіе чопорные, считаются визитами; а онъ человѣкъ старый, любитъ покой, и больно тяжель на подъемъ. Ты — дѣло другое! — ты человѣкъ заѣзжій, а сверхъ-того старинный пріятель и сослуживецъ его племянника, котораго онъ любитъ, какъ сына роднаго, — да правда, и я его очень люблю!

— Скажи, пожалуйста, что ему за радость жить въ этой глуши?

— У него есть на то свои причины.

— А напимърь?

— Это цѣлый романъ, мой другъ. Прежде всего надобно тебѣ сказать, что во время оно, дядя мой, Иванъ Алексѣвичъ Асановъ, былъ человѣкъ бѣдный, не могъ даже и мечтать о наслѣдствѣ, которое досталось ему послѣ: и въ самомъ дѣлѣ, могъ ли онъ думать, что четверо двоюродныхъ его братьевъ, два племянника и три племянницы умрутъ въ одну недѣлю отъ чумы, которая въ 1771 году пожаловала въ Москву? Деревня, въ которой живетъ теперь Иванъ Алексѣвичъ, принадлежала нѣкогда помѣщику Глинскому, — скупому, злому, и, если вѣрить изустнымъ преданіямъ, настоящему разбойнику. У этого Глинскаго была дочь, прекрасная лицомъ, еще прекраснѣе душою. Не знаю, гдѣ и когда мой дядя съ нею встрѣтился, какъ познакомился съ ея отцемъ; только дѣло въ томъ, что онъ влюбился по уши въ Софью Павловну, — такъ звали дочь Глинскаго, — а набѣду и она его полюбила. Однажды, на отъѣзжѣхъ полъ, рыская вмѣстѣ съ отцемъ своей любезной, за зайцами, дядя мой рѣшился открыть ему свою душу. Глинскій взбѣлился, осыпалъ его ругательствами, назвалъ нищимъ, и объявилъ, что если онъ когда-нибудь близко подъѣдетъ къ его деревнѣ, то онъ выпуститъ на него цѣлую стаю гончихъ, и затравитъ какъ краснаго звѣря. Дядя мой ухалъ въ армію, дрался такъ, что Суворовъ прозвалъ его чудо-богатыремъ, и, проколотый на вылетъ штыкомъ съ сраженія съ Огинскимъ при Сталовичахъ, на диво всей арміи остался живъ, выздоровѣлъ; узналъ, что ему упало съ неба богатое наслѣдство, поскакалъ въ Сердобскъ, — но было уже поздно. Софья Павловна, зачехнувъ съ горя, давно поконилась на деревенскомъ кладбищѣ, а отецъ ея, спустя два мѣсяца послѣ ея

смерти, сломилъ себѣ шею, травя волка. Дядя мой вышелъ въ отставку; поклялся никогда не жениться, добился наконецъ, что ему продали эту деревню, и поселился въ домъ, гдѣ нѣкогда жила его любезная. — «Господь не допустилъ меня быть мужемъ Софьи Павловны, — Его святая воля! Но если мнѣ не суждено было жить съ нею на землѣ, такъ по крайней мѣрѣ въ землѣ-то я буду лежать вмѣстѣ съ нею.» Такъ говорить всегда мой дядя, и вотъ ужъ скоро десять лѣтъ, какъ онъ живетъ безвыѣздно въ этой деревнѣ.

— О, да твой дядя человѣкъ преинтересный! сказалъ я. Знаешь ли, мой другъ, что если бъ онъ былъ помоложе, то я не совѣтовалъ бы тебѣ рассказывать всѣмъ эту исторію..... Въ ней столько романическаго, что долго ли до бѣды, — какъ разъ найдется новая Софья Павловна, и если ты единственный его наследникъ.....

— Да, мой другъ! Но дай Богъ, чтобъ я во всю жизнь мою не вступалъ въ это наследство: и одинъ разъ похоронить отца роднаго тяжело, а дважды навѣку остаться сиротою, — не приведи, Господи! Но вотъ кажется..... такъ точно! — версты три не больше осталось. Видишь ли тамъ вдали дубовую рощу?..... За нею тотчасъ господская усадьба; а, вонъ, выглядываетъ изъ за вершинъ деревьевъ золоченый крестъ: это каменная церковь, построенная моимъ дядею надъ могилою Софьи Павловны.

— Ахъ, Боже мой! перервалъ я, поглядѣвъ съ ужасомъ впередъ. Неужели мы спустимся въ эту пропасть?

— Пой! закричалъ мой пріятель: въ самомъ дѣлѣ лучше выйдемъ.

Коляска остановилась, и, пока ямщикъ съ слугою Заруцкаго тормосили заднія колеса, мы отправились потихоньку впередъ. Поросшій частымъ кустарникомъ оврагъ, черезъ который шла дорога, дѣйстви-

тельно походилъ на какую - то пропасть или ущелье, на днѣ котораго журчалъ мутный потокъ. Чѣмъ ниже мы сходили, тѣмъ выше и утесистѣ становились его песчаные скаты: изрытая глубокими водопромойными дорогами, идя сначала прямо, вдругъ круто поворачивала налѣво, и, огибая небольшой бугоръ, опускалась къ мосту, перекинутому черезъ ручей. Когда я взглянулъ назадъ, мнѣ показалось, что коляска, которая полегоньку стала съѣзжать внизъ, висѣла надъ нашими головами.

— Знаешь ли, мой другъ, сказалъ Зарудскій, указывая на бугоръ: что этотъ холмъ, хотя и ненасыпной, а можетъ назваться курганомъ: онъ весь составленъ изъ могилъ.

И подлинно, большая часть его была покрыта возвышеніями, и кой-гдѣ видны еще были полусогнившіе деревянные кресты.

— Неужели это деревенское кладбище твоего дяди? спросилъ я.

— Нѣтъ, мой другъ! Здѣсь похоронены убитые разбойниками.

— Разбойниками! повторилъ я, невольно поглядѣвъ вокругъ себя.

— Не пугайся! продолжалъ мой пріятель. Это было уже давно... Въ наше время и слуху нѣтъ о разбойникахъ, точно такъ же, какъ о вѣдьмахъ, колдунахъ, мертвецахъ, домовыхъ и всей этой адской сволочи, отъ которой встарину нашимъ предкамъ житья не было.

— Ну, это еще Богъ знаетъ! сказалъ я сквозь зубы: на разбойниковъ есть земская полиція.....

— А на колдуновъ и мертвецовъ, возразилъ мой пріятель, есть управа, которую зовутъ просвѣщеніемъ.

— Охъ, ужъ мнѣ это просвѣщеніе! перервалъ я почти съ досадою. Но дѣло не о томъ: какъ могли здѣсь придерживаться разбойники? Развѣ тутъ была когда

нибудь большая дорога? Въдь по проселочнымъ грабить некого.

— Большая дорога отсюда въ двухъ верстахъ, и вотъ, что рассказываютъ старики объ этомъ оврагъ. Дѣдушка бывшаго помѣщика деревни, въ которую мы ѣдемъ, держалъ у себя въ дому разбойничью пристань; это бы еще ничего, — было время, что разбой, а особливо въ нашихъ пограничныхъ губерніяхъ, назывались удамствомъ и молодецествомъ, — но вотъ, что было худо въ дѣдушкѣ покойнаго Глинскаго: говорятъ, что онъ былъ въ дружбѣ съ самимъ сатаною, и, какъ знаменитый чернокнижникъ Фаустъ, закабалилъ ему навѣки въковъ свою душу. Разумѣется, ему не было ни какой нужды въ деньгахъ: чортъ помогалъ ему находить клады, и даже иногда, шутки ради, превращалъ для него кружки изъ рпы и моркови въ серебряные рублевики и золотые ефимки. Но онъ любилъ для забавы, какъ на охоту, ѣздить на грабежъ. Спуску никому не было. Дворянъ и богатыхъ купцовъ онъ залучалъ насильно къ себѣ въ гости, поилъ, кормилъ по цѣлымъ суткамъ, — а тамъ Богъ-вѣсть что съ ними было: только говорятъ, что кто изъ этихъ невольныхъ гостей проѣзжалъ въ одну околицу, тотъ ужъ никогда не выѣзжалъ въ другую. Съ простыми людьми не церемонились: ихъ рѣзали на большой дорогѣ, и бросали въ этотъ оврагъ. Въ послѣдствіи, добрые люди, собравъ ихъ кости, похоронили на этомъ бугрѣ. А такъ какъ прошелъ слухъ, будто — бы каждый годъ, ночью, на Родительскую Субботу, всѣ эти покойники встаютъ изъ могилъ, и справляютъ сами по себѣ поминки, то это мѣсто, которое слыло прежде волчьимъ оврагомъ, прозвано теперь «чортовымъ беремищемъ.» Все это я рассказалъ тебѣ кой-какъ, а надобно послушать моего дядюшку: вотъ ужъ если онъ примется рассказывать эти народныя сказки и преданія, такъ есть чего послушать!

— Сказки! повторилъ я съ нетерпѣніемъ. Почему же сказки? Охъ, вы умницы! Слушай васъ, такъ ничему вѣрить не станешь.

— Да неужели ты въ самомъ дѣлѣ вѣришь этимъ бреднямъ?

— Эхъ, братецъ! да что мы знаемъ? Мы не видимъ далѣе своего поса; цѣлый вѣкъ играемъ въ жмурки, а говоримъ утвердительно: это вздоръ! — этого быть не можетъ! — это противно здравому смыслу! А что такое нашъ здравый смыслъ! — сбивчивыя соображенія, темныя догадки, какой-то слабый свѣтъ, который иногда блеснетъ въ потемкахъ, какъ будто-бы нарочно для того, чтобъ послѣ намъ еще сдѣлалось темнѣе. Не трудно говорить: я не вѣрю этому! — А прошу мнѣ доказать, почему и я не долженъ вѣрить тому, что тебѣ кажется невѣроятнымъ. Нѣтъ, Заруцкій! я еще не знаю, кто болѣе ошибается, — тотъ ли, кто вѣритъ всему безъ разбора, или тотъ, для котораго все то вздоръ, чего нельзя изъяснить одними физическими законами Природы.

— Знаешь ли мой другъ, перерываю Заруцкій, что ты непремѣнно понравишься моему дядѣ. Онъ, такъ же какъ ты, готовъ разсердиться, если его стануть увѣрять, что души умершихъ не являются никогда живымъ, и расскажетъ тебѣ сейчасъ двадцать случаевъ, доказывающихъ противное. Но, вотъ ужъ коляска наша взѣхала на гору. Не знаю ты, а я очень усталъ. Сядемъ!

Когда мы проѣхали дубовую рощу, каменные палаты Ивана Алексѣевича Асанова открылись намъ во всемъ своемъ угрюмомъ величіи. Онъ стояли посреди большаго двора, заросшаго крапивою; главный ихъ фасадъ, въ тридцать узкихъ оконъ съ широкими простѣнками, тянулся поперекъ всего двора; парадный подъѣздъ, съ тяжелымъ навѣсомъ на четырехъ деревянныхъ столбахъ, былъ пристроенъ къ самой срединѣ

дома, позади котораго большой плодовый садъ спу-
скался по отлогому скату, до самаго Хопра; противъ
воротъ, на широкомъ лугу, стояла высокая каланча
съ выкинутымъ флагомъ и огромными часами.

— Ого! сказалъ Заруцкій, когда мы, подъ громкій
лай полдюжины датскихъ и лягавыхъ собакъ въѣхали
на дворъ, да у дядюшки видно гости: дормёзъ, брич-
ка, и, кажется, — такъ точно! — щегольская телѣжка
Сердобскаго исправника. Тѣмъ лучше: намъ будетъ
весело.

Двое дюжихъ лакеевъ, не роскошно, но опрятно одѣ-
тыхъ, приняли насъ изъ коляски. Мы вошли въ об-
ширные сѣни. Налѣво однѣ двери вели въ переднюю;
направо другими вѣроятно входили нѣкогда въ дѣ-
вичью, но онѣ были заколочены и закладены кирпи-
чами. Прошу моихъ читателей замѣтить это обстоятель-
ство. Пройдя билліардную, столовую и двѣ гостиныя
комнаты, изъ коихъ одна была оклеена Китайскими
обоями, мы встрѣтили, въ дверяхъ расписанной боске-
томъ диванной, хозяина дома.

— Здравствуй, Алексѣй! здравствуй, мой другъ! за-
кричалъ онъ, обнимая нѣсколько разъ сряду своего
племянника. Спасибо, что навѣстилъ старика, а я такъ
было по тебѣ встосковался, что хотъ нарочнаго отпра-
влять.

— Рекомендую вамъ, дядюшка, сказалъ Заруцкій,
подводя меня къ Ивану Алексѣевичу: искренняго прі-
ятеля: мы съ нимъ давно уже не видались, хотя были
нѣкогда неразлучными товарищами, и въ Москвѣ —
въ пансіонѣ, и въ Петербургѣ въ казармахъ, и въ тан-
цовальномъ классѣ Миранвиля, и въ походномъ бала-
ганѣ подъ неприятелемъ, — словомъ вездѣ. Я давно съ
нимъ не видался, и, повстрѣчавъ его въ Сердобскѣ,
рѣшился захватить съ собою, и привезти къ вамъ.

— Милости просимъ! сказалъ Иванъ Алексѣевичъ,
протянувъ ласково ко мнѣ свою руку. Ктѣ съ моимъ

Алексѣемъ побратался на ратномъ полѣ, тотъ всегда будетъ у меня дорогимъ гостемъ. Милости просимъ!

Не помню, что я отвѣчалъ хозяину, — а кажется, ничего. Я такъ былъ пораженъ его почтенною наружностію, что совершенно позабылъ всѣ употребляемыя въ сихъ случаяхъ условныя фразы и вѣжливыя увѣренія, въ которыхъ почти всегда ни на волосъ нѣтъ правды. Представьте себѣ человѣка высокаго роста, лѣтъ шестидесяти пяти, въ форменномъ военномъ сюртукѣ, времянь Екатерины Второй; вообразите румяное лице и черные съ просѣдью волосы; высокій, покрытый морщинами лобъ, и ясные, исполненные веселости и радушія глаза; величественную осанку лихаго полковаго командира, котораго самъ Суворовъ прозвалъ чудо-богатыремъ, и кроткую, простодушную улыбку, не сходящую съ привѣтливыхъ устъ, осяненныхъ парю густыхъ усовъ, о которыхъ, вѣроятно, въ старину неразъ толковали межъ собой миловидныя Полячки. Въ жизнь мою я не видывалъ старика съ такою пріятельскою наружностью, и, признаюсь, ни мало бы не удивился, если бъ какая нибудь красавица приздумалась, когда бъ ей дали на выборъ, — или быть его женою, или назвать его своимъ отцемъ.

— Не угодно ли ко мнѣ въ кабинетъ? сказалъ онъ. Ты найдешь тамъ старыхъ знакомыхъ, Алексѣй! Да прошу покорно не отставать, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: а не то какъ разъ запутаетесь. У меня въ саду нѣтъ лабиринта, но за то въ домѣ, какъ въ траншеяхъ: такіе зигзаги да апроши, что и толку не доберешься.

Въ самомъ дѣлѣ, мы выходили изъ комнаты въ комнату, прошли двумя темными коридорами, то поднимались нѣсколько ступеней къ верху, то спускались внизъ, и наконецъ, пройдя мимо желѣзныхъ дверей кладовой, помѣщенной въ круглой башнѣ, которая, — какъ говорится, ни къ селу, ни къ городу, — была

прильплена къ лѣвому углу дома, вошли еще въ одинъ корридоръ, въ концѣ котораго слышны были голоса разговаривающихъ.

— Тутъ была въ старину дѣвичья, сказалъ Иванъ Алексѣевичъ, подходя къ полуразрушеннымъ дверямъ: но такъ какъ я человѣкъ холостой, то и разсудилъ закласть въ ней однѣ двери, и сдѣлать изъ нея мой кабинетъ: зимою эта комната встѣхъ теплѣе и суше. Милости просимъ!

Судя по величинѣ и первобытному назначенію покоя, въ который мы вошли, не трудно было отгадать, что у прежняго помѣщика была большая дворня, и что вѣроятно въ ней женскихъ душъ было болѣе мужескихъ. Четыре окна, обращенныя на задній дворъ, занимали одну изъ стѣнъ ея; на остальныхъ были нарисованы различныя сцены изъ жизни Суворова. Правду сказать, живопись была не отличная, и, взглянувъ на нее, я невольно вспомнилъ маляра Ефрема, о которомъ безсмертный пѣвецъ Ермака сказалъ когда-то, что онъ имѣлъ чудесный даръ, и что кисть его:

.....Всегда надъ смертными играла,
Архипа Сидоромъ, Кузьму Лукой писала.

На одной стѣнѣ, Суворовъ представленъ былъ въ лѣсу, спящимъ на соломѣ, среди казачьихъ биваковъ; у него вовсе не было шеи; но за-то такія длинныя ноги, что если бъ онъ проснулся и всталъ, то конечно могъ бы облокотиться на вершину толстаго дуба, подъ тѣнью котораго покоился. На противоположной стѣнѣ тотъ же самый Суворовъ представленъ былъ въ минуту сдачи Краковскаго замка. Онъ стоялъ вытянувшись какъ струнка, и оборотясь лицомъ къ толпѣ Поляковъ съ преогромными усами. Нѣсколько Французскихъ офицеровъ, поджарыхъ и щедушныхъ, изображены были съ поникнутыми головами, а комендантъ замка, щеголеватый Шуазье, распудренный и выгнутый зѣломъ, отдавалъ побѣдителю свою шпагу съ та-

кимъ же точно сантиментальнымъ видомъ, съ какимъ театральнѣй пастушекъ, ставъ въ четвертую позицію, подаетъ букетъ розановъ своей размалеванной пастушкѣ. На третьей стѣнѣ изобразено было взятіе Измаила: разумѣется, всѣ убитые были Турки, а поле сраженія усыпано чалмами, между которыхъ не валялась ни одна гренадерская шапка. То мѣсто, гдѣ была задѣлана дверь, ведущая въ сѣни, прикрывалось прибитымъ къ стѣнѣ широкимъ Персидскимъ ковромъ. Въ простѣнкахъ межъ окнами висѣли Турецкіе пистолеты, ятаганы, Польскія сабли и прочіе домашніе трофеи военныхъ подвиговъ Ивана Алексѣевича Асанова. Въ одномъ углу стоялъ пукъ черешневыхъ чубуковъ съ глиняными раззолоченными трубками и янтарными мунштуками; въ другомъ, по обѣимъ сторонамъ широкаго камина, висѣло нѣсколько охотничьихъ одинакихъ и двуствольныхъ ружей, яхташей, пороховыхъ рожковъ и патронницъ, а кругомъ всѣхъ стѣнъ устроены были спокойные диваны, обитые шерстяною Турецкою матеріею.

Когда мы вошли въ кабинетъ, трое гостей, въ числѣ которыхъ былъ и Сердобской исправникъ, трудились въ потѣ лица и наблюдая торжественное молчаніе, вокругъ стола, на которомъ поставленъ былъ сытный завтракъ. Послѣ первыхъ привѣтствій и дружескихъ восклицаній, Заруцкій сталъ знакомить меня съ гостями своего дяди. Первый, къ которому онъ меня подвелъ, Антонъ Ѳедоровичъ Кольчугинъ, показался мнѣ съ перваго взгляда старикомъ лѣтъ семидесяти; но когда я поразглядывалъ его хорошенько, то увѣрился, что, не смотря на впалыя его щеки, выдавшійся впередъ подбородокъ и сѣдые какъ снѣгъ усы, онъ моложе хозяина. Прагскій золотой крестъ въ петлицѣ ясно доказывалъ, что онъ былъ нѣкогда если не сослуживцемъ, то по крайней мѣрѣ современникомъ Ивана Алексѣевича. Второй, Александръ Дмитріевичъ Че-

ремухинъ, человѣкъ лѣтъ сорока пяти, толстый, рябой, съ широкими свѣтлорусыми бакенбартами, съ маленькими блестящими глазами, и съ такою смѣющеюся и веселою физиогноміею, что, глядя на него, и плакса Герэклитъ, — если только онъ существовалъ въ самомъ дѣлѣ, а не былъ выдуманъ для антитезы и римы къ Демокриту, — едва ли бы удержался отъ смѣха. Съ третьимъ гостемъ, исправникомъ Сердобскимъ, я былъ уже знакомъ; но его не знаютъ мои читатели, а посему я неизлишнимъ полагаю сказать о немъ нѣсколько словъ. Онъ былъ малый образованный; служилъ штабсъ-ротмистромъ въ одномъ армейскомъ гусарскомъ полку, вышелъ за ранами въ отставку, и, выбранный дворянами, изъ отличнаго эскадроннаго командира сдѣлался, какъ говорится, лихимъ капитанъ-исправникомъ. Всѣ помѣщики его любили, казенные крестьяне молились за него Богу, а воры, плуты и пьяницы, боялись какъ огня. Говорятъ, — я повторяю то, что слышалъ, — будто бы онъ не бралъ даромъ и клокъ сѣна, и не съѣдалъ курицы у мужика, не заплатя за нее по справочной цѣнѣ; что засѣдатели его не таскали за бороду для своей заботы выборныхъ, и даже канцелярскіе служители Нижняго Земскаго Суда пили на сѣдствіяхъ вино только тогда, когда имъ подносили его добровольно.

Познакомивъ моихъ читателей съ обществомъ, въ которомъ мнѣ удалось провести нѣсколько дней самымъ пріятнымъ образомъ, я долженъ сказать, что въ первый день моего пріѣзда въ деревню Ивана Алексѣевича, погода начала портиться: къ вечеру небеса нахмурились, и пошелъ не лѣтній, — крупный и спорый дождь, — но мелкій и drobный; онъ вскорѣ превратился въ безконечную осеннюю изморозь, отъ которой и васъ, любезные читатели, подчасъ брама тоска, а особенно если она захватывала васъ среди полей, когда желтый листъ валится съ деревьевъ, а порывистый

вѣтеръ гудить по лѣсу, и завываетъ какъ злобщій филинъ въ трубахъ вашего деревенскаго дома. Дѣлать было нечего: нельзя было ни ходить съ ружьемъ на охоту, ни кататься въ лодкѣ по Хопру. Конечно, можно было ѣздить по черноstopу за зайцами; но для этого надобно было страстно любить псовую охоту, а изъ всего нашего общества одинъ Заруцкій ѣзжалъ иногда съ борзыми, но и тотъ любилъ охотиться или по перевозимую, въ хорошую порошу, или въ ясный осенній день, въ узерку; а ѣздить съ утра до вечера съ гончими, въ дождь и слякоть для того, чтобъ затравить какого-нибудь несчастнаго бѣляка, казалось ему вовсе незабавнымъ. Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ мы были безъ всякаго занятія: днемъ мы пили чай, завтракали, обѣдали, играли въ билліардъ и читали журналы. Иванъ Алексѣевичъ выписывалъ не только Петербургскія Вѣдомости, но почти всѣ періодическія изданія, которыя въ то время выходили въ обихъ столицахъ. Разумѣется, мы охотнѣе всего читали Вѣстникъ Европы, прославленный первымъ своимъ издателемъ; но отъ нечего дѣлать, перелистывали и Московскаго Курьера, зѣвали надъ Петербургскимъ Любителемъ Словесности, трогались чувствительнымъ слогомъ Московскаго Зрителя, и удивлялись разнообразію Собесѣдника, который только-что появился въ свѣтъ, съ затѣйливымъ названіемъ «повѣствователя мыслей въ вечернее время упражняющихся въ своемъ кабинетѣ писателей, рассказывающаго повѣсти, анекдоты, стихотворенія, — а временемъ и Критику.» Часу въ седьмомъ послѣ обѣда, мы обыкновенно собирались всѣ въ кабинетъ къ хозяину, садились кругомъ пылающаго камина, и, вплоть до самаго ужина, проводили время разговаривая межъ собою. Такъ какъ Иванъ Алексѣевичъ почти всегда управлялъ общимъ разговоромъ, то предметомъ онаго были, по большей части, рассказы о необыкновенныхъ случаяхъ въ жиз-

ни, о привидѣніяхъ, дьявольскомъ наважденіи, словомъ обо всемъ томъ, что не могло быть истолковано естественнымъ образомъ. Вниманіе, съ которымъ слушали всѣ эти рассказы, ясно доказывало, что никто не сомнѣвался въ ихъ истинѣ: одинъ только Заруцкій улыбался иногда вовсе не впадѣ, но никто не замѣчалъ этого, и даже весельчакъ Черемухинъ, — хотя потихоньку съ нимъ перемигивался, и шепталъ ему что-то на ухо, а въ слухъ божился, что вѣрить безъ разбору всѣмъ страшнымъ исторіямъ, потому, дискать, что его самого однажды давилъ цѣлую ночь домовой.

Рассказы и повѣсти, которыя я слышалъ въ послѣдній вечеръ, проведенный мною у Ивана Алексѣевича, показались мнѣ столь любопытными, что я съ величайшей точностію записалъ ихъ въ моимъ дорожномъ журналѣ. Боясь прослыть суевѣромъ, невѣждою и челоуѣкомъ *отсталымъ*, я до сихъ поръ не смѣлъ напечатать моихъ записокъ, но когда увидѣлъ, что съ нѣкотораго времени исторіи о колдунахъ и похождения мертвецовъ сдѣлались любимымъ чтеніемъ нашей публики, то рѣшился наконецъ выдать ихъ въ свѣтъ. Не смѣю обѣщать моимъ читателямъ, что они прочтутъ ихъ съ удовольствіемъ, или хотя безъ скуки; но твердо и непоколебимо стою за истину моихъ рассказовъ. Да, почтенные читатели! рѣшительно повторяю, что есть Русскія Исторіи, которыя несравненно болѣе походятъ на сказки, чѣмъ эти были и преданія, основанныя на вѣрныхъ и подлежащихъ ни какому сомнѣнію *фактахъ*.

Вѣтеръ бушевалъ по лѣсу; мелкій дождь, какъ сквозь частое сито, лился на размокшую землю. Еще на деревянной каланчѣ не пробило и шести часовъ, а на дворѣ ужъ было такъ темно, что хоть глазъ выколи. Мы всѣ собрались въ кабинетъ: хозяинъ, Кольчугинъ, исправникъ и я сидѣли вокругъ пылающаго каминна, а Заруцкій и Черемухинъ расположились преспо-

койно на широкомъ диванѣ, и, куря въ молчаніи свои трубки, наслаждались въ полномъ смыслѣ снмъ моральнымъ и физическимъ бездѣйствіемъ, которое Итальянцы называютъ *il dolce far niente*.

— Ну погодка! сказалъ наконецъ Кольчугинъ, прислушиваясь къ вою вѣтра. Хоть кого тоска возьметъ!

— И, полно, братецъ! перервалъ Иванъ Алексѣевичъ: да это-то и весело! Что можетъ быть пріятнѣе, какъ сидѣть въ ненастный осенній вечеръ съ хорошими пріятелями противъ камелька, курить спокойно свою трубку, и, поглядывая на плотно-затворенныя окна, думать: — вой себѣ вѣтеръ, лейся дождь, бушуй непогода, а мнѣ и горюшки мало! Что и говорить! Умень тотъ былъ, кто первый вздумалъ строить дома.

— И дѣлать въ нихъ каминны, прибавилъ исправникъ, подвигаясь къ камельку.

— Не равенъ домъ, господа! сказалъ Кольчугинъ, вытряхая свою пивковую трубку: и не въ такую погоду не усидишь въ иномъ домѣ. Я самъ однажды, въ сильную грозу и проливной дождикъ, рѣшился лучше провести ночь подъ открытымъ небомъ, чѣмъ въ комнатѣ въ которой было такъ же тепло и просторно, какъ въ этомъ покоѣ.

— А что? спросилъ исправникъ: видно хозяева не очень вамъ были ради?

— Ну, нѣтъ! Одинъ хозяинъ обошелся со мною довольно ласково, да отъ другаго-то мнѣ туго пришлось, хоть и онъ также хотѣлъ меня угощать, только угощеніе-то его было мнѣ вовсе не по сердцу.

— Вотъ что! сказалъ Иванъ Алексѣевичъ. Да это видно, братъ, цѣлая исторія.

— Да, любезный, такая-то исторія, продолжалъ Кольчугинъ, набивая снова свою трубку, что у меня и теперь, лишь только вспомню объ этомъ, такъ волосъ дыбомъ и становится.

— Что вы это говорите? вскричалъ Заруцкій. Антонъ Ѳедоровичъ! послушайте! вы человѣкъ военный, служили съ Суворовымъ, а признаетесь, что чего-то струсли.

— Да, батюшка! Не прогнѣвайтесь, — посмотрѣли бы мы вашей удали! Нѣтъ, Алексѣй Михайловичъ, вѣдь это не что другое: поставь меня хоть теперь противъ непріятельской баттарей, — видитъ Богъ, не струшу! а вотъ, какъ гдѣ замѣшается нечистая сила, такъ ужъ тутъ, — воля ваша! — и вы батюшка не много нахрабритесь. Сатана не пушка: на него не пользешъ.

— Ого! сказалъ Черемухинъ, перемигнувшись съ Заруцкимъ: такъ въ вашей исторіи и черти водятся.

— Смѣйтесь, батюшка, смѣйтесь! продолжалъ Кольчугинъ. Я знаю, вы человѣкъ начитанный, ничему не вѣрите.

— Кто? я? перервалъ Черемухинъ. Что вы, батюшка, Антонъ Ѳедоровичъ? перекреститесь!

— Добро, добро! прикидывается. Вотъ мы, такъ люди неученые; чему вѣрили отцы наши и дѣды, тому и мы вѣримъ.

— Да, какъ же, братецъ, сказалъ хозяинъ, ты мнѣ никогда объ этомъ не рассказывалъ?

— А такъ къ слову не пришлось! Пожалуй, теперь расскажу. Дай-ка, батюшка, Иванъ Алексѣевичъ, огоньку!.... Спасибо, любезный!

Всѣ придвинулись поближе къ рассказчику, и даже Заруцкій съ Черемухинымъ встали съ дивана и усѣлись подлѣ его на стульяхъ. Антонъ Ѳедоровичъ Кольчугинъ, раскурилъ трубку, затянулся, выпустилъ изъ подъ своихъ сѣдыхъ усовъ цѣлую тучу табачнаго дыму, и началъ.

— Это было въ 1772 году, вскорѣ по ваятіи Краковскаго замка, который, сказать мимоходомъ, вовсе не такъ здѣсь намалеванъ, примолвилъ разскащикъ, указывая на одну изъ стѣнъ кабинета. Ну, да дѣло не о томъ! Хотя Суворовъ не былъ еще тогда ни Графомъ, ни Княземъ, но объ немъ ужъ начинали шибко ноговаривать во всей арміи. Онъ стоялъ, съ своимъ небольшимъ корпусомъ, лагеремъ близъ Кракова, наблюдая издали за Тининцемъ и Ландскрономъ. Астраханскій гренадерскій полкъ, въ которомъ я имѣлъ честь служить полковымъ адъютантомъ, принадлежалъ къ этому обсерваціонному корпусу. Нашъ полковой командиръ былъ человекъ добрый, отлично-храбрый и настоящій Русскій хвобосоль. Почти весь штабъ-и оберъ-офицеры каждый день у него обѣдали, и кому надобны были деньги, тотъ шелъ къ нему прямо, какъ въ Опекунскій Советъ. Но вотъ, что было худо: нашъ полковой командиръ былъ женатъ: и это бы еще не бѣда, — да жена-то у него была такая правная, что и Боже упаси!

— Такъ что жъ? перервалъ Заруцкій: тѣмъ хуже для мужа, а офицерамъ-то какое до этого дѣло?

— Какое дѣло? повторилъ Кольчугинъ. Эхъ, сударь! время на время не приходитъ. Нынѣче, послѣ полковаго начальника, первый въ полку человекъ старшій баталіонный командиръ; а у насъ, бывало, коли полковникъ женатъ, такъ второй человекъ въ полку полковница, а если она бѣйка, да хоть мало-мальски маркуетъ въ военномъ дѣлѣ, такъ всѣмъ полкомъ заправляетъ. То-то и есть, батюшка: нынѣче вѣкъ, а то былъ другой! Я ужъ вамъ докладывалъ, что нашъ полковникъ, былъ человекъ храбрый, не боялся ни нуль, ни ядеръ, а передъ женою своей трусилъ. Она была женщина дородная, видная, бѣлолицая, румяная..... а ужъ удалъ-то какал!..... Ахъ

ты, Господи, Боже мой, — что и говорить, — городъ барыня! Не знаю, потому ли, что она любила своего мужа, или отъ того, что была очень ревнива, — только никогда отъ него не отставала: мы въ походъ, и она въ походъ. Въ то время, какъ нашъ полкъ стоялъ лагеремъ, она жила въ Краковѣ, и хотъ могла часто видѣться съ своимъ мужемъ, но рѣшилась наконецъ со-всѣмъ къ нему переѣхать. Нашему полковому командиру это не вовсе было по сердцу: да вѣдь дѣлать-то нечего! — хотъ не радъ, да будь готовъ. Палатку перенесли, надымали въ ней клѣтушекъ, а изъ самаго-то большаго отдѣленія, гдѣ бывало, мы всѣ бражничали съ нашимъ командиромъ, сдѣлали спальню, и поставили широкую кровать съ розовымъ атласнымъ пологомъ. Я думаю, господа, вы всѣ знаете, что Суворовъ не очень жаловалъ барынь, а особливо когда онѣ жили въ лагерь и мѣшались не въ свое дѣло: да онъ былъ еще тогда только что Генераль-Маіоромъ, связей ни какихъ не имѣлъ, а наша полковница происходила отъ знатной фамиліи, и родные ея были въ большомъ ходу при Дворѣ. Другой бы, на его мѣстѣ, похмурился, похмурился, да на томъ бы и сѣхалъ. А нашъ батюшка, Александръ Васильевичъ, и не хмурился, а выжилъ полковницу изъ лагеря. И теперь безъ смѣха вспомнить не могу: экой проказникъ, подумаешь! Умень былъ, — дай Богъ ему царство небесное!

Когда мы вышли въ лагерь, онъ отдалъ приказъ по всему корпусу, что если пустятъ одну сигнальную ракету, то войскамъ готовиться къ походу; по второй, строиться передъ лагеремъ; по третьей, снимать палатки, а по четвертой, выступать. Онъ не любилъ, чтобъ солдаты у него дремали, и потому частехонько дѣлалъ фальшивыя тревоги то днемъ, то ночью. Бывало пустятъ ракету, — тамъ другую, — Суворовъ объѣдетъ весь лагерь, поговорить съ полковниками, по-

шутить съ офицерами, побалагурить съ солдатами, да тѣмъ дѣло и кончится. Вотъ эдакъ съ недѣлю, погода стояла все ясная: вдругъ однажды, послѣ знойнаго дня, ночью, часу въ одиннадцатомъ, заволокло все небо тучами, хлынулъ проливной дождь, застучалъ громъ, и пошла такая потѣха, что мы свѣту Божьяго не взвидѣли. Я на ту пору былъ за приказаніями у полковника. Жена его боялась грома, и, чтобъ не такъ была видна ей молнія, забралась на постель и задернулась пологомъ, — однако же не спала. Лишь только я вышелъ изъ палатки, чтобъ идти домой, — глядь! — эге! — сигнальная ракета. Я назадъ; докладываю полковнику. — «Какъ?» — закричала барыня, которая, сквозь холстинную перегородку, вслушалась въ мои слова: да что вашъ полоумный Генералъ вовсе, что ль, ряхнулся, въ такую бурю тревожить весь лагерь.... — «Успокойся, Варинька,» сказалъ полковникъ: «вѣдь это фальшивая тревога; можетъ-статься и втораго сигнала не будетъ. А межъ-тѣмъ вели сѣдлатъ мою лошадь,» прибавилъ онъ шепотомъ, обращаясь ко мнѣ: «кто его знаетъ! — да чтобъ люди были готовы.» — Я побѣжалъ исполнять его приказаніе, и вотъ, гляжу, минутъ черезъ десять зашипѣла вторая ракета. Люди въ полной амуниціи высыпали изъ палатокъ, и начали стрѣлять: прошло еще минутъ пять.... Чу, третья! Вотъ-те разъ!.... Суворовъ шутить любилъ, да только не службою: приказано, — такъ ступай и въ огонь и въ воду. Да и народъ-то былъ у насъ такой наметанный, что и сказать нельзя! Закипѣло все по лагерю: въ полмига веревки прочь, колья вонъ, и по всѣмъ линіямъ ни одной палатки не осталось. Взвилась четвертая ракета: авангардъ выступилъ, за нимъ тронулся весь корпусъ, и мы потянулись по дорогѣ къ Ландскрону. Ну, господа, не всякому удастся видѣть такую диковинку! Пока бѣгали въ обозъ, пока заложили коляску, пока что, прошло съ полчаса, — и во все это

время..... Вспомнить не могу!.... то-то было емъху-то!... Представьте себѣ, ночью, въ чистомъ полѣ, подъ открытымъ небомъ, двуспальная кровать съ розовымъ атласнымъ пологомъ, а дождь-то дождь, — такъ ливня и леть! Ну, присмирѣла наша строгая командирша. Господи, Боже мой!... растрепало ее, сердечную; дождемъ намокла она, матушка наша, словно гредкая губка. Куда вся удалъ дѣвалась! Вотъ отвезли ее кой-какъ назадъ въ Краковъ, а кордусъ, отойдя версты двѣ, остановился опять лагеремъ, и я въ жизнь мою никогда не видывалъ, чтобъ ктонибудь бѣсился такъ, какъ взбѣленилась полковница, когда на другой день проказникъ Суворовъ прислалъ къ ней своего Адъютанта узнать о здоровьѣ.

— Ай да, батюшка, Александръ Васильевичъ! вскричалъ съ громкимъ хохотомъ хозяинъ: что и говорить, — молодецъ!

— Да, это забавно! сказалъ Черѣмухинъ: только позвольте, Антонъ Федоровичъ, — рѣчь, кажется, была о сатанѣ....

— А жена-то полковника? перервалъ Заруцкій.

— Да это другое дѣло! Я говорю о нечистой силѣ.

— Пойдите, батюшка, продолжалъ Кольчугинъ: дойдетъ и до этого дѣла. Дня черезъ два, какъ полковница совсѣмъ ужъ обсохла, пошли у нея новыя затви. Жить опять въ лагерь она боялась, а въ Краковѣ оставаться не хотѣла. Толковали, толковали, и рѣшили на томъ, чтобъ сыскать для нея какой-нибудь загородный панскій домъ или мызу, поближе къ лагерю. Вѣстимо дѣло: кому хлопотать, какъ не адъютанту! Вотъ, я и отправился съ утра осматривать всѣ дачи по дорогѣ къ Ландскрону и Тиницу. Выбрать было нелегко: наша причудливая командирша хотѣла и большой домъ, и обширный садъ, и чтобъ никого не было живущихъ, и то и сѣ. Цѣлый день я проѣзжалъ по дачамъ; измучилъ своего куцаго коня, — да и горскій жере-

бецъ надъ казакомъ, который ѣдиль за мною, наснѣду ужъ ноги волочилъ. Мы съ нимъ на одной мызѣ позавтракали, на другой пообѣдали; и когда стали пробираться назадъ въ лагерь, то ужъ день клонился къ вечеру. Пока еще заря не вовсе потухла, мы проѣхали верстъ пять. На дворъ становилось все темнѣе, вдали сверкала молнія, а надъ нами такъ затучило, что когда мы поѣхали лѣсомъ, такъ въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Сначала мы кос-какъ тащились впередъ, но вдругъ дорога по лѣсу какъ-будто-бъ сдвинулась, начало насъ похлывствовать сучьями, и, лошади, безпрестанно натѣжая на колоды и пеньки, то и дѣло что спотыкались.

— Охъ плохо, ваше благородіе! пробормоталъ мой казакъ: никакъ мы заплутались?

— Видно что такъ, Ермиловъ! сказалъ я, приподымая на поводу моего куцаго, который въ третій уже разъ падалъ на оба колѣна.

Вотъ и дождикъ накрапываетъ! продолжалъ казакъ. Кабы Богъ помогъ намъ до грозы наткнуться на какое-нибудь жильё.... Пстойте-ка, ваше благородіе: кажись, вонъ тамъ, направо, лаетъ собака?

Въ самомъ дѣлѣ не далеко отъ насъ послышался громкій лай; мы поѣхали прямо на него, и черезъ нѣсколько минутъ выбрались на широкую, обсаженную березами, дорогу, въ концѣ которой что-то было, и мелькалъ огонёкъ.

— Кажись, это манская мыза, прошепталъ Ермиловъ. Ну, слава тебѣ, Господи! нашли пріютъ!

— Пстойка, братъ! сказалъ я: чтобъ намъ не заплатить дорого за ночлегъ; вѣдь мы не у себя, не на святой Руси. Чай, Польскіе-то паны не больно насъ жалуютъ; хорошо у нихъ останавливаться съ командой, или днемъ на большой дорогѣ, а ночью и въ такомъ захолустьѣ.... долго ли до грѣха? уходятъ насъ, да и концы въ воду.

— А что? чего добраго, ваше благородіе! перервалъ казакъ, почесывая въ головѣ. Вѣдь насъ только двое... да куда же намъ дѣваться?

— Погоди, Ермиловъ! сказалъ я. Надобно подняться на шуки. Я скажу хозяевамъ, что присланъ передовымъ занять эту мызу для полковой квартиры, и что завтра чѣмъ свѣтъ прійдетъ сюда первая рота нашего полка.

— И впрямь, ваше благородіе! подхватилъ казакъ. Пугнемте-ка ихъ постоемъ, такъ дѣло будетъ лучше. Коли они станутъ думать, что мы нарочно къ нимъ пріѣхали, и что завтра нагрянетъ къ нимъ цѣлая рота гренадеръ, такъ ужъ вѣрно никто не посмѣетъ и волосомъ насъ обидѣть.

— Разговаривая такимъ образомъ, мы подъѣхали къ высокому забору, позади котораго, среди широкаго двора, стоялъ каменный домъ, въ два этажа, съ круглыми башнями по угламъ. Въ одномъ окнѣ свѣтился огонёкъ; но ни единой души не было видно ни на дворѣ, ни въ домѣ; все было тихо, какъ въ полночь, и только лаяла одна цѣпная собака. Ворота были незаперты; мы подъѣхали къ дому; я слѣзъ съ коня, вошелъ въ стѣни: никого! Прямо передо мной лѣстница вверхъ. Я началъ по ней взбираться, сабля моя такъ стучала по каменнымъ ступенькамъ, что казалось, можно бы было за версту меня слышать. Взойдя на лѣстницу, я пріостановился: всё тихо. Кой чортъ! подумалъ я: неужели въ этомъ домѣ нѣтъ никого, кромѣ цѣпной собаки? Проведя рукою по стѣнѣ, я ощупалъ дверь, толкнулъ, — она растворилась; вхожу: опять никого! Холодно, сыро, вѣтеръ воетъ; въ окнахъ нѣтъ рамъ: вотъ что! — эта часть дома не достроена, — но гдѣ же свѣтился огонёкъ? кажется, лѣвѣе. Я вышелъ опять къ лѣстницѣ, прошелъ вдоль стѣны; еще двери: отворилъ. Ну, попалъ наконецъ на жилые покои! Въ небольшой комнатѣ, слабо освѣщенной салнымъ

огаркомъ, двое слугъ играли въ карты, а третій спалъ на скамьѣ. Въ ту самую минуту, какъ я вошелъ въ этотъ покой, мнѣ послышался вдали довольно внятный говоръ, какъ-будто-бы отъ многихъ людей, съ жаромъ между собой разговаривающихъ. Но лишь только одинъ изъ игравшихъ слугъ, увидя меня, ушелъ во внутреннія комнаты, то вдругъ всё утихло.

— Какъ зовутъ эту мызу? спросилъ я у слуги, который остался въ передней.

— Эту мызу? сказалъ онъ, глядя на меня такъ нахально, что я невольно смутился, и не вдругъ повторилъ мой вопросъ. Ее зовутъ Бялый Фолваркъ, отвѣчалъ онъ наконецъ, продолжая смотрѣть мнѣ прямо въ глаза.

— А какъ зовутъ хозяина?... Да отвѣчай болванъ, когда тебя спрашиваютъ! продолжалъ я, возвысивъ голосъ и подойдя къ нему поближе.

Слуга попятился назадъ, и, взглянувъ на своего сиящаго товарища, пробормоталъ: — Моего пана зовутъ Янъ Дубицкій..... Гей, Казимиръ!

— Ну такъ и есть! сказалъ я. Насилу же мы отыскали вашу мызу! Веди меня къ хозяину.

— Почекай, панъ. Гей, Казимиръ!

Третій слуга, который спалъ на скамьѣ, вскочилъ, и, увидѣвъ передъ собой Русскаго офицера, закричалъ: — Цо то есть!.... Москаль!

— Сойди-ка, братъ, внизъ, сказалъ я, стараясь казаться спокойнымъ: тамъ стоитъ казакъ.....

— Казакъ? вскричалъ полусонный лакей. Одинъ казакъ?

— Покамѣстъ одинъ, а скоро будетъ много. Возьми у него лошадей, отведи ихъ въ конюшню, а ему вели войти сюда.

Слуга не торопился исполнить мое приказаніе; онъ поглядывалъ какъ шальной то на меня, то на своего товарища, и не трогался съ мѣста.

— Ну, что жъ ты глаза-то выпучилъ, дурень? закричалъ я повелительнымъ голосомъ. Иль не слынишь? Пошелъ! Да смотри, чтобъ лошади были сыты!

Слуга, пробормотавъ себѣ что-то подъ носъ, вышелъ вонъ, и въ то же время лакей, который ходилъ обо мнѣ докладывать, растворивъ дверь, пригласилъ меня въ гостиную. Пройдя небольшую столовую, я вошелъ въ комнату, довольно опрятно убранную и освѣщенную двумя восковыми свѣчами. Въ одномъ углу приставлено было къ стѣнѣ нѣсколько сабель и съ полдюжины конфедератокъ валялось по стульямъ и окнамъ комнаты. Хозяинъ, человекъ лѣтъ пятидесяти, съ предлинными усами, съ подбритой головой, въ синемъ контушѣ и желтыхъ сапожкахъ, принялъ меня со всею важностію Польскаго магната. Развалясь небрежно на канapé, онъ едва кивнулъ мнѣ головою, и показалъ молча на табуретку, которая стояла отъ него шагахъ въ пяти. Ахъ, чортъ возьми! вся кровь во мнѣ закипѣла: я позабылъ, что положеніе мое было вовсе незавидное; въ эту минуту я думалъ только о томъ, что имѣю честь носить Русскій мундиръ, и служить въ Астраханскомъ гренадерскомъ полку полковымъ адъютантомъ. Не отвѣчая на его обидный поклонъ, я оттолкнулъ ногою табуретку, усѣлся подлѣ него на канapé, и, вытащивъ изъ кармана кисетъ съ табакомъ, принялся, неговоря ни слова, набивать мою трубку. Казалось, это нецеремонное обращеніе смутило хозяина: помолчавъ нѣсколько времени, онъ спросилъ довольно вѣжливо, откуда я ѣду.

— Изъ лагеря, отвѣчалъ я, продолжая набивать мою трубку.

— И вѣрно панъ..... панъ.....

— Капитанъ! перервалъ я, кинувъ гордый взглядъ на хозяина.

— Препрашаю!.... вѣрно, панъ капитанъ замлутался въ этомъ лѣсу?

— Нѣтъ. Я прямо сюда ѣхалъ.

— Сюда? повторилъ хозяинъ съ примѣтнымъ беспокойствомъ.

— Да! продолжалъ я, раскуривая спокойно мою трубку: вѣдь эту мѣзу зовутъ Бѣлый Фольваркъ?

— Такъ.

— А васъ паномъ Дубицкимъ?

— Такъ есть.

— Я присланъ сюда квартирьеромъ; у васъ назначена полковая квартира Астраханскаго гренадерскаго полка.

— Полковая квартира! вскричалъ панъ, спрыгнувъ съ канапе.

— Да. Завтра чѣмъ свѣтъ, а можетъ-быть и сегодня ночью, прійдетъ сюда первая рота нашего полка..... Да садитесь, пане Дубицкій!.... Прошу покорно!

Тутъ взглянулъ я на моего хозяина: выткнувшись въ струнку, онъ стоялъ передо мной, какъ листъ передъ травой, и на лицѣ его происходили такія эволюціи, что я чуть было не лопнулъ со смѣху. Огромные усы шевелились, глаза прыгали изъ стороны въ сторону, а хохолъ на головѣ стоялъ почти дыбомъ.

— Змилуйся, пане капитане! завопилъ онъ наконецъ: куда дѣвать мнѣ цѣлую роту?

— Найдемъ для всѣхъ мѣсто.

— Но разсудите сами.....

— Эхъ, панъ Дубицкій! перервалъ я, развязывая шарфъ и снимая мою саблю: военные люди не разсуждаютъ; дѣлай то, что приказано, вотъ и все тутъ.

— Иезусъ, Марія! продолжалъ хозяинъ. Помѣстить цѣлую роту!.... Да какимъ же способомъ? я самъ съ больной моей женою живу только въ трехъ комнатахъ.

— Полно, такъ ли? сказалъ я. Домъ — то, кажется у васъ великъ?

— Якъ Пана Бога кохамъ! ну, мало ли мызъ, и лучше и просторнѣе моей? И кому въ голову пришло.....

— А вотъ, перервалъ я, панъ Дубицкій, какъ мы выпьемъ съ вами рюмки по двѣ Венгерскаго, такъ я скажу, кому пришло въ голову занять вашу мызу.

— Въ моментъ, пане, въ моментъ! Эй, хлопецъ!

— Не беспокойтесь, сказалъ я, подходя къ столу, на которомъ стояли двѣ бутылки вина, и нѣсколько порожнихъ и налитыхъ рюмокъ. Съ насъ будетъ и этого: до васъ, пане!

Хозяинъ примѣтнымъ образомъ смѣшался, и когда вошелъ слуга, то онъ, пошептавъ ему что-то наухо, сказалъ, обращаясь ко мнѣ: — Въ самомъ дѣлѣ!..... А я было совсѣмъ забылъ, что отвѣдывалъ сейчасъ съ моимъ экономомъ это вино, которое вчера купилъ въ Краковѣ. Ну, что вы о немъ скажете?

Славное вино! Настоящее Венгерское! Ну, пане Дубицкій, продолжалъ я, выпивъ еще рюмку: теперь я вамъ скажу, кому пришло въ голову занять вашу мызу. Полковая квартира простоятъ у васъ день, много два. Но наша полковница останется здѣсь жить, и, на долго ли, этого сказать вамъ не могу. Ей въ Краковѣ такъ много наговорили хорошаго объ этой мызѣ, что она хочетъ непременно у васъ погостить.

— Барзо дзѣнкую за гоноръ! сказалъ хозяинъ. Но я желалъ бы знать, кто расхвалилъ вашей полковницѣ Бялый Фольваркъ? ужъ вѣрно злодѣи мои, панъ маршалокъ, панъ Замборскій, панъ Кленовичъ..... Нѣхъ ихъ вшишцы дьябли везмо!

— А чтожь? мнѣ кажется, они говорили правду?

— А бондзъ же ласковъ, змилуйся, пане капитане! вскричалъ отчаяннымъ голосомъ хозяинъ. Гдѣ будетъ жить ваша полковница? Во всемъ верхнемъ этажѣ отдѣланы только три комнаты, въ которыхъ я самъ кое-какъ помѣщаюсь. Конечно внизу покоевъ довольно, но я не знаю, можно ли будетъ и вамъ въ нихъ ночевать.

— А почему же нѣтъ? —

— Эхъ, мось пане добродзѣю! то кара Боска, если, далибугъ, такъ! Я и самъ, лишъ только женѣ моей съѣздается лучше, переѣду въ Краковъ, и ужъ вѣрно этотъ домъ никогда не будетъ отдѣланъ.

— Но отъ чего же? спросилъ я съ невольнымъ любопытствомъ.

— О, пане капитане!..... вы человѣкъ военный, такъ можетъ статья мнѣ не повѣрите.

— Да что такое?

— Слыхали ли вы когда-нибудь о пану Твардовскомъ?

— О пану Твардовскомъ? повторилъ я, и только хотѣлъ-было сказать, что нѣтъ, какъ вспомнилъ, что читалъ однажды Русскую сказку «О храбрѣмъ витязѣ Алешѣ Поповичѣ,» гдѣ между прочимъ говорится и о Польскомъ колдунѣ Панѣ Твардовскомъ, съ которымъ Русскій богатырь провозился цѣлую ночь. А, знаю, знаю! сказалъ я — этого пана Твердовскаго, или Твардовскаго утащили черти?

— Не только утащили, перервалъ хозяинъ, а даже протащили сквозъ каменную стѣну, на которой, какъ рассказываютъ старики, долго еще послѣ того видны были кровавыя пятна.

— Собакъ собачья и смерть, сказалъ я. Да чтожь общаго между вашимъ домомъ и этимъ проклятымъ колдуномъ?

— А вотъ что, мось пане: мой домъ построенъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ замокъ Твардовскаго.

— Неужели? вскричалъ я, поглядѣвъ невольно вокругъ себя.

— Далибугъ, такъ! продолжалъ хозяинъ. А что всего хуже, такъ это то, что весь нижній этажъ моего дома построенъ изъ развалинъ стараго замка.

— Вотъ что! прошепталъ я сквозь зубы. Да вѣдь впрочемъ, прибавилъ я, это было уже давно.

— Конечно, давно, пане капитане; да отъ этого мнѣ не легче. Каждую пятницу, около полуночи, въ нижнемъ этажѣ моего дома поднимается такая возня, что стѣны трясутся.

— Каждую пятницу?

— Да. Говорятъ, что въ этотъ самый день черти дернули пана Твардовскаго сквозь стѣну, и утащили къ себѣ въ преисподнюю. Эта стукотня продолжается иногда цѣлую ночь: всѣ окна освѣтятся, начнется ужасный вой, — потомъ сдѣлается опять темно, — а тамъ снова разольется по всему нижнему этажу такой свѣтъ, что можно снаружи видѣть все, что дѣлается внутри.

— А чтожъ тамъ дѣлается? спросилъ я, стараясь казаться равнодушнымъ.

— Однажды только, отвѣчалъ хозяинъ, мой прежній экономъ рѣшился заглянуть туда съ надворья, да видно увидѣлъ такіа страсти, что у него языкъ отнялся, — а когда онъ сталъ опять говорить, такъ ничего нельзя было понять изъ его словъ.

— Отъ чего же?

— Отъ того, что онъ былъ въ жестокой горячкѣ.

— Ну, а когда выздоровѣлъ?

— Да онъ не выздоровѣлъ, а на третій день умеръ.

— Вотъ что! повторилъ я опять сквозь зубы, и что-то похожее на лихорадочную дрожь пробѣжало по моимъ членамъ. Но вѣдь вы говорите, продолжалъ я, помолчавъ нѣсколько времени: что это бываетъ только по пятницамъ?

— Такъ, пане добродѣю! Да вѣдь сего-дня нятница.

— Въ самомъ дѣлѣ!..... и у васъ въ верхнемъ этажѣ нѣтъ ни одной свободной комнаты?

— Далибугъ, нѣтъ! кромѣ спальни моей жены, этой гостиной, гдѣ живутъ ея резиденки, и столовой, гдѣ

силю я, нѣтъ ни одного жилаго покоя. Но если, прибавилъ съ насмѣшливой улыбкою Полякъ, панъ капитанъ боится

— Если я боюсь?..... боюсь!.....

И это говорить Польскій панъ Русскому офицеру!..... Ухъ, батюшки! такъ меня варомъ и обдаю!..... Мнѣ, офицеру Астраханскаго гренадерскаго полка испугаться колдуна! И добро бы еще Русскаго!..... Ахъ, чортъ возьми! да если бъ самъ сатана въ Польскомъ контушѣ явился передо мною, такъ я и тогда бы скорѣе умеръ, чѣмъ на вершокъ отъ него попятился.

— Извините, панъ Дубицкій, сказалъ я вставая: я не боюсь ни паца Твардовскаго, ни пана чорта, ни живыхъ, ни мертвыхъ, и ночью сегодня въ вашемъ нижнемъ этажѣ.

— Какъ угодно! По крайней мѣрѣ я васъ предупредилъ, и если что-нибудь случится

— Не беспокойтесь! и у меня и у моего казака, есть по парѣ пистолетовъ и по саблѣ: такъ живыхъ мертвецовъ мы не боимся, а съ нечистой силой справиться не трудно. Не погнѣвайтесь, — вѣдь мы не по-Латынни читаемъ наши молитвы. Прикажите мнѣ показать мою комнату.

— Въ моментъ, пане! Да не угодно ли вамъ чего покушать?

— Благодарю! Я не ужинаю, а если позволите, возьму съ собою эту бутылку Венгерскаго, и разоны ее за упокой души вашего Твардовскаго. Только не советую ему мѣшать мнѣ спать: мы, Русскіе, незваныхъ гостей не любимъ.

Хозяинъ проводилъ меня до передней, въ которой, къ удивленію моему, я нашелъ казака въ большомъ ладу съ людьми Дубицкаго: онъ потягивалъ съ ними предружески горьлку, и, судя по двумъ полуштофамъ, изъ которыхъ одинъ ужъ былъ пустъ, а въ другомъ оставалось вина только на донышкѣ, не трудно было

догадаться, что они порядкомъ угостили Ермилова: я еще болѣе увѣрился въ этомъ, когда онъ, вскочивъ съ скамьи, началъ хвататься за стѣну, чтобъ не упасть мнѣ въ ноги. Ну, плохой же будетъ у меня товарищъ! подумалъ я. Но дѣлать было нечего! Одинъ слуга пошелъ впередъ со свѣчей, а двое повели съ лѣстницы казака, который, не смотря на мое присутствіе, безпрестанно лобызался съ своими провожатыми, благодаря ихъ за дружбу и угощеніе.

Когда мы спустились съ лѣстницы, слуга, который шелъ впереди, отперъ огромнымъ ключемъ толстыя двери, и мы вошли въ большую комнату со сводами. Я нехотя замѣтилъ, что провожатые мои робко посматривали во всѣ стороны, и съ примѣтнымъ безпокойствомъ прислушивались къ шелесту собственныхъ шаговъ своихъ; онъ раздавался подъ сводами обширныхъ комнатъ, сырыхъ и мрачныхъ, какъ церковныя подземныя склепы: не доставало только гробовъ, чтобъ довершить это сходство. Мы вошли наконецъ въ одну угольную комнату, которая болѣе другихъ походила на жилой покой. Множество фамилныхъ портретовъ по стѣнамъ, дюжины двѣ стульевъ, обитое черной кожею канапе, кровать съ шелковымъ пологомъ, большіе стѣнные часы и дубовый столъ, на который слуга поставилъ свѣчу, а я бутылку Венгерскаго, — составляли все убранство моей опочивальни. Слуги, пожелавъ мнѣ спокойной ночи, вышли вонъ.

Не стыдно ли тебѣ, Ермиловъ? сказалъ я казаку, который, прислонясь къ стѣнѣ, старался какъ можно бодрѣе стоять передо мною. Ну выпилъ бы стаканъ, другой! — а то посмотри, какъ натянулся!

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе! пробормоталъ казакъ: прикажите, по одной дощечкѣ пройду.

— Молчи, скотина!

— Слушаю, ваше благородіе!

- Гдѣ мои пистолеты?
- Въ чушкахъ, ваше благородіе!
- И ты оставилъ ихъ тамъ, на конюшнѣ?
- Ничего, ваше благородіе! Народъ здѣсь честной; все будетъ цѣло.
- Подай мнѣ свои!
- Казакъ вынулъ изъ за пояса свои пистолеты, и, подавая мнѣ, сказалъ: — Да извольте осторожныѣ, они заряжены пулями: знатные пистолы! Ужъ здѣшніе люди ими любовались, любовались!.....

— Хорошо! пошелъ, ложись, вонъ, на это канане! Да постарайся выспаться проворныѣ, пьяница!

Казакъ, пробираясь вдоль стѣны, дотащился до канане, прилегъ, и въ ту же минуту захрапѣлъ; а я, взявъ свѣчу, и прежде всего осмотрѣлъ двери моей комнаты: онѣ запирались снаружи, а внутри не было ни крючка, ни задвижки. Это обстоятельство мнѣ очень не понравилось, но дѣлать было нечего. Притворивъ какъ можно плотнѣе двери, я взглянулъ мимоходомъ на почернѣвшіе отъ времени портреты, которыми увѣшаны были всѣ стѣны. Во всю жизнь мою я не видывалъ такого подбора звѣрскихъ и отвратительныхъ лицъ. Бритыя головы съ хохлами, отвислые подбородки, нахмуренныя брови, усы, какъ у Сибирскихъ котовъ, — ну, словомъ, что портретъ, то рожа, и одна другой отвратительнѣе! — Ай да, красавцы! подумалъ я: ну, если домовыѣ, которые изволятъ здѣсь пошалаивать, не красивѣе ихъ, такъ признаюсь!..... Болѣе всѣхъ поразилъ меня портретъ какого-то святочнаго нугала, съ золотою цѣпью на шеѣ, въ черномъ балахонѣ и въ высокой четырехсторонней шапкѣ. Его сухое и блѣдное лицо, зачесанные къ низу усы и, выглядывающіе изъ-подъ навислыхъ бровей, косые глаза, были такъ безобразны, что я въ жизнь мою ничего гаже не видывалъ. Внизу на золоченой рамѣ было

написано имя пана Твардовскаго. Такъ вотъ онъ! вскричалъ я невольно: ну, хорошъ голубчикъ! И онъ же приходитъ съ того свѣта людей пугать! Ахъ, ты, чортова чучела! — примолвилъ я, плюнувъ на портретъ. Да небось! меня не испугаешь, еретикъ проклятый! — Не знаю почему, но я не чувствовалъ въ себѣ ни какой робости; мнѣ казалось, что въ Польшѣ и черти должны бояться Русскаго офицера; а притомъ разсказъ моего хозяина хотя и произвелъ на меня нѣкоторое впечатлѣнiе, но я зналъ, что Поляки любятъ при случаѣ отпустить красное словцо, и сдѣлать изъ мухи слона. Впрочемъ, думалъ я, принимаясь за бутылку Венгерскаго: если и въ самомъ дѣлѣ нечистая сила проказить въ этомъ домѣ, такъ чтожъ? Пошумять, пошумять, да тѣмъ дѣло и кончится. Хорошо демону шутить съ еретикомъ, а вѣдь я православный! — Разсуждая такимъ образомъ, я скинулъ верхнее платье, положилъ подлѣ себя саблю и пистолеты, сотворилъ молитву, перекрестился, и, хлѣбнувъ еще Токайскаго, улегся на постели. Свѣтъ отъ восковаго огарка, котораго я не погасилъ, падалъ прямо на противоположную стѣну, и хотя слабо, но вполне освѣщалъ нѣскольکو портретовъ. Не смотря на то, что я вовсе не трусилъ, ожиданiе чего-то необычайнаго не давало мнѣ сомкнуть глазъ; по-временамъ мнѣ казалось, что всѣ эти портреты, какъ будтобы одушевились; что одинъ моргалъ глазами, у другаго шевелился усъ, третiй кивалъ мнѣ головою, — и хотя я понималъ, что это происходило отъ того, что у меня начинало уже рябѣть въ глазахъ, а не смотря на это заснуть не могъ. На дворѣ бушевала погода, вилъ вѣтеръ, дождь лилъ какъ изъ ведра; но подлѣ меня и по комнатамъ все было тихо и спокойно. Ужъ не подшутили ли надо мною хозяинъ? подумалъ я. Чего добраго! эти Поляки любятъ позабавиться. Вѣстимо дѣло! когда сила не беретъ, такъ хоть чѣмъ-нибудь душу отвести. Чай, теперь онъ ду-

наеть: «Какъ не поспить всю ночь, проклятый Москаль, такъ мое Венгерское-то выдетъ ему сокомъ!» Анъ — нѣтъ! брешешь, мосъ-панъ добродѣю! засну! — Я опустилъ закинутый пологъ, и принялся думать о старинѣ, о матушкѣ Москвѣ-бѣлокаменной, о Прѣсенскихъ Прудахъ, о красномъ домикѣ съ зелеными ставнями, о моей Авдотѣ Михайловнѣ, съ которою я былъ тогда помолвленъ, о томъ о сѣмъ, — и вотъ мало-по-малу меня стало затуманивать, одолѣла дремота, и я заснулъ. Въ то самое время, какъ мнѣ снилось, что я прогуливаюсь съ моей невѣстой по Дѣвичьему Полю, какъ-будто-бы толкнули меня подъ бокъ: я проснулся. Ба, ба, ба! что такое? Кажется, въ сосѣднемъ покоѣ свѣтло? Отдернулъ пологъ, — гляжу: точно!.... Не размышляя долго, я вскочилъ съ постели, взялъ въ руку пистолетъ, и, подойдя на цыпочкахъ къ дверямъ, порастворилъ одну половинку: ну, это еще не очень страшно! — посреди комнаты стоитъ большой столъ; на столѣ огромное блюдо, накрытое чѣмъ-то бѣлымъ, а кругомъ тринадцать стульевъ. Посмотримъ, подумалъ я, кто это здѣсь собрался ужинать. — Не прошло пяти минутъ, какъ вдругъ вдали, какъ-будто-бы за версту, послышалось какое-то заунывное пѣніе: вотъ ближе, — ближе: — эге! да это никакъ поютъ за упокой? напѣвъ точно погребальный, только словъ не слышно. — Чу! всё замолкло, и вотъ опять, — да ужъ близёхонько, — какъ заревутъ!.... Господи, Боже мой, кто въ лѣсъ, кто по дрова! И вопять какъ надъ могилою, и насвистываютъ плясовыя пѣсни, — а содомъ-то какой! шумъ, гамъ! вдругъ двери въ комнату, въ которой стоялъ накрытый столъ, какъ-будто отъ сильнаго вихря, распахнулись настежь, — и полѣзли въ нихъ.... да все-то въ саванахъ, и въ бѣлыхъ колпакахъ съ наличниками! Ну, ни дать, ни взять, какъ висѣльники! Они входили попарно, а позади всѣхъ, четверо такихъ же пугалъ несли на носилкахъ мертвеца, и лишь только

эти послѣдніе перешагнули черезъ порогъ, какъ вдругъ всѣ опять завьли, а мертвецъ приподнялся, и сбросилъ съ себя бѣлую пелену, которою былъ покрытъ. Глядь! — точь-въ-точь какъ этотъ портретъ въ черномъ платьѣ; въ такой же четырехсторонней шапкѣ, на шеѣ золотая цѣпь, лице блѣдное, усы по двѣ четверти. Ах-ти!.... такъ и есть!.... Это колдунъ, — панъ Твардовскій! Ну, господа, что грѣхъ таить? — дрогнуло во мнѣ ретивое. Межъ-тѣмъ, вся эта сволочь размѣстилась по комнатѣ; одни стали рядышкомъ вдоль стѣны, другіе усѣлись за столомъ, самъ мертвецъ расположился на первомъ мѣстѣ: только противъ него одинъ стулъ остался порожній, — и вотъ, гляжу, колдунъ манить меня пальцемъ. — Что дѣлать? подумалъ я: итти худо, не итти стыдно: неравно еще эти Польскіе черти подумаютъ, что я ихъ трушу. Такъ и быть; смѣлымъ Богъ владѣетъ: пойду!

Не выпуская изъ руки пистолета, я подошелъ къ столу; колдунъ указалъ мнѣ, молча, на порожній стулъ. Вотъ что! Такъ, видно, я былъ въ счету? Добро, добро; посмотримъ что будетъ. Я сѣлъ. Хотя отъ времени до времени меня подиралъ морозъ по кожѣ, но я все-еще не терялъ духа; къ тому жъ, всѣ эти святочные нугалы сидѣли такъ смирно, что можно было услышать, какъ муха пролетитъ, и даже самъ колдунъ, выпучивъ свои оловянные глаза, сидѣлъ чинно и неподвижно какъ набитая чучела. Прошло минутъ десять: все тихо; черти молчатъ, колдунъ таращитъ на меня глаза, а я посматриваю на всю честную компанію, и жду, чѣмъ дѣло кончится. Вотъ стѣнные часы въ моей спальнѣ зашипѣли; съ трескомъ завертѣлись колеса, и колокольчикъ зазвенѣлъ; разъ, два, три..... Чу! полночь. Еще двѣнадцатый звонокъ не отгудѣлъ, какъ вдругъ колдунъ зашевелилъ усами и кивнулъ головой; одинъ изъ его собесѣдниковъ всталъ, протянулъ длинную костяную руку, скорчилъ свои

крючковатые пальцы, и ухвативъ, за самую средину, ширинку, которою покрыто было блюдо, поднялъ ее къверху.... Ухъ батюшки! И теперь не могу безъ страха вспомнить. Гляжу: на блюде лежитъ человѣческая голова, — да еще какая!.... Ахъ, ты, Господи, Боже мой!... Раздутыя щеки, носъ въ два мои кулака, ротъ до ушей, глаза по ложкѣ.... ну!!! ёкнуло во мнѣ сердечко. Эко блюдо изготовили!.... Ъшь! заревѣлъ охриплымъ голосомъ колдунъ. Ъшь! повторила хоромъ вся нечистая сила. Ой, ой, ой! плохо дѣло! Хочу встать, ноги подгибаются; хочу творить молитву, языкъ не шевелится. А черти и колдунъ вотъ такъ и палятъ меня глазами! Наконецъ, я кое-какъ промолвилъ: «Чуръ меня, чуръ! Да воскреснетъ Богъ!....» И чтожъ? Голова зашевелилась, начала дразнить меня языкомъ, и защелкала зубами. Ахти! и молитва не беретъ! Худо! Не помню самъ, какъ мнѣ пришло въ голову, — отъ страху, что ль, — только я поднялъ руку съ пистолетомъ, почти уперъ его въ эту чортову башку, взвелъ курокъ,.... бацъ! Не тутъ-то было!.... Всѣ черти захотали, а голова раскрыла огромную пасть, и, словно изъ бочки, какъ грянетъ басомъ Польскую мазурку! — ну!.... руки у меня опустились; въ глазахъ запестрѣло, все вокругъ пошло ходуномъ, въ ушахъ поднялся звонъ, столъ запрыгаль, черти завертѣлись какъ кубари, и я упалъ безъ памяти на полъ.

Не знаю, долго ли я пролежалъ безъ чувствъ, но какъ очнулся, такъ еще было темно. На дворѣ ревѣла гроза, но въ комнатахъ опять все затихло. Стола нѣтъ, свѣчей также: только въ спальнѣ чуть-чуть теплился догорающій огарокъ. Не скоро я образумился: да ужъ за то, лишь только вспомнилъ, что со мною было, то откуда прыть взялась!.... Мигомъ одѣлся, растолкалъ Ермилова, потащилъ его за собою въ конюшню, разбудилъ панскихъ конюховъ, и черезъ полчаса вхалъ ужъ опять по лѣсу. Къ свѣту, мы добрались до

лагеря, и являсь къ моему полковнику, я такъ его перепугалъ, что онъ тотъ же часъ послалъ за полковымъ лекаремъ: на мнѣ лица не было! Мартынъ Адамычъ пощупалъ мой пульсъ, объявилъ, что у меня жестокая горячка, прописалъ лекарство; я его не принялъ, проспалъ почти цѣлыя сутки, и черезъ два дня отправился опять искать дачи для нашей полковницы.

— И съ тѣхъ поръ вы никогда не встрѣчались съ паномъ Дубицкимъ? Спросилъ Заруцкій.

— Нѣтъ, Алексѣй Михайловичъ! слышалъ только, что у него на дачѣ, передъ самымъ концемъ кампаніи, захватили цѣлую партію конфедератовъ, и что послѣ небольшой драки этихъ господъ съ однимъ изъ нашихъ летучихъ отрядовъ, казаки, взявъ хозяина и многихъ изъ его товарищей въ плѣнъ, сожгли и разорили до основанія Бялый Фольваркъ.

— А какъ вы думаете, Антонъ Ѳедоровичъ! перервалъ съ улыбкою Черемухинъ: ужъ вѣрно въ числѣ этихъ плѣнныхъ конфедератовъ было нѣсколько бѣсовъ, а можетъ-быть, и самъ колдунъ Твардовскій попался въ руки къ казакамъ.

— Вотъ ужъ этого, батюшка, не знаю! отвѣчалъ хладнокровно Кольчугинъ, набивая свою трубку.

— То есть, Александръ Дмитріевичъ, сказалъ хозяинъ, ты хочешь намѣкнутьъ, что эту ночную комедію сыграли съ нашимъ пріятелемъ панъ Дубицкій и его гости, для того, чтобъ отдѣлаться отъ постоя, не правда ли?

— Что вы, что вы! вскричалъ Черемухинъ. Да это мнѣ и въ голову не приходило! Ужъ я вамъ докладывалъ, что я всему на свѣтѣ вѣрю. Еслибъ это проказили Поляки, такъ голова бы не зацѣла басомъ, когда въ нее выстрѣлилъ, Антонъ Ѳедоровичъ, изъ пистолета. Правда, у пьянаго казака не трудно было разрядить пистолеты; но вѣдь одна догадка не доказатель-

ство, и, потому, всего вѣрнѣе, что тутъ замѣшалась нечистая сила.

— Ты забавляешься любезный, перерываешь Заруцкій: а я такъ скажу вамъ, почтенный Антонъ Ѳедоровичъ, безъ всякихъ обиняковъ, что васъ одурачили Поляки: имъ нужно было какъ-нибудь избавиться отъ постоя. А чтобъ одѣться въ маскарадныя платья, протиснуть голову сквозь прорѣзанный столъ и блюдо, и разрядить пистолеты пьяного казака, такъ, — воля ваша! — на это немного надобно хитрости. Знаете ли что? Я, на вашемъ мѣстѣ, самъ бы порядкомъ надъ ними позабавился. Вамъ стоило только притвориться, что вы хотите отвѣдать блюда, которымъ васъ потчуютъ, и если бъ вы одной рукой схватили эту жаренную голову за носъ, а въ другую взяли бы столовый ножъ, такъ, я васъ уверяю, она не зашла бы басомъ мазурку, а развѣ протанцовала на своемъ блюдѣ. Эхъ Антонъ Ѳедоровичъ, такъ ли еще обманываютъ честныхъ людей, когда это надобно! Вотъ и со мной былъ однажды случай, который хотъ кого бы свелъ съ ума....

— Съ тобою? перерываешь съ любопытствомъ хозяинъ. Когда это?

— Лѣтъ семь тому назадъ, когда я носилъ еще гусарскій мундиръ, и былъ съ моимъ полкомъ въ Италию.

— Съ Суворовымъ?

— Да, дядюшка! Если хотите, я расскажу вамъ объ этомъ. Слушайте.

=

Въ сраженіи при Нови, гдѣ Русскія и Австрійскія войска, подъ начальствомъ Суворова, разбили на голову Французовъ, я находился съ моимъ эскадрономъ при отрядѣ, которымъ командовалъ любимецъ Суворова, Генералъ Милорадовичъ: въ ту самую минуту, какъ онъ повелъ впередъ свою колонну, чтобъ атако-

вать центръ непріятельской арміи, убило подо мною ядромъ лошадь, и я получилъ такую сильную контузію, что нѣсколько часовъ сряду пролежалъ безъ памяти. Послѣ сраженія, меня отправили сначала въ небольшой городокъ Акви, а потомъ перевезли въ Туринъ, гдѣ я пролежалъ болѣе двухъ недѣль въ постель. Я довольно хорошо говорю по-Италіянски, и могъ изрядка бесѣдовать съ моимъ хозяиномъ; но, не смотря на это, умиралъ отъ скуки и тоски. Когда мнѣ сдѣлалось легче, и я сталъ прохаживаться по комнатамъ, то мнѣ посовѣтовали лечиться за городомъ. Это было въ концѣ Августа мѣсяца; жары стояли несносные, и я самъ чувствовалъ, что свѣжій деревенскій воздухъ необходимъ для возстановленія моего здоровья. Австрійскій комендантъ отвелъ мнѣ прекрасную квартиру верстахъ въ десяти отъ города, на дачѣ синьора Леонардо Фразелини, богатаго Туринскаго купца. Я послалъ туда передовымъ моего деньщика съ квартирнымъ билетомъ; а самъ на другой день ранехонько поутру отправился въ наемной каретѣ, и, остановясь на минуту полюбоваться великолѣпной площадью Св. Карла, выѣхалъ, черезъ предмѣстье Борго-ди-По, за городъ.

Я никогда не бывалъ въ южной Италіи; но если въ ней климатъ и Природа лучше, чѣмъ въ Піемонтѣ, такъ ужъ подлинно можно ее назвать земнымъ раемъ и цвѣтникомъ всей Европы. Трудно и живописцу дать намъ ясное понятіе объ этой яркой зелени полей, усыпанныхъ благовонными цвѣтами, объ этихъ темносинихъ и въ то же время прозрачныхъ небесахъ Италіи: такъ мнѣ нечего и говорить съ вами объ этомъ. Вы, дядюшка, бывали на Кавказѣ и въ Крыму: слѣдовательно, лучше другаго поймете, съ какимъ восторгомъ смотрѣлъ я на это безоблачное южное небо и цвѣтущія окрестности города, усыянные рощами шелковыхъ деревьевъ. Мы, дѣти Сѣвера, воспитанныя среди об-

ширныхъ полей и дремучихъ лѣсовъ нашей родины, привыкли, съ ребячества, любить раздолье и просторъ: такъ вы можете себѣ представить, какъ я обрадовался, когда выѣхалъ за городъ, и могъ свободно дышать этимъ животворнымъ деревенскимъ воздухомъ, напитаннымъ ароматами цвѣтовъ. Я не успѣлъ отѣхать двухъ верстъ отъ заставы, какъ почувствовалъ въ себѣ такую перемѣну, что готовъ былъ хоть сейчасъ на коня, — саблю вонъ, — и въ атаку. Мнѣ было такъ легко, такъ весело.... О, безъ всякаго сомнѣнія, противоположности необходимы для нашего земнаго счастія! Если бы я не просидѣлъ нѣсколько недѣль въ тѣсной комнатѣ, въ которой, какъ въ аптекѣ, все пропахло лекарствомъ; если бы мрачный и узкій переулокъ, въ который никогда не заглядывало солнышко, не былъ единственнымъ видомъ, коимъ я любовался изъ моихъ оконъ; то врядъ ли бы въ жизни моей нашлось нѣсколько часовъ сряду совершеннаго, не отравленнаго ничѣмъ благополучія. Миновавъ потѣшный дворецъ, называемый Королевскимъ Виноградникомъ, я выпрыгнулъ изъ кареты, и пошелъ пѣшкомъ. Мой жадный взоръ обѣгалъ свободно и униженные загородными домами, холмистые берега рѣки По, и обширную равнину, которая оканчивалась къ сѣверу высокими Пиемонтскими горами. Вблизи, съ правой стороны, на Капуцинской Горѣ, возвышалась готическая церковь монастыря; позади, еще выше, сквозь темную зелень оливковыхъ деревьевъ, бѣлылись зубчатая стѣны Камальдульской Пустыни; а прямо передо мною, вдали, прорѣзывая утренній туманъ, плавалъ, какъ на облакахъ, огромный куполъ Суперги, сей знаменитой соперницы колосальнаго Петра и Павла въ Римѣ. Съ каждымъ шагомъ впередъ, горизонтъ расширялся, и я, очарованный живописными видами, которые слѣдовали непрерывно одинъ за другимъ, не замѣтилъ, какъ прошелъ верстъ пять передъ моей каретою: она

тащилась за мною шагомъ по большой дорогѣ. Э, ге! синьоръ уфиціале! синьоръ уфиціале! закричалъ мой кучеръ: маледето! синьоръ уфиціале! — Я обернулся: карета стояла у самаго въѣзда въ тѣнистую аллею изъ пирамидальныхъ тополей: шагахъ въ двухъ стахъ отъ большой дороги она примыкала къ густой каштановой рошѣ. Я воротился, и, продолжая идти пѣшкомъ впереди кареты, въ нѣсколько минутъ достигъ до роши, и потомъ, прямой простѣкою, вышелъ опять на открытое мѣсто, котораго сельскій и спокойный видъ такъ мнѣ понравился, что я остановился на минуту имъ любоваться. Представьте себѣ широкую долину, посреди которой змѣилась излучистая рѣчка, огибая въ своемъ теченіи нѣсколько высокихъ холмовъ, поросшихъ сплошнымъ кустарникомъ; она вливалась въ свѣтлое озеро съ покатыми берегами, которые безъ всякаго преувеличенія можно было назвать Персидскими коврами: такъ они были испещрены безчисленнымъ множествомъ самыхъ яркихъ и разнообразныхъ цвѣтовъ! Прямо противъ каштановой роши, изъ которой я вышелъ, на самомъ берегу озера, проглядывалъ сквозь померанцевыя деревья и густые кусты благоуханной акаціи, одноэтажный домъ, съ плоскою кровлею и красивымъ портикомъ; гибкія виноградныя лозы обвивались около колоннъ, которыя поддерживали мраморный фронтонъ, и на всѣхъ окнахъ стояли фарфоровыя вазы съ цвѣтами. Позади дома, во всю ширину двора, тянулся длинный флигель съ широкими Италіянскими окнами. Лицевой его фасадъ былъ обращенъ на дворъ, а противоположная сторона выходила въ садъ, который окружалъ, съ трехъ сторонъ, и домъ и всѣ принадлежащія къ нему строенія. Отъ самой каштановой роши начинался обширный лугъ, по которому извивалась рѣчка, впадающая въ озеро. Пять, шесть крестьянскихъ избъ, красивая мельница на ручьѣ, нѣсколько коровъ и рѣз-

выхъ козъ, разсыпанныхъ по лугу, и миловидная дѣвушка, которая, зачерпнувъ воды, несла ее на ту пору въ глиняномъ кувшинѣ на своей головѣ, оживляли сію сельскую, исполненную прелести картину. — Да это настоящая Идиллія въ лицахъ! вскричалъ я невольно, посмотрѣвъ вокругъ себя: жаль только, что недостаетъ пастуха и пастушки. Ага! да вотъ и они, — продолжалъ я, увидѣвъ, подъ однимъ кустомъ, молодого человѣка, который сидѣлъ на травѣ, рядомъ съ дѣвушкою лѣтъ шестнадцати. Они оба были одѣты просто, по-деревенскому, но отмѣнно щеголевато, и если бы соломенная шляпка, въ которой была дѣвушка, попала въ Москву, на Кузнецкій Мостъ, такъ, увѣряю васъ, она недолго бы залежалась въ модномъ магазинѣ. Молодой человѣкъ былъ недуренъ собою, а его подруга..... О, такое миловидное, выразительное лицо, такіе черные пламенные глаза можно встрѣтить въ одной Италіи!

— Позвольте спросить, сказалъ я, подойдя къ этимъ нѣжнымъ голубкамъ, которые о чемъ-то въ полголоса ворковали межъ собою: вѣдь это дача синьора Фразелини?

Дѣвушка вскрикнула, ударилаcь бѣжать, и прежде чѣмъ я успѣлъ окончить мой вопросъ, и слѣдъ ея простылъ. Молодой человѣкъ также смутился, но отвѣчалъ очень вѣжливо: — Точно такъ, синьоръ уффициале! Это помѣстье принадлежитъ синьору Леонарду Фразелини: если угодно, я васъ провожу до дому.

Я пошелъ вслѣдъ за нимъ по берегу рѣчки, а карета поѣхала по дорогѣ, которая шла прямо черезъ лугъ на широкую плотину, устроенную повыше мельницы. Когда мы перешли черезъ ручей по красивому Китайскому мостику, я спросилъ молодого человѣка, не сынъ ли онъ помѣщика.

— Извините, синьоръ уфиціале! отвѣчалъ онъ: я Корнеліо Аницети, родной его племянникъ.

— А красавица, съ которой вы сидѣли подъ кустомъ: вѣрно сестра ваша?

Смуглыя щеки Корнеліа вспыхнули. — Нѣтъ! сказалъ онъ отрывисто. Это камеріера моей тетки.

— Неужели? Она такъ хорошо одѣта, что я подумалъ..... А какъ зовутъ эту прекрасную служаночку?

— Челестиною.

— Она очень мила.

Корнеліо посмотрѣлъ на меня пристально, и, признаюсь, для моего самолюбія пріятно было замѣтить, что этотъ инспекторскій смотръ не очень его успокоилъ. — Да! сказалъ онъ наконецъ: это правда, Челестина мила, но она очень дика, и, сверхъ того, — извините, синьоръ уфиціале, — терпѣть не можетъ иностранцевъ. Но вотъ и дядюшка идетъ къ намъ навстрѣчу! прибавилъ онъ, указывая на человѣка пожилыхъ лѣтъ, съ пріятною и почтенною наружностью.

Хозяинъ принялъ и обласкалъ меня какъ родного, а жена его, синьора Аурелія, долго не могла опомниться отъ удивленія при видѣ варвара, Русскаго, который отпустилъ ей съ полдюжины комплиментовъ на самомъ чистомъ Тосканскомъ нарѣчій. Въ продолженіе всего дня, я не видалъ никого, кромѣ моихъ хозяевъ, ихъ племянника, проворнаго слуги Убальдо и безобразной старухи, которую называли Петронеллою. Подвечеръ, когда мы всѣ сидѣли въ одной комнатѣ, которой окна были обращены на дворъ, появилась наконецъ Челестина. Она усѣлась смиренхонько въ одномъ углу, на низенькой скамейкѣ, и такъ занялась какимъ-то рукодѣльемъ, что я не могъ даже полюбоваться ея черными глазами: она ни разу не подняла ихъ къверху. Разговаривая со мною, синьора Аурелія, сказала, между прочимъ, что она не знаетъ,

понравится ли мнѣ приготовленная для меня комната. Вамъ надобенъ покой, говорила она, а ваша горница рядомъ съ нашей спальнею: мы встаемъ очень рано, и можемъ васъ потревожить.

— О, что касается до меня, отвѣчалъ я, обо мнѣ не хлопчите! Я боюсь только, чтобъ мнѣ васъ не беспокоить. Да нѣтъ ли въ этомъ флигель лишней комнаты? продолжалъ я, указывая на длинное строеніе съ Италіянскими окнами.

— Въ немъ всѣ комнаты свободны, сказалъ хозяинъ: да онъ и выстроенъ для моихъ гостей; но, съ нѣкотораго времени.....

Тутъ синьоръ Фразелини остановился, и, взглянувъ значительно на жену свою, замолчалъ.

— Съ нѣкотораго времени? повторилъ я. А что такое?....

— Въ немъ никто не живетъ.

— А для чего?

— Да какъ бы вамъ сказать? Въдь вы, господа военные, ничему не вѣрите! Въ этомъ флигель поселились нечистые духи.

Я засмѣялся.

— Смѣйтесь, синьоръ уфиціале, смѣйтесь; а это точно такъ же правда, какъ то, что я имѣю честь говорить съ вами объ этомъ. Мѣсяца два тому назадъ замѣтили, что во флигель бываетъ по ночамъ какой-то странный шумъ, и раздаются жалобные стоны. Но это бы еще ничего: почти каждую ночь, часу въ двѣнадцать, иногда ранѣе, иногда позже, по всему флигелю ходитъ высокое блрое привидѣніе съ фонаремъ въ рукахъ. Я самъ нѣсколько разъ видѣлъ, вотъ изъ этой комнаты, какъ оно прогуливается взадъ и впередъ мимо всѣхъ оконъ.

— И вамъ ни разу не приходило въ голову, перерывалъ я, что это проказитъ какой-нибудь шалунъ?

— Какъ не приходить ! Но тутъ есть одно обстоятельство, которое разрушаетъ всѣ мои догадки. Надобно сказать, что комнаты въ этомъ флигель расположены точно такъ же, какъ кельи въ монастырѣ. Во всю его длину устроенъ длинный коридоръ, изъ котораго десятыю дверьми входятъ въ столько же особыхъ комнатъ, отдѣленныхъ одна отъ другой капитальными стѣнами, и чтобъ перейти изъ одной комнаты въ другую, необходимо надобно выйти прежде въ коридоръ. Вы завтра можете во всемъ этомъ увѣриться сами. Теперь прошу васъ растолковать мнѣ, какимъ образомъ обыкновенный человѣкъ, а не духъ, или привидѣніе, будетъ расхаживать во всю длину флигеля, мимо оконъ, не останавливаясь ни на минуту, идя ровнымъ шагомъ, — словомъ, прогуливаясь свободно взадъ и впередъ, какъ по одной длинной галерей, въ которой нѣтъ ни какихъ перегородокъ? Тутъ, кажется, долго разсуждать нечего: или между комнатъ есть прямое сообщеніе, или ни какія преграды для него не существуютъ, и онъ проходитъ сквозь капитальную стѣну точно такъ же, какъ мы въ растворенныя двери. Ни какихъ сообщеній и дверей между комнатъ нѣтъ: въ этомъ, повторяю еще разъ, вы сами можете завтра увѣриться, — слѣдовательно этотъ ночной посѣтителъ ни проказникъ, ни шалунъ, а просто или нечистый духъ, или неотпѣтый мертвецъ, или, что всего вѣрнѣе, какая нибудь Христіанская душа, которая страдаетъ въ чистилищѣ и нуждается въ нашихъ молитвахъ. Здѣсь всѣ увѣрены, что это душа бѣднаго Паоло, бывшаго моего садовника, который прошлую зиму удавился въ этомъ флигель. Сначала, насъ это очень тревожило, но теперь мы уже привыкли: впрочемъ, до сихъ поръ кромѣ племянника никто не вызывался переночевать въ этомъ флигель. Правда, и ему это даромъ не прошло: привидѣніе, точно такъ же, какъ и всегда, прогуливалось по комна-

тамъ, а онъ до того напугался, что всю ночь пролежалъ безъ памяти.

Въ продолженіе сего разсказа, я замѣтилъ двѣ вещи: во-первыхъ то, что племянникъ хозина вспыхнулъ, когда рѣчь дошла до него; а во-вторыхъ, что хотя синьоръ Фразелини и синьора Аурелія твердо были увѣрены, что въ ихъ флигель поселились жители не нашего міра, но что, не смотря на это, въ одной съ нами комнатѣ, кромѣ меня, были еще люди, которые не очень этому вѣрили. Я сидѣлъ противъ большаго зеркала: въ немъ отражалось все, что было у меня за спиною, то есть, и вся противоположная стѣна, и двери, подлѣ которыхъ стоялъ слуга Убальдо, и уголокъ, въ которомъ сидѣла красавица Челестина. Раза два я подмѣтилъ, что ихъ взгляды встрѣчались межъ собою, и что слѣдствіемъ этой встрѣчи была всегда какая-то значительная улыбка, которую разгадать было вовсе нетрудно. Ну! подумалъ я, побьюсь объ закладъ, что эта плутовка, Челестина, знаетъ лучше своихъ господъ, какъ мертвецы проходятъ сквозь капитальныя стѣны. Поговоривъ еще нѣсколько времени объ этомъ странномъ случаѣ, я простился съ моими хозяевами, и отправился къ себѣ въ комнату. Отъ перемѣны мѣста или отъ чего другаго, только мнѣ вовсе не спалось. Изъ комнаты моей можно было видѣть весь флигель. Вотъ эдакъ немного за полночь, одно окно во флигель освѣтилось: я вскочилъ съ постели, и точно видѣлъ своими глазами, что какое-то привидѣніе въ бѣломъ саванѣ, съ фонаремъ въ рукахъ, прошло раза три вдоль всего флигеля мимо самыхъ оконъ, и не останавливаясь ни на одну минуту. Что это былъ обманъ, я не сомнѣвался; что причины этого обмана были самыя земныя, и въ этомъ я былъ также увѣренъ; но, какъ это происходило, и въ чемъ состоялъ сей оптическій обманъ, — вотъ ужъ этого я не могъ никакъ постигнуть! Я думалъ, думалъ, и если прива-

дѣніе меня не напугало, все-таки по милости его я не могъ заснуть во всю ночь. Не видя ни какой пользы вертѣться съ боку на бокъ, я съ первымъ свѣтомъ всталъ съ постели, одѣлся, и пошелъ гулять по саду. Утренняя заря начинала только заниматься, всѣ въ домѣ спали, кромѣ вашего покорнаго слуги и какой-то ранней пташечки, которая пропорхнула мимо меня въ ту самую минуту, какъ я сталъ подходить къ садовой сторонѣ флигеля. Ага! подумалъ я: вотъ что! Если бѣ въ этихъ комнатахъ не поселились нечистые духи, такъ жили бы люди: понимаю!.... Ну, господинъ Корнеліо, порядкомъ же вы морочите вашего дядюшку!

Весь этотъ день провелъ я, по-прежнему, съ моими добрыми и любезными хозяевами; думалъ о моей утренней встрѣчѣ, о бѣломъ привидѣніи, и наконецъ какъ будто бы попалъ на истинный путь. Мнѣ оставалось увѣриться, справедливы ли мои догадки, и въ то же время, не дѣлая вреда никому, избавить, если можно, моего гостепріимнаго хозяина отъ этихъ ночныхъ посѣщеній. Послѣ ужина, я заперся въ своей комнатѣ, и часу въ двѣнадцатомъ ночи, завернувшись съ головы до ногъ въ бѣлую простыню, прокрался потихоньку въ садъ, и подошелъ къ флигелю. Представленіе ужъ началось: хотя я зашелъ не съ той стороны, но отгадалъ это потому, что двери были отперты, и что, на дворѣ, полусонный сторожъ началъ громкимъ голосомъ творить молитву. Я потихоньку взобрался на лѣстницу, и спрятался въ темномъ углу коридора. Черезъ минуту всѣ догадки мои оправдались. Постойте же, господа артисты! сказалъ я про себя: васъ надобно такъ пугнуть, чтобъ вамъ и въ голову не пришло играть въ другой разъ эту комедію. Въ коридорѣ стоялъ сумракъ. Я взмогился на него, опустилъ вплоть до пояса бѣлую простыню, и захохалъ такимъ нечеловѣческимъ образомъ, что почти самъ испугался. Вдругъ

изъ двухъ комнатъ выскочили два бѣлые привидѣнія.... О, ужасъ! Точно такое же, третье привидѣние, только гораздо огромнѣе, стоитъ передъ ними неподвижно, испуская тяжкіе могильные стоны.

— Кто ты? раздался трепещущій и весьма знакомый мнѣ голосъ.

— Молитесь за меня! проговорилъ я протяжно. Я самоубійца!..... Я грѣшникъ Паоло!.....

Батюшки мои! какъ бросились отъ меня эти два несчастныя привидѣнія!..... Они кубаремъ скатились съ лестницы, растеряли свои бѣлые мантии, и я вовсе не удивился, когда хозяинъ сказалъ мнѣ на другой день, что слуга его, Убальдо, и племянникъ, Корнеліо, оба занемогли ночью, и лежатъ въ постеляхъ. Я перешелъ во флигель, прожилъ въ немъ преспокойно два мѣсяца, и увѣряю васъ, дядюшка, что во все это время бѣлое привидѣние ни разу не приходило ко мнѣ въ гости.

— Ну, братъ, молодецъ же ты! сказалъ Иванъ Алексѣвичъ. Только, воля твоя, я все порядкомъ въ толкъ не возьму..... Ты говоришь, что ихъ было двое..... такъ что жъ?

— А вотъ что, дядюшка. Они оба были одѣты одинакимъ образомъ, и оба съ потайными фонарями; когда одинъ изъ нихъ, начавъ идти вдоль первой комнаты, доходилъ до стѣны, которая отдѣлила ее отъ второго покоя, то въ ту же минуту пряталъ огонь, и, ударивъ кулакомъ въ стѣну, выбѣгалъ въ коридоръ; потомъ, войдя въ третью комнату, прижимался къ стѣнѣ. Второе привидѣние, услышавъ сигналъ, открывало свой фонарь, и начинало идти мимо оконъ до самой стѣны третьего покоя, изъ котораго продолжало эту прогулку опять первое привидѣние, — и такъ далѣе, до конца флигеля. Все это было у нихъ такъ ула-

жено, что всякой подумалъ бы, что мимо оконъ проходить одна и та же фигура, и со двора рѣшительно невозможно было замѣтить этого обмана.

— Ну, хитро придумано!..... Что и говорить; на свѣтъ много обману. Конечно, какъ иногда не посомнѣться, не поразмыслить: у cadaго свой царь въ головѣ; но не вѣрять ничему, и во всемъ сомнѣваться.....

— Видитъ Богъ, грѣшно! перервалъ Кольчугинъ, раскрывъ снова свои молчаливыя уста. Покойный мой батюшка — дай Богъ ему царство небесное! — вздумалъ также однажды поумничать, да такъ — то не въ попадѣ, что послѣ далъ зарокъ ни въ чемъ не сомнѣваться, и всему на свѣтъ вѣрять.

— А что такое съ нимъ сдѣлалось? спросилъ хозяинъ.

— Да такъ, батюшка; былъ случай такой! Онъ не одинъ разъ мнѣ самъ изволилъ объ этомъ разсказывать.

— А ты, любезный, разскажи намъ.

— Разсказать не фигура; только дѣло — то такое куріозное, что того и гляди, — эти господа на зубки меня подымутъ, примолвилъ Кольчугинъ, указывая на Заруцкаго и Черемухина: да пожалуй, — чего добраго! — и покойнику батюшкѣ достанется.

— И, сударь! перервалъ я, подвигаясь къ Кольчугину: какое вамъ до нихъ дѣло! Разсказывайте.

— Да, да! подхватилъ хозяинъ. Что тебѣ на нихъ смотреть! Разсказывай.

— Ну, если вамъ угодно, такъ слушайте.

=

Отецъ мой былъ человѣкъ стараго вѣка, хотя, благодаря во-первыхъ Бога, а во-вторыхъ родителей, достатокъ у него былъ дворянскій, и онъ могъ бы жить не хуже своихъ сосѣдей, то есть, выстроить хоромы

саженяхъ на пятнадцати, завести псовую охоту, роговую музыку, оранжереи, и всякія другія барскія за-тѣи; но онъ во всю жизнь свою ни разу и не подумалъ объ этомъ: жилъ себѣ въ маленькомъ домикѣ, держалъ не болѣе десяти слугъ, охотился иногда съ ястребами, и подъ веселый часъ такъ-то, бывало, тѣшится, слушая Ваньку гуслиста, который, — не тѣмъ будь помянуть, — попивалъ, и лихо, разбойникъ, игралъ на гусяхъ: бывало, какъ хватить — *Заря утренняя взошла, или На бережку у ставка*, такъ заслушаешься! Но если батюшка мой не щеголялъ ни домомъ, ни услугою, за то крѣпко держался пословицы — «Не красна изба углами, а красна пирогами.» И встарину, чай, такіе хлѣбосолы бывали въ диковинку! Домъ покойнаго батюшки выстроенъ былъ на самой большой дорогѣ. Вотъ, если кто-нибудь днемъ или вечеромъ остановится кормить на селѣ, то и бѣгутъ ему сказать; и коли проѣзжіе, хоть мало-мальски не совсѣмъ простые люди, — дворяне, купцы, или мѣщане, — такъ милости просимъ на барской дворъ; закобенились, — такъ околицу на запоръ, и хоть себѣ голосомъ вой, а ни на одномъ дворѣ ни клока сѣна, ни зерна овса не продадутъ! Что и говорить: любилъ пображничать, покойникъ! Бывало, какъ залучить къ себѣ гостей, такъ пойдетъ такая попойка, что лишь только держись; — море разливанное! — чего хочешь, того просишь. Всякихъ чужеземныхъ напитковъ, сортовъ до десяти въ подвалѣ не переводилось; а ужъ объ наливкахъ и говорить нечего!

Однажды зимою, ровно черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ кончины покойной моей матушки, сидѣлъ онъ одинъ одинехонекъ въ своемъ любимомъ покоѣ съ лежанкою. Меня съ нимъ не было: я ужъ третій годъ былъ на службѣ Царской, и дрался въ то время со Шведами. Дѣло шло къ ночи. На дворѣ была мятѣ-

лица, холодъ страшный, и часу въ десятомъ такъ заколодило, что отъ мороза всѣ стѣны въ домѣ трещали. Въ такую погоду гостей не дождешься. Что дѣлать? Покойный батюшка, чтобъ провести время до ужина, — а онъ никогда не извоилъ ужинать прежде одинадцатаго часу, — принялся за книгу. Ему попалось въ руки Зеркало внутренняго челоѣка. Онъ развернулъ на удачу, и увидѣлъ картину, представляющую толстаго грѣшника, съ которымъ черти пляшутъ въ присядку, тогда, какъ одинъ бѣсъ, въ видѣ свиньи, вылезаетъ изъ его брюха. Хотя книга та была напечатана въ Петербургѣ, и съ дозволенія начальства, покойный батюшка однако жъ почувствовалъ въ душѣ сомнѣнiе, соблазнился и закрывъ, началъ умишествовать и разсуждать съ самимъ собою. Но чѣмъ болѣе онъ думалъ, тѣмъ болѣе казалось ему неправдоподобнымъ таковое происшествiе съ челоѣкомъ, хотя и печатное. Вотъ въ самое-то его раздумье нашла на него дремота, глаза стали слипаться, голова отяжелѣла, и онъ мнѣ сказывалъ, что не помнитъ самъ, какъ прилегъ на канаве, и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Вдругъ, въ ушахъ у него что-то зазвѣнѣло: онъ очнулся, слышитъ — бьютъ часы въ его спальнѣ, — ровно десять часовъ. Лишь только онъ, было, приподнялся, чтобъ велѣть подавать себѣ ужинать, какъ вошелъ въ комнату любимый его слуга Андрей, и поставилъ на столъ двѣ зажженныя свѣчи. Что ты, братецъ? спросилъ батюшка. — Пришелъ, сударь, доложить вамъ, отвѣчалъ слуга, что на селѣ остановились приказный изъ города, да казаки, которые идутъ съ Дону. Ну, такъ что жъ? перервалъ батюшка: бѣги скорѣй на село, проси ихъ ко мнѣ, да не слушай ни какихъ отговорокъ. Я ужъ ихъ звалъ, сударь, и они сейчасъ будутъ, пробормоталъ сквозь зубы Андрей. Такъ скажи, чтобъ прибавили чего-нибудь къ ужину, продолжалъ батюшка, и вели принести изъ подвала штофъ запеканки,

двѣ бутылки вишневки, двѣ рябиновки и полдюжины винограднаго. Ступай!

Слуга отправился. Минуть черезъ пять вошли въ комнату три казака и одинъ пожилій челоувѣкъ въ долгополомъ сюртукѣ. Милости просимъ, дорогіе гости! сказалъ батюшка, идя къ нимъ на встрѣчу. Зная, что набожные казаки всегда помолятся прежде святымъ иконамъ, а потомъ ужъ кланяются хозяину, онъ примолвилъ, указывая на образъ Спасителя, который трудно было разсмотрѣть въ темномъ углу: — вотъ здѣсь! — но, къ удивленію его, казаки не только не перекрестились, но даже и не поглядѣли на образъ; приказный сдѣлалъ то же самое. Не фигура, подумалъ батюшка, что это крапивное сѣмя не знаетъ Бога: но вѣдь казаки народъ благочестивый!..... Видно, они съ дороги то вовсе ошалѣли. Межъ-тѣмъ неожиданные гости раскланялись съ хозяиномъ, казаки очень вѣжливо поблагодарили его за гостепріимство, а приказный, стибался передъ нимъ въ кольцо, отпустилъ такую рачею, что покойный батюшка, хотя былъ челоувѣкъ рѣчистый, и за словомъ въ карманъ не ходилъ, а вовсе сталъ въ тупикъ, и, вмѣсто отвѣта на его кудрявое привѣтствіе, закричалъ: — гей, малый, запеканки!

Вошелъ опять Андрей, поставилъ на столъ тарелку закуски, штофъ водки и дѣдовскія серебряныя чары, по доброму стакану. Ну-ка, любезные! сказалъ батюшка, наливая ихъ вровень съ краями. Поотогрѣйте свои душеньки; чай, вы порядкомъ надроглись. Прошу покорно! — Гости, чинъ-чиномъ, поклонились хозяину, выпили по чаркѣ, и, не дожидаясь вторичнаго приглашенія, хватили по другой, — хлѣбнули по третьей: глядь по-глядь, — анъ въ штофъ хотъ прогуливайся, ни капельки! — Ай да питухи! подумалъ батюшка. Ну!.... нечего сказать, молодцы! Да и рожи-то у нихъ какія! Въ самомъ дѣлѣ нельзя было назвать

отихъ нечаянныхъ гостей красавцами. У одного казака голова была больше туловища, у другого толстое брюхо почти волочилось по землѣ, у третьяго глаза были зеленые, а носъ крючкомъ какъ у Филина, и у всѣхъ волосы рыжіе, а щеки какъ раскаленные кирпичи, когда ихъ обжигаютъ на заводѣ; но всѣхъ куріознѣе казался ему приказный въ долгополомъ сюртукѣ: такой исковерканной и срамной рожи онъ сродясь не видывалъ! Его лысая и круглая, какъ билліардный шаръ, голова втиснута была промежду двухъ узкихъ плечъ, изъ которыхъ одно было выше другаго; широкій подбородокъ, какъ набитый пухомъ ошейникъ, обхватывалъ нижнюю часть его лица; давно небритая борода торчала щетиною вокругъ синеватыхъ губъ, которыя чуть-чуть не сходились на затылкѣ,, толстый, вздернутый къ верху носъ былъ такъ красенъ что въ потемкахъ можно было принять его за головню; а маленькіе прищуренные глаза вертѣлись и сверкали какъ глаза дикой кошки, когда она подкрадывается ночью къ какому-нибудь звѣрку или къ сонной пташечкѣ. Онъ безпрестанно ухмылялся, но эта улыбка, говаривалъ не разъ покойный мой батюшка, ни дать, ни взять—походила на то, какъ собака оскалить зубы, когда увидитъ чужаго, или захочетъ у другой собаки отнять кость.

Вотъ, какъ гости, опорожнивъ штофъ занеканки, остались безъ дѣла, батюшка, желая занять ихъ чѣмъ-нибудь до ужина, началъ съ ними разговаривать.

— Ну что, пріятели, спросилъ онъ казаковъ: что у васъ на Дону подѣлывается?

— Да ничего, батюшка! отвѣчалъ казакъ съ толстымъ брюхомъ: все по-прежнему: пьемъ, гуляемъ, веселимся, пѣсенки попѣваемъ.....

— Попѣвайте, любезные! продолжалъ батюшка: попѣвайте, — только Бога не забывайте!

Казаки захохотали, а приказный оскалилъ зубы какъ голодный волкъ, и сказалъ: — Что объ этомъ говорить, сударь! было бы вино, да денежки, а все остальное трюнь-трава.

Батюшка нахмурился: онъ любилъ пожить, попить, пображничать; но былъ человекъ благочестивый и Бога помнилъ. Помолчавъ нѣсколько времени, батюшка спросилъ подьячаго, изъ какого онъ Суда?

— Изъ Уголовной Палаты, сударь, отвѣчалъ съ низкимъ поклономъ приказный.

— Ну, что поддѣлываетъ вашъ председатель? продолжалъ батюшка.

А надобно вамъ сказать, господа, что этотъ председатель Уголовной Палаты былъ сущій разбойникъ.

— Что поддѣлываетъ? повторилъ приказный: да то же что и прежде, сударь. Служить вѣрой и правдою.....

— Да, да! вѣрой и правдою! подхватили въ одинъ голосъ всѣ казаки.

— А развѣ вы его знаете? спросилъ батюшка.

— Какъ же! отвѣчалъ казакъ съ совинымъ носомъ: мы всѣ его пріятели, и ждемъ не дождемся радости, когда его высокородіе къ намъ въ гости пожалуетъ.

— Да развѣ онъ хотѣлъ у васъ побывать?

— И не хочетъ, да будетъ! повторилъ казакъ съ большою головою. Не такъ ли, товарищи?

Всѣ гости опять засмѣялись, а подьячій, прищуривъ свои кошачьи глаза, прибавилъ съ лукавой усмѣшкою: — Пріѣхать-то, пріѣдетъ; а нечего сказать, тяжелъ на подъемъ! Мѣсяцъ тому назадъ совсѣмъ было ужъ въ повозку сѣдился, да раздумалъ.

— Какъ такъ? вскричалъ батюшка: да мѣсяцъ тому назадъ онъ при смерти былъ боленъ.

— Вотъ то-то и есть, сударь! По этому-то самому резонту онъ-было совсѣмъ и собрался въ дорогу.

— А, понимаю! перервалъ батюшка: вѣрно доктора совѣтовали ему ѣхать туда, гдѣ потеплѣе?

— Разумѣется! подхватили съ громкимъ хохотомъ казаки: вѣдь у насъ за тепломъ дѣло не станетъ: грѣйся сколько хочешь!

Этотъ безпрестанный и безпутный хохоть гостей, ихъ отвратительныя хари, а пуще всего двусмысленныя рѣчи, въ которыхъ было что-то нечистое и лукавое, весьма не нравились батюшкѣ; но дѣлать было нечего: зазвалъ гостей, такъ угощай! Желая какъ-можно скорѣе отвязаться отъ такихъ собесѣдниковъ, онъ закричалъ, чтобъ подавали ужинать. Не прошло получаса, какъ столъ уже былъ накрытъ, кушанье поставлено, и бутылки съ наливкою и винограднымъ виномъ внесены въ комнату: а все хлопоталъ и суетился одинъ Андрей. Нѣсколько разъ батюшка хотѣлъ спросить его, куда подѣвались другіе люди; но всякой разъ, какъ нарочно, кто-нибудь изъ гостей развлекалъ его своими разговорами, которые часъ отъ часу становились забавнѣе. Казаки рассказывали ему про свое удалство и молодечество, а приказный про плутни своихъ товарищей и казусныя дѣла Уголовной Палаты. Мало-по-малу, они успѣли такъ занять батюшку, что онъ, сядя съ ними за столъ, позабылъ даже помолиться Богу. За ужиномъ батюшка ничего не кушалъ, но, не желая отставать отъ гостей, онъ выпилъ четыре бутылки вина и двѣ бутылки наливки: это еще не дивовинка, — покойный мой батюшка пить былъ здоровъ, и отъ полудюжины бутылкокъ не свалился бы со стула! Да только, вотъ что было чудно: казалось, гости наливали себѣ полные стаканы, а бутылка всегда доходила до него почти непочатая: кажется, было чему подивиться! — и онъ точно этому удивлялся, — только на другой день. А за ужиномъ все это казалось ему весьма обыкновеннымъ. Я ужъ

вамъ докладывалъ, что мой батюшка здоровъ былъ пить; но четыре бутылки Сантуринскаго и почти штофъ крѣпкой наливки хотького подрумянять. Вотъ, къ концу ужина, онъ такъ распотѣшился, что даже безобразныя лица гостей, стали казаться ему милыми, и онъ раза два принимался обнимать приказнаго, и перецѣловалъ всѣхъ казаковъ. Часъ отъ часу рѣчи ихъ становились безпутнѣе и наглѣе: они рассказывали про разныя любовныя похождения, подшучивали надъ духовными людьми, и даже — страшно вымолвить! — забывъ, что они сидятъ за столомъ, какъ сущіе еретики и богоотступники, принялись поѣзжать срамныя пѣсни, и приплясывать, сидя на своихъ стульяхъ. Во всякое другое время, батюшка не потерпѣлъ бы такого безчинства въ своемъ домѣ; а тутъ, словно обмороченный, началъ самъ имъ подлаживать, затянулъ — *Удалая голова не ходи мимо сада*, — и вошелъ въ такой задоръ, что хоть сейчасъ въ присядку. Межъ-тѣмъ казаки, наскучивъ орать во все горло, принялись дѣлать разныя штуки: одинъ заговорилъ брюхомъ, другой проглотилъ большое блюдо съ хлѣбнымъ, а третій ухватилъ себя за носъ, сорвалъ голову съ плечъ, и началъ ею играть какъ мячикомъ. Что жъ вы думаете: батюшка испугался? — Нѣтъ! — все это казалось ему очень забавнымъ, и онъ такъ и валялся со смѣху. Эге! вскричалъ подъячій: да вонъ тамъ, на последнемъ окнѣ, стоитъ никакъ запасная бутылочка съ наливкою: нельзя ли ее прикомандировать сюда? Да не вставай, хозяинъ! Я и такъ ее достану, — приговаривалъ онъ, вытягивая руку черезъ всю комнату.

— Ого, какая у тебя ручища-то, пріятель! закричалъ съ громкимъ хохотомъ батюшка: аршинъ въ пять! Недаромъ же говорятъ, что у приказныхъ руки длинны....

— Да за то память коротка, перервалъ одинъ изъ казаковъ.

— А вотъ увидите ! продолжалъ подьячій, поставивъ бутылку посреди стола. Небось, вы забыли, чье надо нить здоровье, — а я такъ помню : начнемъ съ младшихъ ! Ну-ка, братцы, хватимъ по чарочкѣ за всѣхъ приказныхъ пройдохъ, за канцелярскихъ молодцевъ, за удалыхъ подьячихъ съ приписью, чтобъ имъ весь вѣкъ чернила пить, а бумагой закусывать; чтобъ они почаше умирали, да порѣже каялись !.....

— Что ты, что ты ? проговорилъ батюшка, задыхаясь со смѣху : да эдакъ у насъ всѣ суды опустѣютъ !

— И, хозяинъ, о чемъ хлопчешь ! продолжалъ приказный, наливая стаканы : было бы только болото, а черти заведутся. Ну-ка, за мной, — ура !

— Выпили ? закричалъ казакъ съ крючковатымъ носомъ — такъ хлѣбнемъ же теперь по одной, за здоровье нашего старшова. Кто станетъ съ нами пить, тотъ нашъ ; а кто нашъ, тотъ его !

— А какъ зовутъ вашего старшину ? спросилъ батюшка, принимаясь за стаканъ. —

— Что тебѣ до его имени ! сказалъ казакъ съ большой головою. Говори только за нами : да здравствуетъ тотъ, кто изъ рабовъ хотѣлъ сдѣлаться господиномъ, и хотѣ сидѣть высоко, а упалъ глубоко, да не ту-жить.

— Но кто же онъ такой ?

— Кто нашъ отецъ и командиръ ? продолжалъ казакъ. Мало ли что о немъ толкуютъ ! говорятъ, что онъ любитъ мракъ, и называетъ его свѣтомъ : такъ что жъ ? для умнаго и потемки свѣтъ. Рассказываютъ также, будто-бы онъ жалуется Содомъ, Гоморрь и всякую безпорядицу для того, дискать, чтобъ въ мутной водѣ рыбу ловить : да это все бабы сплетни ! Нашъ господинъ — баринъ предобрый ; ему служить легко : садись за столъ не крестясь, ложись спать не помолясь ; пѣй, веселись, забавляйся, да не вѣрь тому, что напечата-

но въ книгахъ, — вотъ и вся служба. Ну что?... вѣдь не житье а масляница, не правда ли?

Какъ ни былъ хмѣленъ батюшка, однакожь приздумался. — Я что — то въ толкъ не беру, сказалъ онъ.

— А вотъ какъ выпьешь, такъ поймешь, перервалъ подьячій. Ну, братцы, разомъ: Да здравствуетъ нашъ отецъ и командиръ!

Всѣ гости, кромѣ батюшки, осушили свои стаканы.

— Ба, ба, ба! хозяинъ! закричалъ подьячій: да что жъ ты не пьешь?

— Нѣтъ, любезный, отвѣчалъ батюшка: я и такъ ужъ пилъ довольно. Не хочу!

— Да что съ тобой сдѣлалось? спросилъ толстый казакъ: о чемъ ты задумался? Эй, товарищи, надо развеселить хозяинна: не поплясать ли намъ?

— А что, въ самомъ дѣлѣ! подхватилъ приказный. Мы посидѣли довольно: не худо промяться, — а то вѣдь здакъ, пожалуй, и ноги затекутъ.

— Плясать, такъ плясать! закричали всѣ гости.

— Такъ стойте же, любезные! сказалъ батюшка вставая: я велю позвать моего гуслиста.

— Зачѣмъ? перервалъ подьячій. Унасъ и своя музыка найдется. — Гей, вы! — начинай!

Вдругъ за печьюю поднялась ужасная возня, запищали гудки, рожки и всякіе другіе инструменты; загремѣли бубны и тарелки; потомъ, послышались человѣческіе голоса; цѣлый хоръ пѣсенниковъ засвисталъ, загаркалъ, да какъ хватить плясовую, — и пошла потѣха!

— Ну-ка, хозяинъ! проговорилъ казакъ съ крючкватымъ носомъ, уставивъ на батюшку свои зеленые глаза: посмотришь твоей удами.

— Нѣтъ! сказалъ батюшка, начиная понимать, какъ будто бы сквозь сонъ, что дѣло становится неладно.

Забавляйтесь себѣ сколько угодно, а я плясать не стану.

— Не станешь? заревѣлъ толстый казакъ. А вотъ увидимъ!

Всѣ гости вскочили съ своихъ мѣстъ.

Покойнаго батюшку начала бить лихорадка, — да и было отъ чего: вмѣсто четырехъ, хотя не красивыхъ, но обыкновенныхъ людей, стояли вокругъ него четыре пугала такого огромнаго роста, что когда они вытягивались, то отъ ихъ головъ трещалъ потолокъ въ комнатѣ. Лица ихъ не перемѣнились, но только сдѣлались еще безобразнѣе.

— Не станешь? повторилъ усмѣхаясь насмѣшливо подьячій. Полно ломаться-то, пріятель! И почище тебя съ нами плясывали, да еще посторонніе; а вѣдь ты нашъ?

— Какъ вашъ? сказалъ батюшка.

А чей же? Ты человекъ грамотный, такъ вѣрно читалъ, что двумъ господамъ служить не можно, а вѣдь ты служишь нашему?

— Да о какомъ ты говоришь господинѣ? спросилъ батюшка, дрожа какъ осинový листъ.

— О какомъ? перервалъ большоголовый казакъ: вѣстимо, о томъ, о которомъ я говорилъ тебѣ за ужиномъ. Ну, вотъ тотъ, котораго слуги ложатся спать не молясь, садятся за столъ не перекрестясь, пьютъ, веселятся, да ничему не вѣрятъ.

— Да что жъ онъ мнѣ за господинъ? промолвилъ батюшка, все еще не понимая порядкомъ, о чемъ идетъ дѣло.

— Эге, пріятель, подхватилъ подьячій: да ты никакъ сталъ отпѣкиваться и чинить заpiresательство! Нѣтъ, любезнѣйшій; отъ насъ не отвертись. Коли ты исполняешь волю нашего господина, такъ какъ

же ты ему не слуга? А вспомни-ка хорошенько: молился ли ты сегодня, когда прилежъ соснуть? Перекрестился ли, сядясь ужинать? Не пилъ ли ты, не веселился ли съ нами вдоволь? А часа полтора тому назадъ, когда ты увидѣлъ вонъ въ этой книгѣ картинку, на которой представленъ грѣшникъ, пляшущій съ..... Ну, вѣстимо съ кѣмъ! — Что развѣ ты этому повѣрилъ.

Вся кровь застыла въ жилахъ у батюшки. Вдругъ, какъ будто бы сняли съ глазъ его повязку, хмѣль соскочилъ, и все сдѣлалось для него яснымъ. — Господи, Боже мой! — проговорилъ онъ, стараясь оградить себя крестнымъ знаменіемъ: да не тутъ-то было, — рука не подымалась, пальцы не складывались, но за тоужъ ноги такъ и пошли писать! Сначала онъ одинъ отхватилъ голубца съ вывертами да вычурами такими, что и сказать нельзя. А тамъ гости подцѣпили его, — да и ну надъ нимъ потѣшаться. Покойникъ, рассказывая мнѣ объ этомъ, всегда дивился, какъ у него душа въ тѣлѣ осталась. Онъ помнилъ только одно, какъ комната наполнилась огнемъ и дымомъ, какъ его перебрасывали изъ рукъ въ руки, играли имъ въ свайку, спускали какъ волчокъ; какъ онъ кувыркался по воздуху, бился о потолокъ, вертѣлся юлою на маковкѣ; и какъ наконецъ, протанцовавъ на головѣ казачка, онъ совсѣмъ обезпамятелъ.

Когда батюшка очнулся, то увидѣлъ, что онъ лежитъ на канapé, что вокругъ его стоятъ и суетятся его слуги. — Ну, что? прошепталъ онъ торопливо, и поглядывая вокругъ себя какъ полоумный: ушли ли они?

— Кто сударь? спросилъ одинъ изъ лакеевъ.

— Кто! повторилъ батюшка съ невольнымъ содроганіемъ: кто!.... Ну вотъ эти казаки и приказный.....

— Какіе, сударь, казаки и приказный? перерывалъ буфетчикъ, Ёома. Да сегодня никакихъ гостей не было, и вы не изволили ужинать: ужъ я дожидался, дожидался, и, какъ вошелъ въ комнату, увидѣлъ, что вы лежите на полу, всѣ въ поту, изорванные, расстрепанные, и такіе блѣдные, какъ будто бы, — не при васъ будь слово сказано! — коверкала васъ какая-нибудь черная немочь.

— Такъ у меня сегодня гостей не было? сказалъ батюшка, приподымаясь съ трудомъ на ноги.

— Не было, сударь.

— Неужели я видѣлъ все это во снѣ?..... Да нѣтъ, быть не можетъ! продолжалъ батюшка, охая и похватывая себя за бока: а кости-то почему уменя всѣ такъ перематы?.... А эти двѣ свѣчи?..... Кто ихъ на столъ поставилъ?

— Не знаю, отвѣчалъ буфетчикъ: видно вы сами изволили ихъ зажечь, да не помните съ просонья.

— Ты врешь! закричалъ батюшка: я помню, ихъ принесъ Андрей; онъ и на столъ накрывалъ, и кушанье подавалъ.

Всѣ люди посмотрѣли другъ на друга съ приметнымъ ужасомъ. Ванька гуслисть хотѣлъ-было что-то сказать, но заикнулся и не выговорилъ ни слова.

— Ну, что жъ вы, дурачье, рты-то разинули? продолжалъ батюшка. Говорятъ вамъ, что уменя были гости, и что Андрей служилъ за столомъ.

— Помилуйте, сударь! сказалъ буфетчикъ Ёома: иль вы изволили забыть, что Андрей около недѣли лежитъ больной въ горячкѣ.

— Такъ видно ему сдѣлалось лучше: онъ ровно въ десять часовъ былъ здѣсь. Да что тутъ толковать! позовите ко мнѣ Андрея: гдѣ онъ?

— Вы изволите спрашивать гдѣ Андрей? проговорилъ наконецъ Ванька гуслисть.

— Ну да! Гдѣ онъ?

— Въ избѣ, сударь. Лежить на столѣ.

— Что ты говоришь? вскричалъ батюшка. Андрей Степановъ.....

— Приказалъ вамъ долго жить, перервалъ дворецкій, входя въ комнату.

— Онъ умеръ!.....

— Да, сударь, ровно въ десять часовъ.

Кольчугинъ замолчалъ.—Ну, подлинно диковинный случай! сказалъ Иванъ Алексѣевичъ Асановъ: и если твой отецъ не любилъ краснаго словца прибавить....

— Терпѣть не могъ, батюшка! Онъ во всемъ уѣздѣ слылъ такимъ правдухою, что псовые охотники не смѣли при немъ о своихъ отъѣзжихъ поляхъ и борзыхъ собакахъ и словечка вымолвить.

— Да что жъ тутъ страннаго? перервалъ пріятель мой, Заруцкій. Вашъ батюшка заспался, не помнилъ, что зажегъ двѣ свѣчи, и видѣлъ просто во снѣ то, что, за нѣсколько минутъ, читалъ наяву.

— Такъ, сударь, такъ! продолжалъ Кольчугинъ. Да только вотъ что: спустя нѣсколько времени узнали, что дѣйствительно въ эту самую ночь три казака съ Дону и приказный изъ городу проѣзжали черезъ село, только нигдѣ не останавливались, и въ томъ же году, когда стали повѣрять бутылки въ погребъ, такъ четырехъ бутылокъ винограднаго вина и двухъ бутылокъ наливки нигдѣ не оказалось.

— Да! это довольно странное стеченіе обстоятельствъ, сказалъ исправникъ.

— И всѣ этому дивились, батюшка! примолвилъ Кольчугинъ.

— То есть, проѣзду казаковъ и подъячаго, перервалъ Заруцкій: а что въ погребъ не нашлось нѣсколькихъ бутылокъ, такъ это доказываетъ только одно, что ключникъ покойнаго вашего батюшки любилъ

отвѣдать барскаго винца и наливки, и, при семъ удобномъ случаѣ, свалилъ всю бѣду на безотвѣтнаго чорта.

— Вотъ о чемъ хлопочеть! сказалъ Черемухинъ, взглянувъ изъ-подлобья на моего пріятеля. Ты настоящий Оома невѣрный. Да что тутъ удивительнаго? Такіе ли бываютъ случаи въ жизни? Ну, если бы я разсказалъ вамъ то, что слышалъ самъ, своими ушами, отъ одного изъ моихъ знакомыхъ?....

— Который узналъ объ этомъ, подхватилъ съ улыбкою исправникъ, отъ своего пріятеля, а этому пріятелю разсказывала кума, а кума слышала отъ своего дѣдушки, а дѣдушка.....

— Нѣтъ, сударь, извините, — перервалъ Черемухинъ: тотъ, кто мнѣ это разсказывалъ, не только былъ очевидцемъ, но даже дѣйствующимъ лицомъ въ семъ необыкновенномъ приключеніи.

— Необыкновенно! повторилъ съ любопытствомъ хозяинъ.

— Да, Иванъ Алексѣевичъ, подлинно чудный случай! Да и такой — то чудный, что мнѣ совѣстно вамъ разсказывать, тѣмъ болѣе, что я не могу никакъ сомнѣваться въ истинѣ сего происшествія.

— Ахъ, батюшки! вскричалъ исправникъ: да это становится весьма интереснымъ. Сдѣлай милость, Александръ Дмитріевичъ, не томи, разсказывай скорѣе.....

— Прокажить онъ, господа! сказалъ хозяинъ, показывая головою.

— Такъ я же вамъ докажу, что нѣтъ! перервалъ Черемухинъ. Прошу прислушать. Да слушай и ты, продолжалъ онъ, подмигнувъ Заруцкому: ты все подводишь подъ законы Природы, — посмотримъ, какъ ты изъяснишь мнѣ естественнымъ образомъ то, что случилось съ моимъ пріятелемъ!

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Если кто нибудь изъ васъ, господа, живаль постоянно въ Москвѣ, — началъ такъ рассказывать Черёмухинъ, положи къ сторонѣ свою трубку: то вѣрно замѣтилъ, что періодическія нашествія нашей братьи, провинціаловъ, на матушку Москву бѣлокаменную, начинаются по большей части передъ Рождествомъ. Почти въ одно время съ появленіемъ мерзлыхъ тушъ и индюшекъ въ Охотномъ Ряду, потянутся черезъ всѣ заставы безконечные караваны кибитокъ, возковъ и всякихъ другихъ зимнихъ повозокъ, съ цѣлыми семействами деревенскихъ помѣщиковъ, которые спѣшатъ повеселиться въ столицѣ, жениховъ посмотреть, дочерей показать и прожить въ нѣсколько недѣль все то, что они накопили въ теченіе цѣлаго года. Но въ 1796 году, этотъ приливъ временныхъ жителей Москвы начался съ первымъ снѣгомъ, и, по увѣренію старожиловъ, давно уже наша древняя столица не была такъ полна, или лучше сказать, биткомъ набита пріѣзжими изъ провинціи. Старшины Благороднаго Собранія пожимали плечами, когда на ихъ балахъ не насчитывали болѣе двухъ тысячъ посѣтителей, и громогласно упрекали въ этомъ Италіянца Медокса, который безпрестанно давалъ маскарады въ залахъ и ретондѣ Петровскаго театра. Дѣйствительно, публичные маскарады, въ коихъ не танцовали, а душились и давили другъ друга, были въ эту зиму любимой забавою всей Московской публики. Въ числѣ самыхъ неизмѣнныхъ посѣтителей сихъ маскарадовъ, былъ одинъ молодой челоувѣкъ, также пріѣзжій, но только не изъ провинціи. Иванъ Николаевичъ, Зоринъ, — такъ звали этого молодого челоувѣ-

ка, — только что возвратился изъ чужихъ краевъ. Онъ долго жилъ въ Италиі, любилъ страстно музыку, и всегда говорилъ объ Италианской оперѣ съ восторгомъ, который превращался почти въ безуміе, когда рѣчь доходила до одной прима-донны Неаполитанскаго театра. Онъ называлъ ее въ разговорахъ Лауреттою, но не хотѣлъ открыть никому изъ своихъ знакомыхъ имя, подъ которымъ она была извѣстна въ музыкальномъ мірѣ. По сему было замѣтно, что не одна страсть къ искусству была причиною сего энтузіазма, и хотя Зоринъ никому не повѣрялъ своей сердечной тайны, но всѣ его пріятели, а въ томъ числѣ и я, отгадывали, почему онъ казался всегда печальнымъ, скучнымъ, и оживалъ тогда только, когда начинали съ нимъ говорить объ Италианской оперѣ. Его вѣчную задумчивость, тоску и какое-то мрачное уныніе, которое въ Англіи называли бы сплинномъ, мы называли просто хандрою, и всякой разъ смѣялись надъ его докторомъ, когда онъ, разсуждая о душевной болѣзни нашего пріятеля, покачивалъ сомнительно головою. Полноте, Тома Томичъ! говорили мы ему: что вамъ за охота набивать его желудокъ пилюлями? Пропишите-ка ему бутылки по двѣ шампанскаго въ день, да пріемовъ пять или шесть, въ недѣлю, баловъ, театровъ и маскарадовъ, такъ это будетъ лучше вашихъ разводящихъ и возбуждающихъ лекарствъ. Какъ ни упирался сначала Тома Томичъ, а подъ конецъ рѣшился послушаться нашего совѣта, и предписалъ Зорину ѣздить по всѣмъ баламъ, и не пропускать ни одного маскарада. Въ самомъ дѣлѣ, принимая участіе во всѣхъ городскихъ веселостяхъ, нашъ больной сталъ и самъ какъ-будто-бы спокойнѣе и веселѣе. Случалось однако же, что онъ не бывалъ въ театрѣ, и отказывался отъ званаго вечера, но за то постоянно каждый маскарадъ являлся первый, и уѣзжалъ послѣдній.

Я служилъ тогда еще въ гвардіи. Срокъ моего от-

пуска оканчивался на первой недѣлѣ Великаго Поста, и, чтобъ не попасть въ бѣду, я долженъ былъ непремѣнно въ Чистый Понедѣльникъ отправиться обратно въ Петербургъ. Желая воспользоваться послѣдними днями моего отпуска и навеселиться досыта, я провелъ всю масленицу самымъ безпутнымъ образомъ. Днемъ блины, катанья, званые обѣды; вечеромъ театры, а ночью до самаго утра, балы, домашніе маскарады, не дали мнѣ во всю недѣлю ни разу образумиться. Я былъ безпрестанно въ какомъ-то чадѣ, и совершенно потерялъ изъ виду пріятеля моего, Зорна. Въ Воскресенье, то есть, въ послѣдній день масленицы, я пріѣхалъ ранѣе обыкновеннаго въ публичный маскарадъ. Народу было бездна, каждая двери приходилось брать приступомъ, и я на силу въ четверть часа могъ добраться до ротонды. Музыка, шумные разговоры, пискотня масокъ, — которыя, не смотря на то, что задыхались отъ жара, не переставали любезничать и болтать вздоръ, — ослѣпительный свѣтъ отъ хрустальныхъ люстръ, пестрота нарядовъ, и этотъ невнятный, но оглушающій гулъ многочисленной толпы, составленной изъ людей, которые хотятъ, во что бы ни стало веселиться, — все это сначала такъ меня отуманило, что я нѣсколько минутъ не слышалъ и не видѣлъ ничего. Желая перевести духъ, я сталъ искать мѣстечка, гдѣ бы могъ присѣсть и немного пооглядѣться. Пробираясь вдоль стѣны, вдругъ услышалъ я, что кто-то называетъ меня по имени; обернулся, — гляжу: высокой мужчина, въ красномъ доминѣ и маскѣ, манитъ меня къ себѣ рукою. Въ ту самую минуту, какъ я къ нему подошелъ, сосѣдь его всталъ съ своего мѣста.

— Садись подлѣ меня, сказалъ онъ: насилу-то мы съ тобою повстрѣчались. Да что жъ ты на меня смотришь? продолжалъ замаскированный: неужели ты не узналъ меня по голосу?

— Да! подумалъ я, въ этомъ голосѣ есть что-то знакомое; но онъ такъ дикъ, такъ страненъ....

— Ну, если ты меня не узнаешь, такъ смотри!.... сказалъ человекъ въ красной доминѣ, приподымая свою маску.

Я невольно отскочилъ назадъ: сердце мое замерло отъ ужаса.... Боже мой! такъ точно; это Зоринъ, это его черты... О конечно!.. это онъ; точно онъ!... когда будетъ лежать на столѣ, когда стануть отпѣвать его... Но теперь.... Нѣтъ, нѣтъ!... живой человекъ не можетъ имѣть такого лица!

— Что ты? спросилъ онъ съ какою-то странною улыбкою. Ужъ не находишь ли и ты, что я перемѣнился?

— О! чрезвычайно!

— Такъ зачѣмъ же говорятъ, что печаль мѣняетъ человека;... не правда! Не печаль, а развѣ радость.

— Радость?

— Да, мой другъ! О, если бъ ты зналъ, какъ я счастливъ! Послушай! продолжалъ мой пріятель въ полголоса и поглядывая съ робостію вокругъ себя: только Бога ради, чтобъ никто не зналъ объ этомъ! Она здѣсь!

— Она?... Кто она?

— Лауретта.

— Неужели?

— Да, мой другъ, она здѣсь. О, какъ она меня любитъ! Она покинула свою милую родину, промѣняла свои вѣчно-голубыя небеса на наше облачное, угрюмое небо; тамъ, въ кругу родныхъ своихъ, пригрѣтая солнышкомъ благословенной Италіи, она цвѣла какъ пышная роза; а здѣсь одна, посреди людей мертвыхъ и холодныхъ, какъ наши вѣчные снѣга, она если не завлечетъ сама, то погубитъ навсегда свой талантъ, переживетъ свою славу, и все это для меня!.... Она,

привыкшая дышать пламеннымъ воздухомъ Италіи, не побоялась нашихъ трескучихъ морозовъ, нашихъ зимнихъ вьюгъ, забыла все, покинула все, живая легла въ эту обширную, хладную могилу, которую мы называемъ нашимъ отечествомъ, — и все это для меня! И все это для того, чтобъ увидѣться опять со мною!

— Ужъ не слишкомъ ли ты прославилъ этотъ подвигъ! перервалъ я моего пріятеля. У насъ не такъ тепло, какъ въ Италіи, но также бываетъ и весна и лѣто. Быть можетъ, въ Неаполь вселѣе, чѣмъ здѣсь; однако же, воля твоя, и Москва не походить на могилу; да и твоя Лауретта, не погнѣвайся, не первая Италіанская пѣвица, которую мы здѣсь видимъ; и если она будетъ давать концертъ....

— Да! одинъ и послѣдній. Я согласился на это: пусть она обворозжитъ всю Москву, поразогрѣетъ хотя на минуту ваши ледяныя души, а потомъ умереть для всѣхъ, кромѣ меня.

— Такъ она хочетъ навсегда здѣсь остаться?

— Да! навсегда. Ну, видишь ли, какъ она меня любитъ? Но за то и я.... О! любовь моя не чувство, не страсть.... нѣтъ, мой другъ, нѣтъ!... Не знаю, постигнешь ли ты мое блаженство, поймешь ли ты меня?.. Я принадлежу ей весь. Она просила меня, да! — она хотѣла этого....

Тутъ Зоринъ наклонился и прошепталъ мнѣ на ухо: — Я отдалъ ей мою душу: теперь я весь ея.... Понимаешь ли мой другъ, весь?

Мнѣ случалось много разъ самому отдавать на словахъ мою душу: да и кто изъ молодыхъ людей остановится сказать любезной женщинѣ, что его душа принадлежитъ ей, что она владѣетъ ею! Эта пошлая, истертая во всѣхъ любовныхъ изъясненіяхъ, фраза не значить ничего. Но не смотря на это, не могу вамъ выразить съ какимъ чувствомъ ужаса и отвращенія я слу-

шалъ исповѣдь моего пріятеля. Тайнственный голосъ, которымъ онъ говорилъ, дикій огонь его сверкающихъ глазъ, этотъ неистовый безумный восторгъ, эти слова радости и блѣдное изсохшее лице мертвеца...

— Эхъ, братецъ! сказалъ я съ досадою: какъ можно говорить такой вздоръ! Душа принадлежитъ не намъ; ее отдавать никому не должно. Люби свою Италіянскую пѣвицу; женись на ней, если хочешь; пусть она владѣетъ твоимъ сердцемъ...

— Сердцемъ! повторилъ насмѣшливымъ голосомъ мой пріятель. Да что такое сердце? Развѣ оно бессмертно какъ душа? развѣ оно не истлѣетъ когда-нибудь въ могилѣ? Прекрасный подарокъ: горсть пыли! Кто дарить свое сердце, тотъ обѣщаетъ любить только до тѣхъ поръ, пока оно бьется, — а оно можетъ застыть и сегодня, и завтра; но кто отступается отъ души своей, тотъ отдаетъ не жизнь, не тысячу жизней, а всю свою безконечную вѣчность. Да, мой другъ; дарить, такъ дарить! Теперь Лауретте бояться нечего; душа не сердце: ея не закопаютъ въ могилу...

— Да сдѣлай милость, перерывъ я, покажи мнѣ эту волшебницу, эту Армиду, которая, какъ демонъ-соблазнитель, добирается до твоей души. Поведи меня къ ней.

— Я не знаю самъ, гдѣ она живетъ.

— Нѣтъ, шутишь?

— Да, мой другъ; я выдаюсь съ ней только здѣсь. Она не хочетъ до времени никому показываться; но все это скоро кончится: послѣ ея концерта мы обвѣнчаемся, и уѣдемъ жить въ деревню.

— А когда будетъ ея концертъ?

— На будущей недѣлѣ, въ пятницу.

— На будущей недѣлѣ?... Быть не можетъ! Ты вѣрно позабылъ, что на первой недѣлѣ Великаго Поста не даютъ ни какихъ концертовъ.

— Полно такъ ли? Кажется, Лауретта должна это знать: она даже говорила, что дастъ свой концертъ здѣсь, въ этой ротондѣ.

— Такъ она вѣрно сама ошибается. Видѣлъ ли ты ее сегодня!

— Нѣтъ еще. Она не пріѣзжаетъ никогда ранѣе двѣнадцати часовъ; но за то ровно въ полночь, какъ бы ни было тѣсно въ маскарадѣ, и гдѣ бъ я ни сидѣлъ, она всегда меня отыщетъ.

— Ровно въ полночь! сказалъ я, взглянувъ на мои часы. То есть, черезъ двѣ минуты? Посмотримъ, такъ ли она аккуратна, какъ ты говоришь.

Если вамъ не случилось самимъ, господа, встрѣчать Великій Постъ въ маскарадѣ, то, по крайней мѣрѣ, вы слыхали, что, по принятому обычаю, ровно въ двѣнадцать часовъ затрубятъ на хорахъ, и музыка перестаетъ. Это значить, что наступилъ Великій Постъ, и что всѣ публичныя удовольствія прекращаются. Въ ту минуту, какъ я смотрѣлъ на часы, которые, вѣроятно, поотстали, надъ самой моей головою раздался пронзительный звукъ трубъ, и такъ нечаянно, что я невольно вздрогнулъ, и поднялъ глаза къверху. Тфу, пропасть! какъ онѣ меня испугали! проговорилъ я, обращаясь къ моему пріятелю; но подлѣ меня стоялъ уже порожній стулъ. Я поглядѣлъ вокругъ себя: вдали, посреди толпы людей, мелькало красное домино; мнѣ показалось, что съ нимъ идетъ высокаго роста стройная женщина, въ черномъ венеціанѣ. Я вскочилъ, побѣждалъ вслѣдъ за ними, но въ то же самое время поровнялись со мною три маски, около которыхъ такая была давка, что я никакъ не могъ продраться, и потерялъ изъ виду красное домино моего пріятеля. Эти маски только-что появились въ ротонду: одна изъ нихъ была наряжена какимъ-то длиннымъ и тощимъ привидѣніемъ, въ большой бумажной

шапкѣ, на которой было написано крупными словами — «Сухоядѣніе». По обѣимъ сторонамъ ея, шли другія двѣ маски, изъ коихъ одна одѣта была грибомъ, а другая капустою. Длинное пугало разточало шуточки и поговорки, отъ которыхъ всѣ, кругомъ, такъ и помирали со смѣху. Одинъ я не смѣлся, а работалъ усердно и руками и ногами, чтобъ продратъ-ся сквозь толпу. Наконецъ, мнѣ удалось вырваться на просторъ: я обшарилъ всю ротонду, обѣжалъ боковыя галлерей, но не встрѣтилъ нигдѣ ни краснаго домина, ни чернаго венеціана. На другой день поутру я заѣзжалъ проститься съ Зоринымъ, не засталъ его дома, а вечеромъ скакалъ уже по большой Петербургской дорогѣ.

Прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Москву. Занимаясь непрерывно службою и процессомъ, который начался при моемъ дѣдушкѣ, и вѣроятно кончится при моихъ внучатахъ, я совсѣмъ забылъ о послѣднемъ моемъ свиданіи и разговорѣ съ Зоринымъ. Однажды, въ Англійскомъ клубѣ, пробѣгая, не помню, какой-то иностранный Журналъ, я попалъ нечаянно на статью, въ которой извѣщали, что прима-донна Неаполитанскаго театра, Лауретта Бальдучи, къ прискорбію всѣхъ любителей музыки, умерла въ послѣднихъ числахъ Февраля мѣсяца, въ собственной своей виллѣ, близъ Портичи. — Лауретта! повторилъ я невольно. Прима-донна Неаполитанскаго театра!.... Ахъ, Боже мой: да это та самая Италіянская пѣвица, въ которую влюбленъ до безумія бѣдняжка Зоринъ! Но какъ же она могла умереть въ послѣднихъ числахъ Февраля близъ Неаполя, когда почти въ тоже самое время она была у насъ въ Москвѣ, въ маскарадѣ у Медокса?.... Что за вздоръ! — Въ тотъ же самый вечеръ я написалъ къ одному изъ моихъ Московскихъ пріятелей, чтобъ онъ увѣдомилъ меня, здоровъ ли Зоринъ, гдѣ онъ, и не слышно ли чего-нибудь

о женитьбѣ его съ одной иностранкою. Въ отвѣтъ на письмо мое увѣдомляли меня, что на первой недѣлѣ Великаго Поста, поутру въ субботу, нашли Зорина безъ чувствъ на Петровской площади, близъ театра; что онъ былъ при смерти боленъ, и что ужъ недѣли двѣ какъ его отвезли лечиться въ Петербургъ. Я сталъ его искать вездѣ, обѣгалъ весь городъ, но всѣ старанія мои были напрасны. Наконецъ, совершенно неожиданнымъ образомъ я увидѣлся съ нимъ въ одномъ домѣ, гдѣ никакъ не предполагалъ и вовсе не желалъ его найти. Онъ очень мнѣ обрадовался, и не дожидаясь моей просьбы, разсказалъ свое чудное приключеніе, которое началось въ ротондѣ Петровскаго театра, и кончилось тамъ же. Вотъ слово отъ слова весь этотъ разсказъ, такъ какъ я слышалъ его отъ бѣднаго моего пріятеля.

«Ты вѣрно не забылъ, сказалъ онъ мнѣ, что я въ послѣдній разъ видѣлся съ тобою, наканунѣ Великаго Поста, въ маскарадѣ у Медокса. Въ ту самую минуту, какъ на хорахъ протрубили полночь, я замѣтилъ посреди толпы масокъ Лауретту, которая, проходя мимо, манила меня къ себѣ рукою. Ты быль чѣмъ-то занятъ другимъ, и, кажется, не замѣтилъ, какъ я вскочилъ со стула и побѣжалъ вслѣдъ за нею. — Ступай сейчасъ домой! сказала она мнѣ, когда я взялъ ее за руку: я требую также, чтобъ ты четыре дня сряду никуда не выезжалъ, и не принималъ къ себѣ никого. Во все это время мы ни разу съ тобою не увидимся. Въ пятницу приходи сюда пѣшкомъ, одинъ, часу въ двѣнадцатомъ ночи. Здѣсь, въ ротондѣ, будетъ репетиція концерта, который я даю въ субботу. Но къ чему такъ поздно? спросилъ я: и пустятъ ли меня? — Не беспокойся! отвѣчала Лауретта: для тебя двери будутъ открыты; а репетиція назначена въ полночь для того, чтобъ никто не зналъ объ этомъ, кромѣ нѣкоторыхъ артистовъ и любителей музыки, которыхъ я сама при-

гласила. Теперь отправляйся скорѣе, и если ты исполнишь все, чего я отъ тебя требую, то я навѣки буду принадлежать тебѣ; если же ты меня не послушаешься, а особливо когдапустишь къ себѣ пріятеля, съ которымъ сидѣлъ сейчасъ вмѣстѣ, и которому разсказалъ то, о чемъ бы долженъ былъ молчать, то мы никогда не увидимся, ни въ здѣшнемъ, ни въ другомъ мірѣ: и хотя мой, милый другъ, всѣмъ мірамъ и счету нѣтъ, примолвила она тихимъ голосомъ, но мы ужъ ни въ одномъ изъ нихъ не встрѣтимся съ тобою!

«Въ теченіе двухъ лѣтъ, проведенныхъ мною въ Неаполь, я успѣлъ привыкнуть къ странностямъ и необычайнымъ капризамъ Лауретты. Это плѣнительная и чудная женщина: то тихая и покорная какъ робкое дитя, то неукротимая и гордая какъ падшій ангелъ, она соединяла въ себѣ всѣ возможныя крайности. Иногда она готова была враждовать противъ самихъ небесъ, не вѣрила ничему, смѣялась надо всѣмъ, и вдругъ, безъ всякой причины, становилась суевѣрною до высочайшей степени, видѣла вездѣ злыхъ духовъ, совѣтовалась съ ворожеями, и, если не любила, то по крайней мѣрѣ боялась Бога. По временамъ она называла себя моей рабою, и была ею дѣйствительно; но когда эта минута смиренія проходила, она превращалась въ такую властолюбивую женщину, что не выносила ни малѣйшаго противурѣчія: а посему, какъ ни странны казались мнѣ ея требованія, я не дозволилъ себѣ ни какого замѣчанія, и безусловно обѣщался исполнить ея волю, тѣмъ болѣе, что, по ея словамъ, это было послѣднимъ и окончательнымъ испытаніемъ моей любви.

«Ты можешь себѣ представить, продолжалъ Зоринъ, съ какимъ нетерпѣніемъ дожидался я пятницы. Я приказалъ всѣмъ отказывать, и даже не принялъ тебя, когда ты поутру пріѣхалъ со мною простить—

сл. Днемъ ходилъ я взадъ и впередъ по своимъ комнатамъ, не могъ ни за что приняться, горѣлъ какъ на огнѣ; а ночью, — о, мой другъ, такихъ адскихъ ночей не проводятъ и преступники наканунѣ своей казни! Такъ не мучили людей даже и тогда, когда пытка была обдуманнѣмъ искусствомъ и наукою! Не знаю, какъ дожилъ я до пятницы: помню только, что въ послѣднѣй день моего испытанія, мнѣ не только не шла ни какая ѣда на умъ, но я не могъ даже выпить чашки чаю. Голова моя пылала, кровь не текла, а кипѣла въ моихъ жилахъ. Помнится также, день былъ не праздничный, а мнѣ казалось, что въ Москвѣ, съ утра до самой ночи не переставали звонить въ колокола. Передо мной лежали часы: когда стрѣлка стала подвигаться къ полуночи, нетерпѣніе мое превратилось въ какое-то бышенство; я задыхался; меня била злая лихорадка, и холодный потъ выступалъ на лицѣ моемъ. Въ половинѣ двѣнадцатаго часа, я накинулъ на себя шинель, и отправился. Всѣ улицы были пусты. Хотя моя квартира была версты двѣ отъ театра, но не прошло и четверти часа, какъ я пробѣжалъ всю Пречистенку, Моховую, и вышелъ на площадь Охотнаго Ряда. Въ двухъ стахъ шагахъ отъ меня подымалась колошальная кровля Петровскаго театра. Ночь была безлунная, но за то звѣзды казались мнѣ и болѣе и свѣтлѣе обыкновеннаго; многія изъ нихъ падали прямо на кровлю театра, и, разсыпаясь искрами, потухали. Я подошелъ къ главному подъѣзду. Однѣ двери были не много порастворены; подлѣ нихъ стоялъ съ фонаремъ какой-то дряхлый сторожъ; онъ махнулъ мнѣ рукою, и пошелъ впередъ по темнымъ коридорамъ. Не знаю, отъ того ли, что я пришелъ уже въ назначенное мѣсто, или отъ чего другаго, только я примѣтнымъ образомъ сталъ спокойнѣе, и помню даже, что, разсмотрѣвъ хорошенько моего проводника, замѣтилъ, что онъ подается впередъ, не переставая ногъ, и что

глаза его точно такъ же тусклы и неподвижны, какъ стеклянные глаза, которые вставляютъ въ лица восковыхъ фигуръ. Пройдя длинную галерею, мы вошли наконецъ въ ротонду. Она была освѣщена; во всѣхъ люстрахъ и канделябрахъ горѣли свѣчи; но, несмотря на это, въ ней было темно; всѣ эти огоньки, какъ-будто бы нарисованные, не разливали вокругъ себя ни какого свѣта, и только поставленные рядомъ четыре толстыя свѣчи, въ высокихъ погребальныхъ подсвѣчникахъ, бросали слабый свѣтъ на первые ряды креселъ и устроенное передъ ними возвышеніе. Этотъ деревянный помостъ былъ уставленъ пюпитрами; ноты, инструменты, свѣчи, — однимъ словомъ, все было приготовлено для концерта; но музыкантовъ еще не было.

«Въ первыхъ рядахъ креселъ сидѣло человѣкъ тридцать или сорокъ, изъ которыхъ одни были въ шитыхъ французскихъ кафтанахъ съ напудренными головами, а другіе въ простыхъ фракахъ и сюртукахъ. Я сѣлъ подлѣ одного изъ сихъ послѣднихъ.

— «Позвольте васъ спросить», сказалъ я моему сосѣду: «вѣдь это всѣ любители музыки и артисты, которыхъ пригласила сюда Г-жа Бальдучи?»

— «Точно такъ.» ..

— «Осмѣлюсь васъ спросить, кто этотъ молодой человѣкъ въ простомъ нѣмецкомъ кафтанѣ, съ такой выразительной фizioноміею: вонъ, тотъ, что сидитъ въ первомъ ряду, съ краю?»

— «Это Моцартъ.»

— «Моцартъ!» повторилъ я. «Какой Моцартъ?»

— «Какой? вотъ, странный вопросъ! Ну, разумеется, сочинитель Донъ-Жуана, Волшебной Флейты....»

— «Что вы, что вы!» перервалъ я: «да онъ года четыре какъ умеръ.»

— «Извините, онъ умеръ въ 1791 году, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, то есть, пять лѣтъ тому назадъ. Рядомъ съ нимъ сидятъ Чимароза и Гендель, а позади Рамо и Глукъ.»

— «Рамо и Глукъ?....»

— «А вотъ, нальво отъ насъ, стоитъ капельмейстеръ Арая, котораго опера Беллерофонъ была дана въ Петербургъ....»

— «Въ 1750 году, при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ?....»

— «Точно такъ! Съ нимъ разговариваетъ теперь Люлли.»

— «Капельмейстеръ Лудовика XIV?»

— «Онъ самый. А вонъ, видите, въ темномъ углу? Да, вы рассмотрите его отсюда! — это сидитъ Жанъ-Жакъ Руссо. Онъ приглашенъ сюда не такъ какъ артистъ, но какъ знатокъ и любитель музыки. Конечно, его Деревенскій Колдунъ хорошенькая опера; но вы согласитесь сами....»

— Да что жъ это значить? перервалъ я, взглянувъ пристально на моего сосѣда; и лишь только-было хотѣлъ спросить его, какъ онъ смѣетъ такъ дерзко шутить надо мною, какъ вдругъ увидѣлъ, что это давнишній мой знакомецъ, старикъ Болгинъ, страстный любитель музыки и большой весельчакъ. Ба, ба, ба! » вскричалъ я: «такъ это вы изволите забавляться надо мною? Возможно ли! Вы ли это, Степанъ Алексѣвичъ?»

— «Да, это я!» отвѣчалъ онъ очень хладнокровно.

— «Вы прѣехали сюда также послушать репетиціи завтрашняго концерта?»

Сосѣдъ мой кивнулъ головою.

— «Однако жъ, позвольте!....» продолжалъ я, чувствуя, что волосы на головѣ моей становятся дыбомъ:

«Что жъ это значить?... Да вѣдь вы, кажется, лѣтъ шесть тому назадъ умерли?»

— «Извините!» отвѣчалъ мой сестѣдь: «не шесть, а ровно семь.»

— «Да мнѣ помнится, я былъ у васъ и на похоронахъ.»

— «Статься-можетъ. А вы когда изволили скончаться?»

— Кто? я?... Помилуйте, да я живъ!»

— «Вы живы?... Ну, это странно, очень странно!» сказалъ покойникъ, пожимая плечамъ.

«Я хотѣлъ вскочить, хотѣлъ бѣжать вонъ; но мои ноги подкосились, и я какъ приколоченный гвоздями остался неподвижнымъ на прежнемъ мѣстѣ. Вдругъ по всей залѣ раздались громкія рукоплесканія, и Лауретта въ маскѣ и черномъ венеціанѣ появилась на концертной сценѣ. Вслѣдъ за ней тянулся длинный рядъ музыкантовъ, — и какихъ, мой другъ!.... Господи, Боже мой, что за фигуры! Журавлиныя шеи съ собачьими мордами, туловищи быковъ съ воробьиными головами, пѣтухи съ козлиными ногами, козлы съ человѣческими руками, — однимъ словомъ, ни какое безпутное воображеніе, ни какая сумасшедшая фантазія, не только не создастъ, но даже не представитъ себѣ по описанію такихъ гнусныхъ и безобразныхъ чудовищъ. Особенно же казались мнѣ отвратительными тѣ, у коихъ были человѣческія лица, если можно такъ назвать хари, въ которыхъ всѣ черты были такъ исковерканы, что, кромѣ главныхъ признаковъ человѣческаго лица, все прочее ни на что не походило. Когда вся эта ватага уродовъ высыпала вслѣдъ за Лауреттою на возвышеніе, и капельмейстеръ съ совиной головою въ бѣло-напудренномъ парикѣ сѣлъ на приготовленное для него мѣсто, началось настройванье инструментовъ; большая часть музыкантовъ была не

довольна своими, но болѣе всего шумѣлъ контрабасистъ съ медвѣжьимъ рыломъ. — «Что это за лубочный сундукъ!» ревѣлъ онъ, повертывая свой инструментъ во всѣ стороны. «Помилюте, синьора Бальдучи! Неужели я буду играть на этомъ гудкѣ?» Лауретта, молча, указала на моего сосѣда; контрабасистъ соскочилъ въ кресла, взялъ бѣднаго Волгина за шею, и всталилъ на помость; потомъ, поставивъ его головою внизъ, одной рукой обхватилъ обѣ его ноги, а другою началъ водить по брюху смычкомъ, и самые полные, густые звуки контрбаса, загремѣли подъ сводомъ ротонды. Вотъ наконецъ сладили межъ собой всѣ инструменты; капельмейстеръ поднялъ къверху огложенную бычачью кость, которая служила ему палочкою, махнулъ, и весь оркестръ грянулъ увертюру изъ Волшебной Флейты. Надобно сказать правду, были мѣстами нескладныя и дикія выходки, а особливо кларнетистъ, который падувалъ свой инструментъ носомъ, часто фальшилъ; но, не смотря на это, увертюра была сыграна не дурно. Послѣ довольно сильнаго аплодиссимента, вышла впередъ Лауретта, и не снимая маски, зашла совершенно незнакомую для меня арію. Слова были престранныя: умирающая богоотступница прощалась съ своимъ любовникомъ; она пѣла, что въ безпредѣльномъ пространствѣ, и навсегда, съ каждой протекшей минутою станеть увеличиваться разстояніе ихъ раздѣляющее; какъ вѣчность, будутъ безконечны ея страданія, и ихъ души, какъ свѣтъ и тма, никогда не сольются другъ съ другомъ. Все это выражено было въ превосходныхъ стихахъ, — а музыка!.... О, мой другъ, гдѣ найду я словъ, чтобъ описать тебѣ ту неизъяснимую тоску, которая сжала мое бѣдное сердце, когда эти восхитительные и адскіе звуки заколебали воздухъ? Въ нихъ не было ничего земнаго; но и небеса также не отражались въ этомъ голомъ, исполненномъ слезъ и рыданій. Я слышалъ и стоны осужден-

ныхъ на вѣчныя мученія, и скрежетъ зубовъ, и вопли безнадежнаго отчаянія, и эти тяжкіе вздохи, вырывающіеся изъ груди изтомленной страданіями. Когда посреди гремящаго *crescendo*, составленнаго изъ самыхъ дикихъ и противоположныхъ звуковъ, Лауретта вдругъ останавливалась, общее громогласное браво раздалось по залъ, и нѣсколько голосовъ закричали: — «Синьора Бальдучи, синьора Бальдучи! покажитесь намъ, снимите вашу маску!» Лауретта повиновалась: маска упала къ ея ногамъ, — и что жъ я увидѣлъ? Милосердый Боже!.... вмѣсто юнаго, двѣтущаго лица моей Лауретты, изсохшую мертвую голову!!! Я онѣмѣлъ отъ удивленія и ужаса, но за то остальные зрители заговорили всѣ разомъ и подняли страшный шумъ. — «Ахъ какія прелести!» кричали они съ восторгомъ: «посмотрите какой черепъ, точно изъ слоновой кости!.... А ротикъ, ротикъ?.... Чудо! до самыхъ ушей!.... Какое совершенство!.... Ахъ, какъ мило она оскалила на насъ свои зубы!.... Какія кругленькія ямочки, вмѣсто глазъ!.... Ну, красавица!»

— «Синьора Бальдучи!» сказалъ Моцартъ, вставая съ своего мѣста: «потѣшите насъ, спойте намъ *Biondina in gondoletta*.»

— «Да это не возможно, синьоръ Моцарти!» перерывалъ капельмейстеръ: «кавадину *Biondina in gondoletta* синьора Бальдучи поетъ съ гитарою, а здѣсь нѣтъ этого инструмента.»

— «Вы ошибаетесь, *maestro di capella*!» прошептала Лауретта, указывая на меня. «Гитара передъ вами.»

«Капельмейстеръ бросилъ на меня быстрый взглядъ, разинулъ свой совиный клѣвъ, и захохоталъ такимъ злобнымъ образомъ, что кровь застыла въ моихъ жилахъ. «А что, въ самомъ дѣлѣ!» сказалъ онъ. «Подайте-ка мнѣ его сюда! Кажется..... Да, точно такъ!..... изъ него выйдетъ порядочная гитара.»

«Тросъ зрителей схватили меня и передали изъ рукъ въ руки капельмейстеру. Въ полминуты онъ оторвалъ у меня правую ногу, ободралъ ее со всѣхъ сторонъ, и оставя одну кость и сухія жилы, началъ ихъ натягивать какъ струны. Не могу описать тебѣ той нестерпимой боли, которую произвела во мнѣ эта предварительная операція, и хотя правая нога моя была уже оторвана, но, не смотря на это, въ ту минуту какъ злодѣй капельмейстеръ сталъ ее настраивать, я чувствовалъ, что всѣ нервы въ моемъ тѣлѣ вытягивались и готовы были лопнуть. Но когда Лауретта взяла изъ рукъ его мою бѣдную ногу и костяные ея пальцы пробѣжали по натянутымъ жиламъ, я позабылъ всю боль: такъ прекрасенъ и благозвученъ былъ тонъ сей необычайной гитары. Послѣ небольшого ритурнеля, Лауретта запѣла въ полголоса свою каватину: я много разъ ее слышалъ, но никогда не производила она на меня такого чуднаго дѣйствія; мнѣ казалось, что я весь превратился въ слухъ, и, что всего страннѣе, не только душа моя, но даже всѣ части моего тѣла наслаждались отдѣльно одна отъ другой сей обворожительной музыкою. Но болѣе всѣхъ блаженствовала остальная нога моя: восторгъ ея доходилъ до какого-то изступленія; каждый звукъ гитары производилъ въ ней столь неизъяснимо пріятныя ощущенія, что она ни на одну секунду не могла остаться спокойною. Впрочемъ, всѣ движенія ея соотвѣтствовали совершенно темпу музыки: она, попеременно, то съ важностью кивала носкомъ, то быстро припрыгивала, то медленно шевелилась. Вдругъ Лауретта взяла фальшивый акордъ: ахъ, мой другъ, вся прежняя боль была ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что я почувствовалъ! Мнѣ показалось, что черепъ мой разсѣлся на части, что изъ меня потянули разомъ всѣ жилы, что меня начали пилить по частямъ тупымъ ножомъ.... Эта адская мука не могла долго продолжаться; я по-

терялъ всё чувства и только помню, какъ сквозь сонъ, что въ ту самую минуту, какъ всё начало темнѣть въ глазахъ моихъ, кто-то закричалъ: — «Выкиньте на улицу этотъ изломанный инструментъ!» — Вслѣдъ за симъ раздался хохотъ и громкія рукоплесканія. Я очнулся уже на другой день. Говорятъ, будто-бы меня нашли на площади подлѣ театра; впрочемъ ты, я думаю давно уже знаешь остальное: въ Москвѣ цѣлый мѣсяцъ объ этомъ толковали. Теперь всё для меня ясно: Лауретта являлась мнѣ послѣ своей смерти: она умерла въ Неаполѣ, а я, — какъ видишь, мой другъ, — я живъ еще», примолвилъ съ глубокимъ вздохомъ мой бѣдный пріятель, оканчивая свой разсказъ.

=

Какова исторія? спросилъ хозяинъ, поглядѣвъ съ улыбкою вокругъ себя. Ай-да, батюшка Александръ Дмитріевичъ, исполать тебѣ! мастеръ сказки разсказывать!

Помилуйте, Иванъ Алексѣевичъ: какая сказка? Это настоящая истина!

Въ самомъ дѣлѣ?

Увѣряю васъ, что пріятель мой во все не думалъ лгать, разсказывая мнѣ это странное приключеніе.

— Полно, братецъ: да это курамъ на смѣхъ! Воля твоя, какъ чортъ не хитеръ, а вѣрно и ему не придется въ голову сдѣлать изъ одного человека контрбасъ, а изъ другаго гитару.

— Если вы не вѣрите мнѣ, такъ я могу сослаться на самого Зорина. Онъ, благодаря Бога, еще не умеръ, и живетъ по-прежнему, въ Пестербургъ, подлѣ Обухова моста.....»

— Въ желтомъ домѣ? перервалъ исправникъ.

Вотъ этого не могу вамъ сказать! продолжалъ спокойно Черѣмухинъ: можетъ-быть, его давно уже перекрасили.

-- Ахъ ты, проказникъ! подхватилъ хозяинъ. Такъ ты разсказалъ намъ то, что слышалъ отъ сумасшедшаго?

— Отъ сумасшедшаго?... Ну этого еще не знаю! Зоринъ никогда мнѣ не признавался, что онъ сошелъ съ ума, а напротивъ увѣрялъ меня, что если доктора и смотрители желтаго дома не безумные, такъ по одному упрямству и злобѣ не хотятъ видѣть, что у него вѣсто правой ноги отличная гитара.

— Смотри, пожалуй! вскричалъ хозяинъ: какую дичь поретъ! А вѣдь самъ какъ дѣло говорить: не улыбнѣтся! Впрочемъ, и то сказать, прибавилъ онъ, помолчавъ нѣсколько времени: пріятель твой, Зоринъ, сошелъ же отъ чего-нибудь съ ума! Ну, если въ самомъ дѣлѣ эта басурманка приходила съ того свѣта, чтобъ его помучить?....

— А что вы думаете? сказалъ я. Не знаю, какъ другіе, а я не сомнѣваюсь, что мы можемъ иногда послѣ смерти показываться тѣмъ, которыхъ любили на землѣ.

— И, полно, братецъ! перервалъ съ улыбкою Заруцкой: да этакъ бы и числа не было выходцамъ съ того свѣта!

— Напротивъ! продолжалъ я: эти случаи должны быть очень рѣдки.... Я увѣренъ, что мы послѣ нашей смерти можемъ показываться только тѣмъ изъ друзей или родныхъ нашихъ, къ которымъ были привязаны не по одной привычкѣ, любили не по разсудку, не по обязанности, не по тому только, что намъ было съ ними весело, но по какой-то неизъяснимой симпатіи, по какому-то сродству душъ....

— Сродству душъ? перервалъ Заруцкой: а что ты разумѣешь подъ этимъ?

— Что я разумѣю? Не знаю, удастся ли мнѣ изъяснить тебѣ это примѣромъ: послушай! Всякой музы-

кальный инструментъ заключаетъ въ себѣ способность издавать звуки, точно такъ же, какъ тѣло наше способность жить и дѣйствовать, и, точно такъ же, какъ тѣло безъ души, всякой инструментъ, безъ содѣйствія художника, который влагаетъ въ него душу, мертвъ, и не можетъ или, по крайней мѣрѣ, не долженъ самъ собою обнаружить этой способности. Теперь, не хочешь ли сдѣлать опытъ? Положи на фортепиано какой-нибудь другой инструментъ, напримѣръ, хотъ гитару, а на одну изъ струнъ ея, небольшой клочекъ бумаги, потомъ начини перебирать на фортепианѣ всѣ клавиши одну послѣ другой: бумажка будетъ лежать спокойно до тѣхъ поръ, пока ты не заставишь прозвучать ноту, одинакую съ той, которую издаетъ струна гитары. Но тогда, лишь только ты дотронешься до клавиши, въ то же самое мгновеніе струна зазвучитъ, и бумажка слетитъ долой. Слѣдовательно, по какому-то непонятному сочувствію, мертвый инструментъ отзовется на голосъ живаго. Попытайся, мой другъ, изъяснить мнѣ это, весьма обыкновенное, и по-видимому физическое явленіе, тогда быть-можетъ и я растолкую тебѣ, что понимаю подъ словами — симпатія и сродство душъ.

— Ба, ба, ба, любезный другъ! сказалъ Заруцкой, улыбаясь. Да ты ужасный метафизикъ и психологъ! Я этого не зналъ за тобою. Вотъ что! Теперь понимаю: душа умершаго человѣка съ душой живаго могутъ сообщаться межъ собою, только въ такомъ случаѣ, когда они обѣ настроены по одному камерьтону.

— Ты шутишь, Заруцкой, перерывалъ исправникъ, а мнѣ кажется, что Михайла Николаевичъ говоритъ дѣло. Я самъ знаю одинъ случай, который рѣшительно оправдываетъ его догадки, и такъ какъ у насъ пошло на рассказы, пожалуй, и я расскажу вамъ, не сказку,

а истинное происшествіе. Быть — можетъ, вы мнѣ не повѣрите, но я кланусь вамъ честію, что это правда.

=

Въ началѣ 1792 года, гусарскій полкъ, въ которомъ я служилъ корнетомъ, стоялъ въ Бѣлоруссіи, и мой эскадронъ занималъ квартиры въ мѣстечкѣ, принадлежащемъ двумъ братьямъ, Князьямъ Лю — кимъ. Они жили вмѣстѣ съ своими женами въ ихъ наслѣдственномъ и великолѣпномъ замкѣ. Радужное ихъ обращеніе съ Русскими офицерами, а болѣе всего веселый образъ жизни, напоминающій роскошное хлѣбосольство древнихъ магнатовъ Польши, вошли въ пословицу между нашими офицерами. «Хоть бы Князь-«ямъ Лю — кимъ задать такой праздникъ!» говорили мы всегда, когда хотѣли похвалить чье-нибудь угощеніе.

Изъ всѣхъ офицеровъ моего эскадрона, я болѣе другихъ былъ ими обласканъ, и въ теченіе двухъ или трехъ недѣль сдѣлался въ ихъ семьѣ совершенно домашнимъ человѣкомъ. Обѣ Княгини были женщины отменно любезныя, и могли назваться красавицами. Если бъ онѣ были родныя сестры, то и тогда бы нельзя было не подивиться ихъ необычайной дружбѣ; но двѣ невѣстки, двѣ хозяйки въ одномъ домѣ, которыя живутъ душа въ душу, такая диковинка, какую не всякому удастся на роду своемъ увидѣть. Нельзя было сказать, чтобъ ихъ нравы были совершенно сходны межъ собою: напротивъ, одна изъ нихъ, жена старшаго брата, которая называлась Жозефиною, была самага кроткаго характера, и даже нѣсколько холодна, а другая отменно жива и вспыльчива; но, не смотря на это различіе, которое впрочемъ замѣтно было только въ отношеніи къ другимъ, никогда ни малѣйшая досада не нарушала ихъ семейнаго согласія.

Жозефина очень часто разговаривала со мною объ этой дружбѣ.

— Вы не можете себя представить, сказала она мнѣ однажды, какое странное, и даже непонятное для насъ самихъ, чувство мы питаемъ другъ къ другу. Говорятъ, что мы живемъ какъ родныя сестры, да это все не то: у меня были три сестры, я любила ихъ, но совсѣмъ другимъ образомъ. Когда я въ первый разъ увидѣла Казимиру, — такъ называли меньшую невѣстку, — мнѣ показалось, что ея-то именно и не доставало для моего благополучія; что иногда въ грустные минуты я тосковала о ней, — и хотя рѣшительно увидѣла ее тогда въ первый разъ, но готова была побойться, что и черты лица ея, и звукъ ея голоса и даже нѣкоторыя, собственно ей принадлежащія, выраженія и привычки давно уже мнѣ знакомы; что мы, не знаю гдѣ и когда, но только непременно и любили другъ друга, и жили вмѣстѣ. Не правда ли, что это очень странно? А вѣдь еще страннѣе, что Казимира при первой встрѣчѣ со мною почувствовала то же самое? Ну вотъ, послѣ этого, не вѣрьте симпатіямъ! Сколько разъ случалось, я задумаю какую нибудь новую забаву, хочу сдѣлать ей сюрпризъ, что жъ? Ей именно то же самое придетъ въ голову! Она затѣетъ по тихоньку отъ меня какое нибудь веселье, секретничаетъ, хлопочетъ, и вдругъ я начну съ нею совѣтоваться, какимъ образомъ уладить точно такой же праздникъ, какой она хотѣла дать мнѣ нечаянно! Мы никогда еще не разставались, и я думаю, что разлука будетъ для насъ большимъ несчастіемъ. Мало ли что случается? Одна изъ насъ можетъ умереть, намъ не удастся проститься другъ съ другомъ..... О, вы не можете представить, какъ эта мысль насъ пугаетъ! Правда, мы на этотъ счетъ взяли нѣкоторыя предосторожности, продолжала Жозефина, улыбаясь, однако жъ все не шутя: мы связали себя клятвою.

— Клятвою?

— Да. Мы поклялись другъ другу, что если судьба приведетъ одну изъ насъ умереть прежде, и мы въ эту минуту не будемъ вмѣстѣ, то умершая должна непременно, не покидая еще земли, явиться къ той, которая останется въ живыхъ.

— Но подумали ли вы, сказалъ я также, не шутя: что исполненіе сей клятвы зависить не отъ васъ?

— О, какъ же! Мы и на этотъ счетъ взяли свои предосторожности. Говорять, что всякая клятва, данная и неисполненная въ здѣшнемъ мірѣ, станетъ въ будущемъ тяготить нашу душу, то есть, мѣшаетъ ей наслаждаться вполнѣ блаженствомъ, если она его заслужить, и для того мы поклялись съ условіемъ.

— Съ условіемъ?

— Да, съ условіемъ. Наша клятва должна только имѣть силу въ предѣлахъ возможнаго: — nous avons juré jusqu'aux bornes du possible.

Когда она выговорила эту Французскую фразу, которую повторяю вамъ слово отъ слова, то я не могъ удержаться отъ смѣха, — такъ показалось мнѣ забавнымъ это дѣтское простодушіе милой Жозефины.

— Ого, Княгиня! сказалъ я: да вы знаете приказный порядокъ, и взяли всѣ законныя предосторожности; теперь, если одна изъ васъ выполнить свое обѣщаніе, такъ это будетъ даже не чудно, потому что свершится въ предѣлахъ возможнаго.

— Смѣйтесь, смѣйтесь, перервала Жозефина: а я увѣрена, что если одна изъ насъ кончитъ жизнь не на рукахъ у другой, то или мы умремъ въ одно время, то есть, въ одинъ часъ, въ одну минуту, или непременно повидаемся другъ съ другомъ, передъ нашей земной разлукою.

Мужъ Княгини Казимиры страдалъ уже нѣсколько лѣтъ отъ одной хронической болѣзни, которая, не

смотря на стараніе лучшихъ медиковъ тамошняго края, очевидно усиливалась и могла превратиться въ неизлечимый недугъ. По общему совѣту докторовъ, ему оставалось испытать послѣднее средство, то есть, ѣхать за границу и полечиться у иностранныхъ врачей, а въ особенности у знаменитаго Доктора Франка, который въ то время былъ въ Парижѣ. Какъ ни тяжело было для Княгини разстаться на долгое время, но необходимость требовала этой жертвы. На прощаньи, онѣ еще разъ повторили свою клятву, и общались, не пропуская ни одной почты, писать другъ другу обо всемъ.

Прошло мѣсяца два; вотъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Казимира увѣдомила свою невестку, что она отправляется съ больнымъ своимъ мужемъ въ Парижъ. Это извѣстіе очень обезпокоило Жозефину. Французская революція становилась часъ-отъ-часу грознѣе, и хотя кровь не лилась еще рѣками, но все заставляло думать, что предсказанія и догадки Европейскихъ журналистовъ, какъ крики зловѣщихъ птицъ, не предвѣщаютъ ничего добраго. Напрасно Казимира успокоивала своего друга. «Ты не должна за насъ бояться, писала она: мы, иностранцы, будемъ жить тихо, не станемъ мѣшаться въ политическія дѣла, такъ насъ и не замѣтятъ въ Парижѣ.» Все это казалось Жозефинѣ недостаточной порукою за ихъ безопасность. Межъ тѣмъ время шло да шло. Роберспьеръ, Марать, Дантонъ и сотни другихъ тигровъ, представлявшихъ въ лицѣ своемъ «великую націю», начинали по-немногу пріучать вѣтренныхъ Французовъ къ кровавымъ пиршествамъ, на которыхъ деспотизмъ палачей величали свободой, судомъ называли человѣческую бойню, а народомъ Французскимъ шайку разбойниковъ и убійцъ; и чтобъ равенство, это слово, не имѣющее ни какого моральнаго смысла, сдѣлать хотя физически возможнымъ, предлагали, для уравниенія всей націи, подруб-

ливать головы тѣмъ, которые имѣли несчастіе родиться повыше другихъ: Въ то же время, новые отцы отечества извѣщали своихъ согражданъ, что они, съ родительскимъ сердоболіемъ, принскивали всѣ средства, какъ бы облегчить страданія умирающихъ на эшафотъ, и что, дабы рубить головы и скорѣе, и опрятнѣе, изобрѣли «филантропическую» машину, которую называли гильотиною. Жозефина все это читала въ газетахъ, слѣдовательно не могла оставаться спокойною. Замѣчая тоску своей жены, Князь Лю—кій давалъ безпрестанно праздники, балы, концерты, — однимъ словомъ, употреблялъ всѣ средства, чтобъ разсѣять ея горестъ. На одномъ изъ сихъ баловъ, на который съѣхалось къ нимъ человѣкъ двѣсти гостей, я замѣтилъ, что Жозефина была скучнѣе обыкновеннаго.

—Здоровы ли вы? спросилъ я, садясь подлѣ нея въ танцевальной залѣ.

—А что? шепнула Княгиня: развѣ я кажусь больною?

—А если вы здоровы, такъ позвольте вамъ сказать, что вы вовсе не походите на хозяйку, которая даетъ такой блестящій балъ. Взгляните, какъ все оживлено въ этой залѣ: три мазурки въ одно время!..... Даже старики поднялись, а вы не танцуете! Да будьте повеселѣе; вѣдь этакъ подумаютъ, что вы не ради вашихъ гостей.

—Такъ что жъ? Пускай себѣ думаютъ, что хотятъ, а мнѣ право не до танцевъ.

—Вы меня пугаете, Княгиня! Ужъ не имѣтели вы какого—нибудь непріятнаго извѣстія изъ Парижа, или давно не получали оттуда писемъ?

—Напротивъ. Я получила сегодня письмо отъ Казимиры, и весьма пріятное. Она пишетъ, что въ Парижѣ очень весело; что журналисты все увеличи-

ваютъ; что, несмотря на угрозы республиканской партіи, Король любимъ, и если бъ захотѣлъ только унять этихъ крикуновъ, такъ все пошло бы по-прежнему; но онъ слишкомъ добръ, и не хочетъ прибѣгать къ силѣ, тѣмъ болѣе, что это волненіе умовъ не можетъ быть продолжительно: такое постоянство было бы не въ характеръ Французской націи. А сверхъ того Королева Французская, которая очень милостива къ Казимиръ и приглашаетъ ее на всѣ свои маленькіе вечера, открыла ей по секрету, что глава, или лучше сказать, душа революціи, этотъ Графъ Мирабо, перешелъ на сторону правительства. Что жъ касается до прочихъ зачинщиковъ, то они не только ничтожны, но даже отвратительны и гадки въ глазахъ цѣлаго Парижа. Все это должно бы, кажется, меня успокоить, а напротивъ я никогда еще не была такъ растрожена, какъ сегодня.

— Да что жъ вы чувствуете?

— И сама не знаю. Вотъ, тутъ, на сердцѣ у меня такъ тяжело!..... Мнѣ такъ грустно!..... Вы скажете, что это малодушіе, ребячество: быть можетъ! — Да что же дѣлать, когда въ насъ есть что-то такое, что несравненно сильнѣе всякаго разсудка. Конечно, и я могу притвориться веселою; но это будетъ одно притворство.

— А вы его не навидите, Княгиня. Однако жъ такъ и быть, притворитесь! Я слыхалъ, что иногда актеры увлекаются своими ролями: почему знать? — можетъ-быть, и вы забудете ваше горе, протанцуете первую мазурку не-хотя, а вторая васъ будетъ забавлять. Пойдемте!

Княгиня молча подала мнѣ руку, и мы, составивъ четвертую мазурку, пустились танцовать наперерывъ съ другими. Въ самомъ дѣлѣ, Жозефина поразвеселилась, и, къ концу бала, на прекрасномъ лицѣ ея

не осталось даже и слѣдовъ прежняго безпокойства и горести.

Вотъ, послѣ ужина, гости стали расходиться, ближайшіе сосѣди разѣхались по своимъ деревнямъ, а тѣ, которые жили подалѣе, остались ночевать въ замкѣ. Въ числѣ послѣднихъ было нѣсколько молодыхъ барынь. Хозяйка, уложивъ ихъ спать въ одной большой горницѣ, расположилась и сама ночевать вмѣстѣ съ ними. Я отправился также въ свою комнату, и вѣрно бы проспалъ крѣпкимъ сномъ до самаго обѣда, когда бы рано поутру не разбудила меня какая-то необычайная тревога въ цѣломъ домѣ: вездѣ хлопали дверьми и по всѣмъ коридорамъ поднялась такая бѣготня, что если бѣ хотя немного пахло дымомъ, такъ я подумалъ бы, что мы горимъ. Я вскочилъ съ постели, одѣлся на скорую руку, и побѣжалъ узнать причину этой суматохи. Любимая пацна Жозефины, черноглазая Юлія, на которую я давно уже засматривался, первая повстрѣчалась со мной въ коридорѣ и сказала мнѣ мимоходомъ, что Княгиня занемогла, что ей сдѣлалось ночью очень дурно, что она во снѣ или на яву, — на вѣрное не знаютъ, — но только видѣла что-то страшное, и лежитъ теперь безъ памяти. Не прошло и двухъ часовъ, какъ всѣ остальные гости разѣхались, и, этакъ часу въ десятомъ, пришли мнѣ сказать, что Княгиня проситъ меня къ себѣ.

Я нашелъ ее въ совершенной памяти; она сидѣла, совсѣмъ одѣтая, на канапе, и, на вопросъ мой о внезапной ея болѣзни, отвѣчала, что чувствуетъ себя совершенно здоровою. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ необычайной блѣдности, на лицѣ ея не замѣтно было ни какихъ признаковъ болѣзни; но съ перваго взгляда на ея мутные и распухшіе глаза, не трудно было догадаться, что она очень много плакала.

— Садитесь вотъ здѣсь — подлѣ меня! шепнула она тихимъ голосомъ.

— Что съ вами сдѣлалось, Княгиня? сказалъ я, садясь на канapé.

— Ничего. Я знала это напередъ. О, сердце мое предчувствовало! Оно меня никогда не обманываетъ.

— Да, что такое?

— Я ее видѣла.

— Видѣли? кого?

— Ее. Она приходила со мною проститься.

— Да о комъ вы говорите?

— О моемъ другѣ.

— О вашей невѣсткѣ?

— Да.

— Что вы, Княгиня! помилуйте! Это такъ: разстроенное воображеніе Вы много танцовали, кровь ваша была въ волненіи, и какой-нибудь сонъ

— Сонъ! повторила она съ грустной улыбкою. Сонъ! Нѣтъ, я не спала..... Послушайте, я расскажу вамъ все.

Въ продолженіе сего чуднаго разсказа я безпрестанно смотрѣлъ на нее, надѣясь подглядѣть въ глазахъ ея признаки бреда или горячки; но кромѣ тихой и спокойной грусти, я не могъ замѣтить ничего на ея блѣдномъ и усталомъ лицѣ. То, что она мнѣ разсказала, было такъ странно, и въ то же время носило на себѣ такой опечатокъ истины, что всѣ слова ея вѣзались въ мою память, и я могу вамъ повторить ея разсказъ, безъ всякой ошибки и перемѣны, точно такъ, какъ-будто-бы слышалъ его вчера.

Уложивъ спать своихъ гостей, она заснула сама крѣпкимъ сномъ, часу во второмъ утра. Засыпая, она даже сверхъ обыкновенія ни разу не подумала о Казимирѣ. По ея догадкамъ она спала уже болѣе часу, какъ вдругъ ей послышался тихій шелестъ, и на нее повѣяло какой-то пріятной весенней прохладою. Она проснулась. У самага ея изголовья стояла женщина въ бѣломъ

платъ, съ остриженными волосами; на ней не было ни какихъ украшеній кромѣ краснаго ожерелья на шею, и чернаго пояса съ стальною пряжкой. Не смотря на то, что въ комнатѣ горѣла одна ночная лампада, Жозефина разсмотрѣла все это съ перваго взгляда. Лице этой женщины было покрыто, или, лучше сказать, на него было наброшено короткое бѣлое покрывало; она стояла неподвижно и держала руки, сложивъ крестомъ, на груди. Въ первую минуту испуга, Жозефина не могла выговорить ни слова, а потомъ, когда хотѣла позвать своихъ дѣвушекъ и разбудить гостей, бѣлая женщина подняла покрывало и сказала тихимъ голосомъ: «Не пугайся мой другъ, это я!» — «Боже мой!» вскричала Жозефина: «это ты, Казимира?..... возможно ли? Когда вы пріѣхали?» — Она приподнялась, чтобъ обнять свою невестку; но Казимира отступила шагъ назадъ и прошептала едва слышнымъ голосомъ: — «Не прикасайся ко мнѣ, Жозефина! Еще не пришло время, когда тебѣ можно будетъ обнять меня, и чувствовать, что ты меня обнимаешь. Я пришла проститься съ тобою.» — «Проститься?» — «Да! развѣ ты забыла нашу клятву?» — Тутъ Жозефина вспомнила все. И, какъ вы думаете, — испугалась? или по крайней мѣрѣ пришла въ отчаяніе? залилась слезами?..... Нѣтъ! она не чувствовала ни страха, ни горести: и то и другое овладѣло ея душою послѣ, но въ эту минуту она была совершенно спокойна.» — «И такъ мой другъ, ты умерла?» спросила она Казимиру. — «Да. Я умерла въ Парижѣ. Мнѣ отрубили голову.» — «За что?» — «За мою привязанность къ Французской Королевѣ.» — «Злодѣи!.....» — «Не кляни, а благословляй ихъ, Жозефина: они отперли двери моей темницы.» — «Твоей темницы?..... Какой темницы?» Привидѣніе кротко улыбнулось и не отвѣчало ничего. — «Скажи мнѣ, мой другъ,» продолжала Жозефина: «страшно ли умирать?» — «Да. Точно такъ

же, какъ страшно слѣпому отъ рожденія взглянуть въ первый разъ на свѣтлое солнце и ясныя небеса.» — «Ахъ! послѣдняя минута должна быть ужасна!» — «Да, мой другъ! Послѣдняя минута ужасна; но за то первая!.....» — Неподвижные взоры привидѣнія одушевились.

— И что я прочла въ нихъ!..... говорила Жозефина, рыдая. О, какъ ничтожно это чувство, которое мы всѣ, минутные гости земли, называемъ нашей радостію и блаженствомъ!

— «Но мы должны разстаться,» сказало привидѣніе: — «прощай Жозефина; до свиданія, тамъ, въ нашей родинѣ!.....» — «Постой, мой другъ!» вскричала Жозефина. «Скажи, увѣрена ли ты, что мы опять увидимся?» — «О, я не сомнѣваюсь въ этомъ! Я вижу твою душу: она рвется изъ оковъ своихъ, она не любитъ своей неволи. Послушай!.....» Тутъ тѣнь Казимиры поклонилась, и прошептала нѣсколько словъ на ухо своему другу.

— Потомъ, продолжала Жозефина, глаза мои сомкнулись мнѣ послышалось, что въ вышинѣ надо мною раздаются какіе-то неизъяснимо пріятные звуки, и я или заснула опять или лишилась чувствъ, не знаю сама; но только все исчезло.

— А что такое шепнула она вамъ на ухо? спросилъ я съ любопытствомъ.

— Не спрашивайте меня объ этомъ! перервала Жозефина. Эти слова умрутъ, — да! они должны умереть вмѣстѣ со мною.

Какъ я ни убѣждалъ ее открыть мнѣ эту тайну, — все было напрасно. Я замѣтилъ только одно, что всякой разъ, когда говорилъ съ ней объ этомъ, она начинала плакать; но эти слезы не были слезами горести.

Черезъ три недѣли мы прочли въ Парижской газетѣ «Другъ народа», что вскорѣ послѣ убійства Графини Ламбаль, казнена была одна иностранка, и какъ, по обыкновенію Французскихъ писателей, ни исковеркано было имя этой несчастной, къ сожалѣнію, намъ не трудно было отгадать въ немъ фамильное прозваніе Князей Лю.....кихъ.

=

Исправникъ замолчалъ. Я слушалъ съ большимъ вниманіемъ его разсказъ, но это не помѣшало мнѣ замѣтить, что Заруцкой и Черѣмухинъ толковали о чемъ-то межъ собою въ полголоса; что послѣдній поглядѣлъ на свои часы, и въ то самое время, какъ вниманіе наше было обращено на разскащика, вышелъ потихонку изъ кабинета.

— Ну, племянникъ, промолвилъ, улыбаясь, хозяинъ: что ты скажешь на это?

— Если бъ Алексѣй Дмитріевичъ не былъ самъ очевиднымъ свидѣтелемъ этого происшествія, отвѣчалъ Заруцкой, то я сказалъ бы вамъ, что это просто сказки.

— Ну, а теперь что скажешь?

— Теперь скажу, что это странное стеченіе обстоятельствъ, не совсѣмъ обыкновенный случай, и больше ничего.

— Какъ ничего?

— Разумѣется! Сонъ, который видѣла Жозефина, есть нечто иное, какъ повтореніе того, о чемъ она безпрестанно думала на яву; и если бъ Казимира возвратилась благополучно изъ своего путешествія, то этотъ сонъ былъ бы забытъ точно такъ, какъ тысячи подобныхъ сновъ, которые не сбываются, и о которыхъ ни кто не говоритъ ни слова.

— Экой ты, братецъ, какой! да вѣдь ты слышалъ, что это сбылось.

— Да что жъ удивительнаго, когда изъ милліона вздорныхъ сновъ какой-нибудь одинъ нечаянно сбывается! Напримѣръ: если бѣ жена морскаго офицера, который отправился кругомъ свѣта, стала очень то-сковать о своемъ мужѣ, то вѣроятно часто бы видѣла во снѣ, что онъ утонулъ. И если въ самомъ дѣлѣ онъ погибнетъ на морѣ, такъ вы скажете, что ей было это предсказано во снѣ?

— Да, что ты наладилъ, племянникъ? во снѣ да во снѣ! Вѣдь ты слышалъ, что она видѣла это наяву.

— То есть, ей казалось, что она не спала. Но такъ и быть! Согласенъ; она видѣла это не во снѣ: такъ что жъ? Развѣ намъ не случается видѣть наяву предметы, которые существуютъ только въ одномъ разстроенномъ воображеніи нашемъ? Испытайте не поспать нѣсколько ночей сряду, и вы увидите наяву такія диковинки, какія не пригрѣзятся вамъ никогда и во снѣ. Поговорите объ этомъ съ курьерами, которые скачутъ день и ночь, не имѣя времени соснуть ни на минуту. Я самъ однажды видѣлъ на большой дорогѣ, обсаженной однѣми липками, цѣлыя улицы огромныхъ палатъ и дворцовъ, а кажется не спалъ, и даже, чтобъ не задремать и не свалиться съ тележки, пѣлъ пѣсни и безпрестанно разговаривалъ съ ямщикомомъ. Знаете ли, до какой степени можетъ, иногда, приготовленное къ чудесамъ воображеніе обманывать всѣ наши чувства? Вотъ напримѣръ, теперь темная, осенняя ночь; вѣтеръ воетъ, близко полуночи, и мы уже часа три сряду, рассказываемъ другъ другу страшныя повѣсти. Я увѣренъ, что теперь каждый изъ насъ, не исключая меня, гораздо болѣе обыкновеннаго расположенъ къ испугу, и несравненно легковѣриѣе, чѣмъ во всякое другое время. Нечаянный стукъ, неожиданное появленіе какого-нибудь новаго гостя, скрипъ двери, порывъ вѣтра, — однимъ словомъ,

все можетъ насъ потревожить и показаться намъ неестественнымъ; и если бъ въ эту самую минуту, какъ я говорю съ вами, кто-нибудь, подмоется съ на-дворья, заглянулъ къ намъ въ окно, то, безъ всякаго сомнѣнія, самое обыкновенное лицо показалось бы намъ не человѣческимъ.

— Вотъ еще вздумалъ чѣмъ пугать! перервалъ хозяйнѣ, посматривая робко вокругъ себя.

— Какой вздоръ! сказалъ я, взглянувъ невольно на окна.

Нѣтъ, не вздоръ, продолжалъ Заруцкой: мы всѣ имѣемъ какую-то врожденную склонность вѣрить чудесному; и хотя страхъ чувство вовсе непріятное, но мы любимъ это судорожное сжиманіе сердца, этотъ холодъ, которымъ обдаешь насъ съ ногъ до головы, когда намъ кажется, что мы видимъ что-нибудь неестественное, и коль скоро мы дадимъ волю нашему воображенію, лишь только оно возьметъ верхъ надъ разсудкомъ; мы готовы вѣрить всему, пугаться всего, и точно такъ же, какъ въ сильной горячкѣ, хотя и сохраняемъ физическія наши способности, а не смотря на это и видимъ, и слышимъ, и даже чувствуемъ все наизуворотъ.... Но вотъ, кажется, и полночь.....чу!

На дворъ стали бить часы.

— Какъ страшно завываетъ этотъ колоколъ! продолжалъ Заруцкой, считая въ полголоса удары. Пять..... шесть..... Не правда ли, что въ этомъ звукѣ есть что-то могильное, зловѣщее? Восемь..... девять..... Какъ заунывно и протяжно раздается этотъ —

Глаголъ время! металла звонъ!.....

Одиннадцать!..... Двѣнадцать!..... Боже мой!..... Смотрите, смотрите!..... Что это?

Я вскрикнулъ, Кольчугинъ уронилъ на полъ свою трубку, исправникъ и хозяйнѣ вскочили съ своихъ

мѣсть, и всѣ взоры, по направленію руки Заруцкаго, обратились на одно изъ оконъ кабинета.

— Кой чортъ! вскричалъ хозяинъ. Да что жъ онъ видитъ? Не знаю, вы господа, а я не вижу ничего.

— И я также, сказалъ Кольчугинъ, подымая свою трубку.

— Ахъ онъ проказникъ! перервалъ исправникъ съ громкимъ хохотомъ. Смотри, пожалуй, какъ онъ всѣхъ насъ переполошилъ! Ого, да ты братъ славный актеръ! продолжалъ исправникъ, обращаясь къ Заруцкому. Полно, полно, любезный! — не кобенься, никого не обманешь.

Я взглянулъ на моего пріятеля: нѣтъ, это не комедія! Его почти безумный и неподвижный взоръ былъ устремленъ на среднее окно кабинета: всѣ члены его дрожали, волосы стояли дыбомъ, а на помертвѣвшемъ лицѣ изображался неизъяснимый ужасъ.

— Что ты, что ты, мой другъ? спросилъ я, подходя къ нему. Что съ тобою сдѣлалось?

Заруцкой не отвѣчалъ ни слова.

— Не трогайте его! сказалъ исправникъ. Онъ теперь на сценѣ, и такъ сроднился съ своею ролью, что не хочетъ съ нею разстаться.

Вдругъ послышались въ коридоръ скорые шаги, дверь отворилась и вошелъ Черѣмухинъ.

— Фу, братецъ! Какъ ты меня напугалъ! проговорилъ Заруцкой, сядя на канapé. Насилу могу отдохнуть!

— Я тебя напугалъ? повторилъ Черѣмухинъ.

— Да! ты.

— Чѣмъ, если смѣю спросить?

— Какъ чѣмъ? Я говорилъ тебѣ, когда часы на дворѣ будутъ бить полночь, чтобъ ты, при последнемъ

ударъ колокола, заглянулъ къ намъ въ окно; а никто не просилъ тебя закутаться въ какой-то бѣлый саванъ и надѣтъ на голову женскій чепецъ.

— Женскій чепецъ?..... Что ты, въ умъ ли?

— Ну вотъ еще!..... запирайся!

— Помилуй, братецъ: да я и съ крыльца не сходилъ!

— Что ты говоришь?

— Ну, да! Когда я вышелъ на крыльцо и увидѣлъ, что дождь льетъ какъ изъ ведра, такъ, не погнѣвайся,—не заблагоразсудилъ промокнуть до костей, чтобъ для твоей забавы выкинуть проказу, за которую и маленькихъ дѣтей съкутъ.

— И ты не смотрѣлъ къ намъ въ окно?

— Нѣтъ.

— Послушай, Александръ! вскричалъ Заруцкой, поблѣднѣвъ снова: эта шутка никуда не годится.

— Какая шутка? Ахъ, батюшки, да что съ тобою сдѣлалось?

— Говори правду: я этого требую.

— Тфу, пропасть! Да если ты мнѣ не вѣришь, такъ ступай въ переднюю, и спроси у людей. Я тебѣ говорю, что я не только не заглядывалъ къ вамъ въ окно, но даже и съ крыльца не сходилъ. Слышишь, какой идетъ дождь?..... Если бъ я былъ на дворѣ, то на мнѣ бы сухой нитки не осталось: а вотъ, посмотри!..... На, пощупай мое платье!..... Ну, что, былъ ли я подъ дождемъ?

Пріятель мой замолчалъ.

— Да развѣ ты въ самомъ дѣлѣ что-нибудь видѣлъ? спросилъ я его въ полголоса.

Онъ сжалъ крѣпко мою руку и прошепталъ прерывающимся голосомъ: — Да, мой другъ!.... я видѣлъ.... О, еслибъ ты зналъ, что я видѣлъ!.....

— Да что такое?

Заруцкій, не отвѣчая на мой вопросъ, и какъ будто-бы говоря съ самимъ собою, сказалъ: — Кажется сегодня суббота..... Да! точно, суббота.....

— А если хочешь, такъ и воскресенье: двѣнадцать часовъ ужъ било. Да скажи мнѣ.....

— Нѣтъ, мой другъ. Быть-можетъ, это одинъ обманъ моихъ чувствъ..... Мнѣ могло показаться!.... Но я видѣлъ это такъ ясно..... примолвилъ онъ, поглядѣвъ съ невольнымъ содроганіемъ на среднее окно кабинета: вотъ тутъ!.... прямо, противъ меня!....

— О чемъ вы, господа, тамъ перешептываетесь?

— Такъ, дядюшка; ничего! сказалъ Заруцкій, стараясь улыбаться.

— Опять какой-нибудь заговоръ, чтобъ перепугать насъ! подхватилъ исправникъ. Да не трудитесь, господа! Не знаю, какъ другіе, а я за себя отвѣчаю: два раза сряду не испугаете.

— Ну, не ручайся, любезный! перервалъ хозяинъ. Если бъ ты зналъ исторію моего дома, и то, что нѣкогда случилось въ этой самой комнатѣ, гдѣ мы теперь бесѣдуемъ, то не сталъ бы такъ храбриться. Я давно ужъ здѣсь живу, и благодаря Бога, ни какихъ страстей не видывалъ, — а какъ вспомню про эту ужасную исторію, такъ, признаюсь, меня и въ Петровки морозъ по кожѣ подираетъ.

— А, кстати, Иванъ Алексѣевичъ! подхватилъ исправникъ: расскажите-ка намъ это преданіе. Мнѣ давно уже хотѣлось узнать подробнѣе объ этомъ ночномъ поѣздѣ, о которомъ такъ много толкуютъ во всемъ нашемъ уѣздѣ.

— И вѣрно всякой по-своему — замѣтилъ хозяинъ.

— Да! каждый по-своему: въ одномъ только всѣ согласны, что эта сказка имѣетъ основаніемъ какое-то истинное происшествіе.

— А почему вы называете это преданіе сказкою? спросилъ я исправника.

— Потому, что оно съ начала до конца походить на сказку.

— А то, что ты намъ сейчасъ рассказывалъ, перервалъ съ улыбкою Черёмухинъ, чай, по-твѣду исторія?

— О, это другое дѣло! сказалъ я. Появленіе умершей, — это сообщеніе міра невещественнаго съ міромъ земнымъ, это гармоническое сочувствіе душъ, доказывающее небесное наше начало и способность проявленія, въ видимыхъ формахъ, существъ неподчиненныхъ ни какимъ физическимъ законамъ, — можетъ ли и болѣе оправдаться понятіямъ нашимъ объ организаціи.... то есть, о внутренней способности существа безтѣлеснаго, которое въ отношеніи своемъ къ внѣшнимъ предметамъ..... то есть, къ видимому.... или, лучше сказать, къ вещественному міру.... но, можетъ-быть, вы меня не понимаете?

— Помилуйте! вскричалъ преважно Черёмухинъ: какъ не понять! Это ясно.

— Смѣйся, смѣйся! перервалъ исправникъ. «О, человѣкъ совершенно земной! ты понимаешь и вѣришь только тому, что дважды два, четыре.»

— А тебѣ бы хотѣлось, чтобъ дважды два было пять?

— Да что съ тобой говорить! продолжалъ исправникъ. Расскажите — ка намъ лучше, Иванъ Алексѣвичъ, эту страшную исторію, отъ которой, какъ вы сами говорите, и васъ иногда морозомъ по кожѣ подираетъ.

— Да ужъ не поздно ли, господа? сказалъ хозяинъ.

— Ахъ, сдѣлайте милость! вскричалъ я: мнѣ завтра поутру должно съ вами проститься; такъ я, можетъ-быть, никогда ея не услышу.

— Ну, такъ и быть! продолжалъ Иванъ Алексѣвичъ: только если вы станете звать, такъ прошу припомнить, что теперь ужъ за полночь, и что, благодаря Бога, мы всѣ, кажется, безсонницей не страдаемъ. Ну, слушайте, господа!

Давнымъ-давно, то есть, при Царь Алексѣй Михайловичъ.... иль нѣтъ! — при батюшкѣ его, Государь Михаилъ Θεодоровичъ — это Хоперское помѣстье принадлежало Стольнику Варнавѣ Глинскому, пращуру отца покойной Софьи Павловны, по смерти которыхъ, я купилъ его, — говорятъ дорого, а по мнѣ такъ за даромъ, примолвилъ Иванъ Алексѣвичъ, взглянувъ на окно, изъ котораго днемъ видны были церковь и приходское кладбище. Этотъ Глинской, продолжалъ онъ, славился въ свое время, не хлѣбосольствомъ и разумомъ, не удалствомъ и молодечествомъ, которыя въ крови у всякаго Русскаго, но буйствомъ, развратомъ, грабежемъ и дневными разбоями; а что всего хуже, онъ былъ отъявленный чернокнижникъ, и жилъ въ ладу съ самимъ сатаною. Десять лѣтъ сряду сидѣлъ онъ на Хопрѣ, какъ дикій звѣрь на перепутьѣ. Когда онъ выѣзжалъ съ своею челядью и холопами позабавиться охотою, или спускался внизъ по рѣкѣ на косной лодкѣ съ бѣлымъ парусомъ, то всѣ сосѣдніе мужички и бѣдные помѣщики дрожкой дрожали, и, словно отъ Татарскаго погрома, прятались по лѣсамъ и угоняли скотъ верстъ за двадцать. Ну, что ты на меня такъ посматриваешь, Алексѣй Дмитріевичъ? Чай думаешь про себя: Вотъ какую околесную несетъ! а наша братья, исправники-то на что? — а земская полиція?... Эхъ, любезный! тогда было не то, что теперь: времена смутныя, — то Поляки приступать къ Москвѣ, то Лисовской съ своими налетами начнеть

разгуливать по матушкѣ святой Руси; и Ляхи, и Татары, и ереси всякія, и бунты Стрѣлецкіе..... Да что и говорить! было времячко для разбойниковъ: погуляли, потѣшились, и кто Бога не боялся, на того и суда не было. Такъ дивиться нечему, что этотъ богоотступникъ, Глинской, дѣлалъ что хотѣлъ, грабилъ на большихъ дорогахъ, вѣшалъ, и топилъ въ Хопръ земскихъ ярыжекъ, собиралъ оброкъ съ своихъ сосѣдей, и держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ Сердобскаго воеводу, который не смѣлъ и носу показать изъ города. На мѣсто старыхъ деревянныхъ хоромъ, онъ выстроилъ эти каменные палаты, обнесъ ихъ толстымъ дубовымъ тыномъ, наставилъ бѣлыхъ избъ и клѣтей для своей дворни, — словомъ, сдѣлалъ изъ господской усадьбы такой красивый посадъ, что и самъ бы городъ Сердобскъ ему въ пригородье не годился. Но за то большая половина его крестьянъ жила въ землянкахъ; приходская церковь совсѣмъ обвалилась, а колокольня въ сильный вѣтеръ, словно ветхая голубятня, скрипѣла и покачивалась изъ стороны въ сторону.

У этого Глинскаго была одна тольکو дочь: бѣднаяжка осталась еще въ ребячествѣ сиротою. Глинской возненавидѣлъ свою жену за то, что она родила ему дочь, а не сына: осыпалъ ее безпрестанно ругательствами, и, подъ пьяную руку, бивалъ чѣмъ ни попало. А такъ какъ онъ и въ Страстную Пятницу разрѣшалъ на вино и елей, то не проходило почти дня, чтобъ его женѣ не доставалось, и она, горемычная, хлѣбцевъ черезъ шесть, послѣ первыхъ родовъ, зачахла, и умерла отъ побоевъ своего мужа. Съ тѣхъ поръ прошло годовъ пятнадцать. Бѣдная сиротинка росла да росла; и хотъ ей житье было плохое, и за ней почти ни какого ухода не было, но она, какъ полевой цвѣтокъ, который бережетъ и лелѣетъ одинъ Богъ небесный, такъ выровнялась и похорошѣла, что даже

батюшка ея, какой ни былъ звѣрь, а не могъ подчасъ на нее не полюбоваться.

Нѣсколько разъ пытались окружные дворяне и Сердобскій воевода поунять разбой Глинскаго; но онъ всякій разъ давалъ такой отпоръ, что надолго отбивалъ у нихъ охоту съ нимъ схватываться. Вотъ, однажды, удалось имъ собрать человѣкъ до пяти сотъ Стрѣльцовъ и вооруженныхъ холопей; они думали, съ такой силою имъ не трудно будетъ не только захватить живьемъ Глинскаго и всю его шайку, но даже и каменныя его палаты разметать по кирпичику: анъ, вышло со всѣмъ не то. Глинской встрѣтилъ ихъ на большой дорогѣ, съ своими молодцами, которыхъ и полсотни не было, а земскому войску показалось, что на него идетъ несмѣтная рать. Холопи дрогнули и пустились наутекъ; Стрѣльцы сначала поддержались, да какъ увидѣли, что отъ Глинскаго пули отскакиваютъ и бердыши объ него ломаются, такъ на нихъ нашелъ такой страхъ, что и они также ударились бѣжать безъ оглядки. Глинской съ своей шайкою гналъ ихъ вплоть до городской заставы; втопталъ въ грязь и перерѣзалъ больше половины, а самъ воротился въ свой разбойничій вертепъ, не потерявъ ни одного человѣка. Послѣ такой острастки, не только всѣ окружные дворяне, да и Сердобскій воевода носъ повѣсилъ. Дѣлать было нечего, пришлось на время покориться, и, сидя у моря, ждать погоды. Въ Москвѣ было не до нихъ: къ ней подступали Поляки, а гнѣва Царскаго и опальныхъ грамотъ Глинской не боялся. Одно только наводило на него страхъ и ужасъ: этотъ разбойникъ, котораго ничѣмъ испугать было не можно, этотъ злодѣй и чернокнижникъ, Глинской, трусилъ, — какъ вы думаете, чего?... Смѣшно сказать!.... Онъ до смерти боялся коршуновъ. Съ утра до вечера, вокругъ дома и села ходили съ заряженными ружьями, и тотъ, кому бывало посчастливится за-

стрѣлить коршуна, несь его прямо къ дворецкому, и получалъ отъ него два алтына денегъ, и штофъ романаен....

— Романен? перервалъ Заруцкой. Извините, дялюшка: я не думаю, чтобъ въ старину простые люди пили штофами бургонское вино.

— Да кто тебѣ говорить о бургонскомъ винѣ? У нашихъ стариковъ важивалась, да и теперь еще водится, настойка, которую зовутъ романею.

— Однако жъ извѣстное бургонское вино....

— Зовутъ точно также?.... Такъ что жъ? — Вотъ то-то, племянникъ: если бъ ты поменьше зналъ Французскихъ, а побольше Русскихъ словъ, такъ не попался бы въпросакъ какъ безграмотный, и не мѣшалъ бы мнѣ рассказывать.....

— Виновать, дялюшка! Но я читалъ въ одной критикѣ.....

— Эхъ, братецъ, охота тебѣ читать всякой вздоръ!.... Пойдите-ка! на чѣмъ-бишь я остановился?.... Да! на томъ, что Глинской боялся до смерти коршуновъ. Причина этого непонятнаго страха долго была для всѣхъ загадкою; но такъ какъ подъ конецъ все на свѣтъ открывается, такъ вотъ что дошло до насъ объ этомъ, по изустному преданію. Глинской былъ точно чернокнижникъ, и помыкалъ сатаною, какъ своимъ крѣпостнымъ холопомъ. Да вѣдь лукавый даромъ ничего не дѣлаетъ: онъ пошелъ къ Глинскому въ кабаку, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ также далъ ему на свою душу рукописаніе, въ которомъ было сказано, что на этомъ свѣтѣ демонъ повинуется ему во всемъ, охраняетъ его отъ огня, воды, меча и всякаго другаго оружія, и не имѣетъ самъ надъ нимъ никакой власти, до тѣхъ поръ, пока «черный коршунъ» непріютится подъ его кровлею и не совѣсть гнѣзда,

чтобъ жить вмѣстѣ съ бывшей горlinkкой». Теперь и вамъ не трудно будетъ догадаться, почему Глинской коршуновъ не жаловалъ, и отъ чего блѣднѣлъ и дрожалъ всякой разъ, когда эта хищная птица появлялась надъ кровлею его дома.

Изъ всѣхъ своихъ челядинцевъ, Глинской особенно любилъ одного молодаго парня, который прозывался Соколомъ, и подлинно онъ былъ дѣтина удалой и годился бы въ есаулы знаменитому Стенькѣ Разину. И его обычай, и черныи съ лоскомъ усы, и окладистая борода, и ростъ и сила богатырскіе, — все въ немъ было по сердцу Глинскому. Никто не зналъ, откуда онъ былъ родомъ. Однажды, въ бурную осеннюю ночь, пріѣхалъ этотъ Соколъ, одинъ одиноконекъ, на борзомъ Персидскомъ конѣ, вошелъ безъ доклада къ Глинскому, и объявилъ ему, что его зовутъ Андреемъ, по прозванію Соколомъ; что онъ изъ Московскихъ жильцовъ; что ему наскучило служить Царю Государю и кланяться впоясъ Думнымъ Боярамъ, и что, узнавъ о привольномъ житіи Глинскаго, онъ пріѣхалъ къ нему нарочно за тѣмъ, чтобъ предложить свои услуги. Глинской принялъ его въ число своихъ приближенныхъ челядинцевъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ до того къ нему привыкъ, что рѣшился выдать за него свою единородную дочь.

Вотъ этакъ, недѣли за три до свадьбы, на отъѣзжѣмъ полѣ, загорѣлось вдругъ Глинскому повидаться съ стариннымъ своимъ пріятелемъ, Засурскимъ помѣщикомъ, Сицкимъ, такимъ же, какъ и онъ, буяномъ и разбойникомъ. Этотъ Сицкой лѣтъ десять сряду шатался по бѣлу-свѣту, приставалъ ко всѣмъ крамольникамъ, былъ года два Лисовчикомъ, и только-что мѣсяца три какъ воротился въ свою наслѣдственную отчину. Глинской не любилъ ничего вдалѣ откладывать: онъ послалъ сказать Андрею Соколу, который

на охоту не выѣхалъ, что препоручаетъ ему на время свой домъ, и не сказавъ никому, куда ѣдетъ, отправился прямо съ поля, въ провожаніи двухъ или трехъ слугъ, въ Засурскую волость своего пріятеля. Это неожиданное посѣщеніе очень обрадовало Сицкаго; пошла гульба и пированье; господа съ утра до вечера пили, ѣли, прохлаждались; нѣсельники орали во все горло, крестьянки и дворовыя дѣвки играли въ хоро-воды передъ окнами, и во весь тотъ день на барскомъ дворѣ былъ такой содомъ и гоморъ, что когда ударили въ колоколъ къ вечернѣ, никому въ голову не пришло и лба перекрестить. За ужиномъ, Сицкой сталъ похваляться своимъ удалствомъ, и рассказывалъ, какъ онъ остановилъ на большой дорогѣ цѣлый обозъ и выпрягъ для себя изъ возовъ что не лучшихъ шесть копей; какъ онъ среди бѣла-дня сдѣлалъ порубку въ заповѣданномъ лѣсу у сосѣда, и во все лѣто кормилъ свои табуны подножнымъ кормомъ на чужихъ поляхъ.

— Ну, есть чѣмъ похвастаться! сказалъ Глинской, подбоченясь. Ахъ ты, горе богатырь! видно у васъ, по Сурѣ-та, всѣ молодцы перевелись. Удалось тебѣ выпрячь шесть клячъ изъ возовъ, нарубить дровецъ въ чужомъ лѣсу, да пощипать у сосѣда травки, такъ ты илба не уставишь: и это, по вашему, удалство? Охъ, вы щепетильники, щепетильники!..... Нѣтъ, любезный! Мы, на Хопрѣ, не такъ потѣшаемся: выѣдемъ погулять, да какъ разыграется кровь молодецкая и расходятся руки богатырскія, такъ послѣ насъ шаромъ покати, — чистехонько, какъ у тебя на ладони! Бери все, что ни попалося; души всякаго, кто ни повстрѣчался! Мы, вѣдь, не по вашему: на большой дорогѣ съ подьячимъ тягаться не станемъ, съ купцомъ не торгуемся, — а коли захватили цѣлую семью горожанъ, такъ мигомъ судъ и расправа: старуху мать въ Хоперь, братца кистенемъ по лбу, отца на осину, а дочку на барской дворъ: вотъ это удалство!..... Да

постой-ка, любезный: у меня будетъ, въ Ооминъ день, ровно черезъ двѣ недѣли, большое веселье, — пиръ на весь міръ, — дочь выдаю замужъ. Милости просимъ на свадьбу, въ посаженные отцы къ моей Варварѣ, — а тамъ выйдемъ поохотиться на большую дорогу, и ты посмотришь самъ и расскажешь своимъ Засурскимъ пріятелямъ, какъ на Хопрѣ веселятся добрые молодцы. Хозяинъ обѣщался пріѣхать, а Глинской погостивъ у него денька три, отправился въ обратный путь, и довхалъ благополучно домой.

Вотъ ужъ остался одинъ день до свадьбы; вотъ и дѣвичникъ справили. Беззащитная дочь Глинскаго заливалась горькими слезами: она была дѣвица кроткая, благочестивая, и не могла подумать безъ ужаса, что будетъ женою этого разбойника, Сокола. Три ночи ужъ сряду бѣдная сиротинка рыдала и молилась передъ святыми Иконами: днемъ, она не смѣла ни плакать, ни молиться, — злодѣй Глинской грозился убить ее изъ своихъ рукъ, если она станетъ грустить, или хоть поморщится, когда священникъ поведетъ ее вокругъ налож. Вотъ наступилъ и Ооминъ день; отпѣли заутреню, ударили къ часамъ, — а Сицкой все не ѣдетъ. Вотъ и обѣдня отошла, — а посаженаго отца нѣтъ, какъ нѣтъ. Я вамъ ужъ сказывалъ, что Глинской не любилъ ничего откладывать, и, когда заблаговѣстили къ вечернѣ, онъ закричалъ какъ бѣшеной: «Не хочу дожидаться посаженаго отца! Ступайте подъ вѣнецъ!» И вотъ длинный потѣздъ протянулся отъ барскаго двора до церковной паперти. Вечерня кончилась, и началась вѣнчальная служба. Стоя передъ наложемъ, подлѣ будущаго супруга и повелителя, полумертвая сирота глотала свои слезы, старалась улыбаться, и тихо, но твердымъ голосомъ, отвѣчала на вопросы священника; словомъ, все было въ порядкѣ, а не смотря на это, старики покачивали головами. «Эхъ не ладно! — не къ добру!» шептали межъ собою

всѣ барскія барыни и сѣнныя дѣвушки. И подлинно, было чего испугаться: свѣча, которую держала молодая, пылала яснымъ и чистымъ огнемъ; но та, съ которою стоялъ Соколъ, горѣла тускло, дымилась какъ погребальный свѣточъ, и, безъ всякой причины, три раза сряду гаснула.

— Когда вѣнчанье кончилось, Глинской, какъ сущій богоотступникъ, не давъ молодымъ приложиться къ мѣстнымъ иконамъ, повелъ ихъ вонъ изъ церкви, и поѣздъ двинулся обратно на барскій дворъ.

— Что это шумить тамъ вдали? спросилъ Глинской, садясь на коня. Ужъ не ѣдетъ ли нашъ запоздалый гость?

— Никакъ нѣтъ, бояринъ! отвѣчалъ одинъ изъ слугъ. Намъ гостей надо ждать не съ этой стороны. Вѣдь это что-то гудитъ тамъ, за волчьимъ оврагомъ.

Вы, господа, всѣ знаете этотъ оврагъ, продолжалъ Иванъ Алексѣевичъ, обращаясь къ своимъ собесѣдникамъ, — теперь зовутъ его Чортовымъ Беремищемъ. Онъ былъ въ старину сборнымъ мѣстомъ шайки Глинскаго, и кладбищемъ всѣхъ проѣзжихъ, зарѣзанныхъ разбойниками на большой дорогѣ.

— Это верстахъ въ двухъ отъ вашего дома? сказалъ я.

— Нѣтъ, версты полторы, больше не будетъ, отвѣчалъ хозяинъ. Ну, вотъ, продолжалъ онъ, молодые ушли за свадебный столъ; пошло пированье, задравный кубокъ началъ переходить изъ рукъ въ руки, всѣ стали пить и веселиться; одинъ только Глинской сидѣлъ, нахмуривъ брови, и прислушивался съ беспокойствомъ къ отдаленному гулу, который часъ отъ часу становился сильнѣе. Вотъ ужъ дѣло пошло за полночь. Вдругъ двери настежь отворились и давно жданный гость, Бояринъ Сицкой вошелъ въ столовую.

— Хорошъ посаженный отецъ! вскричалъ хозяинъ,

вскочивъ изъ стола и идя къ нему на встрѣчу. Ужь мы тебя ждали, ждали, да и ждать-то перестали.

— Виновать, любезный! отвѣчалъ Сицкой. Позамыш-
кался выгнать изъ дому; да вотъ у твоей околицы
близко часу провозились. Что за диковинка такая?...
И подо мной, и подъ моими холопами, кони словно
бьены объелись: храпятъ да упираются! Ужь мы
бились, бились: ну, хоть зарѣжь — ни сѣмѣста! Я
оставилъ моихъ ребятъ въ полѣ, а самъ дошелъ пѣш-
комъ до твоего дома. Да что? нѣтъ къ тебѣ еще гости
ѣдутъ?... Вонъ тамъ правѣе за лѣсомъ, такой шумъ,
гамъ и свистъ, что и сказать нельзя. Ну, вотъ, слы-
шишь?

— Слышу, отвѣчалъ Глинской, посматривая робко
вкругъ себя: но только я ни какихъ гостей не жду...

— Пойдите-ка, дядюшка! перервалъ Заруцкій: ни-
какъ вашъ разсказъ на дѣлѣ свершается? Слышите
ли, какой гулъ идетъ за дубовой рощею!

— Видно вътерокъ разыгрался, сказалъ Иванъ Але-
ксѣевичъ, взглянувъ на окно. Вѣдь здѣсь какъ поды-
метъ погода, такъ по оврагамъ и перелѣскамъ пой-
детъ такой вой, что и Боже упаси!... Да не перерывай
меня, племянникъ!.... Ну, вотъ, опять сбиль!... Да!
— Но что жъ мы стоимъ у дверей? продолжалъ Сицкій.
Подведи меня къ молодымъ.

— Вотъ они! Прошу любить и жаловать, сказалъ
хозяинъ, подходя съ своимъ гостемъ къ столу, за ко-
торымъ сидѣли новобрачные.

— Ба, ба, ба! вскричалъ Сицкій, отступя съ удивле-
ніемъ назадъ: что это?.. Ужь не мерещится ли мнѣ?..
Нѣтъ!... Такъ вотъ твой зять! примолвилъ онъ, указы-
вая на Сокола, который вдругъ поблѣднѣлъ какъ мер-
твецъ.

— Ну, да!... Чему жъ ты дивишься?

— И ты выдалъ за него свою дочь?

— Такъ что жъ? Онъ дворянскаго отродья; служилъ Жильцомъ въ Москвѣ, и хоть роду не знаменитаго....

— Да, братецъ, да! Онъ точно роду не знаменитаго, подхватилъ съ громкимъ хохотомъ Сицкій. Его мать была Цыганка, а отецъ Татаринъ.

— Ты лжешь! закричалъ Глинскій.

— Да если я лгу, такъ что жъ твой дорогой зять не вымолвить ни словечка? Иль у него языкъ отнялся?

Въ самомъ дѣлѣ Соколъ сидѣлъ какъ приговоренный къ смерти, и не только, не могъ выговорить ни слова, но не смѣлъ поднять глазъ и взглянуть на своего тестя.

— Не вѣдаю, служилъ ли онъ Жильцомъ въ Москвѣ, продолжалъ насмѣшливо Сицкій: а знаю навѣрное, что во всей лагерной челяди Пановъ Лисовскаго и Сапѣги не было ни одного коновала досужье, и конокрада удалѣе твоего любезнаго зятюшки.

Около минуты просмотрѣлъ Глинскій, молча, на своего зятя: вдругъ глаза его засверкали, и онъ сказалъ грознымъ голосомъ: Все равно! Теперь онъ зять мой; и если кто нибудь дерзнетъ порочить Андрея Сокола....

— Да развѣ его зовутъ Соколомъ? спросилъ Сицкій.

— А почему жъ не такъ? Онъ молодецъ изъ молодцовъ, и подъяломъ прозывается яснымъ Соколомъ.

О если такъ, то прошу прощенья! подхватилъ Сицкій. Коли онъ заѣлся въ чины, такъ видно въ самомъ дѣлѣ былъ на службѣ Царской. Шутка ли, подумаешь! — изъ коршуновъ махнулъ прямо въ Соколы.

— Изъ коршуновъ? вскричалъ Глинскій.

— Ну да! Его теперь прозываютъ Соколомъ, а въ наше время онъ звался просто Чернымъ Коршуномъ.

— Чернымъ Коршуномъ ! повторилъ страшнымъ голосомъ хозяинъ.

Взоры всѣхъ присутствующихъ невольно устремились на Глинскаго : всѣ съ трепетомъ ожидали чего-то ужаснаго. Вдругъ завылъ буйный вѣтеръ, погасли свѣчи передъ Святыми Иконами, а надъ трубою дома закаркалъ воронъ, и прокричалъ человѣческимъ голосомъ: «Глинскій! Черный Коршунъ приютился подъ твоею кровлею!» — «И свилъ гнѣздо, чтобъ жить вмѣстѣ съ бѣлой горлинкой,» промаякалъ махнатый котъ, выглядывая изъ-за печки. — Стукъ, стукъ! раздалось подъ окномъ, и отвратительный сиповатый голосъ прохрипѣлъ: Глинскій! выходи на крыльцо, принимай гостей!»

Вдругъ сверкнулъ въ рукъ Глинскаго широкой ножъ, и Соколъ повалился мертвый на землю. Какъ безумный, бросился убійца вонъ изъ столовой, и прибѣжалъ въ эту самую комнату, гдѣ мы теперь сидимъ, въ которую, кромѣ его, никто не хаживалъ. Онъ схватилъ большую книгу въ черномъ переплетѣ, хотѣлъ ее раскрыть, — да не тутъ-то было? Железныя застѣжки какъ-будто-бы спаялись, книга не развертывалась, а за лежанкою и по всѣмъ угламъ поднялся такой нелѣпый хохоть, что чародѣйная книга выпала изъ онѣмѣвшихъ рукъ его. Межъ-тѣмъ все небо вспыхнуло и зардѣлось какъ отъ сильнаго пожара, и тутъ-то начался этотъ ночной поѣздъ, который, по словамъ стариковъ, каждыя двадцать пять лѣтъ въ тотъ же самый день и часъ повторяется и понынѣ въ этомъ домѣ. По дорогѣ отъ волчьяго оврага показались незваные гости; вокругъ ихъ ревѣла буря, и, отъ конскаго топота, широкое поле тряслось какъ зыбкое болото. Впереди всѣхъ ѣхалъ, на лошадиномъ оставѣ, удушенный наканунѣ свадьбы купецъ въ бѣломъ саванѣ; за нимъ тянулся длинный рядъ мертвецовъ, —

кто съ перерѣзаннымъ горломъ, кто съ разможенной головою, — и, при свѣтъ кроваваго зарева, не видно было и конца сему ужасному поѣзду. Они подъѣхали къ барскому двору; съ громкимъ скрипомъ распахнулись ворота....

=

Иванъ Алексѣевичъ замолчалъ.

— Ну что жъ вы, дядюшка, остановились? спросилъ Заруцкій.

— Постой-ка, братъ, Алексѣй! шепнулъ хозяинъ: что это такое?... Слышите?

— Да! сказалъ Кольчугинъ, это ужъ не вѣтеръ воетъ.

Мы всѣ стали прислушиваться: въ самомъ дѣлѣ что-то похожее на свистъ, пѣсни и громкій человѣческій говоръ, сливалось съ воемъ вѣтра. По-временамъ можно было даже различить стукъ колесъ по неровной дорогѣ и сильный конскій топотъ.

— Кому бы, кажется, ѣхать такъ поздно? примолвилъ почти съ робостію хозяинъ. Большая дорога отсюда далеко, а къ себѣ я никого не жду. Ужъ не подгулялъ ли мой прикащикъ? Чего добраго, пожалуй, вздумаетъ прокатить гостей по селу: вѣдь онъ сегодня справляетъ свои именины.

— А какъ его зовутъ? спросилъ я.

— Его зовутъ Оомою.

— Оомою! повторили мы всѣ въ одинъ голосъ и взглянувъ невольно другъ на друга.

— И такъ сегодня Ооминъ день? сказалъ я: тотъ самый, въ который....

— Чу!.... вскричалъ исправникъ. Слышите ль?... Отпираютъ ворота!

Т. III. — Отд. I

Вдругъ, какъ-будто-бы цѣлая ватага пьяныхъ, съ неистовымъ крикомъ хлынула на барскій дворъ; какъ бѣшеные, подскакали къ подъѣзду, и шумъ отъ скорыхъ шаговъ по-видимому многочисленной и буйной толпы людей, раздался на крыльцѣ. У насъ въ комнатѣ было тихо, какъ на кладбищѣ: мы всѣ едва смѣли дышать; одинъ Кольчугинъ казался спокойнѣе другихъ, но за то на хозяинѣ и на остальныхъ гостяхъ лица не было.

— Господи, Боже мой! прошепталъ, заикаясь, Черѣмухинъ. Да что жъ это такое?... Слышите ли? они въ сѣняхъ!..... Если это гости, такъ зачѣмъ они нейдутъ налѣво, въ переднюю?..... Они подходятъ къ нашей стѣнѣ..... Чу!..... что это?

Вотъ съ трескомъ и громомъ начали падать кирпичи, и отбитая щекотурка посыпалась на каменный полъ сѣней.

— Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!..... вскричалъ хозяинъ. Слышите ли? Они проламываютъ закладенныя двери!..... Они хотятъ ворваться въ эту комнату!..... Такъ точно!..... Господа, это ночной пѣздъ!

Мы всѣ повскакали съ нашихъ мѣстъ. Стукъ безпрестанно увеличивался. Вотъ, ужъ въ стѣнѣ остается одинъ только рядъ кирпичей. Мы ясно слышимъ какой-то странный говоръ, крикъ, дикій хохотъ. Вотъ, падаютъ послѣдніе кирпичи. Одинъ только коверъ, которымъ прикрыты были закладенныя двери, отдѣляетъ насъ еще отъ сѣней. Вдругъ, свѣжій холодный воздухъ врывается въ нашъ теплый покой, коверъ начинаетъ колебаться, — и мы всѣ бросаемся стремглавъ вонъ изъ комнаты.

— Тише, господа, тише! закричалъ Кольчугинъ: вы перебѣтаетесь до-смерти; здѣсь такъ темно, что зги не видать!

И подлинно, мы всё какъ полоумные бѣжали по коридору, спотыкались, падали и давили другъ друга. Вотъ, кой-какъ мы выбрались на просторъ, но все еще въ потѣмкахъ. Парадные комнаты не освѣщены; только въ одной столовой свѣтится огонекъ: мы бросились туда. Всѣ люди Ивана Алексѣевича, робко прижавшись одинъ къ другому, стоятъ въ кучъ посреди комнаты; въ передней никого, а въ сѣняхъ ужасная возня, которая во все не утихаетъ, а становится часъ отъ часу сиднѣе.

— Да что жъ мы въ самомъ дѣлѣ такъ опѣшили? проговорилъ наконецъ Кольчугинъ. Намъ человѣкъ двадцать: чего намъ бояться? Я, одинъ одинехонекъ ужиналъ съ цѣлой дюжиной чертей, — да вѣдь ничего же сомной не было. Эхъ, господа, что робѣть, то хуже! Дайте-ка мнѣ свѣчу!.... Ну-ка ребятушки, перекреститесь! — да съ молитвою, за мной!

Мы всё толпою двинулись за нашимъ предводителемъ. Почти рядомъ съ нимъ шель хозяинъ, а позади всѣхъ, едва переставляя ноги, тащился насмѣшникъ Черѣмухинъ. Вотъ мы вошли въ переднюю. Кольчугинъ приостановился у сѣнныхъ дверей, оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ; мы всё, и слуги и господа кто про себя, кто вслухъ, творили молитвы, и хотя трепещущимъ голосомъ, но громче всѣхъ восклицалъ — «Да воскреснетъ Богъ!» нашъ полумертвый отъ страха аріергардъ. Кольчугинъ, держа въ одной рукѣ свѣчу, толкнулъ другою въ двери: онѣ распахнулись. Все наше воинство заколебалось, попятилось назадъ, и прикнуло къ аріергарду, который сдѣлалъ уже на лѣвокругомъ и приготовился къ ретирадѣ.

— Смѣлымъ Богъ владѣетъ! закричалъ Кольчугинъ, переступая черезъ порогъ.

И что жъ?..... О чудо!..... вдругъ всё заглохло, и стукотня, и шумъ, и крикъ. За Кольчугинымъ вошелъ хозяинъ; за нимъ исправникъ, я и Зуруцкой; за нами вся толпа слугъ, а часть аріергарда, то есть, Черёмухинъ, остался въ лакейской и высунулъ только изъ дверей свою голову. Нашъ храбрый предводитель поднялъ къ верху свѣчу: въ сѣняхъ никого! Мы кинулись къ закладнымъ дверямъ: ни одинъ кирпичъ не выломанъ, щекотурка не обита; кругомъ все смирно, тихо; половая щетка, приставленная къ стѣнѣ, и нѣсколько изломанныхъ стульевъ стоятъ преспокойно на своихъ мѣстахъ; дверь на крыльцо заперта, и даже крючокъ не вынуть изъ пробоя.....

На другой день рано поутру я простился, и, къ несчастью, навсегда, съ добрымъ и почтеннымъ Иваномъ Алексѣвичемъ. Я думалъ прожить нѣсколько дней въ Сердобскѣ, чтобъ заняться моимъ дѣломъ, но вмѣсто того долженъ былъ провести цѣлый мѣсяцъ въ деревнѣ Заруцкаго. Бѣдный мой пріятель едва не умеръ отъ отчаянія: онъ оставилъ свою невѣсту совершенно здоровою, и нашелъ ее въ гробу. Она занемогла поутру въ субботу, а ночью на воскресенье, *ровно въ девъ-надцать часовъ* скончалась, назвавъ его въ послѣдній разъ по имени.

М. ЗАГОСКИНЪ.

ВЫ СТРУСИЛИ.

=

I.

Станемъ, братцы, дружно жить
Средь огней, подъ шалапами;
Днемъ рубиться молодцами,
Вечеромъ горьку пить.

Давыдовъ.

Солнце скрылось за Эмине-дагомъ, величественно возвышающимся надъ живописнымъ хребтомъ Балкановъ; южная ночь мгновенно смѣнила, мракомъ и холодомъ, яркій палящій день; двурогій мѣсяцъ томными лучами озарялъ свою возлюбленную страну, и роса рассыпалась жемчугомъ по душистымъ коврамъ роскошной долины. Огни Русскаго лагеря постепенно гасли; сторожевая цѣпь охранными окликаmi будила окрестность, и отрадный сонъ лѣнивыми крилами навѣвалъ грезы на утомленные головы воиновъ.

Въ числѣ войскъ, назначенныхъ въ эту ночь быть въ готовности на случай внезапной вылазки изъ крѣпости Шумлы, 19-я конно-батарейная рота расположилась впереди Главной Квартиры арміи. Воткнутые въ землю фитили курились, прислуга дремала около орудій, запряженные кони дрожали и фыркали отъ холода; въ нѣсколькихъ шагахъ за линіею орудій, вокругъ огня, въ буркахъ и плащахъ, лежали офицеры той роты; мѣдный закопченный чайникъ, необходимый сподвижникъ военныхъ, шипѣлъ на угольяхъ, и дымъ трубокъ виселъ предъ загорѣлыми лицами.

— Ѳедька! Ѳедька!..... Проклятый соня!..... Что же стаканы? закричалъ подпоручикъ Ш*** своему денщику: уснѣешь выспаться и во время сраженія.

— Дайте, я распоряжусь, сказалъ Князь Ч*** : больно слышать охрипый голосъ чайника, который вѣрно думаетъ, что мы его забыли.

— Распорядись, братъ! да не забудь ухнуть въ мой стаканъ гусарскихъ сливокъ, прибавилъ прапорщикъ Д***.

— Доброе дѣло гусарскія сливки; безъ нихъ пропали бы мы въ эти Турецкія ночи. Какъ ни говори, а ромъ подѣйствительнѣе фланели : спросите у опытнаго подпоручика.

— Смѣйся, смѣйся; а продрогнешь, ко мнѣ же явишься.

— Я пробовалъ къ тебѣ являться, да на-бѣду опаздывалъ; я право иногда думаю, что твоя баклажка приросла тебѣ ко рту.

— Не худо бѣ; тогда бы вѣно у него капли не пропало.

— Да и то не пропадаетъ.

— Совсѣмъ нѣтъ : когда во время Кулевчинскаго дѣла потребовали нашу роту, онъ хотѣлъ, по обыкновенію, поздороваться съ неразлучною своею баклажкою; но въ торопяхъ уронилъ ее, — и спасительный ромъ наполнилъ Турецкую землю. Въ продолженіе цѣлаго боя, не смотря на убійственный огонь, онъ не могъ забыть этого несчастія.

— Не правда, братецъ! если бы моя покойница баклажка развлекала мои мысли, я бы не взорвалъ такъ ловко Турецкаго пороховаго ящика, который надѣлалъ столько хлопотъ бѣгущему непріятелю.

— Ужъ не ты ли выигралъ сраженіе?

— Ты вѣчно съ твоими неумѣстными шутками, Князь!

— Э! полно. Когда же и шутить какъ не на войнѣ? Того и смотри, что въ послѣдній разъ улыбнулся.

— Я не сержусь, а замѣтилъ тебѣ это мимоходомъ, отвѣчалъ подпоручикъ Ш***, подавая ему руку.

— Что, вы не присоединитесь къ намъ? спросилъ Д***, обращаясь къ недавно прибывшему въ роту офицеру, который сидѣлъ въ сторонѣ задумавшись. Пора намъ короче познакомиться.

— Не прикажете ли пуншу? подхватилъ подпоручикъ. Мрачныя мысли не устоятъ противъ этого баллама: говорю вамъ по собственному убѣжденію.

— Благодарю васъ покорно, отвѣчалъ поручикъ Г***, сядя между офицерами. Я не пью пуншу. Простите моей невольной хандрѣ, — она часто на меня находитъ.

— Знаете ли, поручикъ, что вашъ пріѣздъ въ армію для насъ задача?

— Почему это?

— Потому, что на вашемъ мѣстѣ немногіе бы рѣшились промѣнять роскошную и веселую жизнь въ столицѣ на скудный бивакъ безъ особенныхъ на то причинъ, тѣмъ болѣе, что отечество не въ опасности и не имѣетъ нужды во всѣхъ сынахъ своихъ.

— Вы угадали. Недѣли три тому назадъ мнѣ и въ мысль не приходило изъ камеръ-юнкеровъ понасть въ артиллеристы, сказалъ К. Г*** съ улыбкою.

— Не считите насъ нескромными: повѣрьте, что не изъ одного любопытства желаемъ мы знать, какія обстоятельства бросили васъ сюда. Судьба назначила вамъ дѣлить съ нами труды и опасности: подѣлитесь и горемъ съ товарищами, которые будутъ умѣть понять васъ.

— Охотно. Вы предупредили мое собственное желаніе: на войнѣ жизнь обманчива, и мнѣ не хотѣлось бы умереть, не оставя вамъ по себѣ ни какого воспоминанія.

II.

Бу мелкѣ ми дырь? — Эхъ сикъ!
Гюль модюръ? — Эвля дырь, — би
кар

Ангель это, что ли? — Не совсѣмъ
 Такъ роза? — лучше этого: женщины

«Дворъ переехалъ на лѣто въ Павловскъ, и избранное общество Петербурга за нимъ послѣдовало.

Въ то счастливое время удовольствія были важнымъ моимъ занятіемъ. Положеніе мое въ свѣтъ давало мнѣ право посѣщать самый образованный кругъ женщинъ; милыхъ, прекрасныхъ, безъ которыхъ не постигалъ земныхъ радостей; сердце мое было свободно, я обожалъ равно всѣхъ, не любя предпочтительно ни одной; въ моемъ мнѣніи, женщины были созданы для украшенія жизни, и хотя я зналъ, что онѣ могутъ и опечалить ее, но эта грустная мыслѣнь редко приходила мнѣ въ голову.

«Тётка моя, Графиня***, по случаю именинъ своей матери, поручила мнѣ устроить праздникъ въ саду. Не буду вамъ его описывать; скажу только, что послѣ фейерверка и прочихъ затѣй, гости были приглашены на другой конецъ сада, гдѣ, въ ярко освѣщенной и украшенной цвѣтами бесѣдкѣ, нѣсколько молодыхъ людей, въ томъ числѣ и я, готовились пропѣть нѣздравительныя куплеты именинницѣ.

«При самомъ началѣ пѣнія, окинувъ взоромъ группу женщинъ, я былъ пораженъ необыкновенной красотою незнакомой мнѣ дѣвушки. Сердце мое забило, неизвѣстную до тѣхъ поръ тревогу, когда я увидалъ эти чудесные голубые глаза, ослѣпленные длинными ресницами, и этотъ легкій воздушный станъ сильнѣе; томная блѣдность придавала ей еще болѣе прелесть..... она казалась мнѣ не землею!

«Я забылся, — и если бы догадливый сосѣдь, зная

тивъ мою разсѣянность, не разбудилъ меня, конечно дорогая именинница не дождалась бы моего куплета.

«Но окончаніи музыки, всѣ мы перешли въ оранжерею, превращенную въ залу, гдѣ шумно и весело окончился балъ въ третьемъ часу утра. Тамъ узналъ я нѣкую незнакомку: это была дѣвица Р***, недавно вышедшая изъ Смольнаго Монастыря, и въ первый разъ появившаяся въ обществѣ. Разумѣется, что въ тотъ вечеръ я былъ занятъ только монастыркою, и что въ продолженіе шестинедѣльнаго пребыванія въ Павловскѣ я не пропускалъ ни одного случая видѣться съ нею.

«Хотя всѣ старанія мои быть замѣченнымъ оставались безъ успѣха, однако же я не отчаявался, приписывая ея холодность чувству боязни, понятному въ молодой, неопытной дѣвушкѣ, сильно на счетъ нашей предупрежденной; она не умѣла еще различить непритворнаго голоса сердца отъ лстивыхъ свѣтскихъ выраженій, которыми ее со всѣхъ сторонъ осыпали.

«Такъ и думалъ, утѣшая себя, но заблужденіе скоро разсѣялось. Дворъ возвратился въ Петербургъ; я узналъ Р*** короче, и страсть моя возрастала съ каждымъ днемъ, равно какъ и непобѣдимое ее равнодушіе.

«Хандра, до того времени мнѣ незнакомая, тоска тяжелая, нестерпимая, совершенно одолѣли меня. Въ продолженіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ я жилъ настоящимъ затворникомъ, всячески избѣгалъ посѣщеній, боясь прочесть обидное сожалѣніе на лицѣ моихъ знакомцевъ. Нежеланіе или, лучше сказать, страхъ встрѣтиться съ людьми дошелъ до того, что я вздрагивалъ, когда слуга входилъ въ мою комнату; встревоженное воображеніе не могло произвести ничего связнаго, все въ головѣ перепуталось.... Въ такомъ со-

стояніи я бы съ ума сошелъ, если бы спасительная мысль вдругъ не родилась во мнѣ: война!

«Когда между несвязными думами мелькнуло въ головѣ моей это волшебное слово и въ первый разъ я произнесъ его, — я очнулся: стыдясь моего малодушія, я вспомнилъ, что и для безнадежныхъ есть поприще достойное, на которомъ удары рока ничтожны. Не честолюбіе манило меня, — но слава, чистая и высокая какъ поэзія, великодушная какъ смерть храбрыхъ.

«Я снова появился въ свѣтъ, и встрѣтился съ дѣвицею Р*** въ домѣ одной моей знакомки. Я нашелъ ее еще прекраснѣе; не отъ того ли, что похудѣлое лицо мое и слѣды сердечной тоски потрясли ея женскую чувствительность и она, казалось, смотрѣла на меня не съ тѣмъ уже убійственнымъ равнодушіемъ?

— Мы васъ давно не видали, сказала она мнѣ приветливо.

— Я полагалъ, что вы не замѣтите моего отсутствія. Вашъ кругъ опустѣть не можетъ, — и тѣмъ утѣшительнѣе для меня ваше воспоминаніе.

— Напрасно вы такъ думаете: всѣ ваши знакомцы приняли живое участіе въ вашей болѣзни. Я слышала, что вы собираетесь ѣхать въ армию?

— Да! я хотѣлъ!..... Но готовъ отказаться отъ моего намѣренія: мнѣ кажется, что я теперь нѣсколько..... счастливѣе.

«Выраженіе лица ея перемѣнилось: я тотчасъ понялъ, что необдуманнѣйшій отвѣтъ мой кольнулъ ее самолюбіе; но никогда бы не отгадалъ, чѣмъ кончится разговоръ!

— Я бы на вашемъ мѣстѣ этого не сдѣлала: мнѣніе мое не важно, но мнѣніе свѣта могущественно.... Вы

хотѣли ѣхать въ Турцію, всѣ знаютъ это: могутъ подумать и даже сказать, что..... вы..... трусили.

«Трудно вамъ описать, въ какой адъ бросили меня эти два страшныя, два обидныя слова! Черты мои выразили ясно все, что происходило во мнѣ; она испугалась..... Ноги у меня подкашивались; я стоялъ передъ нею какъ осужденный на смерть. Нестерпимая насмѣшка ея далеко проникла мнѣ въ душу, и безжалостно истребила едва приласкавшую меня надежду.

«Вы трусили! Вы постигаете этотъ приговоръ. Въ немъ заключается холодность, несправедливость и даже презрѣніе..... И за что? — за то, что я находилъ ее достойною истинной, почтительной любви; за то, что я осмѣлился искать взаимности..... Вы трусили!

«Я почти бѣжалъ изъ дома моей знакомки.

«На слѣдующее утро, бумага объ опредѣленіи меня въ конную артиллерію была написана. Понятія камеръ-юнкера и дипломата о войскахъ весьма ограничены: я занималъ въ трактирѣ Лондонѣ покой подъ No 19; это число пришло мнѣ первое въ голову, и я означилъ его въ просьбѣ. Тогда же заказалъ я кольцо; на немъ вырѣзано: «*Вы трусили!*»

Т*** снялъ его съ руки и передалъ офицерамъ. Когда оно обошло ихъ кружокъ, онъ самъ посмотрѣлъ на него съ улыбкою, — но съ улыбкою, которую иногда больнѣе видѣть, нежели слезу.

«Нѣсколько дней спустя, я былъ въ военномъ мундирѣ. Мнѣ хотѣлось непременно встрѣтиться съ нею еще разъ, не съ намѣреніемъ укорять ее, — нѣтъ, привычка сердца влекла меня къ ней, а вы знаете, что оно не всегда входитъ въ расчетъ съ нашимъ самолюбіемъ.

«Я увидѣлъ ее. О, какъ измѣнилась судьба моя съ

тѣхъ поръ, когда впервые я замѣтилъ ее въ саду, съ вѣнкомъ изъ капуциновъ, на свѣтлорусой головкѣ!

«Какъ женщина, она могла торжествовать: одно ея слово перемѣнило всю будущность чловѣка; но ея смущеніе при встрѣчѣ со мной, лишило меня горькаго права негодовать на нее. Я хотѣлъ казаться равнодушнымъ, веселымъ: тщетныя усилія! Хозяйка попросила меня въ концѣ вечера спѣть что-нибудь въ послѣдній разъ; я сѣлъ за клавикорды, и меня окружили. Вотъ мой романсъ, написанный наканунѣ:

«Забуду ль я волшебство словъ твоихъ?

Младую грудь они такъ волновали,
И взоръ очей небесно-голубыхъ,
Моей любви и радость, и печали
Забуду ль я?

«Забуду ль я насмѣшливый укоръ,

Ахъ, можетъ-быть, на гибель обреченный?
Ты скоро мой узнаешь приговоръ!.....

Что за тебя я палъ, въ бою сраженный,
Забудешь ты!

«Конечно, я никогда не пѣлъ съ такимъ чувствомъ: вмѣсто одобрительныхъ привѣтствій, которыми обыкновенно надѣляютъ въ обществѣ и самаго плохаго пѣвца, всѣ молчали. Хозяйка съ участіемъ подала мнѣ руку.

«Я всталъ, взглянулъ на Р***, и скрылся изъ залы.

«На другой день, рано утромъ, я уже мчался по большой дорогѣ.»

Начинало свѣтать.

— Гдѣ командиръ баттарей? спросилъ адъютантъ, подскакавъ къ кружку офицеровъ.

— Вотъ въ этой палаткѣ, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

Адъютантъ, соскочивъ съ лошади, бросилъ поводья канониру, и поспѣшно вошелъ въ палатку. Минуту

спустя, онъ вышелъ оттуда въ сопровожденіи капитана Б***, который скомандовалъ голосомъ, могущимъ заглушить выстрѣлъ пяти-пудовой мортиры :

— Къ конямъ !... Садись!... Съ права въ одно орудіе... ящики позади орудій!... Рысью... Марррршъ !

III.

La vie est une épigramme, dont la mort est la pointe.

Castel.

Турки сдѣлали сильную вылазку на нашъ правый флангъ, для подкрѣпленія котораго потребовали гусарскую бригаду и конную роту. Жаркое дѣло завязалось. Непріятель дрался отчаянно; но удачныя атаки гусаръ и губительное дѣйствіе нашей артиллеріи наконецъ обратили его въ бѣгство. Последнюю Турецкую гранату разорвало въ конно-батарейной ротѣ, и поручикъ Г***, наводившій въ то время орудіе, палъ смертельно раненый. Офицеры бросились къ нему. Близкая кончина уже изображалась на лицѣ его.

— Последняя къ вамъ просьба, сказалъ онъ слабѣющимъ голосомъ, обращаясь къ Князю Ч***; въ устахъ умирающаго товарища, она должна быть священна. Снимите съ руки моей роковое кольцо... Вручите его той, которой образъ уношу въ могилу... Скажите ей..
.....

Убитаго поручика увезли на лафетъ, опустили въ наскоро вырытую яму съ грѣшною молитвою, засыпали землею, и прощальное ядро съ визгомъ полетѣло въ Шумлу.

— Жаль! сказалъ подпоручикъ Ш***, занося ногу въ стремя: покойникъ былъ добрый малый, хотя и не пилъ рому.

IV.

Thy Husbands blest-and' will impart
 Some pangs to view his happier lot:
 But let them pass — oh! how my heart
 Would hate him, if he loved thee not!

*Lord Byron, to***.*

Миръ, подписанный въ Адрианополѣ, прекратилъ двухлѣтнюю войну. Мы обрадовались этому извѣстію, обещающему отдыхъ и воскресившему всѣ мечты, которыя можетъ внушить мысль о родинѣ. Толки о сраженіяхъ, ночныхъ тревогахъ, чумѣ, о роскошномъ Стамбулѣ, которому авангардъ нашъ грозно махалъ уже саблями въ надеждѣ справить тризну по Олегу, смѣнились разговорами о близкихъ сердцу. Иной мысленно обнималъ молодую жену, милыхъ дѣтей своихъ; другой тщательно нашивалъ новыя ленточки къ крестамъ, заслуженнымъ кровію, чтобы порадовать ими старую мать, а у многихъ сильно билось ретивое при одномъ воспоминаніи о черныхъ или голубыхъ глазахъ.

Князь Ч***, благодаря злой Турецкой лихорадкѣ, изъ первыхъ получилъ отпускъ въ Россію, гдѣ, не смотря на непрерывныя развлеченія въ кругу родныхъ и друзей, осчастливленныхъ его пріѣздомъ, часто думалъ о послѣдней волѣ погибшаго товарища, и, когда воздухъ родимаго края возвратилъ ему прежнія силы, онъ поспѣшилъ въ Петербургъ.

Родственники покойнаго Г*** приняли его съ радостіемъ, и вскорѣ посредствомъ ихъ гостиныя Петербургской знати сдѣлались для него доступными. Пользуясь этимъ, онъ не пропускалъ ни одного вечера, надѣясь встрѣтить дѣвицу Р***: но ожиданія его долго оставались напрасными.

У ***скаго Посланника балъ.

До глубокой полночи продолжался непрерывный визгъ колесъ по снѣгу передъ ярко освѣщеннымъ подъѣздомъ. Лакеи въ разноцвѣтныхъ ливреяхъ толпились между колоннами обширной прихожей, и марморная лѣстница, уставленная снизу доверху померанцовыми и миртовыми деревьями, пестрѣла прїѣзжающими. Призывные звуки вѣтренаго вальса летѣли сквозь длинный рядъ богато убранныхъ комнатъ на встрѣчу къ опоздавшимъ; кавалеры спѣшили; дамы, проходя мимо зеркалъ, прїостанавливались, чтобы оправить пышный рукавъ или немного опустившуюся пуклю.

Зала была полна.

Ослѣпительный свѣтъ тысячи огней, стройная музыка, изящность нарядовъ, упоительная атмосфера цвѣтовъ и женщинъ — все сливалось въ какую-то обворожительную гармонію, которая невольно овладевала чувствами.

Нѣсколько кадрилией составлялись въ одно время; музыка, подавъ знакъ, замолчала, и пары начали сходиться.

— Кто это съ незабудками на головѣ? спросилъ Князь Ч*** у своей дамы.

— Видно, что вы недавно въ Петербургъ, отвѣчала она, иначе бы вопросъ вашъ назвала я преступленіемъ; это Графиня ***, урожденная Р***.

— Дѣвица Р***!... Монасты....! Давно ли она замужемъ!

— Недавно. Какъ вы любопытны!

— Да! я любопытенъ. А чтобы утвердить обо мнѣ ваше мнѣніе, позвольте сдѣлать еще одинъ вопросъ: счастлива ли она?

— Вы можете прочесть отвѣтъ на прелестномъ лицѣ ея; эта улыбка, эти огненные веселые глаза довольно краснорѣчивы.

— Но въ обществѣ у кого взоръ не бодръ, и какъ женщина не улыбается!

— Не буду спорить; однако же замѣчу вамъ, премолила она съ усмѣшкою, что невыгодное заключеніе ваше о женщинахъ не можетъ относиться молодой Графинѣ: она обожаетъ своего мужа, во всея достойнаго. Музыка снова заиграла, и кадрили начались.

Князь Ч*** машинально слѣдовалъ за другимъ увлеченный грустными воспоминаніями далеко отъ суетной толпы. Блестящій праздникъ, его очаровавшій прелести женщинъ, которыми цвѣтилась зала, звуковъ увлекательной музыки, — все какъ-будто затмилъ все, исключая красавицы, весело передъ нимъ мелькающей. Своенравная мечта сблизила съ игривымъ видѣніемъ печальную противоположность: мысли перелетали отъ шумнаго бала къ тихой забытой гиль; возмъ женщины безпечной и милой — видѣніе окровавленный трупъ сослуживца; въ одно и то же время ему слышались послѣднія слова умирающаго — и живыя рѣчи счастливой Графини! Сердце сжалось....

Долго еще танцовали.

Князь Ч*** рано возвратился домой, и, собираясь въ дорогу, еще думалъ о балѣ. Взглянувъ на кольцо оставшееся на рукѣ его, —

— Прости товарищъ! сказалъ онъ со вздохомъ: не исполнилъ священнаго моего обѣта, но ты не можешь не укорить меня: я видѣлъ у нее другое кольцо, которымъ твое не можетъ быть вмѣстѣ.... Она никогда не любила!

— Ваше Сіятельство лошади готовы.

КН. ГОЛИЦЫНЪ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕРЪ

ВЪ РИМѢ.

=

Іюня 3, 1822.

«Гдѣ вы проводите вечеръ?» сказала мнѣ, встрѣ-
тись со мною на прогулкѣ Монте-Пинчіо, прекрасная
Графиня М***, идя объ-руку съ своею воспитанни-
цею. — Здѣсь, отвѣчалъ я. — «Я понимаю,» прервала
она: «что наша Природа весьма привлекательна для
васъ, которые живете, по словамъ Данта, подъ *cirrot-*
ствующимъ небомъ — «O settentrional, vedovo sito!» —
Да! возразилъ я, прибавя слѣдующій за симъ стихъ:
Лишеннымъ блага любоваться вами! Poi che privato se'
di mirar quella! — «Смѣйтесь!» сказала она: «я не
ждала отъ васъ комплимента устами Данта, но просто
хотѣла вамъ сказать, что, пригласивъ васъ къ себѣ
на вечеръ, я не заставляю васъ разстаться съ сею самою
Природою, въ которую вы такъ влюблены, ибо мы
проведемъ его въ саду, но съ тѣмъ, чтобы не позже
деяти часовъ, а меня уже ожидаютъ въ Вилла-Бор-
гезе, въ большой казинѣ, въ концѣ аллеи.... Не за-
будьте!... Вамъ еще остается добрый часъ для меч-
таній.» — Я проводилъ моихъ дамъ до коляски, а самъ
воспользовался даннымъ мнѣ позволеніемъ.

Съ вершинъ Монте-Пинчіо открывается видъ ве-
ликолѣпнѣйшій, — я предпочитаю ему только видъ съ
высотъ Яникула, изъ подъ тѣни дуба Торквата Тас-
са. Палаты сенатора Пинція дали наименованіе сей
горѣ, которая называлась «Садовою», *Collis hortulo-*
rum, и вѣроятно также была мѣстомъ прогулокъ древ-
нихъ Римлянъ. Сады Саллустіевы занимали часть ея.

Светоній опредѣляетъ здѣсь гробницу рода Домиціевъ, и вмѣстѣ — Нерона: *os ferreum, cor plumbeum*, «*жельзное чело, свинцовое сердце!*» :

Съ терассы Тринитà-дель-Монте, сидя у подножія одного изъ мистическихъ обелисковъ вѣчнаго Египта, столь приличныхъ Риму, люблю я смотрѣть на заходящее солнце за каменную гору, называемую церковь Св. Петра; а когда гульба прекращается и дольний шумъ каретъ по мостовымъ Пьяцца-ди-Спанья и Віа-де'-Кондотти умолкаетъ, внимать непрерывающемуся грохоту водометовъ, коими Римъ такъ изобилуетъ. Одинъ изъ нихъ звучитъ у подножія терассы, и занимаетъ мѣсто Домиціановой номахіи. Замѣчательно, что церковь Тринитà-дель-Монте основана на сей усадьбѣ грозныхъ Домиціевъ Лудовикомъ XI и Св. Францискомъ да-Паоло. * Какое сочетаніе именъ! Терзаемый преступною совѣстью и чувствуя приближеніе смерти, тиранъ палъ къ ногамъ святаго мужа, моля — *продлить жизнь его!* Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, Вилла-Медичи, нынѣ Французская Академія Живописи, куда пріѣзжаютъ на нѣсколько лѣтъ Французскіе художники за тѣмъ только, чтобы, окинувъ разсѣяннымъ взглядомъ изящнѣйшія творенія живописи и рѣзца, сохранить ту же безцвѣтность колорита и ту же изнѣженность рисунка и формъ.

Скоро 9 часовъ. Мимо скромной виллы Рафаэля, (напослѣдокъ вилла Ольджіати, а нынѣ Нелли) проѣхалъ я подъ темные своды Боргезскихъ аллей. Но, предвидя, что вы не преминете упрекнуть меня, что я произнесъ такъ наискользъ звучное названіе виллы Рафаэля, — хотя бы и могъ отговориться тѣмъ, что теперь ночь, — я скажу вамъ однако, что я на дняхъ провелъ въ этомъ домикѣ часа два въ совершенно пустыхъ комнатахъ, гдѣ, какъ говорится — ни съѣсть ни

* Lucius Faunus, de antiquit. urbis Romæ. C. XI.

прилечь: стѣны облуплены, но, по счастью, не плафонъ и не тѣ, на которыхъ сбереглись нѣсколько его прелестныхъ аль-фресковъ: брачное торжество Александра и Роксаны, жертвоприношеніе Флоръ, и нѣсколько воздушныхъ фигуръ нимфъ, въ родѣ живописи Титовыхъ бань. Здѣсь было мѣсто собранія учениковъ Рафаэля, — Пританей сего генія, гдѣ онъ, въ кругу вдохновенныхъ имъ юношей, то повѣрялъ имъ тайны своего искусства, то бродилъ съ ними или съ своею Форнариною подъ тѣнью густыхъ платановъ.

Я васъ познакомилъ уже съ виллою Боргезе, и могу перенести мыслями на ея терассу, проводя мимо слабо освѣщенной группы Аполлона и Дафны, — превосходное твореніе Бернини. Но я забылъ сообщить вамъ при описаніи сего мѣста, преданіе довольно здѣсь укоренившееся, что всѣ чрезвычайныя суммы, употребленныя Кардиналомъ Сципіономъ Боргезе на сооруженіе дворца, сада, на украшеніе ихъ сими классическими статуями, — всѣ эти суммы составлены изъ продажи имѣнія злосчастной и прекрасной Ченчи, когда Папа Павелъ V, дядя Боргезе, обратилъ въ его пользу все имѣніе Ченчіевъ, отрасли рода Франджипани. Я всегда смотрю съ чувствомъ нѣжнѣйшаго состраданія на портретъ ея, который находится въ одной изъ здѣшнихъ галлерей и кажется кисти Гверчина (?). «Я утверждаю рѣшительно, говоритъ Лаватеръ, что это лице не можетъ принадлежать ни женщинѣ развратной, ни безчеловѣчной отцеубійцѣ. Надобно имѣть слишкомъ жесткое сердце, чтобъ не привязаться къ такому привлекательному лицу..... Судя по ея физиономическому характеру, женщина эта имѣетъ выраженіе болѣе страдательное, чѣмъ дѣятельное; видимый миръ не можетъ удовлетворить потребностей ея сердца; жестокость и развратъ никогда ея не омрачали. Ее нельзя приобщить даже къ разряду кокетокъ: если она была слаба, то это отъ излишней нѣжности, а не

по сладострастью. Съ такою простотою и откровенностью ей не нужно приманивать. Дышащая любовью, она нехотя обольщает, очаровывает, не думая даже пользоваться своимъ торжествомъ.... Если она виновна, то она сохраняетъ по крайней мѣрѣ столько чистоты, сколько допускаетъ неумышленный и непредвидѣнный проступокъ. Она не ищетъ блеску; ей не тяжело оставаться въ забвеніи, все ея желаніе — быть любимой.... »

Не браните меня за безпрестанныя уклоненія. Я вамъ пишу по ходу моихъ мыслей, а не по направленію моего движущагося существа. Если бѣ смѣль, я бы могъ опереться на Монтаня, который, напримѣръ, ставить въ заглавіи—«О небѣ», а говорить о землѣ; но полно, полно..... Милости просимъ подъ кровъ тихой ночи Италіи, на терассу къ прекрасной Графинѣ М***.

Сводъ померанцовыхъ, лавровыхъ и миртовыхъ деревьевъ: подъ ними треножная лампа освѣщаетъ за чайнымъ столомъ не большое, но оживленное разговоромъ, общество. Первый взглядъ мой былъ привлеченъ картиною двухъ милыхъ женскихъ существъ, коихъ легкія бѣлыя платья рѣзко противорѣчили черной одеждѣ двухъ духовныхъ особъ. Первый изъ нихъ былъ Кардиналъ Ф***, другой Аббатъ С***, оба мнѣ знакомые; но въ сидѣвшей рядомъ съ Графиней, свѣтской особѣ пожилыхъ лѣтъ, узналъ я тотчасъ дивнаго Канову, съ которымъ я недавно познакомился въ его художественной залѣ, съ рѣзцомъ и молотомъ въ рукѣ, въ рабочемъ фартукѣ, среди обломковъ мрамора, въ свѣтлости генія, — предъ группою Марса и Венеры, только что воззванныхъ имъ къ жизни. Тутъ же были Англичанинъ, Лордъ Б*** съ молодой женою. Графиня представила меня незнакомцамъ. Я принесъ мою благодарность Маркизу Кановѣ за ласковый приемъ въ его святилищѣ. Преимущество генія склоняетъ все-

гда общество къ предметамъ, принадлежащимъ его области, и разговоръ нечувствительно, послѣ условныхъ фразъ, обратился къ художествамъ. Лордъ Б***, только что пріѣхавшій изъ Флоренціи, говорилъ съ большою разборчивостію о галереѣ Медичисовъ. Канова не выходилъ изъ строгаго очерка скромности. Англичанинъ жалѣлъ объ искаженіи нѣкоторыхъ статуй и, между прочимъ, о головѣ Венеры Медиційской. Одна изъ нашихъ дамъ сдѣлала замѣчаніе Лорду, что хотя голова Венеры потерпѣла всего болѣе отъ времени (она отрыгта была въ нѣкоторомъ разстояніи отъ туловища), но что ни мало не искажена, а только вытерта: это придаетъ какую-то таинственную неопредѣлительность чертамъ богини красоты. Канова сказалъ, что онъ никогда не посмѣлъ бы рѣшиться придѣлать къ сей неподражаемой статуѣ лѣвую руку, которая не найдена и придѣлана послѣ неизвѣстно кѣмъ; но прибавилъ, что рука сія такъ хорошо сдѣлана, что не остается ничего желать болѣе. Онъ присовокупилъ также, что Неаполитанское правительство сдѣлало ему честь, предложивъ возобновить потерянную голову, не менѣе изыщной Венеры Сиракузской, но что онъ рѣшительно отъ сего отказался. Рѣчь склонилась къ Микель-Анджелу. Кардиналъ говорилъ, что какъ онъ ни привыкъ часто видѣть статую Моисея (въ церкви Св. Петра in Vincoli), но никогда не подходилъ къ ней безъ особеннаго благоговѣнія, невольно умедливая шаги. Тутъ послѣдовалъ общій разговоръ о удивительномъ сочетаніи въ такой высокой степени Ваяція, Живописи, Зодчества и даже Поэзій въ одномъ человѣкѣ; каковъ былъ Микель-Анджело. Припомнили, что онъ былъ такой страстный обожатель Данта, что нарисовалъ, на поляхъ своего экземпляра «Божественной Комедіи», изображеніе каждаго терцета. Едва ли не Данту обязанъ онъ развитіемъ своего генія. Сей безцѣнный экземпляръ погибъ въ корабле-

крушении при переезде Микель-Анджело, кажется, изъ Генуи въ Римъ. — Какъ бы любопытно было видѣть, прибавилъ одинъ изъ насъ, какимъ образомъ выразилъ онъ нѣжные предметы Рая кистью Страшнаго Суда. — «Такъ же, какъ и Данте!» сказала Графиня, — и вполнѣ отвѣчала на вопросъ.

Канова также пристращенъ къ Данту. Онъ подписалъ на пьедесталъ своей Психей, держащей въ рукахъ бабочку, сіи два стиха высокой философіи изъ X пѣсни Чистилища :

Non v'accorgete voi che noi siam vermi,
Nati a formar l'angelica farfalla?

Не примѣчаете-ль, что человѣкъ есть червь,
Рожденный вѣкогда, быть бабочкой небесной?

Статуя сія, кажется, находится въ Парижѣ. «Данте,» сказалъ Аббатъ ^{***}, «менѣе всѣхъ нашихъ поэтовъ въ памяти и въ устахъ любителей поэзии. Въ его время, бывало, простолюдины, во Флоренціи напѣвали его стихи (*Sacchetti* рассказываетъ два забавные анекдота при семъ случаѣ ^{*}, но теперь мало кто его хорошо знаетъ; большая часть ему удивляется, но страшится его трудностей и глубокости. Его книга, не говоря уже о важности ея для Исторіи среднихъ вѣковъ, будучи образцемъ всего высокаго, писаннаго на Италіянскомъ языкѣ, есть неисчерпаемый источникъ чувствительности. Всѣ знаютъ болѣе или менѣе его Адъ, забывая, что Чистилище и Рай отнюдь ни въ чемъ не уступаютъ его первой поэмѣ. «Правда,» возразила Графиня: «кто не знаетъ изъ Ада эпизода Франчески, — а какъ мало говорить о двухъ терцетахъ глубочайшей нѣжности и неподражаемой красоты и краткости изъ пѣсни Чистилища, гдѣ Данте встрѣчаетъ Сіенскую даму по имени Пія, изъ роду Толомея, бывшую замужемъ за Мессеромъ

^{*} Sacchetti, Novelle, 114, 115.

Нелло-де-ла-Пьетра. Полагають, что мужъ ея, замѣтивъ ея любовь къ одному молодому человѣку, но не могши ничѣмъ обличить, увезъ ее въ одно помѣстье въ болотистыя мѣста, называемыя Мареммы и извѣстныя по смертности ихъ воздуха. Тамъ, по преданію однихъ, онъ ее убилъ, — а другіе говорятъ, умиралъ медленною смертію губительной атмосферы, наслаждаясь ежедневно видомъ ея истощенія. Не пронося ни жалобъ, ни упрековъ, не отвѣчая на ея вопросы, не внимая ея убѣжденіямъ, онъ жилъ съ нею и хранилъ мертвое молчаніе. Скромность, съ какою сія чувствительная и невинная женщина, краса своего времени, говоритъ о своемъ убійцѣ, — поразительна! Вотъ стихи Данта :

Deh! quando tu sarai tornato al mondo,
E riposato della lunga via,
Seguitò 'l terzo spirito al secondo,
Ricorditi di me, che son la Pia:
Siena mi fe', disfecemi Maremma:
Salsi colui, che' nnanellata pria,
Disposando m'avea, con la sua gemma.

Увы! когда ты вновь увидишь день,
И отдохнешь отъ жизни путевой, —
Такъ, за второй, вѣщала третья твѣ, —
Вспомяни меня тогда: я Пія!
Сіена жизнь, — Маремма смерть дала;
То знаетъ онъ, съ которымъ я впервые
Златымъ кольцомъ обручена была.....

Сладость Римскаго нарѣчія въ устахъ сей милой женщины, ея образъ, какъ-бы олицетворившій намъ несчастную жертву, произвели на насъ сильное впечатлѣніе, въ особенности на юную ея воспитанницу.

Канова разсказалъ намъ весьма трогательный анекдотъ о Дантѣ, во время его ссылки: онъ почерпнулъ его, какъ я узналъ послѣ, изъ письма одного монаха монастыря ди-Корво, писаннаго къ Угоціоне-делла-Фаджіола.

— «Братъ Иларіонъ стоялъ у воротъ монастырскихъ, когда подошелъ къ нимъ какъ путникъ и незнаемый, — Данте. Онъ пришелъ къ намъ, говоритъ братъ Иларіонъ, изъ Епископства Луни, привлеченный святостью ли мѣста, или по какому другому чувству. Сопровождая его, какъ незнакомаго ни мнѣ, ни братьямъ, я спросилъ у него, чего онъ желаетъ или ищетъ. Онъ стоялъ недвижимъ, и, молча, смотрѣлъ на колонны и своды монастыря. Я снова повторилъ ему вопросъ мой, чего онъ желаетъ и чего ищетъ. Тогда, медленно обратя взоры на братьевъ и на меня, онъ отвѣтствовалъ: «Покоя!.....» За симъ, любопытствуя болѣе и болѣе знать, кто онъ таковъ, я отвелъ его въ сторону, и, послѣ нѣсколькихъ словъ, узналъ его. Хотя я никогда его дотолъ не видывалъ, но его слава давно достигла до насъ. Видя, что я не сводилъ съ него глазъ и слушалъ его съ особеннымъ чувствомъ, онъ вынулъ изъ-за пазухи книгу, раскрылъ ее и ласково мнѣ подаль, сказавъ: — Братъ мой! вотъ нѣкоторая часть моихъ сочиненій, которой, можетъ-быть, ты еще не видалъ: оставляю тебѣ это въ память обо мнѣ, — не забудь меня!.....»

Вскорѣ Кардиналъ насъ оставилъ. Рѣчь зашла о взаимныхъ преимуществахъ Поэзіи, Живописи, Ваянія и Музыки. Каждый говорилъ по своимъ наклонностямъ. Графиня и ея воспитанница утверждали, что хотя всѣ сіи четыре Музы имѣютъ равный вѣнецъ безсмертія, но какъ Музыка есть гармонія, то она разлита во всѣхъ сихъ Искусствахъ. Софистическая мысль сія намъ понравилась. Но Канова сказалъ, что онъ жалѣетъ, что онъ не поэтъ: «*Вы ли не поэтъ?*» воскликнуло единогласно все общество. «Но извольте разсудить, успѣвшилъ онъ, заминая рѣчь: можетъ ли Живопись или Скульптура выразить магическія картины поэта?» — «Но не вы ли, напримѣръ,» сказала Графиня, «выразили языкомъ Скульптуры Дантовы стихи:

Come si volge con le piante strette
A terra e intra se donna che balli,
E piede innanzi piede appena mette.....

Такъ рвзвѣтся подруги юныхъ лѣтъ, —
То вертятся едва касаясь полу,
То чуть скользнуть за ножкой ножка вслѣдъ.....

Кто, прочтя это, не укажетъ на вашихъ танцовщицъ? — Помилюте Графиня, это не то..... Напримѣръ, — какъ бы вамъ сказать..... Но вотъ мнѣ теперь пришло на умъ Овидіево описаніе пораженнаго Тифея, — какъ жаль мнѣ, что я не большой Латинистъ! — я не помню, а я бы васъ убѣдилъ. «Я пособлю вамъ, хотя и не соглашаюсь съ вами, Г. Маркизь,» прервалъ любезный аббатъ: «стихи Овидіевы я, кажется, помню, и если слухъ нашихъ дамъ не оскорбится нашею Латынью, я ихъ вамъ прочту, а потомъ передадимъ ихъ Итальянской прозой.» Пожалуйте, пожалуйста, Г. аббатъ! Мы вообразимъ, что и мы знаемъ по-Латыни. Это будетъ забавно.....

Аббатъ повиновался:

Vasta giganteis ingesta est insula membris
Trinacris; et magnis subjectum molibus urget
Aethereas ausum sperare Typhae sedes.
Nititur ille quidem, pugnatque resurgere saepe:
Dextra sed Ausonio manus est subjecta Peloro;
Laeva, Pachyne tibi; Lilybaeo crura premuntur:
Degravat Aetna caput, sub qua resupinus arenas
Ejectat, flammamque fero vomit ore Typhoeus.
Saepe remoliri luctatur pondera terra,
Oppidaque et magnos evolvere corpore montes.

Тринакрія тягчить гигантовъ мощны члены:
Сильнѣйшимъ бременемъ загроможденъ Тифей,
Дерзнувшій досагать превыспреннихъ путей.
Онъ борется возстать, досель дыша раздоромъ:
Десница буйнаго удержана Пелоромъ *
На шуйцѣ весь Пахия, на бедрахъ Лилибей, —
На дераостной главѣ громада Этны всей!
Накрытый навзничъ, огонь и прахъ онъ пастью мещетъ,
И часто отъ борьбы его земля трепещетъ
И съ горныхъ ребръ своихъ свергаетъ города!.....

* Пелоръ, Пахия и Лилибей, три мыса Сициліи.

«Это громко! это великопынно!» сказала Графиня, выслушавъ всѣ объясненія: «но это небывальщина, и мало ли что можно выдумать! Но я все таки гораздо болѣе люблю вашихъ танцовщицъ.» Канова улынулся. Онъ насъ также вскорѣ оставилъ.

Ривъ завелась о театрѣ. Леди Б*** жаловалась на недостатокъ его въ Римѣ, — въ наше время совсѣмъ его не было. Графиня представила тому причину весьма трогательную: — «Нашъ Святой Отецъ боленъ», сказала она съ такимъ чувствомъ, что нечего было и это возразить. Такой отвѣтъ вполнѣ выражаетъ сердце нѣжной Итальянки: весь Римъ исполненъ къ Папѣ такого-жъ чувства. Нынѣшній (въ 1822 году Папа, Пій VII, истинно святой человѣкъ, и пользуется неограниченною любовью всей Италіи.

Я, съ своей стороны, во все время пребыванія моего въ Римѣ, не замѣтилъ, существуетъ ли, или нѣтъ, театръ. Такое отсутствіе было бѣ очень замѣтно въ Лондонѣ, въ Парижѣ, въ Петербургѣ; но здѣсь, если бы онъ и былъ, я ни за что не заключилъ бы себя въ немъ добровольно на цѣлые вечера, столь очаровательные подъ небомъ Рима, — на такой землѣ, гдѣ каждый шагъ, то предметъ, развивающій длинную цѣпь воспоминаній или, просто, мечтаній, пріятныхъ сердцу. Что касается до музыки, то здѣсь почти нѣтъ дома, гдѣ бѣ съ наступленіемъ ночи не раздавались звуки Паэзьелло, Чимарозы или Россини.

Графиня, а еще болѣе ея воспитанница, Англійская уроженка, хорошо знакомая съ Англійскою Литературою, говорили съ большимъ вкусомъ о Шекспирѣ. «Нашъ Альфіери,» говорилъ аббатъ, «поэтъ глубокій, — болѣе плѣняетъ въ чтеніи, чѣмъ на сценѣ. Древняя краткость его изрѣченій во многихъ мѣстахъ потемняетъ смыслъ на сценѣ. Онъ хотѣлъ говорить

омъ, и часто выраженіями, Данта, — но не вся-
понимаетъ Данта.» — Хотя языкъ Шекспировъ,
зила Графиня, сдѣлался не совсѣмъ легокъ для
, но въ немъ столько народности, всѣ сцены его,
—бы сказать, такъ относительно къ каждому.....
имѣрь, какая дѣвушка не узнаетъ себя въ харак-
Юліи? Что можетъ быть привлекательнѣе и на-
мнѣе сцены ея съ кормилицею, когда она ее по-
ма къ своему Ромео :

JULIET.

What says he of our marriage? what of that, etc., etc.

Юлія.

Же онъ сказалъ тебѣ о нашей свадьбѣ? что же?.....

Кормилица.

Ахъ, голова моя! ахъ Боже мой! ахъ Боже!
къ съ плечъ и валится, — ну хоть въ постель ложись : —
поясница-то, — какъ ноетъ поясница!
тъ сердце доброе! весь день съ крылецъ на крыльца
таруху заставлятъ таскаться вверхъ и внизъ!....

Юлія.

Бѣдняжка! какъ мнѣ жаль!... ты выбилась изъ силъ!....
съ няня! жизнь моя! такъ что же сказалъ мой милый?....

ничего не знаю натуральнѣе!» продолжала Гра-
. — И я также, прибавила въ полголоса ея милая
танница. — «А сцена ночнаго свиданія въ саду?»
авилъ Лордъ Б. Это точно переводъ съ Италіян-
, гдѣ, прѣстите Графиня, среди большихъ кра-
, слишкомъ много *concelli* вашихъ авторовъ :
нельзя только попрекнуть одного *il gran padre*
ieri; но самъ Тассъ, самъ безсмертный Тассъ,
иногда жертвовалъ, а Петрарка слишкомъ ча-

Ромео.

But soft! what light t'rough yonder window breaks, etc., etc.

Ромео. (*Садъ Капулетовъ. Лунная ночь.*)

Но тише!... свѣтъ блеснулъ изъ этого окна:—
 Вотъ мой востокъ! вотъ Юлія!—вотъ солнце!—
 Встань, солнце красное—и скроется луна,—
 Она отъ зависти вся мракомъ облечется.
 Ты, ей подвластная, * — но ты ея свѣтъ!....

 Она отвѣтствуетъ, хотя молчить.... что это?
 Въ ней очи говорить и будто ждутъ отвѣта....
 О нѣтъ! я слишкомъ смѣлъ,—ихъ рѣчь была не мнѣ;—
 Двѣ изъ яскравѣйшихъ звѣздъ, въ небесной вышнѣ
 Соскуча, перешли подъ длинныя рѣсницы,
 Пока обратно ихъ не взыщутъ небеса!
 Но если бѣ были тамъ, конечно ихъ краса
 И жаръ лавить затмили бѣ свѣтъ денницы:—
 Ихъ чистый свѣтъ, стремясь съ небесъ ночною порою,
 Заранѣ бѣ пробуждалъ хоръ птицъ въ глуши лѣсной.
 Но вотъ,—главою къ рукѣ приникла въ думѣ сладкой...
 Безумный! если бѣ я былъ этою перчаткой,
 Какъ, къ розовой щекѣ прильнулъ бы я!....

Не смотря на страсть, разлитую въ сихъ стихахъ,
 слѣдующій за симъ разговоръ гораздо натуральнѣе
 на примѣръ, гдѣ Ромео говоритъ ей: «Клянусь тебѣ
 моя Юлія, этимъ благословеннымъ мѣсяцомъ.» Юлія
 прерываетъ его:

Нѣтъ! не клянись луной, обманчивой луной,
 Переменяющей такъ часто образъ свой!....

«Мнѣ не нужны клятвы; но если хочешь, то по
 «клянись мнѣ милымъ, самымъ собою, и я тогда
 всемъ тебѣ готова вѣрить.»

Но вотъ строки, которыя принадлежатъ Итальян-
 скому небу: это разставаніе двухъ любовниковъ, ко-
 гда Юлія удерживаетъ своего Ромео и говоритъ ему

Wilt thou be gone? It is not yet near day, etc., etc.

* Здѣсь Шекспиръ разумѣетъ луну,—Діану.

Уже ль уходишь ты? еще разсвѣтъ далеко—
 Вадь это соловей, не жаворонокъ пѣлъ;
 Твой слухъ внимательный напрасно оробѣлъ,—
 На померанцахъ здѣсь всю ночь поетъ онъ громко;
 Повѣрь мнѣ, милый мой, ты слышала соловья!....

— Сцена маскарада, сказала Графиня, и вообще всѣ сцены между Ромео и Юліей списаны съ нашихъ обычаевъ довольно вѣрно; а, кажется, Шекспиръ никогда не бывалъ въ Италіи, — даже не зналъ Италіянскаго языка и пользовался въ семъ случаѣ Англійскимъ переводомъ изъ Luigi da Porta.

Разговоръ перемѣнился изъ литературнаго въ свѣтской. Лордъ Б*** припомнилъ намъ, что на завтрашній день, въ замѣну театра, объявлено народное зрѣлище, другаго рода, — травля быковъ въ Мавзолеѣ Августа (!). Тотъ самый Мавзолей, который, былъ сооруженъ Октавіемъ Августомъ для себя и своихъ, — диво того времени; который заключилъ въ себя первую жертвою, прахъ Маркелла, —

Ostendent terris hunc tantum fata....

Tu Marcellus eris!.... manibus date lilia plenis!....

Судьбы—едва его покажутъ міру....

Маркелломъ будешь ты!....

О, дайте полными руками лилій! —

то самое мѣсто, которое такъ вѣрно означено *Виргиліемъ*, —

*Quantos ille virum, magnam Mavortis ad urbem,
 Campus aget gemitus! etc.*

Близъ гордыхъ стѣнъ, на полѣ Марса вопль народный,
 Тибръ отразитъ въ волнахъ твой новый Мавзолей, —
 И похоронный блескъ!....

тамъ, завтра, будутъ раздаваться клики шумной радости потомковъ сихъ самыхъ Римлянъ!

Ученый аббатъ, пріѣхавшій съ Графинею, не желая ее беспокоить, былъ такъ любезенъ, что согласился занять мѣсто въ моей коляскѣ. Хотя мнѣ со-

всѣмъ не по дорогѣ было завозить его, но я радъ былъ его бесѣдѣ и прогулкѣ почти чрезъ весь городъ, ибо онъ жилъ около Пьяцца-Навоне. Последний разговоръ о театрѣ возобновился между нами. «Мы считаемъ», сказалъ онъ мнѣ, смѣючись: «театральныя увеселенія на-равнѣ съ ересями. Въ нашемъ званіи, мы позволяемъ себѣ на одной масляницѣ участвовать въ сихъ увеселеніяхъ; но это остатки Сатурналій. Какъ древніе Римляне, мы любимъ сценическія игры, но имѣемъ предразсудокъ унижать сцену и отзываться о ней какъ Римскій кавалеръ Лаберій, когда Юлій Кесарь уговорилъ его, противъ его воли, самому явиться на сценѣ въ знаменитыхъ «Мимахъ» его сочиненія: можетъ-быть, вамъ извѣстенъ этотъ отрывокъ, одно изъ сильнѣйшихъ мѣстъ Римской Литературы, сбереженное намъ Макробіемъ». Я признался въ невѣдѣніи. «Это удивительно», сказалъ Аббатъ, «что эта піеса такъ мало извѣстна въ свѣтѣ! Если вы хотите завернуть ко мнѣ на полчаса, я вамъ тотчасъ ее найду: это составляетъ менѣе тридцати стиховъ».

Я не считаю лишнимъ выписать здѣсь этотъ отрывокъ, какъ образецъ высокаго и изящнаго и не довольно извѣстнаго:

DECII LABERII MIMI PROLOGUS.

Necessitas (cuius cursus transversi impetum
 Voluerunt multi effugere, pauci potuerunt)
 Quò mē detrusit penè extremis sensibus?
 Quem nulla ambitio, nulla unquam largitio,
 Nullus timor, vis nulla, nulla auctoritas
 Movere potuit in iuventa de statu:
 Ecce in senectâ, ut facilè labefecit loco
 Viri excellentis mente clemente edita,
 Submissa placidè blandiloquens oratio.
 Etenim ipsi dii negare cui nil potuerant,
 Hominem me denegare quis posset pati?
 Ego, bis tricenis annis actis sine nota,
 Eques Romanus ex lare egressus meo,
 Domum revertar Mimus: nimirum hoc die

Uno plus vixi, mihi quàm vivendum fuit!
 Fortuna immoderata in bono æquè atque in malo,
 Si tibi erat libitum literarum laudibus
 Floris cacumen nostræ famæ frangere:
 Cur, cum vigebam membris præviridantibus,
 Satisfacere populo et tali quum poteram viro,
 Non flexibilem me concurvasti, ut carperes?
 Nunc me quò dejicis? quid ad scenam affero?
 Decorem formæ, an dignitatem corporis?
 Animi virtutem, an vocis jocundæ sonum?
 Ut hedera serpens vires arboreas necat:
 Ita me vetustas amplexu annorum necat.
 Sepulcri similis, nil nisi nomen retineo.

Съ справедливымъ опасеніемъ, предлагаю мой переводъ :

Прологъ Деція Лаврѣя.

Необходимости законъ, — людской удыль, —
 Всъ отворотить хотять, но мало кто успыль! —
 Куда завлекъ меня онъ, ветхаго годами?
 Не преклонялся я ни славой, ни дарами,
 Ни страхомъ, ни властью, ни силою самой —
 Пока я бодрствовалъ какъ Римлянинъ молодой;
 Но се, при старости, сколь я ослабъ душою!
 Великій мужъ теперь подвигъ меня мольбою
 И сладостью своихъ ласкорчивыхъ словъ: —
 Но если убѣдилъ онъ и самихъ боговъ,
 То мнѣ ли, смертному, явиться непреклоннымъ?
 Шестидесятый годъ я доживалъ свободнымъ, —
 Какъ рыцарь Римскій, я оставилъ Ларовъ быть —
 А возвращаюсь *Мимъ*! — Уже ль я могъ прожить
 Сей лишній жизни день противъ судебной власти?....
 Фортуна, щедрая и въ благъ и въ напасти,
 Ты, восхотѣвшая въ позоръ моей молвы,
 Вьнокъ лавровый Музъ сорвать съ моей главы, —
 Почто, цвѣтущаго средъ юности привольной
 Не вызвала меня на шумный плескъ народный,
 Не преклонила ты предъ Цесаремъ меня?
 Теперь, на поприщѣ чѣмъ похваюсь я?
 Осанкою ль моей, красы ль блестящимъ даромъ,
 Иль духа доблестью, иль краснорѣчья жаромъ?....
 Какъ плоть вѣющійся изводитъ древа сокъ,
 Я старостью объять и жизньню изсохъ;
 Лишь нмѣ уберечь, — какъ памятникъ надгробный!....

Децій Лаберій, отъ коего остался намъ только сей прологъ и нѣсколько цитатовъ, — стиховъ, оторванныхъ отъ многихъ его піесъ, — поставилъ себя на ряду съ первыми поэтами Рима.

Я пробывъ еще нѣсколько времени въ бесѣдѣ съ любезнымъ аббатомъ. Между-прочимъ, говорилъ онъ о трудностяхъ пользоваться здѣсь нужными для занятій ученаго книгами. Библіотека Ватиканская, заключающая въ себѣ тридцать тысячъ рукописей, и которая можетъ разлить столько свѣта на Исторію среднихъ вѣковъ, недосыгаема какъ гаремъ Султана: не даромъ входятъ въ нее чрезъ желѣзную дверь. Кромѣ шкафовъ, вы ничего тамъ не увидите. Правда, вамъ покажутъ нѣсколько Египетскихъ рукописей на папирусь, изъ которыхъ вы то же узнаете, что и самъ Аббатъ Маіо, хранитель сихъ сокровищъ. *Индексъ* (списокъ) запрещенныхъ книгъ столь обширенъ, что если ограничить себя предлагаемыми къ чтенію здѣшнимъ правительствомъ, то надобно наукъ отступить на три вѣка назадъ. Ученые имѣютъ однако право просить позволенія выписывать книги запрещенныя, но не иначе какъ подавъ просьбу и получа на нее разрѣшеніе. Вотъ образецъ той и другаго:

«Я нижеподписавшійся уроженецъ живущій и занимающійся физическими науками въ духъ Католическаго ученія, припадаю къ стопамъ Его Святости, дабы мнѣ позволено было для исторіи науки и открытія заблужденій ума человеческого, въ продолженіе моей жизни покупать и пользоваться собственно для меня книгами, столь достойно отверженными по Индексу книгъ запрещенныхъ. N.»

Ежели таковая просьба найдется уважительною, то просящій получаетъ такое разрѣшеніе:

«Маія 8 дня, 1822 года. Властію Святѣйшаго Отца нашего, намъ ввѣренной, дозволяемъ, снисходя на просьбу N., буде истинно показаніе его, читать и держать у себя

въ продолженіе его жизни или пребыванія въ Римѣ, книги запрещенныя, съ тѣмъ однако обязательствомъ, чтобы оныя не были сообщаемы другимъ. Изъ сего позволенія исключаются книги астрологическія, еретическія, суевѣрныя и всѣ клонящіяся къ распространенію ересей. Въ силу чего дано сіе, и проч.»

Въ исключительный разрядъ еретическихъ и суевѣрныхъ входятъ всѣ, которыми рѣшительно незахотятъ снабдить васъ. Довольно сказать, что сочиненія Боссюэта состоятъ въ семъ первомъ разрядѣ.

Нигдѣ нѣтъ менѣе терпимости, какъ въ Римѣ. Христіанинъ Греко-Россійскаго исповѣданія лишень здѣсь утѣшенія своей Церкви. Я для-сего долженъ былъ воспользоваться предложеніемъ Греко-уніятскаго священника и слушалъ объдню, какъ въ первые вѣка Христіанства, въ подземельѣ, въ церкви Св. Космы и Даміана, бывшемъ храмѣ Рема, въ Форумъ. Но я съ пріятностью повторю, что Папа Пій VII, человекъ святой и достойный пастырь, нбо въ несчастіяхъ, имъ испытанныхъ, онъ показалъ твердость апостольскую. Будучи въ заключеніи, въ Фонтенбло, онъ претерпѣвалъ ежедневныя огорченія. Получивъ однажды оскорбительное предложеніе отъ Наполеона чрезъ посредство людей духовнаго званія, недостойныхъ своего сана, онъ воскликнулъ, прижавъ къ груди Распятіе, имъ всегда носимое: «Поддай мнѣ силу умереть достойнымъ претерпѣваемыхъ мною несчастій!» Я съ благоговѣніемъ посѣщалъ комнаты, въ которыхъ онъ содержался въ Фонтенбло, и въ особенности дворцовую церковь Св. Сатурнина, гдѣ онъ пролилъ столько слезъ. Не знаю, въ сей ли церкви, или на пути его во Францію, видѣли его, какъ рассказываютъ, во время объдни, — когда онъ стоялъ на коленяхъ предъ алтаремъ, — внезапно приподнявшимся на воздухъ.

Кажется, никто еще незамѣтилъ одного поразительнаго стеченія обстоятельствъ, что Наполеонъ, въ тѣхъ

же комнатахъ, гдѣ, вопреки всѣмъ правамъ, содержалъ онъ невинную жертву своего властолюбія, — принужденъ былъ подписать свою абдикацію, и провелъ мучительнѣйшіе часы своей жизни. Вотъ пути Провидѣнія!

Не бывъ представленъ Пію VII, я имѣлъ удовольствіе видать его въ саду Вилла-Албани, куда, по совѣту медиковъ, онъ ѣздилъ въ вечерніе часы прогуливаться. Два раза имѣлъ я счастье говорить съ нимъ, и, — къ удивленію сопровождавшихъ его Кардиналовъ, — не бывъ его паствы, получить его благословеніе.

Никогда не забуду я также великолѣпнаго зрѣлища, когда, послѣ долговременной и опасной болѣзни, онъ въ первый разъ явился передъ народомъ на балконъ своего дворца. Гора Квиринальская, господствующая надъ Римомъ, покрыта была съ разсвѣта жителями не только города, но и дальнихъ окрестностей, стекшимися туда цѣлыми семействами. Только-что сей старецъ появился, вопли радости и слезы умиленія показывали непринужденныя чувства ихъ сердець. Матери высоко подымали своихъ младенцевъ, испрашивая на нихъ благословенія. Когда произнесено было знаменитое *Urbi et orbi!* (*Граду и міру!*), и листъ, на которомъ слова сіи были написаны, пущенъ въ толпу народную, — надобно было видѣть, какимъ восторгомъ одушевлялись тѣ, коимъ достался малѣйшій клочекъ сего листа! Нѣкоторые находятъ сіе благословеніе, *Urbi et orbi*, высокоумнымъ, но мнѣ кажется, что каждый боговдохновенный пустынный можетъ произнести его съ чувствомъ умиленія и сердечной простоты.

А. НОРОВЪ.

ДВА ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

ИЗЪ

ЖИЗНИ СУВОРОВА.

=

Императрица Екатерина II, въ знакъ особеннаго вниманія къ отличному мужеству, усердію и военнымъ достоинствамъ героя Суворова, для знаменитости приказала его пригласить запросто къ обѣденному столу. Это случилось 24 Декабря, въ сочельникъ. Гости, бывшіе за обѣдомъ, примѣтили, что приглашенный Генераль — Лейтенантъ Суворовъ ничего не кушаетъ. Милостивая и заботливая Хозяйка, зная набожность Суворова, увѣряла его, что столъ былъ рыбный. Обѣдъ, по тогдашнему времени, былъ позже обыкновеннаго, — въ третьемъ часу по полудни, а не въ пятомъ до явленія звѣзды. Пошли догадки, что Суворовъ постничаеть, ожидая небеснаго вѣстника. Императрица шепнула стоящему за ней прислужнику, и въ ту же почти минуту принесли на золотомъ блюдѣ съ собственнаго платья Ея Величества богатую ордену Св. Александра Невскаго брилліантовую звѣзду. Государыня пожаловала ее герою, сказавъ: «Видишь ли звѣзду?... Вотъ теперъ кушай.» Князь Потемкинъ тутъ бывшій, возгласилъ: — Тако да просвѣтится свѣтъ твой предъ челоуѣки!

Авторъ «Обозрѣнія царствованія и свойствъ Екатерины Великія» упоминая о обстоятельстве пожалованной за обѣдомъ брилліантовой звѣзды Суворову, въ Крещенскій сочельникъ, говоритъ, что звѣзда была ордену Св. Апостола Андрея Первозваннаго. Это показаніе едва ли справедливо, потому, что нельзя получить звѣзды, не имѣя того ордена, къ которому она принадлежитъ. Герой Альпійскій награжденъ былъ орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго въ 1787

году въ Октябрѣ, при Кинбурнской Косѣ, за славное пораженіе многолюдной высадки Турецкаго войска, — дѣло, въ которомъ полководецъ Русскій знаменитый былъ жестоко раненъ. Это случилось до взятія Очакова, — а происшествіе въ сочельникъ и пожалованіе брилліантовой звѣзды ордена Св. Александра Невскаго, было гораздо прежде и не иное что, какъ обстоятельство приватное, показывающее всегда особенное вниманіе мудрой Царицы къ великому герою, — и случилось въ то время, когда онъ начальствовалъ дивизіей, расположенной во Владимірской губерніи, и находился въ Петербургѣ на короткое время, по дѣламъ службы и своимъ собственнымъ.

Быль, мною выдаваемая, точно такъ случилась, какъ здѣсь описано, и почерпнута изъ моихъ старинныхъ рукописей. Я слыхалъ объ этомъ происшествіи отъ самаго Генералиссимуса, и звѣзду Св. Александра Невскаго, пожалованную ему въ сочельникъ, имѣлъ много разъ у себя въ рукахъ.

Генералиссимусъ, Князь Александръ Васильевичъ Италійскій, Графъ Суворовъ — Рымникскій скончался на семьдесятъ первомъ году отъ роду въ жителствѣ родной племянницы своей, Графини Аграфены Ивановны Хвостовой, урожденной Княжны Горчаковой, близъ Николы-Морскаго, въ домѣ, нынѣ принадлежащемъ наслѣдникамъ покойнаго Сенатора Болотникова. Крѣпость его тѣла была удивительная: жизненные силы, казалось, по временамъ обновлялись. Родные не отчаявались въ его выздоровленіи; но бывшій при немъ, въ числѣ другихъ, армейскій штабъ-докторъ Николай Андреевичъ Генишъ однажды сказалъ мнѣ: «Вы обольщаетесь пустою надеждою; чрезъ недѣлю или чрезъ десять дней его не будетъ на свѣтѣ, хотя умирающій Князь Италійскій истинно герой. Въ этомъ человѣкѣ потаенные жизненные запасы удивительны, дайте мнѣ его приготовить. Я

имъ за два часа до смерти дамъ сраженіе, которое, не ошибаюсь, выиграю.» Слѣдующій анекдотъ гласитъ, что Генишъ былъ правъ въ своемъ предсказаніи.

Нажды утромъ, Альпійскій нашъ герой былъ одинъ-на-одинъ со мною, и завелъ, весьма издавѣка, о своей болѣзни: много скучалъ, спрашивалъ, что говорятъ врачи, и заключилъ словами: «*Мнѣ уже кончать!*»

прибѣгнувъ къ часто употребляемому поговорочному общезнѣтнію, и увѣрялъ, скрѣпя сердце, что въ немъ нѣтъ ничего смертнаго; что всѣ врачи надѣются его поднять на ноги. Воинъ, какъ тонкій и хитрый человекъ, будто согласился и сказалъ:

«Какъ ты думаешь, будто я отъ настоящей болѣзни умру?»

Я въ этомъ увѣренъ, безъ всякаго сомнѣнія.

Суровъ снова возразилъ: — Хорошо! а если я все-таки живъ, сколько лѣтъ проживу?

Я спросилъ этотъ изметель изъ устъ Суворова ровно столько до его смерти. Чувствуя, что долженъ было что-то оплать, я думалъ сдѣлать большой подарокъ, и сказалъ громко и рѣшительно: «Пятнадцать лѣтъ!» Вообразите, какой былъ отвѣтъ умирающаго: онъ нахмурилъ брови, показалъ сердитый взглядъ, плюнулъ и сказалъ:

«Злодѣй! скажи тридцать».

Видя, ясно обнаруживающій, сколько каждый изъ насъ любитъ жизнь! Эта непреложная истина съ нами всю жизнь, и напоминаетъ намъ стихъ изъ Библии, въ баснѣ «Дровосѣкъ и Смерть», — а такъ и Кавказъ, который, говоря о преимуществахъ жизни по смерти, заключаетъ такимъ образомъ:

Пріятно въ позднихъ жить вѣкахъ,

А хочется пожить здѣсь долѣ.

ГРАФЪ ХВОСТОВЪ.

КОНЕКЪ-ГОРБУНОКЪ.

РУССКАЯ СКАЗКА.

=

.. Мы должны предупредить наших читателей, что Поэма, которая слѣдуетъ за этими строками, есть произведение совершенно неизвѣстнаго имъ пера. Не затворяясь въ блистательномъ кругу именъ, исчисленныхъ на заглавномъ листѣ и пріобрѣтшихъ уже своими трудами право на уваженіе или вниманіе соотечественниковъ, **БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ**, вѣрная своему назначенію, служить зеркаломъ, въ которомъ бы отражались всѣ совершенные таланты литературной Руси, всегда съ величайшимъ удовольствіемъ выступить сама изъ этого круга, коль скоро представится ей случай, подобный настоящему, — обнаружить читающей публикѣ существованіе новаго весьма примѣчательнаго дарованія. **БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ** считаетъ долгомъ встрѣтить съ должными почестями и принять на своихъ страницахъ такой превосходный поэтический опытъ, какъ «Конекъ-горбунокъ» Г. Ершева, юнаго Сибиряка, который еще довершаетъ свое образованіе въ здѣшнемъ Университетѣ: читатели сами оцѣнятъ его достоинства, — удивительную легкость и ловкость стиха, точность и силу языка, любезную простоту, веселость и обиліе удачныхъ картинъ, между которыми заранѣе поименуемъ одну, — описаніе коннаго рынка, — картину, достойную стоять на-ряду съ лучшими мѣстами Русской легкой поэзіи.

=

I.

За горами, за лѣсами,
За широкими морями,
Не на небѣ, — на землѣ,
Жилъ старикъ въ одномъ селѣ.

У крестьянина три сына:
 Старшій умный былъ дѣтина,
 Средній сынъ и такъ и сякъ,
 Младшій вовсе былъ дуракъ.
 Братья сѣяли пшеницу,
 Да возили подъ столицу:
 Знать столица та была
 Не далеко отъ села.
 Тамъ пшеницу продавали,
 Деньги счетомъ принимали,
 И, съ телѣгою пустой,
 Возвращались домой.

Въ долгомъ времени, аль вскорѣ,
 Приключилось имъ горе:
 Кто-то въ поле сталъ ходить,
 И пшеницу ихъ косить.
 Мужички такой печали
 Отъ рожденья не видали.
 Стали думать да гадать —
 Какъ бы вора имъ поймать,
 И рѣшили всенародно:
 Съ ночи той поочерѣдно
 Полосу свою беречь,
 Злаго вора подстеречь.

Только стало лишь смеркаться, —
 Началъ старшій братъ собираться,
 Взялъ и вилы и топоръ,
 И отправился въ дозоръ.
 Ночь ненастная настала;
 На него боязнь напала,
 И со страху пашъ мужикъ
 Завалился на сѣнникъ.
 Ночь проходить; день приходитъ.
 Съ сѣнника дозорный сходить,

И обшедъ избу кругомъ,
 У дверей стучить кольцомъ.
 «Эй! вы, сонныя тетери!
 «Отпирайте брату двери;
 «Подъ дождемъ я весь промокъ
 «Съ головы до самыхъ ногъ.»
 Братья двери отворили,
 Караульного впустили,
 Стали спрашивать его,
 Не видалъ ли онъ чего.
 Караульный помолился,
 Вправо, влѣво поклонился,
 И прокашлявшись, сказалъ:
 «Цѣлу ноченьку не спалъ;
 «На мое жъ притомъ несчастье,
 «Было страшное ненастье,
 «Дождь вотъ такъ ливня и лилъ;
 «Подъ дождемъ я все ходилъ;
 «Правда было мнѣ и скучно,
 «Впрочемъ все благополучно.»
 Похвалилъ его отецъ:
 «Ты, Данило, молодецъ!
 «Ты вотъ такъ сказать примѣрно,
 «Сослужилъ мнѣ службу вѣрно,
 «То есть, будучи при томъ,
 «Не ударилъ въ грязь лицомъ.»

Снова начало смеркаться,
 Средній сынъ пошелъ собираться,
 Взялъ и вилы, и топоръ
 И отправился въ дозоръ.
 Ночь холодная настала,
 На него тоска напала,
 Зубы начали плясать,
 Онъ — ударился бѣжать,
 И всю ночь ходилъ дозоромъ
 У сосѣдки предъ заборомъ.

Только начало свѣтать,
 У дверей онъ сталъ стучать.
 «Эй! вы, сони! что вы спите?
 «Брату двери отойдите;
 «Ночью страшный былъ морозъ,
 «До костей я весь промерзъ.»
 Братъ двери отворили,
 Караульнаго впустили,
 Стали спрашивать его,
 Не видалъ ли онъ чего:
 Караульный помолился,
 Вправо, влево поклонился,
 И сквозь зубы отвѣчалъ:
 «Всю я ноченьку не спалъ.
 «Да къ моей судьбѣ несчастной,
 «Ночью холодъ былъ ужасной,
 «До костей меня пробралъ;
 «Цѣлу ночь я проскакалъ,
 «Слишкомъ было неподручно.
 «Впрочемъ все благополучно.»
 И ему сказалъ отецъ:
 «Ты, Гаврило, молодецъ!»

Стало въ третій разъ смеркаться,
 Надо младшему собираться;
 Онъ и усомъ не ведетъ,
 На печи въ углу поетъ
 Изъ всей дурацкой мочи:
 «Распрекрасныя вы очи.»
 Братъ ну его ругать,
 Стали въ поле посыпать;
 Но сколь долго ни кричали,
 Только время потеряли:
 Онъ ни съ мѣста. Наконецъ
 Подошелъ къ нему отецъ,
 Говоритъ ему: «Послушай,
 «Ты поди въ дозоръ, Ванюша,

«Я напью тебѣ обновъ,
 «Дамъ гороху и бобовъ.»
 Вотъ дуракъ съ печи слѣзаетъ,
 Шапку на-бокъ надѣваетъ,
 Хлѣбъ за пазуху кладетъ,
 И шатаясь идетъ. !

Ночь настала; мѣсяцъ всходить;
 Поле все дуракъ обходить,
 Озираючись кругомъ,
 И садится подъ кустомъ,
 Звѣзды на небѣ считаетъ,
 Да краюшку убираетъ.
 Вдругъ на полѣ конь заржалъ....
 Караульный нашъ привсталъ,
 Посмотрѣлъ сквозь рукавицу
 И увидѣлъ кобылицу.
 Кобылица та была
 Вся какъ зимній снѣгъ бѣла,
 Грива точно золотая,
 Въ мелки кольца завитая.
 «Эхе-хе! такъ вотъ какой
 «Нашъ воришко, но постой,
 «Я шутить вѣдь не умѣю,
 «Разомъ сяду те на шею.
 «Вишь, какая саранча!»
 И минуту улуча,
 Къ кобылицѣ подбѣгаетъ,
 За волнистый хвостъ хватаетъ,
 И садится на хребетъ —
 Только задомъ напередъ.
 Кобылица молодая,
 Задомъ, передомъ брыкая,
 Понеслася по полямъ,
 По горамъ и по лѣсамъ;
 То заскачетъ, то забѣется,
 То вдругъ круто повернется;

Но дуракъ и самъ не простъ,
Крыпко держится за хвостъ.

Наконецъ она устала.

«Ну, дуракъ, (ему сказала)
«Коль умѣлъ ты усидѣть,
«Такъ тебѣ мной и владѣть.
«Ты возьми меня съ собою,
«Да ухаживай за мною,
«Сколько можешь. Да смотри,
«По три утренни зари
«Отпускай меня на волю,
«Погулять по чисту полю.
«Не простымъ корми овсомъ, —
«Бѣлояровымъ пшеномъ;
«Не озерной пой водою,
«Но медовою сытою.
«По исходѣ же трехъ дней,
«Двухъ рожу тебѣ коней,
«Да такихъ, какихъ на свѣтѣ
«Не бывало на примѣтъ;
«Еще третьяго конька,
«Ростомъ только въ три вершка,
«На спинѣ съ двумя горбами,
«Да съ аршинными ушами.
«Первыхъ ты коней продай,
«Но конька не отдавай,
«Ни за яхонтъ, ни за злато,
«Ни за царскую палату.
«Да смотри же не забудь:
«Только кони подрастутъ,
«Не держи меня въ неволѣ
«А пусти на чисто поле.»

Ладно, думаетъ Иванъ,
И въ пастушій балаганъ
Кобылицу загоняетъ,

Дверь рогожей закрываетъ,
 И лишь только разсвѣло,
 Отправляется въ село,
 Напѣвая громко пѣсню :
 « Ходилъ молодецъ на Прѣсню. »

Вотъ онъ всходитъ на крыльцо,
 Вотъ берется за кольцо ;
 Что есть силы въ дверь стучится,
 Такъ что кровля шевелится,
 И кричить на весь базаръ,
 Словно сдѣлался пожаръ.
 Братья съ лавокъ поскакали,
 Заикаясь, вскричали :
 « Кто стучится сильно такъ ? »
 — « Это я ! Иванъ дуракъ ! » —
 Братья двери отворили,
 Караульнаго впустили,
 И давай его ругать, —
 Какъ онъ смѣетъ такъ стучать.
 А дуракъ нашъ, не снимая
 Ни лаптей, ни малахая,
 Отправляется на печь,
 И ведетъ оттуда рѣчь
 Про ночное похождение,
 Старику на удивленье.
 « Цѣлу ноченьку не спалъ,
 « Звѣзды на-небѣ считалъ ;
 « Мѣсяцъ ровно также свѣтилъ,
 « Я порядкомъ не примѣтилъ.
 « Вдругъ приходитъ дьяволъ самъ,
 « Съ бородою и съ усамъ ;
 « Рожа словно какъ у кошки,
 « А глаза — такъ что те ложки.
 « Онъ пшеницей сталъ ходить
 « И давай хвостомъ косить.
 « Я шутить вѣдь не умѣю,

«И вскоча ему на шею,
 «Ужъ носилъ же онъ, носилъ,
 «Такъ что выбился изъ силъ;
 «Въ воровствѣ своемъ признался,
 «И пшеницу ѣсть заклался.»
 Тутъ разскащикъ замолчалъ,
 Позѣвнулъ и задремалъ.
 Братъ, сколько ни сердчали,
 Не смогли, захохотали,
 Подпершися подъ бока,
 Надъ разсказомъ дурака.
 Самъ отецъ не могъ сдержаться,
 Чтобъ до слезъ не посмѣяться;
 Хотъ смѣяться, такъ оно
 Старикамъ ужъ и грѣшно.

Вотъ однажды братъ Данило,
 (Въ праздникъ, помнится, то было)
 Возвратившись съ свадьбы пьянъ,
 Затащился въ балаганъ.
 Тамъ увидѣлъ онъ красивыхъ
 Двухъ коней золотогривыхъ,
 Еще третьяго конька,
 Ростомъ только въ три вершка,
 На спинѣ съ двумя горбами
 Да съ аршинными ушами.
 «Хе! теперь-то я узналъ,
 «Для чего здѣсь дурень спалъ,
 (Говоритъ себѣ Данило)
 «Дай скажу о томъ Гаврилъ.»
 Вотъ Данило въ домъ бѣжитъ
 И Гаврилъ говоритъ :
 «Посмотри, какихъ красивыхъ,
 «Двухъ коней золотогривыхъ
 «Нашъ дуракъ себѣ досталъ,
 «Ты такихъ и не видалъ.»
 И Данило да Гаврило,

Что въ ногахъ ихъ мочи было,
Черезъ кочки, чрезъ бурьянъ,
Побежали въ балаганъ.

Коня ржали и храпѣли;
Очи яхонтомъ горѣли;
Въ мелки кольца завитой,
Хвостъ раскинутъ золотой,
И алмазные копыты
Крупнымъ жемчугомъ обиты.
Любо-дорого смотрѣть!
Лишь Царю-бъ на нихъ сидѣть!

Братья такъ на нихъ смотрѣли,
Что чуть глазъ не проглядѣли.
«Гдѣ онъ это ихъ досталъ?
(Старшій младшему сказалъ)
«Но издавна рѣчь ведется,
«Что все глупымъ удастся;
«Будь преумная душа,
«Не добудешь и гроша.
«Ну, Гаврило! въ ту седмицу
«Отведемъ-ка ихъ въ столицу,
«Тамъ Боярамъ продадимъ,
«Деньги вмѣстѣ раздѣлимъ;
«А съ денжонками, самъ знаешь,
«И попьешь, и погуляешь,
«Стоять хлопнуть по мышку.
«А Ивану — дураку
«Не достанетъ вѣдь догадки,
«Гдѣ гостять его лошадки;
«Пусть ихъ ищетъ тамъ и сямъ.
«Ну, Гаврило, по рукамъ!»
Братья разомъ согласились,
Обнялись, перекрестились,
И вернулись домой,
Говоря промежъ собой

Про коней, и про ппрушку,
И про чудную свиньюшку.

Время катить чередомъ
Чась за часомъ, день за днемъ;
И чрезъ первую седмицу
Братя ѣхали въ столицу,
Чтобъ товаръ свой тамъ продать,
И на пристанъ узнать:
Не пришли ли съ кораблями
Нѣмцы въ городъ за холстами,
И нейдетъ ли Царь Салтанъ
Бусурманить Христіанъ?
Вотъ Иконъ помолились,
У отца благословились,
Взяли двухъ коней тайкомъ
И отправились потомъ;
Удалого погоняютъ,
Да о деньгахъ разсуждаютъ.

Вдругъ дуракъ — часовъ чрезъ пять —
Вздумалъ въ полѣ почевать.
Дураку ли мѣшкать? Дѣло
У него въ рукахъ кипѣло;
Онъ околицей идетъ,
Тѣтъ краюшку да поетъ.
Вотъ рогожу поднимаетъ,
Руки въ боки подпираетъ,
И съ прискочкою Иванъ
Бокомъ входитъ въ балаганъ.

Все по прежнему стояло,
Двухъ коней какъ не бывало,
Лишь бѣдняжка Горбунокъ
У его вертѣлся ногъ,
Хлопалъ съ радости ушами
И приплясывалъ ногами.

Какъ завоюетъ тутъ Иванъ,
 Опершись о балаганъ :
 «Ой, вы, кони буры-сивы,
 «Мои кони златогривы !
 «Я кормилъ-то васъ, ласкалъ ;
 «Да какой васъ чортъ укралъ ?
 «Чтобъ пропасть ему — собакамъ !
 «Чтобъ издохнуть въ боярахъ !
 «Чтобъ ему на томъ свѣту
 «Провалиться на мосту !
 «Ой, вы, кони буры-сивы,
 «Мои кони златогривы. ! »

Тутъ конекъ его прервалъ :
 «Не тужи Иванъ ! (сказалъ)
 «Велика бѣда, — не спорю ;
 «Но могу помочь я горю.
 «Ты на чорта не клепи,
 «Братья коней увели,
 «Какъ побѣжали изъ дому.
 «Но что мѣшкать по пустому,
 «На меня скорѣй садись,
 «Только знай себѣ, держись.
 «Я хоть роста не большаго,
 «Но смѣню коня другаго ;
 «Какъ пушусь да побѣгу,
 «Такъ и бѣса настигу.»

Тутъ конекъ предъ нимъ ложится ;
 На него дуракъ садится ,
 Крѣпко за уши беретъ.
 Горбунокъ-конекъ встаетъ,
 Черной гривкой потрясаетъ,
 На дорогу выѣзжаетъ ;
 Вдругъ заржалъ и захранѣлъ,
 И стрѣлою полетѣлъ,
 Только черными клубами

Пыль вертелась подь ногами.
И чрезъ нѣсколько часовъ
Нашъ Иванъ догналъ воровъ.

Братья, видя то, смѣшались,
Не на шутку испугались;
А дуракъ имъ сталъ кричать:
«Стыдно, братья, воровать!
«Хоть Ивана вы умнѣе,
«Да Иванъ-то васъ честнѣе;
«Онъ у васъ коней не крадъ.»
Старшій братъ тогда сказалъ:
«Дорогой нашъ братъ, Ванюша!
«Не кладь намъ грѣхъ на души:
«Мы, ты знаешь, какъ бѣдны,
«А оброкъ давать должны.
«Вотъ въ такой большой печали,
«Мы съ Гавриломъ толковали
«Всю сегоднешнюю ночь —
«Чѣмъ бы горюшку помочь?
«Такъ и эдакъ мы судили,
«Наконецъ вотъ такъ рѣшили:
«Чтобъ продать твоихъ коней
«Хоть за тысячу рублей.
«Нашъ отецъ-старикъ не можетъ,
«Работать уже не можетъ,
«Надо намъ его кормить —
«Самъ ты можешь разсудить.»

«Ну, коль эдакъ, такъ ступайте,
«(Говоритъ Иванъ) продайте
«Златогриваго коня;
«Да возьмите жъ и меня.»
Оба брата согласились,
И всѣ вмѣстѣ въ путь пустились.

Стало на небѣ темнѣть;

Воздухъ началъ холодѣть.
 Братья, чтобъ не заблудиться,
 Вздумали остановиться.
 Подъ навѣсами вѣтвей
 Привязали лошадей,
 Взяли хлѣба изъ лукошка,
 Опохмѣлились немножко,
 И потомъ, кто какъ умѣлъ,
 Пѣсни разныя запѣлъ.

Вотъ Данило вдругъ примѣтилъ :
 Огонекъ во тмѣ засвѣтилъ.
 На Гаврила онъ взглянулъ ,
 Львымъ глазомъ подмигнулъ,
 И прикашлянулъ легонько,
 Показавъ огонь тихонько.
 Тутъ затылокъ почесалъ,
 И съ лукавствомъ такъ сказалъ,
 Усмѣхаяся: «Послушай,
 «Принеси огня, Ванюша!
 «Ночь темна, а у меня
 «Ни огнива ни кремня.»
 Самъ же думаетъ Данило:
 «Чтобъ тебя тамъ задавило!»
 А Гаврило говорить
 Тихо брату: «Можетъ быть,
 «Тамъ станичники пристали —
 «Поминай его какъ звали.»

Все пустякъ для дурака!
 Онъ садится на копыта
 И схвативъ его руками,
 Бьетъ въ круты бока ногами,
 Изъ всѣхъ горланить силъ...
 Конь взвился и слѣдъ простылъ.
 «Буди съ нами крѣстна сила!»
 Закричалъ тогда Гаврило,

Осыпая крестомъ святымъ ;
«Что за бѣсъ-конекъ подъ нимъ?»

Огонекъ горитъ свѣтлѣе,
Горбунокъ бѣжитъ скорѣе,
И чрезъ нѣсколько минутъ
При огнѣ конекъ — какъ тутъ.
Тотъ огонь въ лугу свѣтлѣетъ, —
Не дымится, и не грѣетъ.
Диву дался тутъ Иванъ.
«Что (сказалъ онъ) за Шайтанъ?
«Много блеску, много свѣту,
«А тепла и дыма нѣту.
«Эко чудо-огонекъ!»

Тутъ сказалъ ему конекъ:
«То перо, Иванъ, жаръ-птицы
«Изъ чертоговъ Царь-Дѣвицы.
«Но для счастья своего
«Не бери себѣ его.
«Много, много непокою
«Принесетъ оно съ собою.»
— «Говори ты! какъ не такъ!»
Про себя ворчитъ дуракъ;
И поднимъ перо жаръ-птицы,
Завернулъ его въ тряпицы,
Въ шапку мигомъ положилъ
И конька поворотилъ.
Скоро къ братьямъ прѣзжаетъ
И на спросъ ихъ отвѣчаетъ:
«Какъ туда я доскакалъ,
«Пень сгорѣлый увидалъ;
«Ужъ надъ нимъ я бился, бился,
«Такъ что чуть не надсадился;
«Раздувалъ его я съ часъ,
«Нѣтъ, вѣдь, чортъ возьми! угасъ.»
Братья цѣлу ночь не спали,

Надъ Иваномъ хохотали :
 А дуракъ подъ возъ присмѣлъ,
 Вплоть до утра прохрапѣлъ.

Тутъ коней они впрягали,
 И въ столицу прїѣзжали,
 Становились въ конный рядъ,
 Суиrotивъ большихъ палатъ.

Въ той столицѣ былъ обычай,
 Коль не скажетъ городничій, —
 Ничего не покупать,
 Ничего не продавать.
 Вотъ ворота отворяютъ,
 Городничій выезжаетъ,
 Въ туфляхъ, въ шапкѣ мѣховой,
 Съ сотней стражи городской:
 Рядомъ ѣдетъ съ нимъ брадатый,
 Называемый глашатый;
 Онъ въ злату трубу трубитъ,
 Громкимъ голосомъ кричитъ :
 «Гости! лавки отворяйте,
 «Покупайте, продавайте ;
 «Надзирателямъ сидѣть
 «Подъ лавокъ, и смотрѣть,
 «Чтобы не было содому,
 «Ни смятеня, ни погрому,
 «И чтобы купецкой родъ
 «Не обманивалъ народъ!»
 Гости лавки отворяютъ,
 Покупальщиковъ сзываютъ :
 «Эй! честные господа!
 «Къ намъ пожалуйте сюда!
 «Какъ у насъ ли тары-бары,
 «Всяки разные товары.»

Въ это время тотъ отрядъ

Приѣзжаетъ въ конный рядъ ;
 Но отъ множества народу
 Нѣтъ ни выходу, ни входу ;
 Такъ кишмя вотъ и кишатъ,
 И смѣются и кричатъ.
 Городничій удивился —
 Что народъ развеселился,
 И приказъ отряду далъ,
 Чтобъ дорогу прочищалъ.
 «Эй! вы, черти босоноги!
 «Прочь съ дороги! прочь съ дороги!»
 Закричали усахи,
 И ударили въ бичи.
 Тутъ народъ зашевелился,
 Шапки снялъ и разступился.

Предъ глазами конный рядъ :
 Два коня въ ряду стоятъ,
 Молодые, вороные,
 Вьются гривы золотыя,
 Въ мелки кольца завитой,
 Хвостъ раскинуть золотой....
 Городничій раздвинулся
 И два разъ перекрестился.
 «Чудецъ (молвилъ) Божій свѣтъ!
 «Ужъ какихъ чудесъ въ немъ нѣтъ.»
 Весь отрядъ тутъ усмѣхнулся,
 Самъ глашатай занкнулся.
 Городничій между тѣмъ
 Наказалъ престрога всѣмъ,
 Чтобъ коней не покупали,
 Не зѣвали, не кричали,
 Что онъ ѣдетъ ко Двору —
 Доложить объ томъ Царю.
 И оставивъ часть отряда,
 Онъ поѣхалъ для доклада.

Приважаетъ ко дворець.
 «Ты помилуй, Царь-отецъ!»
 Городничій восклицаетъ,
 И предъ трономъ упадаетъ:
 «Не вели меня казнить,
 «А вели мнѣ говорить.»
 Царь изволилъ молвить: — «Ладно,
 «Говори, да только складно.» —
 «Какъ умѣю расскажу.
 «Городничимъ я служу:
 «Вѣрой, правдой отправляю.
 «Эту должность....» — «Знаю, знаю.» —
 «Вотъ сегодня, взявъ отрядъ,
 «Я поѣхалъ въ конный рядъ:
 «Подъѣзжаю — тма народу!
 «Нѣтъ ни выходу, ни входу.
 «Я отряду приказалъ,
 «Чтобъ народъ онъ разогналъ.
 «Такъ и сталося, Царь-Надёжа!
 «И поѣхалъ я — и что же?
 «Предо мною конный рядъ:
 «Два коня въ ряду стоятъ,
 «Молодые, веронные,
 «Вьются гривы золотыя,
 «Въ мелки кольца завитой,
 «Золотистый хвостъ трубой,
 «И алмазныя копыты
 «Крупнымъ жемчугомъ обиты....»

Царь не могъ тутъ утерпѣть.
 «Надо коней посмотрѣть,
 «(Говорить онъ) да не худо
 «И завести такое чудо.»

Колесницу запрягли,
 И ко входу подвезли.
 Царь умылся, нарядился,

И на рынокъ покатилося ;
За Царемъ стрѣльцовъ отрядъ.

Вотъ онъ вѣжамъ въ конный рядъ.
На колѣни всѣ тутъ паля
И ура Царю кричали.
Царь раскланялся, и вмигъ
Съ колесницы къ конямъ прыгнулъ.
Вкругъ коней онъ ходитъ, хвалитъ,
То потреплетъ, то погладитъ ;
И довольно насмотрясь,
Онъ спросилъ, оборотясь
Къ окружавшимъ : «Эй, ребята !
«Чьи такіе жеребята ?
«Кто хозяинъ ?» Тутъ дуракъ,
Спрятавъ руки за армякъ,
Изъ-за братьевъ выступаетъ
И надувшись отвѣчаетъ :
«Эта пара, Царь, моя,
«И хозяинъ тоже — я !»
— «Ну, я пару покупаю ;
«Продаешь ты?» — «Нѣтъ, мѣняю.»
— «Что въ промѣнъ берешь добра?» —
«Два — пять шапокъ серебра.»
— «То есть, это будетъ десять.» —
Царь тотчасъ велѣлъ отвѣсить,
И, по милости своей,
Далъ въ прибавокъ пять рублей.
Царь то былъ великодушный !

Повели коней въ конюшни
Десять конюховъ сѣдыхъ,
Всѣ въ нашивкахъ золотыхъ,
Всѣ съ цвѣтными кушаками
И съ сафьянными бичами.
Но дорогой, какъ на смѣхъ,
Кони съ ногъ ихъ сбили всѣхъ,

Всѣ уздечки разорвали,
И къ Ивану прибѣжали.

Царь отправился назадъ,
И сказалъ ему: «Ну, братъ,
«Пара нашимъ не дается;
«Дѣлать нечего, прійдется
«При дворцѣ тебѣ служить.
«Будешь въ золотѣ ходить,
«Въ красно платье наряжаться,
«Словно въ маслѣ сыръ кататься,
«Всю конюшенну мою
«Я во власть тебѣ даю:
«Царско слово въ томъ порука.
«Что согласенъ?» — «Эка штука!
«Во дворецъ я буду жить,
«Буду въ золотѣ ходить,
«Въ красно платье наряжаться,
«Словно въ маслѣ сыръ кататься,
«Весь конюшенный заводъ,
«Царь мнѣ даромъ отдастъ;
«То есть я изъ огорода
«Стану царской воевода.
«Чудно дѣло! Такъ и быть,
«Стану, Царь, тебѣ служить.
.....

Тутъ подкликнулъ онъ коней,
И пошелъ вдоль по столицѣ,
Вслѣдъ за царской колесницей.
И подъ пѣсню дурака,
Кони пляшутъ трепака,
А конекъ его — горбатко
Такъ и ломится въ присядку
Къ удивленью людямъ встѣмъ.

Два же брата между тѣмъ
Деньги царски получили,

Въ шапку накрѣпко зашили,
И отправили гонца,
Чтобъ обрадовать отца.
Дома дружно подѣлились,
Оба въ разъ они женились,
Стали жить да поживать
Да Ивана поминать.

Но теперь мы ихъ оставимъ,
Снова сказкой позабавимъ
Православныхъ Христіанъ,
Что надѣлалъ нашъ Иванъ,
Находясь во службѣ царской,
При конюшнѣ государской,
Со своимъ лихимъ конькомъ —
Неизмѣннымъ горбункомъ:
Какъ поймалъ Иванъ жаръ-птицу,
Какъ похитилъ Царь-дѣвицу,
Какъ кольцо ея досталъ,
Какъ онъ въ небѣ погулялъ,
Какъ онъ въ солнцевомъ селеньѣ
Киту выпросилъ прощенье,
Какъ, по милости своей,
Спасъ онъ тридцать кораблей,
Какъ въ котлахъ онъ не сварился,
Какъ красавцемъ учинился.

=

II.

Зачинается разсказъ
Отъ Ивановыхъ проказъ,
И отъ сивка, и отъ бурка,
И отъ вѣщаго коурка.
Козы на-море ушли;
Конь поднялся отъ земли:

Подъ ногами лѣсъ стоячій,
Облака надъ нимъ ходячи, —
Это присказка: пожди, —
Сказка будетъ впередъ.
Какъ, на-морѣ Окіанѣ,
И на островѣ Буянгѣ,
Новый гробъ въ лѣсу стоитъ;
Въ гробъ дѣвица лежитъ;
Соловей надъ гробомъ свищетъ;
Черный звѣрь въ дубравѣ рищетъ, —
Это присказка: а вотъ —
Сказка чѣредомъ пойдетъ.....

Но сказка пойдетъ чѣредомъ въ другомъ мѣстѣ: мы должны здѣсь остановиться. Приведенная нами первая часть творенія Г. Ершова достаточно оправдываетъ похвалу, которую помѣстили мы въ ея началѣ, и можетъ внушить всякому желаніе прочесть его до конца, подать надежду на истинное наслажденіе и обрадовать появленіемъ такого дарованія. Полная поэма Г. Ершова состоитъ изъ трехъ такихъ же частей, и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ особою книгою.

ПУТЬ ЖИЗНИ.

=

АПОЛОГЪ.

=

Вѣтръ вылъ, — въ рѣкѣ шумѣли волны,
И обрушались гранитныя скалы:
Утихнулъ, — воды вновь свѣтлы.
Такъ наши дни текутъ: то бурны, то спокойны.

М. СХАНОВЪ.

БАСНИ.

=

I.

РАЗБОЙНИКЪ И ИЗВОЩИКЪ.

Въ кустарникъ залегши у дороги,
Разбойникъ подъ вечеръ добычи пажидалъ,
И какъ медвѣдь голодной изъ берлоги,
Угрюмо даль онъ озиралъ.
Посмотритъ грузный возъ катить какъ валъ.
О, го! разбойникъ мой тутъ шепчетъ — знать съ товаромъ
На ярмарку; чай всё сукно, камки, парчи.
Кручина, не звай — тутъ будетъ на харчи:
Не пропадетъ сегодня день мой даромъ.
Межъ тѣмъ подъѣхалъ возъ — кричитъ разбойникъ: стой!
И на извощика бросается съ дубиной;
Да лихъ схватился онъ не съ олухомъ дѣтиной:
Извощикъ малой удалой;
Злодѣя встрѣтилъ мостовиной,
Сталъ за добро свое горой
И моему герою
Пришлось брать поживу съ бою —
И дологъ и жестокъ былъ бой на этотъ разъ.
Разбойникъ съ дюжины зубовъ не досчитался,
Да перешибена рука, да выбить глазъ;
Но побѣдителемъ однако жъ онъ остался,
Убилъ извощика злодѣй.
Убилъ — и къ добычѣ скорѣй. —
Чтожъ онъ завоевалъ? — возъ цѣлый пузырей.

Какъ много изъ пуста
На свѣтъ дѣлаютъ преступнаго и злова.

II.

ЛЕВЪ И МЫШЬ.

У льва просила Мышь смиренно позволенья,
По близости его въ дуплѣ завести селенье,
И такъ примолвила: хотя де здѣсь въ лѣсахъ

Ты и могучъ и славенъ;

Хоть въ силѣ Льву никто не равенъ;
И ревъ одинъ его на всѣхъ наводитъ страхъ;

Но будущее кто угадывать возмется —
Какъ знать? кому въ комъ нужда доведется?

И какъ я ни мала кажусь;

А можетъ-быть подь часъ тебѣ и прогожусь.

Ты! вскрикнулъ Левъ — ты, жалкое созданье!

За эти дерзкія слова

Ты стоишь смерти въ наказанье,

Прочь, прочь отсель пока жива —

Иль твоего не будетъ праху —

Тутъ мышка бѣдная, не вспомнися отъ страху,
Со всѣхъ пустилась ногъ — простыла еѣ и слѣдъ.
Льву даромъ не прошла однако жъ гордость эта:
Отправяся искать добычи на обѣдъ,

Попался онъ въ тенета.

Безъ пользы сила въ немъ, напрасенъ ревъ и стоишь,

Какъ онъ ни рвался, ни метался,

Но все добычею охотника остался,

И въ клеткѣ на показъ народу увезенъ.

Про мышку бѣдную тутъ поздно вспомнилъ онъ,

Что бы помочь она ему сумѣла,

Что съѣсть бы отъ ея зубовъ не уцѣлѣла

И что его свол кичливость съѣла.

Читатель — истину любя

Примолвлю къ баснѣ я, и то не отъ себя —

Не попусту въ народѣ говорится:

Не плюй въ колодезь, пригодится

Воды напиться.

И. КРЫЛОВЪ.

СТАНСЫ.

=

тъ дни, когда я жизнь считалъ загадкой,
ничтожности не жертвовалъ мечтой,
на нее смотрѣлъ застынчиво, украдкой,
на красавицу любовникъ молодой;

тъ дни блаженные обмана и надежды,
ное счастье какъ вѣрно было мнѣ!
о въ часъ утренній мнѣ открывало вѣжды,
резами меня лѣзло во снѣ.

рано, въ тишинѣ, на утро золотое
ла громовыхъ тучъ тяжелая бразда,
тъ сердецъ, гдѣ цвѣло веселье молодое,
никла съ жизнью печальная вражда.

тъ пламенный симумъ, какой-то духъ зловредный
запно опалилъ души роскошный цвѣтъ,
пытность въ ночи зажгла свѣтильникъ блѣдный
мѣдней искрою на пепелищѣ лѣтъ.

евожа сонъ могилъ, ея огонь блудящій
асть призракомъ, горитъ безъ теплоты;
рылся навсегда надежды лучъ живящій,
тъ спутницы, нѣтъ прежнія звѣзды.

нѣ насытныи взоръ презрѣлъ родную землю;
дерзко воспарилъ, какъ птица, къ небесамъ;
безграничныхъ странъ душой я не объемлю,
нѣ! нѣтъ мѣста въ ней лазурнымъ высотамъ.

рокаялъ счастье, которымъ лишь мигу
чаду безумія гордится человекъ;
счастье новое страдальцу недоступно;
ю, чѣмъ онъ владелъ, сокрылося навѣкъ.

О жизнь, коварный другъ! отъ самаго рожденья
Ты ложь прекрасную нащептываешь намъ;
Блаженъ, кто сладко спитъ, не зная пробужденья,
И снѣно въруетъ несбыточнымъ мечтамъ.

Подъ тонкой ризою твой образъ пламенѣтъ
Какъ въ древнемъ Саисѣ перукотворный ликъ:
Тотъ счастливъ, кто тебя разоблачить не смѣетъ;
Но горе дерзкому, кто въ таинство проникъ!

Мартъ, 1834.

II. ВЕКЪ.

КРАСАВИЦА.

(Въ Альбомѣ Г***.)

=

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей;
Она поконитъ стыдливо
Въ красть торжественной своей;
Она кругомъ себя взираетъ:
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ея сіяньѣ исчезаетъ.

Куда бы ты ни поспѣшалъ,
Хоть на любовное свиданье,
Какое-бъ въ сердцѣ ни питалъ
Ты сокровенное мечтанье;
Но встрѣтись съ ней, смущенный, ты
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.

А. ПУШКИНЪ.

И МОЯ ЗВѢЗДОЧКА.

=

Море воесть, море стонетъ,
И во мракъ — одинокъ
Поглощенъ волною тонетъ
Мой заносчивый челнокъ.

Но, счастливецъ! предъ собою
Вижу звездочку мою,
И спокоенъ я душою
И безопасно я пою.

Молодая, золотая,
Предвѣщательница дня;
При тебѣ бѣда земная
Недоступна до меня.

Но сокрой за бурной мглою
Ты сіяніе свое,
И сокроется съ тобою,
Провидѣніе мое,

за.

ДЕНИСЪ ДАВЫДОВЪ.

ПЕЧАЛЬНОЙ КРАСАВИЦѢ.

=

The poor soul sat sighing.....

Съ крутыхъ, муравчатыхъ холмовъ
Въ долину ручейкъ стремится,
Играетъ, вьется межъ кустовъ,
И свѣтлымъ зеркаломъ струится;

Но вскорѣ бурною зимой
 Морозовъ звонкихъ ужаснѣтся,
 И, ужъ окованный волной,
 Блестящій токъ не шевельнѣтся.

И роза юная въ поляхъ
 Царевной пышною свѣтлѣть;
 То вплетена она въ вѣнкахъ,
 То на груди красота алѣть;
 Но, мнитса, грусть знакома ей
 Въ разлукѣ съ вѣткою родимой, —
 Она часть отъ часу томнѣй,
 Почти увѣлъ цвѣтокъ любимой.

На тихій долъ, на тѣмный лѣсъ,
 Луна свой блескъ бросаетъ нежной; —
 Краса полуночныхъ небесъ
 Плыветъ стезёю безмятежной, —
 И на неѣ любовь глядитъ:
 Луна! ты другъ воспоминанья!
 Но туча вслѣдъ за ней летитъ, —
 И меркнетъ милое сіянье.

Иль гонить всё враждебный рокъ
 Волна замреть и не струится,
 И вянетъ радостный цвѣтокъ,
 И ясный лучъ внезапно тмится, —
 И тихо голову склоня,
 Сидишь ты, — слёзы въ томномъ взорѣ....
 О ты, о комъ мечтала я,
 Скажи! Ужель ты знаешь горе?....

Н. КОЗЛОВЪ

С. Петербургъ, 28. Дек. 1832.

II.

ПОСТРАДШАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ПЛАВАНІЕ НА КОРАБЛѢ СЪ ЛОРДОМЪ БАЙРОНОМЪ.

=

Чего не говорили о Лордѣ Байронѣ! Сколько пустыхъ подробностей сообщено публикѣ для поясненія этого столь сложнаго характера! Какому мелочному изслѣдованію подвергали трупъ поэта, падшаго за дѣло Греціи!—Методистскій Миссіонеръ описывалъ, какъ усиливался онъ обратить Лорда Байрона къ своей религіи. Одна дама приняла на себя трудъ разсказать намъ, какъ она любила этого изверга, и какъ этотъ извергъ обманулъ ее. Гёте слышалъ въ стихахъ Чайльдъ-Гарольда голосъ отчаянія, послѣдній крикъ умирающаго вѣка. Одни сравнивали Байрона съ Бонапартомъ, другіе съ самыми гнусными людьми. Надобно сказать, что комментаторамъ благопріятствовали его странныя нравы и его всѣхъ возможныхъ родовъ прихоти. Всякой могъ объяснять Байрона по своему произволу, выворачивать его на всѣ стороны и дѣлать изъ него что угодно: героя, вертопраха, разбойника. Что касается до меня, то я просто разскажу, какія обстоятельства сблизили насъ на нѣсколько недѣль. Мы плыли съ нимъ на одномъ кораблѣ, а это прекрасный случай

узнать характеръ челоѣка: корабль тюрьма, въ которой всѣ жители поневолю проникають другъ друга, и взаимно узнають свои слабости и недостатки. Тотъ Лордъ Байронъ, котораго я опишу, не будетъ ни такъ ненавистенъ, ни такъ удивителенъ, какъ Байроны, о которыхъ говорили публикѣ, но мой портретъ будетъ схожѣ. Сила этого необыкновеннаго челоѣка заключалась въ его мысли; слабость въ его характерѣ, несчастіе въ его привычкахъ. Онъ имѣлъ нѣкоторые изъ недостатковъ, но зато и большую часть добродѣтелей женщины страстной, но кокетки, притворницы, щеголихи тщеславной и нескромной.

Въ то время, когда Греція обращала на себя всеобщее вниманіе и возбуждала во всей Европѣ такое участіе, я былъ въ Пизѣ. Тамъ вздумалъ я отправиться на Іонійскіе Острова, потомъ переѣхать въ Морсею и вооружиться мечемъ Гармодія и Аристокитона; я просилъ одного изъ моихъ пріятелей, жившаго въ Ливорнѣ, отыскать мнѣ корабль, идущій въ Зантъ или Кефалонію; но онъ не нашелъ такого корабля, и совѣтовалъ мнѣ обратиться къ Лорду Байрону, который отправлялся туда же и, конечно, не отказался бы взять меня съ собою. Я рѣшился написать къ Лорду Байрону; онъ отвѣчалъ весьма учтиво на мою просьбу, предоставивъ мнѣ или присоединиться къ его свитѣ въ Генуѣ или съѣсть на корабль въ Ливорнѣ. Это было очень снисходительно съ его стороны, потому что ничто не заставляло его заходить въ Ливорно. Я избралъ послѣднее, и въ отвѣтъ моемъ изъяснилъ всю благодарность, которою обязанъ былъ знаменитому хозяину корабля.

Геркулесъ, Англіійскій бриггъ, нанятый въ Генуѣ, долженъ былъ перевезть Лорда Байрона и его свиту на Іонійскіе Острова; пріятели мои, Гг. Джаксонъ и

дѣ провожали меня до берегу, и мы разстались тогда, когда корабль былъ въ виду. Я зналъ, что Байронъ не охотно принимаетъ посѣщенія своихъ соотечественниковъ и терпѣть не можетъ этихъ визиторскихъ смотровъ; но когда я сказалъ, что мною былъ Г. Джексоу, сынъ Доктора Джексона, который безъ всякой пользы пожертвовалъ собою дѣломъ Ирландіи, онъ жалелъ, что я не привелъ его на свиданіе; онъ зналъ всѣ романическія и ужасныя подробности жизни и смерти Доктора Джексона. Поклявшись участвовать въ Ирландскомъ возстаніи, онъ попалъ въ руки Правительства; его приговорили повѣситься, но жена посѣтила его въ тюрьмѣ и принесла ядовитый ядъ, который онъ, не обинуясь, проглотилъ. Эта женщина и теперь еще живетъ во Франкфуртѣ Бонапарте назначилъ ей небольшую пенсію. Байронъ съ живымъ участіемъ и долго разговаривалъ со мною объ этихъ обстоятельствахъ.

Я никогда не видывалъ Лорда Байрона, и онъ покажется мнѣ чрезвычайно привлекательнымъ. Было что-то очаровательное въ его видѣ и манерахъ; физіономія была не столько правильна, какъ выразительна и благородна; невозможно было не замѣтить его бѣлаго, чистаго и гладкаго, какъ алебастръ; длинныя свѣтлорусые усы придавали нѣчто мужественное нѣжнымъ чертамъ его, имѣвшимъ выраженіе сколько женоподобное; темноголубые глаза его блестѣли, казалось, плавали въ сладострастной влажной, которой удивляемся мы у женщинъ чувствительныхъ и слабыхъ нервами. Подъ его кожею, чрезвычайно тонкою, видны были длинныя голубыя жилы, которыя, извиваясь пониже его лба и около висковъ, показывали обращеніе крови въ его венахъ. Улыбка его, какъ въ улыбку Наполеона, было очаровательное; но едва улыбнувшись, онъ дѣ-

лалъ какую-то странную ужимку, какъ дитя, которое сердится, или избалованная женщина, которая хочетъ немножко помучить мужа или любовника. Бонапарте тоже улыбался какъ-будто случайно. Веселость его начиналась съ важности, и оканчивалась важностію, что, по словамъ Г-жи де Сталь, производило самое странное дѣйствіе. Гордость этихъ людей не позволяла имъ вполнѣ предаваться радости, которая казалась имъ недостойною ихъ. Кудрявые волосы Лорда Байрона начинали съдѣть. Трудно было разслушать что онъ говорить, особенно въ концѣ фразъ: онъ привыкъ говорить стиснувъ зубы, и когда онъ оживлялся, слова въ его устахъ производили звукъ неясный, какой-то смѣшанный шумъ. Что касается до его фізіономіи, то одинъ только скульпторъ, Торвальдсенъ, схватилъ главныя черты лица его, и мраморный его бюстъ, который я видѣлъ у Г. Дугласа Нинкерда, довольно удачно изображаетъ голову Байрона; но отбѣнки, цвѣтъ, нѣжность, тысячи измѣненій выраженія, которыми отличалось это лицо — этого ни одинъ живописецъ не передалъ и никогда не передастъ. Одежда его была странна и прихотлива; онъ ходилъ въ нанковой вышитой курткѣ, подъ которою видѣнъ былъ бѣлый пикеевый жилетъ, едва застегнутый, въ широкихъ нанковыхъ брюкахъ, сжатыхъ въ подъемѣ, въ тонкихъ сапогахъ, а иногда въ штиблетахъ; бѣлье его всегда было чрезвычайно тонко и отогнутый воротникъ рубашки открывалъ всю его шею. Этотъ необыкновенный костюмъ дополняла широкая шляпа изъ Тосканской соломы. Лордъ Байронъ терпѣть не могъ нечистоты, любилъ даже изысканность, чрезвычайную разборчивость и щегольство.

Онъ только что отобѣдалъ; ему принесли бутылку вина; онъ пригласилъ меня распить ее съ нимъ. Холстъ, протянутый надъ декомъ, покрывалъ насъ

своею тѣнью, и я усылся противъ знаменитаго поэта, готовясь разсматривать его мнѣнія и вино.

«Не думаю, сказалъ Байронъ, чтобы я могъ быть полезенъ въ Греціи, но Комитетъ желалъ, чтобы я туда отправился, и я ему повинуюсь.»

Мы видѣли въ одно время острова Корсику и Эльбѹ. Лордъ Байронъ замѣтилъ мнѣ это, и началъ говорить о Наполеонѣ, правду сказать, не очень почтительно.

«Какъ я ошибся, сказалъ онъ мнѣ, и какъ обманулъ меня этотъ удивительный человекъ! Эти два острова, всякой разъ, какъ я на нихъ взглядываю, ужасно унижаютъ меня, напоминая всю слабость человечества. Я обожалъ этого человека, хотя и не одобрялъ всѣхъ его поступковъ. Когда счастье измѣнило ему, когда все погибло, зачѣмъ не бросился онъ тогда въ пылъ битвы, зачѣмъ не умеръ онъ благородною смертію подъ пушками Ватерлоо или Лейпцига, вмѣсто того, чтобы умирать шагъ за шагомъ, медленно, постыдно, жертвою мученій, претерпѣнныхъ имъ на этой скалѣ, игрищемъ своихъ враговъ, являя свѣту срамное зрѣлище домашнихъ ссоръ и безсильнаго гнѣва противъ его тюремщиковъ. Если бъ онъ заключился въ молчаніи, въ своемъ величіи, въ своей одинокости; если бы онъ подавилъ своимъ презрѣніемъ притѣсненія, на которыя жаловался, я бы простилъ ему, что онъ остался жить; но мелочныя его ссоры совершенно отвратили меня отъ него.»

Я воображалъ себѣ, что найду въ Байронѣ человека суроваго, мизантропа, циника, и увидѣлъ только человека умнаго, большаго мастера рассказывать анекдоты, милаго и любезнаго въ обращеніи, чрезвычай-но учтиваго и пріятливаго. Я былъ въ траурѣ, по-

тому, что недавно лишился особы, весьма дорогой для меня; я просилъ Лорда Байрона извинить молчаливость и нѣсколько мрачный видъ своего новаго гостя. Онъ захотѣлъ раздѣлить со мною мою горестъ, и въ обхожденіи своемъ оказывалъ ко мнѣ всю нѣжность, всю внимательность свѣтскаго человѣка, или лучше сказать умной и чувствительной женщины; я никогда не забуду, какъ онъ старался развлечь меня, занять мои мысли и, противъ воли, заставить меня разговаривать. Онъ получилъ отъ Томаса Мура и Гёте письма, которыя и показалъ мнѣ.

«Этотъ, сказалъ онъ, говоря о Мурѣ, самый занимательный, самый блестящій, самый остроумный изъ моихъ корресподентовъ. Что касается до Гёте, патріарха, который сдѣлался моимъ патрономъ и покровителемъ, то я очень жалѣю, что не могу читать твореній его въ оригиналъ, но ни за что въ свѣтъ не стану учиться языку варваровъ.»

Противный вѣтеръ, дувшій дотолъ, вдругъ сдѣлался попутнымъ, и свита Байрона, остававшаяся на берегу, переѣхала на корабль: Я очень удивился, услышавъ, что всѣ пріятели Лорда Байрона коверкаютъ его имя и называютъ его Бирнъ; но онъ и самъ такимъ же образомъ произносилъ свое имя.

Кромѣ пятерыхъ слугъ, прекрасной Нью-Фундленской и еще другой собаки, и пяти лошадей, съ нами были Графъ Піетро Гамба, братъ синьоры Гвиччіоли, къ которой Байронъ былъ все еще очень привязанъ; Эдуардъ Трелавней, морской разбойникъ, который въ послѣдствіи издалъ свои Записки; молодой врачъ, по имени Бруно, родомъ изъ Александріи, что въ Піемонтѣ; Константинопольскій Грекъ Скилицци, который назывался Княземъ; наконецъ еще Грекъ, Витали,

который выдавалъ себя за капитана. Нашъ небольшой корабль подымалъ не болѣе ста тоннъ, и потому онъ былъ очень нагруженъ.

Лордъ Байронъ писалъ тогда своего *Донъ-Жуана*, и читалъ только книги, имѣвшія соотношеніе съ ироническимъ твореніемъ, которое его занимало: онъ дѣлалъ извлеченія изъ Свифта, и всякой день читалъ одинъ или два Опыта изъ Монтаня.

«Это самый занимательный изъ всѣхъ писателей, говорилъ онъ: долговременное ученіе не доставитъ намъ свѣдѣній, которыя найдешь даже въ самыхъ болтливыхъ и небрежныхъ его главахъ.»

Всѣ другія книги, которыя читалъ тогда Байронъ, также относились къ идеямъ скептицизма и общественной сатиры. То были Переписка Гримма, Опыты о нравахъ, Философическій Словарь Вольтера, Нравственныя изреченія (*Maximes*) Ларошфуко. Такимъ образомъ въ то время, когда Байронъ исполнялъ дѣяніе героическое, жертвовалъ собою Греціи, ближайшими его совѣтниками, любимыми его авторами, которыхъ творенія служили ему *напостельными* книгами, *livres de chevet*, какъ говорилъ Монтанъ, были писатели, которые болѣе чѣмъ кто либо разачаровывали героизмъ и уничтожали энтузіазмъ. Но у него была еще книга, которую каммердинеръ его, Флетчеръ, подавалъ ему каждый день: это была тяжелая Исторія войны за независимость Южной Америки, написанная какимъ-то Гиппишлеемъ, который называется Полковникомъ, и получилъ этотъ чинъ Богъ въсть отъ какого Правительства. Я спросилъ однажды Лорда Байрона, что онъ дѣлаетъ съ этой огромною книгой, которая такъ часто лежитъ передъ нимъ раскрытая.

«Тутъ мой послѣобѣденный сонъ, сказалъ онъ мнѣ улыбаясь: если я даже нездоровъ или не въ духѣ, эта превосходная книга въ минуту меня усыпляетъ: я бы прогналъ Флетчера, если бы онъ когда забылъ принести мнѣ ее.»

Діета, которую добровольно наблюдалъ Байронъ, не многимъ бы понравилась; и я знаю людей, которые за эту цѣну не купили бы всей славы, которою поэтъ пользовался при жизни и послѣ смерти. Онъ никогда не завтракалъ и не ужиналъ, а закуска, которую называлъ онъ своимъ обѣдомъ и которая, конечно, не стоила этого названія, состояла изъ Чеширскаго сыра совершенно гнилаго, огурцевъ и красной капусты въ уксусѣ; онъ очень много ѣлъ этого сыра, и запивалъ его сидромъ или Буртонскимъ пивомъ, которое доставалъ и въ Генуѣ. Можно ли вообразить что-нибудь нездоровье этой пищи, лѣтомъ и подъ палящимъ небомъ? Однажды только Байронъ съѣлъ при мнѣ жареную рыбку; онъ пилъ очень много крѣпкаго чаю, и послѣ обѣда спалъ. Потомъ онъ возвращался на верхъ, и пилъ съ нами вино и ликеры; въ это время дня веселость его была блестяща, разговоръ остроуменъ и наполненъ анекдотами; но часто онъ вдругъ останавливался, отворачивался и, казалось, старался скрыть какое-то внезапное печальное ощущение, которое овладѣвало имъ; онъ поспѣшно уходилъ въ свою комнату и запирался; конечно, какія нибудь прискорбныя воспоминанія поражали его тревожный умъ, его безпокойное воображеніе. Одаренный организаціею нѣжною, женоподобною, легко принимающею всѣ впечатлѣнія, онъ еще усилилъ это почти болѣзненное расположеніе безпорядочною жизнію и нездоровою пищею.

Какое-то странное суевѣріе соединялось съ прони-

ческимъ его скептицизмомъ: напимѣръ, онъ ничего бы не началъ въ Пятницу; разсыпанная соль или пролитое масло казались ему самыми дурными предзнаменованіями; пролитое вино, напротивъ того, онъ, подобно Туркамъ и Грекамъ, почиталъ предзнаменованіемъ счастливымъ: онъ не скрывалъ всѣхъ этихъ слабостей; напротивъ, какъ будто нарочно выказывалъ тайное свое суевѣріе.

Въ странствованіяхъ своихъ по свѣту онъ сдѣлалъ огромный запасъ клятвъ всѣхъ странъ и употреблялъ ихъ безъ разбору и не обращая вниманія на то, какой языкъ служить у него основаніемъ этого страннаго краснорѣчія; Италіанскія, Греческія, Французскія слова смѣшивались и сталкивались въ этомъ днѣирамбѣ проклятій: *anàvima cy!* — *faccia di maladetto!* — *sacredie!* — *sangue di Dio!* — *corpo di Bacco!* Привычки у него были и Англійскія, и Италіанскія и Восточныя. Сердясь, онъ всегда съ яростію плевалъ на полъ; это было выраженіе его глубочайшаго презрѣнія. Онъ былъ капризенъ, страненъ, бѣшенъ. Атеизмъ его состоялъ въ одной ироніи; въ глубинѣ сердца онъ былъ набоженъ и, не обвинуясь, говорилъ, что не будучи глупцомъ, невозможно отвергать существованія причины высшей, вездѣсущей и благотворной. Я увѣренъ, что если бъ онъ жилъ по-долѣе, то прильпился бы къ какой нибудь сектѣ религіозной и можетъ быть фанатической, какъ женщины, которыя, ведя въ молодости жизнь веселую и блестящую, подъ старость усыпляютъ свое раскаяніе въ объятіяхъ Религін. Онъ весьма уважалъ религіозныя чувствованія другихъ, но только тогда, когда вѣрилъ ихъ искренности. Но онъ любилъ подсмѣиваться надъ лицемѣрствомъ, столь обыкновеннымъ между нами, и требованіемъ, чтобы другіе принимали нашъ вкусъ, наши наклонности, наше вѣрованіе. Онъ, подобно всѣмъ великимъ лю-

дямъ, стыдился ограниченности человѣческаго ума, и смѣялся надъ усиліями проникнуть тайнства, которыя Богъ и Природа скрыли отъ насъ тройнымъ покровомъ. Ничтожность мышленія, которымъ мы такъ гордимся, была всегдашнимъ предметомъ его насмѣшекъ.

Можно сказать, что Байрона легче было узнать, чѣмъ кого либо изъ людей: душа его являлась прозрачною, и въ общественныхъ сношеніяхъ онъ былъ искрененъ до неосторожности. Несмотря на его выказную таинственность, мрачный и человѣконенавистный видъ, который онъ часто принималъ на себя, его, какъ ребенка, легко было проникнуть: онъ ничего не умѣлъ скрывать; проводя съ нимъ нѣсколько дней, вы уже знали не только самыя тайныя его мысли, но и всю исторію его прошедшей жизни. Любимыя приключенія, юношескія шалости, непохвальные поступки, онъ все рассказывалъ. Переездъ нашъ въ Грецію доставилъ мнѣ возможность написать, если бы я хотѣлъ, полную лѣтопись всей его жизни. Я скажу болѣе: рассказы его о женщинахъ, которыхъ онъ зналъ, показались мнѣ не совсѣмъ согласными съ истиною; не разъ казалось мнѣ, что онъ изъ хвастовства предполагаетъ между имъ и знакомыми ему дамами, связи тѣсныя тѣхъ, которыя въ самомъ дѣлѣ существовали: это привычка обыкновенныхъ денди и волокитъ, отъ которой онъ, несмотря на весь свой умъ, никакъ не могъ отдѣлаться, и которой нельзя осуждать слишкомъ строго. Онъ не хотѣлъ слыть ни человѣкомъ съ дарованіями, ни героемъ. А знаете ли чѣмъ онъ хотѣлъ казаться? Негодяемъ, развратнымъ человѣкомъ. Эта странная слабость причиною всѣхъ недостатковъ, въ которыхъ его упрекаютъ: онъ охотно бы увѣрилъ всякаго, что ни одна женщина на свѣтѣ не могла противиться могуществу его обольщеній; правда и то, что обольстительность его была дѣйстви-

тельно велика: его блестящая рѣчь, его выразительная фizioномія, его ловкое обращеніе, его разговоры, то ироническіе и легкіе, то вкрадчивые и убѣдительные, необходимо должны были производить на женщинъ вліяніе властительное. Но я оуждаю рассказы его объ этомъ, и не вѣрю, чтобы число жертвъ его было такъ велико, какъ онъ говорилъ.

Впрочемъ излишняя откровенность Байрона была невольна и потому извинительна. Я уже говорилъ, что онъ ничего не умѣлъ скрывать; часто, бывало, не знаешь, какъ принять его рассказы о вещахъ столь тайныхъ и домашнихъ, что ни какой разсудительный человекъ не сталъ бы этого ни говорить ни слушать. Онъ всегда увлекался первымъ впечатлѣніемъ, и потѣму мысли, воспоминанія, которыя плавали такъ сказать на поверхности его мозга, обращались въ слова, и такимъ образомъ испарялись. Съ удивленіемъ, бывало, слышишь, какъ онъ разсыпается въ ругательствахъ на людей, которыхъ считали самыми короткими его друзьями и которымъ онъ былъ много обязанъ, и онъ въ этомъ не запирался, но то было лѣтнее облако, которое разливалось крупнымъ дождемъ и исчезало. Если бы вы вздумали, при Байронѣ, напасть на людей, о которыхъ онъ говорилъ такъ дурно, онъ тотчасъ сталъ бы защищать ихъ. Онъ особенно ненавидѣлъ свою тещу, Леди Ноэль. Всѣхъ болѣе на свѣтъ любилъ онъ дочь свою Аду.

«Она будетъ богата, сказалъ онъ мнѣ однажды: если бы я имѣлъ на нее какое нибудь вліяніе, я бы не позволилъ ей выйти за Англичанина. Любезные мои земляки большіе охотники разставлять сѣти богатымъ наслѣдницамъ, и это опасно для счастья моей дочери.»

Тѣлесный недостатокъ Лорда Байрона такъ огор-

чалъ его, что онъ часто съ прискорбіемъ и досадою говорилъ о ногѣ, которая у него была нѣсколько короче своей подруги, и которую онъ, по словамъ его, давно бы уже отрѣзалъ, еслибы это не помѣшало ему ѣздить верхомъ, что онъ чрезвычайно любилъ; за то, онъ очень рѣдко ходилъ пѣшкомъ. Отправляясь въ гости, онъ всегда садился на лошадь; не употребляя ногъ своихъ, онъ толстѣлъ, и чтобы избѣжать толстоты, которой терпѣть не могъ, осудилъ себя на нелѣпую діету, которая разстроила его желудокъ и приготовила послѣднюю болѣзнь и смерть его.

Онъ хотѣлъ быть первымъ во всемъ. Я часто видѣлъ, какъ онъ стрѣлялъ изъ пистолета: онъ былъ очень искусенъ въ этомъ. Если первый выстрѣлъ ему удавался, онъ тотчасъ клалъ пистолетъ, и не стрѣлялъ болѣе, чтобы не уронить своей славы; если же далеко не попадалъ въ цѣль, то также клалъ пистолетъ, говоря, что этотъ день для него несчастенъ и что онъ не намѣренъ стрѣлять болѣе. Въ то время, когда я его узналъ, здоровье его было очень разстроено, и нервы въ весьма дурномъ положеніи, но онъ рѣдко не попадалъ въ цѣль, и потому я охотно вѣрилъ необычайнымъ подвигамъ въ этомъ родѣ, которыми онъ славился въ молодости. Однажды онъ воткнулъ въ землю, въ двадцати шагахъ отъ себя, легкую тросточку, принадлежавшую Леди Ноэль, и выстрѣливъ изъ пистолета, раскололъ ее пулею по поламъ, къ величайшему удивленію своей тещи, которую онъ очень пугалъ.

На кораблѣ, онъ часто рассказывалъ намъ свои стрѣльцовые подвиги. Трелавней, который былъ не менѣе его искусенъ, сажалъ индѣйку въ корзину, изъ которой выходила только голова ея; вѣшалъ корзину на мачту, и эти два человѣка, столь знаменитые въ разныхъ тошеніяхъ, почти всегда срывали ей пулею голову.

У Байрона былъ полный арсеналъ превосходнаго оружія и особенно пистолетовъ, изъ которыхъ одни принадлежали знаменитѣйшему Королевскому оружейнику, Жое Мантону. Онъ ничего не жалѣлъ, чтобы достать хорошее оружіе. Однажды, Князь Скилицци разсматривалъ на декъ двуствольный Англійскій пистолеть, котораго механизмъ былъ ему неизвѣстенъ. Вдругъ пистолеть выстрѣлилъ, и пуля задѣла волоса Лорда Байрона; ни сколько не смутившись, онъ взялъ пистолеть изъ рукъ Князя, объяснилъ ему его механизмъ, и потомъ сказалъ Гамбъ:

«Впередъ, давайте Князю только Италіянскіе пистолеты.»

Одна изъ главныхъ забавъ Байрона состояла въ томъ, что онъ боксировалъ и фехтовалъ съ Трелавнеемъ. Боксировалъ онъ превосходно, но слабость его здоровья не позволяла ему боксировать долго. Съ рапирою въ рукахъ, онъ всегда былъ побѣждаемъ. Неразлучные товарищи, Трелавней и Байронъ, часто купались подлѣ корабля, и мы тщетно просили ихъ беречься акулъ, которыхъ довольно много въ водахъ Средиземнаго Моря.

Въ виду Стромболи, мы удивились, не замѣчая надъ кратеромъ ни пламени, ни искръ, потому, что изверженіе этого волкана не сильно, но непрерывно. Байронъ, который внимательно смотрѣлъ въ зрительную трубку на гребень горы, сказалъ мнѣ, что Стромбольская скала породила множество суевѣрныхъ разсказовъ, и что въ архивъ Англійскаго Адмиралтейства хранится странный документъ, подписанный всѣмъ экипажемъ военнаго корабля, и свидѣтельствующій о слѣдующемъ чудѣ. Съ корабля видѣли, какъ два великана взошли вѣсть на гору, неся въ рукахъ третьяго человека; подойдя къ кратеру, раскатали несчастнаго и

воспользовались, чтобы очернить его. Прибавьте къ этому непрерывную, неисправимую неосторожность въ разговорахъ, такую, что ему невозможно было ввѣрить тайны или сказать что нибудь о комъ бы то ни было; онъ сейчасъ все это пересказывалъ. Изъ всѣхъ заговорщиковъ, Байронъ, безъ сомнѣнія, былъ бы самымъ неискуснымъ. Впрочемъ я увѣренъ, что большая часть непріятностей, претерпѣнныхъ имъ въ жизни, происходили отъ недостатковъ его несчастнаго характера, которые заставляли всякаго быть съ нимъ осторожнымъ. Во гнѣвъ, онъ не щадилъ даже людей, которые участвовали въ его предпріятіи, и которые были ему нужны. Такъ на примѣръ, онъ узналъ, что Г. Блакьеръ уѣхалъ изъ Греціи, вмѣсто того, чтобы подождать его тамъ; онъ былъ весьма недоволенъ этимъ отъѣздомъ, и не безъ причины: ему нужно было, чтобы Г. Блакьеръ изустно сообщилъ ему свѣдѣнія о Пелопонезѣ; но онъ не хорошо сдѣлалъ, что говорилъ слишкомъ рѣзко и унижалъ сколько могъ этого чловѣка, необходимаго для Греціи, однимъ словомъ велъ себя не какъ мужчина, а какъ разсерженная женщина. Онъ чрезвычайно живо и забавно шутилъ надъ Г. Блакьеромъ, увѣрлялъ, что тотъ боленъ былъ желаніемъ отдать себя въ печать и отправился во Францію читать корректуру. Мнѣ очень жаль, что онъ не написалъ анекдотической исторіи путешествія въ Турцію, совершеннаго имъ въ молодости: нѣкоторые изъ этихъ анекдотовъ весьма хороши и стоили, чтобы ихъ сохранить.

Когда Капитанъ Батурстъ, Англійскій морякъ стараго времени, настоящій морской волкъ, посѣщалъ Капитана - Пашу, Лордъ Байронъ ѣздилъ съ нимъ. Ничего не можетъ быть забавнѣе, говоритъ Байронъ, бѣшенства, въ которое приводило Батурста невъѣжество Оттомана. Капитанъ-Паша спросилъ у него,

черезъ переводчика, знаетъ ли онъ компась. «Старый дуракъ! вскричалъ Батурстъ: скажите ему отъ меня, Г. переводчикъ, что послѣдній юнгъ послѣдняго Англійскаго Фрегата, знаетъ что такое компась.» Старый Турокъ, которому передали этотъ отвѣтъ съ небольшимъ измѣненіемъ, погладилъ свою бороду въ знакъ удивленія и вскричалъ: «Масалла! эти джауры удивительны!» Г. Адеръ, Англійскій Посолъ при Оттоманской Портѣ, откланивался Султану, и заступавшій его мѣсто, Г. Стратфордъ-Каннингъ былъ въ процессіи, которая шла въ Сераль. Онъ былъ молодъ, свѣжъ; гладкая борода его, тщательно причесанные волосы, женоподобный видъ, обратили на него вниманіе одного Турка, который нагнулся ко мнѣ, и съ вѣжливостію спросилъ меня: «Этотъ прекрасный молодой человекъ, вѣрно, евнухъ, котораго вашъ Король даритъ нашему Султану?»

Байронъ предвидѣлъ, что другъ его Гобгоузъ необходимо долженъ со временемъ возвыситься; а между тѣмъ въ то время, Гобгоузъ, можетъ быть менѣе всѣхъ другихъ Членовъ Оппозиціи, имѣлъ надежды достигнуть власти.

«Трудно подумать, отвѣчалъ я, чтобы Г. Гобгоузъ склонилъ свою независимость предъ обѣщаніемъ мѣста, какъ бы блистательно оно ни было.

«Конечно, отвѣчалъ Лордъ Байронъ; но прійдетъ время, когда переменѣ мнѣній заставитъ Гобгоуза принять правительственное мѣсто. Не онъ пойдетъ на встрѣчу власти, но власть протянетъ ему руку.»

Байронъ угадалъ: Министерство Графа Грея и реформа Лорда Бругама доказали справедливость этого мнѣнія.

чѣмъ, спросилъ я его однажды, зачѣмъ не напи-
вы апопеи?»

О! въ наше время апопея невозможна; никто не
читаетъ эпической поэмы. Мильтонъ поэтъ уди-
вительный, но много ли у него читателей? Притомъ я
хочу только одного: хочу нравиться моимъ со-
отникамъ, хочу, чтобы меня читали; а если и по-
мерти моей, будутъ помнить мои сочиненія, —
meglio!

Этомъ, какъ и во многихъ другихъ вещахъ, я
у великаго поэта нѣкоторую хвастливость и
навное самонадѣяніе. Правда, что и по моему мнѣ-
живой, эпизодическій, прихотливый его геній
мало способенъ къ апопеѣ, но между-тѣмъ я под-
ивалъ этотъ разговоръ. Мнѣ пріятно было слы-
какъ онъ развивалъ свои идеи; я приводилъ ему
имѣръ Тасса и Аріоста, которые занимали свое
и, и преодолѣли равнодушіе потомства.

! сказалъ онъ, Италіянцы не похожи на Англи-
у Италіянцевъ поэтическая природа; въ Италіи
ни одного человѣка, который бы не въ состояніи
чувствовать поэзію. Что касается до славы, о ко-
вы мнѣ говорите, то я объ ней мало забочусь;
е горжусь путешествіемъ моимъ въ Грецію, чѣмъ
и моими поэмами.»

къ заблуждался этотъ геніальный человѣкъ. Рус-
иѣе уважалъ себя за то, что жилъ въ пятномъ эта-
улицъ Платріеръ чѣмъ за то, что написалъ Эми-
Байронъ думалъ, что *Чайльдъ Гарольдъ* и *Сарда-*
не столь важны и принесутъ ему менѣ славы
двѣ или три стычки въ новѣйшей Греціи и съ
ину выстрѣловъ по Туркамъ.

III. — Отд. II.

Недостатки этого несчастнаго великаго челоуѣка были многочисленны, и онъ былъ охотникъ жаловаться. При малѣйшихъ непріятностяхъ въ жизни онъ, подобно Руссо, дѣлалъ горькія выходки противъ всего челоуѣчества; и я увѣренъ, что онъ былъ бы неутѣшенъ, если бы не имѣлъ случая жаловаться и развивать свой длинный списокъ обвиненій противъ рода челоуѣческаго. Призраки больнаго его воображенія по крайней мѣрѣ равнялись тѣмъ, которые мучили Жанъ-Жака Руссо: и тотъ и другой были мастера терзать сами себя; и тотъ и другой не упускали ничего, чтобы составить противъ себя родъ челоуѣческій, какъ будто нарочно стараясь возбудить въ немъ негодованіе. Гордясь своею независимостію, оба были рабами своихъ прихотей; чтобы поступать не такъ, какъ другіе, они дѣлали множество глупостей, о которыхъ послѣ сами жалѣли. Между этими странными людьми были и другія точки прикосновенія. Всѣ ихъ окружающіе могли управлять ими; не надобно было только показывать своей власти; иначе это бы возмутило ихъ. Если бы Байронъ замѣтилъ, что кто нибудь можетъ имѣть на него вліяніе, или хочетъ управлять имъ, я думаю, онъ бы отказался на всю жизнь отъ сообщества съ челоуѣкомъ, котораго бы подозрѣвалъ въ этомъ преступленіи. Онъ всегда былъ друженъ съ тѣмъ, кто показывалъ, что соглашается со всѣми мнѣніями, уступаетъ всѣмъ его желаніямъ. Трелавней очень хорошо это зналъ, и этотъ великанъ, этотъ новѣйшій Геркулесъ ласкалъ Байрона и льстилъ ему, какъ избалованному ребенку. «Если намъ ничего не удастся сдѣлать въ Греціи, сказалъ онъ однажды Трелавнею, я думаю, намъ съ тобой не худо будетъ съѣздить въ Англію, а потомъ купить или завоевать какой нибудь островъ на Южномъ Морѣ, и провести тамъ остатокъ жизни!»

Трелавней одобрилъ этотъ смѣшной планъ, показы-

кто почитаетъ его весьма благоразумнымъ и разсудительнымъ, и обѣщалъ жить съ нимъ на островахъ Ионическаго Моря. Скилицци, Греческій Князь, льстецъ и всѣ его земляки, утверждалъ, что Греки, по вѣроятности, выберутъ себѣ Короля, и легко могутъ быть, что выборъ ихъ падеть на самого Лордана.... И кто бы подумалъ, что великій поэтъ въ этой нелѣпости!

Самъ же Лорданъ, говорилъ онъ, эта идея мнѣ по сердцу, и вы мнѣ предложили Греческій престолъ, я бы не отказался отъ него; но деньги свои я припрячу, и представлю себя, какъ Санхо на островъ Баратаріи, править съ себя корону.»

Мнѣнія его о женщинахъ не могли нравиться прежнему полу, которому онъ посвятилъ важную часть своей жизни. Онъ полагалъ, что женщины вовсе не способны ни къ постоянству, ни къ добродѣтели, ни къ искренней и сильной привязанности: притомъ нравы, посреди коихъ онъ провелъ свою молодость, были не хороши, и что въ высшемъ обществѣ, среди пороковъ, которыми онъ вступилъ въ свѣтъ, кишѣли пороки, болѣе опасные, что они прикрывались лицемъ и личиною чистѣйшей нравственности. О женщинахъ вообще Байронъ судилъ по замужнимъ даринократическимъ гостиницамъ 1805 и 1806 годовъ и по нравамъ Венеціанскихъ прелестницъ въ 1820 году, и онъ никогда не могъ увѣриться въ несправедливость этого мнѣнія.

Въ восточныхъ странахъ только Восточные народы, говаривалъ онъ, умѣютъ обходиться съ женщинами и управлять ими; они ихъ запираютъ, — и прекрасно; учатъ ихъ разнымъ пріятнымъ искусствамъ, не сводя съ ума романтическими бреднями и нелѣпыми притязаніями.

Восточныя женщины не только нравственнѣ нашихъ, но онѣ свободнѣе и счастливѣе. Европейская женщина невольница мужа и всѣхъ своихъ любовниковъ, а ихъ, какъ всякому извѣстно, бываетъ иногда немало. Г-жа Ментенонъ, подѣ старость, затруднялась въ политикѣ своей только однимъ обстоятельствомъ: необходимостью быть въ дружбѣ со всѣми своими старыми любовниками, и раздавать милости всѣмъ тѣмъ, которые прежде пользовались ея ласками. Нынѣшніе Греки не позволяютъ дочерямъ своимъ брать въ руки перо, и поступаютъ весьма благоразумно. Женщина пишетъ только любовныя письма. Если бы мнѣ пришлось избрать себѣ вторую жену, я бы взялъ ее на Востокъ: я бы искалъ женщины стыдливой, невинной, откровенной, которой сердце не было бы общинано книгами и театромъ, которой душа разверзлась бы для одного меня, и я ревновалъ бы ее какъ тигрь.»

У Байрона былъ старый управитель, Лега. Скупость была напечатана въ его морщинахъ, на его челѣ, во впадинахъ глазъ его. «Этотъ человѣкъ заслуживаетъ совершенное уваженіе, сказалъ онъ мнѣ однажды: онъ честнѣе и меня и васъ; онъ стережетъ мое имущество, какъ драконъ стерегъ Гесперидскія золотыя яблоки. Онъ смотритъ на мои монеты съ такимъ же удовольствіемъ, какъ если бы эти деньги были его. Онъ счастливъ только тогда, когда банковые мои билеты умножаются; онъ спокойно бы спалъ на сундукъ съ деньгами, и ему никогда не пришло бы въ голову открыть его. Я вамъ говорю, этотъ старикъ чудо; онъ удивительно экономенъ для меня и честенъ для себя. Я приберегаю на старость очень милый порокъ, котораго не зналъ въ молодости — скупость. Это послѣдняя доска, на которой я могу удержаться въ жизни. Я очень увѣренъ, что мой Донъ Жуанъ, мой герой кончитъ такъ же: обольстивъ Европу, Африку и Амери-

ку въ лицѣ множества женщинъ, жертвъ его, онъ сдѣлается методистомъ, скрягою и тѣмъ покончить. Я и теперь уже замѣчаю въ себѣ нѣкоторые признаки скарденности. Я былъ мотъ, когда у меня ничего не было; а съ тѣхъ поръ, какъ Леди Ноэль, мать моей жены, получила богатое имѣніе, которое должно достаться мнѣ, я начинаю копить деньги.»

Дѣло въ томъ, что Лордъ Байронъ, по обыкновенной своей странности и мнимымъ несообразностямъ своего сложнаго характера, иногда бывалъ щедръ до расточительности, иногда скупъ до скряжничества. Разсердившись на кого нибудь, онъ дѣлалъ этому человѣку всѣ возможныя непріятности. Бѣдный Капитанъ Витали испыталъ это на себѣ, во время нашего плаванія; онъ, въ продолженіе всего пути, былъ игролищемъ Лорда Байрона, который однажды на него разсердился. Между тѣмъ ненависть къ нему Байрона произошла отъ причины весьма неважной. Витали вздумалось заняться контрабандою, и онъ взялъ съ собою тюкъ сукна, надѣясь провезти его тайно. Сверхъ того, онъ боялся, что на корабль ему нечего будетъ ѣсть, и чтобы избавиться отъ этой бѣды, запряталъ въ средину тюка цѣлую жареную свинью, которая, къ несчастію, черезъ недѣлю испортилась и издавала несносный запахъ. Скоттъ, старый корабельный Капитанъ, человѣкъ крутой и суровый, какъ всѣ наши моряки, но честный, замѣтилъ что вонь, на которую всѣ жалуются, выходитъ изъ этого тюка, и принудилъ Витали открыть его. Намъ сдѣлалось тошно при видѣ гнилыхъ остатковъ свиньи, и съ тѣхъ поръ Байронъ не переставалъ преслѣдовать насмѣшками и даже своею ненавистью несчастнаго Капитана, контрабандиста и гастронома. Онъ началъ съ того, что въ первой же таможнѣ, гдѣ корабль присталъ, объявилъ о сукнѣ, которое Витали хотѣлъ скрыть, и такимъ образомъ за-

ставилъ его, бѣдняка, заплатить довольно значительную сумму. Съ тѣхъ поръ онъ дѣлалъ на счетъ бѣднаго Капитана множество непріятныхъ догадокъ, обидныхъ предположеній, и бѣдный Витали былъ жертвою его злости не только во время пребыванія на кораблѣ, но и по возвращеніи своемъ въ Грецію.

Блестящія качества поэта, поэтическое направленіе его ума, его иронія, его знаніе свѣта, были перемѣшаны съ такимъ вертопрашествомъ, съ такою пылкостью, даже слабостію, что ему трудно было бы жить счастливо, когда бы онъ даже одаренъ былъ отъ Природы еще бѣльшимъ гениемъ и героизмомъ. Рѣдко держа свое слово, онъ не внушалъ ни какой довѣренности. Притомъ, всѣ боялись его проницательности. Вспыльчивость его при самомъ ничтожномъ предлогѣ, легкомысленность въ разговорахъ и необузданность страстей, присоединясь къ другимъ недостаткамъ, довершили обреченіе на злополучіе одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей нашего времени.

ОЧКИНЪ.

Blackwood's Magazine. — Revue Brit.

РЕЙНСКІЕ ПИЛЬГРИМЫ.

РОМАНЪ ВОЛЬВЕРА *.

Какой недостатокъ въ нынѣшней Словесности? Что грозитъ ей опасностью? Дѣйствительное. Оно недостатокъ, потому что на немъ прозябаетъ себялюбіе; оно опасно, потому что себялюбіе стѣсняетъ и портитъ все, къ чему ни прикоснется. Вѣкъ нашъ въ думѣхъ вещелюбивъ и разсчетливъ: изъ этихъ свойствъ одно черствитъ, другое убавляетъ сердце. У насъ во всемъ, даже въ Литературѣ, черезъ-чуръ много меркантильности, — или не то чтобъ меркантильности, а просто торгашества: меркантильность означаетъ еще что-то высшее, обширнѣйшее, предпріимчивѣйшее этого мелкаго поденнаго барышничанья. Прочь отъ насъ намѣреніе унижать этимъ честную оборотли-

* Какъ цѣлю всякаго Журнала должно быть — сообщеніе публикѣ свѣдѣній о современномъ движеніи ума человѣческаго и о новѣйшихъ событіяхъ въ его области, а не печатаніе разсужденій о старыхъ вещахъ, о которыхъ можно почерпнуть все нужныя свѣдѣнія въ книгахъ, и какъ Библиотека для Чтенія въ особенности предположила себѣ эту цѣль и намѣрена всегда держаться этого кореннаго правила, хорошей журналистики, дѣлая изъ него исключеніе *только* въ пользу отечественной Исторіи и отечественныхъ дѣятельствъ, то читатели наши легко постигнуть поводъ, побуждающій насъ дать имъ понятіе о твореніи, которое въ эту минуту дѣлаетъ много шума въ Англіи и во Франціи. Признаемся откровенно, что, судя по прежнимъ произведеніямъ Г. Вольвера, мы никогда не ставили его въ число литературныхъ гениевъ; но изъ всего должно заключить, что въ двухъ послѣднихъ своихъ Романахъ, особенно въ «Рейнскихъ Пильгримахъ», онъ дѣлко превзошелъ самого себя. Сверхъ-того, приводимая здѣсь, по случаю его, статья исполнена превосходныхъ мыслей, которыя считаемъ мы обязанностью предложить соображенію и читателей нашихъ Романовъ, желающихъ судить объ ихъ достоинствахъ, и сочинителей, пишущихъ у насъ Романы. Какъ тѣ, такъ и другіе, найдутъ въ ней мно-

вость даже послѣдняго торговца, у котораго копѣйка не лежитъ даромъ: мы только хотѣли сказать, что мелкое побужденіе никогда не ведетъ къ великому слѣдствію, а побужденія новѣйшаго ума «безконечно малы.» Мы помнимъ замѣчаніе одного изъ любимыхъ поэтовъ нашихъ, — нѣтъ, не нашихъ; мы живемъ въ началѣ новой эры, а онъ къ ней не принадлежалъ. «Я былъ въ отлучкѣ, говорилъ Муръ: пріѣзжаю въ Лондонъ: надо же посмотреть, что дѣется на бѣломъ свѣтѣ, — иду къ М***, потому что тамъ всегда водились толки о Литературѣ. И точно, всѣ говорятъ о книгахъ, но о содержаніи ихъ ни слова, ни худаго, ни добраго. *Тотъ столько-то выручилъ за свое послѣднее сочиненіе*, — вотъ вамъ альфа и омега, начало и конецъ, всѣхъ нынѣшнихъ критическихъ сужденій. Въ цѣнѣ, въ продажѣ, въ прибыли вся сила.» Европа торгуетъ Изящнымъ, какъ колоніальными товарами. Въ прошломъ году перецъ и слогъ новой Французской школы продавались довольно выгодно; въ нынѣшнемъ, самыя лучшія спекуляціи будутъ на красоты Г-на Бальзака и на сахаръ.

Какъ намъ ждаты прорицаній свыше или торжественнаго достойнаго размышленія; какъ тѣ, такъ и другіе увидятъ, что Романъ дѣло очень трудное и требуетъ отъ писателя не только повѣсти и слога, но и обширнаго ума, наблюдательности, познанія свѣта и повсемѣстнаго человѣка, теплоты сердца, вдохновенія, — всѣхъ качествъ философа и поэта. У насъ уже довольно много историческихъ и правоописательныхъ Романовъ, — но точно ли Романовъ? Историческихъ и правоописательныхъ вымысловъ, такъ! — но не Романовъ. Мы не усомнимся сказать, что въ нашей Словесности еще нѣтъ ни одного Романа; мы увѣрены также, что этотъ недостатокъ скоро пополнится, — и присовокупимъ еще, что, по нашему мнѣнію, онъ происходитъ не отъ того, чтобы у насъ не было дарованій, но единственно отъ неясности понятій нашихъ писателей о обязанностяхъ романиста и о существѣ Романа. У насъ многіе еще думаютъ, что Романъ есть просто сказка въ четырехъ томахъ: нѣсколько забавныхъ сценъ, нѣсколько хорошо обрисованныхъ характеровъ почитаются верховъ искусства, — а объ идеалѣ предмета и характеровъ, о человѣческомъ сердцѣ, о философіи частной жизни, о драмѣ страстей, о душѣ, о поэзіи ни-и не думаетъ. Романъ трудное дѣло! Б. для Ч.

енныхъ гимновъ, когда и самый храмъ Аполлона
ешель въ руки мѣнялъ? Наживая и проживая, мы
оцимся, погубимъ свои силы, и спохватимся, да
до, «что скаречно отдали сердца свои въ чужія ру-
» какъ говорить старая легенда. Бывало, люди
даютъ бѣсу душу; нынѣ стали продавать ему
. Не такое вдохновеніе внушало Кольриджу, что
вилъ «сама себѣ высокая награда!» Не оно говорило
ами Вордсворта, «когда душа его ощущала свою
естественную судьбу!» Мы ошибаемся, принимая за
удительную причину къ дѣятельности на поприщѣ
гературы то, что долженствовало бѣ быть только
дствіемъ. Лавочная Словесность всегда будетъ под-
стна модѣ. Тутъ дѣло идетъ не о славѣ, а о томъ,
бѣ понравится, и какъ можно болѣе продать эк-
плярровъ книги въ самое короткое время. Суще-
уя только до завтра, она будетъ слѣдовать, а не
ги. Подражаніе сдѣлается неизбѣжно. Ни одинъ ве-
ій писатель не приноравливался къ господствующе-
му вкусу: онъ создавалъ, и люди находили источ-
тъ удовольствія тамъ, гдѣ прежде ключъ тайлся
тъ спудомъ. Теперь совсѣмъ другое дѣло: всякой
шить воспользоваться мгновенною прихотью пуб-
и, чтобъ сдѣлать прибыльный оборотъ своимъ
мъ, пока прихоть не минуетъ. Множество появ-
ющихся вымысловъ истребляютъ другъ друга, какъ
видія драконы и клыки, посѣянные Кадмомъ, и со-
шенный недостатокъ оригинальности достаточно
тверждаетъ наши слова. Повтореніе есть отлич-
ная черта нынѣшней Словесности. Чѣмъ завале-
теперь типографіи? — безцвѣтными Поэмами, сла-
ми отголосками небесной музыки, — Романами безъ
ства, безъ наблюдательности, безъ познанія чело-
а, безъ пользы для общества, безъ славы для со-
чителя: о безсмертіи и говорить нечего. Но мы не-
вильно употребили здѣсь слово «отголосокъ:» отъ,

голосокъ еще имѣеть свою пріятность. Лучше сказать, что эти произведенія похожи на гипсовые слѣпки, разносимые по улицамъ: ихъ передѣлываютъ и подправляютъ до тѣхъ поръ, пока исчезнетъ и слѣдъ формъ подлинника, пока они не превратятся въ какого-то самобытнаго урода. Прибавьте къ этому Повѣсти, — безконечныя Повѣсти, которыя идутъ всегда однимъ трактомъ, какъ дилижансы. Замѣьте еще, что современная Словесность черезъ-чуръ забавничаетъ. Она приноравливается къ народнымъ понятіямъ, побираясь народными предразсудками; въ ней разговоровъ бездна, — и все личности, особенности или общія мѣста. Мудрено ли послѣ этого, что читатели думаютъ о себѣ слишкомъ много, и сочинителей ни во-что не ставятъ. Прежде читатель бралъ въ руки книгу съ уваженіемъ, зная, что въ ней содержится искренній, добросовѣстный, долголѣтній трудъ писателя, възвѣвшаго ей тщательно соображенный рядъ своихъ мыслей; теперь онъ пробѣгаетъ ее съ тѣмъ же презрѣніемъ къ автору, съ какимъ авторъ поступилъ съ нимъ, кропая для него сочиненье на скорую руку, и не болѣе требуя отъ него какъ покупки книги. Такъ ли дѣйствовали тѣ, труды которыхъ пережили столѣтія, и представляютъ людямъ изъ рода въ родъ постоянный источникъ удовольствія и полезнаго наставленія? Можно сказать теперь безъ всякаго парадокса, что величайшія творенія созданы людьми, которые ни сколько не заботились, есть ли на свѣтѣ читатели или нѣтъ. Душа, которая подобна свѣтилу и живетъ одинокая, не станетъ нарушать этого торжественнаго уединенія пустыми разспросами, на кого ей свѣтить. Для нея довольно знать, что такой свѣтъ никогда не дается напрасно. Ясновидѣніе Словесности и ея божественная сила, только въ воображаемомъ, въ идеальномъ. А эта благороднѣйшая способность наша теперь спитъ въ изнеможеніи;

ей одной обложено человечество всѣмъ, что возве-
щаетъ, украшаетъ минувшее, — обложено высочай-
и усилями, какія только свойственны природѣ
ей. Воображеніе то же для ума, что умъ для тѣ-
ла — искупительная, эфирная его частица. Вордс-
вортъ прекрасно говоритъ — «въ дѣтствѣ, мы окруже-
ны ребенкомъ.» Тогда каждая вещь для насъ типъ, та-
вненно знаменующій другую. Такъ Небо окружа-
етъ младенчество Земли. Теперь, говорятъ, Земля воз-
мужала и дожила совершеннолѣтія. Уже не удаляет-
ся только міръ, старѣясь, отъ своего небеснаго
отца, и не бѣжитъ ли отъ объятій Неба, въ кото-
ромъ лежалъ ребенкомъ? Несомнѣнно, что въ старые
дни въ воображеніи было больше жару, больше твор-
ческой энергии. Уже ли намъ нельзя проникнуть въ
его иллюзіи, не разставаясь съ его истиною? Должно
ли прекрасное исчезнуть невооруженно? должна ли зо-
на, полная видѣній, какъ въ звѣздистую ночь, ат-
мосфера распутилась въ пошломъ дневномъ свѣтѣ?
Вѣдь мы думаемъ, что нѣтъ. Пусть многочисленныя
мечты, пусть шумныя большія дороги, на всемъ про-
стествѣ земли, не даютъ покоя воображенію: оно,
какъ голубка, летящая назадъ къ ковчегу, воротится
и вылетѣло, и въ біющемъ сердцѣ найдетъ себѣ
мѣсто и пріютъ. Только, сердце надо бы было посо-
ветничать для его встрѣчи: нынче у насъ, въ Европѣ,
холодно, что дрожь беретъ. Кто будутъ жрецами
на алтаря, хранителями этого одинокаго, милаго
огня, если не поэты? Слово «поэтъ» употребляемъ
въ обширнѣйшемъ значеніи. Можно быть поэтомъ,
и въ прозѣ. Вальтеръ Скоттъ былъ истинный
поэтъ, живописуя молодую Графиню, полу-дѣву, по-
вѣстницу, — дѣвушку свѣжестью желаній и нео-
битаго, женщину страстной скорбью и любовію,
иногда, изъ уединенной комнатки въ Кенильвортъ,
взвѣсившая, не-хотя посматриваетъ на великолѣпный

праздникъ, котораго она и хозяйка, и плѣнница, и жертва. Въ этой прозаической картинѣ онъ безъ-сомнѣнія столько же вдохновенный пѣвецъ, какъ описывая въ музыкальныхъ размѣрахъ смерть Родерика. Кто, кромѣ поэта изъ ничего представить вамъ вдругъ цѣлую картину, — кто однимъ прикосновеніемъ кисти, однимъ словомъ, вызоветъ даже у дѣловой толпы тысячу скрытыхъ ощущеній? Украшать Землю мыслями и чувствами дѣло поэтовъ. Прекрасныя озера сѣверныхъ областей Великобританіи не вдвое ли прекраснѣе съ тѣхъ поръ, какъ Вордсвортъ освятилъ ихъ своими пѣснями, величественнымъ нравственнымъ достоинствомъ. Еще Поэзія не умерла, хотя ее изуродовали лавочничествомъ; еще умъ человѣческій не истощился, хотя развратъ новѣйшаго литературнаго образа мыслей употребилъ всѣ усилія, чтобъ засыпать его ключи, и построить на его мѣстѣ храмъ сумасбродству. Отраднo видѣть, что еще отъ времени до времени мы способны чувствовать и производить истинно прекрасное. Отчего писатель, о которомъ будемъ теперь говорить, съ пѣкотораго времени самый оригинальный изъ всѣхъ нынѣшнихъ писателей? Оттого, что у него всѣхъ больше воображенія. Идеальное истинно только въ обширномъ размѣрѣ. Оно не то, что истина одной какой-нибудь улицы, одного какого нибудь человѣка, — но истина всего рода человѣческаго, всего Земнаго Шара. Отчего творенія Г. Больвера такъ же охотно читаются на твердой землѣ Европы, какъ въ самой Англіи, переводятся на подхватъ по-Французски и по-Нѣмецки, а въ Америкѣ служатъ образцомъ, на который всѣ ссылаются? Отчего это? — только оттого, что у всѣхъ насъ одно человѣческое сердце. Онъ наконецъ его понялъ, и къ нему обратился. Онъ сравниваетъ, творитъ воображеніемъ, и вотъ поэзія, которая, и въ прозѣ, и въ стихахъ, лзыкъ всеобщій.

«Рейнскіе Пильгримы» особенно посвящены мечтѣ и чувству: самое изданіе ихъ живописно какъ положеніе мѣстъ и лицъ, между которыхъ вьется нѣтъ вмѣстѣ съ повѣстью. Книга написана для карману, но планъ выбранъ чрезвычайно счастливо. Персонажѣвъ не много, но они противопоставлены другъ другу съ удивительнымъ искусствомъ. Проуныи свѣтомъ Венъ и въ душѣ свѣтскій Д*** во всемъ противоположны страстному Тривильяну и кроткой, доброй Гертрудѣ; но каждый изъ нихъ образецъ въ своемъ родѣ. Повѣсть разсказать не долго. Гертруда нѣ приближается ко гробу, сама того не зная: чародейка обманетъ хоть кого, а свою жертву и подавно. Используютъ последнее средство, — перемену воздуха, Гертруда, живо помня разсказы матери, родомъ немки, желаетъ побывать въ Германіи. Въ сопровожденіи отца и любовника посѣщаетъ она берега Рей-

Въ этомъ путешествіи первое мѣсто занимаетъ тѣсная связь Гертруды и Тривильяна. Тривильянъ несетъ всю опасность ея положенія: онъ боится потерять ее, и тѣмъ больше любитъ, и тѣмъ больше страдаетъ за нее и за себя. Здѣсь искусство писателя отбросить самые легкіе изгибы сердца, самые тонкіе наклонности ума, является въ полномъ блескѣ. Однако жъ любовь любовью, а путешественники между-тѣмъ притраиваютъ все, что встрѣтится имъ достопримѣчательнаго: повѣсти, преданія, повѣрья, даже волшебныя сказки оживляютъ эту разнообразную картину, представляютъ вамъ «Рейнскіе Пильгримы,» — Романъ, путешествіе и Поэма.

Мало? Послушайте самого Автора.

Однажды вечеромъ, Тривильянъ бродилъ по печальнымъ дельбергскимъ развалинамъ, свободно предаваясь мыслямъ, которыя старался подавлять при Гертрудѣ: вдругъ участвуетъ онъ съ Веномъ. Этотъ спокойный, почти обле-

денный питомецъ превратностей свѣта стоялъ одинъ, смотрѣлъ на разбитыя окончины и треснувшую башню, изъ которой солнце пропускало свой косвенный, прощальный лучъ.

«Тривильянтъ никогда не любилъ этого холоднаго, нечувствительнаго челоуѣка, и только уважалъ въ немъ отца Гертруды, а теперь чуть не ненависть пробѣжала по его сердцу, когда онъ вздумалъ, что смерть стоитъ у ея порога, этотъ старикъ въ силахъ быть покоенъ, улыбаться, задумываться, разсуждать, дѣлать все, какъ-будто ни въ чемъ не бывалъ. Онъ крадется, и, ставъ прямо передъ нимъ, говоритъ ему глухимъ голосомъ, съ судорожной улыбкою:

— «Вы, сударь, пріятно проводите время: видъ прекрасный, — и размышлять о бѣдствіяхъ, случившихся за тысячу лѣтъ, то ли дѣло, чѣмъ смотрѣть за больною дѣвочкой и чувствовать, какъ опасеніе глохнетъ сердце.»

«Венъ посмотрѣлъ на него спокойно, но пристально, и отвѣчалъ ни слова.

— «Венъ!» продолжалъ Тривильянтъ съ тѣмъ же неестественнымъ усиленіемъ надъ своими чувствами: «Венъ! скорѣе всему конецъ: и вы, и я, все на свѣтъ, заговорщики, маньчжикъ, всѣ останутся одни, осиротѣютъ послѣ единственнаго существа, которое украшаетъ нашу глупую жизнь, которое своей любовью дѣлаетъ каждого изъ насъ достойнымъ мысли!»

«Венъ отвернулся.

— «Вы жестоки!» сказалъ онъ трепетнымъ голосомъ.

«Что!!» вскрикнулъ Тривильянтъ, схвативъ его за руку. «И ты чувствуешь? И твое ледяное сердце тронулось? Такъ пойдемъ, пойдемъ, пріятель!» продолжалъ онъ съ такимъ хохотомъ.

«Венъ уклонился въ сторону съ какимъ-то достоинствомъ, которое даже въ ту минуту произвело впечатлѣніе въ Тривильянтъ.

«Пройдетъ нѣсколько лѣтъ», сказалъ онъ: «и васъ будутъ называть холоднымъ, какъ вы меня: горе научить васъ горазумному равнодушію: только, тяжка эта наука, очень ка! Но неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что я безотвѣстно смотрю на разрушеніе послѣдней моей надежды, изданныхъ узъ, привязывающихъ меня къ людямъ? Нѣтъ, нѣтъ! я чувствую это, какъ только можно человѣку; но вывожу свои чувства какъ должно старику, посѣдѣвшему несчастью. Мнѣ дитя мое дороже, чѣмъ тебѣ невѣста: молодъ, богатъ, жизнь тебѣ улыбается, а я?.... Нѣтъ!... нѣтъ!...»

«Простите меня», сказалъ почтительно Тривильянь: «оскорбилъ васъ; но изъ любви къ Гертрудѣ какое предположеніе не извинительно? Теперь послушайте мою послѣднюю просьбу: отдайте мнѣ ее, хоть на краю гроба. Смерть не вырвать ее изъ объятій, изъ подъ надзора такой любви, какова моя.»

Венъ содрогнулся.

«Взвѣчать мертвыхъ», сказалъ онъ. «Нѣтъ!»

Тривильянь отскочилъ отъ него, и, не сказавъ ни слова, побѣжалъ прочь. Онъ уже въ городѣ; онъ отыскиваетъ, методическимъ спокойствіемъ, хозяйина той поляны, гдѣ Гертруда желала быть схоронена. Онъ купилъ ее, и въ тотъ же вечеръ просилъ священника сосѣдняго прихода похоронить ее по церковному обряду.

Священникъ, человѣкъ старый и набожный, былъ пораженъ и просьбою, и видомъ просителя.

«Угодно, чтобъ это сейчасъ было сдѣлано?» спросилъ онъ недоумѣніемъ.

«Да», отвѣчалъ Тривильянь, спокойно улыбаясь: «знатные женихи всегда нетерпѣливы.»

Слѣдующіе три дня Гертруда не могла встать съ постели. Во все это время Тривильянь сидѣлъ у дверей ея, молча, говоря ни слова, почти не поднимая глазъ. Мимо его

ходили, онъ никого не замѣчалъ: даже посторонніе люди, утирая слезы, проговаривали — «Подкрѣпи его, Господи!», а онъ въ это время чуть-ли не меньше всякаго другаго заслуживалъ состраданіе. Человѣкъ иногда цѣпенѣтъ съ горя, и сердце будто засыпаетъ въ немъ, истощенное скорбію.

«На четвертый день Гертруда встала: какъ она перемѣнилась, и, несмотря на то, какъ мила! Ее провели въ общую комнату. Въ продолженіе трехъ дней страданія у ней часто бывалъ священникъ, и утѣшеніями своими неизъяснимо облегчилъ душу, издѣтства исполненную вѣры. Тривилянъ кормилъ ее изъ своихъ рукъ; она улыбалась ему отрадно, по-прежнему. Говорила съ нимъ, хотя слабымъ голосомъ и съ перерывами. Она уже не чувствовала боли: жизнь убывала въ ней постепенно и безъ мукъ.

— «Папенька», говорила она Вену, котораго черты сохраняли обыкновенное спокойствіе, что бы ни было у него на сердцѣ: «я знаю, что, когда меня не станетъ, ты будешь огорчаться такъ, какъ теперь никто бы не подумалъ: одной мнѣ извѣстно, каковъ ты былъ въ прежніе годы, когда еще не покидали тебя ни друзья, ни счастье; когда еще была жива бѣдная моя маменька. Но, Бога ради, не думай ты, папенька, что надежда и утѣшеніе умрутъ для тебя со мною. Пока небо не уйдетъ отъ земли, для всѣхъ будетъ надежда и утѣшеніе.....»

«Они жили не въ самомъ городѣ, а въ окрестностяхъ его, въ виду Некара. Вдругъ видятъ легкій парусъ: онъ весело проскользнулъ мимо ихъ окна, и потомъ рѣка по-прежнему опустѣла.

— «Этотъ парусъ исчезаетъ отъ нашихъ глазъ», сказала Гертруда, показывая на него окружавшимъ: «но онъ бѣжитъ все такъ же благополучно, хотя мы его теперь не видимъ: я чувствую, да, папенька, я чувствую, я знаю, что то же и съ нами. Мы ускользаемъ по рѣкѣ времени отъ взоровъ людей, и однако жъ не перестаемъ *быть!*»

Подъ вечеръ она изъявила желаніе остаться наедин-

нѣ съ Тривильяномъ, прежде чѣмъ отойдетъ ко сну. Онъ не могъ быть подлѣ нея, самъ не довѣряя своимъ силамъ, и сидѣлъ отвернувшись поодаль. Она зоветъ его по имени, онъ не отвѣчаетъ, даже не оборачивается. Гертруда, при всей слабости, поднимается съ софы, бредетъ потихоньку, и падаетъ къ нему въ объятія.

— «Видишь, какой!» говоритъ она: «ужъ онъ на меня и не глядитъ! Пойдемъ, посмотримъ еще разъ на рѣку; видишь, ночь темнѣетъ надъ нею. Наше пріятное путешествіе, этотъ образъ нашей любви, оно кончено: ужъ не распускать намъ больше паруса. Никогда голосъ твой не уладитъ томленія страдальцы разсказомъ или пѣсней: мы доплыли, челнокъ разбился въ дребезги, и ночь спускается на его обломки; по крайней мѣрѣ теперь, въ этотъ часъ, любя меня, будь по-прежнему моимъ милымъ. Дай мнѣ еще побыть твоей Гертрудою, дай мнѣ и нынче сомкнуть глаза въ сладкой увѣренности, что я еще любима.»

— «Любима! Гертруда..... не говори....»

— «Ну, вотъ, ты опять прежній Тривильянь!» и, обвивъ его слабыми руками, она ласково приняла къ его груди.

— «Теперь забудемъ, что мы смертные», сказала она торжественно: «вспомнимъ, что жизнь только часть предназначеннаго намъ пути, пока еще мы вмѣстѣ, въ этотъ тихій часъ, почувствуемъ въ себѣ присутствіе Предвѣчнаго, и увидимъ тогда не смерть, а краткую разлуку. Когда мы разстанемся, ты думай только о томъ, что мы скоро опять соединимся. Ахъ, да ты на меня не глядишь! Посмотри, я не плачу, не тоскую, я превозмогла скорбь разлуки: неужели ты уступишь мнѣ въ твердости? Помнишь, Альбертъ, ты разсказывалъ мнѣ, какъ величайшій изъ древнихъ мудрецовъ, въ темницѣ, передъ смертію утѣшалъ друзей доказательствами безсмертія души? Развѣ это не утѣшеніе? развѣ этого мало? или тебѣ кажется это дѣльнымъ въ устахъ мудрости, и тщетнымъ въ устахъ любви?»

— «Тсъ! тсъ!» дико перервалъ Тривильянь: «Ужъ ангелъ ли ты?.....»

«Довольно: послѣднія священныя слова ихъ на землѣ пусть останутся между ими».

«Когда Венъ съ докторомъ прокрались въ комнату, Тривильянь сдѣлалъ имъ знакъ быть тише: «Тсъ, она спитъ», — прошепталъ онъ. И въ самомъ дѣлѣ, утомленная собственными ощущеніями и успокоенная мыслию, что утѣшила его, съ кѣмъ и теперь не разлучалась сердцемъ, она уснула, и можетъ-быть лишилась чувствъ на груди его. Пока она была въ этомъ положеніи, — прелестна, слаба, нѣжна, — чрезвычайности, — на дворѣ смеркло, и первая звѣзда, какъ надежда будущаго, взошла надъ омраченною землею.

«Ничто не могло сравниться съ тишиною ночи, въ комнатѣ мертваго безмолвія въ комнатѣ больной: ни малѣйшаго звука, ни движенія. Тривильянь, наклонясь надъ нею, не отрывая глазъ съ лица ея, и воображалъ, что пьетъ дыханіе изъ полуотверзтыхъ устъ..... Увы, дыханія не было! счастливца безъ вздоха перешла ото сна къ смерти, убаюканная объятіяхъ неизмѣнной любви, утѣшенная въ послѣднюю минуту своей сознаніемъ невинности и завѣтами Неба!»

ЕВГЕНІЙ КОРИНЪ.

Blackwood's Magazine

ГРАФИНЯ ИЗЪ ПРОСТЫХЪ.

=

СЦЕНЫ ОБРАЗОВАННАГО СВѢТА.

=

— Что, какова барыня? спросила маленькая, худоватая старушка, согбенная лѣтами, въ затасканомъ платьѣ, стучась въ двери великолѣпнаго дома Лорда Энкеля.

— Какова барыня? повторила бѣдняга съ такою наивностью и такимъ сильнымъ удареніемъ, что голова ея раздался, какъ предшествовавшій ему стукъ о дверь, и что никакъ нельзя было подумать, чтобъ онъ вылетѣлъ изъ тощій фигурки, стоявшей у порога.

— Какова барыня?... вотъ тебѣ на! сказалъ высокій, худой человѣкъ: красныя надутыя щеки и толстыя багровыя губы, придавали насмѣшливости его выраженіе, занимавшее какую-то средину между сощенимъ презрѣніемъ и бышенствомъ, что его трясло изъ-за ничего всякая дрянь.

— Какова барыня!.... Экъ, до какого нахальства дошелъ нынѣ черный народъ!

— Отецъ мой, скажи ты мнѣ Христа ради!.... И при этихъ словахъ, правильныя острыя, осунувшіяся черныя старухи и ея сѣрые большіе глаза выражали душевное моленіе.

— Отецъ.... Чортъ тебѣ отецъ!.... пробормоталъ стговорчивый швейцаръ, чуть не прихлопнувъ дверь бѣдную старуху.

Стукъ молотка повторился сильнѣе прежняго. швейцаръ пошелъ отворять съ очевидною рѣшительностью спровадить незваныхъ гостей.

— Отдайте это своей барынѣ, сказала старуха, называя ему запечатанное письмо. Только отдайте, ужъ вѣрно она, Богъ-вѣсть, какъ рада будетъ со мнѣ увидѣться.

— Барыня никогда не велитъ намъ принимать просительныхъ писемъ.

— Да это не просительное, мой батюшка: вотъ въ полкроны за трудъ.

— Видишь, до какого нахальства дошли нынѣшніе! Право, ты, старуха, вѣжливей, чѣмъ я малъ по виду, а все-таки писемъ отъ нищихъ принимать не могу: не то, и меня съ двора долой.

— Посторонитесь! отворяй дверь! проворнѣй! Сіятельство съ Герцогомъ Ф*** сходятъ внизъ! сказалъ малой въ ливреѣ, котораго видъ показывалъ молодость или то, что онъ еще не такъ давно при должности и въ силѣ, какъ несговорчивый швейцаръ Локтева.

Въ самомъ дѣлѣ, молоденькій Герцогъ Ф***, только что пріѣхавшій въ свои обширныя помѣстья, въ минуваніи давно ожиданнаго совершеннолѣтія, получилъ довольно продолжительное свиданіе съ Лордомъ Эпктелемъ, и Его Сіятельство провожалъ Его Свѣтлость изъ гостиной по лѣстницѣ въ самыя сѣни, — а слѣ-

не замѣтили, что они идутъ. Отъ этого произошло некоторое замѣшательство и суматоха, однако жъ двое были растворены настежь, и шестеро или семеро людей, въ блестящихъ ливреяхъ, поспѣшно выстроились въ два ряда, низко поклонились Перамъ, когда въ проходили мимо, и даже недохнули, пока Его Сіяельство трясъ Герцога за руку, — искренно, ото все сердца, въ точной соразмѣрности съ его званіемъ необычайнымъ богатствомъ. Во время этой суматохи черная старушенка какъ-то проскользнула въ двое мимо слугъ, и никто ея не примѣтилъ. Съ быстрою вѣдъмы, приличною ея наружности, юркнула она на крыльце въ переднія сѣни, на большую лѣстницу, дошла уже до внутреннихъ сѣней и до черной лѣстницы, безъ всякой помѣхи. Здѣсь ей попалась служанка, которая несла маленькій серебряный подносъ съ иккерными рюмками, и старуха тотчасъ пристала къ ней, чтобы та отнесла письмо къ своей барынѣ, предлагая за трудъ опять ту же одинокую полукрону. Служанка хладнокровно опустила монету за пазуху, и, прочитавъ съ презрѣніемъ надпись, бросила письмо на подносъ, и сказала мимоходомъ, что отдастъ его барынѣ какъ-нибудь нынче же; только навѣрно не знаетъ, распечатаютъ ли его или нѣтъ, потому что съ письмами «этого разбора» всегда такъ бываетъ.

Тутъ, когда, въ изнеможеніи отъ горести, старуха пала на скамью, нашли ее слуги. Они схватились ея, и лишь только Герцогъ сѣлъ въ карету; долго искали и тамъ и сямъ, и наконецъ увидѣли, что она, — по ихъ мнѣнію, — преспокойно разсѣлась на скамьѣ.

— Ахъ, ты, старая хрычевка! какъ ты смѣла сюда идти? кричалъ взбѣшенный швейцаръ, подбѣгая и хватая ее за плеча, чтобъ вытолкать на улицу. Онъ жъ стащилъ ее съ большой лѣстницы: тутъ старуха,

вырвавъ у него свою сухую полумертвую руку, уцѣпилась длинными и тонкими пальцами за витокъ пьедестала, поддерживавшаго большую золоченую лампу.

— Никто на свѣтъ не оторветъ меня отъ этого мѣста! Хочу видѣть Леди Энктель или умереть тутъ же! кричала старуха такимъ голосомъ, что навела ужасъ на всѣхъ слугъ. Въ немъ было что-то страшно выразительное, и противоположность его силы и рѣшимости съ фигурою, изъ которой онъ выходилъ, дѣлала его почти сверхъестественнымъ.

Швейцаръ захватилъ ея морщиноватые, скрюченные пальцы, и клялся, что вывернетъ или переломитъ ихъ по составамъ, если она не разожметъ руки. Какъ онъ ни бился, все было напрасно. Онъ посиѣлъ отъ бѣшенства, а несчастная все крѣпко держалась, кусая нижнюю губу, которая побѣлѣла у ней, какъ пергаментъ, и дико выпучивъ на него глаза, расширившіеся, какъ въ припадкѣ сумасшествія.

— Да полно, Буртонъ, не ломай рукъ бѣдной старушенкѣ!... погоди, она и сама отстанетъ, сказалъ тотъ малой, о которомъ мы прежде упоминали, и схвативъ тяжелую руку своего товарища, удерживалъ его отъ насилія.

— Пусти или я раздавлю тебѣ всѣ ногти, сказалъ швейцаръ. У старухи вырвался слабый визгъ, лице ея скорчилось; но, по-видимому, она съ прежнею твердостію держалась за столбикъ.

— Буртонъ, она уронитъ пьедесталь и разобьетъ лампу; баринъ услышитъ шумъ, а ты знаешь, какъ онъ сердится, чуть что-нибудь не такъ. Оставь ее, я пойду за полицейскимъ.

Эти доводы были дѣйствительныя, чѣмъ обращеніе челоуѣколюбію швейцара: онъ отсталъ отъ своей ртвы; малой пошелъ за полицейскимъ, а лакеи, совѣвшись въ кучку, толковали, какъ лучше, просто толкать старуху или стащить ее къ суду.

Черезъ нѣсколько минутъ мальчикъ воротился съ полицейскимъ. Всѣ вдругъ устремили глаза на мѣсто давной борьбы, и всѣ вскрикнули въ одинъ голосъ: Кой чортъ! ужъ и слѣдъ простылъ!

— Да куда жъ ей дѣваться? да какъ же уйти? — сказать не можетъ! — и еще десятка два подобныхъ воспоминаній показывали довольно ясно, что слуги не только начинали подозрѣвать, не вѣдьма ли это, и не свалилась ли она сквозь землю.

— Какъ уйти! сказалъ полицейскій: разумѣется, мѣстницъ; и смотрите, если она чего-нибудь не пропала и не дала тягу во дворъ.

Всѣ съ этимъ согласились; называли другъ друга раками за то, что прежде не попали на такую очевидную догадку, и потомъ всѣ накинудись на бѣднаго мальчика, зачѣмъ онъ помѣшалъ вытолкать старуху перваго раза. Малый со страху не говорилъ ни слова, и даже вздумать не могъ, что онъ причиною кражи въ домъ Его Сіятельства. Наконецъ полицейскій взялся за дѣло, и, поставивъ по челоуѣку стережущаго выхода, передній и задній, самъ пошелъ съ третьими обыскивать службы и низы.

Однако жъ крайняя премудрость всѣхъ этихъ господа ошиблась въ расчетъ. Дѣло въ томъ, что, пока швейцаръ, стоя въ наружныхъ дверяхъ, ждалъ возвращенія мальчика съ полицейскимъ, а лакеи, окруживъ его, занимались рѣшеніемъ важнаго вопроса, какъ

выгнать старуху, — просто или съ задержаніемъ въ караульнѣ и представленіемъ судѣ на расправу, эта женщина чуть не летомъ взбѣжала на большую лѣстницу, и, вошедъ въ великолѣпную переднюю, остановилась перевести духъ, сама себя не помня отъ ужасовъ, которыхъ натерпѣлась въ этомъ домѣ.

Насилу собралась она съ мыслями, и стала замѣчать окружавшее ее великолѣпіе : этотъ блескъ, казалось ей, превосходить все, что ни читала она въ волшебныхъ сказкахъ о пышности и сокровищахъ Востока. Робко идетъ старуха мимо всѣхъ этихъ чудесъ : съ тяжкимъ горемъ на сердцѣ, она и въ богатствѣ видитъ только власть его, безпощадную къ тѣснѣйшимъ узамъ родства. Вотъ подошла къ полуотворенной двери: тая дыханіе, пріостанавливаясь на каждомъ шагу, входитъ она въ спальню, такую великолѣпную, что первая комната передъ ней ничего не стоитъ. Расписанный потолокъ, зеркала отъ потолка до полу, шкафики, столы, золоченые съ эмалью, уставленные Китайскими вазами, усѣянные букетами, галантерейными вещами, самыми блестящими драгоценностями, все это изумило бы всякаго, чье сердце доступно впечатлѣніямъ такого рода. Тутъ стояла огромная кровать съ золотымъ балдахинѣмъ и пурпуровыми занавѣсами, на подбоѣ изъ розоваго атласа, а на ней лежала человѣческая фигура, до того утонувшая въ пуховыхъ подушкахъ и окутанная кружевами, что нельзя было рассмотреть, дитя ли это или кто взрослый. У кровати стояли два стола, — одинъ съ новѣйшими книгами въ славныхъ переплетахъ, другой со множествомъ разныхъ туалетныхъ принадлежностей, баночекъ съ румянами, стклянокъ съ духами, зеркалъ въ золотой оправѣ, такъ что другому и не перечесть. По сабайону, который стоялъ тутъ же, въ золотой чашкѣ, на золотомъ блюдечкѣ, непочатый, можно было дога-

ваться, что больной не потревожили даже для этого спасительнаго питья. Нѣкогда порядочный, но теперь затасканный и оборванный трауръ старухи, — носила его съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ овдовѣла, оставлялъ чудную противоположность съ окружающимъ ее блескомъ, когда стоя у кровати съ трепещущимъ сердцемъ, она посматривала робко и безпокойно, будто боясь быть замѣченною предметомъ своего вниманія; но иногда бѣдняжка глядѣла на спящую фигуру съ выраженіемъ такой привязанности, что это нельзя было видѣть равнодушно. Наконецъ фигура пошевелилась, просыпается, и прекрасное женское лицо отдѣлилось отъ подушки, какъ жемчужина отъ хлопчатой бумаги.

— Господи! Маша, дитя мое! вскрикнула старуха, вскакая къ кровати; она хотѣла бы вспрыгнуть на нее, чтобъ крѣпче сжать дочь въ своихъ объятіяхъ; но кровать была слишкомъ высока; и дама, протянувъ одну изъ нѣжнѣйшихъ, прекраснѣйшихъ рукъ, какія только видацы, и потряхивая кружевной манжеткою, сдѣлала матери знакъ не подходить слишкомъ близко.

— Матушка! сказала она: Бога ради, не такъ близка будьте, какой вы мнѣ можете сдѣлать вредъ! У меня михорадка, а платье у васъ право сыро. Что вы, по кадю шли, что ли?

Старуха спрятала лицо въ одеяло, и плакала навзрыдь. Наконецъ, оправившись, она сказала съ нѣжностью и торопливостью:

— Маша! я узнала, что ты больна: скажи своей бѣдѣ старухѣ, нѣтъ ли какой опасности?

— Не то, чтобъ опасность, а если Лордъ Энкетль

узнаеть, что вы здѣсь были, то между нами можетъ выйти непріятность.

— Да нѣтъ, Машенька! Ты-то не въ опасности ли?

— Какая же опасность, матушка, помилуйте! вѣдь я законно обвинчана и пользуюсь всѣми правами; но если человѣкъ такого званія и состоянія, какъ Лордъ Энктель, женится на бѣдной аптекарской дочери, какова я, то конечно съ моей стороны будетъ дурно, досаждать ему моимъ родствомъ въ собственномъ его домѣ и въ глазахъ его людей. Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что вы не сказались моей матерью!

Крупная, или лучше, непрерывная слеза катилась по блѣдной, высохшей щекѣ матери. Голосомъ, выражавшимъ почти холодную безчувственность, она сказала: — Маша я прочла въ газетахъ, что ты опасно больна. Ты не писала ко мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ, хотя прежде ты меня такъ любила!.... Я не думала надождать тебѣ; но когда узнала, что жизнь твоя въ опасности, я.... вѣдь я выкормила тебя, какъ ни хворала ты маленькая.... я.... Господи! Господи!... могла ли я вытерпѣть, чтобъ дитя мое положили въ могилу, а я не отдала бъ ему и послѣдняго цѣлованія. Я прибрела въ Лондонъ изъ М — а, авось услышу доброе слово отъ своей родимой, нахожу въ живыхъ, только чувства нѣтъ.... Ты дитя гордости, ты не мое дитя.

— Я жена Лорда Энктеля, хотите вы сказать, матушка! Знаете, вѣдь я въ самомъ дѣлѣ была нездорова: простудилась на балѣ въ Альмакѣ, и какъ Графу нужна была какая-нибудь отговорка, чтобъ не засѣдать въ Парламентѣ, покамѣстъ тамъ разсматривается одинъ непріятный его друзьямъ законъ, то онъ ве-

лѣтъ припечатать въ газетахъ, что я опасно больна. Ха ха ха! Матушка, дайте-ка мнѣ этотъ платокъ да о-де-колоню. Право, у меня отъ вашихъ слезъ развились букли, и рука насквозь промокла. Посмотрите, Бога ради, какъ кружево-то.....

— Такъ ты, Маша, не больна! сказала старуха: точно не больна?..... И она прижимала хорошенькую ручку къ шершавымъ губамъ своимъ, и, наклонясь надъ нею, смотрѣла ей въ лице, ни мало не помышляя о томъ, чѣмъ только и занималась дочка, — буклями и кружевами.

— Что это, матушка? Какъ вы оборваны, какъ неопрятны! Избави Богъ, чтобъ мужнины люди васъ увидѣли. Да когда вы бросите эти лохмотья..... папенька давно умеръ. Ну, я рада, что вы еще живы, здоровы: скажите, вамъ хорошо?.....

— О, очень хорошо! отвѣчала старуха, ломая руки и плача горькими слезами.

— Ахъ! никакъ кто-то идетъ?.... Вы не слышите?.... Пойдите..... вы такъ шумите..... Нѣтъ, никого! Ну, матушка, слышала я, что вы хотѣли ставить какой-то камень, памятникъ у насъ на церковномъ дворѣ. Перепугалась до смерти, но потомъ вздумала, что вѣдь вамъ не-изъ-чего дѣлать такія издержки, и это меня успокоило, и.....

— Маша, Маша! этотъ памятникъ уже поставленъ надъ могилою твоего бѣднаго отца, и написано.....

— Ахъ, Господи! ужъ не то ли, что онъ былъ деревенскимъ аптекаремъ?

— Да!..... что онъ пятьдесятъ лѣтъ трудился въ своей маленькой лабораторіи, держалъ лавочку у насъ въ

деревушкѣ, бытъ любимъ бѣдными и уважаемъ гатыми.

— Что это за несчастіе! Мужъ мой, разумеется, не хочетъ избѣгать всякихъ намѣковъ на мое родство новомъ изданіи Бурковой «Генеалогіи Перовъ» по старанію просто сказано, что Лордъ Энтель же на Марін, дочери Г-на ***, — три звѣздочки. Три дочки, матушка: теперь онѣ въ большой модѣ, и очень хорошо читается.

— Ахъ, Машенька, тебѣ вотъ что вскружило голову, а у меня, старухи, сердце раздирается! Послѣняя болѣзнь моя стоила мнѣ всего моего имѣнія: я продала даже серебряные часы покойника отца твоего, и теперь мнѣ.....

— Что жъ, матушка, сами виноваты: вы всегда были до меня хороши; стоило вамъ написать одно слово, подайте мнѣ вонъ тотъ бумажникъ со стола..... и не красный съ золотымъ замочкомъ, а пурпуровый рубиновымъ.

Старуха машинально подала бумажникъ, а кривца поднялась съ своихъ пуховыхъ подушекъ и стала разсчитывать.

— Нѣтъ, эти 126 фунтовъ моему башмачнику, портюму : четыре года ему ни за что не плачено, сколько-нибудь заплатить; а это.....постойте! — забыла я отложила эти билеты? Да, да, да, — 93 фунтовъ за перья; эти 55 фунтовъ за духи; 37 фунтовъ за точки и другія бездѣлушки; а эта несносная модница, Мадамъ де Тресоръ..... 619 фунтовъ въ одинъ годъ и за мной еще..... Да это ужъ Графъ какъ хочетъ съ нами что мнѣ тутъ ввязываться? Ну вотъ, матушка,

еще нѣтъ надобности платить Пену за щеточки и всякую мелочь, такъ возьмите-ка эти 37 фунтовъ.

Тутъ молодая, прекрасная Графиня протянула къ старухѣ руку, чуть придерживая билеты двумя пальцами, а та остолебѣла отъ удивленія.

— Ха ха ха! Ужъ насмѣшили вы меня, матушка: впрочемъ и не мудрено, что вы дивитесь такимъ деньгамъ; помните, какъ бывало считали каждый шиллингъ, и продавали бутылки изъ батюшкиной лавочки, чтобъ купить мнѣ на зиму капоть..... Однако жъ возьмите деньги-то.

Старуха потрясла головой и оттолкнула отъ себя билеты.

— Маменька, если бъ это не было мое, я бы вамъ и не предлагала. Разумѣется, когда богатый, знатный человѣкъ женится на бѣдной дѣвочкѣ, это не значить, что онъ женился на всемъ ея семействѣ; да и женѣ-то не кстати раздавать мужнино имѣнїе бѣднымъ родственникамъ; но Графъ далъ мнѣ эти деньги собственно для меня, и не имѣетъ права знать, куда я ихъ дѣвала: въ самомъ дѣлѣ, если я одѣта, какъ прилично его женѣ, и не вхожу въ долги больше, чѣмъ онъ дозволяетъ, какое имѣетъ онъ право жаловаться? Притомъ, когда богатый старикъ женится на молодой хорошенькой женщинѣ, я не думаю, чтобъ выигрышъ былъ тутъ весь на одной сторонѣ: да вы же мнѣ и мать.

Мать горько зарыдала.

— Это не то, что помогать двоюроднымъ, племянникамъ, племянницамъ и цѣлой ставъ жадныхъ, недоброжелательныхъ, бездушныхъ сродниковъ, такъ

вы..... Господи ! да если здѣсь не домовой , такъ то
но кто-то идетъ..... вотъ вздохнули. Позвоните, пожалуйста.... Нѣтъ, Бога ради, нѣтъ! — люди васъ увидятъ
осмотрите только всю комнату. Вы знаете, какъ
была слаба нервами маленькая. Что жъ, вы ни
мѣста? Ахъ, такъ возьмите деньги и Богъ съ вами
я позвоню : меня что-то страхъ беретъ. Вотъ, мату
ка, возьмите деньги ; у васъ платье очень легко д
такой ненастной погоды : вамъ они нужны, пра
нужны.

Во все это время бѣдная старуха стояла прямо
неподвижно , какъ вдругъ окаменѣвшая дряхлос
Ея большіе сѣрые глаза были вытаращены и хо
устремлены на дочь, но съ выраженіемъ совершенн
го безмыслія или по крайней мѣрѣ несознанія тѣ
словъ, которыми ее забросали. Когда дочь стала опя
навязывать ей деньги, она взяла билеты и сжала и
въ горсти; но ни въ положеніи ея, ни въ лицѣ не ви
но было ни какой перемѣны. Леди Энктель переп
галась : ей пришло въ голову , что на мать ея, ка
говорила она, «нашла смерть.» «Ради Бога, возьми
деньги и уйдите!» закричала Леди настоятельно.
старухи повело губы; она опомнилась, и, взгляну
на скомканные билеты, которые судорожно сжима
въ горсти, затрясла головою и бросила ихъ на пол
потомъ, всплеснувъ руками и не сказавъ ни сло
вышла изъ комнаты, будто трупъ на пружинахъ. Л
ди Энктель провожала ее глазами, пока она выш
изъ дверей; а тамъ взяла съ туалета овальное зе
кальце, и стала поправлять булки, чтобъ ея горни
ная не увидала ихъ въ беспорядкѣ.

Когда бѣдная мать сходила съ большой лѣстниц
ей встрѣтилась горничная Леди Энктель и за ней ч
ловѣкъ съ подносомъ закусокъ и съ вицами. «Гра

приказалъ вамъ кланяться, сударыня,» сказала горничная, подходя къ ней самымъ почтительнымъ образомъ : « и доложить, что онъ покорнѣйше просить васъ закусить чего-нибудь и отдохнуть здѣсь сколько вамъ угодно, а когда разсудите ѣхать домой, велѣть подать себѣ его карету.» Старуха изумилась этими знаками уваженія и радушія; они тронули ея сердце. Не въ силахъ будучи говорить, она покачала головой въ знакъ несогласія. Чувство и сознаніе къ ней возвратились; ея усиліе таить сердечныя ощущенія было напрасно : закрывъ лице руками, и вся въ слезахъ, спѣшила она изъ дому сквозь цѣлый рядъ слугъ, которые кланялись съ величайшимъ почтеніемъ, когда она проходила мимо. Униженность ихъ была такъ противоположна прежней наглости, что этотъ перевероть уступалъ единственно тому, который произошелъ въ пріемахъ дочки, съ тѣхъ поръ какъ она сдѣлалась Графиней изъ Машин аптекарской, простой деревенской красотки, за которую, во время оно, столько сидѣлечьихъ головъ и носовъ обливалось кровью.

Дѣло въ томъ, что шаги и вздохъ, которые Леди Энтель слышала, или думала, что слышитъ, въ своей спальнѣ, принадлежали совсѣмъ не сверхъестественному, да не лзя сказать, чтобъ и неестественному существу. Его Сіятельство, идучи по передней, услышалъ рыданіе своей тещи : вошелъ въ спальню, спрятался за занавѣсъ, и былъ свидѣтелемъ всей сцены между дочерю и матерью. Онъ разчувствовался до такой степени, что предложилъ бѣдной старухѣ закусить и ѣхать домой; больше разчувствоваться не волилъ.

Ровно два фунта, тринадцать шиллинговъ, четыре пенса съ половиною было у бѣдной вдовы въ карманахъ, когда она брела съ крыльца дочернина дому въ

Вайтгалъ. Она торопится въ Вайтчанель, и въ ту же ночь ѣдетъ въ дилижансъ въ ——. Ночь была сырая и холодная, двумя сутками предшествующая той, когда всѣ сердца радуются, всѣ желудки набиваются, и почти всѣ головы идутъ въ кругъ. Ночью двадцать третьяго Декабря дряхлая старуха съѣла не въ самый дилижансъ, а за извозчикомъ. Мятель была пресильная, вѣтеръ холодный, и, продрогнувъ до костей, старуха вѣрно почувствовала, что дочь справедливо называла ее платье старымъ, истасканнымъ, легкимъ. На ней не осталось сухой нитки: скорчившись въ три погибели, маленькая горбатая старушёнка торчала будто обмерзлый снопъ соломы или пучекъ бѣлой щетины. Извозникъ, вѣрно не въ чаяніи прибавки, а изъ одной жалости, досталъ ей на станціи кучерской кафтанъ. Подъѣхавъ къ деревнѣ, бѣдную вдову отнесли въ ея избушку. Тутъ только можно было прибѣгнуть къ помощи нагрѣвательника. Не прошло двѣнадцати часовъ, какъ старуха рыдала, въ великолѣпной спальнѣ, надъ тюфякомъ Леди Энктель, и вотъ она издыхаетъ, на каменномъ полу своей комнаты, подъ краснымъ косматымъ одѣяломъ. Прошло четыре часа, и она ужъ трупъ! А Леди Энктель избавилась отъ всякой заботы на счетъ своего родства, и жила съ своимъ супругомъ.

Е. К.

New Monthly Magazine.

ЗАМОКЪ ЭЛЬМИРЪ.

=

ОЧЕРКИ ИРЛАНДСКИХЪ ПРАВОВЪ.

=

I.

Замокъ Эльмиръ, 10 Июня 18...

«Видишь, милая Катенька, дикіе Ирландцы по суюру не утащили меня въ горы, и я право не раскаяваюсь, что рѣшилась вѣхать въ эту землю варварства и предразсудковъ: она, — замѣть это тѣтенькѣ Сарѣ, — она все-таки моя родная сторона. Не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока тебя сюда не выманю, чтобъ ты увидѣла собственными глазами, какъ преувеличиваютъ недостатки нашего бѣднаго народа. Съ нимъ обходятся по-Абиссински; вымучиваютъ жизнь исподоволь, и дивятся, отчего ропотъ несчастныхъ не похожъ на музыку!

«Слава Богу! въ нашемъ мирномъ убѣжищѣ ничего этого нѣтъ. Нельзя желать приверженности искренней той, которую питаютъ здѣсь къ папенькѣ. Если бы ты видѣла, какъ насъ недавно приняли! Надо тебѣ сказать, что папенька взялъ на себя обязанность Мирнаго Судьи въ нашемъ округѣ; и вотъ, какъ цѣлая жизнь прошла безъ всякаго нарушенія порядка, онъ издумалъ изъяснить свое удовольствіе народнымъ праздникомъ, — играми и обѣдомъ на обширномъ лугу. Спозаранку нарядныя толпы, каждая съ особенными знаками и девизами, сходились подъ музыку. Когда все было готово, мы, то-есть и твоя покорная служанка, отправились блестящимъ поѣздомъ, и только показались изъ-за кустовъ на поле, насъ встрѣтило такое громкое, единодушное привѣтствіе, что я невольно преклонила голову передъ этимъ истинно величественнымъ собраніемъ, и слезы покатались у

меня градомъ. Однако жъ, прошу не улыбаться: единогласномъ восхищеніи множества людей е что-то чрезвычайно потрясающее. Притомъ это бы дань благодарности, которую отъ чистаго сердца п тили папенькѣ его подвластные, готовые, я увѣре положить за него душу: мудрено ли было растр гаться?

«Не могу растолковать тебѣ, въ чемъ именно состоя игры, а началось тѣмъ, что одинъ изъ предводи лей, ставъ на колѣни, подалъ мнѣ мячъ; и ли только я взяла его въ руки, радостные клики раз, лись сильнѣе прежняго. Съ этимъ Гесперидски яблокомъ мнѣ надо было выѣхать на середину поля, передать его полковнику Степпельтону. Не буду ворить тебѣ о новыхъ привѣтствіяхъ моему велич ственному виду, прекрасному лицу, доброму сердцу а вѣрно, если бъ Марію Антуанетту окружало столь истинной приверженности, она бы не стѣила на тѣхъ слезъ, которыя мы съ тобой проливали, слуша рассказы бѣдной нашей гувернантки.

«Я отъѣхала прочь, не столько гордясь, сколько утѣшаясь этими доказательствами Ирландскаго пр стодушія, и когда остановилась на возвышеніи, котораго могла безопасно смотрѣть на игру, мяч бросили вверхъ. Тутъ поднялась такая возня, так сумятица, что описать нельзя: болѣе четырехъ сот отважныхъ борцевъ кидались за однимъ и тѣмъ призомъ. Жаль только, что дѣло не обошлось без раненныхъ. Однако жъ, къ чести Ирландцевъ дожно сказать, что это ни сколько не помѣшало все общему веселью. Побѣдители не возносились, побѣжденные не завидовали: все пировало и плясало как нельзя единодушиѣе. Ахъ, Катенька, если бъ т это видѣла, я увѣрена, что ты всегда стала бы за них вступаться. Ихъ бѣдныхъ такъ ославили! Другое дѣло люди высшаго званія, которые бываютъ иногда

папеньки. Тутъ не обещаю тебѣ многого, хотя съ перваго взгляда не могу говорить утвердительно. Пріѣзжай разрѣшить мое сомнѣніе. Увѣрь тѣтенку, что мы тебя сбережемъ, а если бѣ она превозмогла свой страхъ, и сама къ намъ пожаловала, такъ ужъ мы бы ей доказали свое Ирландское радушіе. Прощай, Катенька; ночь блѣднѣетъ; вотъ, кажется, и утренній вѣтерокъ: онъ разгоняетъ по мѣстамъ неупокосенныя души, и непременно хочетъ, чтобъ наконецъ перестала надобдѣть тебѣ твоя, *Марія Эльмиръ*.

Миссъ Эльмиръ запечатала письмо, и потомъ, у отвореннаго окна, предалась утѣшительнымъ чувствамъ, которыя нерѣдко возбуждаетъ въ страстныхъ любителей Природы прекрасный видъ. Замокъ Эльмиръ стоитъ на утесѣ, торчащемъ среди глубокой и дикой долины, которую, съ одной стороны, окружала естественная каменная стѣна, съ зеленѣющимъ узоромъ кустовъ и деревъ, выросшихъ по ея причудливымъ разсѣлинамъ, — съ другой, крутой холмъ, съ довольно отлогимъ скатомъ, одѣтый самой свѣжей муравою; а внизу, между наклоненными вѣтвями, съ шумомъ бѣжалъ ручей, достойный даже имени рѣки. Когда Марія взглянула въ окно, мѣсяцъ былъ уже низко, и съ одной прекрасной звѣздочкой стоялъ у входа въ долину, обливая ее свѣтомъ; серебристый потокъ сверкалъ мѣстами тѣмъ великолѣпнѣе, что кое-гдѣ лежали на немъ черныя тѣни; а выше, ночное небо, покоясь на уступахъ горъ, разстилало темную, чистую лазурь съ горящими звѣздами. Марія была доступна высокимъ впечатлѣніямъ ночной Природы, и нѣсколько времени оставалась въ томъ чудномъ положеніи души, къ которому можно примѣнить прекрасное выраженіе Пѣсни Пѣсней — «Азъ сплю, а сердце мое бдитъ». Такія минуты скоро проходятъ на землѣ. Когда восторгъ ея минулъ, Марія взглянула на безмолвныя свѣтила неба, и въ то же время послышался ей снова шумъ воды. Однако жъ,

она не совсѣмъ еще вышла изъ сладкой задумчивости, и не могла звуками собственнаго голоса оживить гармонію Природы; но невольно подумала, какъ пріятно поймать вѣтерокъ, скользящій по лицу ея, и изъ него извлечь трогательную мелодію. Печальные, таинственные звуки Эоловой арфы полились ей въ душу, — и вдругъ, какой отвратительный перерывъ!

Противъ самаго окна, у котораго стояла Миссъ Эльмиръ, и очень неподалеку, было огромное, густое лавровое дерево. Она такъ мало обращала вниманія на отдѣльные предметы, что вовсе не замѣчала, какъ иногда вѣтви его колыхались сильнѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ вѣтерка тихой ночи. Теперь ея вниманіе невольно пробудилось. Ей послышался человѣческій голосъ, хотя нельзя было разобрать произносимыхъ имъ звуковъ. Сначала, какъ — бы тяжкій вздохъ вырвался изъ трепетной густоты лавроваго дерева; потомъ, будто читали молитву.... и не дочитали. Марія едва могла удержаться, чтобъ не вскрикнуть. Вдругъ слышитъ она голосъ.... такъ!... одного изъ знакомыхъ своего папеньки, какъ-будто окликающій того, кто сидѣлъ на деревѣ. Отвѣта не было, и послѣ вторичнаго оклика, за которымъ слѣдовало минутное молчаніе, громко раздался ружейный выстрѣлъ. Въ первую минуту, казалось, онъ не произвелъ ни какого дѣйствія: на деревѣ взвизгнули отъ страха; оттолосокъ быстро пророкоталъ въ горахъ; потомъ повторялся нѣсколько разъ все медленнѣе, и едва замеръ, какъ человѣческая фигура спустилась съ дерева, и кто-то еще мелькнулъ въ освѣщенной части поляны, быстро удаляясь въ тѣнь. Поднялась трѣвога, изъ дому забѣгали во всѣ стороны, — искали, искали, и все напрасно. Кто? какъ? зачѣмъ? — ничего не узнали! Думали, какъ водится, что незваный гость пожаловалъ съ дурнымъ намѣреніемъ, и что слѣдуетъ взять мѣры на будущее время. Во всемъ этомъ несомнѣнно было одно, что

нельзя полагаться на наружное спокойствіе и преданность Ирландцевъ. Какую приписку надо было сдѣлать Маріи къ похвальному письму своему !

II.

Миссъ Эльмиръ забыла и думать, что есть на свѣтъ человѣкъ, который получилъ на играхъ призъ изъ ея прелестныхъ ручекъ, а пылкій юноша унесъ въ душѣ воспоминаніе о прекрасной царицѣ торжественнаго дѣла, и развѣ смерть вырветъ изъ него ея образъ. Онъ былъ единственный сынъ одной вдовы, кормилицы Маріиной. Какова была ея радость, каково удивленіе, когда она слышала, что на играхъ онъ отличился передъ всѣми; когда она увидѣла его, окруженнаго такой толпою, что не могла до него пробраться, и воротилась въ свою уединенную избушку думать и передумывать, какъ поведетъ она завтра своего мальчуга, — а малой выросъ чуть не въ сажень, — на показъ «къ Его Почести и къ барышнѣ, своей выкормочкѣ.»

Джемсъ Моррисонъ не раздѣлялъ восхищенія своей матери, и не радовался съ нею завтрашнему дню. Онъ опять увидитъ предметъ своего обожанія, но увидитъ и то, что предметъ ни сколько не помышляетъ о страсти, его терзающей. Онъ передъ нею какъ ничтожнѣйшая изъ тварей, до которой она такъ же добра, какъ и до него; онъ чувствуетъ, что привычки и условія, не уступающія самой Природѣ, лишаютъ его, наравнѣ съ животными, ея дружбы, ея любви. Онъ и прежде не щадилъ отличій, которыя раздѣляютъ бѣднаго отъ богача, полагая между ними преграды; но теперь онъ горько испытывалъ на самомъ себѣ, каково принадлежать къ кастѣ, которую бѣдность заклеймила безнадежнымъ уничиженіемъ. Съ прискорбіемъ и нетерпѣніемъ слушалъ онъ недальновидные совѣты, неумѣстные увѣщанія, странныя предложенія своей матери, и наконецъ, въ изнеможеніи души,

вздыхалъ тяжело, уходилъ въ самый темный уголъ дома, и въ отчаяніи бросающъ на постель, дико стучалъ на стѣну.

У простаго народа вездѣ есть суевѣрія, а въ Ирландіи и подавно: мать Моррисона очень удовлетворительно объясняла себѣ положеніе его тѣмъ, что испорченъ. Она сочла нужнымъ привести свѣдущую по этой части старуху, и та немедленно начала действовать противъ невидимой силы.

Всѣ разспросы Іудии были напрасны, — толпа надоѣли до смерти молчаливому юношѣ, — и тогда старуха заключала, что здѣсь ей представился необыкновенный случай. Наружныхъ признаковъ болѣзни какихъ не было. Прекрасный цвѣтъ, сильный ровный пульсъ, доказывали противное; только странное выраженіе взглядовъ, которые страдалецъ осаживалъ то на плачущей матери, то на пустомъ пространствѣ, заставляли подозрѣвать «невидимую силу.» Старуха перестала разспрашивать, а рѣшила примѣчать; и покуда мать со всѣмъ краснорѣчіемъ скорби сказывала и пересказывала свое горе, та успѣла подсмотреть, что во всей этой повѣсти одно только имя извлекало признаки чувства у бѣднаго Моррисона, а всѣ другія проходили мимо ушей его незамеченныя. Опытная Іудия смекнула дѣло. — Ни оживая душа, шепнула она матери, на волосъ не можетъ малому, кромѣ Вауріи Мекъ-Гратъ.

Ваурія Мекъ-Гратъ была такая знаменитая мѣдуна, что и не думай звать ее къ больному, если ма смерть не стоитъ у его изголовья. А кому нужна ея помощь, тотъ изволь итти къ ней на гору, гдѣ была она въ уединенной избушкѣ, укрытая отъ вѣтровъ защищаемая благоговѣніемъ къ ней всего округа. Только въ чрезвычайныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ ея искусству, да и тутъ никто не смѣетъ явиться къ ней прямо, а все предварительно улаживалось чер

посредство интерпунція или интерпунціи, служившихъ проводниками сношеній между поселанами и царицею колдуней.

Когда Джемсъ Моррисонъ, тронутый слезными просьбами матери, согласился еще разъ вытерпеть скучныя старушкинъ зати, Іудинъ отправилась посланницею къ владычицѣ чаръ и заговоровъ, чтобъ выходить милостивый пріемъ упрямому юношѣ, и горестной, но легковѣрной его матери.

— Сядьте здѣсь, сказала она, когда они взошли на нижній уступъ горы: спиной къ этой бузинѣ, а лицомъ—то къ солнышку, — оно, видишь, садится, — и держите крѣпко этотъ ростокъ желѣзной травки: травка счастливая, завѣтная. А я скоро прійду, скажу, что вамъ дѣлать.

Она ушла; и мать и сынъ повиновались ея наставленіямъ: одна, считая долгомъ соблюсти обрядъ во всей точности, другой, коснѣя подъ вліяніемъ всепоглощающей страсти. Іудинъ скоро воротилась, и повела ихъ совсѣмъ не въ ту сторону, куда они смотрѣли. Они пошли тропинкою, которая вилась въ утесахъ между кустами, и вела къ убѣжищу, окруженному со всѣхъ сторонъ возвышеніями, обросшими лѣсомъ. Вотъ наконецъ и жилище колдуньи, — подъ навѣсомъ дикихъ скалъ, въ темномъ углубленіи, которое казалось еще мрачнѣе оттого, что верхи утесовъ и покрывавшая ихъ зелень горѣли огнемъ заходящаго солнца. Тамъ ясная чистота неба, здѣсь потаенность и сумракъ, рѣзкою противоположностью будто предостерегали того, кто искалъ помощи въ нечистой силѣ.

Но это и въ голову не приходило бѣдной матери, которая съ трепетомъ подвела сына къ порогу, и оставилась. Черезъ нѣсколько минутъ, по зову, произнесенному слабымъ, но твердымъ голосомъ, вошли они въ чистую комнатку, освѣщенную нѣсколькими

ночниками. Однако жъ, имъ нельзя было разсмотрѣть колдунью въ лицо, потому что она сидѣла въ тѣни лежанкою, согнувшись надъ травами, которыя въ виду ея, видимо, разбирала и вязала въ пучки. Она не ставила ихъ долго ждать себя; встала, опираясь на черную клюку, но почти, ни сколько не выпрямившись, отъ чрезвычайной дряхлости, и на обыкновенное Ирландское привѣтствіе — «Спаси васъ Господи!» — отвѣчала въ такихъ словахъ, которыя, несмотря на ихъ странность, доказывали по крайней мѣрѣ, что она могла обращаться къ Богу и къ святымъ угодникамъ.

За этимъ слѣдовалъ промежутокъ выразительнаго молчанія, и былъ прерванъ довольно неожиданнымъ образомъ.

— Глупая женщина! сказала она посланницѣ: не правду мнѣ говорила. Джемсъ Моррисонъ, ты боленъ; на тебѣ нѣтъ руки того, кто можетъ вынуть душу изъ тѣла, а его и не увидишь. Въ тебѣ нѣтъ ни любви, ни вреженья, — нѣтъ у тебя врага между тѣмъ, о комъ говорить нельзя, — а на душѣ у тебя то, что хуже нѣтъ и лучше нѣтъ для сердца молодца, — врагъ сдѣлалъ тебѣ зло, какого злѣй не выдумать; ты самъ у себя жилы вытянешь, смертный грѣхъ примешь на душу, его и волоскомъ не тронешь. Иди, — сказала она приосанившись и показывая ключомъ на дверь: поди, Бригитта Моррисонъ; поди и Іудинъ, проводи ее опять туда на холмикъ: здѣсь будетъ говорить и дѣлаться, чего, кромѣ меня, этого молодчика, ни одной живой душѣ знать не должно.

По встревоженному взгляду, по дикимъ движеніямъ молодаго человека было очень видно, что тайна его проникнута; и мать, покоряясь могуществу друидской Сивиллы, обняла сына точно какъ въ послѣдній разъ, заботливо подтвердила ему не отступаться отъ

тыхъ угодниковъ и ангеловъ Божіихъ, и оставила наединѣ съ тою, которая видѣла «паче смерти.»

Постой у дверей, молвила страшная колдунья: и жди мнѣ, когда перестанешь слышать ихъ шаги и скъ хворосту.

Ушли, отвѣчалъ молодой человѣкъ, прислушавшись: все тихо какъ на небѣ.

Такъ войди сюда, запри дверь; а это оконце, — отворено, — и его захлопни; да сотвори надъ нимъ крестъ, — ну, и надъ дверью-то; теперь поди ко мнѣ, сюда свѣчи.

Когда все это было исполнено, она загасила, борясь, не то пѣсню, не то молитву, всѣ свѣчи, кромѣ одной средней.

Онъ вѣдь не для людей; на каждую изъ нихъ было вѣдѣсь чуть не по такому, что называютъ нечистыми; а вотъ, какъ онъ не горять, такъ тѣхъ и нѣтъ, безъ нихъ не видятъ. Теперь съ нами одинъ, и онъ — вѣрный другъ. Видишь, тамъ, наверху, отверзавъ которое прорастаетъ сюда бузинный цвѣтъ? — Онъ хранитъ домъ отъ несчастія и посылаетъ на него какое-нибудь благословеніе. Такъ поставь туда свѣчу; ну, и крестись же, сядь на стулъ, и говори мнѣ правду — вѣдь не обманешь тѣхъ, кто насъ слушаетъ, — скажи истинную правду, что стану спрашивать. Тебѣ нѣтъ нужды вывѣдывать: знаю про тебя всю историю, а говорю для твоей же пользы; потому что записательствомъ и утайкою не добыть сокровища, уготованнаго для чистосердечныхъ и правдивыхъ.

Буду говорить сущую правду, отвѣчалъ бѣдный человекъ: только не изъ того, чтобъ я чего-нибудь наговорю. Добра мнѣ и ждать нельзя. Что во мнѣ, то и въ тебѣ; и умѣй ты вырвать изъ меня горе, какъ пошла свѣчи, вотъ тебѣ лучше жизнь моя, — а его не

трогай. Повѣрь, бабушка, такихъ, какъ я, у тебя не бывало: кому лучше въ гробъ сойти, чѣмъ выздороветь? Мнѣ умереть, — больше нечего!

— Да что жъ тебѣ надобно? сказала Сивилла, ни сколько не тронутая страстью и отчаяніемъ молодаго чловѣка.

— Что надобно? Слыхала ты, приходило ли кому желаніе снять звѣзды съ небеси, чтобъ глядѣть на нихъ, не наглядѣться? Вотъ и мнѣ чуть не того же хочется: такъ что тутъ и говорить!

— Видишь, нынче свѣтъ какой! А то бы и это я для тебя сдѣлала. Было время, не то звѣзды, — мѣсяцъ сводили на землю, и хитростью не называли. Теперь и я не смогу, — а что тебѣ нужно, сдѣлаю: кого ты считаешь выше себя, какъ звѣзды на небѣ, тѣ съ тобой сравниваются; позовешь — и прійдутъ; оставить знатныхъ, богатыхъ, разлюбезныхъ, — право такъ! Тутъ имъ будетъ и рай земной, гдѣ Джемсъ Моррисонъ скажетъ — здравствуйте! Это я сдѣлаю! сказала она, сильно стуча клюкою объ полъ и смотря къ верху, какъ будто бѣ призывала невидимыя существа, подтвердить ея обещанія.

На этотъ зовъ отвѣта не было, за то Моррисоново сердце откликнулось. Колдунья убѣдила его въ своемъ могуществѣ. Его сильно поразило то, что она узнала тайное его страданіе; новость положенія его также этому способствовала; и, когда онъ смотрѣлъ на ея изсохшее тѣло, на ея гробовыя, осунувшіяся черты, и на глаза, горѣвшія какъ свѣчи въ отверзтіяхъ головы скелета, мысли его помутились. Онъ вдругъ почувствовалъ присутствіе чего-то сверхъ-естественнаго, и долго не могъ собраться съ духомъ. Ободренный немного тѣмъ, что таинственные глаза обращены были не на него, а, по-прежнему, къ верху, и отнюдь не старались проникать его мыслей, онъ разсказалъ кое-какъ всю повѣсть своей нылкой, безна-

дежной страсти, отрывисто, недовѣрчиво, съ смущеніемъ.

Сивилла молчала нѣсколько времени, какъ будто въ раздумьѣ о томъ, что слышала.

— Ты дѣло говорилъ, сказала она: тебѣ тужить нечего: крѣпокъ заговоръ, а отговоръ еще крѣпче. У этой богатой дѣвушки есть благопріятели, да и мы за себя стоимъ.

Пробормотавъ себѣ подъ носъ эти слова, она торжественнымъ голосомъ сказала молодому человѣку:

— То, что для тебя будетъ сдѣлано, должно оставаться неизвѣстнымъ, пока днемъ на небѣ солнце, а ночью мѣсяцъ и звѣзды. Ты дашь клятву не открывать того, что увидишь и въ чемъ будешь участвовать.

Молодой человѣкъ кивнулъ головою въ знакъ согласія. Она продолжала:

— Клянись же тѣмъ, кто всегда видитъ сердце, кто позволяетъ горѣть завѣтной свѣчѣ своей, что не откроешь моей тайны ни той, которая будетъ лежать въ твоихъ объятіяхъ, ни тому, въ чьихъ рукахъ будетъ жизнь твоя.

Молчаніе: молодой человѣкъ колеблется обязать себя клятвою, а старуха ждетъ его рѣшенія, ни мало не стараясь убѣждать.

— Грѣшно клястся — сказалъ онъ наконецъ.

— А развѣ я не грѣшу? подхватила колдунья. За каждое свое дѣло я принимаю муку. Иногда я властна надъ *ними*, за то въ другое время, какъ они на мнѣ это вымещаютъ! Велю имъ прійти на помощь, и они идутъ, а случается нахлынуть ко мнѣ силою и унести туда, гдѣ я передъ ними ничего не значу. Тяжкое несу я покаяніе; но кто молится Богу и святымъ Его угодникамъ, кто творитъ крестное знаменіе, тотъ не проданъ грѣху. Клянись же скрывать отъ всѣхъ, что увидишь; а если нарушишь клятву, можетъ-быть оста-

нешься въ живыхъ на страхъ другимъ, только ужъ тогда точно продашь свою душу, и съ тобой подѣется такое чудо, что люди будутъ бѣгать твоего взгляда, и сердце твое будетъ трепетать до тѣхъ поръ, пока дни твои исполнятся, и ты предстанешь туда, гдѣ измѣнники и клятвопреступники примутъ достойную награду.

Съ одной стороны, какое-то темное ожиданіе и любопытство, съ другой рѣшительная неуступчивость старухи, подстрекнули молодаго человѣка: онъ повторилъ за нею клятву, и сдержалъ ее. По-этому, какъ, и что онъ видѣлъ — осталось по сю пору неизвѣстно. Намъ, право, очень жаль, что читатели не узнаютъ, какъ Вауріа Мекъ-Гратъ стряпала любовныя зелья: слава Богу, что хоть читательницамъ нашимъ нѣтъ въ нихъ надобности!

Больше часу протекло, какъ двѣ пріятельницы вышли отъ колдуньи: наконецъ она позвала ихъ, и сказала: — Вдова Моррисонъ, вы сами должны помочь намъ вымечить своего сына; и вымечите, если послушаетесь моего совѣта. Ему такое будетъ счастье, что дай Богъ всякому богачу. Та, которая любила васъ, когда вы были ей второю матерью, полюбитъ еще больше. Она лекарство вашему сыну; по ней болить у него сердце, и умереть бы ему отъ этой боли, если бъ не я. Только чуръ, — никому не показывать этого зелья, пока не дашь его выпить: молодецъ твой знаетъ, что съ нимъ дѣлать: онъ тебѣ все расскажетъ.

Бѣдная мать была уже немного приготовлена къ этой новости. Въ продолженіе часа, который провела она съ пріятельницею, вышедъ отъ колдуньи, та не разъ намекала ей на чувства ея сына. Однако жъ, сердце обливалось у ней кровью, при мысли сдѣлать вредъ дитяти, котораго сама выкормила.

— Неужли мнѣ зельемъ поить свою распрекрасную барышню? Да Боже сохрани, чтобъ мнѣ ее выманивать изъ дому, отъ батюшки, да отъ хорошаго житья, къ такому бѣдняку, какъ мой сынишка!

Тутъ гордость кормилицы превозмогла на одинъ мигъ материнскую нѣжность.

— Это ужъ какое дѣло!..... Ты, матушка, если милость твоя будетъ, выгони изъ него дурную кровь да шаль, такъ вотъ поблагодарю, — донага раздѣнусь, все отдамъ!

Старуха перервала съ сердцемъ: — Ну, не вздоръ ли ты городишь, сударыня? А дурная-то кровь откуда же? А шаль кто жъ вложилъ ему въ голову? Вотъ выискалась догадливая! Ну, возьми его къ себѣ, молись, кричи надъ нимъ; посылай за попомъ, за дохтуромъ, а сюда не просимъ, добрая матушка!..... Выгони ей дурную кровь да шаль изъ малаго, — а какъ онъ въ него зашли? Вѣдь опоилъ же кто-нибудь? Кушай, батюшка, за здоровье милой барышни, а самъ протянешь ножки по маменькиной милости!

Каково было матери слышать, что сынъ ея опоевъ и долженъ умереть, если она не сдѣлаетъ того же съ своей вскармленицей? Это превышало ея силы. Однако жъ, припадки, слезы, выходки дикаго краснорѣчія, все кончилось тѣмъ, что она покорилась волѣ старой Сивиллы, обѣщая хранить тайну и выполнить страшное порученіе.

Когда посѣтителі удалились, Ваурія Мекъ-Гратъ заперла дверь на задвижку. Еще нѣсколько минутъ прислушивалась она къ стихающему шуму ихъ шаговъ, и когда обернулась, чтобъ итти къ своему стулу, увидѣла другаго посѣтителя, въ человѣческомъ же образѣ. Она не изумилась, не вскрикнула, ничѣмъ не обнаружила удивленія, хоть и можно бѣ было подвигаться такой нечаянности. Этотъ человѣкъ, въ зрѣ-

лыхъ лѣтахъ и при соотвѣтственной имъ наружно сохранялъ ту пылкую живость въ движеніяхъ, которая обыкновенно слабѣетъ подъ старость. У него была смѣлая, если не величественная осанка, станъ кій и очень стройный: темнозеленая венгерка и вольно живописная дорожная шапочка, которой ховая оторочка рѣзко отдѣлялась отъ его бѣлаго обличали въ немъ какое-то актерское вниманіе къ ему наряду. Теперь ему было не до того. Травы, положенныя только для виду, исчезли, а вмѣсто ихъ лись холодная дичь, хлѣбъ и большая бутылка, рядомъ тарелокъ и прочихъ принадлежностей. превращеніе совершилось въ то время, какъ дуныя стояла у дверей; обернувшись, она увидѣла что ужинъ готовъ, и что ее съ улыбкою приглашаютъ за него садиться. Однако жъ она ѣла только по соотвѣтствію съ своимъ гостемъ, который, правду сказать, не плошалъ: къ явному удовольствію старухи, къ исчезали передъ нимъ очень быстро.

— Ну, матушка! сказалъ онъ, подливая воды въ темный напитокъ изъ большой бутылки: я думаю въ морозъ, ваша спальня настоящій погребецъ. Днѣ нынѣ, вечеромъ, отверзтіе въ потолокъ показало мнѣ довольно неудобнымъ: хорошо, что дураки, торыхъ вы здѣсь морочили, навели меня на такую мысль, что я забылъ и о холодѣ.

Мать перервала его: Полно, перестань ты, пуголова, говорить такія рѣчи, хоть для меня, если боишься тѣхъ, кого здѣсь, того и гляди, разсердишь.

— Извольте, матушка, буду говорить и дѣлать, вамъ угодно: какъ же дразнить васъ, когда имѣете ваше искусство надоумило меня обдѣлать всѣ мои какъ нельзя лучше. Мнѣ, быть-можетъ, въ голову того не выдумать, что я вдругъ свѣдалъ у васъ пѣбушкѣ.

— Да, дитятко, доброе это мѣстечко; тутъ иногда находятъ такіа мысли, что бѣдному человѣку точно бы не вздумать. А что жъ ты свѣдалъ? Скажи-ка: можеть, я тебѣ растолкую.

— Что и толковать, матушка! я теперь знаю лучшее средство удалить одно препятствіе.

— Препятствіе! Это что?... Да! то есть, помѣха? Такъ какая жъ тебѣ, батюшка, помѣха?

— Кто мѣшаетъ тѣмъ, отъ кого я посланъ? Вамъ нечего разсказывать. Что вы думаете объ Сирѣ Вильямѣ Эльмирѣ?

Сама-то я его не видывала, а говорятъ, куда милостивъ до бѣдныхъ.

— То-то и бѣда, что милостивъ! Это и затащило меня въ проклятую сторонку, гдѣ мнѣ только и отрады, что вы, да слабодушные, забывающіе всѣ клятвы. Убейся онъ, или....

Помолчавъ немного, онъ продолжалъ:

— Матушка! Миссъ Эльмирѣ не должна пить вашего зелья: предостерегите ее черезъ вѣрнаго человѣка, и пуще всего, чтобъ бѣшенный любовникъ и его ближніе ничего объ этомъ не знали. Отъ точнаго исполненія зависить жизнь моя и кое-что гораздо ея поважнѣе.

III.

Марія гуляла въ саду. Неуклюжій мальчикъ садовничій ученикъ ухаживалъ за нею слишкомъ неотступно. Марія старалась избѣгать преслѣдованій мальчика, а не отгоняла его прочь; но куда она ни уходила отъ своего неотвязнаго чичероне, онъ вездѣ являлся передъ нею, какъ будто вырастая изъ земли, чтобъ надѣдать ей. Онъ нѣсколько разъ принимался заманивать ее въ разговоръ о прекрасныхъ цвѣточкахъ, которые она такъ любила; наконецъ смекнулъ, что усилія его напрасны, и что она совсѣмъ не занимается

его словами. Тутъ онъ рѣшился говорить прямо томъ, что обременяло всѣ его мысли.

— Право, сударыня, не знаю-съ, какъ вамъ сказать.... Мнѣ вѣлно вамъ доложить-съ.... а ужъ точно не далеко я былъ отъ смерти, какъ въ дерево попалъ выстрѣлъ-то-съ: словно ножницами простригло.

Марія изумилась.

— Такъ это ты былъ ночью въ лавровомъ деревѣ? Ну, можно ли жъ это дѣлать?

— Ужъ какъ вамъ угодно-съ; только, изволите видѣть, одинъ человѣкъ, — нельзя сказать кто-съ, — нѣмъ доложить вамъ, сударыня, вечеръ или нынѣ утромъ, да чтобъ никто не зналъ кромѣ васъ. Вотъ какъ я васъ увидѣлъ у окна, я и думалъ, что можъ васъ покликать: вы зачѣмъ-то отошли, я влѣзъ на дерево, и сталъ васъ звать; ждалъ, ждалъ, когда вы опять выглядите, и ужъ совсѣмъ — было хотѣлъ говорить, — вдругъ засвистѣло, да такъ хорошо.... вы слышали, сударыня?... по сю пору какъ мурашки по спине: такъ хорошо, что и сказать нельзя. Я ужъ сталъ было творить молитву; вдругъ кто-то заговорилъ. Тамъ и выпалили: пуля такъ мимо меня и продра. Правда, пора мнѣ было слѣзть.

— Ну, а сказать мнѣ что вѣдали?

— Да приходила нынѣе утромъ вдова Моррисонъ во дворъ къ Вашему Сіятельству?

— Кажется, приходила; только не дождалась, пока я проснусь.

— Ей хочется, чтобъ вы пожаловали взглянуть въ ея домъ: не извольте ходить туда, сударыня.

— Почему жъ не навѣститъ мнѣ бѣдной кормилицы и не посмотреть, нѣтъ ли ей въ чемъ надобности?

— Да! она скажетъ, будто ей васъ нужно для того, чтобъ вы взглянули, какъ она живетъ, а, въ самомъ дѣлѣ, — для чего бы вы думали, сударыня? У ней для васъ припасено зелье.

— Что-о?

— Зелъе, приворотное зелъе-съ къ ея сыну, къ Джемсу. Онъ такъ и бредитъ вами, сударыня. Они ходили къ колдуньѣ, — да къ какой! — къ Ваурин Мекъ-Гратъ, которая день темной ночью кажетъ: та имъ и дала зелъе.

— Зачѣмъ же, зачѣмъ зелъе?

— Ну, чтобъ вы влюбились въ Джемса Моррисона, забыли всѣхъ своихъ, и ходили за нимъ, какъ тѣнь, или какъ вотъ эта собачка за вами бѣгаетъ. А бѣда выпить зелъе! Никогда не забуду, какъ старую Видди Броунъ ошибкой опоили вмѣсто племянницы: вѣдь даромъ что параличемъ разбита, а такъ полюбила бѣднаго парня, что хоть въ лѣсъ бѣги!....

Вскорѣ потомъ пришла къ Маріи кормилица, и, въ самомъ дѣлѣ, просила ее пожаловать въ прекрасный домикъ, построенный для нея по милости помѣщика. Какъ же она удивилась, когда Марія сказала ей голосомъ, обличавшимъ совершенную увѣренность: «Погоди, отдай мнѣ прежде то зелъе, — знаешь, — которое ты взяла у Ваурин Мекъ-Гратъ.» Эти слова были точно сверхъестественный свѣтъ, вдругъ озарившій убѣжище притаившагося убійцы: чувствуя, что тайна ея проникнута, вдова совершенно потерялась; упала къ ногамъ той, которая казалась ей теперь всесильною, и, молча, дрожа всѣмъ тѣломъ, подняла къ ней руки и умоляющіе глаза. Пришедъ немного въ себя, она вынула изъ-за пазухи бумажку, положила на столъ, и тихо ступила черезъ порогъ, за которымъ ужъ не надѣялась быть никогда.

Джемсъ Моррисонъ едва ли былъ изумленъ неудачею своей матери; но отчаяніе его сдѣлалось мрачнѣе. Самоубійство рѣдко приходитъ Ирландцамъ въ голову: бѣдный Моррисонъ, чтобъ не наложить на себя руки, рѣшился никогда не оставаться одинъ. Онъ всталъ съ маленькой поляны, на которой провелъ нѣ-

сколько ужасныхъ часовъ безъ движенія, и побѣхъ матери. Вдругъ слышитъ повелительный голосъ онъ оглянулся съ сердцемъ. Кто смѣлъ такъ де- его кликать? Его звалъ челоуѣкъ порядочнаго ви- повторилъ зовъ еще повелительнѣе, когда онъ, о- нувшись, пошелъ опять своей дорогой, Думая, что какой-нибудь прїѣзжій въ замокъ изволить пользо- ся правами своего богатства, Моррисонъ готовилъ грубый отвѣтъ, и вдругъ совсѣмъ перемѣнился, почтительнымъ видомъ подошелъ къ предмету сво- негодованія. По сдѣланному знаку и еще по о- отличкѣ, онъ увидѣлъ себя въ присутствіи таког- ловѣка, который стоялъ за одно съ нимъ дѣло, и- торому онъ обязанъ былъ повиновеніемъ. То- одинъ изъ тѣхъ свирѣпыхъ главъ ужаснаго союза,- рые, по мановенію О'Коннеля и для его видовъ, на- няютъ несчастную Ирландію смятеніями и пожар- Бѣдный Моррисонъ былъ вовлеченъ въ него по- цами страшнаго производителя безпокойствъ, почти всѣ католическіе поселяне того округа. су- твѣіе владыка замка Эльмиръ разстроивало- ступные виды начальниковъ тамошней шайки, и- рѣшились нанести ему ударъ по случаю — сумас- ной страсти одного деревенскаго мальчика!

— Такъ-то, Моррисонъ! сказалъ этотъ челоуѣкъ тебѣ, или лучше твоей матушкѣ, не удалось ок- вать Миссъ Эльмиръ. Такому молодцу какъ ты- бы дѣйствовать посмѣлѣй, а не старушьями бред-

Не лзя описать изумленія молодаго челоуѣка- этихъ словахъ. Ужасная мысль, отъ которой онъ- жалъ, внезапное появленіе незнакомца, его неизв- мое знаніе всѣхъ обстоятельствъ до того смутили- счастнаго, что онъ то смотрѣлъ въ землю, то в- дывалъ исподтишка на стоявшаго передъ нимъ че- ка, и едва собрался съ духомъ спросить, кто онъ- знакомецъ отклонилъ вопросъ его.

— Кто я, сказалъ онъ, въ этомъ нѣтъ большой важности; довольно тебѣ знать, что я имѣю право требовать отъ тебя повиновенія. Одно скажу тебѣ, что чѣе зелье для женщины — смѣлость предприимчиваго любовника. Слушайся меня и будь рѣшительнѣе. Обѣщаю тебѣ успѣхъ. Да знаешь ли что? Она, — пони-машь о комъ я говорю? — она тебя помнитъ; и радѣ-енька, только бы ей былъ предлогъ, выйти за те-бѣ замужъ. Ну что, отважишься ли для нея?

Разговоръ продолжался и Джемсъ былъ убѣжденъ знакомцемъ, что ему большая надежда на удачу. Тотъ, которой необходимо было открыться, также говорилъ, и тотчасъ начались приготовленія, чтобъ мою увезти дѣвушку изъ отцовскаго дома, и пренесть ее въ объятія грубаго парня. Преступленіе, которымъ отецъ ея навлекъ на себя такое мщеніе, заключалось все въ добротѣ его, пріобрѣтавшей довѣ-реніе и привязанность къ нему всѣхъ, его окружавшихъ, въ благоразуміи, съ какимъ онъ старался блюсти интересы ихъ выгоды. Спокойствіе того уголка стра-ны огорчало начальниковъ союза. Надобно было, во что бы то ни стало, прекратить небывальщину: посягать на пути между владѣльцемъ замка и окрестными жи-телями; вытурить вонъ еретика изъ «благословеннаго» замка или, по крайней мѣрѣ, лишить всякаго вліянія. Это можно бы было и убить его; да, пожалуй, на-вѣдешь хлопотъ, — такъ это оставить до поры, до времени, а между тѣмъ не худо похитить хоть дочку протестанта.

IV.

Заговоръ уладили, и если бы можно было тотчасъ приступить къ исполненію, то обольщенный молодой человекъ вѣрно явился бы ревностнымъ его орудіемъ; но въ продолженіе необходимой кратковременной от-срочки, чувство добра опять проснулось въ его серд-

цѣ, вопреки зловреднымъ правиламъ, которыми тѣли его усыпить: пришедъ въ себя, онъ ужаснулся замышляемой измѣны. На сходкѣ для совѣщанія окончательныхъ мѣрахъ и для назначенія времени когда приступить къ дѣлу, онъ такъ сильно говорилъ противъ черной несправедливости платить низкую вѣроломствомъ тому, чье великодушіе заслуживало одну любовь и признательность, что его вывели изъ собранія, гдѣ сошлись толковать мѣстные старѣйшины союза, а потомъ, когда подстерегли его на одной тропинкѣ къ замку Эльмиръ, онъ былъ схваченъ и посаженъ подѣ стражу, съ тѣмъ, чтобъ, при первомъ свободномъ времени, удостовѣриться въ справедливости подозрѣнія, которое онъ на себя навлекъ. Между тѣмъ старѣйшины работали днемъ и ночью, и увеличивали шайку свою развратными поселянами, пристраивая имъ необходимою доставить одному изъ нихъ собрату красную невесту, которая, какъ они увѣряли, любить его безъ памяти и сама желала быть похищенною, потому что иначе не можетъ приличія согласиться на неравный бракъ.

Наконецъ начались дѣйствія. Несчастный юноша, сидя подѣ присмотромъ четырехъ дюжихъ заговорщиковъ, увидѣлъ вдали пламя. Его покровители заметили, что зажгли домъ его матери.

Видѣ пожара отвлекъ отъ него вниманіе его присмотрщиковъ. Джемсъ Моррисонъ стоялъ за ними несколько минутъ неподвижно и въ страшномъ волненіи, но лишь только замѣтилъ, что стража на него не смотритъ, онъ бросился бѣжать. Человѣкъ, стоявшій позади его, вскрикнулъ, а передовой, по невольному движенію, ударилъ его прикладомъ въ голову. Моррисонъ зашатался, однако жъ тотъ не успѣлъ его взмахнуть ружьемъ, а онъ ужъ опять бросился и скользнулъ отъ втораго удара.

Почти въ то же время пожаръ дома вдовы замѣтилъ

въ замкъ: какой-то необыкновенный говоръ заста-
лъ Марию выглянуть въ окно; она увидѣла огонь,
побѣжала сказать отцу. Къ нему тотчасъ собралось
несколько человѣкъ домашнихъ, и вѣрно бѣ предло-
женіе идти на пожаръ, и оказать помощь по возмож-
ности немедленно было принято, если бѣ полковникъ
Спелтопъ (онъ же выстрѣлилъ въ лавровое дерево)
остановилъ всѣхъ намѣковъ на измѣну, совѣтуя
очень обдумать, прежде чѣмъ на что-нибудь
рѣшиться. Вотъ, кто-то бѣжитъ съ пожара.

— Дай Богъ здоровья вашей милости, кричалъ из-
дали поселянинъ, подосланный самими зажигателями.
Помогите надъ бѣдною вдовою; она въ конецъ разо-
слась, а сынъ-то ея, — трое не могутъ сдержать:
онъ и зажегъ, бѣшеный.

Слѣдъ за нимъ другой и третій подтвердили то же
слова: по ихъ словамъ, вдова Моррисонъ была безъ
умианія, сынъ ея въ совершенномъ бѣшенствѣ, а ме-
жду тѣмъ все у нихъ горѣло. Сиръ Вильямъ считалъ
такое извѣщеніе отлагательствомъ жестокостію.

Быть-можетъ, говорилъ онъ, наше присутствіе
увеличитъ бѣду: стыдно не идти на помощь изъ одного
горькаго зрѣнія.

Отворили наружныя двери, и все мужское населе-
ніе замка спѣшило выйти, какъ вдругъ остановилось
передъ новымъ неожиданнымъ явленіемъ. Изъ оврага
вышла человѣческая фигура, и бросилась къ от-
крытымъ дверямъ. Лице и платье несчастнаго было
покрыто въ крови. Сперва онъ не могъ ничего выговорить,
только шепталъ и предостерегалъ знаками; но, собравшись съ
духомъ, заревѣлъ громовымъ голосомъ: — Затворяй-
те! не то смерть вамъ или еще хуже: они близко,
спѣшите!....

Это бѣдный Моррисонъ! сказалъ Сиръ Вильямъ.
На него нашло! Попытаемся, ради Бога, ввести
его въ комнату.

Онъ не успѣлъ въ своемъ благотѣльномъ намѣреніи. У самаго дома поставлена была шайка заговорщиковъ, чтобъ перехватить людей, лишь только они выйдутъ за ворота, и потомъ уже приступить къ главному дѣлу. Когда Моррисонъ, своимъ нечаяннымъ появленіемъ, разстроилъ всѣ замыслы своихъ покровителей, нѣкоторые изъ убійцъ, въ злобъ на него, забыли всякое повиновеніе, и въ то самое время, когда его изъ жалости хотѣли взять въ барскій домъ, убійственный залпъ вылетѣлъ изъ-за кустовъ, и онъ упалъ весь пробитый пулями. Трупъ его внесли въ замокъ, и тотчасъ побѣжали къ оружію для встрѣчи ожидаемаго нападенія. Однакожъ напрасно. Шайка, вызвавшая овладѣть замкомъ, не думала найти въ немъ защитниковъ, и разсѣялась съ свирѣпыми кликами радости, что успѣла отмстить невѣрному товарищу, предоставляя старухѣ матери воспоминаніе о ея вѣроломствѣ и тѣло убитаго сына на придачу.

Владѣлецъ замка убѣдился, что, вопреки воли Г. О'Коннеля, въ Ирландіи жить не возможно, и на другой день переехалъ въ Англію.

Миссъ Эльмиръ болѣе не писала нисемъ о прелестяхъ Ирландской жизни.

Е. К.

Blackwood's Magazine.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

МОНАСТЫРЬ НА ВАЛААМЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ *.

Обитель Валаамская, на пустынномъ острову Ла-
вского озера, давно уже привлекала мое вниманіе,
къ древнѣйшая святыня Россіи, и я воспользовался
однимъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы посѣтить
забывъ на перепутіи въ Выборгъ и на Иматру.
Скверная погода не позволила мнѣ видѣть въ пол-
ночь блескъ прекраснаго сада Барона Николаи, близъ
Выборга, и самая Иматра, при пасмурномъ небѣ, по-
казала нѣсколько своего очарованія. По увеличен-
ію разсказамъ, я ожидалъ видѣть въ ней другую
одежду, и удивился, когда, подъ громкимъ именемъ
допада, представились мнѣ одни пороги; со всѣмъ
тѣмъ они живописны.

Рѣка Вокша, довольно широкая въ обыкновенномъ
теченіи, втѣсняется здѣсь въ узкое русло, и
отлогой покатости, наполненной камнями, съ шу-
момъ стремится на разстояніи четверти версты, доко-

Статья автора «Путешествія къ Святымъ мѣстамъ.»

Т. III. — Отд. III.

лѣ не находить себѣ болѣе пространнаго ложа. Утесистые берега его покрыты съ одной стороны лѣсомъ, съ другой Англійскимъ садомъ; четыре малыя бесѣдки стоятъ по краямъ водоската; у его начала виднѣ въдали лѣсистый островъ, внизу же противъ поворота рѣки лежитъ на горѣ селеніе. Такова Иматра.

Но дико и отрадно смотрѣть изъ нижней бесѣдки, на шумное страданіе волнъ: съ какимъ ужасомъ скачутъ онѣ, одна надъ другою, какъ бѣлое стадо испуганныхъ овецъ, съ какимъ отчаяніемъ отрываются отъ пучины длинныя плески, какъ сѣдые локоны, которые рветъ на себѣ терзаемый Духъ этой бездны, и какъ наконецъ его измученныя дѣти, всѣ изрѣзанныя камнями, исторгшись изъ сего адскаго русла, одною широкою волною вновь разстилаются по мягкому ложу. Если Природа хотѣла олицетворить здѣсь чувство скрытаго въ ея нѣдрахъ ужаса, — она достигла цѣли, и досказала его глухимъ ревомъ бурной стихіи. Человѣкъ, склоняясь надъ бездною, жадно прислушивается къ дикому говору волнъ, хочетъ разобрать, въ порывѣ отчаянія одной изъ стихій, тотъ дивный языкъ, который отъ него утаила природа подъ печатію своего безмолвнаго величія, и встрѣчая въ огромномъ созданіи какъ бы отголосокъ собственныхъ страстей, радуется симъ невнятнымъ звукамъ.

Посѣтивъ въ началѣ весны Нарвскій водопадъ, я имѣю нынѣ случай сравнить его съ Иматрою. Обоими славятся окрестности нашей столицы; но воды Нарвы падаютъ однимъ широкимъ уступомъ, а воды Иматры тѣснятся по долгому скату. Первое впечатлѣніе Нарвы сильнѣе, какъ и самое ея паденіе, и столько же скоротечно; впечатлѣніе Иматры продолжительно, какъ зрѣлище долгаго страданія. Одинаково слышенъ издали ревъ обоихъ; но въ Нарвѣ — это голосъ гнѣвной рѣки, встрѣтившей препоны; въ Иматрѣ —

это вопль казни и мученій: все окрестъ нея пусто и уныло, какъ лобное мѣсто.

Напротивъ того въ Нарвѣ есть жизнь и посреди бунтующей влаги: рука человѣческая воздвигла тамъ мельницу на острову, раздвоившемъ водопадъ, и невдалекѣ виднѣнъ городъ съ его двумя замками. Казалось, самая рѣка такъ сильно раскачала свои волны, чтобы разбить только каменную печать, которую два враждебныя племена положили на берегахъ ея. Одинокая башня Рыцарей, вся въ развалинахъ, какъ ихъ орденъ, доселѣ грозитъ на многобашенный Иванъ-городъ, поставленный гранію Грознаго Царя на рубежѣ Меченосцевъ. Между нихъ съ шумомъ несется бурный потокъ, какъ пронеслисъ съ шумомъ великія событія сихъ двухъ твердынь, когда умолкла кровавая между ними бесѣда.

Помню еще одни пороги, которые видѣлъ за нѣсколько лѣтъ близъ Умани, въ имѣніи Потоцкихъ. Они мнѣ тогда нравились болѣе, нежели теперь Иматра и Нарва, по новизнѣ предмета, быть-можетъ и потому, что безпечный юноша болѣе утѣшался въ то время зрѣлищемъ бурь, имъ неиспытанныхъ еще на житейскомъ поприщѣ. Нынѣ, съ симъ воспоминаніемъ сливается память невозвратимыхъ людей и событий! Отъ живописныхъ пороговъ Антоновки и до Иматры, чрезъ сколько бурныхъ пороговъ перекипѣла собственная жизнь моя! Тамъ быстрый потокъ Ингульца, раздробляясь о камни, между безчисленныхъ мельницъ, съ шумомъ подбѣгаетъ подъ нависшіе своды утесовъ, поросшихъ лѣсомъ, и мечетъ въ нихъ свою сѣдую пѣну, какъ мечетъ по вѣтрамъ косматую гриву неукротимый конь Запорожца.

Но, увлеченный вновь воображеніемъ въ дальнія степи Украйны, я позабылъ, что нынѣ путь мой по дпкой Финляндіи. Унымы мѣста сіи; мало жизни въ людяхъ и предметахъ; повсюду лѣсистыя горы и глу-

хія озера, и однообразный гранить выставляет по
бежу дороги пустынные скрижали, на коихъ пиш
свои тайныя руны мимотекущее время.

Достигнувъ сѣвернаго берега Ладожскаго озера
остановился съ двумя моими спутниками въ горѣ
Сердоболь, на Валаамскомъ подворьѣ, гдѣ жи
насъ монастырская лодка. Самая обитель лежитъ
острову за сорокъ верстъ, плаваніе первыхъ
надцати совершается по заливамъ. Хотя мы дов
но рано пустились въ путь, но онъ продолжался
полночь: при самомъ выходѣ изъ губы, густой туманъ
палъ на озеро, и поднялся свѣжій, противный вѣтъ.
Молва о Ладожскихъ непогодахъ колебала нѣско
довѣренность нашу къ кормчему, который долго
жилъ на морѣ прежде, нежели посвятилъ себя Богу.
но и онъ начиналъ уже скучать, что долго не про
зываются изъ тумановъ свѣтлыя куполы и бѣлая
локольная. Внезапно, посреди безмолвія ночи и п
вущихъ, духовная пѣснь его огласила воды; кор
инокъ, двигая руль свой, по угадываемому имъ
правленію Валаама, призывалъ себѣ на помощь
пустынныхъ основателей: «Отъ мірскаго житія
шедше, отверженіемъ же міра Христу послѣдов
и достигосте великаго Нева озера, и въ немъ на ос
въ Валаамъ всельшися, равноангельское житіе
жили есте; отъ онудуже веселящися прешли къ не
нымъ чертогамъ, и нынѣ со ангелы владычню
стоу предстояще, поминайте насъ чадъ своихъ,
собрали богомудрін, да радостно отъ души вопіе
радуйтесь, Сергіе и Германе, отцы преблаженніи»
Трогательна и величественна была въ сіе мгнов
пѣснь его на сумрачномъ озерѣ. Скоро показалась
ли гряда острововъ, окружающихъ Валаамъ, и на к
онаго святой островъ, гдѣ долго спасался въ пещерѣ
Св. Александръ Свирскій. Вѣтеръ увлекъ насъ
сколько ниже устья внутренняго протока, кото

раздѣлеть самый Валаамъ, и мы проникли въ каналъ сей между малыхъ островковъ, наполняющихъ пространное его устье. На одномъ изъ нихъ стоитъ часовня во имя Чудотворца Николая, и въ ея стеклянномъ куполѣ горитъ ночью лампада, какъ священный маякъ для направленія плывущихъ. Слѣдуя по широкому каналу до его крутаго изгиба, мы наконецъ увидѣли надъ собою, сквозь зелень деревъ, поросшихъ на гранитныхъ утесахъ, бѣлую ограду и самый монастырь, рѣзко отдѣляющійся изъ чащи. Положеніе его уединенно, живописно, и, — что весьма рѣдко, — первоначальный взглядъ на него соответствуетъ ожиданіямъ. Соборный колоколъ ударилъ два часа ночи, и мы спѣшили отдохнуть въ гостинныхъ келліяхъ отъ бурнаго плаванія.

Глубокая древность покрываетъ неизвѣстностію и сомнѣніемъ начала Валаамской обители, и лѣтописи не опредѣляютъ времени преподобныхъ Сергія и Германа, коихъ житіе даже утрачено, вѣроятно по случаю частыхъ войнъ Новгорода со Шведами, неразъ опустошавшими монастырь. Мѣстные преданія, основываясь на словахъ Нестора о приходѣ Св. Апостола Андрея къ Славянамъ Новгородскимъ, продолжаютъ его путешествіе далѣе на сѣверъ по Волхову и Ладожскимъ озеромъ на Валаамъ, гдѣ будто-бы благословилъ онъ пустынный островъ каменнымъ крестомъ.

Тѣ же темныя преданія называютъ Сергія однимъ изъ апостольскихъ учениковъ, съ людьми Новгородскими посѣтившаго сей островъ, гдѣ крестилъ онъ язычниковъ и, между ними, нѣкоего Мунга, котораго предполагаютъ быть Германомъ; но вся сія повѣсть извлеченная изъ древней рукописи, «оповѣдь», ничѣмъ не доказана. Съ бѣльшимъ вѣроятіемъ можно отнести житіе Преподобныхъ ко временамъ Княгини Ольги, и нѣкоторые думаютъ, что они были Грече-

скіе выходцы, искавшіе просвѣтити Сѣверъ; а въ рукописномъ житіи Св. Аврамія Ростовскаго, видно, что Обитель Валаамова имѣла уже въ 960 году Игумена, Θεоктиста, окрестившаго изъ язычниковъ просвѣтителя Ростова, который пошелъ къ Югу сокрушать идоловъ и основалъ на Ростовскомъ озерѣ, въ 990 году, свою обитель, всѣхъ древнѣйшую по лѣтописямъ. Такимъ образомъ, первая искра Христіанства блеснула Сѣверу съ Валаама, и островъ сей былъ разсадникомъ пустынножителей въ полунощной странѣ.

По Софійскому лѣтописцу, мощи Преподобныхъ обрѣтены были и перенесены въ Новгородъ при Архіепископѣ Іоаннѣ I, въ 1163 году; но тогдашнее состояніе Карельскаго края въ подданствѣ Швеціи подало поводъ новѣйшимъ писателямъ сомнѣваться въ точности сего лѣтосчисленія, и относить событіе ко времени Архіепископа Іоанна II, въ исходѣ XIV вѣка, а житіе Сергія къ его половинѣ. Но и сему предположенію нѣтъ ясныхъ доказательствъ; самая неизвѣстность говорить въ пользу древности. Обратное перенесеніе Св. мощей на Валаамъ послѣдовало при томъ же великомъ Святителѣ Новагорода, по минованіи Шведскаго набѣга въ 1179 году.

Обитель сія была уже въ полномъ цвѣтѣ въ концѣ XIV столѣтія, когда Св. Арсеній, возвратясь съ иконою Божіей Матери изъ Аѳонской Горы, по благословенію Новгородскаго Владыки, Св. Евфимія, искалъ уединиться на Ладожскомъ озерѣ, и, спасаясь нѣскольکو времени на Валаамѣ при Игуменѣ Порфиріи, по многочисленію его иноковъ, отошелъ на безмолвіе въ Коневъ необитаемый островъ, гдѣ основалъ новый монастырь.

Другой именитый отшельникъ замѣнилъ его на Валаамѣ. Св. Савватій пришелъ подвизаться отъ Бѣлаго озера, гдѣ былъ постриженъ въ Кирилловой обите-

; но, увлекаемый далѣе на Сѣверъ жаждою одиночества, сей великій труженикъ обрѣлъ себѣ мысленный рай на льдахъ Бѣлаго Моря, и, поборая выюги, какъ поборолъ свои страсти, нашелъ дивныхъ слѣдователей на Соловецкихъ островахъ.

Еще однимъ славнымъ подвижникомъ просіяла пуня Валаамская въ концѣ XV вѣка. Преподобный Александръ Свирскій, въ ранніе годы возбужденный иночеству божественнымъ видѣніемъ, бѣжалъ изъ родительскаго, чтобы постричься на островъ отъ Игумена Іоакима, и многіе годы спасался въ уединеніи святаго острова, смежнаго Валааму, гдѣ досепоказываютъ его вертепъ, изсѣченный въ скалѣ, доколѣ не воззвалъ его вновь горній гласъ къ основанію собственной обители, въ лѣсахъ, на берегу моря. Тамъ Провидѣніе заранѣе указало ему мѣ-

столю великими Угодниками прославился дикій Валаамъ, столь дивныя обители процвѣли отъ сего благовеннаго корня, какъ вѣтви, пустившія отъ себя многія отрасли! Но, оплодотворяя окрестныя пунни, самъ онъ подвергался разореніямъ и даже соштенному запустѣнію. Когда, въ бѣдственное время владуцарствія, Де-ла-Гарди громилъ сѣверныя преплыны наши, иноки Валаама и Конева, поднимавъ мощи ихъ Чудотворцевъ, бѣжали въ Никольскій Монастырь Старой Ладогы, гдѣ основались надолго. Чрезъ уже лѣтъ, монахи Бѣлоозерскіе начали мало-по-лику вновь устроить падшую обитель, и святыя Угодники преплыли снова родственныя имъ волны, чтобы упокоиться на поприщѣ житейскаго своего подвига: 11 Сентября празднуютъ ихъ послѣднее переселеніе. Сперва одна только деревянная церковь стояла надъ ихъ мощами, и одинокій Игуменъ Ефремъ, двумя бѣлыми священниками удовлетворялъ мо-

литвами усердію притекающихъ; но, въ 1785 году, Митрополитъ Гавріиль, подвигнутый древнею славою Валаама и его уединеніемъ, пожелалъ вновь устроить обитель. По совѣту келейника своего, Теофана, въ прошломъ году лишь совершившаго восьмидесятилѣтній подвигъ святой жизни на Новоозеръ, вызвалъ онъ изъ Саровской пустыни знаменитаго добродѣтелями Назарія, и сей новый Игуменъ евангельскою ревностію возсоздалъ монастырь, наружно и духовно, въ прежнемъ благолѣтіи.

Зданія мало замѣчательны, по новизнѣ своей: двойная ограда келій окружаетъ лѣтній соборъ, во имя Спаса Преображенія; въ нижней его церкви почитаютъ подъ спудомъ въ богатой серебряной ракъ мощи Преподобныхъ. Зимній соборъ, празднующій Успѣнію, прилегаетъ къ ризницѣ и библіотекѣ; позади его находится больница съ придѣломъ Живоначальнаго Источника. Есть еще на святыхъ вратахъ церковь Апостоловъ Петра и Павла, и малый придѣлъ близъ Собора во имя Чудотворца Николая. Съ колокольни открывается весь лѣсистый островъ съ другими, ему прилежащими, и пространная пучина озера.

Церковь праздновала въ день нашего пріѣзда память благовѣрной Княгини Ольги. Умилительно было въ Ладожской пустынѣ прибѣгать къ молитвамъ святой женѣ сей, обвиняя мыслію все огромное Царство, обязанное ей первымъ лучемъ Христіанства. Изъ собора, посѣтили мы Игумена Варлаама, который, какъ достойный ученикъ Назарія, проводя тридцать лѣтъ въ уединеніи, противъ желанія былъ вызванъ для управленія обителью. Онъ принялъ насъ ласково и благословилъ осмотрѣть все любопытное на Валаамъ, въ сопровожденіи Благодѣла, Моисея, бывшаго при нашей эскадрѣ во все время похода на Греческихъ водахъ, и въ день Наваринской битвы.

Сперва показаль онъ намъ усыпальницу, или малое кладбище, гдѣ погребается одна братія. Тамъ, между смиренными именами Игуменовъ Иннокентія и Іонаана, послѣдовавшихъ Назарію, меня изумила громкая эпитафія, вырѣзанная на деревянной доскѣ, которую отъ времени до времени поновляютъ. Кто бы ожидалъ встрѣтить имя Шведскаго Короля Магнуса, сего ратнаго соперника Новгородцевъ, между темными иноками Валаама? Вотъ эта баснословная надпись:

На семь мѣствъ тѣло погребено,
Въ 1371 году землѣ оно предано,
Магнуса Шведскаго Короля,
Который святое крещеніе воспріа,
При крещеніи Григоріемъ нареченъ;
Въ Швеціи онъ въ 1336 году рожденъ,
Въ 1360 на престолъ былъ возведенъ,
Велику силу имѣя, и оною ополченъ,
Двоекратно на Россію воевалъ,
И о прекращеніи войны клятву давалъ;
Но, преступивъ клятву, паки вооружился,
Тогда въ свирѣпыхъ волнахъ погрузился.
Въ Ладожскомъ озерѣ войско его осталось,
И вооруженнаго флота знаковъ не оказалось;
Самъ онъ на корабельной доскѣ носился,
Три дни и три нощи Богомъ хранился;
Отъ потопленія былъ избавленъ,
Волнами ко берегу сего монастыря управленъ,
Иноками взятъ и въ Обитель внесенъ,
Непродолжительно Православнымъ крещеніемъ просвѣщенъ;
Потомъ, вмѣсто Царскія діадимы,
Облеченъ въ монаха, удостоился схимы;
Поживъ три дни, здѣ скончался,
Бывъ въ коронѣ и схимою увѣнчался.

Стихи сіи, судя по слогу, не старыхъ временъ, но преданіе о Магнусѣ очень давнее, и странно, какимъ образомъ могло оно сохраниться въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, хотя Шведскія лѣтописи ясно говорятъ, что Король Магнусъ II, въ XIV вѣкѣ несчастливо воевавшій съ Новгородцами въ Кареліи, былъ въ послѣд-

ствѣи свергнуть съ престола и заключенъ въ темни-
откуда освобожденный сыномъ своимъ Гаквиномъ
Королемъ Норвегіи, утонулъ на берегахъ ея въ 17
году. Въ лѣтописяхъ Русскихъ вписано даже его м-
мое завѣщаніе, коимъ запрещаетъ дѣтямъ воевать
Россією. Темныя преданія Валаама особенно замѣ-
тельны своимъ честолюбивымъ стремленіемъ. Ино-
его, какъ бы недовольные славою собственныхъ
ликихъ Угодниковъ, подвизавшихся на островъ,
тѣли имѣть основателемъ самого Апостола, просвѣ-
шаго Россію, а въ числѣ братіи царственнаго врага
предъ оружіемъ котораго сами трепетали: и сіи
сказанія укоренились въ ихъ дикой пустынѣ, по-
мракомъ среднихъ вѣковъ.

На краю усыпальницы зашли мы въ келлію, из-
ченную въ полугорѣ, схимника Θεодора, котор-
былъ келейникомъ Игумена Назарія, и нынѣ избра-
для наставленія новопостриженныхъ. Онъ рассказ-
валъ намъ о благой жизни своего учителя, и, по
ему приглашенію, взялъ свой посохъ, чтобы вмѣ-
обходить прочія пустыни, разсѣянные по остро-
коихъ числомъ до одиннадцати, — но въ четырехъ то-
ко живутъ нынѣ отшельники. Современники Назар-
обремененные годами, уже не въ силахъ уединят-
далеко отъ обители; изъ новыхъ иноковъ не многіе
щаются на столь трудный подвигъ. Самые настоя-
не всегда и не всѣмъ позволяютъ итти въ пустынь
должно имѣть много вѣры и духа, чтобы преодолѣ-
скуку и страхъ одиночества посреди лѣсовъ, и зно-
нія непогоды въ убогихъ хижинахъ, и скудость
щи, состоящей только изъ хлѣба и кореньевъ или п-
довъ! Но еще труднѣе имъ побороть внутренніе
мысли и тонкія искушенія врага духовнаго, ино-
увлекающаго къ гибели увѣреніемъ въ собствен-
ихъ святости или отчаяніемъ о спасеніи. Горькіе п-
мѣры сихъ двухъ опасныхъ состояній души являл-

жду пустынноиками Валаама; и нѣкоторые изъ нихъ
матили жизнью за свою самонадѣянность.

Еще недавно семидесяти-лѣтній схимникъ, многіе
ы подвизавшійся въ пустынѣ, началъ въ послѣд-
время избирать странныя пути для большаго
ерщвленія плоти: недалеко отъ келліи устроилъ онъ
вѣтвей, на вершинѣ высокой сосны, лиственную
кину, куда, несмотря на свою дряхлость, ежеднев-
лазилъ для молитвы. Игуменъ, опасаясь, чтобы
не упалъ, запретилъ ему сей родъ упражненія;
схимникъ, повинуваясь только наружно, не смирилъ
духомъ, перемѣнилъ пустыню, и сталъ помыш-
о новомъ какомъ-либо необыкновенномъ пріютѣ.
тя, не видя его въ церкви уже нѣсколько празд-
ковъ, на которые обязаны приходить и самые от-
мники, беспокоились объ его участи, ибо онъ од-
кды говорилъ, что хочетъ устроить нѣчто дивное.
конецъ два послушника, закидывая съѣти на берегу
тока, увидѣли въ водѣ разбитое тѣло схимника.
раясь изсѣчь себѣ келлію, на неприступномъ уте-
онъ поднялся къ его вершинѣ по вѣтвямъ сосѣд-
го дерева, и началъ уже долбить камень, но кру-
ніе головы низвергло его въ пропасть.

И спросилъ схимника Феодора, какимъ образомъ
сались отшельники во дни Назарія. Онъ отвѣчалъ
ѣ, что Игуменъ, зная всю трудность сего подвига,
бо самъ жилъ внѣ монастыря въ пустынѣ, — строго
овѣдалъ схимникамъ приходить исповѣдать другъ
гу всѣ малѣйшіе помыслы, какіе только возник-
тъ во глубинѣ ихъ сердца, чтобы не дать созрѣть
въ одиночествѣ къ гибели душевной. Были та-
случаи, что изъ любви къ ближнему, отшельни-
иногда силою проникали въ заключенныя келліи
ихъ собратій, и заставляли ихъ сознаваться въ сво-
обольщеніи, когда они, возносясь умственно, на-

чинали чуждаться всякаго сообщенія, и почитали
 бы уже на высшей степени созерцанія. Изъ скро-
 ныхъ рѣчей престарѣлаго Теодора видна была
 опытность въ духовной жизни, полагавшая смире-
 основнымъ камнемъ пустынной келліи.

Послѣ гостепріимной трапезы продолжали мы ос-
 тривать пустыни, слѣдуя въ лодкѣ по каналу, р-
 дѣляющему островъ на два: Валаамовъ собствен-
 и Скитскій; оба вмѣстѣ имѣютъ до тридцати вер-
 окружности, и поросли глухимъ лѣсомъ. Около нихъ
 еще нѣсколько островковъ принадлежать монастыр-
 доставляя ему обильный сѣнокосъ. Домашній ск-
 запрещенъ на Валаамѣ, и тамъ нѣтъ другаго звѣ-
 кроме олѣней, забѣжавшихъ по льду съ Финнск-
 берега. Одинъ изъ нихъ, въ бѣдственномъ положен-
 быль прибитъ бурей на льдинѣ къ острову, и гос-
 пріимно принять иноками; но Игуменъ, опас-
 слишкомъ развлечь ихъ сею невинною забавою, велѣ-
 пустить его въ лѣсъ, гдѣ онъ скоро одичалъ. Отше-
 ники иногда только встрѣчаютъ олѣней въ чащѣ.
 са, или съ пустыннаго берега видятъ, какъ хитр-
 лисицы таскаютъ изъ воды рыбу, принесенную
 сенными льдами, — и вотъ единственные жители, р-
 дѣляющіе съ ними дикое уединеніе!

Такъ живописны утесистые берега протока, пор-
 шіе соснами, кленомъ и березою, такъ разнообраз-
 ихъ зелень и виды, что намъ казалось — мы плывемъ
 посреди величественнаго сада, въ которомъ Искус-
 воспользовалось мѣстными красотами Природы, и
 своей прихоти направило изгибы водяной стези.
 рошѣ Скитскаго острова, на возвышенной полянѣ
 нашли мы малую церковь Всѣхъ Святыхъ, и около
 нѣсколько хижинъ, составляющихъ скитъ неусып-
 мыхъ. Тамъ никогда не прерывается чтеніе псалмо-
 и восемь отшельниковъ смѣняются каждые два ча-

Сія малая пустыня устроена Игуменомъ Назаріемъ для ищущихъ совершеннаго покоя при самой строгой жизни, въ подражаніе знаменитой обители Цареградской неусыпаемыхъ Св. Маркелла. Церковь была отперта, и слышался внутри ея томный голосъ чтеца: блѣдный, изнуренный, онъ стоялъ предъ налоемъ. Мы вошли тихо: не заботясь о живыхъ, онъ продолжалъ псалтырь за усопшихъ.

За версту отъ скита, въ лѣсу и болотѣ, посѣтили мы еще одного отшельника, въ келліи, принадлежавшей прежде Игумену Варлааму, гдѣ онъ оставилъ въ наслѣдство новому ея жителю гробъ, имъ самимъ устроенный, для временнаго отдыха при жизни, для вѣчнаго по смерти. Въ лѣтнее время тма комаровъ не даетъ ни минуты покоя въ этомъ пріютѣ. Пустынникъ увѣрялъ насъ, что они ему полезны, высасывая всю лишнюю кровь, и показалъ мнѣ гробъ свой и вериги.

Вечеромъ, возвратясь въ монастырь, мы опять зашли къ Игумену. Я говорилъ ему о новой келліи, которую строить онъ для себя близъ скита, ибо смиренный старецъ, скучая настоятельствомъ, жаждалъ только безмолвія пустыннаго, и нынѣ уже уединился. Отклоняя рѣчь о самомъ себѣ, Игуменъ завелъ бесѣду о душевной пользѣ уединенія. Когда же разсуждая о различныхъ путяхъ ко спасенію, я сказалъ: какъ оно трудно! — «Согласенъ, что трудно,» отвѣчалъ онъ, «но и стыдно, если не спасемся; — какой отвѣтъ дадимъ предъ язычниками, во мракъ жившими до искупленія, мы, столь ярко озаренные свѣтомъ Евангелія, которое во всякомъ быту открыло намъ пути къ Царствію!» — Въ подтвержденіе своей бесѣды, Игуменъ предложилъ мнѣ житіе своего Ангела, пустытника Варлаама, и обращеннаго имъ Царевича Іосафа: я вкратцѣ изложу здѣсь сіе прекрасное сказаніе краснорѣчиваго Іоанна Дамаскина.

Въ Индіи, гдѣ проповѣдь Апостола Ѳомы посѣяла первыя сѣмена Христіанства, возсталъ нечестивый Царь Авенирь. Жестокими гоненіями старался онъ искоренить въ областяхъ своихъ благія начала вѣры, и принудилъ Христіанъ бѣжать въ горы и пустыни. Ему родился прекрасный младенецъ Іосафъ, и собранные волхвы всѣ обѣщали новорожденному свѣтлое царство. Одинъ только изъ ихъ числа предвѣщалъ, что не земное царство назначено будущему покровителю Христіанъ. Огорченный Царь велѣлъ заключить сына въ уединенный дворецъ, подъ строгимъ заперщеніемъ открывать ему о существованіи Христіанъ и, чтобы не огорчить юной души зрѣлищемъ житейскихъ бѣдствій, воспитывалъ его въ невѣдѣніи недуговъ и смерти, удаляя при малѣйшемъ признакъ грусти или болѣзни прекрасныхъ юношей, избранныхъ для его развлечения.

Но когда съ лѣтами постепенно развивались понятія Царевича, онъ началъ скучать своимъ заключеніемъ, и упросилъ слабаго родителя дозволить ему взглянуть на міръ. Тщетно Царь велѣлъ показать ему во всемъ блескѣ и торжествѣ столицу, при кликахъ народныхъ, при мусикійскомъ хорѣ: вопреки мѣрамъ человѣческой предосторожности, Іосафъ нечаянно встрѣтилъ на стогнахъ, сперва слѣпаго и прокаженного, а потомъ дряхлаго старца, и, любопытствуя о ихъ участи, съ ужасомъ узналъ горькую истину, что каждый можетъ подвергнуться подобнымъ бѣдствіямъ, и что предѣлъ старости есть смерть, часто настигающая и юношей. Пораженный сею вѣстію, Царевичъ, возвращаясь въ чертоги, сталъ тосковать о непрочности всего житейскаго. Невольно переносясь мыслями за предѣлы сей жизни, испытывалъ онъ у друзей своихъ, нѣтъ ли какого либо другаго міра въ вознагражденіе за суеты здѣшняго? Тогда одинъ изъ нихъ, подвижный состраданіемъ, открылъ ему, что есть люди, проповѣдую-

ніе о блаженствахъ грядущей жизни, и что страхъ обращенія къ ихъ вѣрѣ былъ виною столь долгаго его заключенія. Іосафъ пламенно возжелалъ бесѣдовать съ ними.

Въ сіе время, спасавшійся въ Индіи пустынникъ, Варлаамъ, свыше извѣщенный о благомъ расположеніи Царевича, возложилъ на себя подвигъ просвѣтити его Христіанствомъ. Въ одеждѣ купеческой проникнулъ онъ во дворецъ, и просилъ у ближайшаго царедворца дозволенія видѣться съ Іосафомъ. Я имѣю, говорилъ старецъ, драгоценный камень для вашего владыки, исцѣляющій отъ всехъ недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ, и ему одному только могу показать его, ибо камень сей ослѣпляетъ тѣхъ, которые нечисты сердцемъ. Допущенный къ юному затворнику, Варлаамъ втайнѣ открылъ ему о бытіи Божіемъ, о созданіи міра и высокой цѣли челоуѣчества; описалъ горькое его паденіе и дивное искупленіе чрезъ посредничество Бого-челоуѣка, и общалъ грядущую, вѣчную жизнь въ замѣнъ суетнаго странствія на земли. Восхпщенный симъ божественнымъ ученіемъ, Царевичъ уразумѣлъ, что драгоценный камень пустынника есть самъ Христось, и немедленно просилъ себя крещенія. Радостный старецъ совершилъ надъ нимъ сіе великое таинство, исполнивъ его духовнымъ утѣшеніемъ, и удаллся въ пустыню. «Сынъ небеснаго Отца,» сказалъ онъ прощаясь сиротѣющему юношѣ: «мы еще свидимся въ сей жизни.»

Но царедворецъ, испуганный обращеніемъ Іосафа, который тщетно хотѣлъ просвѣтити его Христіанствомъ, помышлялъ только о избѣжаніи заслуженной казни, и благовременно самъ во всемъ признался Аверниру. Разгнѣванный Царь послалъ избить пустынниковъ, чтобъ въ ихъ числѣ погибъ и Варлаамъ, но воины не могли найти его вертепа. Тогда нѣкто изъ

вельможъ, видя отчаяніе владыки, предпринялъ хитростію уловить Іосафа. «Предложи Царевичу,» сказалъ онъ,» собрать на великій совѣтъ нашихъ жрецовъ и его единовѣрцевъ. Есть между волхвами одинъ совершенно похожій на Варлаама, глубоко знающій всѣ таинства ученія Христіанскаго. Мы распустимъ молву о взятіи пустынника; волхвъ представитъ лице его на сонмѣ, и, послѣ долгаго пренія о вѣрѣ, признаетъ истину нашей; пристыженный Іосафъ невольно послѣдуетъ мнимому учителю.» Съ радостію принялъ Царь коварный совѣтъ вельможи, и общалъ безопасность всѣмъ Христіанамъ для ихъ состязанія съ волхвами. Совѣтъ собрался: самъ Авениръ, присутствуя на тронѣ, грозилъ жрецамъ своимъ казню въ случаѣ ихъ посрамленія. Но коварство отца не могло утѣниться отъ пронизательныхъ взоровъ Іосафа: съ своей стороны общалъ онъ мнимому Варлааму тяжкія муки, если не одержитъ побѣды. Смятенный волхвъ по страху смерти, краснорѣчиво попраля лжеученіе язычниковъ, и убѣждая другихъ, самъ невольно убѣдился въ истинѣ.

Не видя болѣе ни какихъ средствъ для совращенія сына съ избраннаго имъ пути ко спасенію, Авениръ, движимый отеческою любовію, рѣшился раздѣлить съ нимъ царство, чтобъ не стѣснять другъ друга въ вѣрѣ. Но, когда въ теченіе трехъ лѣтъ область сыновня процвѣла Христіанствомъ, и самъ онъ увидѣлъ благіе плоды его, смягчилось наконецъ ожесточенное сердце Царя, проникло въ душу спасительное раскаяніе, смиренный отецъ прибѣгнулъ къ сыну за новою жизнію и сынъ былъ воспріемникомъ родителя отъ святой купели, банею возрожденія воздавая ему за собственное земное бытіе. Такъ измѣнился духовно порядокъ ихъ плотскаго родства. Скоро, спасенный Авениръ скончался въ подвигахъ благочестія.

Тогда блаженный Иосафъ, довольно послуживъ Богу въ міръ просвѣщеніемъ своего Царства, хотѣлъ еще мужить ему въ пустынь. Тщетно вельможи и народъ моляли его оставаться на престолѣ. Влекомый жаждою уединенія, онъ избралъ имъ достойнаго Царя, а самъ устремился къ инымъ подвигамъ. Плачущій народъ весь день слѣдовалъ за нимъ на пути къ пустынь, и съ солнечнымъ закатомъ исчезъ навѣки отъ него Иосафъ. Долго скитаясь по безлюднымъ мѣстамъ, открылъ онъ наконецъ вертепъ наставника своего Валаама: тамъ одною молитвою потекла жизнь обоихъ, и юноша не воздалъ послѣдняго долга старцу. Одинокій труженикъ еще многіе годы подвизался посрединѣ него въ пустынь, какъ нѣкій Ангелъ охраняя пределы своего царства, и промѣнявъ Индійскую корону на вѣнецъ нетлѣнный.

Размышляя о великомъ отреченіи Иосафа, я возвращаясь отъ Игумена въ тѣ самыя келліи, гдѣ другой царственный искатель уединенія, приходилъ навремя облегчить душу, обремененную мірскимъ величіемъ. Здѣсь, въ Августъ 1819 года, благочестивый Императоръ Александръ два дня удивлялъ своимъ миреніемъ самыхъ отшельниковъ Валаама. Оставивъ Сердоболъ свиту, съ однимъ лишь человѣкомъ приехалъ онъ вечеромъ въ монастырь. Братія, созванная по звуку колокола, уже нашла Государя на паперти церковной. Не смотря на поздній свой пріѣздъ, раба всѣхъ поспѣшилъ онъ къ утрени въ соборъ, и миренно сталъ между иноками, отказавшись отъ царскаго мѣста. Исполненный благочестиваго любопытства, пожелалъ онъ лично видѣть пустынные подвиги отшельниковъ, посѣтилъ всѣ, по лѣсамъ разстѣяныя келліи, съ иными бесѣдовалъ, съ другими молился, и, утѣшенный духовнымъ состояніемъ обители, щедро надѣлилъ ее своими милостями. Игуменъ Ин-

нокентій въ послѣдствіи имѣлъ всегда свободный входъ въ царскіе покои. Память кроткаго Монарха священна Валаамовой обители. — Онъ отошелъ въ горняя, въ самый тотъ день, когда Церковь празднуетъ пустынному Царевичу Индіи.

На слѣдующее утро, за раннею обѣднею, увидѣлъ я, при мощахъ Преподобныхъ, изнуреннаго инока, который, казалось, съ трудомъ могъ стоять. Мнѣ сказали, что онъ молчальникъ, и уже восемь лѣтъ, какъ наложилъ на себя обѣтъ безмолвія, бесѣдуя только на исповѣди съ духовникомъ: не извѣстна причина столь тяжкаго искуса, превышающаго строгій уставъ, оставленный Игуменомъ Назаріемъ своимъ инокамъ. Нынѣ ихъ числомъ до шестидесяти, кромѣ послушниковъ. Я посѣтилъ между ними еще двухъ весьма любопытныхъ: Веніамина, искуснаго механика, коего хитроустроенные часы едва ли не будутъ загадкою для опытнаго художника, — и Гавріила, бывшаго начальника корабля Американской Компаніи.

Сей послѣдній разказывалъ мнѣ о духовной миссіи нашей въ Американскихъ колоніяхъ, которая вся состояла изъ Валаамскихъ монаховъ. Ихъ настоятель, Іосафъ, въ концѣ протекшаго столѣтія, былъ посвященъ въ Иркутскъ Викарнымъ Епископомъ, для просвѣщенія Христіанствомъ сего дикаго края. Но, возвращаясь въ свою новую Епархію, мѣстечко Кодьякъ, онъ потонулъ со всѣмъ кораблемъ на берегахъ неизвѣстнаго острова. Съ его смертію уничтожился викаріатъ, и самые монахи удалились изъ колоніи. Я также слышалъ отъ Гавріила странную повѣсть объ одномъ изъ сихъ миссіонеровъ, Іаковѣ, который, проповѣдуя Евангеліе Американцамъ, пропалъ безвѣсти. Въ послѣдствіи нѣсколько матросовъ занесены были бурей на незнакомый имъ берегъ материка, къ сѣверу отъ колоніи Кодьяка. Дикіе сбѣжались къ ихъ лодкѣ, и хо-

были умертвить; но они, подражая Испанцамъ Колумба, объявили себя безсмертными. Тогда, испуганные Американцы отпустили ихъ съ честью, сказавъ имъ: Вы вѣрно братія тому страшному человѣку, котораго еще недавно мы никакъ не могли уморить. Онъ обращалъ насъ къ своему Богу, а мы не хотѣли для него оставить многоженства, и привязали къ дереву прищельца, чтобы избить стрѣлами. Но, уже совсѣмъ мертвый, онъ три раза еще возставалъ, и снова начиналъ убѣждать насъ, доколѣ наконецъ не отдали мы его на съѣденіе нашимъ сосѣдямъ.» Нѣкоторые изъ старшихъ иноковъ Валаама, помнятъ еще, что Игуменъ Назарій письменно былъ о томъ увѣдомленъ отъ своихъ Американскихъ миссіонеровъ.

Я спѣшилъ воспользоваться благопріятнымъ вѣтромъ для обратнаго плаванія. Нѣкоторые изъ монашествующихъ пожелали проводить насъ до устья протока, и лодка уже готова была отчалить, когда на горѣ показался опять почтенный Игуменъ. Онъ шелъ на сънокость раздѣлять сельскіе труды съ братією, ибо никто не уволенъ отъ нихъ на Валаамъ: самыя схимники работаютъ въ толпѣ молодыхъ послушниковъ, подавая имъ благой примѣръ. Картина сія, истинно удивительная, переноситъ воображеніе въ первобытныя времена иночества, когда, въ слѣдъ за великимъ Пахоміемъ, основателемъ ордена, толпы отшельниковъ ходили добывать себѣ тростникъ на пустынныхъ островахъ Няла. Меня тронуло благосклонное вниманіе старца, который, опираясь на посохъ, спѣшилъ еще разъ проститься съ нами, и я снова вышелъ на берегъ, чтобы принять его благословеніе. Напутствуемые его молитвою, достигли мы крайняго острова и вошли въ часовню Св. Николая, гдѣ усердные иноки на прощаніе отслужили для насъ молебень Чудотворцу. Всѣ мы были тронуты симъ послѣднимъ знакомъ

ихъ пріязни. Разставаясь на той грани, гдѣ для нихъ кончается міръ, я подумалъ, какъ суетны и жалки должны мы были казаться симъ отшельникамъ, которые могли сказать о себѣ :

Моря житейскаго шумныя волны
Мы протекли;
Пристань надежную утлые чолны
Здѣсь обрѣли;
Здѣсь невечернею радостью полны,
Слышимъ вдали —
Моря житейскаго шумныя волны!

На сей разъ плаваніе наше было счастливѣе, хотя оно продолжалось восемь часовъ. Не доѣзжая Сердобольскаго залива, кормчій остановился для отдыха гребцовъ, близъ малаго острова Маргичъ: мы увидѣли на берегу каменный крестъ съ надписью: «Здѣсь отдыхалъ Императоръ Александръ въ 1819 году», и нѣсколько ниже: «Здѣсь отдыхалъ въ томъ же году Митрополитъ Михайлъ.» Съ тяжкимъ вздохомъ прочелъ я сіи два имени: Повелителя Европы и благаго пастыря на пустынномъ островѣ Ладожскаго озера, и горько размышлялъ объ участи всего великаго на земли. Сія каменная надпись служить краснорѣчивымъ эпиграфомъ Валааму, поясняя отреченіе его иноковъ отъ преходящей славы міра!

МАГНИТНАЯ СИЛА

ЗЕМНАГО ШАРА.

=

Россіи предназначено было играть первую и самую блистательную роль въ огромной и многосложной драмѣ ученыхъ усилій, устремившихся въ послѣднее время со всѣхъ точекъ образованнаго міра къ предмету, рѣшеніе котораго было чрезвычайно важно для Наукъ вообще и для мореплаванія въ особенности. Извѣстный испытатель Природы, Баронъ Гумбольдтъ, которому Науки уже обязаны многими счастливыми соображеніями, какія дается только генію отгадывать до собранія подлинныхъ доказательствъ опыта, ревностно заохочивалъ Ученыхъ въ разныхъ странахъ Европы и у насъ въ Россіи, дѣлать повсѣмѣстные наблюденія надъ магнитною стрѣлкою и порядкомъ дневныхъ перемѣнъ въ воздухѣ, предусматривая открытіе тайной связи между земнымъ магнетизмомъ, между магнитною силою нашей планеты и температурою ея климатовъ. Всегда готовое принять дѣятельное участіе въ вопросахъ, касающихся распространенія круга истинныхъ познаній, Русское Правительство чисто-сердечно присоединилось къ обширному ученому предпріятію, и его благороднымъ содѣйствіемъ, открытыми имъ путями и сотрудничествомъ Русскихъ наблюдателей пріобрѣтены результаты, которые совсѣмъ измѣняютъ прежнія наши понятія о занимающемъ насъ предметѣ.

Всѣмъ извѣстны притягательная сила магнита, которою впрочемъ одушевлена вся толща нашей плане-

ты, и свойство магнитной стрѣлки обращаться
 нимъ концомъ къ сѣверному, другимъ къ южному
 полюсу Земнаго Шара. Давно уже замѣчено въ Евро-
 что это обращеніе не соотвѣствуетъ въ точности сѣ-
 ному полюсу Земли, и что магнитная стрѣлка ука-
 ваетъ отсюда на какую-то особую точку, довол-
 приближенную къ полюсу, но лежащую отъ него
 сторонѣ. На сѣверномъ и на южномъ полушаріяхъ
 наблюденія подтверждали то же самое уклоненіе стрѣ-
 отъ черты меридіана, и двѣ противоположныя то-
 къ которымъ обыкновенно она стремится, были
 званы *магнитными полюсами* планеты, въ примѣн-
 ихъ свойства къ ея географическимъ полюсамъ.
 шаръ можетъ имѣть только два полюса одного ка-
 го-нибудь рода: когда будетъ доказано, что стрѣ-
 вмѣсто двухъ, указываетъ на три, четыре, пять,
 сять разныхъ точекъ, смотря по разности странъ
 которыхъ она поставлена, — тогда это не полюсы,
 двѣ доселѣ извѣстныя намъ точки ея направленія
 неудачно уподобляли полюсамъ шара, и называли
 полюсами.

Два феномена, на которые донинѣ наиболѣе о-
 щалось вниманіе въ наблюденіяхъ надъ магнит-
 стрѣлкою, именно ея «наклоненіе» и «склоненіе»
 перь приводятъ насъ уже къ заключенію, что, по вѣ-
 вѣроятностямъ, въ сѣверномъ и въ южномъ пол-
 ріяхъ существуетъ по двѣ точки, изъ которыхъ
 бы преимущественно исходить магнитная сила Зе-
 Если угодно продолжать называть эти точки маг-
 ными полюсами, то Земля имѣетъ четыре такихъ
 люса, изъ которыхъ одинъ находится не далѣе,
 у насъ, въ Сибири. Дѣйствительно, когда, въ сѣ-
 номъ полушаріи, остановишься на западѣ отъ о-
 изъ этихъ точекъ, магнитная стрѣлка обращается
 востоку; перейдешь на востокъ отъ этой точки, ст-

ка обращается къ западу. То же самое, лишь наоборотъ, бываетъ и у двухъ магнитныхъ полюсовъ южнаго полушарія. Равномѣрно, если будемъ наблюдать величину склоненія на одной и той же чертѣ широты, близкой къ одному изъ земныхъ полюсовъ, то увидимъ, что эта величина возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ меридіану, проходящему черезъ которую-нибудь изъ упомянутыхъ нами точекъ, и на немъ достигаетъ своего высочайшаго предѣла, *maximum*; далѣе она уменьшается до извѣстной степени, а потомъ опять прибываетъ до самаго меридіана, проходящаго черезъ другой магнитный полюсъ, гдѣ наступаетъ второй ея высочайшій предѣлъ склоненія, второй *maximum*.

Третій, и весьма любопытный, феноменъ, есть величина магнитной силы, или магнитность. Представляемъ здѣсь читателямъ превосходныя о немъ разсужденія извѣстнаго Норвежскаго Профессора, Г. Ганстена, которыя ученый этотъ путешественникъ и естествоиспытатель недавно обнародовалъ въ издаваемомъ въ Христіаніи «Магазинѣ Естественныхъ Наукъ.» Они заключаютъ въ себѣ полный результатъ какъ обширныхъ его изслѣдованій въ западной Европѣ и въ Россіи, такъ и наблюдений, сдѣланныхъ нашими и иностранными Учеными въ другихъ частяхъ Свѣта, и были перепечатаны въ Поггендорфовыхъ *Annalen der Physik* и въ Женевской *Bibliothèque Universelle*.

До послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка, говорятъ Г. Ганстенъ, не знали, равна ли эта сила на всей поверхности Земнаго Шара или измѣняется на разныхъ ея точкахъ. Ученые раздѣлялись между двумя противоположными мнѣніями. Малле, который, въ 1769 году, былъ посыланъ въ Поной, что въ Россійской Лашландіи, для наблюденія прохожденія Венеры, приво-

диль тамъ въ качательное движеніе горизонтальной магнитную стрѣлку, и она совершила четыре первыя качанія въ 14 секундъ, точно такъ, какъ въ Петербургѣ. Но число качаній было слишкомъ мало, и разности не могло оказаться.

Для рѣшенія этого вопроса, Парижская Академія Наукъ поручила Ученымъ, сопровождавшимъ Ламанона въ его путешествіи, дѣлать наблюденія надъ продолженіемъ качаній магнитной стрѣлки въ разныхъ широтахъ, какъ у Экватора, такъ и у полюса. Астрономъ Ламанонъ сдѣлалъ-было цѣлый рядъ такихъ наблюденій, но, при несчастномъ Лаперузовомъ кораблекрушеніи, они утрачены, вмѣстѣ съ прочими трудами экспедиціи, обѣщавшей столько занимательныхъ выводовъ.

Въ началѣ революціи, Французское Правительство отправило другую экспедицію, подъ начальствомъ мірала д'Антраксто, для отысканія Лаперуза: ей поручено было продолжать ученія его изслѣдованія. Капитанъ Россель наблюдалъ качанія магнитной стрѣлки въ Брестѣ, на островахъ Тенериффѣ, Амбойнѣ и Яву и на Фанъ-Дименовомъ берегу.

Изъ сравненія этихъ пяти наблюденій выходитъ, что если принять за единицу магнитную силу Земли, замѣченную на Амбойнѣ, близъ Экватора, то магнитность, замѣченная на Тенериффѣ будетъ 1, 3, въ Брестѣ 1, 4, на Фанъ-Дименовомъ берегу 1, 6. Эти изслѣденія доказываютъ, что магнитная сила къ Экватору слабѣе нежели къ полюсамъ. Но какъ широта Бреста 48°, а широта мѣста наблюденія на Фанъ-Дименовомъ берегу только 43°, и какъ, несмотря на то, магнитность въ послѣднемъ сильнѣе нежели въ первомъ, нѣтъ сомнѣнія, что она зависитъ не отъ одной ши-

ты, и что на той же параллели можетъ быть болѣе подъ однимъ меридіаномъ, нежели подъ другимъ.

Въ 1799 году, Г. Гумбольдтъ началъ свое путешествіе въ Америку, и сдѣлалъ первый, хоть сколько-нибудь полный, рядъ наблюденій надъ магнитностью отъ Парижа до Перу, чрезъ Атлантическій Океанъ. Онъ нашелъ, что качанія стрѣлки становятся все медленнѣе по мѣрѣ того, какъ подаешься на югъ, до известной точки, лежащей въ Перу около 7° южнѣе Экватора, гдѣ стрѣлка остается въ горизонтальномъ положеніи, и гдѣ слѣдственно направленіе магнитной силы горизонтальное. За этой точкою, съ приближеніемъ къ южному полюсу, магнитность опять возростала. Когда принять за единицу магнитности силу ея подъ 7° широты въ Перу, то въ Мексикѣ она выходила бы 1, 32, а въ Парижѣ 1, 35. Въ послѣдствіи къ этимъ важнымъ выводамъ Г. Гумбольдтъ присовокупилъ новый рядъ наблюденій, дѣланныхъ имъ въ путешествіи изъ Парижа въ Италію черезъ Швейцарію.

Попытки Англичанъ отыскать морской проходъ съверомъ Америки всего болѣе распространили наши свѣдѣнія о магнитномъ состояніи Земнаго Шара. Въ путешествіи Росса въ Баффиновъ заливъ, 1818 года, Капитанъ Себинъ (Sabine) постоянно наблюдалъ магнитность отъ Лондона до самой съверной точки этого залива.

Однако жъ наблюденій Г. Себина нельзя было сообразить съ Гумбольдтовыми въ Южной Америкѣ, потому, что первыя показывали только отношеніе магнитностей въ Баффиновомъ заливѣ и въ Лондонѣ, а вторыя только въ Перу и въ Парижѣ.

Слѣдовало напередъ привести въ соотношеніе :

два ряда наблюдений черезъ сравненіе магнитностей Лондона и Парижа: я отправился въ 1819 году въ обѣ столицы, и такимъ образомъ вывелъ таблицу наблюдений магнитности отъ Лимы до самой сѣверной точки Баффинова залива, то есть отъ 10° южной до 77° сѣверной широты.

Въ позднѣйшее путешествіе Капитана Парри въ полярныя моря, и въ сухопутную экспедицію Капитана Франклина, еще болѣе трудную и опасную, дѣлали такія же послѣдовательныя наблюденія; но пренебрегли опредѣлить продолженіе качаній стрѣлки въ Лондонъ прежде и послѣ путешествія, и плоды изслѣдованій, стоившихъ такого труда, тѣмъ самымъ совершенно потеряны для Науки.

Между-тѣмъ, многіе Ученые, съ которыми былъ я въ сношеніяхъ, изъявили готовность брать съ собою въ путешествія магнитные снаряды, и дѣлать наблюденія въ разныхъ странахъ Европы: я долженъ упомянуть здѣсь въ особенности о трудахъ Гг. Эрстедта, Эриксена, Кейльгау, Бѣка и Абеля. Г. Кейльгау былъ на Шпицбергенѣ; самъ я сдѣлалъ много опытовъ со стрѣлкою въ разные путешествія мои по Норвегій, Швеціи, Даніи и Финляндіи.

Но важнѣйшій документъ для опредѣленія системы магнитности доставленъ мнѣ Капитаномъ Себиномъ послѣ экспедиціи его для опытовъ надъ маятникомъ: я нашелъ въ немъ рядъ наблюдений надъ магнитностью на Атлантическомъ Океанѣ, отъ 12° южной широты до самаго сѣвернаго берега Шпицбергена.

Результатъ всѣхъ этихъ данныхъ изобразилъ я посредствомъ придуманнаго мною чертежа, въ которомъ съ точки земной поверхности, гдѣ магнитность оди-

накова, связаны особеннаго вида кривыми линіями. Эти линіи я называю изодинамическими, то есть, равносильными: ихъ можно видѣть на приложенной здѣсь картѣ. Изъ нея видно, что, подъ однимъ и тѣмъ же градусомъ широты, магнитность гораздо сильнѣе въ Америкѣ нежели въ Европѣ. Равносильныя линіи въ Америкѣ почти параллельны съ экваторомъ, между-тѣмъ какъ въ Атлантикѣ онѣ значительно поднимаются къ сѣверо-западу, а въ Европѣ приближаются опять къ параллельному съ Экваторомъ положенію. Такъ, линія, изображающая въ сѣверномъ полушаріи степень магнитной силы въ 1, 5, проходитъ немного сѣвернѣе Гаванны, уклоняется потомъ на сѣверо-западъ къ Исландіи, и наконецъ идетъ къ востоку между Шпицбергеномъ и Капъ-Нордомъ.

Это заставляло предполагать, что восточнѣе, въ предѣлахъ Россіи, линія магнитности опять спускается къ югу, и огибаетъ другой сѣверный магнитный полюсъ въ Сибири.

редположеніе это совершенно оправдалось въ путешествіе мое по Сибири, и теперь существованіе магнитнаго полюса въ томъ краю доказано какъ нельзя очевиднѣе. За нѣсколько лѣтъ до отъѣзда моего въ Сибирь, Капитанъ Кингъ, посланный Англійскимъ Правительствомъ, для снятія береговъ Южной Америки, бралъ съ собою одинъ изъ моихъ магнитныхъ снарядовъ, и много разъ сообщалъ мнѣ свои замѣчанія. Въ бытность мою въ Петербургъ, въ 1830 году, я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ отличнымъ Русскимъ мореходцемъ, Капитаномъ Литке, и получить отъ него новый рядъ чрезвычайно важныхъ наблюденій надъ магнитностью отъ Берингова пролива и Камчатки, по Южному Морю, до Филиппинскихъ Острововъ и Огненной Земли.

Докторъ Эрманъ, изъ Берлина, сопровождавшій
 ня отъ Петербурга до Иркутска, совершилъ путеше-
 ствіе по рѣкѣ Оби, отъ Тобольска до Обдорска, и по-
 должалъ его, разставшись съ нами въ Иркутскѣ, на
 востокъ до Охотска и Камчатки. Тамъ онъ съѣз-
 шлюпъ «Кроткій», подъ начальствомъ Капитана Га-
 майстера, и переплывъ Южное Море, обогнулъ мысъ
 Горнъ, откуда возвратился въ Европу. Въ этомъ
 путешествіи, ежедневно дѣлались на кораблѣ магнит-
 ные наблюденія, но кажется, что всѣ отмѣченныя
 степени напряженія магнитности были слишкомъ
 слабы, — потому ли, что стрѣлка постепенно утратила
 свою силу, или потому, что на нее дѣйствовало же-
 лѣзо корабля, или, наконецъ, что нельзя на плывущемъ
 суднѣ удержать снарядъ на самомъ магнитномъ ме-
 ридіанѣ. Я рѣшился воспользоваться только опытами, по-
 ланными Докторомъ Эрманомъ на твердой землѣ, и
 помощію обыкновеннаго магнитнаго снаряда отъ Тобольска до Обдорска, отъ Якутска до Камчатки, и
 Южномъ Морѣ, въ Ситкѣ, въ Новой Калифорніи и
 Отаити.

Въ 1829 году, Е. В. Императоръ Всероссійскій
 волилъ послать многихъ Петербургскихъ Ученыхъ для
 опознанія окрестностей Кавказа.

Г. Купферъ, начальникъ этой прескрасной экспедиціи,
 которую превосходно описалъ онъ въ извѣстномъ до-
 сеніи его Императорской Академіи Наукъ, бралъ съ со-
 бою два мои намагниченные цилиндра и компасъ на
 клоненія. Наблюденія производились въ Петербургѣ,
 Москвѣ, Николаевѣ, Таганрогѣ, Ставрополѣ.

Вотъ вкратцѣ перечень того, что сдѣлано было для
 опредѣленія степени магнитнаго напряженія въ раз-
 ныхъ точкахъ поверхности Земнаго Шара. Только

опыты Капитана Фресине, совершившаго съ 1817 по 1820 годъ путешествіе вокругъ Свѣта, на двухъ Французскихъ корветтахъ, досель остаются мнѣ неизвѣстными, и я не могъ употребить ихъ въ моихъ исчисленіяхъ. На сдѣланной мною картѣ означены всѣ главнѣйшіе результаты этихъ многочисленныхъ данныхъ, и я долженъ замѣтить, что при ея составленіи неоднократно давалъ преимущество наблюденіямъ Капитана Литке и Доктора Эрмана передъ недостаточными показаніями Капитановъ Парри и Себина.

Какъ все равно принимать ту или другую силу за основную единицу магнитнаго напряженія, то я попрежнему принялъ ту, которую выбралъ самъ Г. Гумбольдтъ, именно, слабѣйшее напряженіе, замѣченное имъ подъ 7° южной широты, хотя позднѣйшія изслѣдованія показали, что есть напряженія еще слабѣе, по-видимому, гдѣ-то въ южной Африкѣ.

Сильнѣйшая магнитность, какая донинѣ замѣчена, находится въ Нью-Йоркѣ, и она означена на картѣ числомъ 1, 8, по единицъ Г. Гумбольдта. Однако жъ, врядъ ли можно почитать ее за высочайшую степень магнитной силы планеты: самая форма линій внушаетъ мысль, что, на западномъ берегу Гудсонова Залива, эта сила должна быть значительнѣе, и что вѣроятно она простирается тамъ до 1, 9 и даже свѣше. Слѣдуя 60-мъ градусомъ широты отъ Гудсонова Залива на востокъ до Христіаніи, мы увидимъ, что эта черта перерѣзаетъ разныя кривыя линіи, на которыхъ найдены напряженія = 1, 8 — 1, 7 — 1, 6 — 1, 5 — 1, 4. Равнолинейная линія 1, 4, которая отъ Ямайки проходитъ у Азорскихъ Острововъ, перерѣзываетъ Англію и достигаетъ Христіаніи, склоняется потомъ къ востоку, и перерѣзываетъ параллель 60-го градуса близъ Петербурга. На той же параллели находится и самая высо-

кая степень магнитности между Христіанією и Петербургомъ, почти на меридіанѣ Або. Слѣдуя этой параллелю далѣе на востокъ, найдемъ, что магнитность пять начинаетъ возрастать, такъ что близъ Богослоска подъ 78° долготы она уже 1, 5; подъ 90° долготы 1, 6, а подъ 120 градусомъ 1, 7. Между меридіаномъ 120° и 130° она достигаетъ втораго высочайшаго напряженія, то есть, она тамъ около 1, 72. Далѣе къ востоку магнитность опять убываетъ, и подъ меридіаномъ 140° понижается до 1, 7, а подъ 168° долготы до 1, 6. Ближе Олуторскаго Залива подъ 187° долготы, магнитность возрастаетъ до втораго высочайшаго напряженія 1, 7, потомъ прибываетъ къ востоку, пока дойдетъ до сѣвернаго сильнѣйшаго, то есть, до 1, 9, на западномъ берегу Гудсонова Залива, откуда мы начали. Значительная магнитность, замѣченная въ Сибири, найдена Лейтенантомъ Дуэ въ Вилюйскѣ: сильнѣйшей то магнитности не видно въ томъ краю, да и эта чуть ли не слишкомъ сильна. И такъ, самымъ яснымъ и удовлетворительнымъ образомъ подтверждается то, что я заключилъ уже изъ двухъ другихъ магнитныхъ феноменовъ, что въ сѣверномъ полушаріи существуютъ два центральныя или магнитные полюса, и что западная сторона Северной Америки обладаетъ явно значительнѣйшей магнитностью противъ восточнаго края Сибири.

Какъ проекція моей карты не показываетъ магнитныхъ линій около полюсовъ, то я начерталъ полярную карту, помельше, гдѣ можно видѣть, что эти линіи составляютъ родъ непрерывныхъ кривыхъ, которыми окружены двѣ точки сильнѣйшей магнитности, въ Сѣверной Америкѣ и въ Сибири. Нѣсколько стрѣлокъ показываютъ величину склоненія въ разныхъ мѣстахъ. И какъ магнитная стрѣлка всюду повержена дѣйствию двухъ полюсовъ, то легко понять, что точки, къ которымъ стрѣлки направлены съ

ныхъ сторонъ, должны примѣтно различествовать отъ собственно такъ называемыхъ полюсовъ, — что подтверждается и опытомъ.

Очень мало наблюдений надъ магнитностью сдѣлано въ южномъ полушаріи; однако, произведеннымъ Гг. Кингомъ и Лвтке, на берегахъ Южной Америки, могутъ дать вѣрное и полное понятіе о движеніи магнитнаго напряженія въ цѣломъ краю этого материка. Есть еще ни одного опыта для всей южной части Атлантики и для Индѣйскаго Океана, между Южною Америкою и Новою Голландіею. Отдѣльное наблюдѣніе Г. Росселя въ Фанъ-Дименовой Землѣ, ниже Новой Голландіи, даетъ 1, 6 для магнитности той страны. Линіи, означенныя точками на этой части Земнаго Шара, начерчены по однимъ предположеніямъ. Слѣдуя 60-ю параллелью южной широты, отъ Америки до Новой Голландіи, мы видимъ, что магнитность подъ 90-мъ меридіаномъ къ востоку отъ Острова Ферро должна быть немного болѣе 1, 5, и что далѣе на востокъ, по той же параллели, она очень сильно убываетъ, и, подъ меридіаномъ Мыса Доброй Надежды, приближается къ 0, 9, то есть, она по-видимому слабѣе той, которую Г. Гумбольдтъ принялъ за самую слабую, или единицу.

Подъ 170-мъ градусомъ восточной долготы, ниже Фанъ-Дименовой Земли, она, кажется, менѣе 1, 7. Явственно, и въ южномъ полушаріи находимъ мы въ высшія степени магнитности на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ склоненіе и наклоненіе стрѣлки заставляли насъ предполагать существованіе двухъ магнитныхъ полюсовъ. И такъ всѣ три магнитные феномена согласно показываютъ на поверхности Земнаго Шара четыре главныя магнитныя точки.

Наблюдая магнитность близъ Экватора, видимъ, что

въ Рио-Жанейро, въ Багін, на островахъ Вознесенія Св. Ѳомы, степень ея почти 0, 9. Слѣдственно черезъ эти точки можно провести кривую, показывающую магнитность такой величины. Эта кривая пересѣкаетъ Экваторъ на западномъ берегу Африки, подъ 30° истинной долготы, и, если судить по направленію другихъ линій, она должна проходить Африку и Индійское Море, придерживаясь очень близко къ Экватору. У Сондскихъ острововъ она опять должна склониться къ западу, потому что близъ Гюагана, Усейіона, Лунгунора, и проч., она уже сильнѣе и приближается къ единицѣ, 1. Эта линія должна перерѣзывать Яву, и по наблюденіямъ Г. Росселя, въ Сурабаѣ магнитность равна 0, 917. Вѣроятно она продолжается опять въ южной части Атлантики, и потомъ возвращается къ Рио-Жанейро. Слѣдственно, эта линія должна быть кривая сомкнутая, окружающая ту часть земной поверхности, гдѣ находится самая низшая степень напряженія магнитной силы Шара. Слѣдуя, по какому-нибудь меридіану, отъ сѣвера на югъ, магнитность постепенно уменьшается до извѣстной широты, а тамъ опять начинаетъ возрастать, если подашься далѣе къ югу. Мѣсто самой низшей степени не одно и то же на разныхъ меридіанахъ. Поэтому, изъ всѣхъ высочайшихъ степеней напряженія одна должна быть меньше прочихъ *minimum maximum*. Такъ, примѣръ, подъ 300° меридіаномъ, магнитность уменьшается отъ 1, 8, и величины своей близъ Нью-Йорка подъ 40° сѣверной широты, до 1, 0, или величины своей въ Перу, подъ 7° южной широты; потомъ она возрастаетъ къ югу отъ этой точки до 1, 6, то есть, величины своей въ Южной Землѣ. Напротивъ, подъ 40-мъ меридіаномъ она переходитъ отъ 1, 55, то есть, величины своей самомъ сѣверномъ берегу Шпицбергена, къ 20° и 30° южной широты, гдѣ она не болѣе 0, 8: дальше на югу, она опять должна возрастать. Величина 0, 8 е

кажется наименьшая изъ самыхъ высокихъ, между-
тѣмъ какъ наименьшая въ той странѣ, находимая у
Экватора, подѣ 280-мъ меридіаномъ, и должна быть
немного выше 1, — и едва ли она не наибольшая изъ
наименьшихъ. Какъ слабѣйшая магнитность въ Афри-
кѣ не много выше 0, 8, а сильнѣйшая въ Сѣверной
Америкѣ отнюдь не ниже 1, 9, то крайнія величины
поддержатся другъ къ другу, какъ 8 къ 19, или какъ
къ 2, 4.

Наконецъ я долженъ обратить вниманіе на слѣдую-
щее, весьма замѣчательное обстоятельство: въ сѣ-
верномъ полушаріи магнитность вообще сильнѣе не-
жели въ южномъ. Такъ, подѣ 40° сѣверной широты,
сильнѣйшая магнитность замѣчается близъ Нью-Йор-
ка, гдѣ она 1, 8; подѣ тѣмъ же градусомъ южной ши-
роты, сильнѣйшая магнитность находится ниже Но-
вой Голландіи, гдѣ она, повидимому, не болѣе 1, 57.
То же самое можно сказать вразсужденіи двухъ сла-
бѣйшихъ магнитныхъ полюсовъ, въ Сибири и близъ
Южной Америки. У Китайской границы, къ югу отъ
Яйкала, сильнѣйшая магнитность, открытая подѣ 50°
широты, болѣе 1, 6; подѣ тѣмъ же градусомъ юж-
ной широты, ниже Америки, соответствующая высо-
чайшая степень напряженія только немногимъ болѣе
1, 5.

Въ предисловіи къ моимъ «Изслѣдованіямъ о зем-
номъ магнетизмѣ», продолжаетъ Г. Ганстенъ, я замѣ-
тилъ, что сѣверныя и южныя сіянія начинаются отъ
двухъ точекъ земной поверхности, на которыхъ
магнитная сила въ высшей степени, и что внезапныя
неправильныя движенія магнитной стрѣлки, въ про-
долженіе этихъ величественныхъ явленій доказыва-
ютъ непосредственную связь между полярнымъ сія-
ніемъ и магнетизмомъ. Неправильныя движенія стрѣл-

ки замѣчаются въ одно и то же время наблюдателямъ весьма удаленными другъ отъ друга. Такъ, 16 Августа 1825, я видѣлъ въ Торнео внезапное умаленіе магнитности въ ту самую минуту, когда Г. Араго наблюдалъ въ Парижѣ, чрезвычайное волненіе стрѣлки Г. Гольмбоэ въ Христіаніи и Г. Герцбергъ въ Гамбургѣ сѣверное сіяніе. Въ послѣдствіи, по предложенію Г. Гумбольдта, учреждены магнитическія обсерваторіи въ Берлинѣ, Фрейбергѣ, Петербургѣ и Казани, гдѣ, ежемѣсячно, въ назначенный заранее день движенія горизонтальной стрѣлки будутъ отмѣчать каждый часъ, въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ. Теперѣ занимаются учрежденіемъ подобной обсерваторіи въ Иркутскѣ. Помощію такихъ наблюденій одновременно движеній повѣрится на еще значительнѣйшіхъ разстояніяхъ.

Я упоминалъ въ томъ же предисловіи объ отношеніи, какое, по-видимому, существуетъ между среднею температурою извѣстнаго мѣста и положеніемъ его въ разсужденіи магнитныхъ полюсовъ. Извѣстно, что ртуть замерзаетъ въ Гудсоновомъ Заливѣ подъ 55° широты, чего подъ этой широтою никогда не бываетъ въ Европѣ. Въ путешествіе наше по Сибири, ртуть, спустя нѣсколько дней сряду, замерзла у насъ въ термометрѣ между Красноярскомъ и Нижне-Удинскомъ. 30 Января, на Баграновской станціи, я налилъ въ тазикъ три или четыре фунта ртути, и поставилъ его свечеромъ на отверстіи, выходившаго на открытый воздухъ. На другой день утромъ, ртуть замерзла твердой массою, которую можно было рѣзать ножомъ, какъ свинецъ: она такъ крѣпко пристала ко дну тазика, что не отдѣлилась до тѣхъ поръ, пока его не разбили. Въ Иркутскѣ подъ 52° широты, по ежедневнымъ въ теченіе десяти лѣтъ наблюденіямъ Г. Шукина, учителя тамошней Гимназіи, средняя температура только 0° , 286 Р., между

тъмъ какъ въ Христіаніи, подь 60° широты, она простирается до 5° Р. Въ Якутскѣ, подь 62° широты, земля цѣлый годъ не оттаиваетъ. Въ бытность тамъ Гг. Дуа и Эрмана одинъ купецъ занимался рытьемъ колодезя; но на тридцать футъ въ глубину земля уже была мерзлая. Онъ однако продолжалъ работу не столько для воды, сколько изъ усердія къ Наукѣ, чтобъ очевиднѣе убѣдиться въ подлинности этого обстоятельства. Гмелинъ рассказываетъ, что онъ нашелъ въ Якутскомъ архивѣ акты, удостовѣряющіе, что, въ началѣ минувшаго столѣтія, одинъ городской житель заключилъ условіе съ рабочими людьми о вырытіи ему колодезя: достигнувъ девяноста футъ глубины, и видя все только мерзлую землю, они отреклись отъ исполненія обязательства. И такъ этотъ случай, казавшійся подозрительнымъ, долженъ быть справедливъ. Не понимаю, какъ согласятся эти факты съ нынѣшнимъ, довольно общепринятымъ предположеніемъ, будто внутреннее ядро земли въ бѣло-каленномъ и расплавленномъ состояніи. По свидѣтельству Эрмана, на низшей точкѣ вырытой ямы, то есть, въ тридцати футахъ подь поверхностью земли, термометръ обличалъ нѣсколько градусовъ мороза, хотя температура воздуха была значительно высока: это случилось въ Іюнь мѣсяцъ. Въ Туруханскѣ, подь 65° широты, нашелъ я, въ Іюнь мѣсяцъ, мерзлую землю, на аршинъ въ глубину отъ поверхности: въ тотъ же часъ, температура воздуха простиралась до 25° теплоты, и даже ночью рѣдко опускалась ниже 18° . Мнѣ сказывали, что въ значительнѣйшей глубинѣ земля никогда не оттаиваетъ. Извѣстно, что въ Огненной Землѣ климатъ суровъ до чрезвычайности, хотя этотъ край лежитъ между 53° и 55° южной широты, и окруженъ отвсюду океаномъ, что обыкновенно уменьшаетъ холодность климата. Изъ всего этого выходитъ, что температура въ сосѣдствѣ трехъ магнитныхъ полюсовъ гораздо ниже, чѣмъ въ другихъ земляхъ, ле-

жащихъ подъ той же широтою. Недостаетъ наблюдений около четвертаго полюса, находящагося въ дѣйскомъ Морѣ, потому, что нѣтъ тамъ земель нѣ 30° южной широты. Докторъ Брюстеръ уже рѣшился принять идею тѣсной связи между земнымъ магнетизмомъ и температурою, и включилъ въ свои карты моихъ магнитныхъ картъ два полюса, называемые *полюсами холода*, на сѣверномъ полушаріи, одинъ въ Сѣверной Америкѣ, другой въ сѣверной Сибири. Нѣкоторые Физики приписываютъ существованіе магнитныхъ полюсовъ низкой около нихъ температурѣ. Тогда можно спросить, какая жъ причина той особенно низкой температуры, и почему магнитные полюса перемѣняютъ свое положеніе. Мнѣ кажется основательнѣйшимъ заключить изъ всего этого, что три фактора, — сильнѣйшая магнитность, низшая температура и полярное сіяніе, — имѣютъ внутри Земли общую динамическую причину, которая пока еще неизвѣстна. Если бъ у насъ были, вѣка за вѣкомъ, среднія годовыя показанія температуры, точно опредѣленные для разныхъ мѣстъ земной поверхности, особенно для ближайшихъ къ земнымъ полюсамъ, то, вѣроятно, мы бы могли сказать съ достовѣрностью, какъ именно образомъ переходъ магнитныхъ полюсовъ измѣняетъ климаты, и, слѣдственно, до какой степени два эти фактора связаны другъ съ другомъ. Этотъ вопросъ столько же любопытенъ, сколько загадоченъ, и рѣшеніе его вѣроятно прольетъ такой свѣтъ на внутреннія силы земли, какого мы теперь и предвидѣть не можемъ.

АНГЛІЯ И КИТАЙ.

=

Новый и чрезвычайно важный вопрос не только для Английского народа, но, может-быть, для всего образованнаго міра, рѣшенъ Великобританскимъ Парламентомъ большинствомъ немногихъ голосовъ, и, что примѣчательнѣе, рѣшенъ людьми, неимѣющими никакого понятія о вопросѣ. Дѣло идетъ о нѣсколькихъ ящикахъ чаю, — но въ этихъ ящикахъ заключается судьба цѣлаго государства, процвѣтавшаго слишкомъ три тысячи лѣтъ, считающаго въ нѣдрахъ своихъ слишкомъ двѣсти милліоновъ жителей. Английское купечество, покровительствуемое Вигами, собирается, силою и вопреки Праву Народному, вторгнуться въ дѣла и быть «Средиземнаго Государства.» Война объявлена «Сыну Неба» простымъ «биллемъ, о дозволеніи всякому Англичанину свободно торговать съ Китаемъ», — и меркантильная предпримчивость можетъ теперь сдѣлать съ Китаемъ, что ей угодно, а извѣстно, что значить духъ корысти, и до чего онъ доводитъ людей! Китай по сіе время былъ запертъ вѣковыми своими законами сребролюбію Европейца. Иностранцы были исключены изъ его торговли, и она входила въ сообщеніе съ ними какъ бы украдкою, только на границѣ, въ двухъ весьма отдаленныхъ мѣстахъ, на Кяхтѣ и въ Кантонѣ, чрезъ посредство привилегированныхъ компаній. Нынѣ Английскій Парламентъ дозволилъ всѣмъ и каждому промышлять съ этою страною повсюду, гдѣ кто найдетъ удобнѣйшимъ, — и не взирать на ея вѣковые законы. Рѣшеніе дерзкое и даже безнравственное: только будущее время въ состояніи показать, въ какой еще степени

основано оно на здоровой политикѣ, и согласно съ вѣдами народа: теперь жребій брошенъ, и Англійская торговая предпріимчивость должна или покориться Китаю, или сокрушиться объ его нравы, законы и силу, засыпавъ свое отечество развалинами безчестныхъ банкротствъ. Слѣдствія могутъ быть огромны: добытый хитрою и всегда почти безсовѣстною жаждою золота, принужденный отворить все свои входы и выходы иностранцамъ, наводненный ихъ дѣльями и понятіями, Китай или сдѣлается для Англіи тѣмъ, чѣмъ была новооткрытая Америка для Франціи, — и въ такомъ случаѣ перестанетъ быть Китаемъ, или, по испытанному упрямству и дерзости своего правительства, вовлечетъ ее въ разорительныя экспедиціи для защиты чести и собственности ея владѣнныхъ, обижаемыхъ и преслѣдуемыхъ мандаринами, и наконецъ въ войну, которая неминуемо приведетъ къ величайшей опасности владычество ея въ Индіи, и взвалитъ на самую Англію новое бремя долговъ, смятеній и домашнихъ бѣдствій. По сему послѣднее гораздо вѣроятнѣе перваго.

Теперь уже не время входить въ разборъ доводовъ представленныхъ Комитету Парламента въ пользу необходимости отнять у Остъ-Индской Компаніи прерогативу исключительной торговли съ Кантономъ, и объявить ее вольною, потому что право отнято, и торговля Китаемъ объявлена свободною съ 1837 года. Остае­ся разсмотрѣть только средства, какія торжествующія соперники Компаніи имѣютъ въ виду употребить для достиженія своей цѣли, и судить о вѣроятныхъ успехахъ затѣи по слѣдствіямъ первыхъ попытокъ.

Средства весьма простыя. Торговая предпріимчивость говоритъ: — Китай не хочетъ нашихъ благодѣяній? онъ уклоняется отъ чести имѣть съ нами...

для него же самого сношеніи? Ну, такъ мы явимся къ нему съ векселемъ въ одной рукѣ, а въ другой со штыкомъ, и тогда увидимъ, что онъ скажетъ! Онъ долженъ или принимать наши векселя, или подвергнуться непріятности принять наши войска въ Пекинъ.

Пренія Комитета, совѣщанія происходившія въ Департаментъ Колоній, адреса, письма, представленія, дышатъ страшнымъ воинственнымъ духомъ и изъясняются на этотъ счетъ весьма рѣшительно. Бывшій Директоръ Кантонской Факторіи, Г. Марджорибенксъ, въ письмѣ своемъ къ Президенту Департамента, онъ же и многія другія лица въ засѣданіяхъ Комитета, и нѣкоторыя очень важныя особы, во время парламентскихъ преній, говорили безъ всякихъ чиновъ объ отправленіи военныхъ кораблей для устрашенія Его Богдоханскаго Величества, и, если потребуется, предлагали завладѣть какою-либо Китайскою областью или гаванью. Говорятъ, будто самъ Лордъ Кливъ изъявилъ готовность начальствовать экспедиціею, и ручался покорить все чайное государство съ 10,000 войска. Дѣло идетъ не на шутку!.... Г. Вальтеръ Стивенсонъ-Девидсонъ, который хорошо знаетъ Китай, утверждалъ въ Комитетѣ, что двадцатитысячная армія можетъ безпрепятственно во всякое время двинуться изъ Кантона въ Пекинъ и занять столицу; но на вопросъ, — есть ли между этими двумя городами удобные пути для войска, отвѣчалъ: Право, не знаю! Почтенный членъ, по-видимому, имѣлъ высокое понятіе о поданномъ имъ мнѣніи, потому, что даже старался доказывать совершенную законность предлагаемой мѣры къ понужденію «Сына неба» торговать съ Англіею на основаніи Политической Экономіи Гг. Бентама и Сея.

Какъ мнѣнія Г. Маржорибенкса съ товарищи и п
атели встрѣтили приверженцевъ и возбудили наде
ды не въ одномъ Г. Девидсонъ, то мы постараемъ
объяснить то, чего почтенный членъ, по собственн
своему признанію, и вѣроятно весь Комитетъ, «ц
во, не знаютъ.»

Отъ Кантона до Пекина около двухъ тысячъ верст
четыре пятыхъ этого разстоянія совершаются водо
а остальное сухимъ путемъ. Двинувшись съ армі
изъ Кантона, на Большомъ Каналѣ, справедливо та
называемомъ, ибо въ Европѣ нѣтъ ему подобна
наши торгующіе герои конечно застанутъ множес
судовъ всякаго рода и тысячи рабочихъ людей, в
гда готовыхъ тащить ихъ бичевою. Въ многочисле
ныхъ прибрежныхъ городахъ и селеніяхъ, въ казе
ныхъ запасныхъ магазинахъ, въ десятитысячахъ
полненныхъ хлѣбомъ джонкахъ, или лодкахъ, на
дется на всю дорогу изобильное продовольствіе д
ихъ побѣдоноснаго войска. Ни одна крѣпость не о
детъ въ состояніи остановить его шествія. Китайск
войско въ бумажныхъ шишакахъ, въ длиннополы
на ватъ мундирахъ, съ ружьями, изъ которыхъ стр
ляютъ съ помощію фитилей, разбѣется при перво
залпѣ Англійской артиллеріи; нѣсколько легкихъ и
левыхъ орудій достаточно, чтобъ разбить ворота крѣ
чайшихъ городовъ, и оградить побѣдителей отъ во
каго нападенія. Словомъ, ничто не воспрепятствуетъ
Англичанамъ торжественно вступить въ самый де
рецъ Богдохана. Но если Китайцы рѣшатся, для сп
сенія отечества, на отчаянное и весьма простое сре
ство? если они сроятъ берега Большаго Канала, сна
жаемаго водою посредствомъ множества больши
рѣкъ, текущихъ съ запада? Въ такомъ случаѣ огро
ное пространство земли вдругъ будетъ затоплено в
но, и вмѣстѣ съ непріятельскою армією погибну

многія тысячи жителей съ ихъ жилищами, стадами и всѣмъ имуществомъ.

Но положимъ, что это крайнее средство не будетъ приведено въ исполненіе: тогда что? — съ какою цѣлю пойдете вы въ Пекинъ? — и что послѣдуетъ съ Англійскимъ войскомъ въ Пекинъ? Оно будетъ обмануто въ своихъ предположеніяхъ и надеждахъ. Оно не найдетъ въ этой Императорской столицѣ, подобно какъ въ замкахъ и дворцахъ Набобовъ, Раджей и Бегумовъ Индійскихъ, цѣлыхъ грудъ куруровъ рупій, цѣлыхъ кучъ золота въ разныхъ видахъ, алмазовъ, рубиновъ и другихъ драгоценныхъ камней. Богдоханское казначеище, въ вознагражденіе за военныя издержки, не надѣлитъ ихъ подобными сокровищами: нѣсколько тысячъ серебряныхъ таиловъ, монетъ въ видѣ деревянныхъ башмаковъ; такое же число кусковъ шелковой матеріи, употребляемой на подарки, да столько же шелковыхъ мандаринскихъ халатовъ, сапоговъ на подошвѣ изъ папки и кошельковъ для бетелъ; сверхъ того нѣсколько ю-ши, камня счастья, то есть, простой яшмы; множество фарфоровыхъ чашекъ и блюдъ, и наконецъ изрядный запасъ павлиньихъ перьевъ и бронзовыхъ, коралловыхъ и цвѣтныхъ стеклянныхъ шариковъ для украшенія шапокъ четырнадцати классовъ Мандариновъ, въ знакъ относительнаго ихъ чина, — вотъ все, или почти все, чѣмъ Англійское войско можетъ надѣяться поживиться въ Пекинъ. При видѣ его, оно вѣрно не скажетъ того, что сказалъ Фельдмаршалъ Б***, смотря на Лондонъ съ вершины церкви Св. Павла: «То-то было бы что пограбить!» Владѣтель Небесной Имперіи не имѣетъ иныхъ сокровищъ; чертоги его не украшаются роскошными убранствами; у него нѣтъ ни дорогихъ камней, ни великолѣпныхъ конюшенъ, ни пышныхъ экипажей. Въ путешествіяхъ по своему го-

сударству, употребляетъ онъ запряженную въ одну лошадь, кибитку, безъ рессоръ, прыжки которой на каменной мостовой такъ забавно описаны Г. Иллисомъ въ «Посольствѣ Лорда Амгерста».

Въ числѣ даровъ, представленныхъ Лордомъ Макартнеемъ престарѣлому Императору Цянь-Луну, была великолѣпнѣйшая Англійская карета. Начальникъ придворныхъ евнуховъ, чтобъ ознакомиться съ употребленіемъ подарка, для него совершенно незнакомаго, спросилъ, указывая на золотомъ шитыя красныя козлы, какъ будетъ всходить на нихъ Императоръ. — «Это мѣсто для кучера, отвѣчали ему, а Императоръ будетъ сидѣть въ самой каретѣ». — «Возможно ли, чтобъ кто нибудь осмѣлился сѣсть выше великаго нашего *Ванъ-ди*?» вскричалъ онъ. «Нѣтъ, нѣтъ, отвезите ее въ сторону». — Приказаніе вѣроятно было въ точности исполнено, ибо карета найдена въ послѣдствіи Голландцами въ углу стараго сарая, между изломанными Китайскими кибитками.

Но повторимъ вопросъ: какую цѣль могло бы имѣть подобное предпріятіе противу Пекина? Ту ли, чтобъ присоединить весь Китай, съ его двумястами милліонами жителей, къ ихъ, такъ называемой Англійско-Остъ-Индской Имперіи, привѣсивъ его къ ней, какъ драгоценную серьгу къ уху Эіюплинина? Самые отчаянные защитники свободной торговли съ Китаемъ доселѣ еще не рѣшаются на такую крайность: они въ первый случай ограничиваются планомъ отправить къ Пекину войско съ тѣмъ, чтобъ страхомъ заставить Палату Церемоній измѣнить свои отечественные законы и постановленія, и поторговать съ почтеннымъ Великобританскимъ купечествомъ на основаніи Англійскаго Коммерческаго и Банкротскаго Уставовъ. Мѣра, отнюдь не надежная для достиженія такой цели.

тательной цѣли! Опіумомъ, столь убійственнымъ для физическихъ силъ народа, столь быстро развращающимъ нравы, и которымъ Остѣ-Индскіе Англичане такъ искусно и такъ честно производятъ контрабанду съ Китайцами, вы скорѣе покорите себѣ Китай, чѣмъ своею оружія. Примѣры дѣйствія этого драгоценнаго «колоніальнаго товара», приводимые Г. Гуцлавомъ, сопровождавшимъ Капитана Линдсея, о которомъ скажемъ мы послѣ, поистинѣ ужасны. Самъ Г. Маржонбенксъ говоритъ, что трубка опіума была причиною пожара, истребившаго дворецъ Кантонскаго Вице-короля; что старшій сынъ Китайскаго Императора умеръ отъ употребленія любимаго наркотическаго снабобья, и что всѣ знатные и богатые Китайцы предаются этой пагубной страсти. Торговля опіумомъ, строго запрещенная «въковыми» законами, до того усилилась, что одинъ изъ Вице-короевъ сдѣлалъ предложеніе снять съ нея запрещеніе. По достовѣрнымъ извѣстіямъ, Китай платитъ ежегодно до четырехъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, (100,000,000 р.) за опіумъ, привозимый изъ одной только Бенгаліи. Если правительство отмѣнитъ запрещеніе, то макъ будетъ воздѣлываться столь же повсемѣстно, какъ и табакъ; народъ дѣлается хилымъ и слабымъ, и жители западныхъ береговъ, еще въ недавнемъ времени возмущавшіеся, и, можетъ-быть, донынѣ не совершенно укрощенные, вновь овладѣютъ Китаемъ.

Не худо было бы, чтобъ тѣ, которые желаютъ отравить военную экспедицію въ Китай, привели себя въ память, что Англію укорить можно уже въ нѣсколькихъ несправедливыхъ этого рода поступкахъ, поистинѣ немного приносящихъ намъ чести, — какъ-то, овладѣніи Датскимъ флотомъ, въ захваченіи Испанскихъ галіоновъ съ золотымъ грузомъ, въ задержаніи голландскихъ торговыхъ судовъ, и проч.; но эти дѣй-

ствіа, при всей своей противности Праву Народному еще не могутъ быть поставлены въ сравненіе съ предполагаемымъ разореніемъ городовъ и селеній Китайскихъ, поводомъ къ которому было бы единственно то, что Китайцы не хотятъ вступить въ постоянныя торговыя и дружескія сношенія съ Англіею или другою какою иностранною Державою. Они не хотятъ вступить, будучи убѣждены опытомъ многихъ вѣковъ, что единственно сохраненію своихъ законовъ и обычаевъ отъ чужеземныхъ вліяній одолжены они благоденствіемъ государства, неизмѣнившагося въ теченіи трехъ тысячъ лѣтъ, и обилующаго народонаселеніемъ передъ которымъ малочисленны всѣ прочіе народы Земнаго Шара. Неужели мы, человеколюбивые и правосудные Англичане, потому, что надѣемся быть сильнѣе Китайцевъ считаемъ себя въ правѣ повелѣвать имъ, гдѣ и какъ должны они принимать наши корабли, на какомъ основаніи производить съ нами торговлю.

Впрочемъ, желая всего счастья и блага спекулянтамъ, собирающимся стрѣлять картечью въ церемонныхъ купцовъ Поднебесной Имперіи, при подписаніи вмѣстѣ съ ними контрактовъ на поставку чаю, мы смѣемъ утверждать положительно, что покушеніе и сильно вторгнуться въ Китайское государство будетъ безуспѣшно. Имъ, можетъ-быть, удастся и весьма далеко простерть нарушеніе непреложныхъ законовъ Китая, и вытѣснить изъ океана его военныя джонки и раздражить противу себя всѣхъ мандариновъ отъ мала до велика; вступить съ нимъ въ открытую войну, и огнемъ и мечемъ опустошить берега Желтаго моря, и Китайцы не только будутъ внѣ всякой возможности изгнать ихъ изъ своего отечества, но даже врядъ ли окажутъ и слабое сопротивленіе. При сдѣйствіи мѣстной черни, всегда готовой способствовать контрабандистамъ, запрещенная торговля меж-

Англією и Китаємъ можетъ также чрезвычайно успѣ-
 ляться. Не менѣе того, безразсудны тѣ политики, ко-
 торые совѣтуютъ объявить войну за чай огромной и
 отдаленной Имперіи: они судятъ о цѣломъ, по малѣй-
 шей части предмета. Неужели изъ того, что контра-
 бандисты, рыбаки, самый черный и низкій народъ,
 населяющій прибрежныя мѣста, успѣваетъ иногда
 порядкомъ настращать таможенныхъ мандариновъ и
 при ихъ глазахъ производить въ окрестностяхъ Кан-
 тона запрещенную торговлю, заключаютъ они, что и
 верховное Китайское правительство не имѣетъ ни ка-
 кихъ средствъ противъ контрабанды, другихъ мѣръ
 защиты противъ наглости иностранцевъ, кромѣ от-
 крытой силы, которой мы не боимся? Неужели они
 думаютъ, что торговля чаемъ можетъ процвѣтать во-
 преки волю цѣлаго правительства, если оно рѣшитель-
 но противъ нея возстанетъ? Можемъ увѣрить всемо-
 гущую торговую предпріимчивость, которая творить
 чудеса, завоевываешь Индію, порабоощаетъ великихъ
 Монголовъ, содержитъ на откупъ 150,000,000 людей,
 и теперь вздумала дать урокъ великому Богдохану въ
 Законодательствѣ и Политической Экономіи, что она
 не заставитъ цвѣсти ни одного чайнаго дерева, когда
 оно будетъ срублено топоромъ; что одного Импера-
 торскаго повелѣнія достаточно, чтобъ остановить со-
 вершенно эту отрасль промышленности въ цѣломъ
 государствѣ, и что если Китайское правительство раз-
 судитъ за благо запретить самое воздѣлываніе чая,
 то черезъ годъ въ Поднебесной Имперіи не останется
 ни одного чайнаго куста.

«Пустое!» говорятъ защитники свободной торговли
 и контрабанды: «Китайское правительство никогда на
 это не рѣшится; чайные заводчики и торговцы, мѣст-
 ное Кантонское начальство и самое Пекинское казна-
 чейство будутъ всѣми способами противудѣйствовать

исполненію такой отчаянной мѣры; сверхъ того составляетъ въ Китаѣ предметъ первой необходимости.» Отнюдь не пустое! Всѣ эти возраженія, принимаемые такъ часто и съ такою самонадѣянностью, лежатъ еще величайшему спору, ибо, какъ скоро Китайское правительство увидитъ себя дѣйствительно оскорбленнымъ, и свои учрежденія въ опасности, нѣтъ сомнѣній, что всѣ частныя уваженія будутъ отложены въ сторону: оно рѣшится на все, и пожертвуетъ чайными рощами для своего спасенія. Подобныя мѣры совершенно въ духъ Восточныхъ правительствъ. А что касается до предположенія, будто чай составляетъ предметъ необходимости въ Китаѣ, то это никакъ нельзя принять за совершенную истину: вещество, употребляемое тамъ простымъ народомъ, и названіемъ чая едва ли заслуживаетъ это имя. «Пухой чай и сухой рисъ», говоритъ Г. Девисъ въ своемъ показаніи на вопросъ Комитета, «есть поговорка, служащая въ Китаѣ эмблематическимъ выраженіемъ несправедливости». Чай, привозимый въ Европу, воздѣлывается для Китайцевъ, но исключительно для заграничной торговли. Производство этого рода чая распространилось тамъ единственно отъ увеличенія запроса на него иностранцами, и съ помощію ссудъ, которыми снабжали они его производителей. И такъ, какъ истощеніемъ чайныхъ рощей будетъ въ особенности нанесенъ ударъ только тѣмъ торговцамъ, которые занимаются въ связяхъ съ Европейцами, то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, чтобъ Китайское правительство не оправдало государственною необходимостью эту рѣшительную мѣру. Существованіе и благоденствіе Китайской Имперіи основаны, по кореннымъ законамъ и понятіямъ народа, на отеческой о немъ заботливости Богдохана и его мандариновъ; и потому должно полагать, что какъ съ одной стороны эта мѣра не удивитъ ни одного Китайца своею беззаконностью,

стью, такъ съ другой, въ случаѣ нехорошаго использования чайныхъ насаждений, будетъ сдѣлано распоряженіе о снабженіи земледѣльцевъ, снискивавшихъ пропитаніе отъ этого промысла, пшеномъ изъ казенныхъ магазиновъ, до того времени, пока прежнія чайныя земли не будутъ обращены или на какое либо другое выгодное употребленіе. Провинція Фу-кянь, особенно бесплодный ея берегъ, продовольствуется и теперь хлѣбомъ, доставляемымъ съ острова Формозы; и правительство столько печется о достаточномъ его приростѣ, что суда съ хлѣбомъ изъяты отъ всякой пошлыны. Но какъ западные берега Формозы подвержены въ настоящее время мятежамъ, и какъ на нихъ дается убѣжище морскимъ разбойникамъ и контрабандистамъ, то это послужитъ еще большимъ побужденіемъ умножить чайныя насажденія производствомъ хлѣбныхъ растений. Слѣдующее обстоятельство можетъ, также имѣть опасное вліяніе на послѣдствія покушенія Англичанъ насильно завести торговля сношенія Китаемъ. Жители Фу-кяньскіе всѣхъ долѣе сопротивлялись нынѣ царствующей въ Китаѣ династіи, и не хотѣли признать ея владычества. Это весьма пагубно правительству, и оно не усомнится, для спасенія себя и государства, уничтожить приманку, привлекающую къ этимъ берегамъ Европейцевъ не съ одною цѣлю торговли, но и для отвлеченія жителей отъ вѣрноподданства. Китай въ самомъ дѣлѣ есть страна бѣдная: въ ней скитаются десятки милліоновъ людей, питающихся однимъ сарачинскимъ пшеномъ и просомъ, и эти два произрастенія составляютъ основаніе народнаго стола. И дѣйствительно, сарачинское пшено для Китайца то же, что картофель для Ирландца. Г. Гуцлавъ говоритъ, что бѣдные развариваютъ пшено и кушаютъ рисъ какъ-можно болѣе, чтобъ удобнѣе бороться голодъ. Они вѣроятно не знаютъ способа, употребляемаго Готтентотами, которые, въ подобныхъ слу-

чаяхъ, какъ-можно крѣпче перетягиваютъ живо такъ, въ случаѣ прекращенія всякихъ торговыхъ сношеній между Китаемъ и Европейскими Державами. Воздѣлываніе проса и сарачинскаго пшена будетъ гораздо выгоднѣе для сего государства, нежели производство чайнаго дерева, тѣмъ болѣе, что и въ Финляндіи въ отношеніи послѣдняя отрасль промышленности не составляетъ великой важности : изъ парламентскихъ донесеній видно, что государственная торговля Китая съ чайной торговлей не превышаетъ полуліона ф. ст. (12,500,000 р.).

Не безъ основанія полагать можно, что употребленіе чая въ видѣ напитка, введено въ Китаѣ во времена не весьма отдаленныя. По крайней мѣрѣ, древніе писатели о немъ не упоминаютъ. Шелкъ, ленъ, рисъ, какъ суть коренныя произведенія этого края; но и имъ принадлежатъ табакъ, хлопчатая бумага и т. п. Иезуитъ Триго утверждаетъ, что употребленіе чая въ Китаѣ не было извѣстно въ древности, и что въ Китайскомъ нѣтъ даже слова для его означенія, впрочемъ, это несправедливо. Мѣстное народное преданіе говоритъ, что чай первоначально введенъ въ употребленіе въ провинціи Ху-нань, для исправленія пріятнаго вкуса воды. Древнѣйшее свидѣніе объ употребленіи растений находимъ мы въ повѣствованіи двухъ Матанскихъ путешественниковъ, бывшихъ въ Китай въ IX вѣкѣ. Говоря между прочимъ, что обыкновенныя питокъ Китайцевъ есть родъ вина, приготовляемаго изъ сарачинскаго пшена, они упоминаютъ также о какой-то травѣ, называемой *ша*, (*ча-пъ*, листья *да-ча*), которую пьютъ, наливая ее горячею водою. Отсюда можно, что она излечаетъ всякіе недуги. Изъ этого можно заключить, что, въ то время, чай не былъ въ всеобщемъ употребленіи. Но какъ бы то ни было, все-таки несправедливо полагать, будто Китайцы

мѣють неодолимое пристрастіе къ чаю. Приготавливаемый для домашняго употребленія, онъ несравненно изшей доброты нежели тотъ, который отправляется за границу: иногда даютъ ему видъ небольшихъ шариковъ, похожихъ на клубки смоленыхъ бичевокъ; иногда, напротивъ, дѣлають изъ него родъ плоскихъ лепешекъ, подмѣшивая въ нихъ какое-то клейкое вещество; часто употребляются также сушеные листья дикого кустарника безъ всякаго дальнѣйшаго приготовленія. Сверхъ- того Китайцы дѣлають сухую эссенцію этого растенія, горькую какъ полынь, и собирають ее въ небольшихъ кусочкахъ. Листья известнаго растенія называемаго камелліею, *camellia* *sanqua*, равнымъ образомъ употребляются вмѣсто чая; а по словамъ Аббата Грозье, въ Шанъ-дунъ-ской губерніи, и въ сѣверныхъ областяхъ Китая, чай извлекается изъ нѣкотораго рода мха. И если, говорить же самый писатель, подмѣшанный чай нерѣдко попадаетъ въ самый Китаѣ, то какъ льстить себя мыслию, что мы никогда не пьемъ настой со мха, подмѣшаемаго на *Манъ-инъ-хень-скихъ* утесахъ?

Въ Кантонѣ однако жъ нельзя опасаться подобныхъ обмановъ. Остъ-Индская Компанія имѣетъ всегда опытнаго и опытнаго чае-кушателя, *tea-taster*, браковщика, изъ природныхъ Китайцевъ, обязаннаго отвѣдывать привозимые чай, и произносить объ нихъ приговоръ, и если хотя одинъ изъ ящиковъ отправленныхъ въ Лондонъ, окажется низшаго противу пробнаго вкуса достоинства, онъ немедленно бываетъ возвращаемъ въ Кантонъ Хонгу, или Китайской Чайной Компаніи, и купецъ Хонга, который доставилъ его Англійской Факторіи, препровождаетъ дурной товаръ обратно тому, у кого самъ его купилъ. Но вольные торговцы не смѣютъ пользоваться этимъ преимуществомъ. Опрометывая устремясь съ деньгами, по открытіи свободной

торговли къ сѣверо-восточнымъ берегамъ Китая, должны будутъ сами осматривать и браковать товары въ которомъ не знаютъ ни какого толку; Китайцы манутъ ихъ на каждомъ шагу, безъ всякаго обезпеченія на случай неосмотрительности или злоупотребленія; они принуждены будутъ совершенно положиться на честность низшаго класса Китайскаго народа, торый не ставитъ себѣ въ безчестіе надуть ни ихъ, ни чужестранцевъ, — и пока Англія, будучи весь вѣкъ управляема такимъ такъ теперь завоевательнымъ-меркантильнымъ министерствомъ, объявитъ войну Богдохану, изъ-за того, единственно, что его варварые подданные подвергаютъ обманамъ почтенное Англійское купечество, промышляющее съ нею контрабандою, образованная Европа, за исключеніемъ одной Россіи, вдоволь покушается Китайскому мху.

Но между-тѣмъ, какъ мы разсуждаемъ о возможности и вѣроятныхъ слѣдствіяхъ свободной торговли, завѣтнымъ отечествомъ счетныхъ досокъ и саморубовъ, вотъ, первая попытка нарушить его спокойствіе уже отважно сдѣлана, — и мы съ душевнымъ прискорбіемъ видимъ, что даже печатный отчетъ о непріятной экспедиціи корабля «Амгерстъ» подъ начальствомъ Капитана Линдсея къ сѣверо-восточнымъ берегамъ Китая для разведенія на нихъ первыхъ съмысловъ контрабанды, написанъ въ духъ, сильно подстрекающемъ къ противузаконному торгу съ тѣми мѣстами, приводя почти на каждой страницѣ примѣры удачнаго сопротивленія мѣстной законной власти, и впечатлѣніямъ въ тысячу различныхъ видахъ ученикамъ, какъ лучше возмущать Китайцевъ противу правительства. Тѣ и другое, къ несчастію, не замедлятъ сыскать себѣ послѣдователей и искусныхъ учениковъ между златолюбивыми приверженцами сво-

ной торговли, — ибо хотя, по словам Г. Линдсея, экспедиція въ торговомъ отношеніи и не достигла вполне своей цѣли; хотя сами Директоры предпріятія признаются, что неудовлетворительность ея послѣдствій на первый случай не подлежитъ сомнѣнію, и что целья не пожалѣть о томъ, что планъ такого важнаго начинанія былъ составленъ съ столь малымъ благоразуміемъ и осторожностію», — при всемъ томъ, мужественная рѣшимость молодого человѣка, начальствовавшего надъ нею и сопутствовавшего ему Нѣмецкаго агента, Г. Гуцлафа, произведетъ въ умахъ и удивленіе и страсть къ подражанію, и какъ-разъ будетъ причиною кровавыхъ неудовольствій между Китаемъ Англіею.

Несмотря, однако жъ, на приведенныя замѣчанія, можно сказать по совѣсти, что «Описаніе» этой экспедиціи заключаетъ въ себѣ множество занимательныхъ подробностей, обнаруживающихъ безразсудность и безсиліе властей на сѣверо-восточныхъ берегахъ Китая*: въ немъ живо изображены и робость порабощенныхъ мандариновъ при появленіи горсти вооруженныхъ чужеземныхъ торговцевъ, и униженіе ихъ мѣры, чтобъ принудить пришельцевъ удалиться, и беззащитность большой части городовъ, гаваней и судоходныхъ рѣкъ Китайскихъ.

Отчетъ объ этомъ, составленный Г. Линдсеемъ, изданъ распоряженіями Г. Маржорибенкса. Главная его цѣль — показать, до какой степени можетъ быть распространена Англійская торговля съ сѣверными портами Китая; которые именно изъ нихъ долны быть, предпочтены прочимъ, и каково расположеніе жителей

* Подробное извлеченіе изъ этого описанія было напечатано въ теченіи прошлаго мѣсяца во многихъ нумерахъ Сѣнктпетербургскихъ вѣдомостей: отсылаемъ къ нему любопытныхъ. Б. д. Ч.

и правительствъ страны къ иноземнымъ торговцамъ. Г. Линдсею было поставлено въ обязанность избѣжать всякаго повода къ неудовольствіямъ съ Китаича и остерегаться нарушать въ чемъ-либо существующую у нихъ постановленія; а всего болѣе не подавать подозрѣнія, что онъ имѣетъ какое-либо особенное порученіе отъ Остѣ-Индской Компаніи. По-этому Линдсей, боясь быть узнанъ въ Кантонѣ, перемѣнилъ собственное имя свое, *Югъ-Гамильтонъ*, на Китайское названіе *Гу-ги-ми*, и объявилъ, что корабль идетъ изъ Бенгаліи въ Японію.

«Изъ сего уже обнаруживается, говорятъ Директоръ факторіи, что съ самаго начала предпріятія, Г. Линдсей былъ принужденъ поступать въ отношеніи къ Китаичамъ совершенно не такъ, какъ поступали мы, стараясь во всякихъ случаяхъ оказывать предъ ними прямоту и откровенность. Очевидно, что съ обнаруженіемъ подобнаго поведенія, рано ли, поздно ли, оно непременно обнаружится. Такое уваженіе, пріобрѣтенное Остѣ-Индскою Компаніею своимъ роднымъ ея обращеніемъ съ туземными властями, должно будетъ значительно уменьшиться.» *Изъ парламентскихъ бумагъ. Корабль «Амгерстъ», 1833.*

Г. Маржорибенкъ издалъ небольшое сочиненіе подъ названіемъ — «Нѣчто о характерѣ Англичанъ», оно переведено было на Китайскій языкъ съ намѣреніемъ сдѣлать его извѣстнымъ во всей Поднебесной Имперіи. Само собою разумѣется, что въ немъ замечались выпренныя похвалы соотечественникамъ и порицанія Кантонскаго правительства. Г. Девисъ, хорошій Англіійскій литераторъ и знатокъ Китайскаго языка, бывшій въ то время второприсутствующимъ въ Комитетѣ факторіи, сделалъ весьма справедливое возраженіе на подобное употребленіе Китайскаго книгопечатанія. Занявъ томъ мѣсто председателя, онъ благоразумно и честно

запретилъ Г. Линдсею распространять въ Китайской публикѣ это сочиненіе, и даже требовалъ у него возвращенія всѣхъ бывшихъ при немъ экземпляровъ. Г. Линдсей дѣйствительно представилъ ему ящикъ съ нѣсколькими стами экземпляровъ, удостовѣряя, что у него ихъ болѣе нѣтъ. Несмотря на то, онъ однако не послѣ получилъ отъ извѣстнаго оріенталиста, Г. Моррисона, пятьсотъ этихъ книжекъ, какъ-бы для раздачи ихъ между жителями Кореи и Японіи, но въ самомъ дѣлѣ роздалъ значительное ихъ число Китаю. Постыдный этотъ поступокъ, побудилъ Директоровъ сдѣлать слѣдующія колкія замѣчанія.

«Желательно знать, что сдѣлало бы Англійское правительство, если бѣ Китайское судно, нагруженное запрещенными товарами, прибыло къ какому-нибудь Великобританскому порту, закрытому для иностраннаго флага, и если бѣ, послѣ оказаннаго сопротивленія допустить въ гавань, капи-танъ судна сталъ раздавать между береговыми жителями чиненіе, беспощадно ругающее ихъ правительство, и взы-скующее ихъ къ мятежу противъ него? Неужели такой по-ступокъ остался бы безъ возмездія? Согласно ли съ достоинствомъ Англіи дѣйствовать подобными мѣрами; прилич-но ли такъ подкапывать зданіе ветхаго и боязливаго пра-вительства, съ которымъ для своихъ торговыхъ видовъ же-лаема бѣ она быть всегда въ мирѣ и согласіи?» *Изъ пар-ламентскихъ бумагъ. Корабль «Амгерстъ», 1833 г.*

Нѣсколько извлеченій изъ отчета Г. Линдсея убѣ-ждаютъ читателей, что, несмотря на затруднительность вести при настоящихъ обстоятельствахъ открытую торговлю съ сѣверо-восточнымъ берегомъ Китая, су-ществуетъ однако жъ возможность торговать съ нимъ посредствомъ насильственной контрабанды, — и мо-гутъ дать понятіе объ опасномъ направленіи, какое скоро приметъ это дѣло и для Поднебесной Имперіи и для самой Великобританніи. Говоря объ Амоѣ, гавань

ни Фу-кяньской области, гдѣ нѣкогда Англія имѣла свою факторію, Г. Гуцлавъ присовокупляетъ:

«Нигдѣ не оказывали мы такой покорности, и нигдѣ обращались съ нами такъ дурно, какъ въ этомъ городѣ. Полиція разгоняла, въ глазахъ нашихъ, народъ, подходившій къ нашему судну или издали на него смотрѣвшій. И которые Китайцы были наказываемы бамбуковыми тростями на джонкахъ, стоявшихъ близъ самага корабля нашихъ, съ тѣмъ, чтобъ крикъ ихъ былъ намъ слышанъ; потомъ ихъ водили по городу съ повѣшенными на шеѣ досками, на которыхъ написано было что эти преступники осмѣлились смотрѣть на корабли *Западныхъ чертей*. Все это делалось не только для устрашенія народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ и для униженія насъ въ глазахъ его. Мы терпѣливо переносили эти поступки, и мандарины, поощряемые такимъ бездѣйствіемъ, дошли до того, что окружили нашъ корабль, и направили на него свои орудія. Они просили бы дерзость и далѣе, если бъ не замѣтили, что, въ случаѣ нападенія, мы имѣемъ средства къ оборонѣ. Несмотря на то, мы ничего противъ нихъ не предприняли, жалуясь только, что произведетъ безмолвная наша покорность».

Городъ Амой понынѣ весьма важенъ въ торговыхъ отношеніяхъ, и служитъ мѣстомъ пребыванія многихъ богатыхъ купцамъ. Безчисленные ихъ джонки, которыхъ нѣкоторые содержатъ въ себѣ до 800 тонновъ, производятъ обширную торговлю съ Остъ-Индіею, съ Архипелагомъ; они ходятъ въ Борнео, Мадагаскаръ, Батавію и къ островамъ Сулу; многія изъ нихъ отправляются въ Сингапуръ, для закупки опиума и англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій. Страна эта, изъ безплоднѣйшихъ въ цѣломъ Китаѣ, и продовольствіе доставляется въ городъ большею частію съ острова Формозы. Г. Амидсею было объявлено мандатомъ, чтобъ онъ со всевозможною посѣдливостію озабочивалъ Амой; что всѣ припасы будутъ ему выданы

денежно, и чтобъ экипажъ его ни подъ какимъ видомъ не осмѣливался сходить на берегъ, и вступать въ сношенія съ жителями. Несмотря на то, Англичане вошли въ городъ, и были приняты народомъ, съ изъявленіями пріязни. На слѣдующій день Англіійскій корабль былъ окруженъ множествомъ военныхъ Китайскихъ судовъ, и на нихъ-то совершены были наказанія, о которыхъ рассказываетъ Г. Гуцлавъ. Г. Линдсей успѣлъ однако жъ испросить для себя свиданіе съ мандаринами, но ему не было дозволено сидѣть въ ихъ присутствіи. Одинъ изъ нихъ, родомъ изъ Кантона, рѣшительно объявилъ, что подъ предлогомъ запасти припасами, дорогіе гости скрываютъ какое-нибудь непріязненное намѣреніе. «Да,» сказалъ онъ Г. Линдсею, потерявъ терпѣніе: «я равно ненавижу и презираю и судно ваше, и васъ самихъ,» — и, обратясь къ Г. Гуцлаву, который прекрасно говоритъ по-Китайски, присоединилъ: «Я знаю, что ты здѣшній уроженецъ, измѣнникъ отечеству, и служишь этимъ чертямъ, подъ жуземнымъ одѣяніемъ.» Г. Линдсей упрекаетъ самъ себя за то, что, при испрошеніи свиданія, онъ не договорился предварительно, чтобъ ему было оказано надлежащее уваженіе, и полагаетъ, что онъ и его товарищи унизили себя въ глазахъ Китайцевъ, согласясь стоять въ ихъ присутствіи.

По-этому онъ рѣшился при первомъ случаѣ исполнить вознаградить себя и своихъ товарищей за претерпѣнное униженіе, и, прибывъ къ большому городу Фу-чуну, смѣло пустился вверхъ по рѣкѣ, протекающей черезъ него. Потомъ онъ занялъ съ своимъ экипажемъ одно изъ казенныхъ присутственныхъ мѣстъ, велѣвъ сказать мандарину, покушавшемуся заставить его удаляться, что онъ плутъ, невѣжда, не умѣетъ жить съ людьми, и что онъ, Г. Линдсей, и его люди, на зло ему, будутъ сидѣть и спать тамъ, гдѣ и онъ. Потомъ

еще приказалъ онъ поставить столъ, и расположилъ съ товарищами вокругъ него, посреди многочисленнаго собранія мандариновъ, пораженныхъ столь неожиданными поступками. Изъ этого примѣра можно заключить, говорить Г. Линдсей, что въ дѣлахъ съ тайцами надобно только оказывать твердую волю и готовность на всякую опасность для достиженія своей цѣли, — и тогда навѣрное получишь отъ нихъ все, что хочешь. Далѣе, начальникъ экспедиціи посѣтилъ тайскаго Вице-адмирала, *Чина*. Послѣдній обошелся съ нимъ весьма учтиво, увѣряя, что всѣ потребности его корабля будутъ удовлетворены. Г. Линдсей отклонилъ это предложеніе, и объявилъ, что онъ прибываетъ единственно для открытія свободныхъ сношеній между жителями, и что въ случаѣ какого-либо сопротивленія его намѣренію, онъ съ вечернимъ приливомъ вступитъ въ гавань. Вице-Адмиралъ былъ чрезвычайно удивленъ безъ причины удивленъ такимъ отзывомъ.

Случилось, что Вице-адмиральская джонка наткнулась на корабль «Амгерстъ», и Г. Линдсей отправилъ на нее четырехъ матрозовъ, для перерѣзанія каната. Китайцы, увидѣвъ Англичанъ, всходящихъ на палубу ихъ судна, были объаты такимъ паническимъ страхомъ, что разбѣжались въ разныя стороны: иные спрыгнули въ трюмъ, другіе на корму; нѣкоторые даже бросились въ море; на палубѣ остались только Вице-адмиралъ съ ближайшимъ своимъ служителемъ. Какъ тотъ, такъ и другой были въ величайшемъ смущеніи. Тогда, одинъ изъ Англичанъ, Г. Симпсонъ перерѣзалъ канатъ, и спокойно удалился съ своими товарищами.

Послѣдствія этихъ поступковъ должны конечно дать на совѣсть Г. Линдсея. Несчастный Вице-адмиралъ и двое другихъ морскихъ офицеровъ были

калованы и выключены изъ службы за то, что допустили Англійское судно войти въ рѣку. Черезъ нѣсколько дней, Г. Линдсей получилъ отъ Вице-адмирала, *Чина*, письмо въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ.

«Вице-рой,» писалъ онъ, «донесъ Императору, что любезный намъ корабль вашъ прибылъ сюда, и остается здѣсь уже нѣсколько дней. Онъ намъревается лишить насъ за то званія, чести и всего имущества. Таково опредѣленіе судьбы, и смѣю ли я роптать на нее? Вы, старшій братъ мой, конечно не предвидѣли, что прибытіемъ своимъ меня погубите, и я не питаю ропсивъ васъ ни злобы, ни негодованія. Если я успѣлъ посетить въ васъ ко мнѣ взаимное уваженіе, и если смѣю надѣяться въ вашей стороны снисхожденія къ настоящимъ обстоятельствамъ, исполните усерднѣйшую мою просьбу, и удалитесь въ здѣшней гавани, чѣмъ избавите вы насъ отъ тяжелой вины. Прообщая вамъ это, молимъ духовъ о вашемъ благополучіи, и желаемъ, чтобъ всѣ находящіеся на кораблѣ вашемъ пребыли правы.»

Сверхъ-того, Вице-адмиралъ, *Чинъ*, посѣтилъ Г. Линдсея, и въ въ продолженіе трехъ часовъ осматривалъ его корабль. Когда Г. Линдсей предложилъ ему курокъ камлота, онъ учтиво, но положительно, отказался, говоря, что пріѣхалъ для дружескаго свиданія, а не для взятія подарковъ.

Изъ Фу-чу-фу, экспедиція отправилась въ Нинъ-пу, городъ, лежащій въ заливѣ Чу-санъ. Эта гавань была прежде открыта для Англичанъ; она безъ-сомнѣнія добнѣйшая изъ всѣхъ, лежащихъ по сѣверо-восточному берегу Китая, для сношеній черезъ городъ Ханъ-у-фу съ областями, производящими чай и шелкъ. Здѣсь она была встрѣчена ласково и гостепріимно. Любопытству и распросамъ мандариновъ, купцовъ и лавочниковъ, не было конца. «Каждый желалъ имѣть

экземпляръ сочиненія объ Англіи, слава которой пространялась съ удивительною быстротою.» всемъ томъ народъ былъ недоволенъ прибытіемъ глйскаго корабля, и требовалъ, чтобъ онъ удалился на нѣкоторое разстояніе отъ берега. Но Г. Линд припомнивъ себѣ совѣтъ, данный Г. Дроммондомъ, нынѣшнимъ Лордомъ Стратгалланъ, Капитану Круштерну, — «никогда не спрашивать у Китайцевъ воленія, но дѣйствовать, и потомъ уже извиняться за сдѣланномъ поступкѣ», — рѣшился поступить совершенно вопреки требованію. Старшіе мандарины ли однако жъ къ-то увѣдомлены, что «судно за ныхъ чертей рыщетъ по Океану, стараясь, подкрысѣ, проникнуть въ приморскіе города,» и чѣмъ нѣмъ должно наблюдать, преслѣдовать его и заставить удалиться, — и не остались въ бездѣйствіи.

Г. Линдсей, несмотря на свою дерзость, былъ совершенно поставленъ въ тупикъ однимъ мелкимъ мандариномъ, по имени *Ма*, и, потерявъ надежду на издѣленіе торговыхъ сношеній съ этимъ городомъ, возмѣрился отправиться въ дальнѣйшій путь; особенно когда мандаринъ объявилъ ему, что народъ имѣетъ полную причину полагать, что они прибыли не для торговли, но для собранія свѣдѣній о странѣ. Онъ не смѣлъ возражать на столь обидное подозрѣніе, но сказалъ ему въ отвѣтъ: «Хотите ли знать причину? Мы боимся васъ, потому, что замѣчаемъ въ васъ слишкомъ много хитрости: суда ваши ходятъ по всемъ правленіямъ; вы измѣряете глубину моря, составите карты, и въ недѣлю можете узнать мѣстности хуже насъ самихъ. Корейцамъ мы дозволяемъ входъ во всѣ наши гавани: они глупы, и мы ихъ не опасаемся; они видятъ вещи, но ничего не примѣчаютъ.» Мандаринъ, право, былъ не дуракъ!

Подозрѣніе, будто ихъ хотятъ подсмотрѣть, до того усилилось между Китайцами, въ особенности когда корабль «Амгерстъ» вошелъ въ рѣку, что сильный отрядъ войска былъ расположенъ вокругъ городскихъ стѣнъ, и десять вооруженныхъ джонокъ было выслано въ подкрѣпленіе. Г. Линдсей былъ вновь съ учтивостію убѣждаемъ удалиться; на что однако жъ онъ отвѣчалъ одними угрозами Китайскому адмиральскому судну. Поступокъ этотъ самъ онъ признаетъ «несовсѣмъ-то справедливымъ», но извиняется тѣмъ, что Китайцы «такъ безсмысленны!» Хитрый мандаринъ, Ма, заботившійся только о томъ, чтобъ безъ шума раздѣлаться съ Англичанами, всѣми мѣрами старался заставить Г. Линдсея принять всѣ припасы безденежно, и сверхъ-того шесть сотъ доллеровъ, въ видѣ придачи, за медленное ихъ доставленіе. Его предложенія, само собою разумѣется, были отвергнуты; но Г. Линдсей, видя неудобства завести торговля сношенія съ такими трусами, долженъ былъ оставить Нипъ-пу, взявъ направленіе къ сѣверу, и поплылъ въ гавань Шанъ-э, лежащую въ провинціи Цянъ-нань. Здѣсь корабль его былъ остановленъ въ устьѣ рѣки, и ему было объявлено запрещеніе итти далѣе. На это онъ отвѣчалъ, что имѣетъ необходимую надобность войти въ городъ, — что и было исполнено на самомъ дѣлѣ. На вопросъ, гдѣ жилище вашего Тау-тай, одинъ молодой Китаецъ отвѣчалъ ему, что Тау-тай, отправился въ гавань для встрѣчи Англійскаго судна. Слѣдующая выписка можетъ служить доказательствомъ величайшей наглости нашихъ Англичанъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, какого успѣха могутъ надѣяться послѣдователи системы насильственной торговли.

«Не доверяя этому извѣщенію» говоритъ Г. Линдсей, «мы продолжали путь, и, по указаніямъ, съ готовностію даваемымъ жителями, достигли обширнаго зданія, гдѣ живетъ Тау-тай.

При появленіи нашемъ, поставленные у дома стражи хотѣли запретъ входить, и мы съ трудомъ успѣли, растолкавъ ихъ, проникнуть на дворъ. Тутъ увидѣли мы множество нижнихъ лицейскихъ служителей, но не нашли ни одного порядочнаго челоуѣка. Трое дверей, ведущія во внутренность зданія, были замкнуты и заложены перекладинами. Подождавъ нѣсколькихъ минутъ, мы начали сильно стучать; но какъ намъ не отворили, то двое изъ моихъ спутниковъ, Симпсонъ и Стефенсъ, шились отпустить два такихъ удара въ среднія двери, онѣ соскочили съ петель, и съ ужаснымъ стукомъ упали на землю. Мы вошли въ главную судейскую залу, въ противоположномъ концѣ которой Тау-тай засѣдалъ въ полномъ присутствіи. При столь внезапномъ появленіи Западныхъ чертей кто, разумется, не обратилъ вниманія на невѣжливый ихъ ступокъ: напротивъ мы были приняты съ величайшею учтивостію, намъ немедленно подали чай и трубки съ табакомъ.

Изъ парламентскихъ бумагъ. Отчетъ Г. Линдсея, 1839

Увидѣвъ Англичанъ, одинъ только Чи-хенъ, съ удовольствіемъ сказалъ, вставъ съ своего мѣста: «Вамъ нельзя торговать здѣсь; вы должны ѣхать въ Кантонъ.» Потомъ онъ сѣлъ, а Г. Линдсей помѣстился прямо противъ него. Тогда онъ опять всталъ, и, бросивъ на него гнѣвный взглядъ, вышелъ изъ комнаты, не произнеся ни слова. Но и этотъ храбрый чиникъ, по словамъ Г. Линдсея, на слѣдующій день былъ учтивъ и сговорчивъ. Что касается до насъ, то мы по совѣсти удивляемся, какъ Чи-хенъ не приказалъ схватить ихъ, и посадить въ тюрьму. Но снисходительность его послужила, по-видимому, только утверженію Г. Линдсея въ любимомъ его правилѣ, «что уступчивость производитъ наглость; а твердость и настойчивость исторгаютъ у Китайца учтивость и вѣжливое обхожденіе.»

Нельзя однако не пожалѣть, что слѣдствія этой твердости и настойчивости всегда обращаются на ли

всего менѣ виновный. Наказаніе, постигшее Вице-адмирала и двухъ морскихъ офицеровъ въ Фу-чу-фу, уже должно было усовѣстить нашихъ Аргонавтовъ: теперь опять ихъ поведеніе подвергло невиннаго жестокому наказанію.

«Мы имѣли случай, говоритъ Г. Линдсей, быть свидѣтелями строгости Китайской дисциплины: однажды увидѣли мы, что два палача вели мандарина, у котораго глаза были завязаны платкомъ, а уши проткнуты короткою бамбуковою тростью съ небольшимъ флюгеромъ; передъ мандариномъ, одинъ человекъ несъ его шапку съ золотымъ шарикомъ, а другой доску съ слѣдующею надписью: Повелѣніемъ Главноначальствующаго надъ Су и Суномъ, за нарушеніе военного порядка, уши его проколоты въ устрашеніе всѣхъ и каждого.» Въ этомъ видѣ несчастный былъ водимъ сперва вдоль берега, потомъ по всѣмъ военнымъ джонкамъ, близъ него стоявшимъ, а потомъ приведенъ на адмиральскій корабль. Въ послѣдствіи узнали мы, что все преступленіе его состояло въ томъ, что онъ пропустилъ нашъ корабль, не донесши о томъ предварительно начальству.»

Но пора прекратить любопытное и поучительное повѣствованіе, о которомъ извлеченія наши, по своей необходимой краткости, не могутъ дать полнаго понятія. Мы приведемъ только его заключеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ строкъ, но въ которыхъ содержится вся нравственность предпріятія, и вся будущность отношеній между Англіею и Китаемъ.

«Я полагаю, говоритъ начальникъ экспедиціи, что можно будетъ, вопреки всѣмъ запрещеніямъ, законамъ и всѣмъ усиліямъ Китайскаго правительства, открыть въ Фу-чу-фу торговлю опиумомъ и издѣліями Англійскихъ мануфактуръ. Торговля эта будетъ во многомъ имѣть сходство съ тою, которая производилась нами съ Испанско-Американскими колоніями, до ихъ освобожденія.»

Не должно ли ожидать, что слѣдствіемъ этой торговли будутъ тоже освобожденіе Китая и учрежденіе въ немъ Республикъ?.....

Со времени возвращенія Г. Линдсея, Кантонъ начальство получало многократныя повелѣнія изъ Пекина, ни подъ какимъ видомъ не пропускать ни одного иностраннаго судна къ сѣверо-восточнымъ берегамъ Китая, и чтобъ вся иностранная торговля изводилась исключительно въ Кантонъ. Хотя и получавшія подобныя повелѣнія и не имѣли средствъ къ ихъ исполненію, но то несомнѣнно, что Китайское правительство принимаетъ мѣры къ укрѣпленію въ слабыхъ точкахъ берега; несомнѣнно, равнымъ образомъ, что если теперь хотя одно Англійское судно явится на тѣхъ водахъ, и вступитъ въ торговые сношенія съ жителями, между Англіею и Китаемъ часъ произойдетъ разрывъ, и самый Кантонъ будетъ закрытъ для Великобританскаго флага.

Quarterly Review.

ЕГИПЕТЪ ВЪ 1833 ГОДУ.*.

Освобожденный послѣ сороколѣтняго угнетенія мощною рукою человѣка хитраго, но гениальнаго, и ведомый имъ нечувствительно по пути просвѣщенія, Египетъ безъ сомнѣнія представляетъ зрѣлище, достойное вниманія наблюдателя; и всякому должно быть любопытно состояніе и устройство сухопутныхъ и морскихъ силъ, въ которыхъ заключается могущество Мегемета-Али, который уже доставили ему средство распространить свои владѣнія, и вѣроятно еще послужать орудіемъ къ новымъ попыткамъ привести въ исполненіе обширные виды его честолюбія.

По характеру жителей, Египетъ можетъ-быть болѣе чѣмъ какая либо другая страна, былъ расположенъ къ правительственной монополіи: Мегеметъ-Али искусно воспользовался этимъ обстоятельствомъ, и сдѣлался единоличнымъ властителемъ судебъ и частной собственности этой плодородной земли. Паша всѣмъ управляетъ,

* Одинъ изъ пашалыковъ Турецкой Имперіи, Египетъ, — кто бы это подумалъ лѣтъ десять тому назадъ! — составляетъ теперь важнѣйшій предметъ политическихъ соображеній Европы. Только великодушіе Россіи спасло Оттоманскую Державу отъ честолюбія властелина, утвердившаго въ немъ свое владычество, и Европу отъ неминуемаго и опаснаго потрясенія. Кто изъ Русскихъ не пожелаетъ узнать покороче характеръ и средства человѣка, державшаго такъ недавно спорить о престолѣ Восточа съ своимъ законнымъ Государемъ, и доставившаго намъ случай присвокупить къ отечественной Исторіи одну изъ прекраснѣйшихъ чертъ прямоты и безкорыстія, одно изъ лѣстнѣйшихъ доказательствъ славы Россійскаго оружія, когда присутствіе пятнадцати тысячъ нашихъ воиновъ было достаточно, чтобъ остановить стремленіе завоевателя, страшнѣйшаго, нежели какъ обыкновенно полагають? Читеніе этой статьи дастъ понятіе и о нынѣшнемъ положеніи Египта, и о чрезвычайной важности услуги, оказанной Россіею какъ судьбѣ самой Турціи такъ, и спокойствію всего Запада.

— дѣлами гражданскими, дѣлами военными, управлением и движеніями флота, и оборотами мѣстной торговли. Съ ранняго утра онъ уже въ гавани и отплываетъ для обозрѣнія своего флота. Оттуда ѣдетъ въ арсеналь, и тамъ принимаетъ свой главный штатъ чиновниковъ гражданского управленія и купитъ съ которыми торгуетъ Египтомъ. Послѣ обѣда опять плыветъ на рейдъ, и часто является на мѣляхъ, готовящихся поднять паруса. Остальную часть дня посвящаетъ онъ работѣ и обрядамъ религіи, которые исполняетъ съ примѣрною точностію, или, еще сказать, съ отличнымъ лицемѣрствомъ.

Необыкновенная судьба Мегемета-Али извѣстна. Онъ родился въ Кавалѣ, въ Ромеліи, и лишившись отца своего въ ранней молодости, вступилъ въ службу правителя этого мѣстечка сборщикомъ податей. По служебное званіе, пріобрѣтенное имъ при отправленіи этой должности, и богатая женитьба доставила ему званіе *бин-баши*, тысячника, то есть командира батальона состоявшаго изъ трехъ сотъ человекъ, выставленнаго Кавальскимъ округомъ и отправленнаго въ Египетъ, во время войны съ Франціею. Счастіе не измѣняло ему съ тѣхъ самыхъ поръ, онъ въ первый разъ ступилъ на эту землю, достававшую сдѣлаться въ послѣдствіи поприщемъ угнетеній, полезныхъ дѣлъ, кровавыхъ дѣйствій гадочной славы.

Еще съ 1779 года, со смерти извѣстнаго Али-Турки и Мамелюки оспаривали другъ у друга владѣніе надъ Египтомъ. Вся тактика Мегемета-Али состояла въ томъ, чтобы ослаблять однихъ посредствомъ другихъ; взаимная вражда ихъ и обоюдныя послужили къ усиленію его могущества. Его послали Турецкимъ отрядомъ противъ Мамелюковъ, но присоединился къ нимъ, пошелъ вмѣстѣ на Каи

выгналъ правителя, котораго былъ слугою; потомъ выгналъ Мамелюковъ, и снова призвалъ прежняго правителя. Чрезъ нѣсколько времени, онъ втайнѣ приготовилъ возстаніе, и самъ занялъ мѣсто правителя. Эти происки продолжались шесть лѣтъ; въ два года послѣ того, онъ преодолѣлъ всѣ преграды, препятствовавшія его возвышенію, и Диванъ поневолѣ утвердилъ его Египетскимъ Пашею. Съ тѣхъ поръ желѣзная его воля стремилась къ одной цѣли, — просвѣщенію своего государства, и выжатію изъ него послѣдняго соку. Всѣ удары, наносимые его власти, всѣ нападенія на подвластныя ему земли были отражены съ успѣхомъ и счастіемъ неслыханнымъ; и каждая побѣда умножала его силу внутри похищенной области, и распространяла ея предѣлы. Онъ сдѣлался настоящимъ помѣщикомъ всего Египта, и сталъ торговать одинъ цѣлою массою его произведеній, какъ сборомъ собственной пашни. Оттуда источникъ его богатства, дозволившаго ему содержать на трехъ милліонахъ народонаселенія арміи и флоты, которые въ Европѣ требовали бѣ доходовъ и средствъ государства, равнаго Пруссіи. Завоевавъ обѣ колыбели Исламизма, Мекку и Медину, восторжествовавъ надъ Вехабитами, которые долгое время посмѣвались надъ ратями Турецкими и Персидскими, онъ заслужилъ уваженіе Мусульманъ. На Югѣ, онъ простеръ завоеванія свои въ Нубіи далѣе, чѣмъ въ древнія времена Греки и Персы; извѣстно, съ какою ужасною рѣшительностію ниспровергъ онъ анархическое могущество Мамелюковъ, и навсегда прекратилъ ихъ мятежи и самое существованіе.

Достигнувъ власти, онъ тотчасъ старался сформировать, по образцу Европейскихъ войскъ, нѣсколько Турецкихъ и Албанскихъ баталіоновъ; новая дисциплина, ненравившаяся впрочемъ народу, поддержи-

валась нѣсколько времени, благодаря его побѣда
жестокости Восточнаго образа правленія ; но эта
токость наконецъ возбудила ужасное противодѣйствіе.
Въ 1815 году войска возмутились, перекололи своих
офицеровъ, разграбили Каиръ, и принудили Мегметъ
Али искать спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ. Но
явился снова , какъ скоро буря нѣсколько утихла,
велъ себя въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ
хладнокровіемъ и благоразуміемъ удивительнымъ.
Онъ не только не выказалъ боязни, но смѣло по
сталъ предъ свои войска, потребовалъ, чтобы они
вернулись къ долгу службы, обѣщалъ не подчинять
ихъ Европейской дисциплинѣ, вознаградить купцовъ,
которыхъ магазины были разграблены, и объявить
прощеніе. Онъ сдержалъ свое слово, но не оставилъ
намѣренія учредить у себя регулярную армію: то
ко, съ тѣхъ поръ онъ уже не старался подчинить
дисциплинѣ Турокъ и Албанцевъ, а сталъ искать орудій
для сего начинанія между Египетскими туземцами.
Онъ увидѣлъ, что неудачу должно было приписать
слишкомъ суровымъ мѣрамъ, имъ принятымъ ; сохранилъ
прежнюю систему, и, чтобъ заохотить народъ къ
своимъ нововведеніямъ, призналъ за нужное сдѣлать
звание солдата пріятнымъ. Войска его нынѣ хороши
одѣты, исправно получаютъ жалованье, и защищены
отъ притѣсненій хорошимъ воинскимъ уставомъ;
земли, доступныя для всѣхъ, добываются только мушкетер
ствомъ и дарованіями. Такимъ образомъ, онъ поднимаетъ
духъ своей арміи, и распространилъ въ ней соревнованіе.

Нынѣшняя его пѣхота хорошо обучена и испытана
побѣдами, кавалерія снабжена прекрасными лошадьми,
и между прочимъ у него есть превосходный полкъ
улановъ, исправная артиллерія и корпусъ фейерверк
еровъ для Конгревовыхъ ракетъ.

воли Мегемета-Али и воинскихъ дарованій его недостаточно было бы для произведенія столькихъ слѣдствій, если бъ онъ не призывалъ и не являлъ къ себѣ многихъ весьма способныхъ людей, выбранныхъ изъ своего отечества политическими бурями 1815 года во Франціи, 1823 года въ Италіи и Испаніи. Къ числу офицеровъ Наполеоновской арміи, мужественныхъ, пылкихъ, предприимчивыхъ, превосходящихъ въ орудіи въ рукъ завоевателя-просвѣтителя, населявшихъ его владѣнія. Паша, доступный для всѣхъ, назначилъ имъ должности, наиболѣе соотвѣтствовавшія способностямъ и познаніямъ, но въ особенности тѣхъ, которые брались обучать его рожавшуюся армію. Въ числѣ приближенныхъ Мегемета-Али, эти люди находили покровителя и друга въ немъ Французскомъ Полковникѣ Севѣ, извѣстномъ именемъ Сулейманъ-Бей, нынѣ двухъ-бунчуж-Паши. Несмотря на свое отреченіе, этотъ челоумъ заслужить въ Александріи и въ Каирѣ уваженіе и Арабовъ, и Франковъ. Другіе, жившіе въ Египтѣ, Европейцы предложили Пашѣ услуги своихъ ремеселъ врачей, аптекарей, купцовъ, моряковъ, ремесленниковъ; и, странное дѣло, многіе изъ нихъ, получившіе должности, къ которымъ не пригласились и которыми прежде никогда не занимались, исполняютъ ихъ весьма успѣшно.

Такимъ образомъ Паша набралъ толпу сотрудниковъ, которые превратили тощихъ и жалкихъ Арабскихъ войска въ регулярную, хорошо обученную армію. Египетскія войска не обращаютъ на себя вниманія бою своимъ видомъ и блестящею выправкою: вообразите себѣ несчастныхъ, съ лицами мѣднаго цвѣта, одѣтыхъ въ лохмотья, марширующихъ скорымъ шагомъ, подъ предводительствомъ барабана и флейты, подъ предводительствомъ одного изъ своихъ соотечественниковъ, вооруженнаго

огромною дубиною , и вы будете имѣть понятіе о гулярной арміи Мегемета-Али. Часовой никогда не стоитъ съ ружьемъ въ рукахъ , а садится безъ чина на-земь , и курить трубку. Солдаты обыкновенно держать ружья подъ курокъ , и это могло бы причинить разные несчастные случаи , если бы ружья были заряжены: къ счастью , имъ раздаютъ патроны только тогда , когда надобно стрѣлять. Оружіе содержится въ немаломъ хорошемъ.

Арабскіе рекруты все болѣе и болѣе привязываются къ военной службѣ , и часто , послѣ ученія и надзоромъ офицера , они упражняются еще сами въ искусствѣ свободно владѣть оружіемъ.

Наборъ рекрутъ для арміи и флота производится рѣшительнымъ и проворнымъ образомъ , дозволеннымъ Турецкаго правленія. Ко всемъ шейхамъ Аравскихъ селеній посылаютъ приказъ , выставить въ назначенный срокъ известное число жителей , и привести ихъ въ Каиръ или Александрію , смотря по тому сухопутное ли войско или во флотъ они должны быть определены. Ежели шейхъ не можетъ собрать предписаннаго числа рекрутъ , онъ обязанъ идти самъ со своими родственниками и ближними , а чтобы они не разбѣгались , ихъ накрѣпко связываютъ веревками въ этомъ видѣ ведутъ въ сборное мѣсто. По прибытіи ихъ туда , совершается полное превращеніе : мундиръ довольно чистый замѣняетъ лохмотья , въ которомъ они ходили , и характеръ ихъ измѣняется вмѣстѣ съ одеждою. Эти люди , которыхъ такъ трудно было привести подъ знамена , пристращаются къ своему званію , когда ихъ пошлютъ набирать рекрутъ , они съ наслажденіемъ подвергаютъ новыхъ своихъ товарищей насиліямъ , которыхъ прежде сами были жертвою.

Людей , назначенныхъ во флотъ , сажаютъ на судно въ Нилѣ. Чтобы узнать ихъ въ случаѣ побѣга , имъ ка-

тъ на рукъ якорь; по прибытіи на мѣсто, ихъ учать
ходиться съ парусами и пушками, и въ короткое
время они уже исправляютъ должность свою съ боль-
шею ловкостію. При спускѣ новаго корабля экипажъ
составляется изъ старыхъ матросовъ, и Мегеметь-Али
можетъ употреблять въ дѣло корабль только что по-
строенный.

Когда у Паши не достаетъ рекрутъ, онъ посылаетъ
рядъ войскъ въ большіе города ловить Арабовъ на
лицѣ. Какъ этотъ Англійскій способъ набора похи-
щаетъ множество людей, находящихся въ службѣ у
Египетцевъ, то Египетское начальство отпускаетъ
ихъ тѣхъ, которыхъ господа ихъ требуютъ, и этимъ
образомъ выдаются охранные билеты, чтобы ихъ не
взяли впередъ.

Кромѣ регулярной арміи, у Мегемета-Али есть еще
регулярное войско, въ которомъ пѣхота состоитъ
изъ Албанцевъ и Кандіотовъ, а кавалерія изъ Бедуи-
новъ. Видъ этихъ пѣхотинцевъ ужасенъ для безору-
днаго человѣка который, встрѣчается имъ на доро-
гѣ, и котораго они могутъ жестоко наказать за всякій
скромный взглядъ. Во всемъ свѣтѣ нѣтъ варваровъ,
которые бы на видъ были свирѣпѣе Албанцевъ; даже
Бедуины не столь отвратительны. Впрочемъ эти нере-
гулярныя войска весьма пригодны въ сшибкахъ и при
ступленіяхъ.

Но геній Мегемета-Али особенно явился въ созда-
ніи и устройствѣ флота. Онъ состоитъ теперь изъ ше-
сти линійныхъ кораблей, пяти большихъ фрегатовъ,
двухъ корветъ, осьми бригговъ и одного куттера; сверхъ
того есть шесть брандеровъ и тридцать перевозныхъ
лодокъ.

Вотъ списокъ его флоту, съ показаніемъ названія
каждаго корабля, числа экипажа, пушекъ и количе-
ства тонна.

Линейные корабли.

Названіе кораблей.	Пушки.	Экипажъ.	Тонны
Каиръ.....	138.....	1,500.....	3,800
Акра.....	138.....	1,500.....	3,800
Мехалетъ-экеби.....	100.....	1,200.....	3,000
Мансура.....	100.....	1,200.....	5,000
Александрія.....	96.....	1,200.....	3,000
Абукиръ.....	90.....	800.....	2,000

Фрегаты.

Ясса.....	62.....	550.....	1,800
Бухейра.....	60.....	550.....	1,600
Кафегъ-эшъ-Шейхъ.....	58.....	500.....	1,700
Рашидъ.....	58.....	500.....	1,700
Ширъ-джихатъ.....	56.....	500.....	1,500
Даміятъ.....	50.....	400.....	1,400
Муфти-джихатъ.....	48.....	400.....	1,200

Корветты.

Тенте.....	24.....	300.....	750
Пеленгъ-джихатъ.....	22.....	250.....	600
Дженнетъ-Бухейра.....	20.....	200.....	500
Фуа.....	20.....	200.....	500
Джихатъ-Дивъ-пейкеръ.....	20.....	200.....	450

Бригги.

Шендра.....	20.....	200.....	400
Фишне.....	20.....	200.....	400
Семендъ-джихатъ.....	18.....	150.....	350
Шебъ-джихатъ.....	18.....	150.....	350
Темза.....	16.....	100.....	300
Вашингтонъ.....	16.....	100.....	300
Берда-джихатъ.....	10.....	90.....	180
Психея.....	22.....	200.....	400

Куттеръ.....2.....15.

1,302. 13,155.

Нельзя не удивляться огромности этого флота, вспомнишь, что недавно почти вся морская сила

меты-Али была истреблена въ Наваринѣ, и что въ гитъ одинъ только военный портъ, Александрійскій. Но дѣятельность работъ и строгій надзоръ на верфяхъ объясняютъ это чудо.

За полтора года предъ симъ у Паши было только два вооруженныхъ и снаряженныхъ линійныхъ корабля, теперь у него ихъ въ морѣ шесть и на верфи четыре, въ томъ числѣ два стопушечныхъ и два восьмидесятипушечныхъ. Верфь такъ велика, что на ней могутъ строиться въ одно время четыре корабля и одинъ бригъ или одна корветта. Лѣтомъ 1853 года спущенъ линійный корабль о ста тридцати осьми пушкахъ и тотчасъ отправленъ къ берегамъ Малой-Азіи. Прочность постройки этихъ кораблей не такъ велика, какъ Англійскихъ судахъ, но достаточна по ихъ назначенію. Воды въ портѣ содержатъ въ себѣ такъ много гни, что корабли, по необходимости, спускаются не въ свѣтъ еще оконченные. Почти весь корабельный лесъ вырубается, съ позволенія Султана, въ лѣсахъ Малой-Азіи, и перевозится на Турецкихъ или Египетскихъ судахъ, что стоитъ не очень дорого. Артиллерія и боевые припасы получаютъ большею частію изъ Англіи.

Быстрота постройки кораблей въ Александріи происходитъ не столько отъ бдительнаго присмотра Паши, какъ отъ большаго числа работниковъ. Когда корабль стоитъ на рейдѣ, половина матросовъ работаетъ на верфи. День спуска корабля — праздникъ для всенародонаселенія. Когда корабль сходитъ на воду, его приветствуютъ выстрѣлами артиллеріи, флота и пѣхотныхъ баттарей и общимъ залпомъ всѣхъ войскъ, находящихся въ портѣ. Паша, всегда присутствующій на этихъ торжествахъ, жалуется богатый подарокъ конструктору.

Арсенальные рабочія заслуживаютъ не менѣе вниманія какъ и верфь: тутъ то особенно замѣтны неуспѣшныя старанія, прилагаемыя Мегеметомъ-Али къ обученію Арабовъ, и успѣхи послѣднихъ во всѣхъ ремеслахъ. Тамъ употребляются барометры, циркули, множество другихъ математическихъ инструментовъ; тутъ чеканятъ бронзу для украшенія кораблей; да плотники, парусники, обойщики, столяры, и пр. и проч., хлопчутъ о снаряженіи кораблей, а то слесарей, кузнецовъ и оружейниковъ объ его вооруженіи; но самый замѣчательный изъ флотскихъ заводовъ въ Египтѣ есть канатный, который былъ бы первымъ изъ лучшихъ и въ Европѣ.

Начальствуютъ надъ флотомъ люди не равныхъ образованій и не одинакаго характера: не излишнимъ считаемъ познакомить съ ними читателей.

Османъ-Нурединъ-Паша, Адмиралъ и Морской Министръ Египетскаго Паши, благодаря случаю, интригамъ и лицемѣрству, возвысился весьма быстро изъ самаго низкаго состоянія, и удерживается на своемъ мѣстѣ безъ дарованій, безъ друзей, даже безъ ласки и привѣтливости, нерѣдко оправдывающаго прихоти судьбы. Многіе полагаютъ, впрочемъ, что паденіе его будетъ столь же быстро, какъ и возвышеніе, потому что ему трудно будетъ долгое время скрыть отъ взыскательнаго повелителя свою неспособность дѣлаемая имъ несправедливости. Османъ сынъ наго водоноса; онъ родился въ Митиленѣ, въ 1817 году, и имѣлъ счастье попасть въ число молодыхъ людей, которыхъ Мегеметъ-Али отправилъ учиться въ Европу. Онъ провелъ нѣсколько лѣтъ во Франціи и Италіи, и, возвратясь въ Египетъ, зналъ въ совершенствѣ языки этихъ двухъ странъ. Паша, пожаловавъ его въ Бей, отправилъ въ концѣ войны съ Греками на островъ Кандію, чтобъ устроить тамъ управленіе.

вращеніи Османа въ Египетъ, Мегеметь-Али назначилъ его Морскимъ Министромъ и Главнокомандующимъ флота, хотъ онъ совсѣмъ не зналъ морской войны, которая и теперь ему неизвѣстна. Въ 1832 году Мегеметь-Али пожаловалъ его въ Паши, и назначилъ командиромъ флота, отправлявшагося противъ Турокъ.

Событія доказали, что онъ былъ недостойнъ этой чести. Во всѣхъ другихъ государствахъ общественное мнѣніе не допустило бы подобнаго человека занимать столь важное мѣсто; но у Турокъ это не естественная и обыкновенная. Благоволеніе властелина оправдываетъ какую-бы то ни было неспособность: нерѣдко мануфактурами или какою ученою кассою службы управляютъ люди, неимѣющіе объ нихъ ни малѣйшаго понятія; между тѣмъ геніи пропадаютъ иногда даже сквозь этотъ хаосъ, и покорность начальника совѣтамъ просвѣщеннаго подчиненнаго заменяетъ ему иногда опытность. По этому и морская служба въ Египтѣ не много терпѣла бы отъ невѣжества Османа-Паши, если бы только этотъ человекъ слушался знающихъ людей, которыми Мегеметь-Али окружилъ его, и если бы особенно онъ умѣлъ обуздать несчастную страсть свою къ крѣпкимъ напиткамъ.

Желая обучить солдатъ и моряковъ своихъ по-Европейски, Мегеметь-Али старался выписать морскихъ офицеровъ изъ Англіи и Франціи, но зависть и проигранные его любимцевъ дѣлали тщетными его старанія. Онъ весьма заботится о сохраненіи добраго согласія между Франками и Арабами; со всѣмъ тѣмъ ихъ взаимныя происки почти всегда этому противятся. Несомнѣнно ихъ надобно приписывать Осману. Воспитаніе, полученное имъ въ Европѣ, возвышаетъ его надъ болѣею частью его соотечественниковъ, и онъ боится, чтобы иностранцы не затмили его своими дорowanіями. Это весьма обыкновенное чувство въ ничтожномъ

человѣкъ вредить пользамъ его благодѣтеля, и Франскіе офицеры, служащіе въ Египетскомъ флотѣ, роятно скоро оставляютъ Пашу изъ-за непріятностей, которыя безпрестанно дѣлаетъ имъ его Министръ, манъ-Паша.*

Мутусъ-Бей, помощникъ Османа вознаграждаетъ ихъ пріятностію своего характера за горькую необходимость быть подъ начальствомъ этого невѣжы. Мутусъ-Бей сынъ одного Мамелюкского бея, погибшаго при истребленіи этого страшнаго корпуса нанимковъ, управлявшихъ нѣкогда Египтомъ. Мегеметъ Али пользовался въ юности благодѣяніями этого хана Мамелюка, и уважаетъ его память, хотя почитовалъ имъ своей политикѣ: оттого онъ осыпаетъ сына своими милостями. Послѣ Европейцевъ, Мутусъ-Бей, можетъ-быть, лучшій морякъ во всемъ Египетскомъ флотѣ. Съ особенными дарованіями соединяетъ онъ всѣ хорошія качества Оттоманскаго характера, соединяя его пороковъ. Онъ пользуется любовью Арабовъ и Франковъ не столько за добро, которое онъ дѣлаетъ, какъ за зло, отъ котораго воздерживается. Сынъ человѣкъ кроткій и тихій, которому никто не завидуетъ, и который самъ не знаетъ зависти. Ему теперѣ около шестидесяти лѣтъ, и онъ съ самаго младенчества служилъ въ морской службѣ, если можно такъ назвать службу на дюжинѣ рыбацкихъ судовъ, состоявшихъ долгое время флотъ Паши. Онъ не забылъ прежняго своего ремесла, и еще недавно училъ матросовъ чинить рыболовныя сѣти. Чрезвычайная толщина огромная голова, желѣзно-сѣрый цвѣтъ лица, маленькіе глаза, какъ-будто просверленные буравчикомъ,

* Въ Январѣ сего года писали во всѣхъ газетахъ, что Нуреддин Османъ-Паша, стоявшій съ эскадрою у острова Кандін, самъ внезапно оставилъ службу Паши. Онъ прибылъ 31 Декабря 1833 въ Константинополь, и покорился Султану. Р.

инная сѣдая борода, — вотъ портретъ Египетскаго ероя!

Ненарушимая важность этого Вице-адмирала превосходитъ всякое описаніе. Ничто его не воспламеняетъ, ничто не приводитъ въ уныніе; если онъ занятъ, онъ отвѣчаетъ вамъ односложными словами, и тотчасъ отпускаетъ; онъ не любитъ мѣшать другимъ, и не любитъ, чтобы ему мѣшали; онъ никогда не шутитъ, никогда не смѣется. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, былъ онъ посланъ въ Англію, и замѣтилъ только то, что тамъ много гаваней и мало табаку, изъ чего заключаетъ, что тамошніе жители должны быть очень толсты. Въ морѣ, онъ почти всегда остается на кормѣ корабля, съ трубкою въ зубахъ, объѣдаетъ по заведеніи солнца, весь вечеръ пьетъ или куритъ, и ложится спать одѣтый. Несмотря на свои странности, Тутусъ-Бей прекрасный человѣкъ. Онъ болѣе безрассуденъ, чѣмъ истинно храбръ; при громѣ боевыхъ пушекъ сохраняетъ такое же спокойствіе, какъ и при мятежахъ, и только при всякомъ случаѣ восклицаетъ: — великъ Богъ! Онъ весьма хорошо велъ себя во время аваринскаго сраженія и при осадѣ Акры.

Въ третьей линіи стоитъ Капитанъ Махмудъ, командиръ брандеровъ, другъ Османа-Паши, и товарищъ его въ попойкахъ. Отправляя флотъ противъ Турокъ, Мегеметь-Али составилъ экипажъ брандеровъ изъ шести капитановъ и сотни матросовъ Греческихъ, которые же отличались въ войнѣ за независимость Эллиновъ. Капитанъ Махмудъ стоилъ чести быть начальникомъ этихъ людей. Представьте настоящаго разбойника, ямача, наглеца въ опасностяхъ, закаменнаго въ трупахъ, превосходнаго корсера, и вы получите понятіе объ этомъ морскомъ чудовищѣ, которое знаетъ Архимедъ какъ свои пальцы. Онъ ручался головою, что разожжетъ весь Оттоманскій флотъ, если только мор-

скія силы Паши будутъ оказывать ему пособіе. Мегеметь весьма уважаетъ его заслуги, и раздаетъ запашамъ брандеровъ богатые подарки за всякой жженный корабль. Несмотря на свой суровый видъ Махмудъ добрый малой; матросы его очень любятъ его угощаютъ на всѣхъ корабляхъ, которые онъ съѣзжаетъ. Въ развратъ онъ вѣрный другъ Османа: день и ночь гуляютъ вмѣстѣ, и часто оба еще пьютъ и поютъ, когда безпрерывныя возмѣненія давно уже помрачили ихъ зрѣніе: вино, ромъ, водка, портеръ — они ничѣмъ не гнушаются. Легко отгадать, должна производить подобная склонность въ людяхъ, которые не привыкли отказывать ни въ чемъ своимъ чувственности, и которыхъ не удерживаютъ ни капризы уваженія; но въ Египтѣ не обращаютъ ни какого вниманія на поступки, которые въ Европѣ повлекли бы за собою смертную казнь. Впрочемъ Мегеметь — Ахмедъ недавно запретилъ употребленіе крѣпкихъ напитковъ на корабляхъ.

Возвратимся къ устройству морской части въ Египтѣ. Старшій чинъ есть званіе главнокомандующаго или Адмирала, *капыдана-паши*; у него одинъ только помощникъ, Вице-адмиралъ. Затѣмъ слѣдуютъ *каймак-башы*, намѣстники, которыхъ званіе соответствуетъ чину Коммодора. Потомъ *бинбашы*, тысячники, корабельные Капитаны; *сагколы*, правыя руки, то есть, вторые капитаны, и *солколы*, лѣвыя руки, или Капитаны третьего разряда, которые командуютъ корветтами. Лейтенанты, которые называются *юзъ-башы*, сотники, и боцманы, или *эфенди*, весьма многочисленны. Морскіе чиновники разныхъ классовъ различаютъ только болѣе или менѣе богатымъ украшеніемъ, и различіемъ якоря, и носимымъ на лѣвой сторонѣ груди. *Юзъ-башы* носятъ якорь серебряный, *соаколы*, и *сагколы* — серебряный съ золотыми крючками; у *сагколовъ* же

золотой, у *бинбаша* золотой съ бриллиантомъ между крючками, у *каймакановъ*, золотой съ пятью бриллиантами, а у Адмирала весь бриллиантовый. Мундиръ, составляемый всегда Пашею, дѣлается огненнаго цвѣта съ галунами по всѣмъ швамъ.

Всякой офицеръ, чиномъ выше боцмана, называется въ общемъ разговорѣ капитаномъ, и изъ нихъ есть много безбородыхъ мальчишекъ, между тѣмъ какъ старые, опытные моряки, проводятъ всю жизнь въ низшихъ чинахъ. Надобно однакожъ сказать, что чины даются иногда по успѣхамъ въ Наукахъ, и что боцманы должны, для повышенія, выдержать экзамень. У Турокъ производство въ офицеры дѣлается совсѣмъ иначе. Какой-нибудь бей, или капитанъ, покупаетъ маленькаго невольника, дѣлаетъ его мусульманиномъ, принимаетъ его къ себѣ слугою или трубконосцемъ, любить какъ своего сына, и защищаетъ отъ всѣхъ обидъ; на корабль онъ его учитъ чтенію, письму и немного Геометріи, и чрезъ нѣсколько времени вы видите въ капитанскомъ мундирѣ чловѣка, который въ прошломъ году служилъ вамъ за столомъ, если вы обѣдали у его господина.

Въ гражданской службѣ Турки знаютъ только военную іерархію. Если Мегеметь хочетъ оказать уваженіе какому-нибудь чловѣку съ дарованіемъ, служилъ ли онъ или нѣтъ въ военной службѣ, онъ жалуетъ его въ офицеры: такимъ образомъ корабельный постройщикъ и главный врачъ Паши оба носятъ званіе беевъ, хотя не имѣютъ ни какого прикосновенія къ военной службѣ.

«Когда я вступилъ въ должность на эскадрѣ Паши, говоритъ одинъ Англійскій морякъ, сообщившій намъ всѣ эти извѣстія, я думалъ, что присутствую при столпотвореніи Вавилонскомъ. Я нашелъ тутъ Турокъ Ев-

ропейскихъ, Турокъ Азіятскихъ, Турокъ Африканскихъ, Арабовъ, Бедуиновъ, Грековъ, Нубійцевъ, Абиссинцевъ, Французовъ, Италіянцевъ, Англичанъ, Поляковъ, Испанцевъ, Словаковъ, Шведовъ, Армянъ, Евреевъ, — людей всѣхъ странъ всѣхъ возможныхъ тѣлосложеній, бѣлыхъ, смуглыхъ, красныхъ, черныхъ. Сначала совершенно теряешь въ этомъ разнообразіи костюмовъ и языковъ: всегдажно водить съ собою дюжину толмачей. Они необходимы въ войскахъ, въ которыхъ всѣ солдаты Арабы, Копты, Греки, Негры, а офицеры иностранцы: но въ избежаніе недоразумѣній, въ корабельной командѣ употребляются Италіянскія слова, которыя перешли въ разговорный языкъ.

«На корабляхъ моряки ѣдятъ всѣ вмѣстѣ, не садясь впрочемъ за столъ, и припасы ихъ не приготовлены какъ обыкновенное кушанье, а подаются на тарелкахъ, что впрочемъ не нравится Европейцамъ, потому что Турки по сю пору вообще не знаютъ употребленія вилокъ и ложекъ. Въ Европѣ никто не смѣлъ бы брать кушанье, и особенно брать его рукою съ блюда. Въ Турціи это и теперь дѣлается, несмотря на усвоеніе образованности, даже за лучшими столами. Благородный питанный Турокъ думаетъ, что онъ сдѣлаетъ вамъ большую честь, если выберетъ пальцами самый лакомый кусочекъ, и подастъ вамъ его. Онъ также изъ учтивости предложить вамъ не только трубку, которая у него во рту, но и сигару, которую онъ до половины выкурилъ.

«Чтобы дать понятіе объ Египетскомъ балѣ, я опишу одинъ, на которомъ былъ самъ я, на адмиральскомъ кораблѣ. Какъ въ числѣ гостей были многіе Французскіе офицеры, то обѣдъ подавали по-Европейски. Сначала явились разнаго рода сыръ, орѣхи, миндаль, арбузы и множество арака, рома, вина и водки. Эта по-

должалась съ часъ, и мнѣ жестоко надоѣдала вѣ-
вость моихъ сосѣдей, двухъ старыхъ Турокъ, ко-
ие почитали за долгъ непрерывно подкладывать
на тарелку сыру и арбуза. Чтобъ избавиться отъ
ихъ, я безпрестанно подливалъ имъ въ стаканы ви-
на, надѣясь, что они скоро будутъ не въ состоянїи за-
няться мною; но Турка напоить не легко, и мнѣ
было работать три часа безъ умолку, чтобъ
успокоить ихъ. Потомъ началась вторая главная часть
ужина, состоявшая изъ огромнаго количества мяса,
рыбы и разныхъ рагу, которые были подаваемы од-
новременно другимъ, и пожираемы съ такою важностію и
жадностию, что обѣдъ продолжался нѣсколько ча-

Слѣдъ обѣда насъ угощали концертомъ и балетомъ.
Жаль, что тутъ не было остроумнаго Гогарта: онъ
написалъ съ нихъ превосходную картину въ родѣ
«Бѣшеннаго Музыканта.» Два Негра сидѣли на по-
столахъ, что есть мочи, безъ малѣйшаго уваженія
другъ другу и мѣрѣ, между тѣмъ какъ два виртуоза того же
народа царапали изо всей силы струны двухъ инстру-
ментовъ, которымъ присвоивали названіе скрипокъ:
одинъ игралъ концертъ. Надобно быть желѣзнымъ, чтобы
долго слушать подобную музыку. Каменные, не-
примѣтные черты нашихъ хозяевъ, мусульманъ, ихъ
внимательно обращающіеся глаза, плавающіе въ винныхъ
чашкахъ, дѣлали эту сцену еще забавнѣе. Въ балетъ
принимавшихъ лицъ было не много: одинъ какой-то
танцовщикъ, наряженный женщиною, бившій такту ка-
пелью, и выплясывавшій въ присядку родъ бары-
шескаго танца. Иршество продолжалось до ночи, и тѣ изъ гостей,
которые еще держались на ногахъ, разъѣхались; о-
стальные, въ гораздо большемъ числѣ, спокойно про-
ждали до утра на своихъ мѣстахъ.»

Изъ этого очерка видно, что главный штабъ флота

Мегемета-Али далекъ отъ изысканности, въ живости и пристойности Европейскихъ морскихъ офицеровъ проникнемъ еще въ станъ Ибрагима-Паши: наблюдѣнія, которыя мы тамъ сдѣлаемъ, дополняютъ начатки изображеніе устройства Египетской военной силы и особенно покажутъ характеръ предводителя этой арміи, будущаго наследника Египетскаго полу-принца. Подробности, которыя сообщимъ читателямъ, заимствуемъ мы изъ журнала одного молодого офицера, бывшаго при Англійскомъ посольствѣ въ Константинополѣ. Онъ весьма недавно написаны тогда, когда онъ посланъ былъ къ Ибрагиму-Пашѣ, въ то время какъ послѣдній остановился на походѣ своемъ въ Константинополь.

«Въ девяти верстахъ отъ Кютахіе лежитъ деревня, славящаяся въ той странѣ своими минеральными источниками. Ибрагимъ-Паша бралъ тамъ нѣсколько времени: съ нимъ были Адмиралъ Османъ-Паша, командующій кавалеріею Надиръ-Бей и немногочисленная стража. Какъ скоро я подъѣхалъ къ жилищу Ибрагима, Надиръ-Бей вышелъ ко мнѣ на встречу: онъ спросилъ, зачѣмъ я пріѣхалъ, и узнавъ о моемъ порученіи, тотчасъ ввелъ меня въ маленькую, темную комнату, въ которой было разостлано нѣсколько ковровъ: тутъ сидѣлъ, на скромномъ диванѣ, славенный герой Востока, отъ котораго Стамбулъ трепеталъ въ ту минуту, и котораго побѣды знамениты всѣхъ Европейскихъ дипломатовъ. Ибрагимъ не высокъ и довольно толстъ; физіономія его не прекрасна въ ней выражается рѣшительность и, можетъ-быть, гений. Онъ былъ въ Арабскомъ, весьма простомъ, одѣ; Надиръ, принявъ меня очень ласково, пригласилъ меня и при посредствѣ двухъ своихъ беевъ, началъ разговаривать на Французскомъ языкѣ. Онъ выказалъ при этомъ случаѣ духъ наблюдательный и большую проница-

ность. Съ большою досадою говорилъ онъ о Русскихъ, которые своимъ появленіемъ на берегахъ Босфора разстроили всѣ его честолюбивые замыслы.

«Послѣ небольшихъ дипломатическихъ объясненій, онъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ къ минеральнымъ ваннамъ, лежащимъ въ полуверстѣ отъ деревни. Это бесѣдка съ куполомъ; вода впускается въ мраморный бассейнъ со скамьями. Подлѣ есть комната, въ которой одѣваются. Завернувшись въ холстинные шлафроки, мы плавали въ бассейнѣ, и любовались чистотою воды, равнявшейся температурою съ обыкновенною теплою ванною. Въ это время музыканты, выписанные Ибрагимомъ изъ Европы, играли подлѣ павильона вальсъ изъ Фрейшица и разныя Французскія національныя пѣсни, между прочими *La marseillaise*.

«Когда мы вышли изъ ванны, намъ подали обѣдъ въ одѣвальной. Обѣдъ состоялъ изъ пилава, разныхъ мясъ и овощей, подаваемыхъ на столъ одно за другимъ на оловянныхъ блюдахъ, изъ которыхъ мы всѣ ѣли: пить подносили воду, и роскошь стола состояла въ однѣхъ серебряныхъ ложкахъ. Говорятъ впрочемъ, что Ибрагимъ только при постороннихъ воздерживается отъ крѣпкихъ напитковъ, а при своихъ домашнихъ не отказывается отъ этого удовольствія. Обхожденіе его просто, но благородно; по своимъ подвигамъ и скромности, онъ нѣсколько походитъ на древнихъ Восточныхъ завоевателей. Послѣ обѣда онъ велѣлъ позвать музыкантовъ. Оркестръ его состоитъ изъ двухъ кларнетовъ, флейты, арфы, нѣкотораго рода скрипки о трехъ струнахъ и барабана. Эти инструменты весьма отличны, по своей формѣ и устройству, отъ извѣстныхъ подѣ тѣмъ же названіемъ въ Европѣ. Музыканты играли, или, лучше сказать, аккомпанируа себѣ на нихъ, пѣли разныя національныя пѣсни, гнусивымъ голосомъ, но довольно пріятнымъ.

«Послѣ обѣда мы перешли въ палатку, раскинутую на лугу, подлѣ бань. Тутъ Ибрагимъ, сидя на скамье, принималъ прошенія. Впустили нѣсколько мужчинъ каждый, подавая просьбу, подносилъ небольшой подарокъ. Выждавъ удобный случай, когда часовые воротятся, они бросались къ ногамъ Паши, цѣлоуя подолъ его платья, быстро представляли приношенія и отходили въ сторону, гдѣ, сложивъ руки, ожидали его отвѣта. Одинъ изъ просителей принесъ дикумбину, другіе давали ему корзину каштановъ, Азіаты поярковую шапку или куски льду для прохлажденія шербета. Ибрагимъ обходился съ ними милостиво, всѣ, уходя, казались довольными: бѣдный мальчикъ, который пользовался минеральными ваннами для излеченія отъ оспы, прокрался въ палатку. Руки его, тамошнему обыкновенію, были обвязаны холстиною изъ предосторожности отъ заразительнаго прикосновенія. Ибрагимъ подозвалъ его къ себѣ, посадилъ на себя на софѣ, и милостиво ласкалъ; потомъ онъ пошелъ спать, а я отправился смотрѣть на ученье гвардіи.

«Лѣтняя одежда гвардейскихъ его солдатъ состоитъ изъ холстинной куртки со стоячимъ воротникомъ безъ отворотовъ, застегнутой до самой шеи; изъ широкихъ до колѣна, а оттуда въ обтяжку до шолотки; изъ бѣлаго пояса и красной поярковой шали съ такого же цвѣта помпономъ. Они вооружены Европейски, ружьями и тесаками. Зимой они носятъ суконный темнаго цвѣта мундиръ и, въ большіе холода, Французскую пѣхотную шинель, сшитую въ шюртука.

«Одинъ изъ лучшихъ и постоянныхъ совѣтниковъ Ибрагима-Паши есть бывшій Русскій офицеръ, Поляковъ. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ исторія его прошлеца: онъ былъ въ Русской службѣ, уча-

въ послѣдней Персидской кампаніи, а въ началѣ
ской революціи, присталъ къ мятежникамъ. По
и Варшавы, онъ вступилъ въ службу Султана,
впавъ въ немилость, снова перемѣнилъ знамя,
перешелъ къ Ибрагиму, который сдѣлалъ его ко-
диромъ своей кавалеріи. Онъ раздѣляетъ съ Ад-
аломъ Османомъ милость своего властителя, и,
-можетъ, заслуживаетъ ее лучше чѣмъ тотъ. Онъ
ке говорить по-Французски и по-Итальянски.

Ибрагимъ, — нельзя не сказать этого, — храбръ,
нѣтъ, одаренъ большими воинскими дарованіями, и,
весьма рѣдко въ мусульманинѣ, охотно прини-
маетъ совѣты своихъ Европейскихъ офицеровъ. Побѣ-
ды, которыя безпрестанно вѣнчали его знамена, обя-
зываютъ онъ не только тому, что армія его обучена по-
Европейски, но и своему умѣнію внушить своимъ вой-
скамъ величайшую къ себѣ преданность. Тайна его
успѣха заключается также въ дѣятельности и въ
пріимчивости, которыя онъ умѣлъ пробудить ве-
рность Нильскихъ пороговъ до подошвы Таврскихъ
горъ. Европейскія тактика и дисциплина, конечно,
не вспомоществовали этой великой причинѣ успѣха,
но онъ обязанъ тѣмъ, что выигрывалъ сраженія
решительныя, но не менѣе того рѣшительныя.
Ибрагимъ убѣжденъ въ этой истинѣ, и онъ смѣется
над новыми Европейскими костюмами Султана, и
над ошибочными мѣрами, которыя въ Царѣградѣ
принимаются для просвѣщенія народа. Онъ чтитъ па-
мѣть Селима III, какъ мудрѣйшаго и несчастнѣйшаго
Султановъ, истиннаго друга Оттоманскаго наро-
дочеловѣка, въ характерѣ котораго не было ни при-
стѣны, ни жестокости. Ибрагимъ думаетъ, что народъ
Орціи его обожаетъ; онъ чувствуетъ, что побѣда
оказала ему сильное вліяніе на судьбу Турецкой
арміи, и только ищетъ случая имъ воспользоваться.

Онъ принимаетъ также большое участіе въ дѣлѣ Греціи, но о Грекахъ судить весьма неместно: въ разговорахъ со мною онъ утверждалъ, что Греческій герой, кто бы онъ ни былъ, черезъ годъ непременно будетъ отравленъ.

«Утромъ на другой день, Надиръ-Бей далъ намъ лошадей, на которыхъ мы отправились въ Кютаю, гдѣ стоялъ одинъ изъ корпусовъ его арміи. Къ солдату, я опоздалъ, и не видалъ Арабской кавалеріи, которая, говорятъ, лучшая во всемъ свѣтѣ: лошади этой кавалеріи должны быть вообще отличны: Надиръ-Бей увѣрялъ меня, что нѣкоторые изъ нихъ стоятъ на-мѣстѣ до 4000 рублей. Это не покажется удивительнымъ, когда посмотришь на лошадей араговъ, и особенно на лошадь, на которой ѣздилъ въ сраженіе, — лучшую, какую я когда-либо видалъ. Въ пѣхотномъ корпусѣ, стоявшемъ въ Кютае, было около четырехъ тысячъ человѣкъ: они одѣты также какъ и гвардейскіе солдаты, только въ мундирѣхъ кирпичнаго цвѣта. Солдаты не великорослы, но ими, по-видимому, обходятся хорошо, и они строго наблюдаютъ дисциплину. Три мѣсяца стояли они въ жилищѣхъ жителей, и не подавали повода ни къ какой важной жалобѣ: военное интенданство исправно раздаетъ имъ порцію и жалованье, и они платятъ все, что покупаютъ. Жители жаловались только на то, что имъ тѣсно жить съ ними. Армія устроена маневрируетъ по образцу Французскихъ войскъ. Надиръ-Бей увѣрялъ меня, что онъ никогда не видалъ солдатъ, храбрѣе Арабовъ, и что имъ недостаетъ только совершеннѣйшей дисциплины.

о.

И С К О П А Е М Ы Я .

=

Старинные натуралисты, Нѣмецкіе и Русскіе, употребляли слово *ископаемое* для означенія всякой естественной вещи, взятой изъ земли, какого бы рода она ни была, камень ли, металлъ, окаменѣлость или другое. Нѣкоторые изъ Нѣмецкихъ писателей и теперь это дѣлаютъ. Мы, по примѣру Французовъ, будемъ разумѣть подъ словомъ «ископаемое», *fossile*, только остатки органическихъ существъ и произведеній, входящіе существенно въ составъ допотопной части коры земной. Для объясненія этого опредѣленія нужно замѣтить, что минеральныя вещества, составляющія верхнюю оболочку Земнаго Шара, произошли не вдругъ, а постепенно. Между допотопною и послѣ-потопною частями коры земной находится большое различіе. Въ нашемъ опредѣленіи ископаемыхъ сказано, что это такіе остатки органическихъ существъ и произведеній, которые входятъ *существенно* въ составъ допотопной части коры земной. Слово «существенно» здѣсь очень важно, ибо и нынѣшнія органическія тѣла или произведенія могутъ *случайно* быть занесены въ допотопныя минеральныя вещества и быть ископаемыми. Такимъ образомъ нерѣдко четвероногія ящеродящія встрѣчались въ твердыхъ допотопныхъ камняхъ. Въ одной Англійской каменно-угольной ямѣ была найдена живая ящерица въ глубинѣ болѣе 500 футовъ. Наблюденіе показало, что нѣкоторыя жабы жили по 25 лѣтъ безъ пищи: этимъ объясняется возможность случайнаго ихъ

существованія глубоко подъ землею. Итнъ (Eaton) шетъ, что при разрытіи, для Эріесскаго канала въ крѣпко слѣпившагося, допотопнаго повидимому, ща, въ шестнадцать миляхъ къ югу отъ Утики, въ верныхъ Штатахъ Америки, найдены многія сотни выхъ жемчужницъ, совершенно сходныхъ съ живущими въ томъ краю жемчужницами, туга са и туга purpurea.

Ископаемыя бываютъ и животныя и растительныя. По различію органическихъ тѣлъ, они называются лично: напримѣръ, зоофитами (иск. животныя), литами (иск. растенія), орниѳолитами (иск. птичьи), амфибіолитами (иск. гады), ихѳолитами (иск. рыбы) и т. д. Механизмъ сихъ названій состоитъ въ соединеніи двухъ Греческихъ словъ, изъ которыхъ одно означаетъ органическое существо ископаемаго примѣръ, *ζῷον* животное, *φυτόν* растеніе), а другимъ *λίθος* камень) окаменѣлость сего существа.

Кора земная, — мы говоримъ только о корѣ земной, потому что она одна можетъ быть наблюдаема: внутренняя часть земли недоступна прямому изслѣдованію — земная содержитъ въ себѣ болѣе растительныхъ, животныхъ ископаемыхъ; но за то послѣднія находятся въ лучшей сохранности, нежели первыя. Въпримѣръ, количество и тѣхъ и другихъ чрезвычайно велико. Особенно много раковинъ: такова, такъ сказать, безчисленность остатковъ сихъ древнихъ моллюсковъ, что они простираются, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на триста тыреста верстъ; въ Турренѣ раковины, цѣльныя и изломанныя, безъ всякой примѣси, составляютъ массу въ 130 милліоновъ кубическихъ туазовъ.

Наибольшая часть ископаемыхъ принадлежатъ происхожденію солено-водному; но есть нѣкоторыя

коваго или прѣсно-воднаго происхожденія. Случается, что прѣсно-водныя лежатъ подъ солено-водными, которыя, въ свою очередь, лежатъ подъ прѣсноводными, а сіи опять подъ солено-водными. Замѣтимъ здѣсь, что не всегда мы можемъ судить достоверно о морскомъ и материковомъ обиталищѣ ископаемыхъ, по одной логикѣ съ обыкновеннымъ, нынѣшнимъ порядкомъ вещей. Даже и нынѣ встрѣчаются нѣкоторыя морскія твари въ прѣсныхъ водахъ, и наоборотъ. Напримеръ, хотя крокодилы принадлежатъ къ прѣсно-воднымъ животнымъ; однако есть въ Ямаикѣ крокодилъ, *Crocodilus acutus*, который живетъ въ устьѣ рѣкъ, гдѣ вода соленая, и даже въ большихъ соленыхъ прудахъ, отдаленныхъ отъ моря только песчаною отмелью. Многія ископаемыя ящеричныя были рѣчныя и морскія. Изъ того одного обстоятельства, что они встрѣчаются обыкновенно съ морскими раковинами, не должно уже заключать, что они непременно имѣли жилище свое въ морѣ; даже, исключая изъ числа ихъ ихтиосаура и птеросаура, все устройство ихъ не соответствуетъ назначенію плавать.

Ископаемыя встрѣчаются во всѣхъ мѣстахъ Земнаго Шара, и въ глубокихъ долинахъ, и на высочайшихъ горахъ. Въ Перу найдены морскія раковины на высотѣ 14,190 футовъ надъ морскою поверхностью. Нѣкоторыя растенія и другія ископаемыя попадались въ Перу въ 3000 или 4000 футовъ, и даже ниже моря на глубинѣ до 900 футовъ, какъ въ каменно-углеломняхъ Англійскихъ береговъ, и въ Валансіенскихъ каменно-углеломняхъ.

Часто ископаемые виды и цѣлые роды совершенно различны отъ нынѣшнихъ; другіе имѣютъ болѣе или менѣе сходства съ нынѣшними, или во всемъ имъ подоб-

ны. Растенія вообще болѣе сходны съ подтропиками, чѣмъ съ Европейскими.

Подобныя нынѣшнимъ часто отличаются, по крайней мѣрѣ, 1) своимъ отношеніемъ къ географическимъ широтамъ земли, 2) многочисленностью и 3) величиною.

1. Подобныя нынѣшнимъ отличаются часто, скажемъ мы, своимъ отношеніемъ къ широтамъ земли. Ноко находятся они въ одномъ мѣстѣ съ нынѣшними или близко къ нимъ. Но иногда животныя и растенія жаркихъ поясовъ, заключены въ землѣ полярныхъ краевъ, иногда наоборотъ; или въ одномъ и томъ же мѣстѣ встрѣчаются такія ископаемыя, изъ которыхъ одни принадлежатъ нынѣ жаркому поясу, другіе холодному. Напримѣръ, во Франціи, въ грубомъ известнякѣ, находятся кости моржей и ламантиновъ, между тѣмъ какъ существующій теперь одинъ видъ моржовъ живетъ въ Ледовитомъ Морѣ, а весь родъ нынѣшнихъ ламантиновъ обитаетъ въ моряхъ подтропиковъ. Съ другой стороны поразительно обстоятельство, что одни и тѣ же ископаемые роды и виды встрѣчаются на отдаленнѣйшихъ одинъ отъ другаго краяхъ земли между тѣмъ какъ нынѣшніе роды и виды на сихъ краяхъ земли чрезвычайно одни отъ другихъ отличны.

2. Ископаемыя, подобныя нынѣшнимъ, отличаются по крайней мѣрѣ своею многочисленностью: напримѣръ, энкриниты нынѣ очень рѣдки, но въ коралловыхъ рифахъ одни ихъ остатки, связанные известняковымъ цементомъ, составляютъ толстые слои.

3. Наконецъ ископаемыя, подобныя нынѣшнимъ, обыкновенно гораздо больше ихъ своею величиною.

ю. Особенно чрезвычайно сіе различіе въ рыбахъ и
дахъ. *

Сія колоссальность ископаемыхъ, соединенная съ
льшимъ или меньшимъ отличіемъ наружнаго ихъ
да отъ нынѣшняго, дѣлаетъ ихъ, въ глазахъ нашихъ,
дравицами. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ фа-
лы пресмыкающихся. Изъ числа извѣстныхъ нынѣ
четырехъ видовъ ихтіосаура, два вида имѣютъ въ
ну болѣе двѣнадцати футовъ. Ихтіосауры соединя-
въ себѣ члены четвероногихъ лйцеродныхъ и ки-
въ. Плезиосауры, у которыхъ тонкая и столько же
инная, какъ остальное ихъ тѣло съ хвостомъ, шея
анчивалась небольшою ящеричною головкою, и по-
малась на туловищѣ, какъ змѣя, должны были ка-
гся еще чудовищнѣе. «Если бы чѣмъ можно было,
шетъ Кювье, оправдать форму гидръ и другихъ чу-
вищъ, которыхъ изображенія повторяютъ такъ
сто на древнихъ памятникахъ, то это безспорно сими-
езіосаурами.» Длина нѣкоторыхъ изъ нихъ прости-
лась также за 20 футовъ. Еще огромнѣе ихъ былъ
галосауръ. Опредѣляя величину его по размѣру мо-
тора, съ которымъ онъ сходенъ, найдете, что дли-
его была болѣе семидесяти футовъ: это ящерица
личиною съ кита. Птеродактилы, несмотря на ма-
сть своего тѣла, должны были имѣть также страш-
нй видъ. Сія гада, весьма коротко-хвостые, съ длин-
но шеею и чрезвычайно вытянутыми челюстями, во-
уженными рядомъ острыхъ зубовъ, держались на
сокихъ ногахъ, изъ которыхъ переднія отличались

Достойно примѣчанія, что и первоначальныя произведенія челове-
кя, какъ первоначальныя произведенія Природы, отличались отъ по-
дующихъ величиною, огромностью своихъ размѣровъ. Приведемъ
на память безконечныя поэмы Віасы и Вальмики, Элморскія ка-
ца и Мивалиепурамскія паголы, изстѣнныя не изъ камня, а изъ цѣ-
хъ горъ, Египетскія пирамиды, Персепольскіе столбы Чегель-Менара,
юссы Мемнона, Джагатната. и т. д.

чрезмѣрно длиннымъ пальцемъ, служившимъ, вѣроятно, для прикрѣпленія летательной перепонки, и тѣми другими пальцами обыкновеннаго размѣра, съ ногтями на концѣ ихъ.

Впрочемъ, кора земная богата не одними только полинскими произведеніями органической Природы. Есть ископаемыя чрезвычайно мелкія, особенно числа раковинъ. Дефрансъ помѣстилъ 95 миліонитовъ въ пространствѣ одной кубической линіи.

Прекрасно наблюденіе Кювье о увеличивающемся сходствѣ ископаемыхъ животныхъ съ нынѣшними по мѣрѣ меньшей древности слоевъ земныхъ, ихъ держащихъ. Чѣмъ глубже лежать въ корѣ земной ископаемыя, тѣмъ они древнѣе, и тѣмъ отличнѣе нынѣшнихъ; чѣмъ ближе слой земли, ихъ заключающій, къ нашей эпохѣ, тѣмъ болѣе они подходятъ видамъ, теперь живущимъ.

Иные роды органическаго царства многочисленны въ ископаемомъ состояніи, другіе въ нынѣшнемъ. Всѣмъ тѣмъ нашъ періодъ есть, вѣроятно, самый богатѣйшій относительно къ органическимъ родамъ, тому что ископаемыя принадлежатъ, какъ все доказываетъ, ко многимъ періодамъ времени; нашъ же періодъ одинъ.

Не всѣ части древнихъ животныхъ и растеній, какъ вѣроятно и не всѣ ихъ роды, сохранились въ видѣ ископаемыхъ. Сколько извѣстно, не попадалось натуристамъ окаменѣлаго мяса, птичьихъ носовъ, ногтей, роговъ, мягкихъ плодовъ и другихъ подобныхъ мягкихъ веществъ, исключая копролитовъ. Впрочемъ, встрѣчались удивительные примѣры сохранности боковыхъ частей четвероногихъ въ замерзломъ состояніи.

Изъ растительнаго царства находятся нѣкоторые стволы деревьевъ, нѣкоторые стебли и плоды; иногда попадаются листья, даже весьма тонкіе; корни чрезвычайно рѣдки. Есть примѣръ и кажется, единственный, ископаемаго цвѣтка; сія рѣдкость, найденная въ Монте-Болька, принадлежитъ Парижскому Музеуму. Близъ Канштадта, въ Виртембергскомъ королевствѣ, найденъ цѣлый лѣсъ поваленныхъ палымъ, имѣющихъ стволъ по два въ діаметръ.

Большею частію ископаемыя встрѣчаются изломанныя, разбитыя; но иногда, особенно раковины, цѣлыя. Нерѣдко они лежатъ въ землѣ свободно, безъ всякаго сдѣшленія между собою и съ окружающимъ ихъ минеральнымъ веществомъ; но еще чаще связываются одни съ другими и съ своею почвою, и связываются или скипаются иногда такъ крѣпко, что составляютъ твердѣйшую массу. Въ каждомъ почти камнѣ булыжника, употребляемаго для мостовыхъ, можно найти ископаемыхъ, проникнутыхъ, каменнымъ веществомъ, и сросшихся совершенно съ камнемъ.

Ископаемыя сохранились въ двоякомъ видѣ: въ неизмѣнномъ, и въ измѣненномъ состояніи.

Къ неизмѣнному состоянію относится и такое, въ которомъ животныя части только-что, по выраженію старинныхъ натуралистовъ, перегорѣли, кальцинировались. Въ семъ случаѣ кости не имѣютъ животнаго своего клея, и состоятъ изъ фосфорнокислаго известняка и подобныхъ землястыхъ соединений; раковины теряютъ животную оболочку, и съ нею цвѣтъ свой; дерево хотя сохраняетъ волокнистое устройство, но лишается большей части своей клѣтчатки и естественнаго своего цвѣта, отчего становится хрупкимъ и темнобурымъ.

Весьма мало сохранилось органическихъ остатковъ въ неизмѣнномъ состояніи; и сіе малое число неизмѣнно сохранившихся органическихъ тѣлъ принадлежатъ вообще къ такимъ частямъ, которыя сами собою соединены уже съ минеральнымъ веществомъ: напримѣръ раковины моллюсковъ и кораллы. Къ счастью, Сибирскіе морозы сберегли для насъ нѣкоторыя мясистыя части и даже цѣлыхъ четвероногихъ. Правда, сихъ изумительныхъ, почти невѣроятныхъ примѣровъ не много, но они существуютъ. Къ славнѣйшимъ изъ нихъ принадлежитъ слонъ Адамсовъ. Исторія и описаніе сего слона находятся въ Запискахъ С.-Петербургской Академіи. Выпишемъ здѣсь изъ Кювье нѣкоторыя объ немъ подробности. Въ 1799 году одинъ Тунгузскій рыболовъ увидѣлъ на берегу Ледовитаго моря, близъ устья Лены, между льдинами, безобразную глыбу, вещества которой онъ не могъ распознать. Въ другой годъ онъ замѣтилъ, что сія масса оказалась больше, но все не могъ догадаться, что она такое. Передъ концемъ слѣдующаго года явственно обнаружился изъ льда цѣлое подреберье и клыкъ. Но только въ пятый уже годъ, когда снѣга оттаяли скорѣе обыкновеннаго, огромная сія глыба отвалилась на берегъ въ песокъ. Въ Мартѣ, 1804, рыболовъ вынулъ клыки и продалъ ихъ за пятьдесятъ рублей. При этомъ слѣдѣ сдѣланъ былъ грубый очеркъ животнаго, — и говоритъ Кювье, обзавѣ дружбѣ Блауменбаха, за присылку ко мнѣ копій сего очерка. Наконецъ еще черезъ два года, въ седьмой годъ по Тунгузовомъ открытіи Адъюнктъ С.-Петербургской Академіи, Г. Адамсъ, который путешествовалъ тогда съ Графомъ Головкинымъ въ Китай посломъ, прибылъ на мѣсто открытія, узнавши объ ономъ въ Якутскѣ. Г. Адамсъ нашелъ уже весьма изувѣченное животное. Якуты изъ сосѣднихъ мѣстъ обрѣзали мясо для собакъ, дикіе звери также жрали его; впрочемъ скелетъ оставался цѣлымъ.

исключеніемъ одной передней ноги. Позвоночный
 бѣ, одна изъ лопатокъ, тазъ и остатки трехъ ко-
 ностей, то есть, ногъ, были соединены связками, и
 ію кожи. Недостававшая лопатка найдена въ нѣко-
 мъ разстояніи. Голова покрыта была сухою кожею.
 нномъ ухъ, хорошо сохранившемся, торчалъ клокъ
 ины. Можно было еще различить глазной зрачекъ.
 гъ находился въ черепъ, но засохпій. Нижняя гу-
 ыла обкусана, а изъ-за истребленной верхней гу-
 выказывались челюсти. Шея имѣла длинную гри-
 Кожа была покрыта черною щетиною и красно-
 ыми волосами или шерстью; остатки ея были такъ
 елы, что едва десять человекъ могли перенести
 Собрано было, по свидѣтельству Адамса, болѣе
 цати фунтовъ шерсти и щетины, оставленной на
 ой почвѣ пожиравшими мясо бѣлыми мѣдвѣд-
 . Животное было изъ самцевъ. Клыки его прости-
 ьсь, по ихъ кривизнѣ, болѣе девяти футовъ. Уже
 клыковъ голова его вѣсила болѣе четырехъ сотъ
 говъ. Г. Адамсъ собралъ съ великимъ стараніемъ
 что оставалось отъ сего единственнаго образца
 няго творенія, и перекупилъ клыки въ Якутскѣ.
 драгоцѣнный памятникъ пріобрѣтенъ отъ Адамса
 ударемъ Императоромъ за 8,000 рублей,
 анится въ С.-Петербургской Академіи.

ели Природа употребила льды для сохраненія боль-
 ь животныхъ, то посредствомъ янтаря сберегаетъ
 ія, особенно насѣкомыя, въ неизмѣнномъ почти
 ояніи. И самый янтарь есть вещество допотопное.
 ренъ говоритъ, что въ собраніи Гродненской Ака-
 и онъ видѣлъ, въ 1777 году, янтарныя четки, въ
 ьныхъ каждое зерно заключало въ себѣ насѣкомое.

Тилезіусъ, описавшій остатки сего мамонта въ такомъ видѣ,
 омъ онъ сохраненъ въ Петербургъ, замѣчаетъ, что уже нѣтъ во-
 на кожъ мамонта.

Это была, по словамъ его, истинная допотопная эволюционная коллекція.

Въ неизмѣненномъ, или почти въ неизмѣненномъ состояніи находятся также нѣкоторыя смолистыя рѣвья.

Но перейдемъ къ измѣненному состоянію ископаемыхъ. Въ семъ состояніи ископаемая бываютъ, совершенно или отчасти, 1) окаменѣлыми, 2) ометаллическованными, 3) осмоленными и 4) обугленными.

Окаменѣваютъ ископаемая большею частью въ известнякъ и известнякъ.

Стебли и стволы растений всегда почти бываютъ кремнистыми. Черепы раковинные, напротивъ обыкновенно превращены въ кремень, но обыкновенно состояли въ такъ называемомъ пережженномъ состояніи, то есть, безъ всякой другой перемѣны, кромѣ потемнѣнія. Нѣкоторые впрочемъ совершенно окристаллизировались. Изъ числа лучистыхъ, морскія звѣзды и скіе ежи и энкрины всегда окристаллизованы въ томъ, ломающимся ромбоидальными пластинками. Рыбы и кости животныхъ встрѣчаются иногда окаменѣлыми, но чаще просто сохранившимися.

Цвѣтъ окаменѣлостей зависитъ часто отъ окружающей ихъ минеральнаго вещества: напримѣръ, въ известняку, въ прѣсно-водномъ известнякѣ онѣ бываютъ желта-бѣлыми; въ мѣлѣ, мушелевакѣ, черноватые или сѣрыми.

Иногда окаменѣлая ископаемая бываютъ въ листоватыхъ и неокременѣлыхъ веществахъ; такъ находятъ въ грубомъ известнякѣ и верхнемъ морскомъ песчаникѣ.

и ископаемыя части, почитаемыя ребрами ламантиновъ, превращенными въ известняковый камень, весьма плотный и звонкій, хотя земной слой, изъ котораго они взяты, и не окаменѣлъ. Важно обстоятельство, на которое указываетъ фонъ-Бухъ въ одномъ ненапечатанномъ своемъ сочиненіи, что собственно животная масса превращается въ ископаемыхъ моллюскахъ въ хальцедонъ, тогда какъ раковина ихъ и окружающее минеральное вещество остаются известняковымъ.

Читаемъ у Юсти, что при Францѣ I, который хотѣлъ узнать, во сколько времени можетъ окаменѣть дерево, были осматриваемы сваи Траяновскаго моста, подъ Бѣлградомъ, существовававшего по этому XVII столѣтіи, и одна изъ нихъ, вынутая изъ своего мѣста, была распиlena поперечно, какъ въ верхнемъ, поддномъ ея концѣ, такъ и въ нижнемъ, находившемся дотого въ землѣ. Нашлось въ семъ послѣднемъ концѣ, что дерево на полдюйма, снаружи внутрь, было превращено въ агатъ; что подъ сею агатовою корою дюймъ было пережжено; а въ остальной части осталось тѣмъ сохраненіе, чѣмъ ближе сія часть подходила къ центру, такъ что наконецъ не представляло никакого отличія отъ обыкновеннаго вещества дерева. Судя по этому, вся эта свая, имѣвшая въ толщину цѣлый 10,000 лѣтъ. Впрочемъ, другіе примѣры показываютъ, что окаменѣніе происходитъ гораздо скорѣе. Женнеръ зарывалъ свѣжія кости въ ліесный илъ, и находилъ, что сіи кости, по истеченіи уже одного года, чернѣли, дѣлались тверже, хрупче, получали блескъ, словомъ совершенно походили на ископаемыя кости, встрѣчаемыя въ ліесѣ.

Изъ числа оминерализированныхъ ископаемыхъ, мы удержали свое какъ наружное, такъ и внутрен-

нее строение, даже въ самыхъ тончайшихъ частяхъ своихъ, другія, называемыя *формами*, *moule*, остаются только при наружномъ, болѣе или менѣе поверхностномъ устройствѣ или очертаніи.

Нерѣдко полость отъ исчезнувшей, напримѣръ, раковины ни чѣмъ не занята, но фигурою своєю представляетъ сію послѣднюю, и тѣмъ яснѣе, что слѣды наружнаго очертанія раковины остаются на стѣнѣ этой полости. Такое состояніе полостей съ отпечаткомъ наружнаго вида раковины, или вообще всякаго органическаго тѣла и произведенія, извѣстно подъ именемъ *наружной формы*. Но когда полость, происшедшая отъ пропадшаго органическаго тѣла, положивъ раковины, наполнена постороннимъ веществомъ, нѣмъ отпечатокъ внутренней поверхности сего тѣла, то происшедшая отъ сего масса составляетъ называемую *внутреннюю форму*. Чтобъ объяснить себѣ это лучше, сдѣлаемъ подражаніе Природѣ. Въ скорлупу хоть грецкаго орѣха, нальемъ растопленнаго воска, и дадимъ воску застынуть: воскъ представитъ намъ, въ видѣ ложнаго ядра, внутреннюю форму настоящаго орѣха. Наружную форму орѣха получимъ, обольемъ восковою массою скорлупу снаружи.

Какъ и куда исчезли раковинные черепы изъ скорлупы *наружной* своей формы, не извѣстно. Случается, что полость *наружной* формы наполнена до половины костью *внутренней* ея формы, и тѣмъ веществомъ, изъ котораго обѣ формы составлены. Это показываетъ, что *внутренняя* форма частію распалась, частію исчезла. Какъ и куда?

Находимъ у Буккланда свидѣтельство о примѣчательнейшемъ отпечаткѣ черепашьихъ ногъ на красномъ песчаникѣ, найденномъ въ области Думфрисъ. О

къ сомнительнымъ вещамъ отпечатокъ ногъ буд-
человѣческихъ, найденный въ Сѣверной Америкѣ,
берегу Миссисипи, въ области Миссури.

Теперь посмотримъ, какія были мнѣнія объ иско-
паемыхъ.

Древніе знали объ ископаемыхъ, и имѣли
сильно признавать ихъ остатками жившихъ нѣкогда
животныхъ. Геродотъ почиталъ раковинные черепа, на-
йденные въ Египтѣ, доказательствомъ того, что на
берегахъ Египта былъ нѣкогда морской заливъ. Примѣ-
тельно, что, по свидѣтельству Плинія, Аммоновы ро-
гачи числялись въ Эѳіопіи къ священнымъ камнямъ,
какъ и теперь у Индовъ аммониты; изъ описанія
Плинія видно, что онъ подъ аммоновыми рогами
умѣлъ отличать аммонитовъ. Въ средніе вѣка
понятіе объ ископаемыхъ было потеряно, и
замѣнено мнѣніемъ, основаннымъ, вѣроятно, какъ и
раннія въ тѣ времена, на ученіи Аристотеля, —
мнѣніемъ объ игривой подражательной силѣ Природы,
производящей иногда такіе предметы, которые сход-
ны съ другими существующими по одному наружно-
му очертанію. Многія старинныя сочиненія
ссылаются на то, какъ сильно и долго царствовало
этого мнѣнія между учеными и неучеными. Легковѣріе
дошло до невѣроятной степени. Находили на кам-
няхъ изображенія Лютера, Папъ, Богоматери, раз-
ныхъ Святыхъ, какъ и многіе мірскіе предметы. До-
вольно странно, что злонамѣренность послужила въ
этомъ случаѣ истинною, нанесеніемъ удара ложному мнѣнію.

Въ 1726 году вышло въ Вюрцбургъ ученое сочине-
ніе in-folio, Іоанна Варѣоломея Адама Берингера, со-
державшее многія картины *. Въ семъ сочиненіи описано двѣ

Вотъ заглавіе этого любопытнаго сочиненія: D. Joan. Bartholom.
m. Beringer, Dissertatio physico-historica Litographiae Wircebur-
g. T. III. — Отд. III.

сти камней, представляющихъ цвѣты, гусеницъ, бочекъ, птицъ, лягушекъ, звѣзды, солнце, Еврейскія слова, паутину и проч. и проч. Дѣло въ томъ, что Берингеръ, страстный охотникъ до такъ называвшихся тогда *фигурныхъ камней*, *lapides figurati*, имѣлъ много непріятелями Іезуитовъ, которые, желавъ избавиться надъ нимъ, вырѣзали на известняковомъ каменѣ разныя фигуры, и закопали ихъ въ одной Вирцбургской горѣ; драгоценное собраніе сихъ рѣдкостей было найдено, какъ слѣдуетъ, и Берингеръ описалъ ихъ. Потомъ сами же его непріатели разгласили тайну происхожденія описанныхъ камней. Пристыженный бродушный писатель старался перебрать къ себѣ задъ всѣ расшедшіеся въ публику экземпляры своего творенія, но оно пережило Автора; по смерти Берингера, экземпляры его сочиненія куплены Бамбергскимъ книгопродавцемъ, и изданы вновь, въ 1777 году другимъ только заглавіемъ.

Сочиненіе Берингера было то же для лже-философовъ, какъ мнѣній о подражательной силѣ Природы, *plastica, vis formativa*, что романъ Сервантеса для рыцарскихъ понятій: оно убило ихъ. Но гений чужеземскій плодovitъ на изобрѣтеніе нелѣпаго. Чужеземцы не старались объяснить себѣ существованіе ископаемыхъ! Производили ихъ отъ испорченности камней, отъ звѣздъ, особенно отъ камне-пожирающихъ лунныхъ мѣсяца. Въ старыя времена приписывалось вліяніе луны всякое безобразное произведеніе. Стефано, примѣръ, въ фантастической Шекспировой комедіи *the Tempest*, не находитъ приличнаго названія для довища Калибана, какъ *moon-calf*, лунный теленокъ. Полагали также, что въ ископаемыхъ Природа осквернена.

gensis, ducentis lapidum figuratorum, a potiori insectiformium, digiosis imaginibus exornatae. Specimen primum. Wirceburgi, 1777.

дала намъ первые, слабые свои опыты, изъ которыхъ мы видимъ, какъ она хотѣла произвести животнаго существа, но не докончила ихъ, и не дала имъ жизни. Другіе, и это странное мнѣніе объявлено свѣту не такъ давно, вообразили, что массы горъ упали на нашу землю съ неба, какъ аэролиты, и потому остатки существъ, въ нихъ заключенные, носятъ на себѣ отпечатокъ чуже-планетнаго происхожденія.

Таковыми-то предположеніями усиливались постигнуть тайну ископаемыхъ, не подозревая самаго правильного, самаго естественнаго ея объясненія. Не естественно ли думать, что остатки животныхъ и растеній погребенныхъ въ землѣ, суть остатки жившихъ когда на землѣ животныхъ и растеній? И эта простая истина долго была чужда и противна уму Философовъ. Между-тѣмъ она давно была открыта; ее возогласилъ міру — горшечникъ! Геніяльный этотъ ремесленникъ, осмѣлившійся идти противъ мнѣнія всеобщаго свѣта, назывался Бернардъ Палисси. Вотъ записки славнаго его въ лѣтописяхъ Палеонтологической комиссии: *Discours admirables de la nature des eaux et des terres, tant naturelles qu'artificielles, des métaux, des mines, et salines, des pierres, des terres, du fer, et des rochers. Avec plusieurs autres excellens secrets des choses naturelles. Plus un traité de la marne, fort utile et nécessaire, pour ceux qui se mellent de l'agriculture. Tout dressé par dialogues, es quels sont introduits la théorie et la pratique. Par M. Bernard Palissy, inventeur des rustiques figulines du Roy, et de la Roynne sa femme. Paris, 1580.* Но Палисси вопіялъ какъ-бы въ пустыню. Можетъ-быть, никто такъ не упоренъ въ своихъ предубѣжденіяхъ, какъ Ученые. Впрочемъ, одно торжество должно было рано или поздно навести истину: это священные преданія о потопѣ. Въ са-мыя вещи, когда въ началѣ XVI столѣтія общее вни-

маніе возбуждено было открытіемъ раковинъ на мѣсто заложенія Веронской цитадели, голосъ публики, нѣкоторые Ученые приписывали сіи раковины потопу: слѣдовательно почитали ихъ дѣйствительными некогда жившими раковинами. Шейхцеръ, Цюрихскій врачъ, наиболѣе содѣйствовалъ распространенію того мнѣнія, что ископаемыя суть остатки всемірнаго наводненія. Наука обязана многимъ весьма полезнымъ сочиненіями объ ископаемыхъ желанію благочестивыхъ людей подтвердить истину библейскихъ познаній естествознаніемъ. И вотъ причина, почему Вольтеръ такъ жестоко вооружался противъ «вѣрующаго въ ископаемыя»: раковины служили тогда въ пользу Религіи, какъ доказательство потопа, упоминаемаго Библіею. Мнѣніе самого Вольтера объ ископаемыя возбуждаетъ теперь въ натуралистахъ смѣхъ и насмѣхъ; но и мнѣніе, приписывающее всѣ ископаемыя потопу, не могло удержаться при точнѣйшемъ познаніи коры земной. Доказывать это было бы здѣсь слишкомъ долго.

ДОКТОРЪ ЯСТРЕВЦЕВЪ

ОДЧЕСТВО НАСЪКОМЫХЪ.

=

ничто такъ не показываетъ величія и могущества
тѣла вселенной, какъ разсмотрѣніе мельчайшихъ
существъ творенія. Энтомологія, или Наука о насѣко-
мыхъ, увеличившаяся, обогатившаяся подъ микро-
помъ Линнея, Реомюра и Левенгука, усовершеншаяся
каждый день точными наблюденіями, наконецъ откры-
ла намъ цѣлый рядъ невѣдомыхъ фактовъ, которые
въ другое время и при другихъ понятіяхъ могли бы
быть названы чудесами. Міръ, ползающій подъ наши-
ми ногами и пріютающійся въ щелинахъ нашихъ жи-
лищъ, безъ сомнѣнія столько же великолѣпенъ и уди-
теленъ, сколько и міръ, текущій надъ нашею голо-
вою, сколько и эта огромная пола пышной мантии Со-
лнца, осыпанной безчисленными алмазными свѣ-
тами, которою Онъ родительски прикрылъ и огра-
ждаетъ движенія нашей планеты.

Ползающій въ механической части своего Искусства,
не чувствовавшій ни какого влеченія къ Природѣ,
питанный въ городахъ и прославленный придвор-
ными, Попъ осмѣивалъ любителей Естественной Исто-
рии, ихъ мелочныя наблюденія, ихъ терпѣливыя изы-
сканія, ихъ энтузіазмъ, ихъ исключительную страсть
къ новымъ открытіямъ, сдѣланнымъ ими для Науки.

Наблюденіе насѣкомаго, укрывающагося отъ глазъ
подъ былинкою дерна, такъ же достойно человека,
какъ и наблюденіе самой блестящей звѣзды на небѣ.
Изученіе есть могущество. Изученіе насѣкомыхъ не толь-
ко удовлетворяетъ врожденному намъ любопытству,
но и потому человѣческой умъ обязанъ всѣми своими про-
бавленіями; но это изученіе, надъ которымъ Попъ такъ

Г. III. — Отд. III.

безразсудно смѣялся, необходимо для нашего б. состоянія. Говорять, будто-бы оно притупляетъ ственныя способности: это совершенно несправево. Люди, съ самымъ пылкимъ воображеніемъ, Р. Гольдсмитъ, Грей, Дервинъ, до старости занима Энтомологіею. Она не только не обезсиливаетъ, но еще оплодотворяетъ его, раскрывая предъ новую безконечность, безпредѣльную сферу, пол жизни и безсмертія, и простирающуюся до сам мельчайшихъ подраздѣленій существа и одушевленной матеріи.

Мірѣ насѣкомыхъ, столь долго остававшійся невѣстнымъ, и въ который Плиній и Аристотель вступили, еще весьма недавно открылся взорамъ ствоиспытателей; и мы уже далеко дошли въ этой къ безконечно малыхъ. Приборы чрезвычайно сныя и столь мелкіе, что даже съ помощію микоскопа ихъ едва можно замѣтить; странныя наклости, любопытныя нравы, необычайныя потребности, чудный инстинктъ самосохраненія и произвожденностиискусство въ употребленіи средствъ открытыхъ этимъ созданіямъ Природою; монархическія и аристократическія и народныя правительства, войны, любовныя похищенія; работы архитекторовъ, ткацкія, плотничьи, каменщицкія, совершаемыя существами, которыя мы давимъ ногою, не замѣчая механизма удивительно разнообразный и имъ то свойственный, — передъ взорами наблюдателя раскрывается цѣлая вселенная, новая, блестящая, неизвѣстная. И не думайте, чтобы этотъ міръ не имѣлъ никакого вліянія на нашъ собственный. Насѣкомыя чрезвычайно вредны, и чрезвычайно полезны. Они то могутъ причинить намъ невознаградимый убытокъ. Препятствія, которыя мы имъ противопоставляемъ, нерѣдко лишь увеличиваютъ бѣду, потому, что мы знаемъ ихъ нравовъ. Иногда употребляемъ мы

истребленія этихъ ничтожныхъ тварей средства, которыя обращаются намъ во вредъ; иногда, — что еще хуже, — мы ихъ презираемъ, потому что они обманываютъ наше зрѣніе, и они отмщаютъ за себя, опустошая наши сады и нивы или преслѣдуя и терзая насъ въ домахъ.

Мы умѣемъ защищаться отъ хищныхъ звѣрей, которые уже не могутъ проникать въ наши жилища; но травяныя вши и гусеницы безнаказанно опустошаютъ сады наши: эти презрѣнные непріатели ни сколько насъ не боятся; и до сихъ поръ всѣ познанія, все искусство человѣка, не могутъ защитить его отъ грознаго ихъ союза, отъ ихъ упорства, ихъ многочисленности, ихъ мелкости и разрушительныхъ орудій, которыми надѣлила ихъ Природа. Подъ равноденственными кругами, крошечные муравьи, въ борьбѣ съ человѣкомъ, останавливаютъ успѣхи его просвѣщенія: они точатъ бумагу своими незамѣтными челюстями, пожираютъ книги и питаются пергаменомъ. Во многихъ частяхъ Южной Америки вы не найдете ни одного столѣтняго письменнаго документа. Такимъ образомъ муравьи разрушаютъ цѣпь, связывающую прошедшее съ настоящимъ; такимъ образомъ въ каждый вѣкъ исчезаетъ масса пріобрѣтенныхъ познаній; потомки не получаютъ отъ предковъ наслѣдства мудрости и свѣдѣній; образованность, останавливаемая въ своемъ развитіи, дѣлаетъ шагъ впередъ и потомъ снова отступаетъ: народъ безъ предковъ навѣки остается въ дѣтствѣ.

Кто бы подумалъ, что личинка насѣкомаго, и видомъ и величиною похожая на зерно сарачинскаго пшена, положенная на вѣтвь сосны въ полтора фута вышиною, въ три фута въ діаметръ, можетъ умертвить, уничтожить этотъ колоссъ! Между-тѣмъ, я видѣлъ, говоритъ знаменитый естествоиспытатель Джонъ Ренни, искусному и ученому перу котораго

обязаны мы этою статьею, — я видѣлъ цѣлые лѣса сень, пораженные этою неизбѣжною смертію. Они покрывали тысячи акровъ своею тѣнью; и чрезъ сколько времени на этой землѣ видны были то бѣлѣющіеся остовы деревьевъ, съ сухими, безплодными вѣтвями, лишенные коры и распадающіеся пылью. Въ Южной Каролинѣ особаго рода клопы, чрезвычайно маленькіе, черные и крылатые, обнажили двѣ тысячи акровъ земли, которые нѣкогда были увѣнчаны великолѣпными деревьями. Сосны Гарцскаго лѣса Германіи погибли отъ наспій этого непріятеля, и крабаго, къ счастью, во множествѣ истребляетъ крабгузка. Насѣкомое проникаетъ въ хлѣбный колось, привлекаетъ изъ него всю муку, и оставляетъ одну оболочку; другое помѣщается въ овощахъ и поѣдаетъ мякоть. Саранча летаетъ цѣлыми арміями, которыя затмѣваютъ солнце и опустошаютъ обширныя страны. Цѣлые народы бѣлыхъ муравьевъ нападаютъ на Африканскую деревню и истребляютъ ее: огонь ужаснѣе и не скорѣе ихъ дѣйствуетъ. Они бросаются въ море, настигаютъ корабль и пожираютъ его. Наводки, наши плотины, наши морскія построенія разь страдали отъ этихъ армій, столь презрѣныя по мелкости существъ, ихъ составляющихъ, столь опасныхъ по своей многочисленности и своимъ разрушительнымъ дѣйствіямъ.

Но насѣкомыя, причиняя намъ большой вредъ, приносятъ и великую пользу. Одно насѣкомое даетъ намъ кошениль, другое шелкъ, третье медъ. Служа орудіемъ истребленія и произвожденія, они истребляютъ вредныя вещества, которыхъ гніеніе распространялось бы заразу и сдѣлало бы землю необитаемою. Насѣкомыя довершаютъ дѣло смерти и разрушенія труповъ: они своими челюстями и желудками, такъ сказавъ, очищаютъ Землю. То, что начинаютъ гнѣны и коровы, оканчиваютъ мириады насѣкомыхъ, раждающіеся.

ся изъ яицъ, положенныхъ въ гниющія тѣла. Какъ скоро появляется великое множество пожирающихъ насекомыхъ, вы можете быть увѣрены, что изъ земли или изъ стволовъ деревьевъ выйдутъ другія насекомыя для истребленія этихъ. Въ 1820 году травяныя вши покрыли всѣ поля въ Англіи, и опустошали все такъ, что отъ нихъ не было ни какой защиты; вдругъ появилось удивительное множество мухъ, которыхъ въ просторѣчій называютъ божьими-коровками, и онѣ истребили опустошителей. По какимъ же законамъ размноженіе одной породы слѣдуетъ за размноженіемъ другой и за вредомъ, ею причиняемымъ?

Міръ насекомыхъ отличается неистощимымъ разнообразіемъ. Съ 15 Августа по 1 Іюня 1829 года я нашелъ въ окрестностяхъ Риплея въ кругѣ въ восемь верстъ въ діаметръ, двѣ тысячи четыреста двадцать породъ насекомыхъ, не считая въ томъ числѣ гусеницъ, личинокъ, златницъ. Изъ этихъ двухъ тысячъ четырехъ сотъ двадцати породъ было девяносто восемь совершенно новыхъ, не находившихся дотога ни въ какомъ собраніи: непрерывныя переселенія насекомыхъ еще увеличиваютъ это разнообразіе. Цѣлыя колоніи вдругъ исчезаютъ, и на мѣсто ихъ появляются другія, въ тѣхъ мѣстахъ небывалыя. Въ 1825 году, въ окрестностяхъ Лондона, видны были только цѣлые баталіоны божіей коровки, *coccinella bipunctata* (съ двумя пятнышками), и на всѣхъ растеніяхъ блестяли ихъ алыя чешуйки. Въ 1826 и 1827, ихъ было почти не видно; зато появилось великое множество божіей-коровки съ семью черными пятнышками, *coccinella septempunctata*. Міръ насекомыхъ можно изучать во всѣхъ положеніяхъ: всѣ углы Земли, всѣ разщелины каменьева, всѣ трещины въ деревѣ, всѣ отверстія въ землѣ, ими наполнены; одна геометрическая ткань обыкновеннаго паука можетъ цѣлые годы служить предметомъ размышленій философу, геометру, физику. И полезныя и вредныя нась-

комья большую частью одарены удивительно красивыми и странными формами. Самые страшные из них, оса, которой мы так боимся, невольно и безъ причины, стрекоза, истребляющая такъ много гнѣхъ насѣкомыхъ, украшаются золотомъ, пурпуромъ, кружевами и брилліантами. Блестящую пыль, покрывающую крылья бабочекъ и тѣло нѣкоторыхъ мухъ, можно сравнить развѣ только съ перьями, украшающими нѣкоторыхъ тропическихъ птицъ. «Взгляни», говоритъ Линней, на эти четыре радужныя крыла, прикрываемыя двумя нѣжными чешуйками, держаемыя этими нѣжными орудіями: бабочка-пчела по цѣлымъ днямъ держится на воздухѣ. Наблюдайте за ея образованіемъ, и удивленіе ваше еще увеличится: сначала она зеленая личинка, ползаетъ шестнадцати лапкахъ и питается листьями дерева, въ которомъ живетъ; потомъ превращается въ родъ лощенной муміи, окруженной повязками, виситъ на ниткѣ, прицѣпленной къ какой нибудь вѣткѣ, существующей безъ пищи и развивающейся безъ дѣженія: наконецъ дѣлается крылатымъ насѣкомымъ съ шестью нѣжными и красивыми ножками, блестящимъ всѣми радужными цвѣтами и питающимся говоною пылью цвѣтовъ. Чудныя превращенія!

Красота насѣкомыхъ соотвѣтствуетъ ихъ разному инстинкту и должна удовлетворять его требованіямъ, и этотъ инстинктъ ни сколько не похожъ на инстинктъ четвероногихъ или птицъ. Защищая своихъ дѣтенышей, укрывать ихъ отъ вѣшнихъ паденій; добывать себѣ пищу разными хитростями, иногда странными, всегда удивительными; составлять монархію или вольное общество, жить въ трудливомъ равенствѣ, или повиноваться могущественной аристократіи; высылать въ дальнія страны колоніи, переселяться цѣлыми массами, цѣлыми поколѣніями: таковы условія существованія, выполняемыя насѣ-

ими. Янца ихъ, столь мелкія, столь нѣжныя, поддержаны многими опасностями: поэтому все усилія насъкомыхъ обращены къ ихъ сохраненію. Человѣкъ, оруженный машинами удивительными и сложными, не выдумалъ ничего подобнаго тому, что совершаютъ насъкомыя: предусмотрительность, благоразуміе, постоянство, неутомимое трудолюбіе, — въ смиренной безызвѣстной ихъ жизни развивается все, что обращаетъ обширныя царства, все что составляетъ великихъ людей. И между-тѣмъ, насъковыми управляетъ одно гущество инстинкта: онъ одинъ внушаетъ имъ всѣ удивительныя средства, которыя употребляютъ они, чтобы укрыть себя и своихъ дѣтенышей отъ окружающихъ ихъ опасностей. Одни вырываютъ себя подземелья; другія строятъ изъ дерева и листьевъ жилища. Одни для зимнихъ квартиръ своихъ строятъ ящики, искусно запирающіеся прочными шарньерами, или глиняные горшки, которые они укладываютъ внутри опчатую бумагою, или цѣлыя жилища изъ камней и извести, которыя убираютъ цвѣточными листьями, шерстью и мхомъ; есть насъкомыя, извлекающія изъ собственнаго своего тѣла клейкую массу, твердѣющую на воздухъ и образующую для нихъ сѣти, дворцы, монастыри; нныя наконецъ продаютъ въ землѣ или въ стволахъ деревьевъ невидимыя галереи съ тысячами изворотовъ. Мы соберемъ нѣсколькихъ страницахъ замѣчательнѣйшія изъ открытій, сдѣланныхъ по этому предмету.

Зодчество пчелъ было постоянно и внимательно наблюдаемо. Эта огромная фабрика, въ которой такъ ясно наблюдается раздѣленіе работы, въ которой множество существъ, исполняя ввѣренное имъ дѣло, дѣйствуютъ общему благосостоянію, и ни одно изъ нихъ не пренебрегаетъ своею обязанностію, ни одно беретъ за дѣло другаго; эта удивительная точность, эта сила инстинкта, походящая на героизмъ

добродѣтели, — обращали на себя вниманіе наблюдателей всѣхъ временъ. Настѣкомыя, которыя живутъ ни, и надѣются на свои собственныя силы, менѣе вѣстны, потому что они скрываются, но не менѣе служиваютъ вниманіе. Пчела, называемая «одинокою» и оса «одинокая» дѣлаютъ себѣ гнѣздо, строятъ ящики, покрываютъ ихъ прочнымъ цементомъ, и заботятся о своихъ дѣтяхъ съ материнскою нѣжностью, которая ни сколько не уступаетъ попечительности пчелъ и осъ, живущихъ обществами.

Въ Сентябрѣ 1828 года я видѣлъ одну осу — кампидицу, *odynerus murgatus*, которая прилежно прогрызала дыру въ старыхъ кирпичахъ стѣны. Эта дыра уже довольно большая, была футахъ въ пяти отъ земли. Посредствомъ своихъ острыхъ челюстей, вооруженныхъ пилою, оса отдѣлала кусочекъ кирпича личиною съ горчичное зерно; и вмѣсто того, чтобы бросить его на землю или кинуть вдаль, она уносила свой кусочекъ, дѣлала нѣсколько круговъ и складывала свою добычу не прежде, какъ отлетѣвъ на довольно большое разстояніе, и всякой разъ въ новомъ направленіи. Очевидно, что оса хотѣла скрыть свою работу, потому что когда одинъ изъ этихъ кусочковъ случайно упалъ, она принялась искать его, нашла и унесла вдаль. Дыра была продѣлана въ два дня, но надобно было еще два дня, чтобы покрыть внутреннюю стѣнку гнѣзда, которое имѣло видъ бутылки съ узкимъ и загнутымъ горломъ. Наконецъ оса положила туда два яйца, принесла нѣсколько семянъ и живыхъ пауковъ, чтобы дѣтенышамъ, когда они вылупятся, было чѣмъ питаться, и потомъ задѣлала отверстіе слоемъ глины, вдвое толще той, которою она покрыла внутренность гнѣзда. Въ Январѣ мы выломали этотъ кирпичъ, и увидѣли, что обитатели его спокойно живутъ въ бутылкѣ, устроенной ихъ матерью: то были двѣ куколки, одинаковой ф

и, но весьма различныхъ свойствъ, какъ читатели видятъ далѣе.

Несмотря на всѣ старанія бѣдной осы, одинъ ненаданный гость открылъ это таинственное убѣжище: мушкетеръ-кукушка, *tachina larvatum*, которая походитъ на обыкновенную муху, но только болѣе, положила одну изъ своихъ лапъ въ домъ осы-каменщицы; насѣкомое, вылупившись изъ яйца, съѣло одного изъ своихъ сосѣдей, другаго оставило въ живыхъ; потомъ оно куколку и заключилось въ ней. Другая личинка, дочь осы, оставшаяся въ живыхъ, также съѣла куколку; а когда наступило лѣто, оба, скинувъ свои саваны, проткнули стѣну, отдѣлявшую ихъ отъ свѣта, и вмѣстѣ вылетѣли.

Другой зодчій, принадлежащій къ тому же семейству насѣкомыхъ, но только иной породы, вырываетъ изъ подземное жилище въ песокъ: онъ выбираетъ для своего жилья самый твердый, именно тотъ, который находится у рѣкъ, слѣпился такъ, что составляетъ почти сплошную массу. Это насѣкомое дѣлаетъ дыру одинаковой длины, ширины и формы, со своимъ тѣломъ, есть, продолговатую и нѣсколько загнутую; во время работы, вырытый песокъ складывается вмѣстѣ; потомъ насѣкомое покрываетъ его клейкою массой, дѣлаетъ изъ него родъ башенки, съ округленною, загнутою къ землѣ вершиною, и эта башенка возвышается надъ отверстіемъ дыры. Окончивъ эту работу, архитекторъ ищетъ матеріаловъ, которые бы послужили для внутренняго убранства жилища. Накопивъ насѣкомое составляетъ изъ живыхъ гусеницъ коническую пирамиду, весьма странно уложенную и скрѣпленную: это съѣстные припасы для будущаго дѣтеныша. Эти гусеницы бываютъ зеленыя, безъ ногъ, и когда насѣкомое соединяетъ ихъ своею клейкою массой, они уже не могутъ двигаться; личинка съѣ-

даетъ ихъ одну за другою, и, что весьма странно паса всегда бываетъ достаточно для молодой осы.

Промышленность одинокой пчелы не менѣе удивительна. Вы видите на стѣнѣ кусокъ грязи, усаженный мелкими камышками; вы можете подумать, что тутъ прошла подлѣ и забрызгала стѣну; но разотрите хорошенько, и вы увидите, что этотъ цилиндрическій кусокъ грязи, испещренный неровностями, есть настоящее каменное строеніе; маленькая круглая дырка ведетъ во внутренность гнѣзда; въ немъ обыкновенно бываетъ нѣсколько келій, походящихъ на наперстокъ, которыхъ внутренность желтоватая, гладкая, блестящая, уравнена какъ алебастръ, уложенный лопаткою каменщика; это твореніе, *thorhoga retusa*, большой мохнатой пчелы, которая живетъ въ обществѣ себѣ подобныхъ.

Въ Маѣ 1809, я гулялъ по берегамъ рѣки Ревеландъ въ Графствѣ Кентскомъ; рой пчелъ кишелъ вокругъ гряды черной глины; я подошелъ, но ни на нихъ не замѣтно было раздраженія, которое эти насекомыя выказываютъ всегда, когда кто-нибудь приближается къ гнѣзду ихъ. Дѣло въ томъ, что они не только строили, а разрабатывали рудникъ, и извлекали изъ него матеріалы для своихъ построекъ. Я въ одно изъ этихъ насѣкомыхъ, и увидѣлъ, что это *melis bicornis*; въ лапкахъ у нея былъ кусочекъ клейкой глины, уже совсѣмъ приготовленной. Работая въ рудникѣ, въ одномъ рудникѣ, а не каждая особа, пчелы собирали и трудъ свой, и клейкую матерію, которую они смачивали глину; искусство и дѣятельность были удивительны. Имъ довольно было полуминуты, чтобы отдѣлить и умять кусочекъ глины; но довольно было пяти минутъ, чтобы положить этотъ кусочекъ на мѣсто въ отдаленномъ ихъ зданіи. Погода была весьма сухая, и потому насѣкомыя должны были

работать чрезвычайно скоро. Для каждого гнѣзда нужно было пять или шесть сотъ кусочковъ глины; каждая пчела работала часовъ пятнадцать въ день, и зданіе было окончено въ три дня. Но требовалось еще нѣсколько часовъ сверхъ того, для работы болѣе трудной, именно чтобы выгладить, вылощить и убрать внутренность гнѣзда. Пчелы-каменщицы, которыхъ наблюдалъ Реомюръ, строили изъ песку, вѣроятно, потому что не было другихъ удобнѣйшихъ матеріяловъ. Онѣ терпѣливо дѣлали изъ этого песка цементъ, что стоило имъ много труда и слюны, но онѣ мужественно производили эту работу. За то зданіе ихъ было прочнѣе выстроеннаго пчелами, которыхъ я видѣлъ въ Графствѣ Кентскомъ. Этого рода пчелы, какъ и всѣ насѣкомыя съ четырьмя прозрачными и жилистыми крылышками, находятся въ непрерывномъ движеніи, и въ нихъ замѣтна какая-то потребность дѣятельности, которая не даетъ имъ ни на минуту покоя. Вы рѣдко увидите, чтобы пчела остановилась; вмѣсто того, чтобы летѣть прямо къ своему мѣсту, она то вертится вокругъ дерева, то жужжитъ около какой нибудь крыши, то подымается, то опускается: это врожденное ей безпокойство, которое обманываетъ наблюдателя, и заставляетъ его думать, что насѣкомое, повинаясь своему инстинкту, выполняетъ какія-нибудь тайныя намѣренія, которыхъ оно въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ не имѣетъ; довольно уже чудно и то, что муха строить изъ самыхъ неудобныхъ матеріяловъ, маленькія бутылочки, въ дюймъ длиною и полдюйма шириною, съ отверстіемъ искусно сдѣланнымъ, и съ стѣнками прочными и блестящими.

Пчелы исполняютъ должность не только архитектора и каменщика, но и рудокопа. Очень маленькая пчела, именуемая *andrena*, дѣлаетъ отверстія въ камнѣ или затвердѣлой землѣ, и въ концѣ длинной гале-

ренъ, дюймовъ въ восемь или десять длиною, устрояетъ для дѣтей своихъ продолговатую комнату нѣкотораго рода альковомъ, въ который она кладетъ плодотворную пыль. Работаютъ однѣ только самки однѣ строятъ, убираютъ жилища и запасаются ѣстные припасы. Самцы живутъ въ праздности.

Собственная выгода, попеченіе о семействѣ, необходимость укрыть свои яйца отъ нападеній другихъ насѣкомыхъ, могутъ нѣкоторымъ образомъ объяснить эти удивительныя произведенія ихъ промышленности. Но какъ объяснить вкусъ, старательность, искусство которыми одинъ родъ пчелъ не только строитъ жилище, но и украшаетъ его блестящими обоями? *Apis ravaeris*, пчела въ треть дюйма длиною, черная съ красноватыми шерстинками на головѣ и спинѣ, съ рымъ и шелковистымъ брюшкомъ, съ строю полною на спинѣ, срываетъ маленькими своими, вострыми зубками, лепестки краснаго мака и даетъ имъ овальную форму; нѣсколько подобныхъ оваловъ, положенныхъ одинъ на другой, составляютъ постель дѣтей другія покрываютъ стѣны, или образуютъ перегородки и отдѣляютъ одно гнѣздо отъ другаго. Почему насѣкомое предпочитаетъ лепестки краснаго мака лепесткамъ всѣхъ другихъ цвѣтовъ? неужели его привлекаетъ красный цвѣтъ ихъ? неужели оно одарено чувствомъ прекраснаго въ цвѣтахъ? неужели съ инстинктомъ самосохраненія и пользы соединяется у немъ инстинктъ поэтической? Этихъ вопросовъ должно рѣшать слишкомъ поспѣшно отрицаніемъ. Если нѣкоторые музыкальные звуки производятъ непріятное впечатлѣніе на слухъ собаки, если звукъ трубы возбуждаетъ лошадь, — почему же это насѣкомое не могло бы чувствовать наслажденія, оставивъ взоры свои на томъ или другомъ цвѣтѣ? Или бы насѣкомыя работали только для удовлетворенія своихъ необходимыхъ потребностей, имъ бы не б

ни какой надобности отдѣлывать свои жилища съ какимъ стараніемъ; личинка очень бы могла жить и въ кельѣ дурно построенной; геометрическія ячейки обыкновенной пчелы не необходимы для благосостоянія пчельнаго общества. Такимъ образомъ, во всей природѣ, вы за предѣлами полезнаго, необходимаго, находите искусство, прекрасное, поэтическое намѣло.

Пчела *anthidium manicatum* величиною съ обыкновенную улейную пчелу, но болѣе плоская и широкая, темнаго цвѣта спиною, съ желтоватыми волосками брюхъ и съ шестью бѣлыми пятнышками вокругъ ла, занимается особаго рода промышленностію. Она собираетъ хлопчатую бумагу. «Я удивлялся, говорить гествойспытатель Уайтъ изъ Сельборна, видя, съ какою искусствомъ это насѣкомое отдѣляетъ и расчесываетъ весь пухъ, покрывающій пигвы, *stachis lanata*, *thymus serpyllaria* и другія пушистыя деревья. Британію нельзя считать пухъ лучше этого. Насѣкомое, летая съ верху въ низъ, косить, такъ сказать, этотъ пухъ, скопляетъ его, уносить и укладываетъ имъ внутренность своихъ келій, которыя, состоя изъ хорошо выжженной и убитой глины, служатъ надежнымъ и покойнымъ убѣжищемъ личинкамъ.»

Еще удивительно то, что дѣлаетъ *megachile centuncularis*. Эта пчела и обойщикъ, и столяръ: она дѣлаетъ жилища изъ листьевъ розоваго куста, искусно вырѣзанныхъ, изъ наперстковъ, которые вставляетъ одинъ въ другой; челоуѣку, и даже очень ловкому, трудно было сдѣлать нѣчто подобное. Не находя розовыхъ кустовъ, она беретъ листья какого-нибудь другаго дерева, но всегда зубчатые. Для округленія этихъ наперстковъ, она не употребляетъ ни какой клейной массы, но пользуется упругостію листьевъ. Каждый перстокъ состоитъ изъ девяти до двѣнадцати отрѣз-

ковъ листьевъ. Они вставляются одинъ въ другой всегда такъ, чтобы линіи соединенія листковъ никогда не приходились другъ противъ друга; напротивъ, центръ листка въ одномъ наперсткѣ всегда приходитъ противъ линіи соединенія листковъ въ слѣдующемъ. Такимъ образомъ зданіе получаетъ всю прочность, какую только можетъ придать ему архитекторъ. Въ глубинѣ этихъ келій лежитъ плодотворная пыль на листахъ репейника, которыя такимъ образомъ подходятъ на варенье изъ розановъ; надъ послѣднимъ отверзтіемъ три вырѣзанные листка образуютъ круглую кровлю, которую и съ циркулемъ трудно было бы сдѣлать болѣе геометрически правильною.

Теперь перейдемъ отъ насѣкомыхъ одинокихъ, которыя оканчиваютъ любопытныя свои постройки при помощи личной своей промышленности, къ другимъ насѣкомымъ, живущимъ, такъ сказать, деревнями и селами, не достигающимъ однако же до политическаго и общественнаго устройства пчелъ, составляющихъ монархію, и обитающихъ въ ульяхъ.

Муравей, менѣе обращающій на себя вниманія, чѣмъ пчела, которой медъ всегда служилъ пищею человеку, не менѣе ея удивителенъ въ развитіи своего инстинкта. Муравьи знаютъ искусство плотниковъ, кирпичниковъ, обойщиковъ, землекоповъ и подземную архитектуру. Мелкость ихъ и кажущаяся безполезность долгое время укрывали ихъ отъ взоровъ наблюдателей. Истинныя нравы ихъ были узнаны не прежде 1747 года, когда Гульдъ, первый, началъ съ успѣхомъ изучать этотъ любопытный предметъ. За нимъ послѣдовали Линней, Геръ, Гюберъ и Латрель. Они доказали, что народныя понятія объ этомъ совершенно ошибочны; что, вопреки обыкновеннымъ мнѣніямъ, муравьи, не дѣлаютъ на зиму никакого запаса сѣмянъ, и что мнимая ихъ республика

, такъ же какъ пчелиная монархія, результатъ тинкта, повинующагося самому себѣ и во всѣхъ дѣлахъ одинаковому.

Главные черты исторіи муравьевъ состоятъ въ томъ, они живутъ далеко шума, свѣта и жара, проводятъ подъ землею правильныя галереи, устраиваютъ норы, ставятъ, гдѣ нужно, столбы и подпоры, избегаютъ поврежденія, причиняемыя наводненіями дождями, и мирно живутъ въ устроенныхъ ими избушкахъ и погребахъ. У каждаго рода муравьевъ особый образъ постройки. *Formica caespitum* обитаетъ подъ камнями или затвердѣлою землею, и строитъ жилища свои по цилиндрическому плану. *Formica fusca* строитъ покои болѣе обширныя, просторныя галереи. *Formica brunnea* менѣе прочихъ, воздвигаетъ концентрическіе этажи иногда до сорока. Въ сильныя жары, онъ уходитъ въ нижніе ярусы, которые служатъ ему погребомъ, въ холодную сырую погоду занимаетъ верхніе. Украинскій муравей дѣлаетъ гнѣзда свои футовъ на шесть вышиною, какъ будто предвидя наводненія, и ужасныя въ той странѣ. Если, несмотря на эту осторожность, вода унесетъ муравейникъ, тогда муравьи собираются все вмѣстѣ, схватываются лапками, составляютъ такимъ образомъ продолговатый комокъ, и пристають гдѣ-нибудь къ берегу.

Третья цѣлая порода муравьевъ, лишенныхъ зрѣнія. Муравьи вообще робки, избѣгаютъ дневнаго свѣта, любятъ темноту. Дождливое время благоприятно для ихъ работъ, потому что они употребляютъ въ размоченную дождемъ землю. Если же засуха продолжается, ихъ оставить свою постройку, они разбиваются въ порошокъ начатыя колоннады, и при первомъ дождѣ снова принимаются за работу. Своды въ двадцать футовъ поднимаются на столбы, и всегда соответствуютъ имъ

своею величиною и тяжестью. Солнце высушива
эти своды, и дворец готовъ.

Неужели же эту геометрическую точность, эти ч
вительныя средства, эту неизмѣнную дѣятельно
эту чудную предусмотрительность можно припи
вать механическому закону? Неужели насѣкомыя
вершаютъ свои дѣйствія, точно такъ же какъ цвѣт
развивается, какъ камень падаетъ? Но тогда пре
ствія должны были бы ихъ останавливать потому,
слѣпой механизмъ не можетъ преодолевать пре
ствій. Пчела, напротивъ того, строить ячейку сво
ризонтакльно, если вы мѣшаете ей строить ее вер
кально; она оставляетъ въ постройкѣ своей нѣк
рыя неправильности, если обстоятельства къ том
принуждаютъ. Однажды, я покрылъ муравейникъ
кляннымъ колпакомъ, такъ, что онъ могъ разруш
подземныя галереи, въ которыхъ жила колонія;
равно три дня строили пирамиду, чтобы поддержа
обрушающуюся часть зданія; но трудъ этотъ б
свыше силъ несчастныхъ работниковъ, и на слѣд
щій день всѣ они отъ усталости издохли. Прав
льзя не сказать, что колонія моя соперничество
въ благоразуміи съ людьми!

Солома, колосья, зерна, которыя муравьи таска
съ такимъ усиліемъ, служатъ имъ не пищею, и
прежде думали, а просто матеріалами. Formica
въ особенности употребляетъ эти матеріалы и
балки для покрытія своихъ сводовъ. Самыя тол
балки служатъ стропилами, для поддержанія кры
а солома и былинки употребляются вмѣсто черепи
Приподнявъ кровлю, видимъ въ центрѣ зданія
волью большую комнату, состоящую въ сообщ
съ нѣсколькими другими меньшими покоями и со
жествомъ галерей. Всѣ корридоры выходятъ въ о
нюю комнату. Подъ этими корридорами наход

еще покои, подземелья, въ которые жители иногда уходятъ, и въ которыхъ складываются личинки.

Этотъ родъ муравьевъ всегда закрываетъ двери свои на ночь. Въ сумерки видимъ множество проворныхъ работниковъ, которые тащатъ былинки и листочки, чтобы заложить всѣ входы въ домъ. Впереди кладутся самые тяжелые матеріалы, потомъ другіе полегче, наконецъ песчинки. Утромъ двери отваливаются: если погода хороша, то корридоры тотчасъ очищаютъ; если идетъ дождь, то оставляютъ одинъ только довольно узкій входъ; если же дождь очень силенъ, двери цѣлый день не открываются.

Нѣкоторые породы муравьевъ умѣютъ плотничать: въ этомъ особенно искусенъ *formica fuliginosa*. Когда онъ выбираетъ жилищемъ пень дерева, то дѣлаетъ въ немъ широкія и правильныя галереи; если же поселяется въ толстомъ корнѣ, то устраиваетъ себѣ жилище не столь правильное, но лучше отдѣланное.

Всѣ эти корридоры и своды совершенно черны, какъ настоящее черное дерево, — точно будто ихъ нарочно чернили и ложили: странное явленіе, котораго естественныя испытатели доселѣ еще не могутъ объяснить.

Великолѣпные памятники, воздвигаемые нашимъ родомъ, почитаются дивными твореніями генія. Человѣкъ, сравнивая ростъ свой съ гигантскою высотой пирамидъ и обелисковъ, гордится трудомъ, совершеннымъ его предками. *Formica rufa* строитъ города, столь же населенные какъ и наши и, относительно, столь же обширные, столь же правильные. Термиты, или бѣлые тропическіе муравьи, длиною въ четверть дюйма, воздвигаютъ пирамиды въ двѣнадцать футовъ: то есть, памятники въ пять сотъ разъ больше архитекторовъ. Гдѣ найдемъ мы зданія, которыя бы мо-

жно было сравнить съ этими? Есть ли гдѣ пирамъ въ пять сотъ разъ выше челоуѣка?

Термиты, которые видоу нѣсколько походятъ нашихъ муравьевъ, — нравами, конечно, не принажаты къ этому роду насѣкомыхъ. Они умѣютъ прослѣдить дерево, выпустить изъ него весь сокъ, и не рая коры, проточить все дырами и углубленіями торья его умерщвляютъ. Когда смерть дерева неизбежна и оно готово распасться въ куски, термиты, такъ сказать, подкладываютъ его глиною и держиваютъ кору, такъ что дерево кажется свѣжимъ. Я видѣлъ доски, которыя термиты такъ источили, что въ нихъ оставались только двѣ древесныя коцы: онѣ отъ малѣйшаго удара разсыпались въ прахъ.

Истребляя всѣ животныя и растительныя вещества, термиты представляютъ жителямъ тропическихъ странъ только одного рода вознагражденіе: изъ нихъ дѣлается соусъ, похожій на миндаль съ сахаромъ. Реомюръ и Гюберъ этихъ насѣкомыхъ описалъ Смитменъ, который напечаталъ въ Philosophical Transactions подробную ихъ исторію.

Какъ скоро наступаетъ весна, *работишки*, или *чишки*, начинаютъ ползати по землѣ, отыскивая термитовъ, которые пережили зимніе холода; на самца или самку, воздвигаютъ около нихъ глиняныя кусты, и они становятся царемъ и царицею; государство признаетъ ихъ своими основателями и повелителями; на нихъ возлагается обязанность размножать породу. Покои царя и царицы довольно велики, но выходы изъ нихъ такъ узки, что повелители не могутъ уйти оттуда. Вокругъ царскихъ покоевъ устроены неправильныя комнаты для складки яицъ; комнаты просторныя изъ нихъ не болѣе полу-дюйма въ метрѣ. Эти гнѣзда дѣлаются изъ дерева, истертаго

порошковъ, и скрѣпляемаго клейкою матеріею; царская комната находится въ самой срединѣ, на поверхности земли. По мѣрѣ увеличенія народонаселенія, устраиваются новыя комнаты, новые магазины, сообщающіеся между собою галереями и образующіе весьма сложный лабиринтъ; надъ большою комнатою, предоставленною царю, располагаются другія жилища, доходящія до двухъ-третей всей высоты гнѣзда. Между вершиною, или остроконечіемъ конуса, и верхнимъ этажемъ жилищъ остается пустота, напоминающая взору и уму сводъ готической церкви, видимый изнутри. Вокругъ этого пустаго пространства идутъ арки, которыя уменьшаются и въ вышину и въ толщину, по мѣрѣ близости своей къ стѣнкамъ. Корка, или наружная стѣна, весьма толста и прочна. Посреди довольно большаго числа неправильныхъ коническихъ возвышеній, находится весьма острый конусъ, превышающій всѣ другіе. Когда термиты хотятъ увеличить свое зданіе, они соединяютъ между собою нѣсколько ихъ конусовъ, но всегда оставляя центральный куполъ. Термиты такіе ученые архитекторы и такіе искусные каменщики, что дикіе быки взмѣзаютъ на ихъ искусственные холмы, не разрушая ихъ.

Царская, или центральная, комната, похожая формою на печь, расширяется и распространяется по мѣрѣ того, какъ колонія становится могущественнѣе, и какъ царица съ лѣтами толстѣетъ. Наконецъ, когда царица достигла уже величайшей степени своего развитія, эта комната бываетъ въ шесть или восемь дюймовъ длиною.

Царь и царица живутъ плѣнниками, во всей силѣ этого слова. Одни только работники могутъ проникнуть сквозь узкіе переходы, ведущіе въ ихъ комнату. Въ самыхъ малыхъ комнатахъ лежатъ лица, изъ которыхъ вылупляются термиты ослѣпительной близ-

ны. Въ другихъ комнатахъ, служащихъ магазинами, хранятся не только кусочки дерева и растений, но смолы и другія клейкія вещества, употребляемыя при постройкахъ.

Статья наша была бы слишкомъ велика, еслибъ мы захотѣли изложить подробный планъ этихъ подземныхъ галерей, корридоровъ, лѣстницъ, улицъ, которыя извиваются вдаль и иногда выходятъ изъ подъ земли въ пяти верстахъ отъ города термитовъ. Эти превосходные работники чрезвычайно искусно располагаютъ всѣ ходы, такъ, что они иногда служатъ имъ защитою отъ жара, иногда убѣжищемъ отъ сырости; широкіе водопроводы, назначенные для стока воды, которая разрушила бы весь городъ, если бъ долго въ немъ оставалась; эллиптическія лѣстницы, устроенныя для того, чтобы работникамъ легче было взбираться на перпендикулярныя стѣны; столбы, приготовленные заранее, чтобы въ случаѣ умноженія народонаселенія и распространенія города, на нихъ можно было положить своды, — всѣ эти удивительныя подробности можно описать не иначе, какъ въ цѣлой книгѣ, и притомъ для ясности надобно было бы приложить къ ней рисунки.

Другой родъ термитовъ, *termes mordax*, воздвигаетъ колоны изъ глинистой земли, и продѣлываетъ въ нихъ множество глубокихъ дырокъ, которыя суть не иное что, какъ гнѣзда, комнаты и кельи; капитель, похожая на головку гриба, вѣнчаетъ эту колонну, которая часто бываетъ футовъ два съ половиною или и въ три фута вышиною. Термита, названный Латрельемъ *lucifugus*, живетъ на деревьяхъ, привѣшиваясь къ ихъ вѣтвямъ.

Термиты одинокіе не имѣютъ тѣхъ качествъ, которыми одарены термиты общежительные: они не строятъ себѣ жилищъ, но укрываются въ отверстіяхъ каменныхъ стѣнъ и деревянныхъ перегородокъ. Они-

то (*termes pulsatorius* Линней) производить стукъ, который такъ пугаетъ суевѣрныхъ женщинъ и который походить на бой часовъ. Въ Англіи народъ очень боится этого звука и этого насѣкомаго, впрочемъ весьма невиннаго, котораго называютъ «часами смерти,» *death-watch*.

Перейдемъ къ другимъ породамъ, не менѣе любопытнымъ. Кузнечикъ, *tettix* Грековъ, или *cicada*, вооруженъ инструментомъ, который естественныиспытатели весьма хорошо называютъ *ovipositor*, орудіемъ для складыванія яицъ. Въ центрѣ этого инструмента находится копьцо, трехгранное и къ концу нѣсколько загнутое, такъ что оно описываетъ одинаковую кривую линію съ тѣломъ насѣкомаго. Два другія орудія болѣе загнутыя и снабженныя весьма острыми зубами, могутъ удаляться отъ средняго копья и приближаться къ нему. Дѣйствіе этого механизма удивительно просто, легко, и микроскопическое устройство его столь совершенно, что самый искусный работникъ могъ бы сдѣлать подобный инструментъ не иначе, какъ значительно увеличивъ размѣръ. Этимъ-то инструментомъ кузнечикъ отдѣляетъ кору дерева, выдалбливаетъ въ немъ овальное гнѣздо, и кладетъ туда множество яицъ. Другая порода, *acrida verticivora*, имѣетъ, вмѣсто овипозитора, двойную лопатку или ложку, которою она спускаетъ свои яйца въ глубокую ямку. *Tenthredo*, которую Реомюръ прозвалъ «мухою съ пилою», снабжена отъ Природы инструментомъ еще совершеннѣйшимъ. Этотъ инструментъ у тентредо находится, такъ же какъ и овипозиторъ у кузнечика, въ футлярѣ, въ брюхѣ. Если подавить тѣло насѣкомаго, изъ него выходитъ круглая пила, превосходно выработанная и несравненно болѣе сложная, чѣмъ пила, употребляемая нашими работниками. Это вмѣстѣ и пила, и терпугъ: никто изъ людей еще не изобрѣталъ такого замысловатаго инструмента. Тентредо обыкновенно

венно устроиваетъ свои гнѣзда въ стволѣ розовыхъ кустовъ; онъ кладетъ яйца свои въ два ряда, каждый въ довольно большомъ углубленіи.

Есть и другіе роды промышленности насѣкомыхъ не менѣ удивительные. Напримѣръ, многія гусеницы свертываютъ древесные листья, и сшиваютъ ихъ такъ, что совершенно въ нихъ заключаются. Внутренняя кожица листа служитъ насѣкомому пищею, а наружная покровомъ. Это для гусеницы дѣло не легкое, орудія, которыми снабжена она, весьма несовершенны; листья на многихъ родахъ деревъ ломки и хрупки; притомъ упругость почти всегда заставляетъ ихъ принимать прежнее положеніе. Надобно, чтобы согнутый гусеницею листъ сохранялъ форму, которую она дала ему; надобно, чтобы онъ могъ противиться всѣмъ переменамъ температуры. Лѣтомъ, почти въ всѣхъ деревьяхъ видимъ подобныя жилища, привѣшенныя къ вѣткамъ. Здѣсь *lazotaenia ribeana* сгибаетъ надъ собою листокъ сирени, и прикрѣпляетъ его посредствомъ пяти или шести вертикальныхъ нитокъ, похожихъ на концы иголокъ; тамъ другая гусеница, живущая на томъ же деревѣ, протягиваетъ маленькія свои веревки, не по наружной, а по внутренней стороне листа, и погибаетъ не одинъ конецъ его, но скручивается весь листъ такъ, что составляетъ ящичекъ, въ которомъ среднія жилки листа образуютъ среднюю и дно. *Tortrix viridana* поселяется на дубѣ, свиваетъ и сгибаетъ надъ собою его крѣпкіе и мясистые листы. *Lazotoenia rosana* соединяетъ въ одну связку всѣ листья розоваго куста, которыми она можетъ располагаться; окружаетъ ихъ своими клейкими нитями, питается почками и распуколками, и останавливаетъ обращеніе сока, который также идетъ ей въ пищу. Я по нѣскольку часовъ сряду наблюдалъ иногда съ живѣйшимъ любопытствомъ за работою одного изъ этихъ архитекторовъ, которому служить жилищемъ листокъ кра-

вы. Улегшись на средних жилках листка, гусеница приподнималась, откидывала голову назадъ, привязывала свои клейкія веревки къ концу листа, подавая опрокинутую такимъ образомъ свою голову то вправо, то влѣво; потомъ, упершись лапками въ жилки листа, и сгибаясь, она заставляла листь слѣдовать за движеніемъ ея тѣла, и такимъ образомъ соединяла оба конца его. Это дѣйствіе, продолжаемое, возобновляемое на разныхъ частяхъ листа въ теченіе цѣлаго часа, наконецъ удалось совершенно: изъ листа вышелъ красивый ящичекъ, въ концѣ котораго гусеница продолжала выходъ, и самый этотъ выходъ завѣсила.

Всѣ эти насекомыя принадлежатъ къ классу четырехкрылыхъ. Шелковистыя нитки, развѣвajícíся изъ ихъ внутренности, служатъ имъ не только для постройки гнѣзда, но и для избѣжанія отъ непріятельскихъ нападеній. Клейкая веревка, посредствомъ которой гусеница привѣшивается къ дереву, быстро спускается до самой земли, а потомъ, когда опасность миновалась, насекомое подымается по этой лѣстницѣ и снова вступаетъ въ свои владѣнія. Если птичка впустила клевъ свой въ свернутый листь въ которомъ расположилась гусеница, она выползаетъ, спускается на землю, и птичка находитъ одно пустое гнѣздо. Потомъ, посредствомъ своихъ шести лапокъ, вооруженныхъ острыми когтями, она цѣпляется за свою веревку и спокойно возвращается домой. Подалѣе этихъ лапокъ съ когтями есть еще какъ-бы лапки выдолбленныя; онѣ, образуя на предметахъ, къ которымъ прикасаются, пустоту, прилѣпляются къ нимъ такъ, что гусеница можетъ ходить по стеклу и спиною внизъ, какъ муха. Сердца у нея нѣтъ, но вмѣсто того есть спинной сосудъ, похожій на трубочку, который бьется отъ двадцати до ста разъ въ минуту. Нервы ея соединяются между собою гангліями. Мозга у ней также нѣтъ. По бокамъ находится осьмнадцать отдушинъ,

которыя составляютъ дыхательный приборъ, потому что гусеница ртомъ не дышитъ. Карманы, или сосуды, содержащіе въ себѣ шелкъ, болѣе или менѣе велики, болѣе или менѣе широки, смотря по породамъ; они обыкновенно больше самой гусеницы, и образуютъ во внутренности ея тѣла кольца и пустоты, точно какъ кишки. Эти сосудцы расположены около самыхъ кишекъ, и соединяются подъ ртомъ въ трубочку, изъ которой выходитъ нитка. Эта трубочка имѣетъ въ концѣ своемъ видъ писчато пера, и можетъ по волѣ насѣкомаго сжиматься и расширяться. Выходя изъ отверстія, нитка твердѣетъ, и, становясь крѣпче, сохраняетъ свою гибкость. Гусеница никогда не извлекаетъ изъ тѣла своего нитки, не соответствующей своею крѣпостію тяжести вещи, которую должна поддерживать; нитка бываетъ тонка и нѣжна, если гусеница дѣлаетъ изъ нее куклу; толще и крѣпче, если должна служить лѣстницею или привязкою. Положите гусеницу или паука на дно стакана: не въ состояніи будучи ходить свободно по стеклу, эти насѣкомыя, у которыхъ переднія ноги (у гусеницы) или всѣ лапки (у паука) вооружены когтями, проведутъ по мѣстамъ горизонтальныя, паралельныя нитки, и по нимъ, какъ по лѣстницѣ, выйдутъ изъ тюрьмы своей.

Всѣ гусеницы выпускаютъ шелкъ, бурый, бѣлый, желтоватый, черный, болѣе или менѣе клейкій, болѣе или менѣе крѣпкій. Доселѣ только одна гусеница доставляетъ человѣку шелкъ, изъ котораго онъ дѣлаетъ платье: это *Bombyx mori*, шелковица, или тутовый червь. Онъ обматываетъ около себя отъ шести сотъ до тысячи футовъ шелка, въ непрерывной ниткѣ, которая, такимъ образомъ свернутая, образуетъ куклу. Эта шелковина бываетъ всегда двойная, и слѣдственно составляетъ отъ тысячи двухъ сотъ до двухъ тысячъ футовъ; а вѣситъ только три грана съ половиною. Ес-

подумаешь, какое огромное количество шелка чепка употребилъ уже ; если разсудишь, что въ нашихъ городахъ врядъ-ли найдется хоть одинъ человекъ, у котораго не было бы чего-нибудь шелкового, количество насекомыхъ, необходимыхъ для произведенія всей этой массы матеріаловъ, невольно удивляетъ и смущаетъ воображеніе. Надобно десять тысячъ куколокъ, чтобы получить пять фунтовъ шелку; милліоны человѣческихъ существъ обязаны своимъ существованіемъ этой отрасли промышленности!

Новѣйшіе энтомологи не причисляютъ къ насекомымъ извѣстнѣйшаго природнаго прядильщика — паука: у него нѣтъ ни усиковъ, ни рожковъ, ни раздѣленія между головой и плечами; дыхательный его аппаратъ помѣщается подъ брюхомъ, а не вокругъ тѣла; у него восемь глазъ и восемь лапокъ: все это отличаетъ его отъ всѣхъ живыхъ существъ, о которыхъ мы доселѣ говорили.

Жидкость, которая у пауковъ превращается въ прочныя сѣти, содержится въ четырехъ главныхъ ящикахъ, съ которыми соединяется множество сосудовъ и трубочекъ, желтоватаго цвѣта, расположенныхъ почти вдоль тѣла паука. Когда одинъ изъ этихъ ящиковъ лопнетъ, жидкость вытекаетъ, и ее можно вытягивать и прядь, какъ дѣлаетъ самъ паукъ. Выборъ, посредствомъ котораго онъ приготовляетъ сѣть, находится не у рта, какъ въ гусеницѣ, а въ задняго прохода. Многіе старались угадать причину этого страннаго расположенія. Намъ кажется, что его надобно приписывать особому роду существованія пауковъ, которые принуждены висѣть всѣмъ тѣломъ на одной ниткѣ. Канатники, желая придать коплан какъ-можно болѣе крѣпости и прочности, составляютъ канаты изъ нѣсколькихъ свитыхъ вмѣстѣ веревокъ. Паукъ переплетаетъ множество нитокъ не

для одной только прочности: кругъ, покоясь на вольно большомъ пространствѣ, несравненно надежнее, чѣмъ одна нитка, прикрѣпленная къ одной точкѣ. Левенгукъ, производя наблюденія надъ очень маленькимъ паукомъ, исчислилъ, что каждое изъ 100 раздѣленій нитки, производимой настькомымъ, равняется четырехъ-милліонной части волоса изъ его породы.

Какимъ образомъ паукъ можетъ бросить паутину свою такъ, чтобы прикрѣпить ее къ вѣтвямъ деревьевъ, стоящихъ одно противъ другаго и раздѣленныхъ ручьемъ? Какіе подмости употребляетъ это слабое существо, чтобы навести свой шаткій мостъ? Вы, вѣрно, сто разъ видывали, какъ какой-нибудь маленький паукъ переправляется въ воздухѣ съ одной вѣтви на другую: акробатъ и воздухоплаватель, взбирается такимъ образомъ на высоту ужасную. Иногда другая веревка, перерѣзывая первую подъ угломъ, поддерживаетъ паука, который по ней спускается на землю. Всѣ эти явленія, всѣ эти задачи были объясняемы различнымъ образомъ. Бланкаву Реди, Регіусъ, Сваммердамъ, Леманъ, Кирби и Спенсеръ полагали, что паукъ выпускаетъ вдругъ двѣ нитки изъ которыхъ одна служить ему для того, чтобы взобраться къ своей точкѣ опоры, а другую онъ пускаетъ на вѣтеръ, въ надеждѣ, что она прицѣпится къ какому нибудь твердому предмету. Лейстеръ, Уайтъ, и Сельборна, и нѣкоторые другіе, думаютъ, что паукъ одаренъ способностію выпускать нитки и бросать ихъ на довольно большое разстояніе, даже противъ вѣтра. Аббатъ Плюшъ увѣряетъ, что клейкая матерія выдѣляется только тогда, когда паукъ жметъ сосцы своими лапками. Гг. Исжонваль, Джонъ Муррей и другіе, приписываютъ паутинамъ электрическую силу.

Собственныя наблюденія удостовѣрили меня, что паукъ только пользуется вѣтромъ, который несетъ л

и его канатъ. Когда вѣтеръ дуетъ на паука, онъ опускаетъ голову, поднимаетъ заднія лапки, подставляетъ тру сосцы свои, которыхъ многочисленныя отверзья намочены жидкостію, заготовленною въ ящичкахъ, и прикрѣпляетъ къ твердому тѣлу одинъ изъ нитевъ паутины, которой другой конецъ уносится вѣтромъ и прицѣпляется къ какому нибудь другому предмету. Это я замѣтилъ, сажая пауковъ *agapaea ob-trix* и *tatragantha extensa* въ рюмку, поставленную сосудъ съ водою. Всѣ ихъ паутинные мосты построены были одинаковымъ образомъ. Они могли дѣлать паутину только тогда, когда я способствовалъ ихъ работѣ, дуя на нихъ. Другіе пауки, дѣлающіе обыкновенно много паутины, не могли выпустить ни одной нитки, потому что я положилъ ихъ въ бокалъ, въ которомъ не было ни малѣйшаго движенія воздуха.

Нѣкоторыя хищныя породы пауковъ не довольствуются одними своими тенетами. Пауки-охотники изъредка видятъ свою добычу, и потихоньку подползаютъ къ ней до какого-нибудь мѣста, находящагося въ прямой линіи отъ нея. Тогда, если муха или насекомое, которыхъ паукъ намѣревается напасть, по-видимому угадала его намѣреніе, онъ подвигается впередъ тихимъ незамѣтнымъ образомъ, какъ стрѣлка на часахъ. Онъ напротивъ жертву схватить легко и она ничемъ не опасается, то паукъ прикрѣпляетъ къ чему-нибудь эластическую нитку; потомъ бросается на свою добычу, и пожираетъ ее. Ежели онъ дурно расчислилъ добычу свою, или ежели добыча защищается, паукъ, посредствомъ своей веревки, которая можетъ вытягиваться, сколько онъ хочетъ, спускается съ дерева и убѣгаетъ отъ своего противника. Ивлинъ, который былъ писатель слишкомъ живописный, чтобы можно было всегда вѣрить его рассказамъ, говоритъ, будто самъ видѣлъ, какъ пауки учатъ дѣтей своихъ охо-

тятся и сами подають имъ примѣръ. Последнее стоятельство невѣроятно: впрочемъ, въ наукѣ salt scenicus я неразъ находилъ доказательства этихъ странныхъ замѣчаній.

Кто не видываль дивной сѣти, загнутой, извѣстой галереи съ длинными аркадами, которую сѣтъ agalena labyrinthica? Всѣ кусты покрыты этими сѣтями, горизонтальными въ началѣ, загнутыми острыми въ концѣ. Кто не разсматриваль съ удивленіемъ тенеть «паука домашняго», aranea domestica? Въмѣсто того, чтобы ввѣрять нитку свою вѣтру, прикрѣпляетъ ее однимъ концомъ къ какой-нибудь точкѣ того мѣста, на которомъ хочетъ сплести сѣть; потомъ, схвативъ другой конецъ когтями одной изъ своихъ лапокъ, онъ самъ переноситъ ее на противоположное мѣсто. Онъ повторяетъ это дѣйствіе, и всѣ эти нитки, соединяясь въ центрѣ, не образуютъ его ткани. Потомъ онъ дѣлаетъ цѣпочку. Для вѣрности всѣхъ разстояній, онъ употребляетъ тѣло своего риломъ. Между каждою изъ продольныхъ нитокъ, оставляетъ пустое пространство, равное съ длиною его тѣла; а концентрическія нитки сѣти соотвѣствуютъ членамъ его лапокъ. По-временамъ онъ привѣшиваетъ къ сѣти вертикальную нитку, и вѣшается на ней, чтобы убѣдиться въ прочности тенеть. Онъ повторяетъ этотъ опытъ на всѣхъ частяхъ своего привѣшенія, на всѣхъ спицахъ своего колеса, и успокоивается только тогда, когда многократными опытами убѣдится въ прочности своей воздушной постройки.

Mygale cratiens и *mygale nidulans*, пауки, которыхъ легко узнать по ихъ мохнатымъ лапкамъ и круглому тѣлу, умѣютъ составлять шелкъ крѣпче и клеистѣе, изъ котораго они дѣлають себѣ эластическія галереи, легко отворяющіяся изнутри, но снаружи герметическія, такъ, что рукою захватить ихъ не за что. У

тъ гнѣздо паука *mygale cratiens*, которое я сто разъ ворялъ и затворялъ, и котораго шелковый шаршьеръ, смотря на это, сохранилъ всю свою крѣпость и гибкость. Пауки породы *mygale cementaria* и *mygale Saugesii* одарены тѣмъ же инстинктомъ и тѣми же способностями. Ничего не можетъ быть удивительнѣе ерей ихъ подземныхъ галерей, дверей завѣшенныхъ шелкомъ, и придерживаемыхъ превосходною ужиною изъ того же вещества. Одинъ родъ паувъ соединяетъ своими нитками тростникъ, плавающий на водѣ ручьевъ: онъ сидитъ на этомъ легкомъ стулѣ, и отсюда бросается на насѣкомыхъ, живущихъ на прибрежныхъ растеніяхъ. Другой паукъ, *argyrope-aquatica*, окружается воздушнымъ шарикомъ, который въ водѣ походитъ на ртуть. По временамъ онъ выходитъ изъ воды, поднимаетъ свои сосцы выше поверхности воды, и свободно дышитъ.

Что касается до обыкновеннаго предубѣжденія про пауковъ, то оно совершенно неосновательно. Абъ Плюшъ говоритъ, что паукъ чиститъ себя всею своими крючковатыми лапками; и если вы положите подъ микроскопъ одного изъ тѣхъ пауковъ, который внушаетъ такое отвращеніе женщинамъ и дѣтямъ, вы удивитесь, увидѣвъ какъ онъ чиститъ. Если паутина замарана чѣмъ-нибудь или запылена, паукъ тотчасъ собираетъ всѣ нечистыя мѣста въ комнатѣ и замѣняетъ ихъ новыми нитками.

На листьяхъ многихъ деревъ видишь иногда наросты, похожіе на яблоко: это гнѣзда насѣкомыхъ. Въ срединѣ этого миниатюрнаго плода кроется яйцо или личинка; соки листа служатъ ей пищею, и ни какой инсектъ не можетъ проникнуть въ это убѣжище. Насѣкомое прячетъ такимъ образомъ свои яйца подъ кожей листа, посредствомъ своего овипозитора. Насѣкомое *cupirs rosae* кладетъ на концѣ розовой вѣтки

нѣсколько лицъ, которыя останавливаютъ обращеніе сока и принуждаютъ его выходить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ: отъ этого происходитъ множество маленькихъ красноватыхъ нитокъ, которыя составляютъ около гнѣзда родъ шарика; это убѣжище покойное и теплое, въ которомъ жилецъ не боится ни переменъ погоды, ни нападеній птицъ. *Cynips quercus gemmae* протыкаетъ своимъ овипозиторомъ кончикъ дубовой вѣтки; сокъ, выходя изъ этого отверстія и твердѣя, образуетъ довольно красивое возвышеніе, которое походитъ на артишокъ или на маленькую еловую шишку, и окружаетъ гнѣздо. *Cynips genistae* производитъ тѣмъ же способомъ на шильной травѣ небольшіе шарики, покрытые неровными листками. *Cynips salicis* весьма затруднялъ древнихъ ботаниковъ: находя на нѣкоторыхъ породахъ ивы розовые лепестки, расположенные кругообразно, какъ и въ цвѣткѣ розана, они думали, что это средній родъ растенія между ивою и розовымъ кустомъ; но эта мнимая ивовая роза есть не что иное, какъ работа насѣкомаго *cynips salicis*, которое, продѣлывая въ вѣткѣ углубленіе, нужное для того, чтобы положить туда свои яйца, отворяетъ такимъ образомъ соку выходъ, отъ чего образуется нѣсколько листочковъ красноватаго цвѣта, которые располагаются почти такъ, какъ лепестки розана.

Древесный ракъ (наростъ) облекается иногда какъ бы шерстью, иногда образуетъ мясистые шарики, иногда покрываетъ ноздреватымъ веществомъ корни дуба, или соединяетъ подъ однимъ покровомъ, похожимъ на пергамень, нѣсколько вѣтвей, лишенныхъ сока; иногда также онъ заключаетъ въ новую кору зерна растенія. Ракъ иногда виситъ на верхнихъ вѣтвяхъ деревьевъ длинными нитями, или скрывается въ срединѣ нѣсколькихъ листочковъ. *Egionota populi*, насѣкомое, обитающее на тополяхъ, дѣлаетъ еще луч-

ше: оно уносить съ собою въ воздухъ какъ — будто какую-то шерстяную ткань, которую снимаетъ съ листовъ тополя: это отрывки страннаго жилища, въ которомъ оно выросло: вы думаете, что въ воздухъ несется древесный пухъ; нѣтъ, это летитъ насѣкомое.

Наконецъ насѣкомыя не только устрояютъ себя и своимъ дѣтямъ пещеры и дворцы въ корѣ, въ листьяхъ, въ мякоти дерева: они даже впускаютъ свой овипозиторъ между кожею и тѣломъ животныхъ. Тутъ часто находишь колыбель разныхъ насѣкомыхъ, — между прочимъ *aestrus bovis*, двукрылой мухи, весьма похожей на пчелу. Овипозиторъ этого насѣкомаго не есть, какъ у другихъ породъ, производящихъ ракъ на листьяхъ, круглая пружина, которую оно можетъ выпускать куда угодно и потомъ прятать въ футляръ, параллельный его тѣлу, но настоящій телескопъ, котораго трубочки сдвигаются и раздвигаются. Въ концѣ этого страннаго инструмента, который уходитъ въ брюхо насѣкомаго, вы можете увидѣть въ микроскопъ два острія и три крючечка; яйцо падаетъ въ тѣла сквозь трубочку, крючки его удерживаютъ, а острія служатъ, по словамъ Реомюра, для того, чтобы проткнуть дыру, въ которую насѣкомое кладетъ эти яйца. Браси Кларкъ, въ сочиненіяхъ котораго находятся самыя точныя свѣдѣнія объ этомъ родѣ насѣкомыхъ, думаетъ напротивъ, что муха только привязываетъ свои яйца къ шерсти быка или коровы, на которыхъ она остановилась, и что потомъ, вылупившаяся личинка уже сама проникаетъ подъ кожу животнаго. Удивительный инстинктъ показываетъ животнымъ приближеніе этого опаснаго непріятеля: какъ скоро ужасная муха появляется, они бросаются, бѣгутъ, поднявъ хвостъ, вытянувъ шею и голову; непреодолимый страхъ овладѣваетъ ими и ихъ гонить. Овцы, лошади, олени подвергаются

преслѣдованіямъ крылатаго своего непріятеля, страшнаго, несмотря на свою мелкость. Новѣйшіе наблюдатели убѣдились, что *Gasterophilus equi*, *trus ovis*, *aestrus tarandi*, *Gasterophilus hemorroidalis* не протыкають кожи животнаго, на котораго они падаютъ, но только кладутъ и укрѣпляютъ свои яйца на его тѣлѣ. *Gasterophilus hemorroidalis* избираетъ этого губы лошади: это причиняетъ ей нестерпимую боль, и лошадь не можетъ избавиться отъ преслѣдующаго ее непріятеля иначе, какъ бросившись въ воду, гдѣ онъ уже оставляетъ ее въ покоѣ.

Какъ бы то ни было, между кожею ли и тѣломъ лупляется муха, или уже вылупившись туда проклевывается, но всегда видишь, что она хорошо и спокойно живетъ въ волдырѣ на спинѣ животнаго; я находилъ до тридцати или даже сорока подобныхъ волдырей на одной коровѣ, и каждый изъ этихъ волдырей содержалъ насѣкомому убѣжищемъ, колыбелью и магациномъ съѣстныхъ припасовъ.

Все это еще только слабая часть чудесъ, являемыхъ міромъ насѣкомыхъ, міромъ микроскопическимъ, безконечнымъ, міромъ, въ которомъ на самыхъ сокровенныхъ подробностяхъ, на самыхъ незамѣтныхъ чертахъ, замѣтна печать систематическаго порядка, удивительной точности, мудрой предусмотрительности, которую могъ возложить одинъ только перъ Божій.

А. О.

Library of Entertaining Knowledge. — Rev. I.

ТАРИФЪ 1822 ГОДА

ИЛИ

ПОощРЕНІЕ РАЗВИТІЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЪ ОТНОШЕНІИ
КЪ БЛАГОСОСТОЯНІЮ ГОСУДАРСТВЪ И ОСОБЕННО Россіи.

=

Каждая эпоха имѣетъ свой отличительный характеръ, не тотъ, который придается ей современными страстями и заблужденіями: сей характеръ есть недугъ преходящій, означающій переломъ изъ одного возраста въ другой, но не самый характеръ того возраста. Характеромъ должно назвать только тѣ свойства эпохи, которыми она совершаетъ успѣхи на поприщѣ образованности и народнаго благосостоянія. Успѣхи сіи передаются залогомъ дальнѣйшихъ пріобрѣтеній изъ одного поколѣнія въ другое и могутъ служить вѣхами на пути человечества, стремящагося къ цѣли, назначенной Провидѣніемъ, къ цѣли усовершенствованія. Если нужно съ сей точки зрѣнія опредѣлить характеръ эпохи нашей, то мы назовемъ ее эпохою практическаго, или положительнаго просвѣщенія, то есть всеобъемлющей промышленности и примѣненій послѣдствій ея къ пользамъ общественнаго и частнаго благосостоянія. На сей стезѣ встрѣчаются, и съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ взаимно содѣйствуютъ, усилія правительствъ и народовъ. Здѣсь Россія и Англія, Франція и Пруссія, каждая въ кругу, ей соразмѣрномъ, равно слѣдуютъ благотворному движенію, какъ впрочемъ и разнородныя существенныя стихіи ихъ государственнаго бытія и коренныя условія ихъ могущества, благоденствія и славы. Политическія грядущія судьбы Европы и образованнаго міра неизвѣстны. Событія пріуготовляются людьми, но созрѣваютъ волею единого Провидѣнія. Можетъ быть,

тантся еще много непредвидимыхъ жребіевъ въ ной урнѣ современной судьбы; можетъ-быть, еще нѣдра многихъ бурь и потрясеній долженъ вознуть общій порядокъ; но успѣхи, совершенные хомъ предприимчиваго трудолюбія, духомъ проленности, не погибнуть въ сшибкѣ страстей и сѣтій. Они останутся навсегда началомъ новой дпамятной эры въ исторіи общественной гражданстности. Посмотримъ, не только около себя, нѣтъ ва Богу, у насъ примѣры не были бы достаточно дительны и противоположность не озарила бы кимъ свѣтомъ справедливости нашихъ замѣчаній ратимъ наши взоры далѣе: туда, гдѣ раздоръ меу усобныхъ мнѣній, гдѣ неистовство страстей, безнеобузданныхъ ученій въ ежедневномъ состязиграють участію народа и готовы для минутнаго жества своихъ выгодъ ниспровергнуть общее блденствіе.

Тамъ увидимъ мы, что въ самомъ противоборпонятій и упованій есть однако же одно единомленное стремленіе къ пользѣ положительной, къ влеченію изъ Природы всѣхъ пособій, кои ввѣренрукою Создателя въ достояніе человѣка. Общепонныя открытія слѣдуютъ одно за другимъ. Припреслѣдована алчнымъ и допытливымъ умомъ въ слѣднихъ ущеліяхъ своихъ, извѣдана въ сокровеншихъ свойствахъ, измѣрена въ глубочайшихъ такахъ. Никогда торжество человѣка надъ нею не запечатлѣно столь вѣрными и блестящими слѣдПрежде умъ человѣческій присвоивалъ себѣ по ому завоеванію въ два, три столѣтія и долго не покорить его совершенно господству своему: оно бивалось изъ рукъ его и оставалось безъ примѣн и безъ послѣдствій. Нынѣ каждое завоеваніе ве непосредственно къ другому. Умъ входитъ въ п собственности съ мѣста и съ боя, налагаетъ на не

ружениую руку и собираетъ непрекословную дань. Служба пріобрѣтеній служить вмѣстѣ и удовлетвореніемъ насущной потребности, и посявомъ для будущей житницы. Въ сферы отвлеченныхъ покушеній, всѣ силы, всѣ соображенія натянуты къ одной цѣли, а именно, жизнью искусственною, добытою просвѣщенными трудами, удвоить, утроить, удесятерить способности жизни естественной, расширить границы времени, уменьшить изживенія и умножить послѣдствія, однимъ словомъ довершить дѣло Природы изысканіями, которому данъ ключъ ко всѣмъ ея тайнствамъ, подлежащимъ нашему вѣдѣнію. Сколь умозрительныя покушенія и мудрствованія современной дѣятельности сбивчивы и лживы въ своемъ безпокойномъ и беззненномъ стремленіи, столь напротивъ надежны и плодovitы въ послѣдствіяхъ своихъ всѣ опыты, всѣ изысканія, имѣющіе цѣлю пользу ясную и положительную. Провидѣніе какъ-будто хочетъ показать въ этой противоположности то, что человѣкъ можетъ исполнить самъ собою, и то, въ чемъ долженъ онъ покоиться себя силѣ, свыше надъ нимъ господствующей. Оно напоминаетъ ему, въ чемъ онъ истинно могущъ и инициателенъ и то, въ чемъ ограниченъ и слабъ, напоминаетъ, что онъ опредѣленъ дѣйствовать, но что въ концѣ концовъ онъ самъ дѣйствующее лице, а въ другомъ од- только орудіе.

И за то, какой рядъ чудесъ открывается предъ любопытнымъ взоромъ! Земля оковывается желѣзными оковами, и удобство и быстрота сухопутныхъ сообщений не стѣснены уже своенравіями почвы или измѣнчивостію непогодъ. Новымъ замысломъ человѣкъ вторично покоряетъ себя непостоянную и бурную стихію. Освободившись отъ самовласти вѣтровъ, онъ руководствуется дѣйствіемъ зависящимъ отъ собственной воли, миритъ двѣ враждебныя стихіи, или сіе самое же дѣйствіе обращаетъ на сухопутныя суда, ко-

торыя катятся безъ лошадей, по движенію, такъ сказать, единой мысли. Всеобъемлющее слово таинственного языка скоропостижно передается, и одинъ край Европы молча окликается съ другимъ въ часы рѣшительныхъ событій и великихъ ожиданій. Мало того, что всевластною волею человѣка поверхность земли исчерчена во всѣхъ направленіяхъ, естественныхъ и противоестественныхъ, тамъ, гдѣ встрѣчается преграда его стремительному шествію, онъ врывается въ самыя нѣдра земли, и уготовляетъ безпрепятственную дорогу запасамъ своихъ трудовъ и предпріятіямъ своей торговли. Дайте срокъ, дайте капиталовъ, и потянутся торговые обозы подъ сводомъ рѣкъ, заслоняющимъ человѣку сводъ небесъ съ солнцемъ своимъ, уже ему ненужнымъ. Быстрота сообщеній между отдаленными краями, между одною гемисферою и другою пополняетъ важное изобрѣтеніе письменнаго искусства. Благодаря ему, мы сочувствуемъ съ столѣтіями давно павшими въ бездну ничтожества, и захватываемъ мыслью вѣка, еще таящіяся въ лонѣ грядущаго. Сіимъ новымъ изобрѣтеніямъ обязаны мы за сближеніе разноплеменныхъ жителей пространнаго міра. Промышленность, торговля и современныя открытія соединили разбросанные члены Божьяго семейства, которые безъ нихъ остались бы навсегда чужды другъ другу.

Но кромѣ сихъ геркулесовскихъ подвиговъ, снхъ чудесъ человѣческой предпріимчивости, изумляющихъ насъ огромностію послѣдствій своихъ, сколько еще частныхъ, ежедневныхъ, повсемѣстныхъ благодѣяній, утѣшающихъ испытующій взоръ наблюдателя въ ограниченномъ кругѣ полезнаго движенія. Давно ли гражданская дѣятельность сосредоточивалась въ однихъ городахъ, требуя значительныхъ поощреній, изобильнаго стеченія благопріятныхъ пособій и многочисленности? Нынѣ она не укрывается за твердыню городскихъ стѣнъ, разливается по пустынямъ, по де-

ревнѣямъ, и требуетъ одного законнаго охраненія, одной свободы дѣйствія. Тамъ, гдѣ дѣятельный умъ промышленника находить на пути своемъ рѣчку, лѣсъ, руду каменнаго угля, нѣсколько рукъ незаплаченныхъ за трудъ свой щедростію почвы, тамъ и открывается поприще для его полезныхъ подвиговъ. Промышленность водружаетъ свое благовѣщающее знамя: подъ сѣнію его разгарается свѣтильникъ полезныхъ свѣдѣній, образуется общежитіе, возникаетъ просвѣщеніе, развиваются умственные силы человека, и указывается имъ цѣль достойная ихъ испытаній и стремленій. Въ семъ отношеніи дѣйствуетъ она и на самую нравственность общества, признавшаго власть ея. Напрасны лжеумствованія тѣхъ, которые порочатъ промышленность за направленіе ума человѣческаго къ цѣли исключительно вещественной, почитая направленіе сіе униженіемъ возвышеннаго предназначенія его. Изъ того, что промышленность имѣетъ всегда готовыя возмездія для трудовъ въ пользу ея понесенныхъ, что она не требуетъ отъ ревнителей самоотверженія безкорыстнаго, еще не слѣдуетъ, чтобы она была дѣломъ одного личнаго расчета.

Промышленность есть наука преимущественно общественная и человѣколюбивая. Въ ней частная польза есть неотдѣльное звено пользы общей, рычагъ, которымъ можно дѣйствовать на благосостояніе народное. Обхватывая всеобъемлющимъ вліяніемъ своимъ всѣ ступени общества и непосредственно нижайшія, она, по мѣрѣ силъ своихъ, возвышаетъ человека, улучшая положеніе его. Трудъ есть завѣтное условіе физической и нравственной природы нашей. Владѣя средствомъ добывать изученнымъ трудомъ пропитаніе свое и обезпечивать нужды семейства, человекъ исполняетъ предназначеніе свое и можетъ пользоваться благомъ жизни. Въ такомъ положеніи онъ будетъ въ миролюбивомъ сочувствіи съ порядкомъ, его окру-

жающимъ, съ законами, ему предписанными. Въ бѣдности, въ неподвижности, въ немощи физической и въ умственной праздности, онъ борется съ жизнью и изнемогаетъ подъ ея бременемъ. Онъ жизнью недоволенъ. Нужды и скорби ненадежныя поруки въ нравственности. Человѣку, въ силу законовъ возвышенной природы его, недовольно, когда ему хорошо : онъ еще непрерывно ищетъ лучшаго. Въ семъ непостоянствѣ хранится залогъ и земнаго усовершенствованія его, и безсмертія души. Повинуется ли онъ благоразумію? Онъ въ стремленіи къ лучшему не жертвуетъ хорошимъ, которое уже его, но и не отвергаетъ надежды, ибо умственная природа его есть возрастающая. Промыслъ одарилъ и нѣкоторыхъ животныхъ творческою дѣятельностію, предъ которою наша смиряется въ изумленіи : но дѣятельность сія не имѣетъ развитія и приращенія. Поглощенная настоящимъ, она не поситъ въ себѣ залога грядущаго. Какъ ни изумительны труды строительнаго и общежительнаго бобра, пчелы, созидающей свое прочное и красивое зданіе, но каковы были труды сіи въ первые дни творенія, таковы и нынѣ, послѣ многихъ тысячелѣтій, таковы будутъ и до скончанія вѣковъ. Въ человѣкѣ дѣятельность есть нравственное побужденіе: слѣдовательно и благонамѣренное направленіе ея должно непосредственно или косвенно обратиться въ пользу и самой нравственности. Заключать иначе, было бы клеветать на Провидѣніе. Человѣкъ хозяинъ Природы, и чѣмъ лучше устроиваетъ онъ свое хозяйство, чѣмъ болѣе извлекаетъ онъ пользы изъ него, тѣмъ вѣрнѣе исполняетъ онъ свое земное предназначеніе.

Нигдѣ примѣненіе сихъ началъ не можетъ быть столь удобно и полезно, какъ въ Россіи. Россія во многихъ отношеніяхъ еще новый міръ. Онъ долженъ быть разработанъ промышленностію. Обозрите умственнымъ взглядомъ статистику Россіи : обширность

государства, разнообразіе климатовъ, народонаселеній, языковъ, вѣроисповѣданій, нравовъ, правъ, понятій. Вникните въ сіе не столько соединеніе, сколько смѣшеніе исторической древности съ молодостию гражданственною, которая не отпрыскъ столѣтняго корня, а свѣжая, въ полномъ цвѣтѣ, прививка къ нему. Изслѣдуйте неравенство въ успѣхахъ гражданственности ея, такъ, что одно званіе отъ другаго, одна губернія отъ другой отдѣлены не столько политическими правами и поверстными разстояніями, сколько столѣтіями въ образованности, и скажите потомъ, легко ли подвести сей міръ, сплоченный изъ противорѣчій, подъ одинъ общій законъ просвѣщенія? Можно-ли требовать отъ сего державнаго великана, мужа и отрока въ одно время, полнаго согласія и единства въ проявленіи нравственныхъ и умственныхъ силъ? Но за то Россія тѣмъ доступнѣе къ принятію практическаго просвѣщенія, которое и скорѣе водворяется, и зависитъ болѣе отъ воли и способовъ правительства. Нравственное и политическое образованіе государства не можетъ быть нечаяннымъ событіемъ, выраженіемъ одной мысли. Напротивъ, народное благоденствіе, основанное на прямыхъ началахъ практическаго просвѣщенія, есть часто ускоренный, но зрѣлый плодъ благовременно изданнаго коммерческаго постановленія, нѣкоторыхъ правъ, законныхъ поощреній дарованныхъ промышленности и торговлѣ, согласно съ истинными потребностями и выгодами народа и казны. Въ этомъ отношеніи правительство можетъ дѣйствительно преобразовать бытіе государственное въ извѣстный срокъ. Оно можетъ ежегодно повѣрять счастливыя послѣдствія принятыхъ имъ мѣръ, обозрѣвая обогащающіеся и возникающіе города, обстроенныя села, пристани, обставленныя кораблями своими и заграничными, пути и рынки, оживленные дѣятельностію народною. Оно можетъ видѣть, какъ благодѣянія довольства раз-

ливаются по всѣмъ ступенямъ общежитія, какъ искореняется невѣжество и какъ народъ мужаетъ и бодрствуетъ въ успѣхахъ трудолюбія, какъ утверждается производительная независимость государства, опора и ручательство независимости политической.

Вопросъ: такой-то державѣ нелучше-ли быть исключительно земледѣльческою, другой мануфактурною, третьей торговою? давно разрѣшенъ на дѣлѣ, и принадлежитъ къ пустымъ умствованіямъ теоріи. Природа опредѣлила лучшія границы сего вопроса, одаривъ каждое государство особенными ему преимуществами. Ни одно государство не можетъ соединять въ себѣ всѣ роды промышленности, это неспоримо; но изъ правила, что безразсудно было-бы поставить себѣ цѣлю пересадить на сѣверъ, напримѣръ отрасль винодѣлія, или на югъ промышленность пеньки и желѣза, нельзя-же вывести заключенія, что такому-то народу не должно обращаться къ промышленности, потому, что всѣ предметы обработыванія не находятся у него подъ руками. Строгое раздѣленіе работъ полезно въ частной дѣятельности, но оно несбыточно въ примѣненіи къ народамъ. Смѣшно раздѣлять родъ человѣческій, на цеха, и изъ уваженія къ школьному правилу, не позволять одному разряду вмѣшиваться въ ремесло другаго, или разставить народы какъ роговой оркестръ, и осудить каждого, изъ опасенія разстроить общее согласіе, брать всегда одну ноту и издавать одинъ звукъ. Во всякомъ случаѣ сей вопросъ уже никакъ нейдетъ къ Россіи. Въ ней есть время и мѣсто для всего; опредѣлительныя готовыя системы ей, благодареніе Богу, не по росту. Какъ ни растягивай ихъ, онѣ ея не обхватятъ. - Все съ какого нибудь края, но выдается она изъ положенной мѣрки. Земледѣльческая въ одной полосѣ своей, мануфактурная въ другой, торговая по рубежамъ своимъ, сухопутнымъ и водянымъ, опоясывающимъ полміра, она лицомъ на всѣ

четыре стороны, съѣтъ и жнетъ, куетъ и тчетъ
объ руки и, сидя у моря, ждетъ вѣтра, куда по-
мать свои запасы. Къ тому же, на всякій случай и
овсемѣстно ратная, во всеоружіи съ ногъ до головы,
сегда готовая на вызовъ дерзновеннаго, доказать ему,
то въ числѣ другихъ промышленности и въ застра-
хованіе всѣхъ прочихъ, есть у нее, изъ чего выбивать
штыки и кому ими дѣйствовать. Таковою создалъ ее
началъ Богъ, а потомъ Петръ. Такъ, промышлен-
ность наша есть также дочь Полтавской битвы, и ро-
доснища всѣмъ другимъ отраслямъ нашей граждан-
ственности и государственной независимости. Доволь-
но и сихъ правъ ея на уваженіе наше. Живоначалъ
ею имя Петра сопряжено со всѣми успѣхами наши-
ми на поприщахъ, ратномъ и мирномъ. Куда ни пой-
ти въ Россіи, вездѣ отыщемъ глубокіе путеводитель-
ные слѣды богатырской его ноги: до чего ни дотро-
нешься, нигдѣ еще не остыло впечатлѣніе мощной и
лаковой руки его.

Не смотря на справедливость сихъ соображеній въ
близкомъ объемѣ и на примѣненіе ихъ въ особенности
въ Россіи, нельзя не сознаться, что развитіе промыш-
ленности у насъ и охраненіе ея соответственными по-
становленіями правительства, встрѣчаютъ между на-
ми еще довольно противниковъ. Многіе не вполне до-
пускаютъ пользу, которую охранительная система при-
несла Россіи, и многіе худо понимаютъ эту пользу. Та-
рифъ 1822 года, какъ государственное постановленіе
и начало новой эры въ преслѣнаніи Россіи, не всѣми
еще оцѣненъ по истинному своему достоинству.

Многіе, видя въ немъ одно коммерческое учрежде-
ніе, и слѣдовательно одно стѣсненіе привозной торгов-
ли, возстаютъ противъ него, какъ противъ нарушенія
свободы торговли, проповѣдуемой во многихъ кни-
гахъ, со многихъ профессорскихъ кафедръ и даже
иногда исповѣдуемой всенародно министрами съ ора-

торскихъ амвоновъ своихъ, но никогда и нигдѣ неограниченно не приведенной въ дѣйствіе. Ничего нѣтъ упрямѣ предубѣждений и полуученыхъ понятій: дѣйствительность скользнуть по нимъ и не въ силахъ поколебать ихъ. Не мѣсто разбирать здѣсь во всей подробности систему о свободѣ торговли. Не мѣсто доказывать, что она нигдѣ вполнѣ не существовала и существовать не можетъ, равно какъ и запретительная система. Извѣстно, что та и другая нарушаются всегда изыятіями изъ общихъ правилъ, и что слѣдовательно нѣтъ нигдѣ ни совершенной свободы, ни совершенной запретительности. Весь вопросъ заключаться можетъ въ томъ, согласно-ли съ потребностями своего государства, правительство разрѣшаетъ, или запрещаетъ ввозъ, или отпускъ такого-то предмета, или не во вредъ-ли выгодамъ его насильственно поощряетъ совершеннымъ запрещеніемъ, или непомѣрно высокими пошлинами, такую-то отрасль отечественной промышленности, или напротивъ предаетъ ее на погибель, допуская нарушительное совмѣстничество иностранное. Важность сихъ соображеній несомнительна, но тутъ нѣтъ и быть не должно принято въ уваженіе святости той или другой системы, а одно извѣданіе истиннаго положенія способовъ и промышленности того государства, о коемъ идетъ дѣло. Сіе положеніе измѣняется обстоятельствами и временемъ: та отрасль, которая въ извѣстной эпохѣ требовала охранительнаго запрещенія, можетъ послѣ допустить разрѣшеніе, и наоборотъ.

Не входя въ подробное изслѣдованіе различныхъ тарифныхъ системъ, измѣнившихъ по временамъ ходъ промышленности и торговли въ Россіи, можно замѣтить съ достовѣрностію, что еще со временъ Императрицы Ек а т е р и н ы II начали усиливаться у насъ мѣры запретительной, или охранительной системы.

Позднѣе-же двѣ противоположныя крайности: вре-

ное введеніе строгой континентальной системы, и правила такъ называемой системы свободной торговли, провозглашенныя тарифомъ 1819 года, не могутъ быть приняты въ соображеніе при изслѣдованіи помѣтаго вопроса: та и другая мѣра была случайною и неизбежно данью обстоятельствамъ.

Внѣшняя политика, а не внутренняя польза государства, была въ обѣихъ эпохахъ побудительною новинницею предпринятыхъ мѣръ. Въ первой желѣзная власть Наполеона тяготѣла надъ Европою. Россіи было, до вступленія въ рѣшительную борьбу, ждать нѣсколько времени, и дальновидною уступчивостію отсрочить часъ битвы. Во второй умы, нацѣлы, правительства, выгоды общія и частныя, долго вѣсѣли и скованныя, или дѣйствовавшія не по собственному произволу и не для своей пользы, а всегда силу закона необходимости, — вдругъ свергли иго, на нихъ лежавшее. Европа праздновала свое примиреніе и свободу. Тарифъ 1819 года былъ памятникомъ торжества сего, и плодомъ трактатовъ, въ слѣдствіе которыхъ возникшихъ. Онъ былъ родъ жертвоприношенія на алтарь мира, дѣйствіе великодушнаго самоотверженія со стороны Россіи. Она не только не требовала вознагражденія за подвигъ общаго спасенія, но даже отказывалась отъ принадлежащей ей главной доли въ дѣлѣ общихъ выгодъ, на которую событія и рѣшеніе давали ей неоспоримое право. Но празднующимъ днямъ нужно было постановить предѣлъ. Иначе Россія слишкомъ дорого заплатила бы за торжество свое, и пришлось бы ей жалѣть времени континентальной системы. Упадокъ нашихъ мануфактуръ, общее оцѣпенѣніе народной дѣятельности, непомѣрное наводненіе нашихъ рынковъ иностранными издѣліями, которыя болѣе задерживали, нежели оживляли ходъ самой торговли, а между тѣмъ возникающее вредное противодѣйствіе за грани-

цею, стѣснявшее сбытъ нашихъ произведеній, побудили правительство обратить заботливое вниманіе на истинныя потребности государства.

Сіи соображенія дали жизнь тарифу 1822 года. Сей нечаянный переломъ изъ одной системы въ другую изумилъ и испугалъ многихъ. Умы, поработанные еще свѣжимъ впечатлѣніемъ, затвердившіе со слуха извѣстное адажіо поборниковъ свободной торговли: дайте волю и дайте дорогу (*laissez faire et laissez passer*) завопили громогласно. Плачевныя пророчества его угрожали Россіи неминуемымъ и скорымъ разореніемъ. «Тарифъ сей, смертный приговоръ торговль нашей, говорили они: иностранцы не станутъ покупать произведеній нашихъ, потому, что лишены средствъ продавать намъ свои! Они насъ не будутъ пускать къ себѣ, оплачивая намъ за отказъ въ гостепріимствѣ.» Какъ будто торговля дѣло въжливости, и народы считаются визитами! Какъ будто не одинъ законъ выгоды опредѣляетъ торговля сношенія!

«Высокая пошлина не столько побужденіе къ собственному производству, сколько соблазнъ къ тайному провозу, продолжали они. Казна лишится таможеннаго дохода, и принуждена будетъ прибѣгнуть къ усиленію налоговъ, чтобы прикрыть сіи недоимки! Отстраненіе совмѣстничества иностранцевъ поразитъ неподвижностію успѣхи нашей мануфактурной и ремесленной промышленности! Послѣдствіемъ того будетъ монополія въ пользу нѣсколькихъ капиталныхъ мануфактуристовъ, во вредъ потребителямъ, во вредъ различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, всѣмъ выгодамъ помѣщиковъ и вообще всему народному благосостоянію!»

Положимъ еще, что подобныя предвѣщанія могли встрѣтить тарифъ при его появленіи. Одно правительство имѣетъ средство объятъ общія выгоды и извѣдавъ свойства и потребности ихъ, вывести заранее

полное о нихъ заключеніе, и на немъ основать свои мѣры. Частныя мнѣнія, односторонніе взгляды, при всемъ безпристрастїи сужденій, не могутъ ясно судить до времени и до удостовѣренія опыта. Но не странно-ли слышать еще и нынѣ отъ многихъ тѣ же толки и тѣ же заднимъ числомъ пророчества? Тарифъ уже выдержалъ двѣнадцати-лѣтнее испытаніе. Сїи годы не всѣ были годами мира и благопрїятныхъ обстоятельствъ. Въ 1824 году было наводненіе въ Петербургѣ: снисходя къ потерямъ, понесеннымъ купечествомъ при семъ бѣдствїи, правительство уступило однихъ пошлинъ около четырехъ милліоновъ рублей.

Въ 1826 и 1827 годахъ война съ Персією прекратила торговлю на Каспійскомъ морѣ и во всемъ Закавказскомъ краѣ.

Война съ Турцією въ 1828 и 1829 годахъ имѣла то же дѣйствіе на торговлю по морямъ Черному и Азовскому и въ Бессарабіи.

Въ 1829, 1830 и 1831 годахъ холера держала Россію въ осадѣ, свирѣпствуя во многихъ ея областяхъ. Вторженіе подобнаго непрїятеля и долгое пребываніе его въ нѣдрахъ Имперїи должны были имѣть пагубное и повсемѣстное вліяніе на обороты торговли, какъ внутренней, такъ и внѣшней.

Въ 1831 и 1832 годахъ возстаніе Польши, война съ нею и безпокойства въ западныхъ губерніяхъ задержали въ тѣхъ мѣстахъ всѣ торговыя дѣла.

Наконецъ, въ 1833 году неурожай во многихъ губерніяхъ Россїи прекратилъ отпускъ хлѣба за границу. Сіе вредное дѣйствіе на одну изъ главнѣйшихъ отраслей отпускной торговли нашей должно было имѣть неблагопрїятное отраженіе и на всѣ другія, а равно и на требованіе иностранныхъ товаровъ.

Между тѣмъ и Европа въ продолженіе сего періода подвергнута была различнымъ потрясеніямъ, которыя болѣе или менѣе отзывались и въ движеніяхъ общей

торговли. Европейскій миръ не былъ нарушенъ повсемѣстнымъ возстаніемъ къ оружію : но сохраненіе вооруженнаго мира отвлекаетъ вниманіе правительствъ и капиталы отъ пользы промышленности и торговли. Мятежи, междоусобія, ниспроверженіе династій и восшествіе другихъ съ измѣненіемъ въ правилахъ государственныхъ, съ перемѣною политическихъ союзовъ и симпатій, отторженіе областей отъ метрополныхъ державъ своихъ, нѣсколько политическихъ тяжбъ, долговременно ожидающихъ рѣшенія, всѣ сіи обстоятельства, дѣйствуя на движенія фондовъ, на предпріятія частныхъ людей, на общую довѣренность и безопасность, коихъ требуетъ торговля, не могли не имѣть хотя издалека и косвенно вліянія и на торговля судьбы Россіи.

Несмотря на то, Россія пораженная въ разныхъ концахъ своихъ бѣдствіями, ее настигшими, Россія воюющая, Россія, опустошаемая заразою, Россія, расторгнутая въ исполинскомъ единодержавіи своемъ временнымъ отъ общаго порядка отпаденіемъ многихъ областей своихъ, Россія, Провидѣніемъ поставленная стражемъ Европейскихъ выгодъ, и слѣдовательно всегда готовая державною силою уравнивать волнующіяся судьбы ея, Россія, подъ сѣнію охранительной системы тарифа своего, подвигалась безостановочно въ возрастающемъ стремленіи своемъ на стезѣ государственнаго благосостоянія. Промышленность и торговля выдержали опытъ сихъ годинъ пожертвованій, кровавой борьбы и вѣншихъ заботъ. Заключенія сіи не гадательныя, не умозрительныя: они очевидны и осязательны. Фабрики наши и ремесла умножаются : успѣхи ихъ были представлены на всенародный судъ на трехъ выставкахъ. Отпускная торговля наша усиливается, и слѣдовательно приноситъ пользу земледѣлію и сельскому хозяйству. Привозная возрастаетъ, и, что достойно замѣчанія и поощренія,

особенно въ такихъ предметахъ, кои необходимы для нашихъ фабрикъ. Слѣдовательно здѣсь соединяется совокупная выгода сохраненія взаимства въ отношеніи къ заграничной торговлѣ и покровительства народной промышленности, въ чемъ заключается главная тайна всякаго благонамѣреннаго тарифа. Таможенные доходы значительно возрастаютъ, слѣдовательно казна обогащается, и двоякое назначеніе тарифа, какъ закона поощрительнаго для промышленности и закона финансоваго, вполне достигнуто. Вексельные и денежные курсы не только удерживаются, но удовлетворительнымъ образомъ улучшаются. Всѣ эти результаты на лицѣ. Это не отвлеченныя истины, а цифры, а факты, доступные понятію и повѣркѣ каждаго. Правительство не скрываетъ ихъ въ тайнахъ кабинета: они обнародываются въ достовѣрныхъ документахъ. Виды Торговли, Отчетъ Кредитныхъ Установленій, Коммерческая Газета передаютъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе. Гласность дѣйствій лучшая порука въ ихъ несомнительности.

Теперь, чтобы вывести полное заключеніе изъ всего сказаннаго выше, перейдемъ краткимъ обзорѣмъ дѣйствія внѣшней торговли съ 1824 по 1834 годъ, и для доказательства, что за удовлетворительные сіи итоги обязаны мы системѣ, которой правительство постоянно слѣдовало въ теченіе десяти лѣтъ, сравнимъ ихъ съ предъидущимъ десятилѣтіемъ. Не забудемъ притомъ, что сіе предъидущее десятилѣтіе было точно періодомъ мира и благопріятной тишины. Послѣ того рассмотримъ поверхностно, какъ система сія дѣйствовала на таможенное управленіе и вообще споспѣшествовала государственному благоустройству. Въ дѣлѣ государственнаго управленія ни какая часть онаго не можетъ оставаться совершенно отдѣльною: улучшения въ одной благопріятствуютъ всѣмъ другимъ; особенно же, когда сія часть, подобно таможенной,

сосредоточиваетъ въ себѣ столько разнородныхъ выгодъ, выгодъ частныхъ и казны, внутреннихъ и внѣшнихъ, вещественныхъ и чисто нравственныхъ, настоящихъ и будущихъ.

Съ 1824 по 1834 годъ привезено ино-

странныхъ товаровъ на..... 1,951,844,619. р.

Съ 1814 по 1824 годъ на..... 1,646,904,710. р.

болѣе на 304,939,909 р.

Примѣчаніе. Какъ цифры здѣсь сами по себѣ ни убѣдительны и ни даютъ благопріятный результатъ, но вникнувъ въ нихъ, какъ въ представителей цѣнностей и дѣйствій торговли, мы извлечемъ изъ нихъ результаты еще болѣе достойные замѣчанія и изученія. Когда наши мануфактуры и ремесла не были ограждены охранительнымъ тарифомъ отъ самовластительнаго соперничества иностранцевъ, тогда привозъ сырыхъ матеріаловъ былъ весьма ограниченъ. Привозная торговля не питала народнаго трудолюбія, не давала капиталамъ Русскимъ двойнаго оборота : торговаго и промышленнаго. Она ихъ поглощала. Нынѣ видимъ совершенно противное: привозная торговля, изъ враждебной совмѣстницы, сдѣлалась союзницею отечественной промышленности. Слѣдующая вѣдомость изложитъ главнѣйшія тому доказательства :

Привезено	съ 1824 по 1834	съ 1814 по 1825	въ послѣднее десяти- лѣтіе.	
			болѣе	менѣе
Бумаги хлопчатой, пудовъ.....	1,002,669.	551,138.	451,531.	— —
— — — — — пряденой	4,467,915.	1,976,453.	2,491,462.	— —
Шелка	130,354.	137,664.	— — — —	7,310.
Шерсти товой	109,012.	73,045.	35,967.	— —
Индіго	208,675.	154,487.	54,188.	— —
Кошенили	30,802.	12,791.	18,011.	— —
Крапа и марены	552,274.	388,723.	163,548.	— —
Саядала и дерева для крашенія.	3,577,501.	1,664,795.	1,912,706.	— —
Сахарнаго песку	12,328,846.	7,787,982.	4,540,864.	— —
Инструментовъ и машинъ, цѣнар.	9,552,820.	7,295,227.	2,257,593.	— —

* Привозъ шелка изъ-за границы уменьшился отъ увеличившагося употребленія Грузискаго шелка.

Бумажныхъ, шелковыхъ, шерстяныхъ и прочихъ красильныхъ и набивныхъ фабрикъ и сахарныхъ заводовъ въ Россіи было въ 1823 году 1,205, а 1832 году 1,567. Въ теченіе девяти лѣтъ число ихъ увеличилось 362. Въ семъ отношеніи держались мы послѣдніе-собранныхъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Но нѣтъ сомнѣній, что въ послѣдніе два года, цыфръ сія не понизилась, а напротивъ нѣсколько поднялась. Если усиленный привозъ сырыхъ матеріаловъ доказываетъ процвѣтаніе нашей народной дѣятельности, то привозъ нѣкоторыхъ другихъ товаровъ служитъ несомнѣннымъ признакомъ, что народные капиталы у насъ не приходятъ въ истощеніе, что благосостояніе разливается по разнымъ ступенямъ общества, и роскошь находитъ чѣмъ оплачивать прихоти свои. Наука Государственнаго Хозяйства не подчиняется правиламъ пошлаго нравоученія: роскошь есть для нея способъ потребленія. «Легко можно было - бы обойтись безъ кофе и табаку, говорить Сей, ибо прожили - же безъ нихъ нѣсколько столѣтій; но зачѣмъ лишать себя удовольствія, когда оно не вредно ни здоровью, ни общественному благосостоянію? Народъ, который добывалъ - бы и по-треблялъ ежегодно на пять тысячъ милліоновъ произведеній, совершилъ-бы нѣкоторые успѣхи, если началъ - бы производить пять тысячъ и двадцать милліоновъ, хотя бы сіи двадцать милліоновъ и пошли на покупку табака, который можетъ быть излишнимъ изъ всѣхъ излишностей.»

Привозъ товаровъ, къ жизненнымъ потребностямъ принадлежащихъ, какъ - то кофе, чая и напитковъ, значительно усилился въ послѣдній періодъ. Годовая сложность потребляемаго кофе привознаго доходитъ нынѣ до 150,000 пудовъ. Вымѣнъ на Кяхтѣ чая даетъ такое же число: оно почти вдвое противъ прежнихъ лѣтъ. Винъ привозится также гораздо болѣе, особенно же высшихъ качествъ, привозимыхъ въ бутылкахъ,

и преимущественно Шампанскаго. Если сія послѣдняя статья можетъ относиться только до богатаго званія, то въ потребленіи двухъ первыхъ значительно участвуютъ и среднее состояніе и низшее. Неизвѣстно, должно - ли причислить и табакъ къ разряду жизненныхъ потребностей, но во всякомъ случаѣ кстати о предположеніи Сея замѣтить, что привозъ иностраннаго табаку равно у насъ значительно усиливается. Онъ доходитъ нынѣ до 75,000 пудовъ, когда прежде сильнѣйшій годъ по привозу его не показывалъ выше 31,000 пуда.

Съ 1824 по 1834 годъ	отпущено за границу това-	
	ровъ на.....	2,307,399,005 р.
Съ 1814 по 1824 годъ	на.....	2,181,894,424 р.
	болѣе на	125,504,581 р.

Слѣдуя прежнему порядку и не довольствуясь видѣть одну прибыль, но разлагая свойства ея, мы и здѣсь извлечемъ нѣкоторыя убѣжденія, благопріятныя нашему мнѣнію. Противники мануфактурной системы въ Россіи болѣе всего опирались и опираются и нынѣ на опасеніи, что она не иначе можетъ утвердиться у насъ, какъ во вредъ земледѣлія и сельскаго хозяйства. Событія доказываютъ совершенно тому противное. Значительнѣйшая часть отпуска нашего состоитъ въ предметахъ именно до сельской промышленности относящихся, и въ общей сложности отпускъ сей возвысился. Что касается собственно до хлѣбной торговли, то о ней нельзя выводить опредѣлительнаго заключенія; на усиленіе отпуска пшеницы, ржи и прочаго зерноваго хлѣба могутъ только дѣйствовать случайныя и особенныя обстоятельства: гдѣ нибудь за границею неурожай, или гдѣ нибудь война. Нельзя усилить отпускъ товара, коего потребленіе усилить невозможно. Какія мѣры правительство не принимай, до какой степени совершенства ни доводи земледѣліе, но все не заставишь Европы съѣсть болѣе хлѣба, не-

жели сколько приходится на челоѣвка. И къ тому же, куда возить хлѣбъ? Вездѣ, въ Англіи, во Франціи и въ другихъ государствахъ, ограничивающіе законы препятствуютъ привозу онаго. Каждая держава старается обезпечить себя собственнымъ продовольствіемъ. Что же касается до отечественной мануфактурности, нѣтъ сомнѣнія, что она еще благопріитствуетъ земледѣльству и самому потребленію хлѣба. Фабричный ремесленникъ больше сѣдаетъ хлѣба, нежели хлѣбопашечный домохозяинъ. Скотоводство нужно равно и для земледѣльской и для мануфактурной промышленности. Откуда же сія послѣдняя почерпаетъ по большой части свои сырые матеріалы, какъ не отъ улучшеннаго земледѣлія? Не все же одного хлѣба просить отъ земли! Земля можетъ дать и другое. Главный предметъ спора заключается здѣсь въ сбивчивости понятій. Многіе неннае понимаютъ обширное слово земледѣліе, какъ подъ ограниченнымъ смысломъ хлѣбопашества. Но, вмѣсто того, признайте хлѣбопашество только отраслю земледѣлія, а земледѣліе одною только отраслю сельскаго хозяйства, и вопросъ разрѣшится самъ собою. Промышленость, въ обширѣйшемъ и разнообразѣйшемъ объемѣ своемъ, будетъ тогда однимъ развитіемъ средствъ и силъ, добытыхъ первоначальными трудами. Смѣшно же было бы сказать народу: не иди далѣе! довольствуйся одною черною работою, и предоставь другимъ дальнѣйшія выгоды и усовершенствованія! Само собою разумѣется, что должно будетъ напротивъ дать народу средства додѣлывать дома то, что ему выгоднѣе додѣлывать, и сбывать сырыми матеріалами то, что ему за излишествомъ не нужно, или что ему иначе продать нельзя, какъ въ томъ видѣ. Развѣ въ Англіи и во Франціи въ сихъ двухъ преимущественно мануфактурныхъ государствахъ, земледѣліе въ худшемъ состояніи, нежели въ другихъ? Рѣшительно напротивъ. Объ опасеніи, что мануфактурная

дѣятельность отъемлетъ много рукъ у полевой работы и думать нечего. Положимъ, что у насъ 300,000 человекъ руководящихъ работниковъ. Удвоимъ это число въ надеждѣ будущаго развитія промышленности, и это число весьма достаточно: ибо не должно забывать, что при распространеніи промышленности изобрѣтательность приписываетъ средства облегчать и сокращать ея производства: одинъ работаетъ за двухъ и трехъ, животныя замѣщаютъ людей, механика животныхъ. Что же значать 600,000 человекъ, которые изъ разныхъ концовъ Россіи стекутся въ средоточіи промышленной дѣятельности, и разумѣется предпочтительно изъ губерній малоземельныхъ и бесплодныхъ? Къ тому же при новомъ устройствѣ механическихъ работъ, въ которыхъ главный производитель не человекъ, а сила, мы видимъ, что на фабрикахъ уже не нужно имѣть цѣлыя поколѣнія. Дѣти, женщины, увѣчные заняты наравнѣ съ другими, и дѣлаютъ свое дѣло.

Слѣдующая вѣдомость покажетъ, сколько вообще усилилась главнѣйшая отпускная торговля наша въ теченіе послѣдняго десятилѣтія въ сравненіи съ предыдущимъ:

	съ 1824	съ 1814	въ послѣднее десяти- лѣтіе.	
	по 1834.	по 1824.	богве.	мелче.
Льна..... пудовъ	22,760,561.	13,092,793.	9,667,768.	-----
Пеньки.....	25,424,518.	26,569,698.	-----	1,145,180.
Пакли льняной и пеньковой	3,720,499.	1,761,198.	1,959,301.	-----
Сала.....	38,542,227.	24,042,310.	14,499,917.	-----
Сѣмени льнянаго... четв.	5,249,151.	3,874,145.	1,375,006.	-----
Веревки и канатовъ... пуд.	3,180,855.	1,765,910.	1,414,945.	-----
Кожа:				
юфти.....	929,249.	839,756.	89,493.	-----
штукъ.....	1,665,553.	1,094,250.	571,303.	-----
исвыдѣлан. поцѣвъ р.	39,322,137.	9,724,734.	29,597,403.	-----
Шерсти..... пуд.	1,115,466.	351,733.	763,733.	-----
Хлѣба разнаго... четв.	23,165,995.	20,851,412.	2,314,585.	-----

Итоги вообще удовлетворительны. Если вывозъ пеньки уменьшился, за то возвысился вывозъ веревокъ и канатовъ, слѣдовательно земледѣіе не потеряло, а выиграла промышленность. Нѣтъ сомнѣнія, что статья сія дала — бы итогъ еще значительнѣйшій, еслибъ послѣднее десятилѣтіе не было эпохою мира для морскихъ державъ, слѣдовательно эпохою ограниченія въ потребленіи корабельныхъ потребностей. Введеніе желѣзныхъ цѣпей на мѣсто якорныхъ канатовъ, замѣняемое между многими иностранными мореходцами, должно также быть принято здѣсь въ соображеніе. Не смотря на то, отпускъ веревокъ и канатовъ усилился почти вдвое въ послѣдніе годы, а именно съ 1830 года, когда послѣдовало отмѣненіе отпускной съ нихъ пошлины. Если въ росписи отпускной торговли нашей не можетъ болѣе занимать одного изъ главнѣйшихъ мѣстъ полотно парусное, фламское и равентукъ, то причину тому искать должно въ развитіи промышленности, которую каждая держава старается усилить у себя всѣми возможными средствами. Напримѣръ, Англія и Швеція, опредѣленіемъ премій и другими поощреніями, содѣйствуютъ у себя заведенію полотняныхъ фабрикъ. Но рядомъ съ симъ убыткомъ возникаетъ у насъ и прибыль: требованія на ленъ значительно увеличились. Статья сырыхъ кожъ заслуживаетъ особенное замѣчаніе. Поощреніе отпуска товара сего сбавленіемъ пошлины имѣло величайшія и полезнѣйшія послѣдствія. Оно вообще худо было оцѣнено. Въ свободномъ вывозѣ сырыхъ кожъ за границу видѣли исключительно одно дѣйствіе ихъ на кожевенные заводы наши. И здѣсь противники охранительной системы, оспаривающіе пользу отъ водворенія промышленности, переходятъ на другую сторону, сами не догадываясь о томъ. Они предаютъ выгоды сельскаго хозяйства, и заботятся только о выгодѣ мануфактурной. Они забываютъ, что разрѣшеніе вывоза за грани-

цу сырыхъ кожъ поощрять у насъ размноженіе скотоводства, столь необходимаго вообще и для земледѣлія, усиливаетъ вывозъ сала, которое начали отпускать вдвое болѣе противъ прежняго. Все ихъ сердоболіе устремлено нынѣ на упадокъ кожевенныхъ заводовъ, который вовсе не слѣдовалъ за разрѣшеніемъ вывоза, а напротивъ ему предшествовалъ, и даже нѣкоторымъ образомъ могъ вынудить его. При упадкѣ заводовъ должно было принять мѣры къ сохраненію по крайней мѣрѣ того, чѣмъ дѣйствовали они въ пользу сельскаго хозяйства. Не способствуя къ усиленному вывозу сырыхъ кожъ, правительство разорило бы только наше скотоводство, а не могло бы поддержать кожевенные заводы, вопреки законамъ необходимости. Изъ выдѣланной кожи отпускалась отъ насъ одна юфть, а пора юфти миновалась. Наполеонъ былъ большой покровитель сей отрасли торговли нашей, но покровительство сіе покупалось дорогою цѣною. Вооруженныя кочующія племена въ переходахъ своихъ изъ одного края Европы въ другой и далѣе, изнашивали въ его время много обуви. Много обуви оставалось и на поляхъ сраженій. Миръ сберегаетъ это потребленіе. Мода, другаго рода всевластный повелитель, дѣйствуя въ свою очередь, вытѣснила напротивъ юфть изъ круга различныхъ употребленій; замѣнивъ ее другими. Промышленность и торговля имѣютъ свои измѣняющіеся законы. Въ томъ и заключается тайна охранительной системы, чтобы во время и согласно съ потребностями налагать или снимать запрещеніе. Смѣшно полагать, что у насъ юфть будутъ покупать потому только, что станемъ ее выдѣлывать, и вотъ однако — же заключеніе, которое должно вывести изъ общихъ толковъ. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы вывозъ юфти и понесъ значительное уменьшеніе. Напротивъ, онъ въ послѣднее десятилѣтіе даже нѣсколько и превѣсилъ предъидущее. Конечно не въ надлежащей соразмѣрности съ другими

отраслями промышленности, но причины тоху достаточно объяснены. Въ отпускъ масла коноплянаго и льнянаго замѣчается по годамъ значительныя измѣненія. Въ 1829 году отпущено его 509,000 пуд., а въ 1830 643,000, что превышаетъ сильнѣйшіе вывозы лучшихъ прежнихъ годовъ; но въ сложности отпускъ сей не представляетъ постепеннаго повышенія. Впрочемъ не должно слишкомъ жалѣть о томъ. Производство масла, ограниченное у насъ еще въ тѣсныхъ предѣлахъ грубаго сельскаго хозяйства и стариннаго обычая, даетъ такія ничтожныя выгоды въ сравненіи съ тѣми, которыя должно дать и даетъ въ Англіи, при лучшемъ устройствѣ, что усиленный вывозъ льнянаго сѣмени едва-ли пока не предпочтительнѣе. Нѣсколько разъ уже Журналы обращали вниманіе сельскихъ хозяевъ на сей предметъ особенной важности, но донинѣ послѣдствія не отвѣчали полезнымъ указаніямъ. Въ числѣ другихъ статей вывоза достойныхъ замѣчанія, хотя и болѣе ограниченныхъ въ дѣйствіи своемъ, можно упомянуть о слѣдующемъ:

Вывозъ лѣса значительно увеличился съ 1824 года. Въ нѣкоторыхъ годахъ вывезено было до 700,000 пудовъ и болѣе поташа. Шерсть составляетъ новую и замѣчательную статью въ нашей отпускной торговлѣ. Она примѣняется къ статьѣ сырыхъ кожъ, и можетъ служить новою темою для тѣхъ, которые пугаются у насъ развитія промышленности, какъ вредной успѣхамъ сельскаго хозяйства, и поощренія сельскому хозяйству, какъ вредному выгодамъ нашихъ мануфактуръ. Между тѣмъ разведеніе овецъ усиливаетъ наше скотоводство, и обогащаетъ торговлю нашу новою отраслію. Сукнодѣліе держится и улучшается, и шерсти отправляется въ иные годы до 160,000 пудовъ и болѣе. Требованіе на воскъ примѣтно возрастаетъ. Въ послѣднее десятилѣтіе вывезено его 518,000 пудовъ, а въ прежнее 350,000. Отпускъ щетины слѣдуетъ тому

же благопріятному движенію. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ вывезено его до 700,000 пудовъ, а въ предыдущее 519,000.

Обозрѣвая кругъ сихъ дѣйствій въ отношеніи къ отечественной промышленности и къ внѣшней торговлѣ отпускной и привозной, нельзя не сознаться, что вообще замѣтно движеніе къ лучшему. Нѣтъ дѣйствій безъ причины: нельзя не согласиться и въ томъ, что причину тому должно искать въ охранительной системѣ, которой слѣдуетъ правительство. Полагать, что сіи благопріятныя послѣдствія могли быть выведены и безъ содѣйствія той системы, было — бы слишкомъ неосновательно. Но здѣсь надлежалобы вывести изъ предположенія сего еще страннѣйшее заключеніе: что сіи благія послѣдствія выведены не только мимо, но вопреки предпринятой системѣ. Заключеніе вовсе недопустительное.

Таможенный законъ всеобъемлющъ и такъ тѣсно обхватываетъ всѣ промышленныя и торговыя выгоды народа и вообще все его вещественное благосостояніе, что онъ во всѣхъ примѣненіяхъ своихъ долженъ быть непосредственно имъ вреденъ, или непосредственно имъ благопріятенъ. Въ таможенномъ законѣ нѣтъ ничего отвлеченнаго ни условнаго. Онъ законъ дѣйствительности, и только.

Для полноты картины внѣшней торговли должно выставить движенія привоза и вывоза золота и серебра. Онѣ являются въ слѣдующемъ видѣ:

	съ 1824 по 1834.	съ 1814 по 1824.
Въ монетахъ и слиткахъ		
Привезено на.....	322, 136, 144	321, 969, 988.
Отпущено.....	59, 306, 701.	60, 982, 229.
привезено болѣе	262, 829, 443.	266, 987, 759.

Излишне было бы входить въ опроверженіе всѣхъ мнѣній, которыя у насъ затемняютъ вопросъ о пользѣ или вредѣ свободнаго отпуска и ввоза драгоценныхъ

металловъ. Главная причина господствующихъ заблужденій есть та, что монеты и первобытное вещество, изъ коего монеты выдѣлываются, почитаютъ за богатство какого-то особеннаго рода, къ которому нельзя примѣнить другихъ цѣнностей. Отстраните это заблужденіе, и вопросъ пояснится самъ собою. Драгоценные металлы и монеты будутъ тогда наравнѣ со всѣми другими товарами, коихъ привозъ и вывозъ соразмѣряется съ мѣстными потребностями. Одному купцу выгодно вымѣнять за границую Французское вино на Русскую рожь, и онъ высылаетъ рожь; другому выгоднѣе вымѣнять такое же вино на золото, и онъ высылаетъ золото. Въ торговлѣ никто ничего не отпускаетъ и не уступаетъ въ видѣ подарка, а всегда въ видѣ мѣны на другую цѣнность. Въ движеніи торговыхъ оборотовъ и высланная рожь и высланное золото рано или поздно въ какомъ нибудь видѣ, но возвратятся туда, откуда были отправлены, не къ тому же лицу, можетъ быть, но все въ кругъ общенароднаго капитала! Вотъ почему нельзя никогда безусловно примѣнять выгоды народа къ выгодамъ частнаго лица. Частный человекъ, который имѣлъ-бы серебро и золото въ излишествѣ противъ нужнаго его потребленія, не обдѣнѣлъ-бы отъ сего излишества, и мертвый рубль его остался-бы всегда рублемъ. Напротивъ же, излишнее изобиліе монеты у народа было бы неизбѣжною причиною упадка цѣнности оной и слѣдовательно постепеннаго обдѣнѣнія его. Если свобода торговли можетъ быть неограниченно допущена въ какомъ-нибудь отношеніи, то именно въ отношеніи къ отпуску и ввозу драгоценныхъ металловъ. Определительная цѣнность ихъ, мало измѣняющаяся обстоятельствами и мѣстностями, извѣстное употребленіе ихъ уравниваютъ сами собою, безъ направленія правительства, случайности ихъ обращенія. Деньгамъ нигдѣ ненужно имѣть свидѣтельства о происхожденіи: онѣ товаръ по-

всемѣстный. При излишнемъ наполненіи цѣна ихъ упадаетъ, и тогда ищутъ онѣ истока туда, гдѣ онѣ дороже. Недостатка въ нихъ быть не можетъ, ибо тогда, при возвысившейся цѣнѣ ихъ, драгоценныя металлы, въ слиткахъ или монетъ, стекутся туда, гдѣ они, какъ товаръ, дороже всего другаго, и во всякомъ случаѣ отправители ихъ вышлютъ съ тѣмъ, чтобы получить за нихъ другія цѣнности, слѣдовательно выгоды взаимной торговли соблюдены съ той и другой стороны.

При усилившемся движеніи торговли неминуемо должно было усилиться и движеніе торговаго мореплаванія. Оно важно не только какъ живѣйшій и удобнѣйшій способъ торговыхъ отправленій, но и само собою какъ отрасль промышленности и обращеніе капиталовъ питающихся движеніемъ. Два десятилѣтія, принятія нами мѣрилами нашихъ изслѣдованій, представляютъ наше торговое мореплаваніе въ слѣдующемъ видѣ:

Кораблей было въ приходѣ изъ иностранныхъ мѣстъ:

	съ 1824 по 1834	съ 1814 по 1824.
Съ товарами.....	19,763.	19,585.
баластомъ	25,480.	20,736.
Всего.....	45,243.	40,321.
болѣе.....	4,922.	---

Кораблей отошло въ иностранныя мѣста:

	съ 1824 по 1834.	съ 1814 по 1824.
Съ товарами.....	44,158.	38,528.
баластомъ	1,419.	1,095.
Всего.....	45,577.	39,623.
болѣе.....	5,954.	---

Состояніе денежнаго и вексельнаго курса, въ предѣлахъ тѣхъ же двухъ періодовъ, равно заслуживаетъ особенное замѣчаніе. Оно также подкрѣпляетъ выводы, изложенные выше:

Вексельный и денежный курсъ въ С. - Петербургѣ.

	въ 1825.	въ 1833.
На Лондонъ.....пенс.....	9 ⁷ / ₃₂ .	107 ¹ / ₈ .
— Амстердамъ.... штив.....	9 ¹¹ / ₁₆ .	цес. 537 ¹ / ₈ .
— Гамбургъ..... шиллинг.....	8 ¹⁵ / ₁₆ .	9 ¹¹ / ₁₆ .
— Парижъ..... сантим.....	103.	1117 ¹ / ₈ .
=		
Рубль серебряный.....коп.....	372 ¹ / ₂ .	361.
Ч. рубли Голландскій.....	1,155.	1,057 ¹ / ₂ .
Билеты Комисіи 6 ⁰ / ₁₀₀ ассиг....	99 ³ / ₄ .	121 ³ / ₄ .
Погашенія долговъ 5 ⁰ / ₁₀₀ монет....	82 ¹ / ₈ .	91 ¹ / ₈ .

Мы здѣсь разсматривали дѣйствія промышленности и торговли болѣе съ внѣшней стороны. Сколько-же еще удовлетворительныхъ и блестящихъ выводовъ можно извлечь изъ сихъ изслѣдованій, обративъ вниманіе на пользу, которую принесли сіи результаты во внутреннихъ сношеніяхъ государства! Она не столь очевидна, по дробности своей не столь удобно вычисляема, но не менѣе того дѣйствительна и обширна. Какимъ движеніемъ должна была отозваться внѣшняя торговля въ движеніяхъ внутренней торговли, равно заслуживающихъ вниманіе въ огромныхъ объемахъ своихъ, и въ частныхъ барышахъ смиреннаго мелочнаго торгаша, на обширныхъ рынкахъ городовъ и ярмарокъ, и на тѣсныхъ площадкахъ сельскаго базара, въ предпріятіяхъ внутренняго судоходства, и въ промыслѣ извозчика, который съ телѣгою и лошадью обезпечиваетъ взносъ повинностей и содержаніе семейства, перевозкою товаровъ изъ одного края Россіи въ другой. Какія можно вывести утѣшительныя заключенія въ пользу дѣйствій сей новой усиленной жизни вообще на образованность, на просвѣщеніе народа, на многія государственныя постановленія, вынужденныя рожденіемъ новыхъ потребностей, на благопріятныя измѣненія, которыя неминуемо внесетъ сей порядокъ въ стихіи нашего сельскаго хозяйства, и вообще на грядущія участи Россіи, зрѣющія подъ охраненіемъ по-

степенныхъ, но вѣрныхъ мѣръ попечительнаго правительства.

Но разсмотрѣніе съ сей стороны вопроса, занимавшаго насъ, вовлекло — бы слишкомъ далеко. Оно можетъ служить предметомъ другой статьи, или возбудить вниманіе другаго писателя.

Намъ остается доказать, что если тарифъ 1822 года, какъ государственный законъ, благопріятенъ развитію народныхъ богатствъ, то не менѣе того полезенъ и какъ финансовый законъ. Слѣдующія цифры будутъ нашимъ доказательствомъ :

Всѣхъ таможенныхъ сборовъ поступило:

Съ 1824 по 1834 годъ.....673,339,401. р. 52½ к.

Съ 1814 по 1824 годъ.....396,126,285. р. 92 —

болѣе.....277,213,415 р. 60½ к.

При семъ не должно забывать о упомянутыхъ выше событіяхъ, которыя запечатлѣли многіе годы разсма-триваемаго десятилѣтія и должны были дѣйствовать неблагопріятно на сборъ таможенныхъ пошлинъ, во-все прекращая ихъ въ нѣкоторыхъ пограничныхъ пунктахъ.

Въ другой статьѣ, которая должна служить пополненіемъ или поясненіемъ нынѣшней, мы разсмотримъ дѣйствія тарифа 1822 года въ отношеніи къ таможенному управленію въ Россіи и къ главнѣйшимъ постановленіямъ, изданнымъ въ пользу торговли и промышленности въ силу и въ пользу охранительной системы, симъ тарифомъ основанной.

Апрѣля 11, 1834.

К. ВЯЗЕМСКІЙ.

Главнѣйшія постройки, произведенныя въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, приносятъ казнѣ дохода отъ 10 до 12 процентовъ съ употребленнаго капитала.

О ДВИЖЕНІИ ДѢЛЪ ПО ДЕПАРТАМЕНТУ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

О ДѢЛАХЪ.

Съ 1824 по 1834 годъ рѣшено дѣлъ 79,849.

Къ 1834 году осталось за Департаментомъ несовершенныхъ дѣлъ 32.

РЕВИЗІЯ И ОТЧЕТНОСТЬ.

Таможенныя книги съ 1814 по 1833 годъ обревизованы, всѣ отчеты по Таможенному Управленію доставлены въ Государственный Контроль.

ЗДАНІЕ ВИДОВЪ ТОРГОВЛИ И КОММЕРЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ.
Виды Торговли издаются въ публику ежегодно.

Коммерческая Газета печатается на Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ: въ 1825 году расходилось оной 433, а въ 1833 году 1,582 экземпляра.

АРХИВЪ.

Архивъ бывшей Коммерцъ - Коллегіи поступилъ въ Департаментъ въ 1811 году. Въ ономъ хранилось болѣе 240,000 тарыхъ дѣлъ, изъ коихъ 110,000 дѣлъ и книгъ, вовсе безполезныхъ, по Высочайшимъ повелѣніямъ 22 Сентября 1828 и 22 Іюля 1830 года, уничтожены. — Затѣмъ всѣ нужныя дѣла и книги разобраны, приведены въ надлежащій порядокъ, и внесены въ описи и алфавиты.

Таковое же устройство введено и въ Таможенныя Архивы.

VI. О ВНОВЬ ИЗДАННЫХЪ ПОСТАНОВЛЕНІЯХЪ.

Съ 1824 по 1834 годъ издано разныхъ постановленій:

Въ пользу земледѣлія.....	40
мануфактуръ и фабрикъ.....	14
торговли.....	125
судоходства и кораблестроенія.....	28
портowychъ городовъ.....	8

РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО

ВО ФЛОРЕНЦІЮ,

въ 1658 и 1659.

Если весьма любопытно читать описаніе чужестранныхъ путешествій въ старую Русь до введенія въ нее Европейскихъ обычаевъ, то не менѣе любопытства заслуживаютъ и описанія путешествій Русскихъ въ Европейскія земли: прадѣды наши, до Петра Великаго, никогда не выѣзжали изъ отечества, или чрезвычайно рѣдко; одна только война или посольство удаляли ихъ изъ родимой земли, да и тутъ только въ Польшу, Финляндію, — и потому пріятно читать замѣчанія, сдѣланныя о чужихъ краяхъ Русскими, не издавшими до того иной земли, кромѣ своей, иныхъ обычаевъ, кромѣ своихъ.

Сношенія наши съ Европейскими Державами начались собственно при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Сей Государь, одинъ изъ величайшихъ своего времени, желая покороче ознакомиться съ ними, сталъ отправлять посольства къ разнымъ Дворамъ: между прочими, въ 1656 году, былъ посланъ въ Венецію Стольникъ Чемодановъ, въ проѣздъ котораго чрезъ Флоренцію, Тосканскій Великій Герцогъ Фердинандъ II принялъ его съ величайшею честію. Эта ласка побудила Царя Алексѣя Михайловича, безъ всякой впрочемъ другой причины, отправить къ нему въ 1658 особое посольство, которое пошло изъ Архангельска моремъ, и возвратилось въ 1659 году. Начальникомъ посольства былъ дворянинъ и Боровскій Намѣстникъ

Василій Лихачевъ : извѣстно, что титулъ Намѣстника давался посланникамъ только для большей почести; по возвращеніи, они его слагали съ себя. Товарищемъ его назначенъ Дьякъ Иванъ Ооминъ. Въ свитѣ ихъ находились : Жилецъ Никита Кишкинъ, подьячіе Степанъ Палковъ и Михайло Кулаковъ ; переводчикъ Италіянскаго языка Тимоѳей Топоровскій, бывшій съ Чемодановымъ въ Венеціи : онъ умеръ дорогою, 26 Сентября ; толмачъ Алексій Плѣтниковъ съ сыномъ, и цѣловальникъ за Государевою казною (дарами) Андрюшка Комлекъ, да Крестовый попъ Иванъ Алексеевъ, — всего вообще съ посланничьими людьми двадцать восемь человекъ. Описаніе сего любопытнаго путешествія было нѣкогда напечатано со всею подробностью; но оно забыто публичною, и нынѣ едва ли кому-нибудь извѣстно, кромѣ Ученыхъ. Уступая влеченію особенной прелести, которую доставило намъ чтеніе сего памятника добродушной наблюдательности нашихъ предковъ, мы рѣшились возобновить нѣкоторыя его черты въ воспоминаніи читателей сего Журнала. Выписки, которыя намѣрены мы представить, не ища другой пользы, могутъ по крайней мѣрѣ послужить основою къ занимательному сравненію нынѣшнихъ нашихъ о вещахъ понятій съ тѣми, какія всякой изъ насъ имѣлъ бы о тѣхъ же вещахъ, если бы родился только за сто тридцать лѣтъ назадъ, и вздумалъ какъ теперь, съ наступленіемъ весны, отправиться къ теплымъ водамъ за границу.

Посольство прибыло изъ Москвы въ Архангельскъ 23 Іюля 1658 года ; здѣсь, запасшись всемъ нужнымъ для путешествія и, отпѣвъ молебное пѣніе въ соборной церкви, 20 Сентября, сѣло оно на два Англійскіе корабля, вооруженные 48 пищалями (пушками), и вышло въ море 24 Сентября.

Провѣхавъ Ирландію и Англію, вошли они 9 Нояб-

ри въ Средиземное море : здѣсь замѣтили, что дни стали свѣтлы и красны, какъ въ Россіи о Троицынѣ дни, а тамъ о Филиповѣ заговѣнѣ таковы : дни же и ночи одинаковы.

Приближаясь къ узкому мѣсту, къ Гирлѣ (Гибралтарскому проливу), изъ опасенія (отъ Турецкихъ морскихъ разбойниковъ) всѣ пушки на корабляхъ зарядили, фитили зажгли, ружья растлали, и цѣпи съ корабля на корабль изготовили.

Декабря 4 страшнымъ валомъ скулу у корабля проломило и корабль раздробило, а съ 3 числа оказался у нихъ недостатокъ въ водѣ такой, что и описать не умѣли : ставили подъ парусы котлы, и воду пили горькую, да и то по одной выти (порціи), а къ ночи былъ приставленъ караулъ.

Буря носила ихъ три недѣли; но она же и спасла ихъ; ибо въ то время въ Гирлѣ Турецкіе морскіе разбойники взяли и разгромили одиннадцать кораблей разныхъ государствъ.

Декабря 13 пришли они къ проливу, который имѣетъ поперегъ шесть, а въ широкомъ мѣстѣ семь верстъ; надъ устьемъ двѣ горы превысокія. Сюда изъ Архангельска шли они двѣнадцать недѣль, не выдавши ни земли, ни городовъ.

Января 5, 1659, въ виду Ливорны, была ужасная буря : корабельныя деревья (мачты) всѣ переломало; но кораблю ходить было нельзя, веревками перевязывались, а съ кормы въ казенку (каюту) волны вливались, и корабль раздробило. Наконецъ, того же числа пришли они въ Ливорну, и корабельщики здравствовали посланниковъ, что Богъ принесъ ихъ здорово.

О семъ городѣ замѣтили посланники слѣдующее : Подъ онымъ стоитъ 45 кораблей, а въ самомъ городѣ,

сквозь градскую стѣну и башню, во рвѣ 120 которъ (галеръ) и яхтъ, на каждой которъ по 500 человекъ работныхъ полонниковъ; градская стѣна стоитъ въ моръ, а и дальняя пристань отъ города за двѣ версты; тамъ же во рвѣ на кораблѣ мельница; городъ безчисленно строенъ, и люди тщательны.

На слѣдующій день 6 Января прїѣзжали изъ города Арцыбискупъ (Архіепископъ) и писарь (Секретарь) и спрашивали о моровомъ повѣтрїи, и у людей пострѣловъ (чумныхъ желваковъ) на тѣлѣ досматривали и раздѣвали.

Января 7 Губернаторъ Ливорнскій, Томасъ Селесторій, прислалъ Капитана и человекъ съ 40 начальныхъ людей къ посланникамъ спросить о здоровьѣ, и просить ихъ въ городъ, для чего прислалъ шнякъ съ 40, крытыхъ по каретному и подушки бархатныя.

Посланники, урядясь въ посланничыѣ платьѣ, отправились въ городъ, при пушечной съ разныхъ кораблей стрѣльбѣ, а съ города стрѣльба продолжалась цѣлый день. Въ городъ встрѣтилъ ихъ губернаторъ съ начальными людьми, а по обѣимъ сторонамъ до посольскаго двора стояли солдаты съ портазаны и съ алебарды.

Въ Ливорнѣ церковь Греческая, во имя Николая Чудотворца, да въ Венеціи Греческая же церковь, а больше того отъ Рима и до Кольскаго острова нигдѣ нѣтъ благочестія.

Въ городъ въѣхали они въ двухъ герцогскихъ каретахъ, крытыхъ бархатомъ и запряженныхъ шестью аргамаками; по обѣ стороны шли восемь человекъ съ восковыми витыми свѣчами.

Домъ для нихъ отведенъ былъ торговаго человека Карлуса, который принималъ Государеву черную Ар-

иисускую шкуру: тамъ на дворъ встрѣтили ихъ шесть трубачей.

На слѣдующій день, Селесторій прислалъ имъ кормъ и питье съ извѣстіемъ, что Великій Герцогъ прислалъ за ними изъ города Пизы двѣ кареты.

По приглашенію губернатора, они осматривали Ливорну, и замѣтили, что городское строеніе зѣло стройно, и людей всякихъ государствъ и торговыхъ много. А въ городъ ключевая вода проведена; приходили подъ Ливорну отъ Турецкаго Паши начальникъ чело-вѣкъ съ двумя Пащами же, которыхъ на приступѣ ваяли въ плѣнъ, и какъ уже они пропали (умерли) и жители вылили въ ихъ лики великіе сидачіе идолы, сажени по три; сидятъ и нынѣ всѣ трое перекованы, а у всѣхъ у троихъ безпрестанно день и ночь изъ ушей и изо рта течетъ ключевая вода: оттуда граждане и воду черпають. За городомъ сдѣланы двѣ бапши превысокія для бою: въ одной горятъ фонари со свѣчами для корабельнаго прихода съ моря.

Января 10 посольство отправилось въ Пизу, гдѣ Флоренскій Князь, онъ же и Гранъ-дюкъ, съ супругою и сыномъ Космою, ждали ихъ четыре недѣли.

Здѣсь имѣли они приѣмную аудіенцію, на которой подали Царскую грамоту и любительные поминки (дары): семь сороковъ, да двѣ пары соболей. Великій Герцогъ, принявъ грамоту, поцѣловалъ ее, и почалъ плакать, говоря чрезъ толмача: — За что Великій Государь вашъ, меня, холопа своего, изъ дальняго града Москвы поискалъ и любительную свою грамоту и поминки прислалъ? А Онъ, Великій Государь, что небо отъ земли отстоитъ, и имя Его преславно и страшно, отъ ветхаго Рима и до новаго, и до Иерусалима, и мно-мизъ бѣдному воздать за толь велию и премногую милость? За то я, и братья мои, и сынъ, его рабы и холопы.

Во время аудіенціи стояли по обѣ стороны многіе думные честные люди и служилые, съ нагнѣмъ оружіемъ, съ протазаны и съ алебарды, да двѣнадцать челоуѣкъ дивныхъ и сличныхъ молодцевъ въ золотыхъ платьяхъ, а въ рукахъ держали свѣчи восковыя витыя.

Фердинандъ просилъ посланниковъ отправиться во Флоренцію прежде себя, для того де, что для нихъ будетъ стрельба многая, а сторонніе подумаютъ, что для него стрельба, а не для нихъ будетъ.

Января 12 прибыли они во Флоренцію, гдѣ встрѣтили ихъ братья и сынъ великаго Гергода и всякіи чиновъ люди, каретъ со сто и больше.

Покои отвели имъ во дворецъ, который о осьми жилыхъ, и палатъ въ немъ съ двѣсти пятьдесятъ, и во всѣхъ запоны (шпалерные обои) драгіе, и столы аспидные, писаны золотомъ травы, а палаты подписаны золотомъ; чернильница золотая фунтовъ въ тридцать, а вмѣсто неску руда серебряная; кресла крыты бархатомъ участочнымъ.

«Тамъ же садъ рыбный: рыбы живыя; вода вверху взведена сажени съ четыре, и устроенъ Іорданъ (фонтаны), и выше Іордана сажени съ двѣ вверху, безпрестанно вода прыгаетъ на drobныя капли, а къ солнцу, что камень хрусталь.

«Около дворца древа кедровы и кипарисны, и благоуханіе велие; яблоки великіе и лимоны родятся по дважды годомъ. Зимы не бываетъ ни одинъ мѣсяць, а о крещеніи жары великіе: у насъ на Руси таково и о Ивановъ днѣ.»

По приглашенію Великаго Герцога представлялись они супругъ его, сыну и братьямъ. Тутъ Герцогъ принесть на золотой мисѣ шелкъ и бумагу, и велѣлъ жечь огнемъ, и шелкъ и бумага отъ огня не сгорѣли, и Герцогъ сказалъ: вамъ то мнится, что де я волшебствомъ

дѣлаю, а есть де у меня камень, тѣмъ де камнемъ шелкъ и бумагу потру, и огонь де не жжетъ. Да онъ же принесъ кубокъ воды, и сказывалъ, что де я по сему кубку съ водою узнаю; какъ у васъ на Руси зима, и весна, и лѣто, и осень настанетъ, и каково слѣтъ будетъ.

Января 18 возили ихъ по городу въ каретахъ.

«Градъ безмѣрно строенъ, согражденъ палатами превсокими, а столповъ превсокихъ, сажени по пятидесяти и больше, съ шесть. Кирки или мечети (!) зымо стройны, а иную (одну) дѣлають уже лѣтъ двадцать, а еще дѣлати лѣтъ двадцать; трутъ пилами все камень аспидъ. Близъ города на высокой горѣ сдѣланъ городокъ небольшой (цитадель), только крепокъ безмѣрно, и караулъ безпрестанно съ ружьемъ. Флоренскъ стоитъ межъ великими и превсокими горами, а длина градскому мѣсту и съ уѣздомъ верстъ на тринадцать, а то все горы.

«Извычай. (обычай) у жителей таковъ: мужи и жены честные, и дѣти, ходятъ всѣ въ *скуратахъ*, сирѣчь, въ личинахъ всякихъ цвѣтовъ; а у женъ сосцы голы, и на головахъ нѣтъ ничего. А какъ мертваго понесутъ, и которые за труномъ идутъ, тѣ всѣ въ савапахъ, да бѣгутъ скоро; такого обычая въ иныхъ градахъ нѣтъ. Вѣръ разныхъ много.

«Отъ лѣтняго дворца до зимняго итти все палатами, а палатъ, верхній рядъ и нижній, будетъ на версту. Тутъ показывали намъ: палату съ сосудами однозолотыми и со свѣщами драгими; кресла княжія (тронъ) съ каменіемъ драгимъ и съ жемчугомъ большимъ, жемчугъ иной въ орѣхъ. Другая палата съ каменьемъ хрустальнымъ; тутъ же камень магнитъ въ 10 фунтовъ. Третья палата, гдѣ деньги и еяники золотые дѣлають. Палата апоенкарская, вещи драгія и масти. Палата съ саблями, оправленными золотомъ, и съ инымъ воинскимъ оружіемъ. Палата съ латы и съ пистолы. Пять палатъ, а въ нихъ сосуды рыбы точеныя и хрустальные, и бархаты Флоренскіе, и тафты, и иныя вещи драгія, также небесное движеніе и кругъ, а въ немъ описаніе всего свѣта и солнечный бѣгъ, а иного и описать не

умѣти. Тутъ же видѣли пикатулы, присланныя въ даръ отъ Испанскаго Короля, отъ Цесаря Христіанскаго, отъ Папы Римскаго, Венеціанъ и Статовъ Голландскихъ, прехитрымъ драгимъ дѣломъ строецы: какъ ихъ отомкнуть, и почуять въ нихъ люди ходити, какъ быть живые. Еще были они въ палатѣ, а въ ней ружье, что у Турокъ взято, оправлено золотомъ Угорскимъ, сабли и чапراки, да лошадей приправная стоять, а у ней грива семь аршинъ.

Въ оружейномъ дворѣ (арсеналѣ) видѣли они чотыреста пушекъ большихъ мѣдныхъ, и три палаты большихъ съ латами, ванделерами (*vandoullière*?) и мушкетами на 30,000 человекъ.

На конюшенномъ дворѣ стояло иноходцевъ и аргамаковъ съ чотыреста.

Послѣ сего казали имъ двухъ львовъ, да двухъ медвѣдей живыхъ, и двухъ птицъ строфокамиль: одна снесла яйце, тому часа нѣтъ, а тянетъ полпята ($4\frac{1}{2}$) фунта, и величиною съ шапку; Герцогъ прислалъ его къ посланникамъ: яишницу бѣи 27 человекъ изъ одного яйца.

Герцогиня ежегодно выдаетъ замужъ по сту девицъ, круглыхъ сиротъ.

Великій Герцогъ, съ Папою и съ Венеціянами, отправляетъ каждагодно противъ Турокъ по 30 галеръ вооруженныхъ: кому что Богъ поможетъ.

Января 20 былъ имъ обѣдъ у Герцога, который встрѣтилъ ихъ въ третьей палатѣ. Лихачева посадилъ онъ подлѣ себя, а возлѣ его сѣлъ братъ Герцоговъ Матіасъ; на другой сторонѣ сидѣлъ Герцоговъ сынъ, подлѣ него Дьякъ Доминъ, а за нимъ второй Герцоговъ братъ, Леопольдъ.

На столѣ стояли три орла двоеглавыя: первый орелъ былъ сдѣланъ изъ сахара, вышиною въ аршинъ, сдѣланъ жемчугомъ большимъ и драгимъ каменіемъ;

въ серединѣ былъ изображенъ Ц. Алексѣй Михайловичъ на аргамакѣ, со скипетромъ въ рукѣ; другой орелъ янтарный съ жемчугомъ и съ каменіемъ; третій орелъ на бѣлой тафтѣ, также съ жемчугомъ и каменіемъ.

Всѣ яствы были сдѣланы съ вымысломъ мастерскимъ: звѣри, и птицы, и рыбы, а всѣ съ сахаромъ.

Предстоявшихъ предъ Герцогомъ столъниковъ, брачныхъ молодцевъ въ золотѣ, было человекъ съ двести, а иныхъ три палаты полны.

Когда дошло пить здравіе Царя и всего Царскаго дома, то посланники, вышедъ изъ-за стола, съ великимъ подобострастіемъ, пили учтиво, а прежде питья титулы говорили полные. Великій Герцогъ, и всѣ бывшіе за столомъ, стояли, и въ это время играли «по музыкѣ и въ кимвалы, и въ органы, и два трубача, и восемь гудцевъ (скрипачей).»

Вечеромъ приглашены они были къ Великому Герцогу на балъ, на которомъ было большихъ думныхъ людей съ женами человекъ съ четыреста, и всю ночь танцовали, самъ Герцогъ, и сынъ, и братья, и Герцогиня.

«Герцогъ приказалъ играть *комидію*. Объявились палаты, и бывъ палата и внизъ уидеть, и того было шесть ~~поремьтъ~~. Да въ тѣхъ же палатахъ объявилось море, колеблемо волнами, а въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди тздятъ, а вверху палаты небо, а на облакахъ сидятъ люди. И почали облака и съ людьми на низъ опущаться, подхвата съ земли человека подъ руки, опять вверху же пошли, а тѣ люди, которые сидѣли на рыбахъ, туда же поднялися вверху за тѣми на небо. Да спущался съ неба же на облакѣ съдѣ человекъ въ каретѣ, да противъ его въ другой каретѣ прекрасная дѣвица, а аргамачки подъ каретами, какъ быть живы, ~~погами~~ ~~подрягиваютъ~~. А Князь (Герцогъ) сказалъ, что дово солнце, а другое мѣсяцъ.

«А въ другой переѣзѣ въ палатѣ: объявилось воле, полно костей человеческихъ, и враны прилетѣли и начали клевать кости. Да море же объявилось въ палатѣ, а на морѣ корабли небольшіе, и люди въ нихъ плаваютъ.

«А въ другой переѣзѣ объявилось: чловѣкъ съ пятьдесятъ въ латахъ, и начали саблями и шпагами рубиться, и изъ пищалей стрѣляти, и чловѣка съ три какъ будто и убили. И многіе предивные молодцы и дѣвицы выходятъ изъ занавѣса въ золотѣ, и танцуютъ, и многія диковинки дѣлали. Да вышелъ малый и почалъ просить ѣсть, и много ему хлѣбовъ пшеничныхъ опрѣсночныхъ давали, и накормить его не могли.

«А та игра дѣлана до посланниковъ за восемь недѣль, а стала де она въ 8000 ефимковъ. Таковая же комидія послана въ даръ къ Испанскому Королю, какъ сынъ у него родился. А комидій было при насъ во Флоренскѣ три игры разныхъ.»

Послѣ сего Великій Герцогъ просилъ посланниковъ погулять на рынокъ (площадь), и посмотреть строю и игры ратнаго дѣла. На площади устроено было для нихъ мѣсто высокое, крытое бархатомъ, а на другой сторонѣ, противъ нихъ, палатъ со сто, о трехъ и о четырехъ жильяхъ: тутъ сидѣли Герцогъ съ супругою, сыномъ и братьями, а изъ всякаго окна изъ палатъ развѣшены были ковры драгіе. «А игра была: поставлены двѣ шатра, и люди въ доспѣхахъ и въ панцыряхъ и во шлемахъ; четверо карловъ, шесть трубачей, шесть барабановъ, и полковники, да съ чотыреста чловѣкъ изрядныхъ молодцевъ и легкихъ. А играли: мячемъ бросали, которая страна перемечетъ. И въ то время были по чѣтыре выстрѣла по всему городу. Посланниковъ и игрецевъ Герцогиня дарила тафтяными ширинками, ратный строй на нихъ напечатанъ.

Великій Герцогъ спрашивалъ посланниковъ и смотрѣлъ по чертежу «про Сибирское Государство, и

но сколько который звѣрь годомъ плодился, тому роспись взялъ, и зѣло дивился, какъ де ихъ не можно выловить. А у нихъ ни какихъ звѣрей нѣтъ потому, что мѣста зѣло гористы, а не лѣсны, и лѣсъ все саженой.»

Герцогиня просила посланниковъ сдѣлать ей двѣ шубки по Русскому обычаю, чѣмъ ей подарить новобрачную свою невестку. Въ угодность ей, они велѣли сдѣлать шубки подъ камкою и подъ тафтою, одна подбита горностаемъ, а другая бѣлою. Она вадѣла ихъ на себя и дивилась, что урядно выдѣлали.

Послѣ сего, восемь дней провели они въ осмотрѣ садовъ и потѣшныхъ палатъ, что все, по приказанію Герцога, показывалъ имъ племянникъ его.

«Во дворцѣ нижнихъ палатъ съ пятьдесятъ и верхнихъ съ пятьдесятъ, а въ нихъ строиство и вещи предивныя: однозолотыя, янтарныя и хрустальныя, и столы аспидные, навожены драгими травами съ золотомъ; во всякой палатѣ стекла хрустальныя, въ виду весь человекъ аршина въ полтора. Мѣста, и ковры, и запоны драгіе, разными образцы, и каковы палаты, таковы и запоны: однотканые, а на нихъ писаны бытія и иныя вещи. А въ иныхъ палатахъ проведена вода прехитрымъ дѣломъ: отвернуть шурупъ (кранъ), и всѣхъ людей въ палатѣ омочить; а идетъ вода на разные капан изъ камня, изъ рѣшетокъ желѣзныхъ, и капан идутъ на конское побѣжище; а шурупъ завернуть, и воды станетъ только.

«А въ садахъ красота и благоуханіе ароматное: древа всѣ кедровыя и кипарисныя; въ Февралѣ мѣсяцѣ плоды зрѣютъ: яблоки предивныя и лимоны двои: одни величествомъ по шапкѣ, и виноградъ двойной, — бѣлый да вишневыя; и анисъ. А питья, вино церковное (красное) свѣжее, и бѣлое Французское, и малазія, и аликантъ, а водокъ нѣтъ ни какихъ, только лишь *яковитика* (*aqua vitae, eau-de-vie*) пуще тройнаго вина, а пить дадутъ всего, шурупъ или два, стеклянныхъ. А ягодъ винныхъ и изюму нѣтъ, а

иныхъ овощей много: арбузы, груши, смоквы, а иныхъ именъ не знаю. А днемъ отъ солнечнаго зноя не можно ходить, и въ Февралѣ всѣ кроются въ палаты. А красоту въ садахъ нельзя описать, потому, что не бываетъ у нихъ зимы и снѣга ни одного мѣсяца. Рыбныхъ садовъ много же, а рыбы дикія безчешуйныя. А за тѣмъ и игрѣ, органовъ, киваловъ, и музыки много, а иные люди сами играютъ въ органы, а никто ими не движеть. А инаго описать не умѣть потому, кто чего не видѣлъ, тому и въ умъ не придетъ.»

Пробывъ еще три недѣли, посланники просили отпустить ихъ чрезъ горы на Амстердамъ, а не моремъ, опасаясь Турецкихъ морскихъ разбойниковъ, и чтобы имъ дали къ Государю листъ (грамоту) за золотою печатью.

Великій Герцогъ обѣщалъ сдѣлать все по ихъ желанію, хотя де листы къ Цесарю и къ Королямъ Испанскому и Французскому, посылаетъ онъ за свинцовою печатью.

Великая Герцогиня пригласила посланниковъ къ себѣ. Въ палатахъ у нее было ста съ два дѣвицъ и сѣнныхъ боярынь (штатсъ-дамъ). Она говорила, что Его Величество, преславный и храбрый Царь, приславъ къ мужу ея посольство, таковымъ своимъ великимъ жалованьемъ привелъ ихъ, холопей своихъ, въ великое удивленіе и радость потому, какъ и свѣтъ сталъ, того не бывало, и просила извиненія, ежели они въ чемъ не уноровили имъ посланникамъ по ихъ извѣщанію.

При отъѣздѣ Герцогъ подарилъ Стольнику цѣпь озолотую, хитрымъ дѣломъ, въ 10 фунтовъ; Дьяку цѣпь золотую же въ 8 фунтовъ; алтабасу (Персидская парча) обьяри золотой, бархату Флоренскаго, атласу, тафты и камки, обоимъ по портищу; дворянину (жилцу) два перстня золотые рублей въ 30, пару пистолей

рублей въ 30; подьячему Палкову каламанъ, по нашему чернилицу сребрянную фунтовъ въ 7, да два перстня золотые, рублей въ полтретьядцать (15); попу, подьячему Кулакову и толмачу по цѣпочкѣ одной золотой фунтовыхъ и по 20 золотниковъ.

Посланники выѣхали изъ Флоренціи 15 Февраля на ослахъ, а другіе всѣ верхомъ на лошадяхъ; провожалъ ихъ за городъ братъ Герцоговъ Матиасъ.

Въ Болоніи пробыли они день: городъ великъ, красенъ и многолюденъ, и людей торговыхъ и мастеровыхъ много; больше и краснѣе Флоренска.

Въ Моденѣ встрѣтилъ ихъ Герцогскій братъ, а самъ Герцогъ былъ боленъ: кареты подвезли имъ толь урядныя, что и во Флоренскѣ такихъ не видѣли; ихъ встрѣчали Герцогскіе урядники, молодцы въ золотыхъ юпкахъ (нижнее платье) челоуѣкъ со сто, съ восковыми свѣчами. Моденъ городъ великъ, кругомъ версты съ четыре, и людень.

Въ Медіоланѣ, принадлежавшемъ тогда Испанскому Королю, пробыли они двое сутокъ: городъ великъ, около его верстъ съ шесть; торговыхъ людей и всякихъ мастеровыхъ много безъ мѣры; тутъ опочиваетъ въ костелѣ Амвросій, Епископъ Медіоланскій.

Отсюда до города Базилеи (Базеля) наняли они 31 лошадь, половину вьючныхъ, а другую верховыхъ; дали 582 $\frac{3}{4}$ ефимковъ крыжовыхъ *.

Отсюда отправились они рѣкою до Лугано, а потомъ превысокими горами въѣхали въ Швейцарію, и 2 Марта доѣхали до высокія снѣжныя горы Сангутары (St.-Gothard), гдѣ пробыли три дня для того, что дѣлали черезъ горы дорогу, а до ихъ пріѣзда чрезъ ту гору никто не бывалъ.

* При Царѣ Алексѣ Михайловичѣ ефимокъ стоилъ 50 коп. серебромъ.

Марта 6 казну Государеву и рухлядь повезли на волахъ, а грамату Герцогскую и статейный списокъ (журналъ посольства) несли подьячіе для того, что лошадей съ выюками, когда вѣтръ великъ, бросаетъ въ глубокія пропасти. Посланники и всѣ люди шли пѣшкомъ, останавливаясь для отдыха каждые четверть часа. Вверхъ на горы идти семь верстъ, а хребетъ у горы сажени съ три и меньше. Сошедъ съ горъ, поѣхали на коняхъ и на волахъ.

Марта 8 прибыли они въ Люцернъ: «городъ зѣло строенъ; мостъ великъ устроенъ въ глубинѣ на дубовыхъ козлахъ, на полверсты.»

Марта 10 пріѣхали въ Базель: «городъ прекрасенъ зѣло и строенъ, больше Флоренска и Болоніи, стоитъ надъ рѣкою Реною (Рейномъ). Тамъ начальникъ бурмистръ.» Здѣсь они пробыли два дни за судовымъ наймомъ: наняли барку до города Колоніи (Кёльна) за 125 золотыхъ Ингерскихъ (червонцевъ Венгерскихъ). Здѣсь же вымѣняли они у иноземца икону преподобнаго отца Александра Свирскаго, за пару соболей въ три рубли; на ней былъ окладъ, да содранъ.

Рейномъ плыли они двѣ недѣли и два дни.

«По сей рѣкѣ до Амстердама городовъ большихъ и малыхъ съ двадцать; рѣка зѣло красна, и весела, и пряма, и быстра, такъ что воды пить не можно, вся съ пескомъ; хлѣтъ и хлѣбъ ржаной тутъ почали покупать; и уксусъ ренскій, и пиво, и ренское вино, все на ней. Людей во всѣхъ городахъ много, а гдѣ городъ, тутъ и живутъ, а изъ города въ городъ не перевозжаютъ и не торгуютъ. Рейнъ, не дошедъ Амстердама, на правую сторону впалъ въ море, а съ Рейна къ Амстердаму пошла рѣка копаная (каналъ), вѣданы трои ворота желѣзные; а будетъ судно добре широко и въ ворота не пройдетъ, и ворота первые съ Рены отворять, и какъ воды накопятъ, такъ другіе отворять, и

третья; а суда таить въ Амстердамъ и изъ Амстердама лошадыи.

«На сей рѣкѣ стоятъ башня, а сказываютъ, что въ той башнѣ Короля мыши съѣли. А въ другомъ мѣстѣ стоитъ столбъ высокъ зѣло, а на немъ устроено лунное и солнечное теченіе, и часы бьютъ на тридцать разныхъ статей по кивальному; да сколько дней въ году, столько на немъ и оконъ, 365.

«На Рейнѣ же городъ Колонія, великъ добре и красенъ; здѣсь опочиваютъ волсви Персидскіе. Отсюда до Амстердама дали они провоза 125 золотыхъ.

«Въ тридцати верстахъ не дохавъ Амстердама городъ Утрехтъ, великъ безъ мѣры, и многолюденъ и торговъ много.»

Марта 27 прибыли они въ Амстердамъ, простоявъ за городомъ три дни въ гостинницѣ. Сюда приходили къ нимъ люди, торгующіе въ Архангельскѣ, и принесли въ подарокъ 130 докутановъ, по 21 алтыну по 4 деньги каждый (по 38 к. сереб. каждый, слѣдственно всего 49 р. 40 к. сереб.).

Въ Амстердамъ посланниковъ приняли 30 Марта, австрѣчали ихъ «служилые съ ружьемъ, и бурмистръ, и торговые люди многіе.»

Царскій посолъ Чесодановъ, возвратившійся въ 1657 году изъ Венеціи чрезъ Германію, рассказываетъ: проехавъ по Рейну городъ Мецъ, на левой сторонѣ стоитъ мѣсто каменное на 9 столбахъ и нѣмъ сказали, что здѣсь три Царя Персидскіе бесидовали, и станъ у нихъ былъ, какъ шилъ ко Христу съ дары, и тѣ Цари нынѣ лежатъ въ городѣ Колоніи. А въ семъ городѣ нѣмъ сказывали, что три волсви, Персидскіе Цари, Каспаръ, Мелхіоръ, Балтазаръ, лежатъ у нихъ въ костелѣ во плоти, что они ходили съ дары въ Вифлеемъ, поклониться Христу, и лежатъ де мощи ихъ въ ракахъ серебряныхъ наверху земли; а были де тѣ Цари въ Медиоланѣ, куда прислала ихъ изъ Царства Св. Царица Елиза, а какъ взялъ Медиоланъ Цесарь Карлусъ V, и тѣхъ тѣлеса прислалъ въ Колонію. Переводчикъ и подьячій (посольства) спросили ихъ: тѣ де Цари крещены ли и кто ихъ крестилъ? Нѣмцы отвѣчали: крестилъ де ихъ Апостолъ Фома въ Британіи.

Подъ городомъ стояло кораблей съ 3000; въ думной палатѣ (ратушѣ) всякихъ приказовъ и палатъ слишкомъ 200, а еще не была достроена. А въ городѣ безъ мѣры людно, ни который городъ такъ не многолюденъ. Города прибавляютъ къ рѣкѣ версты на двѣ, а дѣланъ такъ: съ морскую сторону бито зубье дубовое (сваи) на крестъ, да сланъ кирпичъ, а къ ночи великія бревна, а на нихъ биты великіе желѣзные гвоздья, и тѣ бревна къ ночи (на ночь) закладываютъ. Да въ томъ ярусѣ стоятъ корабли, да за тѣмъ ярусомъ другой, также дѣланъ, и кораблей столько же. Городъ весь стоитъ на морской водѣ, на губѣ, а матерой земли подъ нимъ нѣтъ ни сколько: индѣ бывала корабельная пристань, а нынѣ тутъ палаты. Трехъ вещей нѣтъ: хлѣба, воды, дровъ; воду привозятъ съ Рейна. А людей богатыхъ зѣло много; кирпичи высоки и стройны, а вмѣсто моленія, двой органы великіе. Рыбы свѣжей безмѣрно много, а въ рыбномъ саду торгуетъ все женскій полъ.

А къ нищимъ и безотечнымъ (круглымъ сиротамъ) и ко всякимъ недужнымъ попеченія и строю ни въ которыхъ градѣхъ такого нѣтъ: дворъ каменный, и въ немъ палаты, а въ нихъ во училищѣ человекъ съ 400; палата, а въ ней дѣвицъ съ 300; три палаты съ женщинами; а всѣмъ пища и одежда и мѣста, да и руководіе всѣмъ указано, кто что умѣетъ, а дѣлаютъ на бурмистровъ. Богатѣльня великая каменная, палата красная.

Пробывъ въ Амстердамѣ три недѣли, посольство отправилось на трехъ корабляхъ; вышли въ море 28 Апрѣля; моремъ шли семь недѣль, и въ томъ числѣ стояли десять дней въ Еконтѣ, за льдомъ. Въ Архангельскѣ пришли 6 Іюня.

Д. ЛЫКОВЪ.

КАРТИНКИ

КЪ БАСНЯМЪ КРЫЛОВА,

СОЧИНЕННЫЯ Г. САЗОЖНИКОВЫМЪ.

Въ Искусствахъ, какъ и во всемъ, нерѣдко встрѣчаются вещи, кажушіяся съ перваго взгляда мало важными, но тѣмъ не менѣе обличающія дарованіе, исполненныя прекрасно, истинно полезныя и, слѣдовательно, достойныя особеннаго вниманія и уваженія. Картинки къ Баснямъ, * едва набросанныя, едва отънесенныя немногими чертами, хотя и со вкусомъ, для многихъ покажутся новостію незначущею; но не такъ будутъ судить люди, имѣющіе понятіе о Художествахъ, люди радующіеся всякому пріятному явленію у насъ по части Изящныхъ Искусствъ, когда увидятъ картинки, приложенныя къ новому изданію Басень знаменитаго Крылова.

* Давно уже Членъ здѣшней Академіи Художествъ Е. П. Андрей Петровичъ Сазоженковъ имѣлъ въ своемъ портфелѣ сочиненныя имъ въ минуты досуга девяносто-три рисунка къ Баснямъ Ивана Андреевича Крылова. Друзья и знакомые почтеннаго любителя-художника давно уже восхищались ими, давно желали изданія ихъ въ свѣтъ. Наконецъ, увидѣвъ это собраніе авторъ Басень, и, вѣсивъ искусство, съ которымъ переданы въ рисункахъ смыслъ и духъ Басень его, истинность, характеръ лицъ и животныхъ, дѣйствіе, разговоръ, возбудилъ желаніе поспѣшить выгравированіемъ ихъ на мѣди (à l'eau forte), хотя въ очеркахъ, съ легкими тѣнями. А. Ф. Смирдинъ предложилъ взять на себя все издержки по изданію гравюръ и текста; нымъ оно приведено къ окончанію и уже вышло въ свѣтъ.

Басни Крылова, это богатое собраніе истинъ поучительныхъ, сильныхъ и нерѣдко смѣлыхъ, облеченное одеждою вымысла, воображенія, жизни, украшенное картинами, списанными мастеромъ съ Природы, пренеполненное наблюдательнаго ума, глубокаго чувства, знанія людей и свѣта, отличающееся неподражаемою простотою разсказа, слогомъ яснымъ, чистымъ, есть сокровище и нашей Литературы, и нашего народа: онъ давно оцѣненъ по достоинству.

Восемь изданій уже вышло сихъ Басень, въ томъ числѣ и прекрасное изданіе братьевъ Слѣпниныхъ съ портретомъ автора и семью отлично награвированными картинками; не доставало однако жъ такого, въ которомъ бы всѣ, или почти всѣ Басни изображались въ картинкахъ, — а это было необходимо. Картинки помогаютъ памяти. Наглядное изученіе крѣпче вкореняетъ въ ней приобретаемыя свѣдѣнія.

Авторъ Басень желалъ самъ сдѣлать подобное изданіе, принималъ и мѣры; но необъятность издержекъ* остановила его намѣреніе. Нынѣ осуществилась мысль автора трудами Г. Сапожникова.

Разсмотримъ произведеніе послѣдняго.

Искусство художественнаго сочиненія состоитъ въ точномъ выраженіи избраннаго предмета; но изобразить не болѣе того, что нужно, изобразить такъ, чтобы не было ни въ чемъ недостатка, — это задача, которой разрѣшеніе дается не многимъ. Художникъ долженъ быть богатъ воображеніемъ, чтобы не повторять собственныхъ своихъ, а тѣмъ болѣе чужихъ идей

* По малому у насъ числу хорошихъ гравировъ, почтенный Иванъ Андреевичъ хотѣлъ поручить выгравировать картинку на стали ко истинъ своимъ Баснямъ, въ Англіи, и напечатать тамъ и самый текстъ. Съ него списали милліонъ рублей!!!

и представлять предметы въ ихъ характеръ. Онъ долженъ знать условія Искусства, чтобъ умѣть составить картину, группу; долженъ твердо и свободно рисовать, чтобы рука повиновалась его фантазій; долженъ чувствовать за другихъ, и постигать, какъ обнаруживаются чувства въ лицахъ и движеніяхъ, чтобъ живописать страсти, безъ чего самыя важныя художественныя творенія бываютъ холодны и безжизненны. Въ картинкахъ Г. Сапожникова разнообразіе сочиненія чрезвычайно. Всякое изъ нихъ совершенно ново и оригинально; характеры лицъ, званій, половъ, дѣйствій схвачены вѣрно. Животныя имѣютъ свою, свойственную каждому характеристику. Все начертано, легко, свободно, кажется, безъ малѣйшаго труда; не исправностей въ рисунокъ нѣтъ, — или онѣ не замѣтны. Вездѣ видѣнъ разговоръ, страсти ясно выказаны, гравировка замѣчательна особенною непринужденностію руки опытнаго художника, управлявшаго иглою по мѣди, какъ карандашемъ, или перомъ по бумагѣ.

Вотъ содержаніе картинокъ:

Книга I; къ ней приложено ихъ двѣнадцать. *Василька*: здѣсь изображенъ самъ авторъ Басень, и похожъ. Онъ слушаетъ разговоръ Василька съ Жукомъ, сидя на камнѣ у подножія бюста августѣйшей Благодѣтельницы своей, того солнца, коего «небесный взоръ» нѣкогда живилъ его. Эта Басня, — памятникъ признательности автора. *Музыканты*: замѣтьте этихъ пѣвчихъ, — не правда ли, что они дерутъ? Гость отворачивается, затыкаетъ уши, а хозяинъ съ умиленіемъ говоритъ:

— Да! они немножечко дерутъ:

За то ужъ въ ротъ хмѣльнаго не берутъ.

Очень вѣрно! *Курица*: прекрасный группъ незваныхъ гостей, которымъ она въ супъ попалась. *Лягуш-*

ка и Волкъ; картинка Фламандской школы! Ларчикъ: какъ здѣсь трудится механики мудрецъ, и съ какииъ лукавыиъ вниманиѣмъ смотрять на него окружающіе:

А Ларчикъ просто отпирался!

Разборчивая Невѣста: Колѣка-женихъ является, она принимаетъ его съ радостію, и, не смотря на то, что обращена сіиною къ зрителямъ, вы видите пожилую, — очень пожилую дѣвицу, которая была некогда, быть-можетъ, прекрасною. *Волкъ и Ягненокъ*: взгляните только на нихъ, и вы скажете:

Не одобровать бѣдному ягненку!

Парнасъ: хозяинъ погналъ ослонъ съ Парнасса. Всѣ побѣжали, одинъ упорный еще лягаться вздумалъ: кнуть ему. II по дѣломъ! *Оракулъ, Лягушки просящія Царя, Старикъ и трое молодыхъ*: во всѣхъ трехъ картинкахъ смыслъ Басень выраженъ точно; въ *Муль и Дорожные*, превосходно.

Во II книгѣ двѣнадцать картинокъ. *Обезьяны*: онѣ запутываются въ сѣтяхъ, — а тамъ въ кустахъ поджидаютъ охотники: европеецъ и негръ; пальмы и кустарникъ, составляютъ околичность; дѣйствіе въ Африкѣ. *Пустынникъ и Медведь*: это одна изъ лучшихъ картинокъ по сочиненію. Пустынникъ спитъ покойно. Неотвязчивая муха озабочиваетъ Мишеньку и онъ, —

Не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгрѣбъ,
Присѣлъ на корточки, не переводить духу,
Самъ думаетъ молчи жъ, ужъ я тебя, воструху!

Смотря на картинку, ждешь, что вотъ, — вотъ онъ хватить друга. Фигура Пустынника прекрасна. *Квартетъ*: мило, невольно улыбнешься:

Стой братцы, стой: кричить Мартышка,
Погодите!

Художникъ расположилъ животныхъ музыкантовъ такъ, что инструменты у Козла и Осла видѣть отнюдь не странно: это услуга автору Басень. *Левъ на ловль*, *Синица*, *Червонецъ*, *Безбожники*, хороши всѣ, но мнѣ особенно нравится искусство, съ какимъ сочинена въ невыгодномъ для сюжета форматѣ многосложная сцена ожидающихъ увидѣть, какъ синица зажжетъ море, и мужикъ, который какъ жаръ червонецъ поставить хочетъ. Онъ точно въ томъ успѣетъ, и, судя по его усердію, скоро. Въ этой картинкѣ все хорошо, — и фигура мужика, и изба, и дѣти. Въ *Безбожникѣ* я пожелалъ бы однако видѣть главную фигуру въ другомъ положеніи. Она напоминаетъ академическія фигуры, и потому покойна и холодна, при всемъ выраженіи своемъ. *Мартышка и Очки*: естественно и смѣшно. *Троеженецъ*: выраженія много. Несчастный мужъ повѣсился: одна жена съ ужасомъ смотритъ на него; двѣ другія упрекаютъ одна другую. Во всемъ замѣчательна внимательность сочинителя картинки; въ костюмѣ соблюденъ порядокъ времени, и вы по немъ узнаете жену первую, вторую и третію. Признаюсь, впрочемъ, я бы не выбралъ этой Басни для картинки. *Раздѣлъ*, *Собачья дружба*, *Прохожіе и Собаки*: сочиненіе всѣхъ удачно. Въ Собачьей дружбѣ хороши собаки, а въ прохожихъ, — прохожіе говорятъ и сгруппированы счастливо.

Книга III, тоже двѣнадцать картинокъ. *Лжецъ*:

Чѣмъ на мостъ намъ итти, поищемъ лучше броду, говоритъ онъ: это предметъ картинки. Хитрая улыбка пріятеля показываетъ, что чудный мостъ его подбавлялъ на франта-разскащика. *Заяцъ на ловль*: онъ тянетъ за ушко медвѣдя; всѣмъ звѣрямъ это дико; по-

Т. III. — Отд. III.

13 1/2

ложеиіе и взгляды ихъ выражаютъ страсть, каждому приличную. *Котъ и Щука*: бѣдная, лежитъ съ отъдепнымъ хвостомъ едва жива, Васька смотритъ съ участіемъ; въ открытую дверь анбара видѣнъ прудъ. *Крестьянинъ и Работникъ*: крестьянинъ еще не освободилъ ногъ изъ подъ медвѣдя, —

И онъ же батрака ругаетъ!

А этотъ готовъ ужъ повиниться, что и вправду шкуру испортилъ. *Демьянова уха*: хозяева точно угощаютъ Фоку усердно; но ему не въ моготу; онъ всталъ и показываетъ, что ѣсть уже болѣе не можетъ. Я пожелалъ бы въ Фокѣ болѣе движенія. *Откупщикъ и Сапожникъ*: Прекрасно! Разговоръ ясенъ, и костюмъ послѣдняго — истинно костюмъ бѣдняка. — *Воронежъ, Крестьянинъ и Смерть, Подагра и Паукъ*, очень вѣрно сочинены, особенно двѣ послѣднія. Въ крестьянинѣ страхъ во всемъ; у подагрика докторъ щупаетъ пульсъ, и, какъ кажется, очень въ больномъ раздумьѣ, какъ пособить больному; жена ждетъ, что скажетъ онъ. *Оселе и Соловей*: ахъ какъ глупо слушаетъ оселе! Нельзя при этой картинкѣ не вспомнить и о сужденіи его и о нравоученіи Басни. *Крестьянинъ въ бѣдѣ*, картинка отлично составлена: всѣ толкуютъ, —

А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.

Слонъ и Моська: также по сочиненію принадлежитъ къ числу лучшихъ картинокъ. Догадка художника поставить на первомъ планѣ семейство хорошаго тона показываетъ, какъ тутъ явилась и моська и шапка.

Книга IV, двѣнадцать картинокъ. *Обезьяна, Совѣтъ Мышей, Мѣшокъ, Котъ и Поваръ, Огородникъ и Философъ, Гуси, Свинья, Лань и Дервишъ, Волкъ и Лисица* имѣютъ каждая свое достоинство: вездѣ дѣйствіе

разговоръ; но Совѣтъ мышей особенно забавенъ размѣщеніемъ членовъ совѣта; въ Гусяхъ, кстати видишь въ прохожемъ заслуженнаго солдата, который кровію и вѣрностію пріобрѣлъ свои отличія. Но особенно выразительны картинки: *Механикъ*, *Тришкинъ кафтанъ*, и *Крестьянинъ и Разбойникъ*. Положеніе механика, распорядившаго обѣдкою огромнаго полоза для перевозки своего дома, поворотъ его и мужика работника, постановка перваго, костюмъ, — все въ немъ превосходно. Даже домъ вдали разваливается прекрасно, естественно: его накренило вдругъ, и вотъ онъ рухнулъ, всѣ кинулись въ сторону. Механикъ вытаращилъ глаза, разинулъ ротъ, сжалъ кулакъ, трубка готова выпасть изъ другой руки; словомъ, нельзя лучше уловить занимательнѣйшую минуту дѣйствія. Но вотъ Тришка.

О, Тришка малой не простой!

— Обрѣзалъ фалды онъ и полы,

Наставилъ рукава, и веселъ Тришка мой!

Ну какъ бы изобразить радость Тришки? Онъ мететъ комнату, и видитъ трюмо, — тутъ ужъ не до щетки. Онъ на чудо уладилъ свой кафтанъ: нельзя не посмотрѣться въ зеркало, — и какъ онъ поворачивается передъ нимъ, любитъ собою и своимъ кафтаномъ! Прелесть! Разбойникъ поставленъ и костюмированъ такъ, что тотчасъ узнаешь, кто онъ. На крестьянина взглянуть жалко. Онъ почесываетъ голову и самъ не знаетъ, — взять ли ему подойникъ, или нѣтъ. Басня совершенно выполнена: нѣчего ни убавить, ни прибавить.

Три слѣдующія книги тоже заключаютъ по двѣнадцати картинокъ. Всѣ стоятъ того, чтобы болѣе или менѣе поговорить о каждой; но я боюсь утомить читателей, и упомяну только о замѣчательнѣйшихъ.

Дѣлать выборъ изъ хорошаго всегда трудно. Но я взялся сдѣлать его, и, слѣдуя внутреннему чувству, останавливающему насъ на томъ, что истинно прекрасно, скажу что въ *У книгъ* болѣе прочихъ привлекли мое вниманіе слѣдующія картинки: *Любопытный*: кто читалъ эту Басню, — а кто не читалъ ея! — тотъ согласится со мною, что върнѣе и лучше выразить ее нельзя. Сцена пріятелей на спускѣ набережной у кунсткамеры: перевозчикъ съ яликомъ ждетъ, чтобъ перевезти ихъ на другую сторону, но имъ совсѣмъ не до того; они заговорились. И вотъ одинъ кажется лишь оканчиваетъ исчислять

Бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки, —

Какъ другой съ нетерпѣніемъ прерываетъ его:

А видѣлъ ли слона? я чай,
Подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?

И въ самомъ дѣлѣ, въ кунсткамерѣ видна въ окошко голова слона. Повторяю, что нельзя яснѣе выполнить эту Басню, весьма трудную для того, чтобъ пересказать ее чертами. Въ *Водолазахъ* фигуры размышляющаго царя и пустыинника сочинены въ ихъ характеръ. Въ *Зеркаль и Обезьянъ* превосходно придумано соединеніе зеркала и обезьяны, разговаривающей съ медвѣдемъ: жилецъ выносятся изъ квартиры, вещи разставлены у дому, не вдалекѣ сидитъ привязанный на цѣпи медвѣдь, обезьяна увидѣла себя въ зеркаль и

Тихохонько медвѣдя толкъ ногой:
Смотри-ка говорить, кумъ милый мой,
Что это тамъ за рожа?

Талантъ видѣтъ иногда въ бездѣлицахъ. И я ска-

жу, что картинка, мною описываемая, есть такая бездѣлица, которая выказываетъ необыкновенную способность и воображеніе мастера. Въ *Рыцарь* минута та, что

Лошадь молодца, прамехонько примчала въ стойло.

Ворота въ конюшню случились не заперты, лошадь летить туда и рыцарь при всемъ усилии своемъ не можетъ удержать ее. Она почти въ конюшнѣ. *Волкъ и Пастухи*. Здѣсь волкъ разсматриваетъ пастуховъ, будучи самъ совершенно внѣ опасности. Расположеніе картинки очень удачно. *Фортуна и Нищій*, картинка, прекрасно сочиненная въ изданіи Гг. Слѣниныхъ! Г. Сапожниковъ сочинилъ ее иначе, и такъ же хорошо: фигура нищаго у него даже гораздо лучше, но я не скажу того о Фортунѣ: она тяжеловата. Въ картинкѣ *Скупой и Курица* выраженіе скупяго въ его положеніи и въ его лицѣ достойно Гогарта, который былъ великій мастеръ подмѣчать и изображать осужденія достойныя стороны въ челоѣкѣ.

Въ VI книгѣ, на меня сдѣлали особенное впечатлѣніе *Напраслина*, и *Осель и Мужикъ*. Эти Басни также представлены въ картинкахъ въ изданіи Слѣниныхъ; но картинки Г. Сапожникова не менѣе того новы и оригинальны. Въ *Напраслинѣ* онъ изобразилъ послѣдствіе согрѣшенія брамина. Надзиратель грозно требуетъ отвѣта, а пойманный на дѣлѣ, упитанный грѣшникъ, павъ на колѣни, умоляетъ простить его. *Осель и Мужикъ* сочинены хорошо: мужикъ побѣждалъ за словъ съ дубиною въ одну сторону; а осель пустился въ другую. *Похороны*: дѣйствіе въ Египтѣ. Картинка сочинена, и въ отношеніи къ дѣйствию, и въ отношеніи къ костюму и околнчностямъ вѣрно, — и эѣ не удивительно: художникъ-любитель, челоѣкъ образованный, знакомъ съ Искусствомъ и съ

условіями его, и умѣть высказывать это въ своихъ произведеніяхъ. Ему за то и честь! Въ *Трудолюбивомъ медвѣдѣ* очень хорошо изображенъ медвѣдь, который мастеръ лишь ломать, а не гнуть деревья; но, для лучшаго разговора съ крестьянникомъ, мнѣ кажется, было бы нужно поворотить нѣсколько его голову къ крестьянину.

Въ VII книгѣ, въ *Сочинитель и Разбойникъ*, удачно сочинена фигура Фурія, закрывающей крышку въ котлѣ съ писателемъ. Мнѣ весьма нравятся здѣсь же картинки *Воякъ на псарнѣ*, *Голикъ*, и *Филикъ и Осель*. Но особенно примѣчательнъ *Скупой, умершій на сидуцкѣ*: фигура прекрасная; домовый весь одрапированъ, и только лишь влетаетъ въ комнату. *Прихожанинъ*: народъ выходитъ изъ церкви, и одинъ изъ слушателей проповѣди заводитъ рѣчь съ другимъ объ увлекательномъ краснорѣчій проповѣдника. Одинъ говорить:

Какъ сильно онъ влечетъ къ добру сердца народ!

Другой отвѣчаетъ:

А у тебя, сосѣдъ, знать черствая природа,
 Что на тебѣ слезинки не видать;
 Иль ты не понимаешь? — Ну какъ не понимать
 Да плакать мнѣ какая стать:
 Вѣдь я не этого прихода —

отвѣчаетъ другой. Басня совершенно передана художествомъ; сочиненіе полно, выразительно и живописно. Одно только замѣчу: движеніе упрекающаго мнѣ показалось нѣсколько усиленнымъ назадъ, и тотъ онъ, какъ говорится у художниковъ, не совершенно твердо стоитъ.

Въ VIII и послѣдней книгѣ восемь картинокъ: онѣ взяты изъ Басень: *Щука*, *Бѣлка*, *Бритвы*, *Бѣдный богачъ*, *Курица*, *Миронъ*, *Осель*, *Леици*, и три *Мужика*. Я не могу не сказать нѣсколько словъ о слѣдующихъ. въ *Щукѣ* Г. Сапожниковъ также показалъ способность свою, уметь найтись при всякомъ затруднительномъ случаѣ. Исполнителемъ приговора онъ сдѣлалъ козла, который лаханъ со щукою сбрасываетъ съ берега въ воду. Судьи-животные необыкновенно глупы: это видно изъ ихъ фizioномій. Посмотрите, въ картинкѣ *Бритвы*, на брѣющагося: невозможно не разсмѣяться, какую рожу онъ корчитъ, и какъ онъ мучится изъ осторожности или трусости обрѣзаться острыми бритвами. Въ картинѣ *Леици* отлично выражень разговоръ; въ *Миронѣ* очень ясно, что попасть къ нему никакъ нельзя. Собаки отгоняютъ отъ дому его всякаго, и бѣдные по-неволѣ, не смѣя войти на дворъ, уходятъ.

Этимъ оканчиваю художественную критику Басень, переданныхъ Г. Сапожниковымъ съ такимъ умѣньемъ, съ такою оригинальностію и въ томъ духѣ сочиненія, который непременно долженъ быть сохраненъ въ произведеніяхъ подобнаго рода. Мнѣ пришло на мысль богатое, по гравировкѣ и величинѣ, Парижское изданіе Басень Лафонтена, вышедшее въ 1755 году въ листъ съ 245 картинками. Монтеноль не пощадилъ издержекъ; лучшіе художники были заняты ихъ сочиненіемъ и гравированіемъ; словомъ, предпріятіе было не обыкновенное и было выполнено со всею роскошью, со всевозможнымъ искусствомъ; но, признаюсь, оно менѣе удовлетворительно, — по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ кажется. И этому причиною разница въ сочиненіи картинокъ Г. Сапожникова, и картинокъ Монтенолева изданія. Тутъ все дышитъ, все говоритъ, вездѣ истина, а тамъ вѣкъ жеманства, вѣкъ вычурнаго и приторно-граціознаго вкуса отражается въ

прекрасныхъ впрочемъ гравюрахъ, заставляя жалѣть и о трудахъ, и объ издержкахъ. Рѣшась написать эту статью, я хотѣлъ быть сжатымъ; но достоинство произведеній почтеннаго любителя-художника распространило ее. Въ девяносто трехъ картинкахъ, однимъ имъ сочиненныхъ, однимъ имъ выполненныхъ, столько разнообразія, столько души и чувства, столько игры и замысловатости, и нѣкоторыя фигуры такъ оригинальны, такъ выразительны, что немногіе, весьма немногіе недостатки, — если они есть — исчезаютъ сами собою, и всякой читатель, всякой просвѣщенный человѣкъ приметъ безъ-сомнѣнія это новое издание Басень съ удовольствіемъ, какъ Русской, и съ благодарностію, какъ любитель Изящнаго.

Пожелаемъ, чтобы и это новое дѣло похвальной предприимчивости было оцѣнено по-справедливости, и чтобы прекрасныя сочиненія Г. Сапожникова, еще болѣе обработанныя, болѣе оконченныя, явились нѣкогда у насъ награвированныя съ тѣнями, отличными Русскими Художниками, въ которыхъ, какъ надѣяться можно, мы скоро недостатка имѣть не будемъ. Въ этомъ ручается намъ щедрое и просвѣщенное ободреніе, которымъ Правительство удостоиваетъ у насъ всю отрасль Художествъ.

В. ГРИГОРОВИЧЪ.

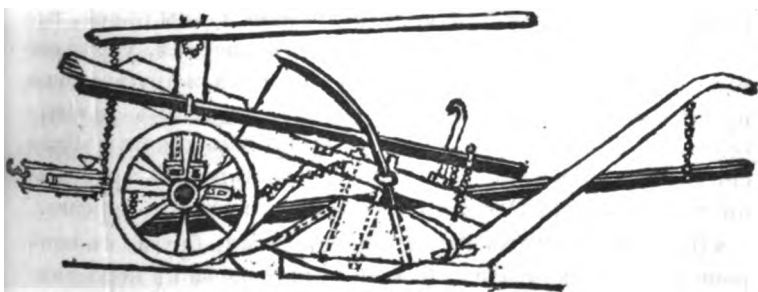
IV. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

НОВЫЙ ПЛУГЪ.

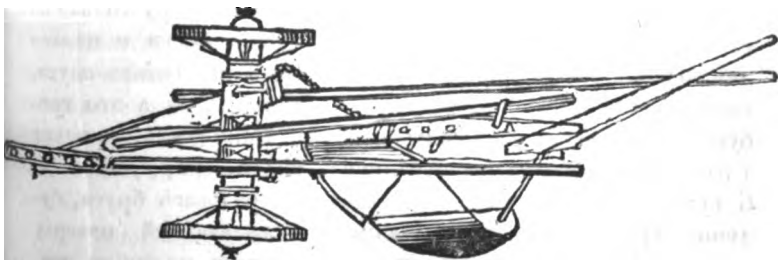
Съ нѣкотораго времени, вниманіе земледѣльцевъ во Франціи особенно обращено на изобрѣтеніе, которое составитъ эпоху въ исторіи устройства землепашныхъ орудій.

ПЛУГЪ ИЗОБРЕТЕНІЯ ГРАНЖЕ.

Видъ съ боку.

Видъ съ верху въ низъ.

Изобрѣтеніе сіе, говорить извѣстный Домбаль, сдѣлано простымъ сельскимъ работникомъ, уроженцемъ Вожскаго департамента, по прозванію Гранже, въ которомъ невозможно не признать генія, отлично проницательнаго и основательнаго. То, что наиболѣе поражаетъ въ семъ изобрѣтеніи, состоитъ въ присвоеніи плугу такой неизмѣняемости въ ходѣ, что онъ можетъ дѣйствовать съ отличною правильностію, или одинаковостію, даже на землѣ, самой неровной, не имѣя надобности управляться рукою человека. Это замѣчается при первомъ взглядѣ на сей плугъ, когда онъ въ дѣйствіи: посему дано ему названіе плуга *самопашнаго*.

Описаніе механизма, посредствомъ котораго совершается дѣйствіе сего плуга, помѣщенное въ Журналъ L'Agroпote, взято изъ донесенія объ немъ Г-на Манжена Нансійскому Обществу Земледѣлія. Вотъ оно:

«Правильное дѣйствіе обыкновеннаго плуга безъ колесъ, то есть, нашей сохи, не иначе происходитъ, какъ помощію и съ большимъ или меньшимъ усиліемъ пахаря. Но плугъ изобрѣтенія Гранже, получивъ направленіе при началѣ дѣйствія, сохраняетъ его посредствомъ двухъ равной длины цѣпей, или тяжей, изъ коихъ одна видна въ нижнемъ рисункѣ, укрѣпленныхъ съ одного конца на оси близъ колесъ, а съ другаго конца прицѣпленныхъ крючьями къ обѣимъ сторонамъ раловаго бруса, то есть, того, къ которому придыланъ лемешъ. Цѣпи сія составляютъ такимъ образомъ равносторонній треугольникъ, которому основаніемъ служитъ ось плуговаго передка.

«Въ обыкновенномъ плугѣ передняя часть бруса, къ которому придыланъ лемешъ, будучи прикрѣплена къ неподвижной подушкѣ колесовой оси, производитъ то, что какое бы человекъ ни дѣлалъ движеніе плугомъ, управляя правилами или чепыгами, онъ находитъ единственную опору только на самой оси, такъ, что, для высвобожденія части и цѣлага лемеша изъ земли, должно приподнять весь составъ плуга, весьма часто съ полосой земли на лемешѣ, — а это требуетъ напряженія всей силы человека. Напротивъ, въ плугѣ Гранже неудобство сіе отклонено, ибо шесть, отъ 5 до 6 футовъ длиною, находящійся сверху раловаго бруса, будучи укрѣпленъ на перекладины, связывающей поверху два столбца, стояща вдыманные по концамъ подушки оси,

и посредствомъ цѣпи будучи съ одного конца своего то-же прикрѣпленъ къ выходящей за ось передней части раловаго бруса, доставляетъ нахарю легкое и сильное средство къ освобожденію изъ земля лемеша при окончаніи борозды. Сей шестъ замѣняетъ рычагъ, и мы назовемъ его *верхнимъ рычагомъ*.

«При паханіи обыкновеннымъ плугомъ, когда случается значительное возвышеніе земля, или бугоръ, плугъ обыкновенно сваливаютъ на бокъ, и потомъ не иначе снова начинаютъ вести прежнюю борозду, какъ послѣ затруднительнаго установленія плуга надлежащимъ образомъ.

«Въ плугъ Гранже достаточно въ такомъ случаѣ понизить коромысло верхняго рычага, чтобы приподнять лемешъ, сколько того требуетъ неровность земли, не измѣняя направленія плуга, и онъ начинаетъ дѣйствовать по прежнему тотчасъ, какъ дѣйствіе рычага прекратится.

«Обыкновенный плугъ, въ которомъ раловый брусъ укрѣпленъ чересломъ, на подвижномъ плуговомъ передкѣ, служащемъ ему единственною опорою, представляетъ большія затрудненія при ораніи глубокомъ и широкими пластами, требуя непрерывнаго напряженія отъ управляющаго имъ человека.

«Въ плугъ, изобрѣтенномъ Гранже, напротивъ, для отклоненія сего неудобства, находится второй рычагъ, слѣва проходящій подъ осью передка, служащею ему опорою. Передній конецъ сего коромысла, предъ осью, укрѣпляется или цѣпью или гайкою, надѣвасемою на дышловыя снѣцы, а задній конецъ также сцѣпляется посредствомъ крючка съ рукоятію плуга, или правиломъ (чепыгою) одною цѣпью, которую прибавляютъ или убавляютъ, по волѣ. Когда плугъ тянется лошадьми, то снѣцы поднимаются, такъ же какъ и передній конецъ втораго рычага, который, дѣйствуя подобно пружинѣ, приподнимаетъ въ то же время лемешъ отъ земли на столько, сколько нужно для равномерной глубины паханья, безъ помощи руки человѣческой. Сей второй рычагъ назовемъ *рычагомъ давленія*.

«Въ обыкновенномъ плугѣ сила животныхъ служить не только къ влеченію плуга, но сверхъ того, причиняя дав-

леніе на передокъ онаго и производа чрезъ то треніе колесъ, затрудняющее тѣмъ ходъ всего плуга, должна еще преодолевать сіе затрудненіе. Въ плугъ Гранже, рычагъ давленія, проходящій подъ осью и дѣйствующій то вверхъ, то внизъ, значительно уменьшаетъ сіе препятствіе, ибо придаетъ передку плуга, при его возвышеніи, часть силы, теряемой при тянутіи орудія.

«Обыкновеннымъ плугомъ крутыя отлогости, не иначе можно вспахивать поперегъ, какъ съ большимъ напряженіемъ пахаря при управленіи рукоятками, или чепыгами плуга. Напряженіе сіе бываетъ тѣмъ большее, чѣмъ значительнѣе протяженіе крутизны.

«Въ плугъ Гранже подушка, находящаяся на оси, поднимается слѣва на право, посредствомъ шарніера, укрѣпленнаго на правой ея сторонѣ; а на противоположномъ боку оси, устроенъ уравнитель (регуляторъ), проходящій между столбцами, укрѣпленными на сей же подушкѣ, которая посему можетъ быть поднимается и устанавливается желѣзными винтами, или колками, въ положеніи, сообразномъ поперечной покатости паваемой земли. Отъ сего столбцы, укрѣпленные на сей подушкѣ и между которыми находится передняя часть раловаго бруса, имѣющая форму прямоугольника, принимаютъ также наклоненіе подушки, а это даетъ всему плугу соответственное положеніе и возможность пахать на откосахъ такъ же легко, какъ на равнинѣ.

«Въ обыкновенномъ плугъ, сила влеченія необходимо должна уменьшаться тѣмъ разстояніемъ, которое принуждены бываютъ оставлять между лемешомъ и передкомъ плуга, чтобы не затруднять управленія всѣмъ орудіемъ, между-тѣмъ какъ отъ сего разстоянія увеличивается потеря силъ. Легкость хода въ плугъ Гранже не зависитъ отъ длины раловаго бруса, который, будучи установленъ на передкѣ оси, такъ, что движеніе его почти никогда не измѣняется, даетъ возможность приблизить лемешъ къ оси и, такимъ образомъ, увеличить отверзтіе угла, по которому происходитъ дѣленіе силъ — и потому въ семъ случаѣ требуется ихъ гораздо менѣе, нежели въ первомъ.

«Другія части, коими отличается плугъ Гранже отъ обыкновеннаго,

новеннаго, суть придаточныя и не составляютъ сущности устройства.

«Рычагъ, опирающійся на скобъ, прибитой къ одному изъ столбцовъ, укрѣпленныхъ на подушкѣ оси, предназначенъ къ поддержанію дышловыхъ сницъ при поворотѣ лошадей, и помогаетъ въ такомъ случаѣ, заимствуемою противуположною тяжестью, сохраненію ихъ въ горизонтальномъ положеніи. Дуга, которая, отъ скрѣпленій лемеша, гдѣ она вдѣлана, возвышается въ нагнутомъ къ переди плуга положеніи и проходитъ сквозь кольцо, придѣланное на правой сторонѣ раловаго бруса, служитъ къ означенію того, когда плугъ начинаетъ выходить изъ борозды: для отклоненія этого, достаточно потянуть болѣе или менѣе веревку, или шнуръ, которая отъ конца рычага привязана къ оси.»

«Весь этотъ механизмъ, говоритъ Домбаль, дѣйствуетъ безъ затрудненія и правитъ ходомъ плуга самымъ замѣчательнымъ образомъ. Обративъ нѣкоторое вниманіе, мы видимъ, что онъ представляетъ совершенно новое соединеніе рычаговъ въ приноровленіи передка къ плугамъ всякаго рода, и что послѣдствіемъ сего соединенія есть сосредоточеніе на самомъ плугѣ большей части давленія, которое въ плугахъ, понынѣ употребляемыхъ, происходитъ и на передокъ, такъ, что плугъ устроенный симъ образомъ, относительно силы влеченія, почти подобенъ плугамъ безъ передка, т. е., сохамъ, чуждымъ всякаго давленія на ту часть, гдѣ укрѣпленъ сошникъ. И опытъ на самомъ дѣлѣ показываетъ, что приноровленіе сего механизма уменьшаетъ сопротивленіе, ощутительное въ плугахъ съ обыкновенными передками.»

Плуги, устроенные по сей новой методѣ, были въ теченіе извѣстнаго времени подвергнуты многимъ опытамъ, какъ въ Ровиллѣ, гдѣ ими постоянно пахутъ, такъ и во многихъ мѣстахъ департаментовъ Мозельскаго, Вожскаго и Мѣзскаго. Общества Земледѣлія Эпинальское, Люневильское, Нансійское и Коммерсійское также многократно дѣлали имъ испытанія подѣ управленіемъ опытныхъ пахарей, и повсюду, даже на самой неровной и упорной землѣ, изобрѣтеніе Гранже восторжествовало.

Наблюдая ходъ его плуга, невозможно не убѣдиться, что

въ немъ заключаются такія измѣненія, которыя въ будущемъ времени займутъ важное мѣсто въ искусствѣ построенія сего рода орудій.

Но какъ должно во всякомъ случаѣ избѣгать чрезмѣрныхъ похвалъ какому бы то ни было новому изобрѣтенію, то Домбаль, изложивъ свое мнѣніе о достоинствѣ сего открытія въ настоящемъ состояніи искусства, говорить, что на всѣхъ удобовоздѣлываемыхъ почвахъ, равно какъ и тамъ, гдѣ плугъ безъ передка, т. е. соха, требуетъ только двухъ лошадей, польза плуга Гранже ограничивается надобностью меньшаго наблюденія и меньшей опытности со стороны пахаря, ибо одинъ человѣкъ можетъ управлять двумя такими плугами. Но за то одинъ опытный пахарь съ обыкновеннымъ плугомъ, въ состояніи съ выгодною противоборствовать плугу Гранже. Притомъ, какъ плуги Гранже гораздо многосложнѣе и дороже обыкновенныхъ, то, безъ-сомнѣнія, перевѣсъ и въ семъ отношеніи будетъ склоняться на сторону обыкновеннаго плуга. Но выгода останется за плугомъ Гранже тамъ, гдѣ глинистая почва требуетъ четырехъ или и болѣе лошадей для одного лемеша, ибо тогда достаточно одного человѣка, какъ для управленія лошадьми, такъ и для необходимаго вниманія плугу и установленія его по окончаніи борозды. Вообще въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ привычка къ управленію плугомъ съ передкомъ препятствовала введенію обыкновенной сохи, тамъ механизмъ Гранже произведетъ совершенный переворотъ въ обработкѣ земли: земледѣлы, не оставляя прежнихъ своихъ навыковъ, найдутъ въ немъ средство къ избѣжанію тѣхъ тяжкихъ трудовъ, которыхъ требуетъ управленіе плугомъ съ передкомъ при паханіи почвы глинистой и вязкой, потому, что механизмъ новаго плуга, чрезъ уменьшеніе сопротивленія, имѣетъ всѣ выгоды сохи, или плуга безъ передка.

Во всѣхъ такихъ мѣстахъ плугъ Гранже можетъ возымѣть скорый успѣхъ, а изобрѣтатель его долженъ быть помѣщенъ въ числѣ тѣхъ остроумныхъ природныхъ механиковъ, которые, безъ образованія, умѣли наблюденіемъ и прилежными изысканіями, возвыситься до открытій, постоянно уклонявшихся даже отъ проницательности Ученаго, такъ, что его выдумка заслуживаетъ названіе одного изъ самыхъ важ-

ныхъ усовершенствованій, какія только съ давняго времени были сдѣланы въ устройствѣ земледѣльных орудій.

Въ то время, какъ плугъ сей испытывали, одинъ изъ зрителей, по ремеслу колесникъ, снималъ чертежъ съ него, въ намѣреніи сдѣлать такой же. Когда о томъ сказали изобрѣтателю, онъ отвѣчалъ: «Пусть его снимаетъ чертежъ съ моего плуга, для подражанія и усовершенствованія. Я трудился для моихъ собратьевъ, земледѣльцевъ, желая облегчить труды, какіе самъ я переносилъ, и съ удовольствіемъ увижу, когда кто сдѣлаетъ лучше моего.» И такъ, въ этомъ человѣкѣ равно надобно удивляться и его остроумію, и благородству его характера, — источнику безкорыстія, столь рѣдкаго въ наше время! Въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что это послѣднее качество доставитъ ему выгодныя слѣдствія. Уже Нансійское Общество Земледѣлія наградило его золотою медалью, цѣною въ двѣсти франковъ, и открыло въ его пользу подписку, приглашая къ участию всѣ прочія Общества Земледѣлія во Франціи. Въ то же время оно приглашаетъ желающихъ выписать для себя плуги Гранже, дѣлаемые въ Нанси подъ надзоромъ самого изобрѣтателя, отнестись по почтѣ, не платя въсовыхъ, къ Секретарю Общества, Г. Соје-Виллеману (Soyer-Villemont), и обязать доставлять ихъ по назначенію. Цѣна каждому плугу 125 франковъ.

Неизлишнимъ считаемъ присовокупить къ сему, что Г. Министръ Финансовъ, Графъ Е. Ф. Канкринъ, по заботливости своей о всѣхъ полезныхъ для промышленности и сельскаго хозяйства предметахъ, уже приказалъ выписать одинъ плугъ Гранже; и когда польза его будетъ усмотрѣна на самомъ дѣлѣ, С. Петербургскій Практическій Технологическій Институтъ будетъ, по востребованію желающихъ, дѣлать, по образцу его, подобные плуги, чтобъ споспѣшествовать введенію ихъ у насъ, и тѣмъ облегчить труды нашихъ земледѣльцовъ: извѣстно, что для одного плуга нужны теперь у насъ три пары воловъ, одинъ оратай и два погонщика.

А. КОРОСТОВЦОВЪ.

О КОЖЕВЕННОМЪ ДѢЛѢ ВЪ РОССІИ.

=

Одна изъ самыхъ главныхъ фабрикацій нашего отечества есть, безъ-сомнѣнія, кожевенное дѣло.

Обширность скотоводства, превосходныя породы рогатого скота во многихъ нашихъ областяхъ, изобиліе потребныхъ для выдѣлки кожъ матеріаловъ, изъ коихъ нѣкоторые однимъ только сѣвернымъ климатамъ свойственны; вѣковѣчное водвореніе въ Россіи, сей фабрикаціи которая, по всему вѣроятію, имѣла здѣсь свою колыбель, и наконецъ многочисленная потребность въ мѣхахъ и кожахъ для народовъ, въ суровыхъ климатахъ обитающихъ: всѣ сіи причины совокупно дѣлають эту отрасль мануфактурной промышленности самую важнѣйшею, истинно національною для Россіи.

Судя по этому, надобно было бы ожидать, что у насъ кожевенное дѣло, съ незапамятныхъ временъ водворенное, и Правительствомъ всемѣрно поощряемое, находится на высшей степени совершенства.

Къ стыду нашему, мы должны однако жъ сознаться, что какъ во всѣхъ другихъ, истинно національныхъ отрасляхъ промышленности — сукнодѣліи, выдѣлкѣ полотень, желѣзодѣланіи, выдѣлкѣ желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій — такъ и въ кожевенномъ дѣлѣ, мы допустили другихъ опередить себя, и далеко отъ нихъ отстали. Покорясь прихотямъ моды, мы стараемся преимущественно усовершенствовать выдѣлку роскошныхъ товаровъ, шелковыхъ и бумажныхъ изъ чужеземныхъ матеріаловъ, а о томъ, что свое, что наиболее нужно для всѣхъ состояній народа, въ чемъ мы должны бы предъ всѣми превосходствовать, — нерадимъ.

Кожевенное дѣло осталось у насъ почти въ томъ же состояніи, какъ оно было за сто лѣтъ назадъ. Попеченія Петра Великаго улучшить сію важную фабрикацію въ Россіи, не принесли желаемого плода. Отеческое его намѣреніе было научить свой народъ лучшимъ способамъ выдѣлки кожъ на манеръ иностранныхъ. На сей конецъ онъ учредилъ въ Москвѣ образцовый кожевенный заводъ, и повелѣлъ изъ всѣхъ губерній присылать туда людей для обученія кожевному дѣлу. Въ послѣдствіи устроилъ таковой же заводъ въ Петербургѣ для выдѣлки кожъ на манеръ Англіійскій, для чего

и были выписаны изъ Англіи искусные мастера. Сверхъ того обнародованы разныя наставленія для повсемѣстнаго улучшенія кожевеннаго дѣла.

Сія принудительныя средства дѣйствовали только временно: весьма немногіе заводчики соотвѣствовали благимъ намѣреніямъ Монарха, и улучшили производство по сей части; всѣ прочіе обратились опять къ стариннымъ пріемамъ, столь покойнымъ для безопасности, нетерпящей ни какого труда въ изысканіи и усовершенствованіи. Сравните нашъ кожевенный товаръ съ выдѣлываемымъ въ Англіи, Франціи, Нидермандахъ, Германіи и даже Италіи: найдете разность величайшую къ невыгодѣ нашей. Между-тѣмъ, какъ мы остановились только на выдѣлкѣ юфти, которою издревле славилась Россія, иностранцы, принявъ науку въ руководство практики, изобрѣли улучшенные способы выдѣлки всякаго рода кожъ, дешевѣйшіе матеріалы, скорѣйшее производство и проч. И сіе тѣмъ-прискорбнѣе, что иностранцы, выдѣлываютъ свой товаръ изъ нашихъ же сырыхъ кожъ. За то они снабжаютъ весь свѣтъ своими превосходнѣйшей выдѣлки кожами, а мы посылаемъ къ нимъ, кромѣ малаго количества юфти, почти только одинъ сырой товаръ, да и тотъ часто съ большими пороками, отъ нерадѣнія снимать кожи со скота.

Бывшій здѣсь въ прошломъ году Консулъ нашъ въ Бразиліи, Г. Кильхенъ, привезъ сюда, между прочими образцами товаровъ, отправляемыхъ въ ту страну изъ Англіи, Франціи и Германіи, нѣсколько кожъ Англійской выдѣлки, которые продаются тамъ съ большою выгодною. Образцы сихъ кожъ были превосходной доброты, какихъ у насъ не дѣлаютъ, и потому сей обширнѣйшій рынокъ для нашихъ кожевенныхъ фабрикантовъ неприступенъ.

Да и чему дивиться, когда у насъ кожевнымъ дѣломъ занимаются, — кромѣ весьма немногихъ довольно образованныхъ, и то наиболѣе иностранцевъ, — люди безъ всякаго образованія, едва умѣющіе подписать свое имя, а по большей части и того несмыслящіе.

Всякое мануфактурное дѣло имѣетъ свои тонкости, основанныя на правилахъ Механики и Химіи. Безъ знанія сихъ Наукъ ни какихъ усовершенствованій ни въ какой отрасли мануфактуръ ожидать неможно. Кожевенное искусство есть

совершенно химическое; въ немъ всѣ операціи, отъ первой до послѣдней, отъ очищенія шерсти до окончательной выдѣлки товара, суть химическія: слѣдовательно для хорошаго приготовленія кожъ познаніе Химіи столь же необходимо, какъ и практическая опытность. Но Наука сія нашимъ кожевеннымъ заводчикамъ, — мы говоримъ здѣсь вообще, — и по имени неизвѣстна. Простой навыкъ, отъ отца дѣтямъ передаваемый, — вотъ все ихъ знаніе!

Мало этого: они даже пренебрегаютъ Науку, по словамъ Стародумова: «въ невѣжествѣ своемъ, почитая все то за вздоръ, чего сами не понимаютъ.» Имъ удалось перенять нѣкоторые дѣдовскіе приемы своего дѣла, и они держатъ ихъ за величайшій секретъ, полагая въ нихъ верхъ искусства.

Мнѣ случалось разсуждать со многими изъ богатѣйшихъ нашихъ кожевенныхъ заводчиковъ; они не хотятъ вѣрить, чтобъ было чему научиться отъ иностранцевъ по ихъ ремеслу; не хотятъ слышать о Наукѣ, думая упорно, что одна практика дѣлаетъ мастера. Ослѣпленіе ихъ такъ велико, что они общее мнѣніе ни во что ставятъ. Въ послѣднюю выставку отечественныхъ произведеній промышленности, бывшую въ С.-Петербургѣ въ минувшемъ году, кожевенные заводчики Гинтеръ въ С. Петербургѣ и Кларксонъ въ Москвѣ, представили превосходные образцы своихъ издѣлій разнаго рода: кожи подошвенныя, непромокающія, глянце-выя, опойковыя черныя и бѣлыя на манеръ Англійскихъ, пумповыя, каретныя, для книжныхъ переплетовъ и проч. Издѣлія сіи уважены были знатоками и всею публикою, какъ отличнѣйшія, близкія къ лучшимъ иностраннымъ. Но и тутъ голосъ зависти или невѣжества покушался отнять у нихъ сію честь.

Можно было бы подумать, что наши кожевенные заводчики парочно дѣлаютъ худой товаръ, чтобъ скорѣе носился. Однако я увѣренъ, что они худо разсчитываютъ. Доброта товара не только не мѣшаетъ сбыту его, но еще поддерживаетъ и распространяетъ оный, а особливо когда и дешевизна дѣлаетъ его доступнымъ наибольшему числу потребителей. Это доказывается опытомъ всѣхъ мануфактуръ: сбытъ шелковыхъ и бумажныхъ матеріи несравненно увеличился съ

того времени, какъ оныя стали выдѣлываться у насъ лучшей доброты, въ изящнѣйшемъ вкусѣ. Я не сомнѣваюсь также, что и кожевенный товаръ всякаго рода расходился бы въ большемъ количествѣ, если бы онъ выдѣлывался лучшаго качества, безъ непомѣрнаго однако же возвышенія цѣны. Во всякомъ мануфактурномъ дѣлѣ усовершенствованіе въ томъ именно и состоитъ, чтобъ производить товаръ и лучшей доброты и дешевѣйшей цѣны.

Притязанія нашихъ кожевенныхъ заводчиковъ соразмѣрны ихъ понятію. Они сѣтуютъ, зачѣмъ дозволенъ выпускъ сырыхъ кожъ за границу; имъ бы хотѣлось, чтобъ всѣ иностранныя государства покупали у нихъ дурной товаръ выдѣланный. Они вообразили себѣ, что въ другихъ странахъ тогда только размножились кожевенные заводы, когда отъ насъ стали вывозить сырыя кожи. Этому обстоятельству приписываютъ упадокъ и закрытіе многихъ кожевенныхъ заводовъ въ Россіи.

Сіи жалобы на дозволенный выпускъ сырыхъ кожъ, къ удивленію, раздѣляютъ и многіе изъ болѣе образованныхъ нашихъ кожевенныхъ заводчиковъ. Но они не размыслили, что по тѣмъ же самымъ причинамъ и суконные наши фабриканты могли бы жаловаться на выпускъ шерсти, полотняные на выпускъ льна, канатные на выпускъ пеньки, свѣчные на выпускъ сала и воску, и прочая.

Упадка нѣкоторыхъ нашихъ кожевенныхъ заводовъ, никакъ неможно приписывать свободному вывозу сырыхъ кожъ за границу, а единственно тому, что отъ насъ, кромѣ юфти, ни какого другаго выдѣланнаго товара не отпускалось. Вывозъ юфти былъ значителенъ по военнымъ обстоятельствамъ, когда она употреблялась на обувь армій. Война истребляетъ большіе запасы сего товара, почему и требованія на оный были велики. Съ возстановленіемъ мира потребность уменьшилась. Къ тому же юфть употреблялась прежде, кромѣ обуви, на убранство домовъ, на обивку мебели, на переплетъ книгъ и проч. Въ бытность мою въ Италію, въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія, я замѣтилъ во многихъ старинныхъ богатѣйшихъ домахъ не только мебель, но даже стѣны, обитыя юфтяными кожами, прекрасно тисненными и съ позолотою. Это не была прихоть моды, а потребность жаркаго

климата. Сильный запахъ юфти отгоняетъ моль и другихъ наѣвкомыхъ, коихъ тамъ величайшее множество, и которыхъ испортили бы всякую другую матерію; а жители такъ привыкли къ запаху юфти, что не находили его противнымъ, но еще пріятнымъ. Но все перемѣняется съ модою. Владычество Французовъ въ Италіи преобразовало старинные обычаи, и нынѣ перестали уже употреблять юфть въ лучшихъ домахъ. Равнымъ образомъ во многихъ старинныхъ библіотекахъ, въ Италіи и Англіи, находилъ я книги большею частію въ юфтяныхъ переплетахъ, для предохраненія отъ порчи. Но и этотъ обычай миновалъ. Всѣ сіи причины совокупно уменьшили потребность юфти за границу; а какъ многіе изъ нашихъ кожевенныхъ заводовъ существовали только выдѣлкою юфти, то не удивительно, что они должны были уменьшить свое производство, а нѣкоторые и совсѣмъ разстроились. Если бы теперь снова воспрещено было вывозить сырыя кожи, то это нисколько не помогло бы тѣмъ заводамъ. Обстоятельства перемѣнились; привычки народовъ иныя. Мануфактуры вообще бываютъ подвержены частымъ измѣненіямъ; надобно прилежно наблюдать ходъ ихъ, и съ нимъ сообразоваться.

Если иностранцы находятъ выгоду покупать у насъ сырой матеріалъ, платить немалыя пошлины, провозныя, страховыя, коммиссіонныя и прочіе расходы, и обрабатывая въ издѣлья, продавать съ барышемъ, то какъ не могли бы найти выгоды наши заводчики, имѣя свой матеріалъ подъ рукою, и не имѣя нужды платить всѣхъ оныхъ расходовъ, тѣмъ болѣе, что и заработная плата у насъ гораздо ниже, нежели у иностранцевъ? Не очевидно ли, что тутъ не достаетъ одного условія, — условія необходимаго во всякой мануфактурной промышленности, — знанія дѣла?

Какъ же достигнуть этого знанія? — Не иначе какъ Наукою, съ приложеніемъ ея къ практическому производству.

Есть два способа, подвинуть у насъ кожевенное дѣло: либо заставить нашихъ заводчиковъ посылать дѣтей своихъ въ чужія земли, гдѣ искусство сіе въ высшей степени; либо выписать изъ чужихъ странъ искуснѣйшихъ въ сѣмъ дѣлѣ мастеровъ для обширнѣйшихъ нашихъ заводовъ.

Я склоненъ бы отдать предпочтеніе первому способу, по боюсь заразы. Надобно было бы отправлять молодыхъ людей въ Англію, Францію и Нидерланды. Чуть не лучше ли еще два вѣка продолжать намъ употреблять дурной товаръ, нежели посылкою за Наукою развратить юные, неопытные умы, и можетъ-быть, распространить въ отечествѣ нашемъ пагубныя правила.

И такъ остается послѣдній способъ, единственный, — съ тѣмъ однако жъ, чтобы обязать иностранныхъ мастеровъ, обучить своему искусству въ совершенствѣ.

Г. ЯЦЕНКОВЪ.

О-ДЕ-КОЛОНЬ И ДРУГІЕ СОСТАВЫ ФАРИНЫ.

=

Составъ Кельнской воды, или о-де-колоня, называемой концентрированной, которую можно, по желанію, превращать въ обыкновенную Кельнскую воду лучшей доброты, распуская одну ея долю въ десяти долей виннаго спирту.

СОСТАВНЫЯ ЧАСТИ.

Португальской эссенціи.....	1	унція, 4 драхмы.
Бергамотной —	1	— 4 —
Цедряной —	1	— » —
Лимоннокорочной —	1	— » —
Померанцевой —	1	— 4 —
Померанцевой petit grain.....	1	— » —
Розмариной —	2	— » —
Лавендуловой —	2	— » —
Росно-ладонной —	2	— » —

Наставляйте всѣмъ этимъ литръ хорошо передвоеннаго виннаго спирта недѣли двѣ, взбалтывая по четыре раза въ сутки. Перегоните потомъ два раза: выйдетъ литръ концентрированной Кельнской воды, изъ которой сдѣлаете, если угодно самую благовонную Кельнскую воду лучшей добро-

ты, наливъ ее десятью долями виннаго спирта, или обыкновенную и также очень хорошую, если прибавите двадцать долей.

Концентрированная вода, занимая мало мѣста, выигрываетъ противъ обыкновенной и на пошлинахъ за вывозъ, и на издержкахъ за провозъ.

=

Составъ новой косметической воды Г. Фарины, l'eau cosmétique de Jean-Marie Farina.

Коріантоваго спирту.....	2	литра.
Ангелики.....	2	—
Равень-зары.....	2	—
Мекскаго бальзаму.....	4	—
Ясминнаго экстракту.....	2	—
Туберозы.....	2	—
Розъ.....	3	—
Лимоннаго спирту.....	2	—
Португальскаго —	3	—
Ангеликоваго —	1 1/2	—
Цвѣту роснаго ладана.....	1 1/2	—
		<hr/>
		25 литръ.
Гвоздичной эссенціи.....	4	драхмы.
Мятной —	2	—
Померанцевой —	2	—
Цедряной —	4	—
Бергамотной —	4	—

Налейте 5 литрами виннаго спирту, перегоните тщательно въ водяной банѣ; дайте настояться недѣли двѣ, разлейте въ хорошо закупоренныя склянки, и сберегайте въ такомъ мѣстѣ, гдѣ температура въ 15° по Реомюру.

=====

О СКОТОВОДСТВѢ ВЪ ГОЛЛАНДІИ, И О ПРИГОТОВЛЕНІИ МАСЛА И СЫРА.

Большая часть Голландіи лежитъ, какъ извѣстно, ниже моря; большія рѣки протекаютъ чрезъ нее, и множество каналовъ пересѣкаютъ ее въ разныхъ направленіяхъ. По сей причинѣ земля не вездѣ способна къ хлѣбопашеству, а большею частію обращена въ луга, изъ которыхъ одни служатъ сѣнокосами и доставляютъ зимній кормъ для скота, а другіе пастбищами для овецъ и лошадей, а наиболѣе для коровъ. Малое число сихъ послѣднихъ откармливаются на убой, а большая часть содержится для молока. Однако жъ Голландцы не упускаютъ обращать ее въ пахатныя поля и разводятъ вездѣ, гдѣ почва земли выше поверхности воды, пшеницу, рожь, овесъ, бобы, рѣпу, ленъ, пеньку и картофель. Даже и тамъ, гдѣ земля немного ниже моря, обрабатываютъ ее заступомъ и разводятъ картофель, пеньку и проч. Но большая часть сѣверной и южной Голландіи весьма часто понимается водою, и потому неспособна для посѣва озимой пшеницы.

Почва земли почти вездѣ плодородна, и трава растетъ высокая; но отъ сырости, и особенно отъ частыхъ наводненій зимою, трава слишкомъ груба и жестка, и даже на лучшихъ лугахъ бываетъ много водяныхъ растений.

Большихъ помѣстій въ Голландіи мало, а какъ земля повсюду плоская равнина, то ее раздѣляютъ на участки большей или меньшей величины рвами и узкими каналами, которые принимаютъ въ себя излишнюю воду, и служатъ вмѣсто изгородокъ.

Господскія мызы бываютъ болѣе или менѣе обширны, смотря по обширности принадлежащихъ къ нимъ земель; мызы устроены весьма красиво; другія бѣднѣе, смотря по достатку или вкусу хозяина; впрочемъ всѣ довольно похожи другъ на друга. Обыкновенно онѣ въ одинъ этажъ, но такъ широки и длинны, что все умѣщается подъ одною крышею: крестьянина съ своимъ семействомъ, скотъ его,

молочная и сырная, гумно, весь урожай хлѣба и корчъ для скота. Кромѣ кухни, въ которой стряпають кушанье и сидитъ все семейство, и изъ которой оно можетъ видѣть свой скотъ зимою и весною, бывають еще въ снхъ домахъ по крайней мѣрѣ одна красивая, хорошо прибранная комната, съ одною или двумя спальнями; но хозяева рѣдко тамъ собираются, развѣ только въ большіе праздники. Путешественники часто упрекали Голландскихъ поселянъ за то, что они неохотно пускають иностранцевъ въ лучшія свои комнаты; но я пашель совсѣмъ противное: меня вводили въ самую чистую комнату, и подчивали виномъ и закускою. Кухни отмынно чисты убраны и съ большимъ вкусомъ, нежели въ помѣщичьихъ домахъ въ Шотландіи. Печь и очагъ прекрасной формы; стена подлѣ очага одѣта цвѣтными изразцами; вездѣ удивительная чистота и можно сказать, роскошь въ украшеніяхъ. Тутъ же въ домѣ находятся иногда небольшія каморки и скрытныя спальни, а въ серединѣ колодезь и машина для дѣланія масла и для мытья.

Тамъ, гдѣ молоко продается свѣжее, или готовится въ творогъ, не нужно молочной. Только тамъ, гдѣ дѣлается сыръ, нужна особая комната, гдѣ молоко должно отстояться, пока всплывутъ сливки. Такія молочныя комнаты устроены въ Голландіи съ большимъ вкусомъ; онѣ находятся въ отдаленной части строенія, куда не проникаетъ ни солнечный жаръ, ни теплота отъ кухни, ни испаренія отъ скота. Молочныя сами по себѣ составляютъ особый домикъ, довольно просторный и со многими вентиляторами; этотъ домикъ отгороженъ; полъ устланъ голубымъ мраморомъ; по стѣнамъ кругомъ мраморные столы, на которые ставится молоко. Есть однако жъ и не такъ красивые молочные домики, въ конхъ полъ кирпичный; но всѣ вообще содержатся чрезвычайно чисто.

Посуда для молока почти такая же, какъ и въ Шотландіи. Горшки и миски, въ которыхъ ставится молоко для устоя, глиняные, муравленные и деревянные; послѣдніе бывають часто окрашены спаружи былою краскою. Формы для сыра плоски, какъ въ Англіи; но гдѣ дѣлаются круглые сыры, тамъ употребляются особыя формы изъ одного

куса дерева, которое съ одного конца выдолблено, а дно округлено наподобіе половины яичной скорлупы. Прессъ для сыра обыкновенный съ винтомъ; на одномъ его концѣ находятся два столбика съ рычагомъ, а на другомъ повѣшена гиря. Если сыры не большіе, то кладутъ подъ прессъ два и даже четыре сыра, а на нихъ небольшую досочку, чтобы сыры сжимались ровнѣе. — Молоко съ пастбища носятъ въ молочный домикъ, а также и въ города на продажу, въ мѣдныхъ кувшинахъ. Сіи кувшины держатъ весьма чисто; но я думаю, что для здоровья гораздо бы лучше было употреблять деревянную посуду.

Въ хлѣвахъ полъ кирпичный; кирпичъ постланъ на ребро. Спереди просторный коридоръ, откуда можно удобно класть кормъ; передъ каждою коровою стоитъ корыто съ чистою водою, изъ котораго она можетъ пить, когда хочетъ. Изъ корыта вода выпускается ежедневно, и посредствомъ насоса наливается свѣжая. Другой коридоръ позади коровъ, для очищенія навоза.

Только въ кухнѣ полъ мраморный, а въ другихъ зданіяхъ кирпичный. Кругъ для бѣга лошади въ маслобойнѣ, покрытъ пескомъ и сверхъ того устланъ досками. Кровля на всемъ зданіи, выведенная нѣсколько клиномъ, покрыта черепицею; стѣны иногда кирпичныя, а иногда изъ глины. Ящиковъ или ямъ, въ которые бы стекала урина отъ скота, какъ въ Бельгій, я нигдѣ не видалъ, и вообще кажется, что въ Голландіи мало заботятся о навозѣ, вѣроятно потому, что земля сама по себѣ плодородна.

Голландскія коровы длинноноги, широкоплечи и съ большою головою, но рога посредственной величины. Передняя ихъ часть тяжела въ сравненіи съ заднею; грудь узкая, бедра слабыя; у нихъ нѣтъ отвислаго брюха, но толстая кожа съ жесткими волосами. Цвѣтомъ большею частію черныя съ бѣлыми пятнами; рыжихъ и бурыхъ коровъ мало.

Судя по изобилію и питательности корма во всей Голландіи, должно бы думать, что коровы тамъ наилучшія и даютъ много молока; однако Голландцы мало заботятся о томъ, чтобъ имѣть самыхъ молочныхъ коровъ, и я не могу понять, для чего они не стараются воспитать такихъ случ-

*

кою. Рѣдко у кого есть быкъ, а всякой отдаетъ своихъ коровъ пастухамъ, которые ежедневно обводятъ быковъ для случки. Порошники такихъ быковъ, приближаясь къ какому нибудь помѣстью или селенію, даютъ знать о своемъ приходѣ, трубя въ рогъ, и дожидаются нѣсколько минутъ, не пригонять ли къ нимъ коровъ. По моему мнѣнію, снѣгъ способомъ нельзя ожидать получить наилучшихъ молочныхъ коровъ; поселяне желаютъ имѣть только телятъ.

Даже и обиходъ съ коровами не таковъ, какой нуженъ для полученія наиболѣе молока. Правда, что луга даютъ много корму; но сырость земли и частые туманы дѣлаютъ траву жесткою; она была бы слаще и сочнѣе, если бы освободить землю отъ сырости. Не хорошо также, что коровъ гоняютъ на пастбища, не заботясь о томъ, чтобъ защитить ихъ отъ непогоды; иногда накидываютъ на нихъ рогожи, но это мало помогаетъ. Коровы остаются на пастбищахъ до Мартынова дня (10 Ноября), и тогда загоняются въ хлѣва, откуда не прежде выпускаются, пока могутъ кормиться травой въ полѣ. Зимой и весною кормятъ ихъ сѣномъ; а какъ не даютъ имъ ни рѣпы, ни свекловицы и ни какого зеленого корма, то невозможно, чтобъ онѣ давали много молока; для этого нуженъ сочный кормъ. Избойна изъ льняного и рѣпного сѣмени, которую даютъ имъ зимою, не можетъ замѣнить онаго. Даже и сѣно, какое мнѣ случалось видать, было подъ дождемъ, потеряло свой зеленый цвѣтъ, пожелтѣло и имѣло затухлый запахъ; такое сѣно не могло быть ни вкусно, ни питательно. Уборка сѣна производится весьма небрежно; часто оставляютъ его долго на солнцѣ, пока оно сверху высохнетъ, а между тѣмъ снизу отъ испареній остается сыро и желтѣетъ; а если иногда его ворочаютъ, то послѣ не сгребаютъ въ копны, а оставляютъ разбросанное на лугу, гдѣ оно подвергается всякой непогодѣ. Такой способъ уборки сѣна водалъ мнѣ худое мнѣніе о промышленности Голландскихъ крестьянъ. Вообще кажется, что они больше заботятся о домашнемъ хозяйствѣ, нежели о сельскомъ. Сами сѣна не косятъ, а нанимаютъ для сего приходящихъ Нѣмцевъ; они бы лучше сдѣлали, если бы поручали имъ же и сушить его и убирать.

Не смотря однако жъ на такой дурной обиходъ, нѣкто-

рыя коровы даютъ лѣтомъ больше молока, нежели можно отъ нихъ ожидать. Во многихъ странахъ я видалъ коровъ, которыхъ доили дважды въ день, и каждый разъ онѣ давали отъ 11 до 12 квартъ (1 ведро) молока, а другія и больше, а особливо тѣ, которыхъ иногда кормили бардою. Такой кормъ ставятъ лѣтомъ въ большихъ чанахъ на лугу, чтобы коровы могли есть барду или траву по произволу; нѣкоторыя дѣлаются отъ того очень жирными, и продаются мясникамъ на убой, а другія даютъ много молока.

Большая часть Голландскихъ коровъ, порядочно откормленныхъ, отъ 550 до 700, а многія отъ 800 до 900 фунт., самыя же жирныя до 1,100 фунт. (отъ 22½ до 30½ пудъ.) Средняя цѣна коровы отъ 80 до 95 гульденовъ (отъ 160 руб. до 190 руб. ассиг.) а нѣкоторыя изъ лучшихъ, кои скоро должны отелиться или очень жирны, отъ 100 до 120 гульденовъ (отъ 200 до 240 руб. асс.) Голландскіе крестьяне продажею и раздѣлами по наслѣдству слишкомъ раздробили свои земли, отъ чего большая часть изъ нихъ держать мало коровъ для молока, среднимъ числомъ отъ 7 до 10, но другіе до 20 и болѣе. Близъ Лейдена нѣкоторые держать отъ 50 до 70 молочныхъ коровъ.

Молоко употребляется для вскормленія телятъ, много также въ пищу для людей и на масло, но гораздо большая часть на дѣло сыровъ. Телята, которыхъ вскармливается для приплода, сосутъ мать дней только восемь, а потомъ ихъ кормятъ частію парнымъ молокомъ; а частію масляною избоинною, снятымъ молокомъ и пахтаньемъ, пока они сами могутъ кормиться на пастбищѣ. Но если телятъ вскармливаетъ для того, чтобы получить изъ нихъ молочныхъ коровъ, то даютъ по крайней мѣрѣ 5 недѣль парное молоко, а потомъ еще недѣли три такое же молоко съ другимъ кормомъ, пока наконецъ пускаютъ ихъ на паству. Я видѣлъ многихъ телятъ въ разныхъ состояніяхъ, какъ ихъ откармливали. Мшеникъ темный; каждый теленокъ одинъ въ стойлѣ, которое довольно просторно, чтобы ему лечь, но не столько, чтобы могъ онъ въ немъ разгуливать. Имъ не давали сосать мать, а только кормили парнымъ молокомъ отъ 6 до 10 недѣль, пока они годились на убой. Впрочемъ я замѣтилъ, на

рынкахъ и на столахъ, что Голландскія телята бываютъ весьма велики, мясо ихъ чистое и бѣлое, но совсѣмъ не такъ жирно, какъ телятина въ Глазговѣ и Эдинбургѣ. Даже и говядина, хотя довольно толста, но не такъ жирна, какъ на рынкахъ Шотландскихъ и Англійскихъ; это доказываетъ неискусство Голландцевъ въ откормливаніи скота. Впрочемъ моложе 3 недѣль телятъ не быютъ, и отъ стельной коровы молока не употребляютъ ранѣе 8-ми дней, а даютъ его въ кормъ телятамъ.

По близости большихъ и малыхъ городовъ держатъ много коровъ, и тамъ молоко находитъ хорошій сбытъ. Въ окрестности Амстердама, Роттердама и многихъ другихъ городовъ луга покрыты рогатымъ скотомъ, такъ что они болѣе похожи на скотные рынки, нежели на пастбища. Молоко приносятъ въ города въ мѣдныхъ ведрахъ или кувшинахъ, а иногда и привозятъ въ маленькихъ тельжкахъ, запряженныхъ собаками, большею же частію въ лодкахъ по каналамъ, даже изъ отдаленныхъ мѣстъ; его продаютъ скупщикамъ, а сіи распродаютъ уже въ розницу. Отъ Правительства поставлены смотрители, которые вѣсятъ молоко на молочныхъ вѣскахъ, дабы узнать, цѣльное ли оно, или подмѣшано; они имѣютъ право отнимать молоко, которое не выдержитъ пробы.

Нигдѣ лучше не умѣютъ дѣлать масла и соблюдать нужную при томъ опрятность и чистоту, какъ въ Голландскихъ провинціяхъ, а особливо въ Фрисландіи, откуда привозится въ Лондонъ величайшее количество превосходнаго масла. Множество онаго привозится каждую недѣлю въ Ливарденъ, главный городъ Фрисландіи, и въ Снеэкъ, мѣсто ярмарки въ сей же провинціи; иногда бываетъ тамъ за одинъ разъ отъ 7 до 8,000 боченковъ, каждый въ 80 фунт; большая часть покупается для Лондона; 7 или 8 кораблей безпрестанно тѣмъ только занимаются, чтобъ перевозить масло изъ Гарлингена въ Англію. Много также прекраснаго масла отвозится въ Бельгію изъ южныхъ областей Роттердама. Во всей Англіи, а можетъ быть и нигдѣ въ свѣтѣ, нѣтъ такой страны, гдѣ бы дѣлалось масло столь жирное и вкусное и столь чистое, какъ въ Голландіи.

Превосходство Голландскаго масла зависитъ отчасти отъ почвы земли и климата, а также и отъ особенной породы коровъ, но главнѣйше отъ той тщательности и опрятности, кака я примѣтна повсюду въ молочныхъ заведеніяхъ. Почва зем-

ли во всей Голландіи благоприятна для луговых травъ, хотя и слишкомъ сыра; она напитана солью, которая переходитъ въ траву; такой кормъ безъ-сомнѣнія много способствуетъ добротѣ молока. Къ тому жъ опытъ подтверждаетъ, что когда коровы кормятся на хорошихъ естественныхъ пастбищахъ, то масло бываетъ жирнѣе, желтѣе и вкуснѣе, нежели когда тѣхъ же коровъ кормить трилистникомъ, рѣпою и искусственными травами. Правда, что молочныя коровы улучшенной породы, если ихъ кормить искусственными кормовыми травами, даютъ больше молока, но всегда меньше масла; и вообще какъ тамъ, такъ и вездѣ, тучныя коровы даютъ молоко жирнѣе, нежели тощія.

Но, какъ мы прежде замѣтили, превосходное качество Голландскаго масла зависитъ наиболѣе отъ опрятнаго и тщательнаго приготовленія онаго. Какъ скоро подоятъ корову, то выливаютъ молоко въ глиняные горшки или деревянные миски, въ которыхъ оно и стоитъ въ чистой и хорошо провѣтреной молочной комнатѣ отъ 12 до 20 часовъ. Сливки либо сливаются черезъ край миски, либо снимаются ложкою въ горшокъ, пока соберутъ ихъ столько, что можно дѣлать масло; а чтобы сливки не свернулись, то ихъ мѣшаютъ раза два въ день деревянною лопаткою.—Масло готовится въ кадкѣ, поставленной стоймя; и все машинное устройство для дѣланія масла приводится въ движеніе лошадыю, ходящею вокругъ. Обыкновенно для битія масла нужно два часа; если сливки очень холодны, то подливаютъ въ масляную кадку немного теплой воды, и такимъ образомъ доводятъ температуру до 17 или 18 градусовъ по Реомюру.

Изъ кадки кладутъ масло въ холодную воду, мнутъ безпрестанно руками, чтобъ выжать изъ него все молоко, подливая по-часту свѣжей воды, и пересыпая мелкою солью, которую мало по малу вмиваютъ въ масло. Въ нѣкоторыхъ молочняхъ посоменное масло тотчасъ укладываютъ въ боченки, а въ другихъ оставляютъ его на нѣсколько дней въ открытой кадкѣ, переворачивая по-часту. Сіе послѣднее не можетъ быть хорошо; ибо чѣмъ долѣе молоко, сливки и масло бываютъ подвержены атмосферному воздуху, тѣмъ болѣе они портятся, дѣлаясь прогорѣлыми.

Въ нѣкоторыхъ молочняхъ около Амстердама и Гаги, пар-

ное молоко, тотчасъ послѣ подоя, вливаютъ въ большія мѣдныя ведра и ставятъ ихъ въ холодную воду, чтобъ молоко остыло, а потомъ уже относятъ въ молочную комнату для отстоя сливокъ. Но это не вездѣ употребительно, хотя не худо дать остынуть молоку послѣ подоя; только переливать молоко изъ одной посуды въ другую не годится, ибо оно слишкомъ часто подвержено будетъ вліянію воздуха, а притомъ молоко скорѣе остынетъ въ плоскихъ глиняныхъ или деревянныхъ мискахъ, глубиною не болѣе 3 дюймовъ, нежели въ большихъ мѣдныхъ, въ холодную воду поставленныхъ ведрахъ.

Отстоявшіяся намолокъ сливки не должно оставлять надолго, не снимая ихъ, ибо отъ сего масло никогда не можетъ быть хорошимъ. Первыя сливки, которыя всплывутъ наверхъ, бываютъ всегда гуще, масло изъ нихъ мягче, желтѣе и вкуснѣе, нежели изъ тѣхъ, которыя послѣ подымутся. Естественно, что самыя жирныя части молока сперва всплываютъ на поверхность, и чѣмъ долѣе оставить ихъ на молокъ не снимая, тѣмъ больше подымется такихъ сливокъ, которыя уже не такъ жирны, какъ первыя, и смѣшавшіеся вмѣстѣ, портятъ доброту всего. Въ нѣкоторыхъ Голландскихъ молочняхъ я замѣтилъ, что снимали сливки спустя 12 часовъ, и никогда долѣе 2¹/₄ часовъ не оставляли не снимаючи. Напротивъ того, въ Шотландіи, гдѣ дѣлаются кислые сыры, обыкновенно оставляютъ сливки на молокъ отъ 36 до 48 часовъ; не возможно, чтобъ въ такое долгое время онѣ не потеряли своей доброты; ибо нѣтъ ничего нѣжнѣе молока и сливокъ по естественному ихъ хозяйству.

Въ странахъ къ югу отъ Роттердама и въ Бельгіи масло сбивается изъ молока и сливокъ вмѣстѣ, что дѣлается также обыкновенно и близъ Глазгова. Нѣкоторые думаютъ, что масло отъ того не можетъ быть хорошо; но они навѣрное ошибаются. Въ одной Шотландской округѣ, близъ Глазгова, какъ скоро молоко остынетъ, то переливаютъ его въ горшки, и сверху покрываютъ, чтобы воздухъ не проходилъ; такъ оставляютъ его до тѣхъ поръ, пока оно свернется; тогда бьютъ изъ него масло, которое выходитъ, какъ нельзя лучше. Въ тѣхъ мѣстахъ Голландіи, гдѣ масло дѣлается изъ молока и сливокъ вмѣстѣ, крестьяне либо сами употребляютъ папанъ,

либо продають его сосѣдямъ, а остальное обращаютъ въ кормъ коровамъ и поросенкамъ; другіе же дѣлають изъ него сыры, подмѣшивая въ него нѣсколько цѣльнаго молока.

Въ Голландіи не умѣютъ такъ хорошо дѣлать сыръ, какъ масло, хотя сыръ есть главная статья сельскаго хозяйства въ той странѣ; ибо многіе хозяева особенно симъ дѣломъ занимаются. Коровы составляютъ самый важный скотъ для Голландскихъ арендаторовъ, и они всецѣнно стараются извлекать отъ оныхъ наиболѣе пользы; но сыра отличной доброты, какъ въ Великобританіи, они не умѣютъ еще дѣлать.

Въ южныхъ частяхъ Голландіи, въ окрестностяхъ Дортрехта, мало обращаютъ вниманія на дѣланіе сыровъ. Дѣлають тамъ нѣкоторый родъ мягкаго сыра или творогъ, приготовляя его изъ кислаго молока и пахтанья; такой сыръ мажутъ на хлѣбъ, какъ масло, и такъ ѣдятъ. Иногда сжимають его въ четвероугольную форму, толщиною въ 1½ дюйма, а шириною въ 9 дюймовъ, и такъ подаютъ на столъ. Такой сыръ имѣетъ чистый вкусъ, но онъ тощъ, вязокъ и безвкусенъ. Впрочемъ для хозяйства онъ выгоденъ: ибо если сыръ мазать на хлѣбъ, то его достанетъ долѣе нежели крѣпкій и сухой, который сдѣланъ изъ такого же количества молока.

Пресные сыры дѣлаются въ окрестностяхъ Гуды, къ сѣверу отъ Роттердама, также близъ Эдама и Пурмерпанда. Тамъшніе крестьяне приготовляютъ ихъ гораздо лучше, нежели въ другихъ странахъ Голландіи, почему всѣ такого рода сыры извѣстны въ продажѣ подъ именемъ Гудскихъ и Эдамскихъ, какъ въ Шотландіи жирные сыры подъ именемъ Дунлопскихъ.

Для дѣланія пресныхъ сыровъ, створожаютъ молоко въ его естественной теплотѣ. Тѣ, у коихъ мало коровъ, оставляють обыкновенно утренній подой до вечера; тогда вливають въ него вечерній подой, и потомъ створожаютъ все вмѣстѣ разомъ. Но какъ болѣею частію дѣлають маленькіе сыры, то другіе считаютъ выгоднѣйшимъ створожать парное молоко, тотчасъ послѣ подоя, чтобы не было надобности подогревать его. Дабы молоко свернулось, для этого нужно, чтобы оно имѣло теплоту крови, то есть, не ниже 25 градус. по Реомюра. Но какъ Голландскія коровы все лѣто въ полѣ, часто далеко отъ дворовъ, гдѣ ихъ и доятъ, переливая молоко изъ од-

ной посуды въ другую и оставляя его до тѣхъ поръ, пока всѣхъ коровъ подоить, то молоко очень остываетъ. Почему нѣкоторые подливаютъ въ него нѣсколько горячей воды, чтобъ дать ему потребную теплоту, и тогда уже кладутъ въ него закваску или кусокъ творогу, чтобъ оно свернулось. Однако многіе крестьяне этого не дѣлаютъ, а створаживаютъ молоко, хотя бы оно и не имѣло потребной теплоты. Когда молоко свернется, то сливаютъ его въ деревянную кадушку и разминаютъ одну часть за другою; размятое сливаютъ изъ посуды черезъ край. Потомъ вливаютъ туда же около половины сывотки и подливаютъ довольно много кипятку воды, и мнутъ опять. Когда творогъ осядетъ на дно, то вычерпываютъ воду и сывотку. Послѣ сего работникъ засучиваетъ рукава, вымываетъ руки и вынимаетъ одну часть творога, каждый разъ столько, сколько можетъ ухватить обѣими руками, и мнетъ его между пальцами до тѣхъ поръ, пока весь творогъ разомнется мелко; потомъ вдавливаютъ его въ сырныя формы и до тѣхъ поръ ворожатъ, пока сыръ пристанетъ; тогда женщина обвертываетъ его тонкимъ полотномъ и кладетъ подъ прессъ. Обыкновенно кладутъ по четыре сыра разомъ, но когда они больше, то только одинъ или два. Когда сыры выжаты, то въ нѣкоторыхъ молочныхъ чересъ три или четыре часа, а въ другихъ черезъ 12 часовъ, вынимаютъ ихъ изъ формъ, очищаютъ съ верхней стороны лишній творогъ, и перевертываютъ кладутъ ихъ опять подъ прессъ, чтобъ сдѣлать ихъ круглыми, какъ шаръ.

Соленіе сыровъ производится въ Голландіи различнымъ образомъ: либо втираютъ сухую соль на поверхности ихъ и потомъ ежедневно обрабатываютъ, меньшіе сыры 8 дней, а большіе 14 дней; либо кладутъ до половины ихъ толщины въ соленую воду, крѣпко просоленную, такъ чтобы яйцо плавало; такую воду перемѣняютъ нѣсколько дней. Просоливши такимъ образомъ сыры, кладутъ ихъ на доски, и даютъ имъ обсохнуть на нѣсколько, послѣ чего кладутъ ихъ на нѣсколько часовъ въ холодную воду, и обтерши полотенцемъ, натираютъ молокомъ отъ стельной коровы, либо масломъ и другими жирными веществами, и покрываютъ ихъ тонкимъ полотномъ, помоченнымъ льнянымъ масломъ, дабы предохранить ихъ отъ воздуха, а также и для того, чтобы не сдѣлались трещины сверху. Такимъ

образомъ оставляють ихъ на долгое время въ кладовыхъ, послѣ чего счищаютъ плесень, и втирають еще болѣе жирныхъ веществъ на поверхности, чтобы трещины не сдѣлались. Я никогда не слыхалъ, чтобы въ Шотландіи натирали сыръ жиромъ, и чтобы безъ того верхняя ихъ кора трескалась.

Иногда въ Голландіи покрываютъ сыры краскою посредствомъ кисти, и когда первая краска высохнетъ, то покрываютъ оную вторично, а наконецъ лакомъ изъ льнянаго масла. Краска, коею красятъ сыры, получается изъ толстыхъ полотняныхъ мѣшковъ, въ коихъ выжатъ былъ виноградъ, или изъ темнокраснаго сукна, которое получается изъ Италіи и Франціи, и тамъ было окрашено въ отваръ подсолнечника. Такіе красильные лоскуты покупаются Голландскими крестьянами по два шиллинга за фунтъ, и изъ нихъ добывается красильное вещество троекратною мочкою въ водѣ и выкручиваніемъ. Я согласенъ, что если сыръ тощъ и очень сухъ, то не худо натирать его жирными веществами; но не вижу ни какой необходимости окрашивать его, какъ то дѣлають Голландцы, подѣвъ цвѣтъ краснаго дерева; это кажется мнѣ пустою прикрасою, точно такъ же, какъ и то, что въ Шотландіи и Англіи подкрашиваютъ иногда сыры краскою орманомъ. Притомъ же Голландскій способъ крашенія сыровъ препятствуетъ воздуху проникнуть въ нихъ и мѣшаетъ имъ потѣть, что всегда случается въ жаркихъ странахъ и предохраняетъ сыръ отъ гнилости. Каждая молочница съ перваго взгляда узнаетъ, природный ли желтый цвѣтъ имѣетъ масло или сыръ, и знаетъ, что въ этомъ состоитъ ихъ доброта, а напротивъ того блѣдность есть признакъ худой доброты; но кто по наружности сыра, красиво окрашеннаго, станетъ заключать о внутренней его добротѣ, тотъ весьма обманется.

Голландскіе сыры дѣлаются разныхъ формъ. Нѣкоторые почти круглые, вѣсу отъ 4 до 8 фунтовъ, а другіе около 1 штейна (17½ фунт.) Плоскіе сыры бываютъ разныхъ формъ, и обыкновенно тяжеле круглыхъ.

Сыры изъ кислаго молока дѣлаются въ Голландіи во множествѣ. Въ Фрисландіи и другихъ странахъ, гдѣ масло составляетъ главную статью сельскаго хозяйства, дѣлаются сыры весьма малые. Нѣкоторые употребляютъ для сего снятое молоко, но большая часть даютъ оному совсѣмъ ски-

снуться, а другіе мѣшаютъ даже пахтанье съ кислымъ молокомъ. Прежде нежели кладутъ въ него закваску, подогрѣваютъ его, и когда сдѣлается творогъ, то готовятъ изъ онаго сыры точно такъ же, какъ я выше описалъ. Въ нѣкоторыхъ молочныхъ кладутъ такіе сыры, преждепрессованія ихъ, въ теплую воду на одинъ часъ или долѣе, дабы отделить отъ нихъ всю сыворотку, какая могла еще оставаться въ творогъ. Иные поступаютъ такъ и со всякимъ сыромъ; однако способъ сей не есть всеобщій, и кажется, нѣтъ надобности класть сыръ въ теплую воду. Нѣкоторые крестьяне солятъ сыръ въ видѣ творога, а другіе стараются придать ему хорошій вкусъ гвоzdикомъ, которую толкутъ въ порошокъ, размачиваютъ и смѣшиваютъ съ творогомъ; но способъ сей мало находитъ подражателей.

Сыворотку оставляютъ въ кадкахъ на 8 дней и долѣе, чтобы еще снимать съ нея устоя сливокъ; ихъ снимаютъ каждый день, и когда соберутъ достаточно, то сбиваютъ изъ нихъ масло, которое либо употребляютъ для домашняго хозяйства, либо продаютъ. Остающуюся сыворотку даютъ въ кормъ поросѣтамъ.

Въ заключеніе присоединимъ еще нѣкоторыя замѣчанія о семъ предметѣ вообще. Голландскій сыръ всякаго рода хотя всегда чистъ, но въ сравненіи съ Англійскимъ и Шотландскимъ тощъ, вязокъ, сухъ и жестокъ: отъ чего сіе происходитъ, и какъ предупредить или исправить сей недостатокъ, о томъ скажемъ нѣсколько словъ. Голландское молоко вообще очень жирно, и вѣроятно жирнѣе Шотландскаго; а что сыръ тощъ, это происходитъ болѣе отъ неискусства и невнимательности въ приготовленіи онаго. Если сыръ сдѣланъ изъ снятаго молока, то не удивительно, что онъ тощъ; но изъ цѣльнаго молока, съ котораго сливки не были сняты, сыръ долженъ быть жирный. Ни слова о томъ, что Голландскіе крестьяне снимаютъ нѣсколько сливокъ съ цѣльнаго молока, изъ котораго хотятъ приготовить сыры; но я утверждаю, что они портятъ сыръ неискуснымъ его приготовленіемъ. Если предъ закваскою молоко либо слишкомъ холодно, либо слишкомъ горячо, то въ томъ и другомъ случаѣ жирныя частицы должны переи-

ти въ сыворотку, чего случиться не можетъ, если заквашивать молоко въ надлежащей температурѣ.

Если молоко предъ закваскою слишкомъ холодно, то много маслянаго вещества остается въ сывороткѣ, что можно примѣтить по блѣдному ея цвѣту, и тогда если мѣть творогъ въ горячей водѣ, то онъ потеряетъ еще нѣсколько своего жирнаго вещества, наконецъ если работникъ выжимаетъ его между пальцами, то еще выдавить значительную часть маслянаго вещества, которое будетъ потеряно для сыра. Я замѣтилъ, что при семъ выжиманіи, вытекало много сыворотки, блѣдой какъ молоко, и почти столько же жирной, какъ сливки. Надобно класть закваску въ молоко, лѣтомъ при температурѣ 90 градусоѡ, а въ холодную погоду еще теплѣе; творогъ не должно мѣть и раздавливать слишкомъ скоро, а только разрѣзывать его длиннымъ ножикомъ, или тонкою деревянною дощечкою, сдѣланною наподобіе длиннаго ножа; надобно поступать съ нимъ очень осторожно, пока большая часть сыворотки изъ него выйдетъ и онъ нѣсколько окрѣпнетъ; надобно положить его въ кадку съ краномъ на полчае, накрыть крышкою и наложить на нее легкую тяжесть; потомъ уже разрѣзывать его вторично, наконецъ посолить и класть подъ прессъ. Если такъ поступать, то сыворотка будетъ выходить цвѣтомъ синеватая; въ ней не будетъ нѣсколько маслянаго вещества, а напротивъ того сыръ будетъ жиренъ.

Голландскій сыръ бываетъ жестокъ и сухъ отъ того, что творогъ при обработкѣ сильно разгорячается, а также и отъ того, что его пересаливаютъ. Сыръ дѣлается вязкимъ отъ того, что его мнутъ въ горячей водѣ и слишкомъ разминаютъ между пальцами, если молоко скиснется, прежде нежели оно сѣлось, или если примѣшать къ нему пахта, то сыръ непременно будетъ вязокъ, жестокъ и сухъ. — Другой порокъ въ нѣкоторыхъ Голландскихъ сырахъ есть тотъ, что они рыхлѣютъ и внутри образуется множество пустотъ, подобно какъ въ хлѣбѣ. Тоже самое бываетъ и въ Шотландскихъ и Англійскихъ сырахъ, и вѣроятно происходитъ отъ того, что молоко слишкомъ долго стоитъ въ горшкахъ для устоя. Но въ Голландскомъ сырѣ это происходитъ особенно отъ того что коровъ доятъ далеко отъ жилья, и молоко дол-

го остается на солнцѣ, или же отъ того, что творогъ слишкомъ разминають, причемъ атмосферный воздухъ проникаетъ въ него.

Вообще, это большой порокъ въ Голландскихъ молочныхъ, что много маслянаго вещества переходитъ въ сыворотки, и хотя кислая сыворотка могутъ быть хорошиимъ кормомъ для поросятъ, однако это ни къ чему не годится, держать ихъ въ бочкахъ до тѣхъ поръ, пока онѣ окиснутъ какъ уксусъ. Въ Шотландіи кормятъ даже лошадей и коровъ свѣжими сыворотками, и замѣчено, что онѣ отъ того тучнѣють, а коровы даютъ больше молока, однако всего выгоднѣе откармливать ими свиней. Утверяютъ, что сыворотка отъ трехъ коровъ, съ небольшимъ количествомъ другаго корма, можетъ сдѣлать въ короткое время поросенка такъ жирнымъ, что онъ будетъ вѣсомъ отъ 14 до 16 штейновъ (по 8 фунтовъ въ каждомъ), и продается по 10 рублей, но сыворотка должна быть свѣжая, а не кислая. Когда же она скислась, или стояла цѣлую недѣлю и долѣе, прежде нежели обращена въ кормъ свиньямъ, то она мало годится для корму. *Путешествіе Вилліама Стона въ Нидерланды. Quarterly Journal of Agriculture.*

Яценковъ.

О ГОЛЛАНДСКИХЪ КАРМАННЫХЪ ВѢСКАХЪ ДЛЯ ВѢШИВАНІЯ ЗЕРНОВАГО ХЛѢБА.

На Амстердамской хлѣбной биржѣ и во всей Голландіи издавна употребляютъ вѣски въ маломъ размѣрѣ, которыми покупатель узнаетъ вѣсъ и доброту зерноваго хлѣба и масляныхъ сѣмянъ, и по вѣсу на сихъ маленькихъ вѣскахъ назначаются цѣны.

Вѣски сія состоятъ изъ двухъ мѣдныхъ чашъ или мѣрокъ, наподобіе маленькихъ стопокъ, повѣшенныхъ на коромыслѣ, по срединѣ котораго утверждена стрѣлка, какъ

* Икусные фабриканы сыра утверждаютъ, и мы собственнымъ опытомъ удостовѣрились, что излишняя закваска дѣлаетъ всякій сыр рылымъ.

въ обыкновенныхъ вѣсахъ. Употребляемые для сихъ вѣсковъ развѣсы дѣлаются въ уменьшенномъ видѣ, такъ напримѣръ: $\frac{1}{100}$ или $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{100}$ доля фунта принимается за цѣлый фунтъ. Соразмѣрно тому уменьшена и ёмкость мѣрокъ или чашъ. При такомъ устройствѣ, одна мѣрка насыпается зерномъ и сгребается гребкомъ, а въ другую кладется развѣсъ, пока указательная стрѣлка остановится прямо вертикально; тогда положенный развѣсъ покажетъ истинный вѣсъ зерна, почему узнается и доброта онаго.

Такіе вѣски употребляются, кромѣ Голландіи, въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, а также и въ Россіи, въ Архангельскѣ, и наиболѣе въ Ригѣ. Они признаны весьма удобными и совершенно соответствующими своей цѣли; почему всякій биржевый маклеръ и купецъ, занимающійся торговлею хлѣбомъ, имѣетъ ихъ при себѣ въ карманѣ. Счастливый случай сдѣлалъ, что вѣсъ Голландскій легко можно рассчитать на вѣсъ Россійской четверти зерноваго хлѣба или семенн; и именно:

Если мѣрка сихъ вѣсковъ, насыпанная пшеницею, вѣситъ 128 фунтовъ, то помноживъ сей вѣсъ на три, укажетъ вѣрный вѣсъ Русской четверти.....9 пуд. 24 фунт.

Рожью, 116 фунт.....	8	28
----------------------	---	----

Семенемъ льнянымъ Рязскимъ, 112 фунт...8	16
--	----

То жъ Прусскимъ, 106 фунт.....	7	38
--------------------------------	---	----

Семенемъ коноплянымъ Рязскимъ, 91 фунт.6	35
--	----

Въ Голландскихъ преисъ-курантахъ всегда назначается цѣна зерноваго хлѣба съ показаніемъ вѣсу онаго; напримѣръ, въ послѣднемъ преисъ-курантѣ изъ Амстердама мы читаемъ: «На вчерашнемъ рынкѣ проданы были: лучшая Польская пшевица вѣсомъ 128 фунтовъ по 250 гульденовъ за ластъ; новая Голштинская вѣсомъ 127 фунтовъ по 168 гульденовъ; Рейнская вѣсомъ 130 фунтовъ по 180 гульд.; Датскій ячмень вѣсомъ 109 фунт. по 85 гульд.; Фрисландскій овесъ вѣсомъ 91 фунт. по 86 гульд. за ластъ и такъ далѣе. Стоитъ только помножить вышепоказанный вѣсъ на три, чтобъ узнать вѣрный вѣсъ Россійской четверти, а цѣна каждаго сорта хлѣба за ластъ показана выше, а именно:

Пшеница 128 фунт.

 $\times 3$

384 фунт. или 9 пуд. 24 фунт. стоитъ 250 гульд.
то есть, если четверть пшеницы вѣситъ 9 пуд. 24 фунт.,
то цѣна ей за ластъ 250 гульденовъ; и такъ далѣе.

ВЕЗМЕНЪ ДЛЯ ВЗВѢШИВАНІЯ ЗЕРНОВАГО ХЛѢБА, ИЗОБРЕТЕННЫЙ КОПЕНГАГЕНСКИМЪ МЕХАНИКОМЪ ТИЛЕМЪ.

Извѣстно, съ какими трудностями сопряжено бываетъ взвѣшиваніе зернового хлѣба въ большихъ партіяхъ, для узнанія относительной его тяжести. Голландцы давно уже употребляютъ для сего уменьшительные вѣски, которыми, насыпавши осторожно въ одну мѣрку хлѣбъ, а въ другую положивши развѣсъ, узнаютъ относительную тяжесть онаго. Но употребленіе сихъ вѣсковъ требуетъ большаго навыка, а особливо по трудности разсчитывать Голландскій вѣсъ на употребительный въ другомъ какомъ либо государствѣ. Для отвращенія сего послѣдняго неудобства, выдумали въ Англіи простѣйшій способъ взвѣшиванія, а сіе подало поводъ Копенгагенскому инструментному мастеру, Тилею, къ изобретенію патентованныхъ вѣсковъ для хлѣба.

Вѣски сія состоятъ изъ одной мѣдной мѣрки, нагнѣтимо-стію въ $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ потта,² которая, будучи наполнена зерновымъ хлѣбомъ, привѣшивается къ безмену, косто подвижное кольцо показываетъ вѣсъ хлѣба по Датскому вѣсу. Впослѣдствіи Г. Тиле, для большей удобности торговцевъ, началъ готовить свои безмены съ Датскою, Голландскою и Англійскою скалою (масштабомъ), по которой тотчасъ можно видѣть, сколько одна Датская бочка хлѣба составляетъ на Голландскій вѣсъ мѣшковъ или шеелей, или на Англійскій вѣсъ бушелей.

При такомъ устройствѣ, безменъ Тилевъ имѣетъ предъ Голландскими хлѣбными вѣсками то важное преимущество, что вѣрность вѣса тотчасъ можетъ быть повѣрена мѣрою и вѣсомъ хлѣбной бочки, а напротивъ того Голландскіе карманные хлѣбные вѣски не способны къ повѣркѣ, а между

¹ Въ предыдущей статьѣ мы показали, что сія трудность въ разсчисленіи Голландскаго вѣсу на Россійскій, вовсе не существуетъ.

² Поттъ равенъ $\frac{1}{144}$ части Датской бочки.

тимъ неизбежно случается, что, какъ мѣрки, такъ и разгѣсы отъ частаго употребленія дѣлаются невѣрными; отъ чего и происходятъ иногда большія непріятности.

Несмотря на сія очевидныя преимущества Тилеваго безмена противъ Голландскихъ вѣсковъ, опыты указалъ однако же еще нѣкоторые недостатки въ ономъ, происходящіе отъ насыпыванія хлѣба въ мѣрку, когда оно производится неопытною рукою: ибо для сего нуженъ большой навыкъ и умѣнье, какъ насыпать хлѣбъ въ мѣрку; даже и самый привычный къ сему дѣлу иногда ошибается, а особливо когда при случающихся спорахъ теряетъ равнодушіе, и дѣйствуетъ дрожащими отъ запальчивости руками.

Чтобы пособить и этому недостатку, Г. Тиле, послѣ многократныхъ опытовъ, наконецъ доискался, съ какою скоростію каждый родъ зерноваго хлѣба, наиболѣе въ торговлѣ обращающійся, долженъ насыпаться въ мѣрку, чтобъ всегда давалъ одинъ и тотъ же вѣсъ, и сообразно этому устроилъ хлѣбную воронку, помощію которой мѣрка его безмена наполняется хлѣбомъ, и потомъ сгребается гребкомъ. Посредствомъ сей воронки можетъ и самый неопытный наполнить мѣрку надлежащимъ образомъ, и быть увѣренъ, что получить вѣрный, безошибочный вѣсъ.

Вразсужденіи вѣрности сей воронки, Г. Тиле получилъ отъ трехъ Копенгагенскихъ товарныхъ маклеровъ слѣдующее одобрительное свидѣтельство:

«По приглашенію инструментальнаго мастера, Тилля, мы нижеподписавшіеся были личными свидѣтелями опытовъ, произведенныхъ надъ новоустроенною имъ воронкою, для насыпыванія хлѣбной мѣрки, вывѣстимостію въ $\frac{1}{2}$ потта, и усмотрѣли, что по многократной вымѣрки одвой бочки, указной мѣры, разныхъ сортовъ хорошо очищеннаго хлѣба четырьмя разными мѣровниками, каждая бочка хлѣба взвѣшена была на безменѣ его, Г. Тилля, съ помощію насыпыванія тою воронкою, то вѣсъ и мѣра оказались совершенно вѣрными. Посему, польза оной воронки очевидна, а какъ посредствомъ оной всякой въ состояніи вѣсить хорошо очищенный пробы хлѣба съ такою же вѣрностію, какъ самый искусный, чѣмъ отвращаются всякіе споры между продавцемъ и покупателемъ: то мы охотно даемъ сіе одобрительное свидѣтельство на счетъ означенной воронки Г. Тилля. Копенгагенъ, 6 Іюня 1832.

Подписали: В. Т. Зинхенбергъ.

Ф. Госкіаеръ.

М. Готтентъ.

Штесенбергъ.

Такая воронка стоитъ 5 рейхсталеровъ бумажками (около 12 руб. 50 коп. асс).

Безменъ съ мѣркою въ $\frac{1}{2}$ потта, стоитъ:

Съ Англійскою, Голландскою и Датскою

скалою.....13 сереб. талер.*

Съ Голландскою и Датскою скалою.....11

Съ одною Датскою скалою.....10

Изобрѣтатель воронки получилъ на нее отъ Датскаго правительства пятилѣтнюю привилегію, и донинѣ продаетъ уже оныхъ болѣе 1,000 штукъ.

Безменъ Тилевъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей:

а.) пустой круглой мѣрки, вмѣщающей $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ потта.

б.) мѣднаго безмена съ одинаковою, двойною, или тройною скалою.

с.) мѣднаго кольца на безменѣ, подвижнаго.

д.) нужнаго устройства для свободнаго ходу безмена.

Все въ мѣдномъ футлярѣ; почему и можно его носить въ карманѣ.

Воронка, на деревянной ножкѣ. Она жестяная; имѣетъ видъ тупоусѣченного конуса, и такъ установлена на ножкѣ, что образуетъ съ горизонтомъ уголъ около 15 градусовъ. Узкій конецъ сего пустаго конуса имѣетъ наклоненіе на-косъ, такъ что онъ находится повыше краевъ мѣрки. У сего конца придѣлана засовка, съ девятью нумерованными чертами (линіями); каждая изъ сихъ линій соответствуетъ особому роду зерноваго хлѣба. Такимъ образомъ, чѣмъ далѣе засовка выдвинется, тѣмъ шире дѣлается отверстіе воронки, и слѣдовательно, тѣмъ скорѣе зерно сыплется въ мѣрку. Напримѣръ: для ржаного сѣмени надобно выдвинуть засовку даже до первой линіи, No 1, отъ чего воронка получаетъ самое широкое отверстіе; а напротивъ того для ячменя надобно выдвинуть засовку только до девятой линіи, No 9, отъ чего отверстіе воронки будетъ самое узкое; и т. д. А чтобы можно было совсѣмъ запереть узкій конецъ воронки, то для сего придѣланъ къ оному еще наружный клапанъ, также мѣдный.

* Серебряный талеръ дороже бумажнаго пятью или шестью процентами.

V.

К Р И Т И К А :

ПИСЬМА ИЗЪ БОЛГАРИИ, писанныя въ 1829 году, Викторомъ Тепляковымъ. Москва, 1833.

IMPRESSIONS ET SOUVENIRS DE FINLANDE, etc. Впечатлѣнія и воспоминанія Финляндии. Сочиненіе К. Сенъ-Жюльена, Лектора Французской Словесности при И. С.-Петербургскомъ Университетѣ. Санктпетербургъ, 1834.

ИЗГНАННИКИ. Повесть, сочиненіе И. Калашникова. Санктпетербургъ, 1834.

Вотъ три поэтическія путешествія, или три живописныя картины трехъ совершенно разныхъ Природъ! Они вышли въ свѣтъ почти въ одно время, и если ничего не доказываютъ какъ путешествія или картины, по крайней мѣрѣ свидѣтельствуютъ о направленіи, какое принимаетъ въ наше время понятіе о обязанностяхъ писателя, издающаго свои наблюденія надъ страною, любопытною или малоизвѣстною. Прощай точность, прощайте топографическія и статистическія разысканія! Воображеніе странника хочетъ говорить съ воображеніями домосѣдовъ; поэзія рѣшилась дать вамъ лучшее понятіе объ истинѣ, чѣмъ вѣрный отчетъ о томъ, что самъ онъ видѣлъ и замѣтилъ. Для раскрытія этого факта, мы присоединили къ двумъ сочиненіямъ нынѣшняго года и «Письма изъ Болгаріи» Г. Теплякова, о которыхъ прежде не хотѣли говорить въ подробности, съ досады на нихъ за то, что они назвались книгою 1833 года, хотя существованіе ихъ въ мірѣ отнюдь не древнѣе этого Журнала.

Т. III. — Отд. V.

Есть въ судьбѣ человѣческой нѣчто такое странное и неизяснимое вразсужденіи неизбежности, — того, что Греки называли *анахы*, того, что мы называемъ фатализмомъ, — что наконецъ, я думаю, всѣ люди будутъ принуждены сдѣлаться Турками и повѣрить въ предопредѣленіе. Авторъ «Писемъ изъ Болгаріи» родился поэтомъ, хотѣлъ быть поэтомъ всю жизнь, — нѣтъ! — въ книгѣ судебъ, въ шутку или по ошибкѣ переводчиковъ, перелававшихъ ее на Русскій языкъ, было написано — *Ты будешь антикваріемъ!* — и онъ, легши спать свечера въ лирическомъ расположеніи духа, на другой день проснулся испытателемъ Древности. Фатализмъ снесъ самъ его чемоданы въ таможенную, — то было въ Одессѣ; ворота карантина, страшныя ворота, на которыхъ поэзія написала собственною рукою, —

Lasciat' ogni speranza, voi ch'entrate!

пропустили гонимаго рокомъ, и со скрипомъ затворились за нимъ; онъ только имѣлъ время вымолвить со вздохомъ—Свершилось! — и уже бригъ *La perseveranza*, сирѣчь «Терпѣніе», приготовленный судьбою на рейдъ и какъ-будто нарочно такъ названный, для внушенія ему покорности ея волѣ, мчитъ его по Черному Морю, быстро увлекаетъ отъ настоящаго, которое осталось далеко за кормою, и везетъ въ прошедшее, въ темную область антикварства, поросшую мхомъ и загроможденную развалинами, съ которыхъ слѣтъ надежда и куда присѣла сѣрая, зловѣщая стая воспоминаній, — настоящихъ умственныхъ филиновъ съ фосфорнымъ глазомъ, свѣтящимся во мракъ, но несогрѣвающимъ сердца, съ налипшимъ цитатами ключомъ и съ наслѣдственною гордостью еще той классической совы, которую люди долгое время принимали за мудрость. Онъ брошенъ въ Варну, среди Турокъ и Турчанокъ: онъ смотритъ на нихъ, они смотрятъ на него, — назадъ податься стыдно, — очутившись между

такихъ народовъ, хотя-не-хотя надобно быть Ученымъ, — и онъ пошелъ бродить по городу съ важнымъ видомъ чловѣка, который взираетъ на людей и на вещи съ высоты десяти столѣтій. Браня новое свое ремесло, онъ остановился у одной лавки, гдѣ сидитъ неподвижный Турокъ, автоматъ въ чалмѣ и съ длинной трубкой, и сказалъ ему, что онъ попался въ археологи.

— *Аллахъ керимъ!* «великъ Богъ!» отвѣчаетъ ему автоматъ: предопредѣленію противиться невозможно!

— Ну, есть у тебя антики?

— *Юкъ!* (нѣтъ)!

«Легкое наклоненіе головы или лаконическое «Юкъ!» произнесенное съ холодною важностію и съ отвращеннымъ въ ту же минуту лицомъ, есть единственный отвѣтъ его въ знакъ отрицанія. Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, *автоматъ* начинаетъ мало-по-малу приходить въ движеніе; грустная улыбка появляется на устахъ его; кожаный мѣшокъ развязывается иногда цѣлые полчаса; и наконецъ — множество различныхъ монетъ: старыхъ талеровъ, флориновъ и часто нашихъ полновѣсныхъ Павловскихъ грошей и копѣекъ, сыплется передъ вами на столъ вмѣстѣ съ драгоценными медалями Греціи. Въ эту минуту вся фізіономія нумизмата оживляется быстротою переменною: жажда корысти становится главнымъ ея выраженіемъ; глаза, дотош почти неподвижные, начинаютъ разбѣгаться во всѣ стороны, какъ будто страшась согласія съ движеніями и словами честнаго спекулятора. Благотѣльная пить Аріадны необходима въ лабиринтѣ слѣдующихъ за симъ тонкостей. Не имѣя ни малѣйшаго понятія о достоинствѣ своего товара, купецъ подстерегаетъ всѣ ваши движенія, и если замѣтитъ, что вниманіе ваше обращено въ особенности на какую-либо монету, то вы можете быть увѣрены, что грозное 800 или 1000 левовъ, подобно внезапно электрическому удару, оттолкнетъ васъ отъ оной. Разгадавъ наконецъ сію важную тайну, я рѣшился посвящать всѣ наружные знаки моего вос-

торга и удивленія старымъ грошамъ и копѣйкамъ. Такимъ только образомъ удалось мнѣ купить до сихъ поръ нѣсколько древнихъ монетъ и медалей, изъ коихъ нѣкоторыя кажутся мнѣ драгоценными.»

Но антикварій-поневоля вознаградилъ себя за скуку этой комиссіи, къ которой повсюду обнаруживаетъ онъ рѣшительное отвращеніе, весьма занимательною и живописною бесѣдой съ молоденькою супругою своего хозяина, Селима. Онъ спрашивалъ «очаровательную Деспину», — страшно ли ей было, когда Русскіе, во время осады, стрѣляли въ Варну? Она отвѣчала ему: — *Хайръ!* (ни сколько!) Было очень весело. Бомъ, бомъ, бомъ!.... И они хохотали отъ чистаго сердца.

Какъ Г. Тепляковъ неохотно разсуждаетъ о Древностяхъ, за которыми посланъ былъ судьбою, то мы оставимъ въ покоѣ выписки его изъ Мальтъ-Бруна, Бларсберга и Гаммера, и приведемъ нѣсколько сообщенныхъ имъ описаній современности.

«Съ палубы корабля, Варна и ея окрестности представляютъ картину столь очаровательную, но вмѣстѣ столь страшную и неопредѣленную, что для изображенія оной нѣжныя краски Авзоніи должны, кажется, непременно войти въ сочетаніе съ яркимъ колоритомъ Востока. Городъ и крѣпость построены на легкой покатости, образуемой склоненіемъ горъ, зеленѣющихъ сугубымъ оплотомъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ Варны: съ южной и сѣверной. Западная часть крѣпости смотрится въ зеркало Девнинскаго Лимана, а восточная стоитъ повелительнымъ рубежемъ надъ необозримою равниною моря, коего волны съ шумомъ и грозною покорностію умираютъ у ногъ доселѣ не приступной твердыни. Съ этой стороны толстыя стѣны крѣпости чрезвычайно потерпѣли отъ посылокъ нашей артиллеріи: широкіе проломы и обильныя груды каменьева громко говорятъ о мѣткости Русскихъ пушекъ. Въ сей-то разстрѣлянной оградѣ пестрѣетъ обширный амфитеатръ домовъ и мечетей, фруктовыхъ садовъ, мраморныхъ фонтановъ и свежихъ,

повсемѣстныхъ развалинъ. Надъ сими-то разнообразнымъ хаосомъ высокіе минареты возносятъ свои серебристые куполы, окованные яркоблещущими листами полированной жести или олова. Внутренность города представляетъ Европѣйцу картину еще болѣе необыкновенную: дома обращены окнами на дворъ, дворы закрыты густою зеленью. Улицы столь тѣсны, что едва ли три человека могутъ рядомъ проходить свободно, а строения такъ сжаты, что въ самый полдень свѣтъ борется съ тѣнью между рядами сихъ однообразныхъ стѣнъ, непроницаемыхъ для любопытнаго странника, непроницаемыхъ для любопытства черноокой восточной красавицы.... Не думайте, между тѣмъ, чтобы Варна была вездѣ такъ темна и однообразна; трудно, напротивъ, изобразить эту очаровательную постепенность, съ коею здѣшнее великолѣпное солнце выходитъ изъ темницы сихъ безтолковыхъ, перепутанныхъ улицъ. Становясь мало по малу красивѣе и явственнѣе на углахъ перекрестныхъ строеній, оно сосредоточиваетъ все золото жаркихъ лучей своихъ на просторъ небольшихъ площадокъ, посреди коихъ уединенный мраморный фонтанъ журчитъ обыкновенно подъ тѣнью ореховыхъ, шелковичныхъ и разныхъ другихъ деревьевъ. Эти фонтаны попадаются здѣсь почти на каждомъ шагѣ; возглавія ихъ изпещрены кудреватыми Восточными надписями. Считаю за лишнее говорить, какъ отрадна холодная струя сихъ прекрасныхъ водоемовъ во время томительныхъ жаровъ долгаго Болгарскаго лѣта. Не взирая на сіе поясненіе, вы, по моему описанію, можете быть заключите, что Варна мертвый, безцвѣтный городъ: напротивъ. Взгляните на эту узкую, кривую, по безконечную улицу: какой шумъ! какая суетливость! Вотъ лавка съ косметическими товарами Востока, вотъ другая съ благовонной *халвою*, съ плодами, съ разными Цареградскими лакомствами. Тамъ пестрѣются шелковыя издѣлія роскошнаго Стамбула; здѣсь дымится кофе въ маленькихъ синихъ чашечкахъ, вставленныхъ въ серебряныя, сдѣланныя наподобіе вазъ блюдечки, а не въ далекъ алѣетъ шербетъ ароматный. Мастерская портнаго, лавка пирожника, булочника съ засученными по шею рукавами — все это наружу, все открыто; улица изукрашена, такъ сказать, картинами изъ Тысяча и Одной Ночи.»

По соображенію нашего путешественника, Варна имѣетъ около 4000 домовъ и 26,000 жителей.

Я насчиталъ въ Варнѣ, говоритъ онъ далѣе, пять или шесть мечетей, кромѣ тѣхъ, кои превращены въ прахъ нашими пушками, и отыскалъ не менѣе сего церквей Христіанскихъ. Я говорю отыскалъ, ибо фанатизмъ правотѣрныхъ сравнивалъ ихъ съ кровлями другихъ строеній. Двѣ только церкви, по видимому древнѣйшія въ Варнѣ, возносятся остатки своихъ готическихъ колоколенъ надъ окружающими ихъ домиками. Одна изъ нихъ служила, какъ говорятъ, Туркамъ наблюдательною башнею во время последней осады: она избита нашими ядрами. Я вошелъ во внутренность церкви: прахъ и запустѣніе! На стѣнахъ, между тѣмъ, замѣтны еще образа святыхъ, писанные по штукатуркѣ; но повѣрите ли: слѣпое неистовство Оттомановъ обратило даже и на эти нѣмыя изображенія дикіе порывы своей безсильной ярости: въ одномъ мѣстѣ — выколотые глаза, въ другомъ — ликъ искаженный!... Впрочемъ, здѣсь и нетронутые Христіанскіе храмы представляютъ повсюду печальный видъ нищеты и разрушенія. Вотъ вамъ въ нѣсколькихъ словахъ изображеніе здѣшней Греческой церкви: почти всѣ онѣ построены посреди широкихъ дворовъ, окруженныхъ сѣрыми каменными заборами и устланныхъ надгробными мраморами. Подобно костямъ, тлѣющимъ на равнинѣ старой битвы, эти унылые памятники мелькаютъ повсюду изъ-за высокой травы, и наводятъ на душу, мертвымъ отблескомъ холодной близины своей, самыя печальныя размышленія. Внутренность храма ни сколько ихъ не разсѣиваетъ. Тѣсный, сумрачный, обнаженный, онъ раздѣленъ на двѣ половины: въ одной собираются мужчины, въ другой — женщины. Тусклый свѣтъ лампы трепещетъ на темныхъ краскахъ и на угасшей позолотѣ иконъ, современныхъ по крайней мѣрѣ царствованію послѣднихъ Палеологовъ; а на полу и часто даже на стѣнахъ, вы встрѣчаете вдланный обломокъ мраморнаго барельефа съ языческою надписью.... Греки и Римляне, Архонты и Кесари, Язычники и Христіане — вѣка смѣшались въ семъ безмолвномъ хаосѣ яркія черты бытія ихъ — и слѣды онаго еще живы здѣсь! — Каждый

церковь охраняется обыкновенно одною старою отшельницею, которая и обитаетъ тутъ же, посреди развалинъ. Эта же самая Сивилла служить единственнымъ *чичероне* набожности и любопытству.»

Отправляясь на археологическіе поиски, на охоту за Римскими «грошами и копѣйками», и за «писанными камнями», — такъ называютъ тамъ древніе мраморы съ надписями, — авторъ имѣлъ случай собрать болѣе доказательствъ суевѣрія нынѣшнихъ Грековъ, чѣмъ памятниковъ славы древнихъ. Одинъ изъ нихъ увѣрилъ его, что въ стѣнахъ Варны заложенъ какой-то «писанный» камень чудесныхъ свойствъ, который онъ указалъ бы ему отъ всей души, если бъ не былъ увѣренъ, что крѣпость разрушится въ ту же минуту, когда этотъ камень будетъ вынутъ изъ стѣнъ ея. Мѣстный Митрополитъ имѣлъ въ своемъ владѣніи другой не менѣе чудесный талисманъ этого рода, — какой-то ничтожный барельефъ, который соглашался онъ уступить путешественнику за пятьсотъ піастровъ. Недалеко отъ Варны, въ Аладжа-Монастырь, добродушные монахи рассказывали ему, что, по преданіямъ, обитель ихъ построена на мѣстѣ Эллинскаго города, Филиппополя, и что въ его непроницаемыхъ подземельяхъ сокрыты несмѣтные богатства. Разъ, одинъ изъ иноковъ спустился ночью съ потаеннымъ фонаремъ въ эту завѣтную глубину, но толпа языческихъ чертей, лѣшихъ и разнаго разбора чудовищъ обскочила его внезапно, онъ лишился чувствъ, и, когда, послѣ долгихъ поисковъ, товарищи нашли его лежащаго у входа въ «проклятую» пещеру, борода у него была разбрана въ безчисленное множество плетешковъ, скрученныхъ наподобіе тонкой бичевки, и всунута въ ноздри. Зато, въ глубокихъ его карманахъ оказался цѣлый четверикъ золотыхъ и серебряныхъ медалей, а въ сжатыхъ кулакахъ держалъ онъ нѣскольکو дорогихъ талисмановъ. Пришедъ въ себя, онъ по-

въдалъ удивленной братій свое неслыханное приключеніе.

Важнѣйшій археологическій подвигъ автора есть посѣщеніе Гебеджинскихъ развалинъ, которыхъ приложилъ онъ литографированный видъ къ своему сочиненію. Гдѣ много поэзіи, тамъ обыкновенно мало бываетъ опредѣлительности: вотъ все, что онъ сообщилъ намъ положительнаго объ этомъ поприщѣ своихъ наблюденій:

«Проѣхавъ версты двѣ — три, я вдругъ увидѣлъ передъ собою небольшую песчаную площадку и на ней — шесть съроватыхъ каменныхъ колоннъ, возвышающихся симметрически на прямой чертѣ другъ подле друга. Громкое восклицаніе было при семъ видѣ первымъ знакомъ моего невольнаго удивленія; но Полковникъ Л. не далъ мнѣ времени довершить изліяніе онаго. Проѣхавъ съ равнодушнымъ молчаніемъ мимо сего любопытнаго мѣста, онъ опять углубился въ лѣсную чашу. Я безмолвно подвинулся за нимъ еще сажень на двѣсти впередъ, и вдругъ остановилъ вновь свою лошадь. Обширная перспектива колоннъ, подобныхъ тѣмъ, кои остались позади насъ, удеситерила мое прежнее удивленіе. Мелькая изъ-за пышной занавѣсы кустарника, начавшаго при мѣтнымъ образомъ рѣдѣть въ этомъ мѣстѣ, огромныя массы сихъ необыкновенныхъ колоннъ предстали глазамъ моимъ въ полномъ блескѣ самыхъ великолѣпныхъ древнихъ развалинъ.

Обширная площадь развертывается передъ вами при выѣздѣ изъ глубины окружающаго ее со всѣхъ сторонъ лѣса. На этой площади, пересѣкаемой въ нѣсколькихъ мѣстахъ высокимъ кустарникомъ, громады сихъ исполинскихъ колоннъ тянутся, или лучше сказать, разсыпаны по пространству болѣе трехъ верстъ. Я говорю разсыпаны, ибо въ расположеніи оныхъ не замѣтно ни порядка, ни обыкновенной архитектурной послѣдовательности. Цѣлыя тысячи сихъ чудесныхъ колоннъ поражаютъ васъ самыми странными формами. Въ иныхъ мѣстахъ — онѣ возвышаются совершенно

правильными цилиндрами; въ другихъ — представляютъ видъ башни, обрушенной пирамиды, устьченного конуса; иныя дѣлаются къ низу толще и кажутся опоясанными широкими карнизами. Есть возвышенія, на коихъ нѣсколько подобныхъ столбовъ такъ густо составлено, что заставляютъ невольнымъ образомъ думать объ остаткѣ древняго портика. Внутренность нѣкоторыхъ изъ нихъ пуста и наполнена сѣрою песчанною массою.»

Въ сильномъ взрывѣ восхищенія, сочинитель не находитъ, во всемъ Русскомъ словарѣ, эпитетовъ, довольно выпренихъ и длинныхъ для этихъ развалинъ: онъ называетъ ихъ *необыкновенными*, называетъ *изумительными*, называетъ *исполинскими*, — спрашиваетъ даже, какіе должны были быть люди, которые были въ состояніи сдѣлать колонны въ $4\frac{1}{2}$ фута толщины. Всѣ горы, всѣхъ поэтовъ, всѣхъ Гумбольтовъ и Блументбаховъ, призываетъ онъ удивляться этимъ остаткамъ древнихъ зданій. Это ужъ совершенно напрасно! Что касается до людей, упоминаемыхъ путешественникомъ въ этомъ вопросѣ, то весьма легко сдѣлать расчетъ ихъ величинъ: люди, которые были въ силахъ дѣлать колонны въ $4\frac{1}{2}$ фута, должны были ростомъ въ аршинъ съ четвертью, потому что мы, имѣя росту $2\frac{1}{2}$ аршина, очень легко дѣлаемъ колонны въ 8 и 9 футовъ діаметра. Приложенная картинка Гебеджинскихъ развалинъ не даетъ намъ замѣтить въ нихъ ничего необыкновеннаго: «величественнымъ» свѣдѣмъ видомъ онъ чрезвычайно напоминаютъ скудные остатки *Pium Novum*, на Троянской равнинѣ, и такихъ памятниковъ можно видѣть множество въ Греціи и Малой Азіи, гдѣ онъ были бы причислены къ развалинамъ третьяго разряда. Если такъ громко восклицать о нѣсколькихъ десяткахъ торчащихъ изъ земли столбовъ безъ капителей, что жъ тогда останется автору сказать о развалинахъ Аѳинъ, Рима, Балбекка, Джеразы, Луксора, Карнака, Мединетъ-Табу

или Эбсамбула, не говоря уже о Пирамидахъ или Пальмирь? Г. Теплякову очевидно не доставало точекъ сравненія: онъ вышелъ въ этомъ мѣстѣ изъ предѣловъ не только Европейской описательной поэзіи, но и самой смѣлой Турецкой иперболы.

Но если поверхностное описаніе Гебеджинскихъ Древностей не удовлетворило нашему любопытству, и тяжкія усилія полу-ученаго восторга, которымъ хотѣлъ онъ поэтизировать ихъ картину, непріятно поразили насъ при чтеніи его книги, все остальное доставило намъ въ ней истинное удовольствіе, — за исключеніемъ, быть-можетъ, немногихъ мѣстъ, обезображенныхъ напрасными замашками полиглоттизма, безвкусіе которыхъ даже не всегда искупается у него точностью правописанія. Напримѣръ *кита ууемичиц*, — сочинитель вѣрно хотѣлъ сказать *кита ууемичиц*? Но это бездѣлица: мы не принадлежимъ къ числу антикваріевъ, и читателей, которыхъ Г. Тепляковъ очень остроумно называетъ «микроскопическими», и готовы читать всегда такія милыя, легкія беззаботныя книги, какъ его «Письма изъ Болгаріи», даже съ этими недостатками и еще нѣкоторыми несправностями слога. Авторъ въ особенности увлекателенъ въ описаніяхъ мѣстной Природы.

«Узкая дорожка тянулась передо мною то серебряной, то золотою лентою между высокихъ холмовъ, разбросанныхъ въ дикомъ, но плѣнительномъ безпорядкѣ по лѣвому берегу моря, и уже въ (началѣ Марта) одѣтыхъ яркою пеленою травы и кустарника, уже увѣнчанныхъ зелеными букетами миртовъ, терновника и разныхъ другихъ растений. Мѣстами, семи распустившихся черешень, дикихъ яблонь, грушевыхъ и персиковыхъ деревьевъ растворяли воздухъ своимъ ароматическимъ запахомъ, и неожиданно прерывали одиобразную перспективу зелени, качая бѣлые и розовые цвѣты свои вокругъ сихъ огромныхъ холмовъ, первыхъ ступе-

ней древняго Гемуса. Иногда уединенный фонтанъ выглядывалъ изъ-подъ навѣса огромнаго грецкаго орѣшника, и сверкая, подобно растопленному серебру, въ промежуткахъ темнозеленыхъ листьевъ его, сливалъ медленное свое журчаніе съ ихъ томнымъ, усыпительнымъ говоромъ. Я оставался передъ каждымъ изъ сихъ фонтановъ, и съ любопытствомъ разсматривалъ испещряющія ихъ Восточныя надписи, жалѣя и досадуя, что не могъ постигать тайнаго, вѣроятно поэтическаго ихъ смысла.»

.....

«Напрасно сталъ бы я искать красокъ для изображенія этой волшебной Природы, которая очаровывала меня на каждомъ шагу во время сей восхитительной прогулки. Разбросанные по берегу обломки каменныхъ громадъ, фантастическая дикость приморскихъ скалъ, шумные порывы волнъ, бѣгущихъ издалека на исполинскія стѣны ихъ, и отлетающихъ клубами серебряной пыли отъ ихъ гранитныхъ панцирей, свѣжая горная вѣтка, трепещущая надъ неукротимой стихіею, говорливый фонтанъ, орошающій крупными слезами ея изумрудные листья, пестрая пелена земли, ясная лазурь восточнаго неба, живописныя группы холмовъ и деревьевъ...

Отъ пышнаго убора сей несравненной Природы вниманіе ваше отвлекается нерѣдко и здѣсь горами поэтическихъ развалинъ. Тамъ — обнаженный квадратъ повалившихся каменныхъ стѣнъ; тамъ — длинный параллелограмъ другаго, сокрушеннаго временемъ зданія... Въ нихъ сердце человеческое не пожалѣло бы, можетъ быть, вдохнуть часть собственной жизни своей для сравненія временъ протекшихъ съ настоящими.»

Какъ не читать, и, прочитавши, какъ оставить мыслію эти исполненные теплоты и души скилцы очаровательнаго неба, веселыхъ видовъ Мизіи, ея пышнаго растительнаго царства, убраннаго съдыми горами памятниковъ и разноцвѣтными, красивыми фонтанами, ея величественной Природы, наводненной волнами золотата свѣта и плѣнительнаго запаха, засыпан-

ной цвѣтами, плодами и безчисленными средствами блаженства? — Но надобно оставить все это волшебство Юга, и взглянуть на другую сторону огромной медали. Г. Калашниковъ, какъ-будто нарочно для того, чтобъ разочаровать и опечалить читателей Г. Теплякова, ведетъ ихъ, по сугробамъ снѣга, на берега Ледовитаго Моря, и показываеъ въ другомъ углу Шару же Природу мертвою, безобразною, окостенѣлою, безъ признака жизни, безъ искры свѣта, съ яростью свирѣпствующею противъ всего, созданнаго для ея украшенія. Изъ этого блистательнаго Востока, гдѣ счастье и роскошь всякія сутки возраждаются съ новымъ великолѣпіемъ, предводительствуемыя яркимъ и палящимъ свѣтиломъ, гдѣ все одушевленное плаваеъ въ нѣгѣ и отрадѣ, переселите вдругъ мысль свою въ Сибирскій Сѣверъ, въ пустынную страну съ безконечнымъ морозомъ въ 40 градусовъ и ночами въ два и три мѣсяца, — въ страну безъ вчера и безъ завтра какъ вѣчность, безъ движенія, безъ радости, гдѣ наслажденіе столь же мало извѣстно какъ и цвѣтокъ, гдѣ блѣдная и холодная луна постоянно исправляетъ должность солнца, дыханіе замерзаетъ съ трескомъ въ воздухѣ, сгущенномъ до степени тумана и примѣтномъ глазу какъ вода, и надежды ограничиваются томнымъ ожиданіемъ дня въ три-четверти часа, который называется тамъ *праздникомъ*, — и вы подумаете, что эти двѣ Природы находятся на двухъ отдаленныхъ планетахъ, — по крайней мѣрѣ поймете вы разницу между родомъ воображеній автора «Писемъ изъ Болгаріи» и сочинителя Повѣсти «Изгнанники».

«Станьте на дикихъ высотахъ Урала, говоритъ Г. Калашниковъ, за 60 градусовъ къ сѣверу, и бросьте взглядъ до безлюдныхъ береговъ Восточнаго Океана — что увидите? Безпредѣльную страну, уже отжившую свой вѣкъ; памятники древняго и великаго крушенія планеты; слѣды всемогущихъ вѣковъ, пролетѣвшихъ надъ дряхлою землею!

Тамъ погасшіе вулканы, скалы опрокинутыя, каменное нѣдро горъ, рѣками пробитое, ужасные остовы таинственныхъ жильцовъ первозданнаго міра, повсюду раскиданные, — и на гробахъ погибшихъ поколѣній темнѣютъ дебри, и стоятъ, какъ могильные памятники, безмолвныя скалы. Жизнь только украдкою бросаетъ тамъ свои зародыши, и смерть властвуетъ неотразимо, одѣянная мракомъ и хладомъ. Самый духъ человѣческій, сжатый враждебными стихіями, окрѣпъ и остановился тамъ на первой ступени бытія, и не смѣетъ ступить далѣе. Что такое тамошній человѣкъ? Въ чемъ проявляется его безсмертный разумъ? Чѣмъ отличается онъ отъ плотоядныхъ звѣрей, около него рыщущихъ?

Но что же? и посреди этихъ получеловѣковъ, и посреди этихъ мертвыхъ пустынь встрѣчаются души, правда, запененныя туда бурей бѣдствій, но души свѣтлыя, по крайней мѣрѣ, въ спокойствіи проходящія путь жизни, если не въ счастьи.

Чтобъ доказать, какъ тамъ скучно и холодно, и какимъ образомъ подлинно могутъ водиться и жить въ спокойствіи свѣтлыя души около устья Колымы и Баравьяго Камня, Г. Калашниковъ написалъ Повѣсть. Это напоминаетъ мѣру, придуманную извѣстнымъ Азансомъ, который, составивъ «Теорію взаимныхъ вознагражденій», поручилъ женѣ своей сочинить *шесть Повѣстей, доказывающихъ примѣрами* неоспоримую истину его наведеній. Какъ бы то ни было, мы приведемъ прекрасное описаніе восхожденія солнца, послѣ трехмѣсячной ночи.

«Былъ Январь, часъ девятый вечера, но это не былъ вечеръ: ибо безсмысленная ночь продолжалась уже съ половины Ноября. Заря вспыхивала, около полудня, на южномъ краѣ горизонта, и тотчасъ погасала; но солнце, прекрасное, благотворное солнце не восходило: ни просьбы; ни мольбы, ни какая сила и могущество человѣческое не властны были поднять его изъ далекихъ безднъ, и хотя на минуту дать взглянуть на его свѣтозарный ликъ.

«Пустынные семейства, съ которыми мы познакомили читателя, собравшись вмѣстѣ, въ домикъ Судьбы около чаю, наканунѣ возвращенія солнца, почти только и разговаривали объ немъ.

— Вотъ, братъ Григорій Петровичъ, сказалъ со вздохомъ Неволя, въ какомъ мѣстечкѣ Господь привелъ насъ пожить: и солнышка-то не скоро дождешься!

— За то мы лучше научились теперь цѣнить его.....

— Да, спасибо Бирону! Вотъ скоро исполнится уже тридцать лѣтъ, какъ мы занимаемся этою оцѣнкою! Правду сказать: онъ не могъ намъ дать лучшаго занятія, чтобы отъ насъ отдѣлаться!

— И я скажу, подхватила съ улыбкою Ольга, что лучше не желала бы знать вовсе цѣны солнцу, нежели сидѣть три мѣсяца почти въ потьмахъ. Такая скука! Какъ, я думаю, должны быть счастливы тѣ люди, отъ которыхъ оно никогда такъ на долго не скрывается! Я думаю, они не посмотрятъ на него.....

— Напротивъ тамъ, гдѣ оно появляется каждое утро, говорилъ Судьба, на него почти не смотрятъ, и даже не примѣчаютъ, есть ли оно на небѣ.

— Какъ? Неужели можно видѣть каждый день, въ теченіе года, такое прекрасное свѣтило, такое великолѣпное, такое благотворное, и имъ не любоваться и не смотрѣть на него?.... Ахъ, Боже мой, это даже невѣроятно!

— Ну теперь недолго! сказала Варвара Степановна. Если завтра будетъ ясная погода, то и я съ вами потащусь на гору, чтобы встрѣтить нашего милаго гостя..... Чай, и ты пойдешь, Анна Антоновна: вѣдь прежде мы всегда, бывало, вмѣстѣ праздновали этотъ день.

— Не знаю, Варвара Степановна, а надо: велить ли еще Богъ встрѣтить въ другой разъ, кто вѣсть?

— Ахъ! воскликнула Ольга: если бы меня не пустили, я умерла бы, кажется, съ тоски! Шутка ли? мы не видали солнышка цѣлыя восемь недѣль

— Дети! сказалъ Судьба съ отеческою добротою: вы теперь рветесь смотрѣть на солнце, а забыли, что чѣмъ болѣе будетъ увеличиваться день, тѣмъ менѣе будемъ мы видѣть этотъ великолѣпный фейерверкъ, который нынѣ безпрестанно горитъ надъ нашею головою..... Богачи тратятъ тысячи, чтобы увидѣть что нибудь этому подобное, а мы, бѣдники, видимъ это безпрестанно..... Нѣтъ, дети! твореніе Божіе равно прекрасно, какъ при владычествѣ дня, такъ и ночи, и, сверхъ того, не правдали, что, съ появленіемъ дня, человѣкъ почти теряетъ изъ виду небо, и весь погружается въ земную заботу, а ночь показываетъ ему во всемъ величіи Божіе всемогущество? Мнѣ кажется, тутъ есть даже какое-то тайное согласіе: когда наступаетъ время сна, подобіе смерти, тогда открывается надъ человѣкомъ вѣчность и безпредѣльность, символы безсмертія.

.....

Наконецъ часу въ одиннадцатомъ дня разсвѣтало.

— Слава Богу! воскликнулъ Невоя. Да гдѣ Варвара Степановна?..... Чай, собирается на гору?..... А потъ и мол старуха тащится..... Тѣу ты, Господи! какъ всѣ разорангидись! На всѣхъ новые партки и торбасы!

— Пора, пора! провозгласилъ Алексѣй Михайловичъ. Если итти, такъ мѣшкать нечего! Пойдемте, Варвара Степановна; я васъ поведу на гору.

Такимъ образомъ старики пошли впередъ, и вмѣстѣ съ ними Шалауровъ. Подъемъ на гору былъ довольно крутъ, но не снѣженъ; ибо снѣгъ былъ разметенъ вѣтромъ. Равнымъ образомъ вершина горы была почти совершенно чиста. Взойдя на нее, пустынники увидѣли предъ собою картину дикую, но величественную. Къ югу и западу видѣлась безпредѣльная тундра, убѣгавшая отъ зора; къ северу и востоку — море молчаливое, безмолвное, какъ вѣчность, со своими хрустальными, волшебными горами, горѣвшими, при переливахъ зари, разнообразными глянцами. Но вниманіе пустынниковъ было все обращено на юго-востокъ, гдѣ скрывался еще предметъ ихъ нетерпѣливыхъ ожиданій. Къ счастью, погода была ясная; холодъ, по причинѣ неболь-

шаго вѣтра, умеренный. Морозы на берегахъ Ледовитаго Океана менѣе, нажали во внутренности Сибири; при томъ во время вѣтра они дѣлаются умереннѣе.

— Кажется, теперь ужъ недолго? говорила Ольга.

— Да! свѣтъ на краю неба становится уже весьма блѣдъ, замѣтила Варвара Степановна.

— Много что еще минутъ пять! говорилъ Неволь.

— Дай Богъ, чтобы поскорѣе! сказалъ Андрей: въ пустынь поднимается туманъ, и облака, какъ нарочно, бѣгутъ быстро на югъ.....

— И скоро совсѣмъ закроютъ блѣдную мою луну! замѣтила Елисавета своему спутнику. Посмотрите на нее: какъ поблѣднѣла она, точно какъ бы отъ печали, что разстается съ нами!

Въ эту самую минуту, всѣ бывшіе на горѣ, не снося взоровъ съ юго-востока, воскликнули съ величайшею радостію: — Вотъ оно! Вотъ оно!

Золотой край солнца показался изъ за горизонта и блестящій лучъ его мгновенно разсыпался на милліоны алмазныхъ искръ инея, и, озаривъ ледяныя горы, засверкалъ яркими звѣздами по ихъ зеркальной поверхности. Завидѣлись вдали волшебныя башни, дворцы, города, сложенные изъ чистаго хрусталя не рукою смертнаго: *кто смертный бы къ нимъ прикоснулся?* Различныя видѣнія то приближались, то углублялись въ даль моря, по движенію волнъ, и внезапно самыя отдаленныя являлись самыми близкими, почти доступными ошупи рукъ. Этотъ оптической обманъ весьма часто случается въ полярныхъ моряхъ. Казалось, не законъ Природы владычествовалъ здѣсь, но очарованіе и волшебство.

Пустынники, съ минуты появленія перваго луча, смотрѣли, съ радостнымъ трепетомъ сердца, на восходъ давно невиданнаго ими солнца, и когда огненный шаръ его вышелъ весь изъ за отдаленной тундры, они бросились обнимать и поздравлять другъ друга съ желаннымъ и милымъ гостемъ. Елисавета и Андрей цѣловали руку Судьбы; Ольга въ во-

торгъ кинулась на шею отца. Всѣ были веселы, радостны, счастливы; всѣ чувствовали такое же восхищеніе, какое ощущаетъ иногда сердце при встрѣчѣ стараго и любезнаго ему друга, бывшаго въ долгой разлукѣ.

Между тѣмъ солнце, едва отдѣлившись отъ горизонта, опять начало склоняться къ нему; такъ что въ продолженіе одного часа были и утро и вечеръ. Пустыняжки дождались минуты заката, и тогда Судьба сказала: — Ну, друзья мои! пойдемте же, поблагодаримъ Бога, что онъ еще сподобилъ насъ увидѣть прекрасный день свой.

Несмотря на этотъ ужасъ, мракъ и морозъ изображаемой страны, несмотря даже на нѣкоторыя длинноты изображенія, Повѣсть Г. Калашникова занимательна, и читается съ пріятностію. Тотъ, кто любитъ разсматривать бытъ человека въ разныхъ и самыхъ противоположныхъ его видахъ, долженъ быть благодаренъ автору за выборъ предмета сочиненія: это новый, незнакомый міръ. Въ предисловіи сказано, что купецъ Шалауровъ лице извѣстное въ Сибири, отнюдь невымышленное, и что поэтому Повѣсть Г. Калашникова должна называться историческою. Мы этого не думаемъ. Все, что говорилось и говорится на свѣтъ на счетъ Историческаго Романа или Исторической Повѣсти, относится только къ такимъ предметамъ, гдѣ воображеніе писателя располагаетъ по-своему дѣйствіями, поступками и мыслями политическихъ лицъ, которыхъ всякое движеніе, всякое слово могли имѣть вліяніе на судьбу цѣлыхъ народовъ, и измѣнили бы самую Исторію, если бы дѣйствительно случились. Лица, такіа какъ Шалауровъ, — лица совершенно частныя, не составляютъ существа Исторіи, которой они не производятъ, хотя иногда въ ней упоминаются: въ крайнемъ случаѣ, *c'est de l'histoire bourgeoise*, — это была бы только Исторія второй гильдіи, — и такая Исторія сама собою есть Романъ, который можно поспра-

ведливости назвать бытописаніемъ частной жизни. Но это не уменьшаетъ достоинства Повѣсти Г. Калашникова, и мы готовы повторить объ ней слова того «умнаго» челоуѣка, упоминаемаго въ предисловіи, который писалъ къ автору : *ваша Повѣсть мнѣ очень нравится.*

Перейдемъ къ сочиненію Г. Сенъ-Жюльена : онъ приведетъ насъ въ любопытную землю, начинающуюся въ тридцати пяти верстахъ отъ Петербурга, и менѣе извѣстную его жителямъ, нежели Канада ; онъ дастъ намъ объ ней понятіе, сколько позволить то слогъ вѣка.

Г. Сенъ-Жюльенъ отправился въ Финляндію съ очевиднымъ намѣреніемъ производить новыи слогъ на счетъ Чухонцевъ, Чухонокъ и Чухоніи. Самое заглавіе его Путешествія указываетъ на образецъ, который онъ себѣ избралъ : авторъ, кажется, желалъ примѣнить родъ наблюдательности и манеру Г. Александра Дюма къ Шведамъ и Финнамъ. Не будучи обожателями ни процидательности, ни кисти взятаго въ подражаніе писателя, мы не станемъ разсматривать этой части труда Г. Сенъ-Жюльена, который, какъ-бы то ни было, написалъ книгу пріятную и заманчивую, — и извлечемъ изъ нея нѣсколько видовъ сосѣдней Финляндіи.

Выборгъ, Ситола, Иматра, — все это вещи полу-знакомыя. Подвинемся нѣсколько далѣе, пройдемъ даже Пумалу, и остановимся на великолѣпномъ Пуру-Веси, подъ стѣнами Нюслота.

«Насъ не обманули, говорить романтическій путешественникъ : мы были восхищены въ высочайшей степени. Озеро Пуру-Веси, фигуру котораго равно трудно описать, какъ и излучины Саймы, обширно подобно морю, и покрыто архипелагами острововъ ; кажется, Греція, перенесенная на Сѣверъ : это Шотландія ! Есть даже виды, очерченные въ отдаленной глубинѣ западнѣмъ туманныхъ горъ, повис-

шихъ въ воздухѣ и заброшенныхъ на край горизонта, тогда, какъ на ближайшемъ планѣ, высокіе утесы, наклонившіеся надъ водою, съ шумомъ отражаютъ бунующія волны: это Швейцарія. Далѣе, дремучіе лѣса простираются во всѣ стороны: они вторгаются вмѣстѣ съ мысами въ пучины озера, убираютъ его острова и отънимаютъ его заливы: это Финляндія.

«Мы упомянули о Швейцаріи. Я не видалъ въ Швейцаріи ничего подобнаго очаровательности этихъ видовъ. Озеро Леманъ исчезло бы передъ малѣйшею изъ этихъ блестящихъ площадей. Эти синеватыя горы, окружающія Пур-Веси и, постепенно умаяясь, сливающія очерки съ горизонтомъ, стоятъ прославленнаго вѣнца Альповъ, вѣчно одинаковыхъ, потому что здѣсь изумительная подвижность атмосферы двадцать разъ въ день измѣняетъ и разнообразитъ краски картины. Порой свѣтъ падаетъ теплый и обильный, и она рисуется опредѣлительно и чисто. Въ другой разъ онъ бьетъ внезапными отрывками, и сильно отбываетъ смѣлыя отсѣченія; иногда разливается слабо, сообщая цѣлому нѣчто нѣжное и задумчивое, поселяющее печаль въ души; то, наконецъ, свѣтъ уступаетъ мѣсто мглы или бурѣ, которыя попеременно набрасываютъ на нее покрывало или рвутъ, терзаютъ ее; но всегда выраженіе высокаго и суроваго величія напечатлѣно на ея эффектахъ. *Impressions et Souvenirs*, pp. 175—177.

«На другой день, — какая прелесть! — вставъ поутру при великолѣпномъ солнцѣ, мы смотрѣли съ Нюслота, и не могли налюбоваться на это озеро съ тысячею водъ, съ тысячею ободовъ, съ тысячею мысовъ, которое тянется безконечно и укрывается вдаль, — потомъ, опять появляется длинными атласными лентами позади туманныхъ чертъ, — потомъ, опять исчезаетъ, и наконецъ мелькаетъ въ послѣдній разъ на самомъ краю горизонта тонкою нитью, но примѣтною среди тѣни, но свѣтящеюся какъ серебряная полоска! — на это несмѣтное богатство перспективъ, это множество отливовъ, эту гармонію свѣтовъ и тѣней въ подробностяхъ волшебныхъ линій, между которыми теряется взоръ, переходя изъ очарованія въ очарованіе!

«А подлѣ васъ, подѣ вашими ногами, быстрая и шумная рѣка вырывается изъ вышняго озера; по ту сторону рѣки, первые дома Нюслота, веселые, украшенные террасами и живописными садами; надъ вами вѣнецъ изъ грозныхъ укрѣпленій съ тремя готическими замками, разсѣкающими перспективу, и, сверхъ-того, вокругъ обворожительная панорама!» Page 179.

Потомъ авторъ былъ еще свидѣтелемъ бури на Пуру - Веси.

«Увы! ночью поднялся сѣверо-восточный вѣтеръ, и накопилъ облаковъ на небѣ. Воздухъ оледенѣлъ; тонкій дождь обдекалъ его мгlistымъ покровомъ; всѣ вчерашніе блестящія виды исчезли. Гроза дула изо всей силы. Мы не узнали озера, — этого роскошнаго озера съ заколдованными глубинами, съ свѣтлыми сребристыми площадками, съ такими свѣжими островами, съ чертами, такими уныло-поэтическими. Теперь видѣнъ былъ только гнѣвъ, суровый и глубокій; слышно было глухое грохотаніе, разметавшее по воздуху что-то погребальное. Ухо поражалось испугомъ, тѣло подиралось дрожью. Это не выпрєннѣя ярость Оксана, не влажныя горы, величественно катящіяся лавиною и разбрызгивающіяся на взморьѣ, которое онѣ потопляютъ собою, изрыгая ревъ, полный и громкій. Буря на Пуру-Веси не имѣетъ ни какого сходства съ бурей на Океанѣ. Тамъ все нѣкоторымъ образомъ поверхностно и рисуется огромными чертами; тамъ ужасъ высокій. Здѣсь, — какая разница! озеро, вымощенное скалами, обставленное скалами, устьяное скалами, кипить съ неистовствомъ, сосредоточеннымъ въ его груди. Волны его коротки и остры: онѣ разражаются о прибрежный гранитъ, совершенно изорванный ими. Видъ озера раздираетъ сердце. Вода не синяя, — и не зеленая, — нельзя сказать сврая: она всѣхъ трехъ цвѣтовъ, изъ соединенія которыхъ рождается отливъ, отвратительный для глаза: въ немъ есть нѣчто адское. Множество острововъ погибло подѣ волнами; другіе мужественно выдерживаютъ приступъ бури, которая стѣбаетъ, вывертываетъ изъ корня, ломаетъ, сосны, растущія вѣнцомъ на ихъ челѣ. Волны попираютъ одна другую и дробятся, въ

серединѣ съжатой ими поверхности, на поглощенномъ камнѣ: тѣ, которыя избѣжали крушенія, мчатся къ берегу, наносятъ ему жестокий ударъ, отъ котораго онъ потрясся и растрескался, и отскакиваютъ назадъ: сила движенія Пур-у-Веси, кажется, происходитъ изнутри его, изъ его дна, — чего никакъ нельзя сказать объ Океанѣ. Цѣлые лѣса, придавленные вѣтромъ, склоняются, какъ колосья хлѣба, къ его вздутымъ пучинамъ; черезъ секунду они опять выпрямляютъ свои вершины, — потомъ гнутся въ другомъ направленіи. Искорененныя деревья носятъ по бушующей стихіи, которая сваливаетъ ихъ въ груды по заливамъ, вмѣстѣ съ тѣлами бобровъ и въкъшъ. Вороны и бѣлокрылые бакланы съ крикомъ уходятъ на крыши сосѣднихъ жилищъ.» *Page 208.*

Нашъ путешественникъ находилъ повсюду пропасть поэзіи, но бѣлаго хлѣба — ни куска. Самая непріятная статья поѣздокъ въ Финляндію за воспоминаніями и впечатлѣніями, есть недостатокъ съѣстныхъ припасовъ по станціямъ и трактирамъ, — но у кого сердце нѣжное и желудокъ безмятежный, тотъ можетъ питаться и быть сытъ созерцаніемъ прелестей Шведокъ и Чуховокъ, которыя, безъ шутокъ, прекрасны. Сочинитель посвятилъ много страницъ этой важной чертѣ поэтической Финляндіи, и судить о предметѣ, какъ опытный романтическій знатокъ бѣлокурыхъ дѣвъ съ сѣрыми и голубыми глазами. Другая коренная черта, — у зажиточныхъ Финляндцевъ есть хорошіе погреба съ отличными старыми винами. Эти два обстоятельства были бы достаточны для внушенія всякому охоты путешествовать по Финляндіи, но авторъ указываетъ еще на третье, о которомъ мы не должны умолчать.

Отъ «поэтической долины», Манчала, — совѣтуемъ прочесть описаніе ея въ подлинникъ, не то съѣздить въ Финляндію, и посмотреть сколько въ ней поэзіи, — по мѣрѣ приближенія къ Гельсингфорсу, страна те-

ряетъ свою величавость, но она все-еще живописна и сверхъ-того представляетъ видъ изобилія и довольства, проливающихъ отраду въ сердце. Обширные поля покрыты хлѣбомъ, хмѣлемъ и стадами; деревни красивы и часты; искусственные луга, фабрики, мельницы всякаго рода, обозы припасовъ и досокъ на всемъ протяженіи дороги, отличные почтовые дома, тучныя лошади, движеніе, чистота, опрятность, достатокъ, веселость въ лицахъ, восхищаютъ зрителя и предсказываютъ близость столицы. Особенно замѣтно это въ проѣздъ отъ послѣдней станціи до Гельсингфорса; но тутъ Природа лишается всей своей красоты, и только пѣвнительный видъ Финляндской столицы одинъ въ состояніи утѣшить взоры, напитанные великолѣпіемъ Мандалайской долины. «Повторяю, говоритъ Г. Сень-Жюльенъ: хотъ для того, чтобъ проѣхать по этой дорогѣ, стоитъ труда побывать въ Финляндіи.»

«Нѣкогда, въ углу одной изъ губъ Финнскаго Залива, наспротивъ Свеаборгскихъ утесовъ, пестрѣла куча низенькихъ деревянныхъ домиковъ, развѣленныхъ вдоль узкихъ, извилистыхъ, черныхъ и сырыхъ улицъ. На этихъ улицахъ не бывало толпы народа: только порой можно было встрѣтить нѣсколько человѣкъ Шведовъ, идущихъ по своимъ дѣламъ, которыя не были ни важны, ни къ спѣху. Лавки темныя и съ навѣсами: чтобъ видѣть товаръ, надлежало выступить съ нимъ на улицу. Оконъ мало, или почти ни какихъ; свѣтъ съ трудомъ пробивался сквозь стекла, лишенные прозрачности. Эти-то домики, разбросанные въ безпорядкѣ у подножія нѣсколькихъ обнаженныхъ скалъ, назывались прежде Гельсингфорсомъ, построеннымъ еще въ средніе вѣки.

«Послѣ пожара Або, въ 1827 году, рѣшено перенести сюда столицу Великаго Княжества. Все вдругъ закипѣло. Мѣсто избрано и измѣрено Русскими инженерами, площади и улицы обозначены, фундаменты вырыты. Большая продолговатая площадь назначена быть центромъ новой сто-

лицы; два обширных зданія старинной архитектуры, Сенатъ и Университетъ, занимають отдаленнѣйшіе бока четырехугольника; на верхней его чертѣ красуется Греко-Россійская церковь; нижняя предоставлена частнымъ постройкамъ. Изъ этого центра выходятъ улицы во всѣ стороны: та, по которой прѣѣзжаешь изъ Петербурга, идетъ мимо Университета, прорѣзываетъ весь городъ, и оканчивается у Обсерваторіи, еще не совсѣмъ отдѣланной.

«Взгляните поутру на городъ. Толпы каменщиковъ и работниковъ танутся повсѣмъ направленіямъ. Въ одно мгновеніе верхи, лѣса, лѣстницы покрыты ими съ низу до верху; гранитъ и твердый подобно граниту Гельсингфорскій кирпичъ укладываются стройно и быстро; зданія растутъ при вашихъ глазахъ и осуществляютъ вчера задуманныя улицы. Спустимся къ гавани: передъ нами море; тамъ далѣе грозный Свеаборгъ. Дома, окружающіе эту приморскую площадь, прелестны: они только-что вышли изъ рукъ архитектора, были, свѣжи, съ свѣтлыми окнами, и глядятся въ тихой водѣ, между двухъ утесистыхъ мысовъ, заслоняющихъ ихъ отъ свирѣпства бурь и вѣтровъ.» *Page 264.*

Но надобно видѣть Гельсингфорскую гавань въ праздникъ, или въ торжественный день, какимъ на-примѣръ былъ тотъ, когда возлюбленный Монархъ съ августѣйшею Супругою посѣтили новую столицу. Этотъ день живо напечатлѣнъ въ памяти жителей. Съ гордостью показываютъ они страннику то мѣсто пристани, къ которому причалила яхта Государей, и съ неисчерпаемымъ удовольствіемъ описываютъ восхищеніе, восторгъ толпившагося на площади народа, группы прекрасныхъ женщинъ, мгновенно появившіяся въ окнахъ домовъ, шумныя ура на улицахъ, всю эту трогательную суматоху радости дѣятельнаго и трудолюбиваго населенія, вдругъ оставившаго свои занятія привѣсти о прибытіи Высокихъ Благодѣтелей ихъ города и Виновниковъ счастья всего отечества. Въ обык-

новенные дни движеніе въ создающейся столицѣ, которая отъ моря восходитъ на прибрежныя возвышенія въ видѣ амфитеатра, тоже весьма примѣчательное: всѣ трудятся, всѣ хлопчутъ, закладываютъ дома, строятъ, отдѣлываютъ, меблируютъ; Русскіе деньги быстро, обильно переходятъ изъ рукъ въ руки, и оживляютъ дѣйствія, планы, соображенія. Должно отдать справедливость, что вкусъ туземцевъ удивительно способствуетъ желаніямъ Правительства: всѣ частныя постройки отличаются большою изящностью. Страсть къ строенію есть настоящая болѣзнь, мономанія нынѣшнихъ Гельсингфорскихъ жителей. Г. Сенъ-Жюльену рассказывали случай одного молодого человѣка, женившагося на прекраснѣйшей во всемъ городѣ дѣвицѣ, которой чуть не уморилъ онъ своею медлительностію въ пріисканіи удобнаго мѣста для выстроенія себѣ новаго дома: несчастная впала въ меланхолію и не хотѣла принимать пищи. Изъ казенныхъ зданій, городъ уже украшенъ великолѣпною казармою инвалидовъ, домомъ призрѣнія бѣдныхъ женщинъ, военнымъ училищемъ, адмиралтействомъ, и многими другими.

Вотъ еще одна особенность Гельсингфорса: тамъ нѣтъ зеленыхъ рядовъ. Барки съ овощами и живностью останавливаются у пристани, и утромъ всѣ хозяйки, — молодыя и прекрасныя, какъ то и должно быть въ Финляндіи, — ходятъ туда, покупать провіантъ. Мы бы желали дать понятіе читателямъ, какъ онъ прелестно съ берега ставятъ ножки свои на барки, которыя подаются, колеблясь, и обнаруживаютъ красивыя ихъ икры, но авторъ утверждаетъ, что это надо видѣть на-мѣстѣ. На слѣдующее лѣто, я непременно поѣду въ Гельсингфорсъ!

Т. — О.

Новоселавъ. Книга вторая. Санктпетербургъ, 1834. Съ вышестояю, изображающаго внутренній видъ Библиотеки для чтенія.

Съ начала нынѣшняго года Словесность видимо упадаетъ, — это не подѣжитъ ни какому спору: довольно взглянуть на списки новыхъ ея произведеній, чтобъ убѣдиться въ этой истинѣ, и вздохнуть. Жизнь, которою она вдругъ оживилась около эюхи появленія «Юрія Милославскаго» и «Димитрія Самозванца,» блистательныя надежды, которыя о себѣ подала, умственная дѣятельность, которую возбудила, — все это начало ослабѣвать и блѣднѣть слишкомъ скоро, и наконецъ изсякло въ литературно-торговыхъ расчетахъ. И причина этому очень ясна: успѣхи Романовъ Г. Булгарина воспламенили множество умовъ и страстей; соперничество, соревнованіе согрѣло перья; самолюбіе мгновенно было приведено въ движеніе, — и лучъ, теплый, яркій, блеснулъ въ нашей Словесности; но, спустя нѣкоторое время, соревнованіе пріобрѣло коммерческій опытъ, дарованія прицѣнились, и теперь книги производятся какъ рожь и сало, — для продажи по прейскуранту. Всякой изъ насъ знаетъ, сколько даютъ за его сочиненіе на книжной биржѣ, и можетъ рассчитывать впередъ, что для него выгоднѣе, — сочинить Романъ въ двухъ частяхъ или взять акціи въ новой компаніи? — написать Повѣсть или снять подрядъ на поставку дровъ? Такое положеніе литературнаго дѣла убійственно для начинающей Словесности. Я отнюдь не сѣтую на то, что умственные труды уже платятся у насъ дорогою цѣною; но не могу не чувствовать и не сказать, что самое возвышеніе этой цѣны, возвышеніе быстрое и непомятное, должно было нанести чувствительный ударъ и этого рода промышленности, и товару, которымъ она торгуетъ, Словесности, — и уже нанесло. Трудность, съ которою нѣкогда писатели добывали

скромное возмездіе за первые свои литературные плоды, заставляла ихъ снискивать высшіе успѣхи напряженіемъ всего своего дарованія; мощными и долгими усиліями мысли: въ этомъ напряженіи, въ этихъ усиліяхъ, образовались мыслящія головы, усовершенствовались таланты, Художество процвѣтало, и Словесности украшались твореніями, которыя и до сихъ поръ составляютъ ихъ славу. Напротивъ, легкость, съ которою теперь получается щедрое вознагражденіе за трудъ при первомъ удачномъ опытѣ пера, дѣлаетъ всякое усиліе излишнимъ, и я не думаю, чтобы въ наше время Руссо былъ въ состояніи написать Новую Элоизу: онъ скорѣе написалъ бы вмѣсто ея десять модныхъ Романовъ, которые всѣ въ совокупности меньше стоили бы ему труда, нежели какъ одно письмо Сень-Прё; которые принесли бы ему вдесятеро болѣе прибыли, и которые всѣ десять, быть-можетъ, не представляли бы той массы таланта, какую иногда представляетъ одна страница Элоизы. Въ этомъ обстоятельствѣ должно преимущественно искать источника постепенно возрастающей слабости нашихъ твореній, которыя и безъ того никогда не блистали большою силою: я говорю, *преимущественно*, потому, что не одна меркантильность, убившая Художество въ цѣломъ образованномъ мірѣ, подѣйствовала на быстрое изнеможеніе жизни, одушевившей Русскую Словесность въ послѣдніе годы истекшаго десятилѣтія, — есть еще другая причина: она имѣетъ непосредственное вліяніе на постоянное уменьшеніе числа нашихъ оригинальныхъ твореній.

Я былъ простымъ, постороннимъ свидѣтелемъ этой свѣтлой и богатой надеждами эпохи: случайное мое положеніе доставляло мнѣ средство наблюдать ее со вниманіемъ и безъ всякой личности, и, радуясь движенію, внезапно обнаружившемуся въ области нашей Литературы, считая ея успѣхи и наслаждаясь ими отъ

всей души, признаюсь, я тогда уже предвидѣлъ скорое ея обезсиленіе, хотя вовсе не думалъ о торгашествѣ, которое потомъ, распространяясь быстро во всей Европѣ, прибыло на помощь главному ея недугу. Этотъ главный недугъ, этотъ существенный недостатокъ, который всегда поражалъ меня въ нашей Словесности; — сказать ли откровенно его имя?..... — таиться тутъ нечего! — это слабость мысли. Я видалъ множество трудящихся перьевъ, много дарованій, даже много воображенія, но нигдѣ, почти нигдѣ, не видалъ мысли въ дѣйствіи. Мысль въ нашей Словесности еще дѣйствуетъ слабо, очень слабо. И отъ чего это?..... Неужели мы не такъ созданы, какъ другіе народы? Неужто головы Нѣмецкія, Англійскія, Французскія, устроены лучше нашихъ? Неужто западные и южные люди обладаютъ исключительнымъ секретомъ видѣть тайныя движенія сердца, постигать всѣ возможные положенія души, анализировать страсти, разсматривать и опредѣлять условія домашняго и семейнаго быта, — всѣ эти предметы, о которыхъ вѣчно толкуетъ Словесность, и о которыхъ вѣчно должна она толковать, потому, что человѣкъ вѣчно имѣетъ нужду въ этихъ толкахъ, для услажденія частнаго своего на земли существованія? Неужто умъ нашъ не въ состояніи сойти въ насъ самихъ, углубиться въ человѣка, общественнаго и нравственнаго, — не политическаго: я рѣшительно отвергаю всякую связь между Политикою и Словесностью, — въ человѣка, такого, какимъ онъ бываетъ у себя дома и въ обществѣ, безъ различія народовъ и правительственныхъ формъ? Отнюдь не то: мы просто еще не начинали думать объ этихъ вещахъ; мы не имѣемъ привычки мыслить, — на свѣтъ тѣ только могутъ возвышаться до значительной силы мысли, которые пріобрѣли привычку къ мышленію. У другихъ народовъ есть уже въ заводѣ мыслить на

свой счетъ; каждый болѣе или менѣе старается мыслить о самомъ себѣ; огромное количество мыслей о общественномъ и домашнемъ челоѣкѣ, выпущенныхъ въ теченіе двухъ или трехъ столѣтій, и находящихся, подобно деньгамъ, въ непрерывномъ обращеніи, электризируетъ разговоръ собраній, упражняетъ головы, и невольно приучаетъ ихъ заниматься мыслями, слагать ихъ, разбирать, сочетать въ новые виды и разнообразить. Отъ-этого, творенія самыхъ умеренныхъ талантовъ исполнены у нихъ игры мыслей, — хорошихъ или дурныхъ, — но все-таки мыслей, безъ которыхъ не можетъ быть книгъ. У насъ нѣтъ ничего подобнаго: атмосферы нашихъ обществъ пусты какъ воздухъ полярныхъ странъ; если случайно влетитъ въ комнату одинокая мысль о челоѣкѣ, такъ и ту выгоняютъ, бросая на нее картами, или убьютъ равнодушіемъ. Мы живемъ, — и живемъ славно, — совсѣмъ не думая, не размышляя, какъ мы живемъ съ нашими ближними и собственными нашими страстями, и отъ чего происходятъ удовольствія и страданія нашей жизни; а если хотимъ полакомиться жизнью, уподчивать себя кругомъ, обрадовать тѣло и душу, то покупаемъ сотню Фленсбургскихъ устрицъ для желудка и Французскую книгу съ готовыми мыслями для головы, — и живемъ далѣе, опять ничего не думая сами собою. Но чужія мысли — сповидвнія, и на дѣлѣ ни къ чему не служатъ: ими нельзя ни согрѣть, ни оживить предмета. По-этому, и наша Словесность всегда скользитъ только по поверхности характеровъ, жизни, общества и челоѣка, не проникая, не заглядывая даже во внутренній міръ, — въ сердце, въ душу, въ тайны и условія частнаго быта. Мы видимъ и описываемъ только наружность предметовъ и наружность дѣйствующаго челоѣка, то есть, его поведение или отдѣльные случаи, которые приключались съ однимъ лицомъ, и можетъ никогда не приключат-

ся съ другимъ. И что жъ, что они приключились? Что жъ это доказывать, что они съ кѣмъ-то были или не были?..... Наши Романы и Повѣсти, съ весьма немногими изъятіями, суть или длинно развитые анекдоты, или карикатурныя изображенія характеровъ, составляющихъ изъятіе изъ правила, или недоносы слезистаго сентиментализма. Ни какой Философіи, ничего всеобщаго: какъ-будто Художество работало не на человѣкъ, а только подбирало позади его урошенныя имъ глупости и причуды, — какъ-будто даръ мысли не давался тѣмъ, кому дается перо въ руки. И, — странное дѣло! — эта мертвая Словесность такъ приучила насъ къ отсутствію мыслей въ книгахъ, что огромное большинство читателей ищетъ въ нихъ только сценъ, въ которыхъ можно посмѣяться; что, когда въ сочиненіи попадутся мысли, онѣ рѣшительно утомляютъ читателей или остаются непримѣченными, — если еще не бываетъ съ ними худшаго: онѣ часто перетолковываются въ самую неблагоприятную сторону, единственно отъ непривычки обращаться съ мыслями. Въ такомъ порядкѣ вещей подвиги Словесности не могутъ быть ни блистательны, ни продолжительны, и репутаціи должны скоро изнашиваться, потому, что однѣ только мысли обладаютъ правомъ неисчерпаемой занимательности, и доставляютъ писателю средство быть великимъ, сильнымъ и безконечно разнообразнымъ: все остальное скоро можетъ быть исписано. И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что, послѣ первыхъ произведеній, дарованія у насъ, вмѣсто того, чтобъ расти и развертываться, слабѣютъ, вянутъ и склоняются къ упадку. Нигдѣ такъ скоро не исписываются какъ у насъ, — и по весьма простой причинѣ: не возможно безконечно шутить, быть остроумнымъ, выдумывать забавные анекдоты, и всякой разъ иначе описывать наружность однихъ и тѣхъ же предметовъ. Можно лишь мыслить безконечно, —

но къ этому нуженъ навѣкъ, котораго мы еще не имѣемъ.

Прошлый годъ былъ у насъ, сравнительно, еще очень богатъ литературными произведеніями: нынѣшній такъ обѣднѣлъ, и бѣдность его мѣсяцъ отъ мѣсяца становится столь ощутительною, что на нынѣшнюю книжку Б. для Ч. мы принуждены взять для Критики вторую часть «Новоселья», и разбирать статьи. Новоселье, — кто бы это подумалъ! — Новоселье, книга составленная изъ сборныхъ статей, есть самое важное литературное произведеніе, вышедшее въ теченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ!!!..... Мы принуждены, важно, не улыбаясь, судить о мелкихъ статьяхъ!..... Мы никогда не думали, чтобъ намъ пришлось низойти до ничтожнаго званія статеечныхъ критиковъ, — до занятія, которое считали достойнымъ только сочинителей бранныхъ безыменныхъ брошюръ и студенческихъ перьевъ. Но необходимость велитъ, и мы..... Надобно однако жъ какъ-нибудь облагородить свое положеніе: не станемъ разбирать статей, а будемъ говорить о Новосельѣ вообще и о талантъ некоторыхъ его подаятелей.

Ни какая, быть-можетъ, книга, исключая «Ивана Выжигина», не надѣлала у насъ столько шуму, какъ первая часть Новоселья, вышедшая въ прошломъ году. Необыкновенный ея успѣхъ должно отчасти приписать некоторымъ ея статьямъ, но всего болѣе счастливой мысли издателя, соединить въ одномъ томѣ произведенія почти всѣхъ извѣстнѣйшихъ Русскихъ литераторовъ, почти всѣ знаменитыя въ Словесности имена. Вторая часть вышла въ свѣтъ съ тѣми же преимуществами: въ ней сіяютъ тѣ же литературныя славы, и, въ прибавокъ, нѣсколько хорошихъ именъ, которыхъ не было въ первой части; въ ней ровно столько же, если не болѣе, примѣчательныхъ сочиненій, разнообразія и занимательности.

Труды Барона Брамбеуса занимають цѣлую третью часть тома. Я ничего объ нихъ не скажу по многимъ весьма уважительнымъ причинамъ: что касается до таланта этого писателя, то всѣмъ извѣстно, что онъ ничего не смыслить, — а если не всѣмъ еще извѣстно, то это скоро будетъ доказано свѣту тѣмъ, который дѣло доказывать великія этого рода истины. Говорять, что уже приготовлено противъ него пять статей, — и ужасныхъ! Я бы охотно самъ присоединился къ комитету почтенныхъ анти-брамбеистовъ, и теперь же написалъ бы шестую статью, ужасную статью на общаго врага; но, поступая во всемъ благоразумно и осторожно, предпочитаю обождать выхода въ свѣтъ тѣхъ пяти: я знаю, что въ подобныхъ случаяхъ гораздо легче доказать глупость противника, нежели свой умъ, и хочу напередъ увидѣть, какъ удастся дѣло этимъ пяти ужаснымъ «Разругали». Если онъ одержать пальму ума и прекраснаго побужденіи, тогда и мы тишемъ статейку на Брамбеуса, отъ которой, надѣмся, онъ уже не встанетъ: до того времени, удержимся отъ критическаго разбора мелкихъ его сочиненій, тѣмъ болѣе, что изъ уваженія къ Словесности, въ которой случаются книги, статей разбирать не должно.

Послѣ Барона Брамбеуса самую большую часть Новоселья занимаетъ сочиненіе Г. Панько-Рудаго. Это писатель, безъ шутокъ, съ большимъ дарованіемъ. Г. Панько-Рудый принесъ въ дань Новоселью довольно занимательную статью, или Повѣсть, въ которой есть нѣсколько забавныхъ и веселыхъ картинокъ. Судя по роду его таланта, это Малороссійскій Польше-Кока. Не должно думать, что бы въ этомъ сравненіи заключалась малѣйшая укоризна: это искренняя и заслуженная похвала. Я отнюдь не ставлю Польше-Кока такъ низко, какъ многіе привыкли дѣлать это на основаніи нѣсколькихъ острогъ, отпущен-

ныхъ на счетъ его сочиненій: у него много, и премного, дарованія; онъ съ большою ловкостью описываетъ портреты лицъ известнаго класса, и умѣетъ представлять ихъ забавными безъ натажки и безъ сатиры; чувство и веселость оживляютъ его страницы, на которыхъ нерѣдко встрѣчаешь весьма удачныя выраженія и мысли. Исключая чувства, Г. Панько-Рудый обладаетъ всеми прочими качествами этого пріятнаго писателя, — не въ высшей степени, нежели какъ онъ, но и не ниже его. Главный недостатокъ твореній Поль-де-Кока, — это выборъ предметовъ повѣсти, которые всегда почти у него грязны и взяты изъ дурнаго общества. Этотъ недостатокъ Г. Панько-Рудый разделяетъ съ нимъ въ полной мѣрѣ. Вы видите, что мы тоже умѣемъ бросать высшіе взгляды на людей и вещи: прочитайте новое его сочиненіе въ Новосельѣ, и сами признаете, что я справедливо сравниваю его съ Поль-де-Кокемъ. Если бъ Поль-де-Кокъ описывалъ Малороссійскіе нравы, онъ описывалъ бы ихъ съ той же стороны и такимъ же образомъ, какъ Г. Панько-Рудый: какъ у него вкусъ нѣсколько образованнѣе и тактъ болѣе Парижскій, онъ можетъ-быть не употребилъ бы ироніи Г. Панько-Рудаго, или употребилъ бы иронію удачнѣе и тонѣе, — и хорошо бы сдѣлалъ! Между-тѣмъ у насъ есть почтикъ своего Поль-де-Кока. Это однако жъ не простирается на будущія его творенія, въ которыхъ можетъ онъ явиться совершенно въ другомъ видѣ: я говорю только о томъ, что до сихъ поръ мы отъ него имѣемъ.

Но я спѣшу къ отрывку, который всего болѣе пріятно поразилъ меня въ прозаической части этого изданія. Въ началѣ этой статьи я говорилъ о важномъ недостаткѣ нашей Словесности, — отсутствіи питательныхъ мыслей; и говорилъ объ немъ съ намѣреніемъ, — чтобъ указать послѣ на исключенія изъ этого невыгоднаго правила. Г. Безгласный —

мыслящей, и очень мыслящей, писатель... онъ обещаетъ весьма много. По сию пору, мы еще не имеемъ определеннаго понятія о степени и силѣ его дарованія: оно еще колеблется, не рѣшается набрать или создать для себя родъ, но проявляется въ разныхъ его произведеніяхъ, и часто не безъ блеска. Лѣтъ нѣскольکو тому назадъ я читалъ одну его Повѣсть, — кажется, въ альманахѣ Барона Розена, — и нашелъ въ ней много остроумной наблюдательности, много счастливыхъ словъ и образованнаго воззрѣнія на предметы. Его «Пестрыя Сказки», за которыя, я думаю, въ шутку называли его Русскимъ Гофманомъ, показалось мнѣ произведеніемъ очень слабымъ, безъ мысли, неудачнымъ подраженіемъ то Гофману, то Рабелю, хотя оно и заключаетъ въ себѣ довольно того, что Англичане называютъ юморомъ. Въ особенности примѣтилъ я, что начала этихъ сказокъ всегда лучше концовъ и лучше самаго изобрѣтенія. Какъ бы то ни было, «Пестрыя Сказки» показывали значительную способность сочинителя къ легкому и веселому роду повѣствованія. Одна небольшая статья прошлагодняго Новоселья, «Балъ», мелькнула слогомъ и колоритомъ, иногда ложнымъ, но во многихъ мѣстахъ очень живымъ и яркимъ. Отрывокъ изъ «Записокъ Гомозейки», помѣщенный недавно въ Б. для Ч., обильнѣе меня съ толку: я не могъ отыскать въ немъ ни какого литературнаго достоинства, — кромѣ нѣкоторой гибкости разговорнаго языка. Напротивъ отрывокъ изъ Романа, нынѣ напечатанный въ Новосельѣ подъ заглавіемъ «Катя», внушаетъ мнѣ мысль о присутствіи въ этомъ сочинителѣ высокаго и весьма рѣдкаго у насъ дарованія: онъ мыслить; взоръ его часто проникаетъ сквозь кору наружности предметовъ и общественной жизни, столь твердую для другихъ взоровъ; онъ заглядываетъ въ челоуѣка, и наблюденіемъ своимъ выражаетъ живописно и умно; однимъ словомъ, въ немъ есть стихи, состав-

вляющія настоящего писателя. Онъ какъ-то еще не совсемъ вышли изъ хаоса, еще не приняли стройнаго и твердаго порядка; но если онъ соединить каморъ и некоторыхъ своихъ «Пестрыхъ Сказокъ», колоритъ своего «Бала» и свободу языка «Записокъ Гомозейки» съ тѣмъ клеймомъ сильной мысли и удачнаго сарказма, которыми отличаются некоторые страницы его «Кати», — tu Marcellus eris! — Г. Безглазый, вы напишете истинный Романъ по-Русски, — съ мыслями и съ человекомъ въ серединѣ. Но само собою разумется, что планъ и идея его Романа будутъ искусны и сильны плана, изобретения и идеи всѣхъ его Сказокъ. После этого условія, которое авторъ безъ-сомнѣнія приметъ съ величайшимъ удовольствіемъ, мы не можемъ отказать ни себѣ, ни нашимъ читателямъ, въ наслажденіи привести одно мѣсто изъ его «Кати».

«— Въ одинъ прекрасный Майскій вечеръ, — извините, въ Іюнскій, — когда наши набѣленные и парумивенные острова увѣдомляютъ Петербургскихъ жителей, что настало лето; когда Петербургскіе жители, повѣривъ укатаннымъ дорожкамъ и напудренной зелени, запасаются палатками, сърыми шляпами и разными другими снадобьями противъ зноя, переѣзжаютъ въ карточные домики, называемые дачами, за-творяютъ въ нихъ двери, окна, и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ усердно занимаются химическимъ разможеніемъ дерева на его составныя части; когда между тѣмъ дождь хлещетъ въ окошки, пробиваетъ кровли, вѣтеръ ломаетъ едва посаженные деревья, а гордая Нева, пользуясь былесоватымъ свѣтомъ ночи, грозно выглядываетъ изъ-за парапета, докладываетъ гостинцамъ, что сверхъ ежедневныхъ интригъ, сплетней и происковъ, существуетъ на сѣмъ свѣтѣ нѣчто другое — въ одинъ изъ такихъ прекрасныхъ вечеровъ, говорю, на берегу Черной рѣчки, въ загородномъ домѣ, построенномъ на Италіанскій манеръ, столь приятный нашему климату, нѣсколько дамъ и мужчинъ толпились въ гостиной, послѣ раута; получено было извѣстіе, что рѣка высока, что вздулись мосты, и что собираются развести

них; усталая хозяйка, проклиная запоздалых гостей, радушно предложила им переждать непогоду, утѣряя честию, что она въ восхищеніи отъ этого случая. Гости благодарили хозяйку за ея благосклонность, и, въ свою очередь, проклинали ее и ея раутъ, который поставилъ ихъ въ такое непріятное положеніе. Когда такимъ образомъ истощилась запасъ обыкновенныхъ учтивостей и внутренней досады, всякій припалъ за свое дѣло. Благоразумнѣйшіе начали новую партію виста, менѣе благоразумные присѣли смотрѣть на игру, остальные атаковали каминъ. Къ этому кружку присоединился и я.

Въ подобныхъ обстоятельствахъ надъ кружкомъ людей, соединившихся въ гостинной силою симпатій, обыкновенно нѣсколько времени еще носится удушливый воздухъ раута; но онъ мало по малу рѣдѣетъ, азыкъ дѣлается развязнѣе, мысли крупнѣе. — Зашла, не знаю какъ, рѣчь о предчувствіяхъ, о таинственныхъ отвращеніяхъ и пристрастіяхъ; пересказаны были всѣ извѣстные анекдоты о слѣпой ненависти къ бабочкамъ, къ собакамъ, къ водѣ и прочему тому подобному; и естественнымъ образомъ разговоръ обратился къ впечатлѣніямъ, оставляемымъ въ насъ происшествіями нашего дѣтства. Тогда я замѣтилъ на лицѣ одного молодого человѣка, до тѣхъ поръ не принимавшаго участія въ разговоръ, легкое судорожное движеніе, которое было смѣсью досады на самого себя и какого-то раскаянія.

«Этотъ разговоръ,» сказалъ онъ, «напоминаетъ мнѣ одно очень простое происшествіе моего дѣтства, но которое оставило во мнѣ не только сильное воспоминаніе, но привело неизгладимую черту въ моемъ характерѣ.»

Его просили рассказать это происшествіе; молодой человѣкъ облокотился на каминъ, и вотъ что я могъ упомянуть изъ словъ его.

Нужнымъ считаю прибавить для читателей следующее физиономическое, наблюденіе сдѣланное мною надъ рассказчикомъ.

Это было одно изъ тѣхъ странныхъ лицъ, которыя иногда встрѣчаются въ свѣтѣ между людьми новаго поколѣнія; ничто не выражается въ этомъ лицѣ, но оно васъ останавливаетъ; видите самодовольную улыбку, а въ васъ раж-

дается невольное состраданіе; въ этой эвизіоміи выговаривается что-то прекрасное, неокончанное, смѣшное, страдающее — какой-то романъ безъ развязки; она напоминаетъ вамъ и политическія мгновенія Донъ-Кихота, и растеніе, заморенное Химикомъ въ искусственной атмосферѣ, Гетевы слова о Гамлетѣ, и тѣ странныя существа, которыхъ насмѣшливая Природа производитъ на свѣтъ, какъ будто лишая способности къ жизни. Новая наука оправдала Провиднiе: Природа не производитъ уродовъ, она производитъ существа, одаренныя всеми органами жизни, но часто одинъ органъ развивается, а всѣ другіе остаются въ затвердѣніи; такъ бываетъ и въ нравственномъ мірѣ: рождаются люди съ сильными мыслями, съ сильными чувствами — но одно какое нибудь чувство разовьется, поглотитъ жизнь всѣхъ другихъ, осиротѣлое само завянѣтъ, и душа сдѣлается похожею на нѣмую карту: видны очерки мѣстъ, но нѣтъ имъ названія — все безмолвно!

Разговоръ такихъ людей имѣетъ какую-то особенность, которая не встрѣчается у людей, привыкшихъ ежедневно издерживать свою душу: такіе люди радуются рѣдкой минутѣ сильнаго движенія; стараются выжить въ нее все, что когда-то загоралось въ ихъ сердцахъ, все, что пережало въ немъ потихоньку отъ людей. Такіе люди любятъ останавливаться на предметахъ, по-видимому весьма обыкновенныхъ, любятъ возгласы и отступленія, — и это очень естественно; чувства и мысли, сжатые въ нихъ въ продолженіе времени, въ минуту своего освобожденія вырываются толпою, и каждая съ настойчивымъ эгоизмомъ требуетъ себя тѣла и образа. — Эта оригинальность много терается на бумагѣ. —»

«Мудренныя приключенія Квартальнаго Надзирателя» третье, по своему объему, самое пространное сочиненіе этого тома, содержаніемъ своимъ не совсемъ оправдываютъ заглавіе: это не приключенія, а приключеніе, — одно только, — но изображенное живо и занимательно; анекдотъ, который такъ же легко могъ приключиться съ комисіонеромъ 10-го класса, какъ и съ кварталнымъ надзирателемъ; но

анекдотъ набросанный на бумагу очень мило, не вездѣ натурально, все-таки остроумно; одинъ изъ тѣхъ рассказовъ, которые Г. Булгаринъ рассказываетъ такъ прекрасно, когда станетъ рассказывать. «Прадѣдушкина женитьба» Князя А. А. Шаховскаго и «Премьеръ-Маіоръ Палицынъ», Г. Ушакова, принадлежать къ лучшимъ прозаическимъ статьямъ этого собранія: жаль только, что послѣдняя родъ Исторической Повѣсти: читая ее, не знаешь — мистификація ли это, или правда? говорилъ ли все это покойный Палицынъ, или могъ бы говорить, если бы захотѣлъ? Когда дѣло идетъ объ изображеніи какого-нибудь извѣстнаго человека, самое вѣрное средство никакъ не изобразить его — это написать изъ него Повѣсть.

Стихотворная часть втораго тома Новоселья богата, и, по моему разумѣнію, гораздо блистательнѣе прошлогодней. Стихотворенія не статьи, — это полныя созданія, какъ-бы коротки они ни были, и въ изданіи, составленномъ изъ собранныхъ отъсюду легкихъ очерковъ пера, всегда образуютъ главный капиталъ внутренняго достоинства книги. Имена Жуковскаго и Пушкина въ состояніи сообщить высокую цѣну всякой книгѣ, въ которой они находятся, тѣмъ болѣе что въ нашихъ поэтахъ заключался весь блескъ нашей Словесности: проза живетъ у насъ еще подъ покровомъ ихъ славы, не имѣя личныхъ неоспоримыхъ правъ на знаменитость и всемірную извѣстность. Поэты — настоящее украшеніе Русской Словесности, и, послѣ нашего вѣка, вѣроятно одни они останутся изъ него для потомства. Хотя вкусъ публики съ нѣкотораго времени явно клонится къ прозѣ, но я всегда съ большимъ удовольствіемъ читаю въ Новосельѣ слѣдующіе стихи изъ «Элевзинскаго Праздника» В. А. Жуковскаго, чѣмъ всю прозаическую Словесность нашу за весь прошлый мѣсяцъ. Здѣсь есть художество, — и высокое художество!

« — Свивайте вѣнцы нивъ колосѣвъ златыхъ;
 Ціаны лазурины въ нигъ заплетайте;
 Сбирайтесь плясать на коврахъ луговыхъ,
 И пѣанемъ благу Цереру встрѣчайте.
 Она подружила враждебныхъ людей;
 Жестокіе нравы смягчила;
 И въ домъ постоянный межъ нивъ и полей
 Шатеръ подвижной обратила.

Робокъ, нагъ и дикъ скрывался
 Троглодитъ въ пещерахъ скалъ;
 По полямъ номадъ скитался
 И поля опустошалъ;
 Звѣроловъ съ копьемъ, стрѣлами,
 Грозенъ, бѣгалъ по лѣсамъ....
 Горе брошеннымъ волнами
 Къ неприютнымъ ихъ брегамъ!

Съ олимпійскія вершины
 Сходятъ мать Церера вслѣдъ
 Похищенной Прозерпины:
 Дикъ лежитъ предъ нею свѣтъ.
 Ни угла, ни угощенья
 Нѣтъ нигдѣ богинѣ тамъ;
 И нигдѣ богопочтенья
 Не свидѣтельствуеть храмъ.

Плодъ полей и грозды сладки
 Не блистаютъ на пирахъ;
 Лишь дыматся тѣль остатки
 На кровавыхъ алтаряхъ;
 И куда печальнымъ окомъ
 Тамъ Церера ни глядитъ:
 Въ униженіи глубокомъ
 Человѣка всюду зрѣть.

«Ты ль, Зевесовой рукою
 Сотворенный человѣкъ?»

Для того ль тебя красою
Олимпийскою облекъ
Богъ боговъ и во владыче
Миръ земной тебѣ отдалъ ,
Чтобъ ты въ немъ, какъ въ заточенъе
Узникъ брошенный, страдалъ?

Иль ни въ комъ между богами
Сожалѣнья къ людямъ нѣтъ,
И могущими руками
Ни одинъ изъ бездны бѣдъ
Ихъ не вырветъ? Знать къ блаженнымъ
Скорбь земная не дошла?
Знать одна я огорченнымъ
Сердцемъ горе поняла?

Чтобъ изъ низости душею
Могъ подняться человекъ ,
Съ древней матерью землею
Онъ вступи въ союзъ навѣкъ;
Чти законъ временъ спокойной;
Знай теченье лунъ и лѣтъ,
Знай, какъ движется подъ стройной
Ихъ гармоніею свѣтъ.»

И мгновенно разступилась
Тма, лежавшая на ней ,
И небесная явилась
Божествомъ предъ дикарей:
Кончивъ бой, они какъ тигры
Изъ черепьевъ вражыхъ пьютъ,
И ее на звѣрски игры
И на страшный пиръ зовутъ.

Но богиня, съ содроганьемъ
Отвратясь, рекла: Богамъ
Кровь противна; съ симъ далнемъ
Вы, какъ звѣри, чужды намъ;
Чистымъ чистое угодно;

Даръ, достойнѣйшій небесъ :
 Нивы колось первородной,
 Сокъ оливы, плодъ древесъ.

Тутъ богиня исторгаетъ
 Тяжкій дротикъ у стрѣлка ;
 Остріемъ его пронзаетъ
 Грудь земли ея рука ;
 И беретъ она живое
 Изъ вѣнца главы зерно,
 И въ произзетное земное
 Лоно брошено оно.

И выводить молодые
 Класы тучная земля ;
 И повсюду, какъ златыя
 Волны, зыблются поля.
 Ихъ она благословляетъ,
 И колосья въ снопы сложивъ,
 На смиренный возлагаетъ
 Камень жертву первыхъ нивъ.

И гласитъ: «прими даянье,
 Царь Зевесъ; и съ высоты
 Намъ подай знаменованье,
 Что доволенъ жертвой ты.
 Вѣчный богъ! сними завѣсу
 Съ нихъ, незнающихъ тебя;
 Да поклонятся Зевесу,
 Сердцемъ правду возлюбя.»

Чистой жертвы не отринуть
 На Олимпѣ Царь Зевесъ;
 Онъ во знаменіе кинулъ
 Громъ излучистый съ небесъ:
 Вмигъ алтарь воспламенился;
 Къ небу жертвы дымъ взметъ,
 И надъ ней горѣ явился
 Зевсовъ пламенный орелъ. —»

«Анджело» А. С. Пушкина — цѣлая поэма, и одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній этого огромнаго, разнообразнаго и всегда необыкновеннаго поэтическаго дара. «Анджело» есть подражаніе Шекспиру Анджело, если только въ стихотворной поэзіи могутъ быть подражаніе или переводъ. «Анджело» читается въ первый разъ съ удовольствіемъ, — во второй, — въ третій, увѣряю васъ, — съ восхищеніемъ. Я знаю, очень знаю, что теперь въ модѣ у известнаго класса читателей находить болѣе и болѣе недостатковъ въ новѣйшихъ твореніяхъ нашего поэта, и не спорю, что нѣкоторыя легкія, быть-можетъ слишкомъ легкія, стихотворенія подали даже справедливыя поводъ къ этому расположенію письменной и разговорной Критики; но утверждаю, что и въ самыхъ небрежныхъ плодахъ его пера есть столько таланта, вкуса и красоты, что каждый изъ нихъ сдѣлалъ бы славу всякаго изъ взыскательныхъ аристарховъ, если бѣ былъ его произведеніемъ. Боже упаси, чтобы тѣмъ я заохачивалъ А. С. Пушкина къ небрежнымъ плодамъ пера! Я слишкомъ люблю собственное наслажденіе, когда читаю его стихи, чтобы не желать великому поэту тѣхъ сильныхъ и ослѣпительныхъ взрывовъ вдохновенія, которыми прежде потрясалъ онъ отечественную публику, провозглашавшую его гениемъ, въ радостномъ и высокомъ восторгѣ; но знаю, что подобные взрывы не могутъ случаться ни съ кѣмъ въ свѣтѣ ежедневно, ни ежемѣсячно: между ними должны-быть известные промежутки тишины, — и мы, кажется, живемъ теперь въ одномъ изъ этихъ промежутковъ. «Анджело» заставляетъ насъ думать, что священный огонь опять объятъ душу поэта, что радужное его пламя уже начинаетъ возвышаться надъ горизонтомъ, и что мы скоро будемъ свидѣтелями одного изъ тѣхъ могущественнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ поэтическихъ сіяній, ка-

ни одинъ только Пушкинъ въ силахъ производить на Северъ. Анджело уже не Сказка; Анджело уже кинуть теплою сердцу и мысли; Анджело прекрасная Поэма и громкое предвѣщаніе. Сожалѣемъ, что форма Поэмы не позволяетъ намъ привести ни какого отрывка: она такъ создана, что нельзя отделить ни какой части, не портя цѣлаго и не посягая на удовольствіе читателей.

.. Кроме имени Жуковского, Пушкина и Крылова, — маститый Ласкатель XIX вѣка, украсилъ эту вторую, какъ утверждаетъ Северная Пчела, послѣднюю часть «Новоселья» одною изъ своихъ Басень; многія второстепенныя знаменитости Русскаго Парнасса (простите это классическое выраженіе!) причинились также своими трудами къ умноженію пріятностей Свѣтлой Недѣли, отличившейся въ нынѣшнемъ году выходомъ въ свѣтъ этого изданія. На праздники, когда чувство забавы бываетъ приведено въ насъ въ раздраженіе, всѣ потѣхи имѣютъ для насъ особую прелесть: на праздники, и эти второстепенныя стихи я читалъ съ удивительнымъ наслажденіемъ. Теперь, на Оминной Недѣлѣ, они мнѣ кажутся совсѣмъ иные, — быть-можетъ отъ того, что съ Оминна Понедѣльника уже началось для нихъ потопство.

Теперь одно общее примѣчаніе. Въ объявленіи о второй части Новоселья, напечатанномъ гдѣ-то въ началѣ сего года, заглавія многихъ статей были совсѣмъ другія. Такъ, напримѣръ, «Чинъ-чунъ», или Авторская слава, Барона Брамбеуса, неожиданно замѣнилъ статью его подъ названіемъ «Фокусы», наименованную въ прежнемъ спискѣ. Я тоже напрасно искалъ и нѣсколькихъ другихъ сочиненій, долженствовавшихъ войти въ составъ этой второй части, по силѣ того же объявленія: планъ книги, по-видимому, значительно измѣнился въ теченіе Великаго Поста, — и въ-роятно въ ея пользу.

О. С.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

=

МАРТЪ, 1834.

Княжна Милуша. Сказка. Сочиненіе Павла Катенина. СПб.-бургъ, въ тип. Гинце, 1834, въ 8., стр. 159.

Когда я былъ Губернскимъ Секретаремъ, — всѣ мои рассказы о дивныхъ случаяхъ относятся къ тому времени, — когда я былъ Губернскимъ Секретаремъ, у меня былъ начальникъ, препустой человекъ. Мы занимались вмѣстѣ дѣлами: онъ рассказывалъ, — я слушалъ. Онъ рассказывалъ все исторически, все подробно, ясно, отчетисто, безконечно. На второй день нашей службы, онъ началъ рассказывать мнѣ исторически куріозный случай, какъ, пріѣхавъ въ Вѣну, остановился онъ въ трактирѣ, и въ тотъ же вечеръ пошелъ въ театръ, чтобъ послушать пѣніе знаменитой соперницы Г-жи Каталани, милой, прекрасной, очаровательной Г-жи Боргондіо, которую называли *Borgondio la divina*. Мы служили вмѣстѣ годъ, — онъ рассказывалъ: повѣсть шла быстро, — къ концу перваго года онъ уже послалъ-было лакея за билетомъ въ Италіянскую Оперу, умылся, причесался и надѣлъ одинъ чулокъ. Мы служили два года: онъ все рассказывалъ то самое происшествіе: тогда уже онъ былъ одѣтъ, и только ожидалъ, пока пробѣтъ шесть часовъ; время текло ему очень скучно. Служили три: онъ рассказывалъ. Служили четыре, пять, шесть: онъ рассказывалъ, — и рассказывалъ исторически. Стали служить седьмой годъ... Тутъ жестокая судьба прервала ясный, обстоятельный его рассказъ: онъ попалъ подъ судъ, и я не узналъ, поправился ли ему голосъ Г-жи Боргондіо, или нѣтъ, — онъ еще не дошелъ до театра, но уже былъ очень близко. Историческіе рассказы имѣютъ поэтому то неудобство, что, пока ихъ окончите, съ вами можетъ приключиться то же, что приключилось съ моимъ историческимъ начальникомъ; однако жъ,

служа съ нимъ семь лѣтъ усердно, я такъ напитаюся его образомъ повѣствованія, что теперь иначе и рассказывать не умѣю. Я люблю рассказывать исторически, и, вѣсто критики, изложу вамъ исторію моихъ впечатлѣній при первомъ чтеніи Поэмы подъ заглавіемъ «Княжна Милуша».

Когда внесли ко мнѣ, въ кабинетъ, «Княжну Милушу», первое впечатлѣніе, которое произвела она надо мною, было свѣтло-синее, — немножко сѣроватое. Это впечатлѣніе обертки. Я равнодушенъ къ подобнымъ оберткамъ, и не помню, чтобы переплетъ этого цвѣта когда-нибудь потрясъ или разстроилъ мое безпристрастіе.

Когда взялъ я въ руки «Княжну Милушу», я получилъ второе впечатлѣніе, — странное впечатлѣніе, котораго никакъ описать не могу. Оно происходило отъ имени автора. Я никогда не читалъ трехъ строкъ Г. Катенина, потому что вѣрю всему, что пишутъ въ газетахъ и Журналахъ, а въ газетахъ и Журналахъ писали обыкновенно, что стихи его не хороши. Въ самомъ дѣлѣ, стихи, которые были приводимы въ примѣръ въ газетахъ и Журналахъ, не могли внушить мнѣ склонности къ его сочиненіямъ. — Читать ли «Милушу»? Не читать ли «Милуши»?.... Печать прекрасная! Но неравно засѣла здѣсь скука?..... — И, во время этого раздумья, я какъ то откинулъ первую страницу.

Когда откинулъ я первую страницу, радость вспыхнула въ моей груди. Я запрыгалъ отъ двухъ первыхъ словъ посвященія: «Сочиненіе веселое», говоритъ авторъ, «посвящаю тебѣ, любезный другъ.....» Я страстный охотникъ до веселыхъ сочиненій. Надо читать «Милушу». Такъ, третье мое впечатлѣніе было — чрезвычайно веселое.

Четвертое могу я уподобить тому, какое ощущаетъ въ сердцѣ маклеръ, скрѣпляя банкротское обязательство: я напелъ на слѣдующей страницѣ контрактъ между авторомъ и его читателемъ, заключенный въ восьми стихахъ: поэтъ договаривается о нижеслѣдующемъ: 1) чтобы его читатель былъ дворянинъ; 2) чтобы онъ былъ столбовой дворянинъ; 3) чтобы онъ былъ служивый и военный; 4) чтобы онъ былъ душой дѣтя; 5) чтобы онъ былъ съ начитаннымъ умомъ; 6) чтобы онъ былъ Русской, отцомъ и молодцомъ; 7) чтобы онъ читалъ Милушу въ досужный часъ. Въ шестомъ пунктѣ

сего контракта, мнѣ кажется, есть крючекъ. Со стороны поэта не видно ни какихъ условій въ пользу читателя: всѣ выгоды для него, — читатель, вполне удовлетворяющій собою обязательству, долженъ производить всю работу чтенія на свой страхъ. Такіе контракты называются во Французкомъ правѣ *contrat à forfait*, и подписываются только наканунѣ объявленія о своей несостоятельности. Я его не подпишу, доколѣ авторъ не обяжется мнѣ, по крайней мѣрѣ, говорить во все продолженіе Сказки стихами легкими, веселыми, пріятными: между-тѣмъ прочитаю ее безъ всякихъ условій, съ правомъ, заплативъ за нее свои деньги, сказать ему свое мнѣніе, хотя бы я былъ и мѣщанинъ. Но я люблю разсказывать свое мнѣніе исторически.

Я прочиталъ первую Пѣснь: она не дурна. Она надѣлила меня разными впечатлѣніями, большая часть которыхъ, — надо сказать правду, — была пріятна.

Потомъ сталъ я читать вторую Пѣснь. Здѣсь тоже я встрѣтилъ нѣсколько хорошихъ отрывковъ; но до сей поры еще не вижу, чтобы это было *веселое сочиненіе*. Я порой ощущалъ на умѣ какое-то шероховатое, тяжелое впечатлѣніе: это вѣрно отъ стиховъ!

Потомъ я принялся за третью Пѣснь, и уже не ощущалъ ничего шероховатого, ни тяжелого, — я уснулъ. То было последнее мое впечатлѣніе. Я люблю разсказывать исторически.

Дальше не помню. И какъ это исторія моихъ впечатлѣній, — а всякая Исторія требуетъ чрезвычайной точности, — то я долженъ сказать, что последнее впечатлѣніе было даже сладостное. Я никогда въ жизни не спалъ такъ пріятно.

Но хотя, не знаю почему, я не дочиталъ Милуши до конца, однако жъ то, что мнѣ сказывали въ Журналахъ и газетахъ о стихахъ Г. Катенина, не совсѣмъ правда. Его стихи, право, не такъ дурны, какъ меня уверяли. Я нашелъ въ его Сказкѣ много хорошихъ мѣстъ, много счастливыхъ мыслей и много несчатныхъ стиховъ: онъ довольно тяжелъ, — вотъ весь недостатокъ! И этотъ недостатокъ стихи его раздѣляютъ съ золотомъ. Въ другой разъ я прочитаю остальную часть его Поэмы, потому что въ одинъ присѣсть

никакъ нельзя ее преодолѣть, — а теперь приведу вамъ начало второй Пѣсни, и увѣренъ, что вы согласитесь со мною на счетъ рода его дарованія. Ни я, ни вы, не знаемъ поэта, и слѣдственно можемъ судить объ немъ *sine ira et studio*.

Доколѣ жизнь спокойна и счастлива,
И катится какъ свѣтлый токъ въ лугахъ,
Чьимъ нѣтъ струямъ засухи ни разлива,
А любо течь въ отлогихъ берегахъ,
Дотолѣ въ ней, хотя бѣ прошло полѣвка,
Не лзя узнать какъ должно человека,
Нѣтъ случая ему раскрыть души,
И въ счастіи все люди хороши.

Но если дань страданью онъ заплатитъ,
Искусится въ училищѣ скорбей,
Съ имуществомъ здоровіе утратитъ,
Оплачетъ смерть и ближнихъ и друзей,
Иль за добро и за пріязнь въ замѣну
Найдетъ къ себѣ холодность и измѣну,
Повѣрка тутъ, кака въ немъ цѣна,
И межъ людьми тутъ разниа видна.

Тутъ склонностей различныя влечены
Наводятъ всѣхъ на разные дѣла,
И всякъ себѣ въ томъ ищетъ утѣшенія
Къ чему его Природа создала:
Мужъ набожный, въ удѣлѣ видѣ строгомъ
Казаъ за грѣхи низпосланную Богомъ,
Крѣпитъ плеча подѣ ношею креста
Всей помощью молитвы и поста.

Напротивъ, тотъ кто предѣ златымъ Мамономъ
Привыкъ курить корыстный энимамъ,
Съ крыльца къ крыльцу волочится съ поклономъ,
И душу радъ продѣть земнымъ богамъ;
Тутъ пьяница все въ разливное море
Безъ памяти сплошь топить стыдъ и горе;
Скупой корпитъ; воръ крадетъ; а глупецъ
Послѣдній умъ теряетъ наконецъ.

Я самъ не равъ, гонимъ судьбой враждебной,
Бичемъ ея пробитый до костей,
Спасался въ край поэзіи волшебной;
Искалъ толпѣ невѣдомыхъ путей
На холмъ, гдѣ Музѣ вдали гремѣла лира;
По малу въ грудь вливалась сладость мира,
И какъ роса отъ солнечныхъ лучей
Въ очахъ моихъ слезъ изсыхалъ ручей.

РАЗСКАЗЫ О ВЫЛОМѢ И НЕБЫВАЛОМЪ. Москва, въ тип. Семена, 1834, въ-8., двѣ части стр. IV и 292—260.

Кто бы могъ это подумать! Да какъ же это случилось? Прямо чудеса!..... Я не могу прійти въ себя отъ изумленія. Взялъ я въ руки книгу, въ злобѣщей оберткѣ свѣтло-лососиноваго цвѣта, въ двухъ неловкихъ частяхъ, съ краткимъ и незадорнымъ заглавіемъ, даже безъ имени автора, — взялъ съ такимъ равнодушіемъ, съ какимъ обыкновенно берутся свѣтло-лососиновыя Повѣсти Московскаго издѣлѣя, — взялъ, чтобъ только взглянуть, перекинуть нѣскольکو страницъ, прочитать строкъ двадцать или тридцать на неразрѣзанныхъ листкахъ, и бросить книгу подъ столъ, — и вмѣсто того прочиталъ объ ея части, не переводя духа. Свѣтло-лососиновыя Повѣсти!..... Это удивительно! Уже по прочтеніи всего сочиненія я посмотрѣлъ въ предисловіе, — и даже предисловіе, предисловіе XIX вѣка, прочиталъ съ удовольствіемъ! Право, я самъ себя не понимаю. Не удивляйтесь моему остолебѣнію: оно весьма естественно и основательно: прочитавши въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ около сотни Повѣстей и Разказовъ, желтыхъ, коричневыхъ, свѣтло-лососиновыхъ, — особенно свѣтло-лососиновыхъ, — Разказовъ и Повѣстей, въ которыхъ не было ни мысли, ни чувства, ни таланта, я вдругъ наткнулся на такіе милые Разказы, какихъ давно не читалъ по-Русски, исключая удивительной «Пиковой Дамы» А. С. Пушкина, которая, по моему мнѣнію, есть верхъ прелестнаго Русскаго разказа. Изъ предисловія оказывается, что автора ихъ зовутъ Г. Мельгуновымъ, и что это первый его трудъ. Последнее примѣтилъ я прежде, нежели какъ онъ мнѣ сказалъ; о первомъ слышу первый разъ въ жизни, и очень радъ узнать, что это Г. Мельгуновъ. Г. Мельгуновъ человекъ съ примѣчательнымъ и съ премилымъ дарованіемъ, и я спѣшу сообщить публикѣ это пріятное открытіе съ тѣмъ искреннимъ восхищеніемъ, какое всегда ощущаю, встрѣчая истинный талантъ. Г. Мельгуновъ что называется — un joli conteur. Пять Повѣстей, содержащихся въ этой книгѣ, не всѣ одинаковаго достоинства; но всѣ, почти всѣ, то есть, всѣ четыре первые, умны, легки, исполнены непринужденной веселости, разказаны слогомъ простымъ, даже очень простымъ, и

чрезвычайно увлекательны. Я еще возвращусь къ Разсказамъ Г. Мельгунова, и скажу объ нихъ что-нибудь подробнѣе въ другомъ мѣстѣ; теперь желаю всемъ, ищущимъ наслажденія въ Словесности, прочитатъ ихъ по моему примѣру. Bravo, Г. Мельгуновъ! Нельзя ли подарить насъ опять чѣмъ-нибудь подобнымъ! Еще хотъ пятокъ Повѣстей, — ради этихъ четырехъ первыхъ!..... Подумайте, только не торопитесь. И чтобъ вы были увѣрены, что эта похвала не миатрификація, что она происходитъ отъ человека, который, если не имѣетъ достоинствъ, то по крайней мѣрѣ не имѣетъ и ни какой надобности лстить кому-либо, и самъ совершенно чуждъ всякихъ литературныхъ партій, — съ позволенія Редакціи Б. для Ч. подписываю здѣсь свое имя, хотя, говорятъ, это нарушаетъ принятой порядокъ ея Литературной Лѣтописи.

БАРОНЪ БРАМБЕУСЪ.

Аферистъ, или Жизнь на чужой счетъ. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Васильева. СП.-бургъ, въ тип. Медицинскаго Департамента М. В. Д., 1834, въ-8., стр. 11 и 70.

Подарокъ бѣднымъ, альманахъ на 1834 годъ, изданный Новороссійскимъ Женскимъ Обществомъ Признанія Бѣдныхъ. Одесса, въ городской типографіи, 1834, въ-12., стр. 196.

Самое назначеніе этого изданія дѣлаетъ его хорошею книгою.

Лорнетъ. Переводъ съ Французскаго Александры Зраженской. СП.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія С. Е. И. В. К., 1834, въ-8., стр. 223.

Это Романъ извѣстной въ дѣвицахъ Г-жи Ге, а по мужъ Г-жи Эмиль-Жирарденъ: не знаемъ, почему не сказано о томъ ни слова на заглавномъ листѣ, тѣмъ болѣе, что самое имя сочтательницы служило бы для ищущихъ пріятныхъ книгъ порукою въ занимательности сочиненія. Нельзя не радоваться, что дамы начинаютъ у насъ принимать дѣятельное участіе въ Словесности: на нихъ вся надежда; онѣ должны показать намъ, какъ благовоспитанныя Россіянки говорить между собою по-Русски, должны создать и развить языкъ хорошаго общества. По сю пору, порядочныя же-

щины, выводимыя на сцену въ нашихъ оригинальныхъ Романахъ, бесѣдовали между собою и съ своими обожателями на *языкъ горничныхъ*: это общій и разительный недостатокъ произведеній Русской изящной прозы, — съ весьма немногими изъятіями. Недавно имѣли мы удовольствіе читать милую Повѣсть, переведенную съ Англійскаго Г-жею Ситниковою, «Думаю я самъ про себя»; теперь съ тѣмъ же пріятнымъ чувствомъ пробѣжали переводъ Г-жи Зражевской давно знакомаго Романа *Le Lognon*, — и въ обоихъ трудахъ, равно какъ и въ другихъ современныхъ произведеніяхъ дамскаго пера, видимъ примѣтный шагъ къ вкѣсу и изящности Русскаго разговора. Образуйте эту важную часть, прекрасныя и прелестныя сочинительницы и переводчицы, — я не имѣю счастья знать ни одной изъ нихъ, и въ моемъ восхищеніи представляю себѣ всѣхъ ихъ столько же отличными красавицами, сколько онѣ безъ-сомнѣнія любезны и умны, — пишите тѣми же Русскими словами, которыми вы думаете, когда думаете по-Русски, и особенно не подражайте намъ, несноснымъ мужчинамъ, и Русская Словесность скоро будетъ такъ же обворожительна, какъ Русская красавица.

Веррексъ, сочиненіе Миссъ Чарльсъ Горъ, перевелъ съ Англійскаго Н. Др.....въ. СП.-бургъ, въ тип. Вингебера, 1834, въ-18, стр. 49.

Книга для чтенія въ пользу начинающихъ учиться Нѣмецкому языку, съ Русскимъ подстрочнымъ переводомъ. СП.-бургъ, въ тип. Вингебера, 1834, въ-8, стр. 96.

Избранныя изрѣченія и рассказы, почеркнутыя изъ Латинскихъ авторовъ и приспособленныя къ правиламъ Латинской Грамматики Е. Лефранка, введенной Королевскимъ Совѣтомъ въ число классическихъ (классныхъ?) книгъ во Франціи, изданной и примѣненной къ Русскому языку И. Эйнерлингомъ, издателемъ Латинскихъ Классиковъ. СП.-бургъ, въ тип. Гинце, 1834, въ-8., стр. VI и 204.

Томъ, котораго выписали мы заглавіе, составляетъ въ то же время и особую книгу, и вторую часть издаваемой Г. Эйнерлингомъ «Избранной Библіотеки для юношества, обучающагося Латинскому языку.» Г. Эйнерлингъ есть са-

мый неутомимый издатель учебныхъ книгъ, какой только существовалъ на Сѣверѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ напечаталъ, какъ удостовѣряетъ приложенный къ этому тому списокъ, четырнадцать сочиненій Русскихъ, Латинскихъ и Французскихъ. Такая дѣятельность, по такой важной и скромной части, побуждаетъ насъ поднести ему дань заслуженной признательности. Настоящее изданіе будетъ, мы увѣрены, весьма полезно преподающимъ и изучающимъ Латинскій языкъ: оно составлено по методу известной Греческой Христоматіи Янобса.

ПАНОРАМА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА. *Часть вторая. СП., бургъ, 1834, въ 8., стр. VIII и 271.*

Часть эта заключаетъ въ себѣ чрезвычайное множество любопытныхъ подробностей по части Статистики Петербурга. Сожалѣемъ, что самое ихъ свойство не позволяетъ намъ сдѣлать ни какихъ извлеченій; но какъ авторъ, накопленіемъ безчисленныхъ фактовъ, лишаетъ насъ пріятности сообщить читателямъ Б. для Ч. что-нибудь цѣлое изъ его книги, то мы заплатимъ себѣ за это отрадою попротиворѣчить его выводамъ. Онъ утверждаетъ (стр. 74), что рождаемость въ Петербургѣ очень слаба, — а мы утверждаемъ напротивъ, что она очень сильна! Кто изъ насъ правъ?.... Когда авторъ показываетъ ея содержаніе въ Парижѣ какъ 1 : 33, а въ Петербургѣ какъ 1 : 56, тогда конечно всякой признаетъ, что онъ говоритъ дѣльно; но когда мы скажемъ, что въ Парижѣ женщинъ около 20,000 болѣе противъ мужчинъ, и притомъ напомнимъ, что въ Петербургѣ на 1 женщину приходится ровно по 2 человека мужчинъ, тогда все приметъ другой видъ. Въ Петербургѣ родится круглымъ числомъ въ годъ 10,000 дѣтей, въ Парижѣ 21,000, — то есть, почти вдвое; народонаселеніе Петербурга 450,000, Парижа 934,000, — также почти вдвое. Слѣдственно, при равной пропорціи женскаго пола въ обѣихъ столицахъ, рождаемость была бы совершенно равная и въ Парижѣ, и въ Петербургѣ; но какъ у насъ изъ трехъ одинъ мужчина всегда остается безъ женщины, а тамъ на каждого мужчину считается по одной женщины съ небольшимъ, то очевидно, что у насъ рождаемость цѣлою одною-шестыхъ сильнѣе Париж-

ской. Мы защищаемъ честь нашего племени. Удивительное плодородіе Славянскихъ поколѣній есть дознанная истина въ Физиологін, и мы воспользуемся одною изъ выносокъ самой же «Панорамы», для поддержанія этой истины.

«Вотъ два единственные примѣра плодородія Русскихъ женщинъ. Въ 1755 году, крестьянинъ села Введенскаго, Яковъ Кирилловъ, представленъ былъ ко Двору: онъ имѣлъ тогда отъ роду 60 лѣтъ, и былъ женатъ на второй женѣ; первая въ двадцать-одну беременность родила 57 живыхъ дѣтей, именно, четыре раза по четыре — (16), семь разъ по три — (21), десять разъ по два — (20), всего — 57. Вторая въ семь разъ пятнадцать дѣтей: одинъ разъ трехъ, и шесть разъ по два (15). Слѣдовательно старикъ имѣлъ всего 72 хъ дѣтей! — 1782 года 27 Февраля, прислана въ Москву вѣдомость отъ Никольскаго монастыря, что Шуйскаго узда крестьянинъ Ѳеодоръ Васильевъ, женатый два раза, имѣлъ отъ обонхъ браковъ 87 дѣтей. Первая жена въ двадцать-семь родовъ имѣла: четыре раза по четыре — (16), семь разъ по три — (21), шестнадцать разъ по два — (32), всего — 69. Вторая два раза по три — (6) и шесть разъ по два — (12), всего 18. Васильеву было тогда 75 лѣтъ, а изъ дѣтей были живы 83.»

Несоразмѣрность содержанія мужескаго пола къ женскому въ нашей отолицѣ объясняетъ естественнымъ образомъ и разницу между смертною и рожденіями. Въ Петербургѣ родится въ годъ слишкомъ 10,000 человекъ, а умираетъ почти 16,000, то есть, цѣлою третью болѣе. И такъ, и смертность превышаетъ рожденія, и число мужчинъ превышаетъ число женщинъ, — одною третью.

Если авторъ согласенъ на эти вычисленія, то мы согласны на все прочее въ его «Панорамѣ»,

Расписаніе станцій по трактамъ отъ обѣихъ столицъ до важнѣйшихъ мѣстъ Европейской части Россійской Имперіи. Въ тип. Плюшара. Брошюрка въ 8 страницъ.

Записки Г. Бурьенна, государственнаго министра, о Наполеонѣ, Директоріи, Консульствѣ, Имперіи и возстановленіи Бурбоновъ. Перевелъ съ Французскаго С. Де Шаплеть. Томъ первый. Часть первая. Сп.-бургъ, 1834, въ-8., стр. 341.

Что ни говорите о Бурьенѣ, — онъ былъ проницателенъ, грязенъ, неблагодаренъ, онъ наконецъ сошелъ съ ума и

умеръ въ больницу, — но онъ былъ долгое время секретаремъ Наполеона, даже школьнымъ его товарищемъ, и Записки школьнаго товарища и секретаря великаго человека всегда будутъ чрезвычайно интересны. Г. Де Шаплетъ совершенно правъ, избравъ для своего трудолюбія это важное сочиненіе, и въ этотъ разъ публика будетъ ему благодарна за выборъ. Правда, что оно огромно, въ десяти частяхъ, — и еще какихъ частей! — но десять толстыхъ частей для Г. Де Шаплета то же, что для насъ любовная записка: онъ переводитъ, печатаетъ и издаетъ съ быстротою мысли. На оберткѣ этой первой части перваго тома «Записокъ Бурьенна» мы нашли списокъ всѣхъ его переводовъ, — памятникъ безпримѣрной неутомимости пера человеческого: сложивъ ихъ вмѣстѣ, находимъ, что онъ уже перевелъ съ Англійскаго, съ Французскаго, съ Нѣмецкаго, *пятьдесятъ шесть* томовъ, — и какихъ еще томовъ!

Часы благоговѣнія, для вспомошествованія истинному Христіанству и домашнему Богопочтенію. Часть первая. Бесѣды Христіанскаго семейства. Переводъ съ Нѣмецкаго четырнадцатаго изданія. СП.-бургъ, въ тип. Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, 1834, въ-8., стр. XX и 350.

Прекрасная, сладкая, утѣшительная книга! Она должна бы находиться въ каждомъ домѣ: мы увѣрены, что всѣ будутъ читать и перечитывать ее съ жадностью, какъ скоро она сдѣлается извѣстною матерямъ семействъ. Лучшей, полезнѣйшей книги добрые родители не въ состояніи дать въ руки дочерямъ и юнымъ сыновьямъ своимъ, ни сами взять изъ ихъ рукъ для собственнаго наслажденія въ минуты свободныя отъ дѣлъ, отъ мірскихъ заботъ, даже въ минуты скорби и огорченія. Прочитайте статью «Домашнія радости», или «Супружество», или «Старость»!..... Мы съ большимъ удовольствіемъ примѣтили, что и переводъ этого превосходнаго творенія очень хорошъ, и цѣна книги весьма умеренна. Вторая часть должна выйти въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени.

Русскія Народныя Пѣсни, собранныя и изданныя для пѣнія и фортепіано Даниломъ Кашинымъ. Книга

первая. Пѣсни протяжныя. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1833 (1834), въ-4., стр. 143.

Это собраніе Русскихъ пѣсень стремится прямо къ Русскому сердцу, и дышитъ тою же неувыдаемою свѣжестью прелести, какъ и самая народность. Г. Капинъ, Русскій артистъ съ дарованьемъ, сдѣлалъ истинный подарокъ отечественной публикѣ, принявъ на себя трудъ издать ихъ, слова и музыку: мы имѣли однажды удовольствіе слушать его самого, разыгрывающаго нѣкоторыя пѣсни по этому изданію, и были очарованы неподражаемою, оригинальною и трогательною ихъ мелодію. Въ числѣ изданныхъ пѣсней мы находимъ и такія, которыхъ никогда не удавалось намъ слышать отъ нашихъ простолюдиновъ: онѣ совершенно похожи на Бѣлады. Въ примѣръ приведемъ слѣдующую:

Какъ по городу, по Саратову,
Дѣвица гуляла;
Она гербовой листь бумаженьки
Себѣ закупала;
Астраханскому Губернатору
Просьбу подавала:
«Ты суди, суди, Астраханскій нашъ
«Новый Губернаторъ,
«Ты суди, суди, какъ законъ велить,
«Суди вѣрой, правдой.
«Какъ меня ль, меня красну дѣвицу,
«Молодецъ обидѣлъ:
«Какъ онъ мнѣ ли, мнѣ, красной дѣвицѣ,
«Въ глаза насмѣялся;
«Какъ съ меня ль, меня, красной дѣвицы,
«Снялъ алый платочекъ!»
— Не сама ли ты, красна дѣвица,
Не ты ль виновата?
Безъ поры, поры, безо времени
Солнышко не свѣтитъ;
Безъ прилуки-то добрый молодецъ
Къ дѣвушкѣ не ходить.

Русская пѣсня на 6 Декабря 1833 года, для фортепіано съ пѣніемъ и хоромъ. Слова Графа Хвостова. Музыка Федора Атце. СП.-бургъ, у А. Штедингга.

КАРТА Европы, изданная Коллежскимъ Совѣтникомъ А. Максимовичемъ, вновь исправленная и пополненная 1834 года, самимъ издателемъ. СП.-бургъ.

НОВЫЙ карманный атласъ *Земнаго Шара, С.П.-бурга, 1834. Вѣ-16., 10 картъ.*

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Мы узнали пріятную вѣсть: седьмой томъ стихотвореній Графа Д. И. Хвостова, говорятъ, уже напечатанъ и скоро поступить въ продажу. Въ немъ находится множество неизданныхъ трудовъ почтеннаго Декана нашихъ поэтовъ.

— По слухамъ, заслуживающимъ полное довѣріе, Г. Лажечниковъ перемѣнилъ названіе сочиняемаго имъ Романа, который, вмѣсто «Бироновскіе Праздники», будетъ именоваться *Ледяной домъ*.

— Полное собраніе сочиненій А. С. Шишкова, въ шестнадцати томахъ, уже вышло изъ печати, но мы еще его не видали.

— Въ будущемъ мѣсяцѣ будемъ всѣ мы имѣть удовольствіе читать любопытное сочиненіе Г. Доктора Бутковскаго: «*Душевные болѣзни, изложенныя сообразно началамъ нынѣшняго ученія Психіатріи въ общемъ и частномъ, теоретическомъ и практическомъ содержаніи.*» Душевные болѣзни теперь повальны: что касается до тѣла, слава Богу, мы здоровы; что касается до души, въ Петербургѣ мало денегъ. Книга Г. Бутковскаго будетъ очень полезна.

— Н. А. Полевой издаетъ вдругъ три Романа: *Аббаддона, падшій духъ*, въ четырехъ частяхъ; *Олимпія*, въ двухъ частяхъ, и *Гробъ и Колыбель*, также въ двухъ частяхъ. Пятый томъ его «Исторіи Русскаго Народа» заключается кончиною Іоанна III, и скоро выйдетъ въ свѣтъ. Мы видѣли начальные листы издаваемой имъ при «Телеграфѣ» *Древней Русской Вивліоѣки*, которой первый томъ скоро отпечатается: это собраніе древнихъ нашихъ записокъ, писемъ и актовъ, обѣщаетъ представить много любопытнаго. Но Г. Полевой недавно присоединилъ свое имя къ гораздо важнѣйшему археологическому предпріятію, которое поистинѣ дѣлаетъ честь Московскому Купечеству. По его убѣжденію, — мы такъ предполагаемъ, — оно составило значительный капиталъ, для изданія Русскихъ старинныхъ грамматъ тамошняго Архива, не предоставляя себѣ

другихъ отъ этого выгодъ, кромѣ возврата издержекъ изданія. Благодаря этой патріотической подпискѣ Московскаго Купечества, мы скоро будемъ имѣть Русскій Codex diplomaticus, недостатокъ котораго останавливаетъ теперь на каждомъ шагѣ частныя историческія изслѣдованія.

— Россійская Академія готовитъ полное изданіе сочиненій Ломоносова, въ трехъ частяхъ, въ-4. Въ ея типографіи и ея издѣвленіемъ печатаются также, въ двухъ частяхъ, въ-8., «Риторическія Наставленія Квинтиліана» покойнаго А. Никольскаго, текстъ съ переводомъ.

— На дняхъ поступить въ печать сочиненіе, пользу котораго безъ-сомнѣнія оцѣнятъ Гг. чиновники, служащіе по III Департаменту и по Общему Собранію Правительствующаго Сената: это «Литовскій гражданскій Процессъ, или порядокъ судопроизводства по гражданскимъ тяжбымъ дѣламъ въ бывшемъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, а нынѣ Литовскихъ, и другихъ возвращенныхъ отъ Польши и на особенномъ положеніи состоящихъ, губерніяхъ Россійской Имперіи.» Авторъ этой книги, Г. А. Коровицкій, издалъ ее сперва на Польскомъ языкѣ, и она была очень хорошо принята закоповѣдцами и адвокатами тѣхъ губерній.

=

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

1. *Шестнадцать лѣтъ, или Зажигатели*, Драма въ семи картинахъ, представленная 22 Февраля.

Въ 1814 году, предъ вступленіемъ союзниковъ въ Парижъ, многіе изъ его жителей удалились въ сосѣдственныя деревни и даже въ Англію. Въ числѣ послѣднихъ былъ Баронъ де Сенъ-Валь. Онъ, обративъ все свое имѣніе въ деньги, отдалъ ихъ старинному своему другу, Графу Клервилю, на сохраненіе до возврата его, и поручилъ ему въ случаѣ его смерти доставить всю сумму, 500,000 франковъ, сыну его, котораго Графъ не зналъ въ глаза. Сенъ-Валь умеръ въ Лондонѣ. У Клервиля украли эти полмилліона франковъ. Наслѣдникъ ихъ не является. Графъ, себѣ на-умъ, молчитъ о пропажѣ. Проходятъ десятка полтора лѣтъ. У него, была, во время оно, пятнадцатилѣтняя дочка, Амалія, которую онъ, пе-

редъ взятіемъ столицы Франціи, спряталъ въ одной деревушкѣ, у арендатора своего, Жерома. Въ домъ его вломились нѣсколько офицеровъ, — Австрійскихъ или Прусскихъ, право не знаю. Одинъ изъ нихъ спустился въ подвалъ, нашелъ тамъ Амалію. Слѣдствіемъ этой подвальной встрѣчи, былъ прекрасный ребенокъ, Феликсъ. Черезъ два года, Феликсъ явился пріемышемъ въ домъ Графа Клервиля. Амалія любитъ его слишкомъ нѣжно; но добрый старикъ отецъ ея не успѣлъ сего замѣтить, хотя и было довольно для этого времени — четырнадцать лѣтъ. Мы добрались до Драмы.

Является наследникъ 500,000 франковъ, сынъ Барона Сень-Валя, влюбляется въ тридцати-двухлѣтнюю Амалію, проситъ руки ея, обещаясь Графу Клервилю не требовать съ него полумилліоннаго своего наследства. Разумѣется, Графъ не упрямился. Дѣло кончено: по рукамъ, да и подъ вѣнецъ. Объявлено Амаліи. Она поплакала, поплакала, и согласилась на бракъ. А какъ Амалія дѣвица и неглупая, и зрѣлая, и осторожная, да и опытная, то, во избежаніе какой-либо непріятности со стороны будущаго ея мужа, который, вѣроятно былъ догадливѣе ея батюшки, рѣшилась *схватить съ рукъ улику*, рѣшилась отослать Феликса въ Парижъ. Въ этомъ участвовалъ арендаторъ Жеромъ, посвященный въ подвальные тайнства. Онъ отправился съ Феликсомъ. Амалія снабдила сына, тайно отъ своего отца, и деньгами, и брилліантами, завѣщавъ ему никому не открывать, что онъ ея сынъ.

Похвальная предусмотрительность дѣвицы-матушки! Немновѣрная сметливость Дюканжа извлекла изъ этого волжа сцены, едва не потонувшія въ слезахъ чувствительныхъ зрительницъ, которыя плакали, плакали на-взрыдъ, видя, какъ шестнадцатилѣтній Феликсъ съ мужествомъ Сцеволи пренебрегалъ угрозами жандармовъ, молчалъ на вопросы деревенскаго мера — кто онъ таковъ? откуда? чей сынъ? — и пропускалъ мимо ушей увѣщанія какого-то аббата. Какъ же попалъ на эту пытку бѣдняжка Феликсъ? Вотъ какъ: Феликсъ съ Жеромомъ отправились въ Парижъ *по образу плшаго хожденія*, чрезъ дремучій лѣсъ. Въ этомъ лѣсу былъ притонъ шайки зажигателей. Эти зажигатели, для того, чтобъ не попасть въ распахъ въ руки полиціи, подпихали

мость, соединявший лѣсъ съ большою дорогою. Являются Жеромъ съ Феликсомъ. Старикъ первый ступаетъ на мость: мость подломился, старикъ покотился прямо въ бездну. Ахъ! ахъ! какъ жаль бѣднаго Жерома! Да зачѣмъ онъ прямо изъ замка Клервиля не отправился съ Феликсомъ въ Парижъ въ какомъ-нибудь фіакрѣ, даже въ какой-нибудь шельгѣ. Кажется, на это даны были ему деньги? Извините, милостивыя государины, если я вопреки своимъ правиламъ, ушрекну васъ сперва недогадливостью, и потомъ уже буду имѣть честь отвѣчать на ваши лестные для меня вопросы. Если бы Жеромъ съ Феликсомъ отправились въ экипажъ то, во-первыхъ, не было бы Драмы «Шестнадцать лѣтъ»; во-вторыхъ.... Но довольно и перваго. Слушаю-сь, и готовъ доказать сказанное: отправься они въ Парижъ не пѣшкомъ и не черезъ дремучій лѣсъ, не проходить бы имъ по мосту, не провалиться бы Жерому въ преисподнюю, не оставаться бы Феликсу одному одиноконьку между зажигателями, не проводить бы его разбойнику Луппи въ Ферму Томаса, не уложить бы Томасу Феликса спать возлѣ хлѣбнаго анбара, не зажечь Луппи этого анбара, отъ котораго сгорѣла цѣлая деревня; не подозрѣвать бы въ этомъ зажигательствѣ невиннаго ни душою, ни тѣломъ, Феликса, не имѣть бы Феликсу случая торжественно явить себя покорнымъ, признательнымъ сыномъ, не отвѣчая на всѣ угрозы жандармовъ, на всѣ допросы судейскіе, на всѣ увѣщанія аббата. Вотъ, чего лишилъ бы васъ Жеромъ, если бы онъ естественнымъ образомъ поѣхалъ дорогой, а не пошелъ бы лѣсомъ въ Парижъ. Мало этого: сдѣлай онъ по вашему хотѣнію, а не по авторскому велѣнію, не привезли бы Феликса подъ прикрытіемъ жандармовъ въ замокъ Клервиля, для уголовного вопроса. Уголовный вопросъ въ домѣ, въ ту самую минуту, когда возвратились туда Баронъ Сентъ-Валь и Амалія прямо изъ-подъ вѣнца! Уголовный вопросъ, весьма близкій сердцу новобрачной! Какая картина! Какой *coupe de théâtre*! Какой ужасъ! Какая прелесть!.....

Браво, москѣ Дюканжъ! — то есть, вѣчная вамъ память, потому, что вы уже умерли. Но вы удивили, восхитили, поразили все и всѣхъ. Конечъ вѣнчается дѣло: конечъ Драмы и увѣнчалъ ее. Баронъ Сентъ-Валь узналъ, — надобно же

было узнать когда-нибудь! — что у молодой его супруги имеется на-лице шестнадцатилѣтній сыночекъ. Онъ, какъ неохотникъ до подобнаго приданаго, пришелъ проститься, и навсегда, съ Амалією. Амалія въ это время объявила оскорбленному своему супругу, какъ она сдѣлалась преступницею, въ Мартѣ 1814 года, испугавшись грома союзныхъ пушекъ. Виновики этого преступленія, разумеется, Сень-Валь. Мирная окончила Драму.

Въ ней играли Г-жа Каратыгина ст. (Амалія), Каратыгина млад. (Феликсъ) и Г. Каратыгинъ (Сень-Валь). Многократныя рукоплесканія и вызовъ артистовъ по окончаніи пьесы на сцену, свидѣлствуютъ о достоинствѣ игры ихъ.

2. *Любовное зелье*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи, представленъ былъ въ то же время.

Былъ когда-то во Франціи уголокъ, гдѣ вовсе не знали, что на свѣтъ водится вино, называемое шампанскимъ. Въ этотъ уголокъ первая привезла шампанское экзъ-маркитантка Бузу. Въ этомъ уголкѣ живутъ молодая пригожая вдова, Катерина, пастухъ Жано и цирюльникъ Лаверже. Пастухъ и цирюльникъ любятъ вдовушку. Вдовушка любитъ пастуха и ждетъ только его признанія въ любви, чтобъ отдать ему звою руку. Робость отнимаетъ у пастуха языкъ. Маркитантка Бузу помогла бѣдняку. Она увѣрила его, что у ней есть любовное зелье. Стоитъ только выпить его бутылочку, — любая женщина тебя полюбитъ. Жано купилъ этого зелья, выпилъ его бутылку. Откуда что взялось! Полунѣмой Жано сдѣлался и краснорѣчивъ, и остро словъ. Уваленъ Жано сдѣлался ловкимъ, развязнымъ малымъ. Плѣнилъ собою рѣшительно Катерину, признался ей въ любви и, вѣроятно, на ней женился. Ай да, любовное зелье! Вижу любопытство читателей узнать, что это за зелье. Это, просто шампанское. Впрочемъ, въ любви много на него не надѣйтесь. Поставивъ на ноги любовь пастуха, оно срезало съ ногъ цирюльника, который былъ даже и поэтъ. Видя, что любовное зелье помогло его сопернику, онъ тоже вздумалъ хлебнуть этой волшебной водицы. Хлебнулъ, уснулъ и проспалъ — *вспыхъ мукъ своихъ причину, красавицу, млею, Катерину.*

Въ этомъ Водевильѣ есть много забавнаго. Публика при-

няла его одобрительно. Игра Г. Дюра (Лаверже) приобрѣла ему многократные аплодисменты.

3. *Маскарадъ въ театрѣ*, Дивертисементъ сочиненія Г. Титюса, представленный 23 Февраля.

Случится ли вамъ, имѣющимъ полсотни тысячъ рублей, или болѣе, тѣмъ лучше! — годового дохода, слышать отъ томной блондинки или пламенной брюнетки, признаніе въ любви? Эта любовь фантастическая! Доведется ли вамъ, людямъ въ почестяхъ, въ ходу, видѣть вѣжливость, услужливость, рабскую покорность всѣхъ имѣющихъ въ васъ нужду? Эта вѣжливость, эта услужливость, эта рабская покорность фантастическія, фантастическія и фантастическія. Вы даете жирные обѣды, не жалѣете ни шампанскаго, ни бургонскаго; богатыя ваши деревни, заложенные въ Банкъ, доѣдаютъ, допиваютъ ваши друзья, которые являются къ вамъ по призыву и безъ зову, цѣлыми взводами, комплектными баталіонами. Вы радуетесь неимовѣрному своему успѣху въ дружбѣ. Радуйтесь, радуйтесь: дружба эта не простая; дружба эта модная, фантастическая. Вы, мужья добрые, мужья подъ сѣдиною, вы вѣруете въ вѣрность вашихъ семнадцати-, восемнадцати-лѣтнихъ половинокъ. Вѣрность эта фантастическая..... Поздравляю васъ, поздравляю! Вамъ тепло на свѣтѣ, на этомъ холодномъ, брюзгливомъ, злослыжномъ свѣтѣ. Еще разъ поздравляю! И такъ, мы живемъ въ вѣкъ, въ которомъ большой расходъ на все фантастическое. Совѣсть иныхъ судей, честь всѣхъ дуэлистовъ, фантастическія. Сказки, Драмы, Повѣсти, Трагедіи, даже Исторіи, пишутся фантастическія. Не доставало фантастическаго Дивертисемента. Вотъ явился и онъ. Вотъ отецъ боговъ пляшетъ съ трехсаженною Юпоною Малороссійскаго трепака, Русскаго голубца, Французскій менуэтъ, Англійскій джигъ. Вотъ Зевесъ получаетъ отъ кого-то въ подарокъ новорожденнаго ребенка. Вотъ Юнопа хватаетъ измѣнника за бороду, и хочетъ выщипать се. Вотъ Зевесъ даритъ ей модную розовую шляпку. Вотъ Юнопа, надѣвъ ее на себя, забываетъ измѣну и пускается гальсировать съ бѣлымъ медвѣдемъ. Вотъ вслѣдъ за ними прыгаютъ Діана съ полишинелемъ, Граціи съ Сатирами, Вакхантка съ Нептуномъ, Нимфы съ Циклопами. Все пляшетъ, скачетъ, коверкается, битыхъ полтора часа. Публи-

ка, смѣется, смѣется, и смѣется. Наконецъ, утомясь отъ смѣха, начинаетъ *отдуваться*, — да простятъ мнѣ это выраженіе: другого равносильнаго ему пріискать не умѣлъ. Это отдуваніе обратилось у нѣкоторыхъ, вѣроятно невольнымъ образомъ, въ шиканье.

4. Старые грѣхи, Водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Старые грѣхи! Старые грѣхи! Эти два слова знакомы многимъ изъ насъ, даже молодымъ. Съ ними для иныхъ соединены тѣсно, и кой-какія пріятныя воспоминанія. Мы говоримъ только о пріятныхъ, непріятное не стоитъ воспоминанія. Старые грѣхи необходимы для театра. Молчимъ о новѣйшей, бѣснующейся Драматургіи; въ ней герои во фракахъ являются съ первой сцены съ окровавленными руками или по крайней мѣрѣ съ рассказомъ о совершенномъ ими развратѣ или преступленіи за десять, пятнадцать, двадцать лѣтъ, до начала пьесы. Героини же всѣ или обольщенные жены, или же дѣвицы съ шестнадцатилѣтними сынками. На этомъ развратѣ или на этомъ преступленіи основаны нынѣшнія Драмы, Мелодрамы, Трагедіи, актіи, суточные, картинныя и многолѣтнія, оканчивающія впрочемъ нерѣдко существованіе свое одночасно. Не говоримъ о пьесахъ прошлаго столѣтія, о твореніяхъ слезно-забавнаго Коцебу: его *Сынъ любви*, его *Ненависть къ людямъ*, основаны на старыхъ грѣхахъ. Загляните поглубже въ старину: нѣкоторыя пьесы, не только Шекспировы, но и Софокловы, Эврипидовы, основаны на старыхъ грѣхахъ. И такъ я правъ; надѣюсь, никто оспаривать не будетъ, что старые грѣхи служили иногда и прежде основою драматическихъ твореній, а нынѣ дѣлаются почти ихъ необходимостью.

Извините, что я распустился, и можетъ-быть не кстати, о старыхъ грѣхахъ, не сказавъ еще ни слова о Водевиль подъ ихъ фирмою. Это отъ того, что объ немъ сказать нечего, кромѣ того, что Маркиза Шампаньоль влюблена въ отставнаго танцора, Жамбетти. Страсть эта не безъ основанія. Маркиза узнаетъ въ послѣдствіи, что Жамбетти былъ лѣтъ двадцать тому назадъ ея любовникомъ. Свадьба прикрыла старые грѣхи, а старые грѣхи навели новую скуку на Петербургскую публику. М. Я.

А П Р Ъ Л Ъ, 1834.

СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ! С.П.-бурга, въ тип. Плюшара, 1834, въ 8., стр. 69.

Чьихъ стихотвореній? какихъ стихотвореній?... Ей, ей, не знаю, — но знаю, что они пріятны и преумны, потому что ихъ читалъ; легкія, веселыя, чувствительныя, короткія: жалъ только, что они напечатаны не для публики, въ маломъ числѣ экземпляровъ и не поступятъ въ продажу.

СТИХОТВОРЕНІЯ Николая Линдквиста. С.П.-бурга, въ тип. О. К. Внутренней Стражи, 1834, въ-12., стр. 142.

Луна, гдѣ ты скрываешься? Облако, куда ты несешься? Мечта, зачѣмъ ты меня мучишь? Голубые глаза, зачѣмъ ты такъ прекрасна? Розовыя уста, цѣлуйте, цѣлуйте меня! я поэтъ!... О, гдѣ же розовыя уста? Нѣтъ розовыхъ устъ! Нѣтъ голубыхъ глазъ! Нѣтъ надежды! Что сталося, съ моею мечтою?... Луна!... Давайте мнѣ луну! Нѣтъ, дайте мнѣ бутылку!... Искристая влага! волшебная влага!... Но и ты быстро исчезаешь изъ бутылки!... Я опять одинокъ, да-дѣ-дѣ; сердце мое пусто, бутылка пуста: луна, ты вѣдь виновата!.. Луна! прекрасная луна! жестокая луна! блѣдная луна! серебряная луна! скучная, неспокая луна!

Когда всѣ эти мысли переложи въ стихи, — на хорошіе или въ дурные стихи, это все равно, — то и я также издамъ свое собраніе стихотвореній.

Вообразите, что планеты, Меркурій и Венера, живутъ въ мірѣ безъ лунъ! Слѣдственно, тамъ нѣтъ и мечты; слѣдственно тамъ не съ чего молодому человѣку начать писать стихи. Счастливые жители Меркурія и Венеры! вы не знаете стиховъ къ лунѣ.

Вообразите только, что Юпитеръ имѣетъ четыре луны, Уранъ шесть, а Сатурнъ семь лунъ! Представьте, какъ тамъ должны быть заняты поэты! Я увѣренъ, что на Сатурнѣ типографіи не успеваютъ въ теченіе года отпечатать и половину тѣхъ стиховъ, которые наливаетъ тамъ мечта подъ

вліяніемъ семи лунъ. Какая гибель лунъ! Какая пропасть стиховъ!... Но тутъ я вижу всю мудрость Природы: правда, что она дала Сатурну семь лунъ, но въ то же время дала и годъ равный почти тридцати нашимъ годамъ: нѣтъ сомнѣнія, что она продлила такъ Сатурновъ годъ, чтобъ стихи, производимые въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ тяготѣніемъ семи лунъ, могли быть отпечатаны къ первому Января той планеты. Въ Природѣ ничто не теряется. Въ Природѣ не потерялся даже Басни Г. Николая Линдфорса, — даже его Пѣсни и Стансы, его Посланія и Баллады, его Элегіи и Думы, — даже его Эпиграммы, Эпитафій, стихи въ альбомъ и экспромпты, — даже его Сонетъ! Дивитесь неизящной бережливости Природы!

НОВЫЕ ДОСУГИ СЕЛЬСКАГО ЖИТЕЛЯ. Стихотворенія Федора Сяпушкина. Сп.-бургъ, въ тип. Гущи, 1834, в-8., стр. 112.

Федоръ Сяпушкинъ — Русскій Феокритъ, не по образованности дарованія, не по искусственной отдѣлкѣ своихъ стиховъ, но по ихъ духу. Двѣ вещи, съ виду совершенно противоположныя, могутъ въ существѣ быть похожи какъ двѣ капли воды. Федоръ Николѣвичъ какъ двѣ капли похожъ на Феокрита Прараторовича. Я думаю, Федоръ Николѣвичъ никогда не читалъ этого классическаго Грека? Вотъ, почему онъ еще болѣе похожъ на него! Но Феокритъ Прараторовичъ и Федоръ Николѣвичъ учились у одного мастера, — у Природы. Феокритъ былъ Греческій Сяпушкинъ, когда чисто, умно, резко, смѣлыми и глубокими чертами, изображалъ полукочевой бытъ своихъ сельскихъ соотечичей, загородныхъ соседей Сиракузы; когда представлялъ ихъ занятія, страсти и повѣрья въ Эолю, Комату, Лаконъ, Даметъ, въ Киклопъ, въ Эргатинахъ, въ Адоніазахъ; когда не одѣвалъ холодной аллегоріи въ армякъ Сицилійскаго поселенина; когда не занималъ новизны у деревенской дѣвушки, продававшей ему яйца и сливки, чтобъ угасить ею нечистое чело лести; когда не писалъ Эпитафій безъ чувства, ни Эпиграммъ безъ соли; когда не подражалъ слогу и языку безсмертнаго пѣвца Ахиллова, чтобъ стряпать плохіе панегирики Птоломеемъ. Г. Сяпушкинъ, ва-

оборотъ, есть настоящий Русскій Θεокритъ, когда живописуетъ быть, занятія, забавы, образъ мыслей и чувства нашихъ добрыхъ и трудолюбивыхъ мужичковъ въ Поселянникъ, въ Рыбакъ, Пастухъ, Посадскомъ Ермилъ, Сбитенщикъ; когда чертитъ наши деревенскія сцены въ Ярмаркѣ или въ »Баринъ въ помѣстьѣ,» когда говоритъ о сельскомъ вечерѣ, а не о кирпичѣ въ шестнадцать футовъ, когда не сочиняетъ Басень, ни стиховъ къ портретамъ, ни акростиховъ; когда не отвѣчаетъ на чужія Посланія, не воспѣваетъ шампанскаго и не принимаетъ словъ *табакъ* и *кабакъ*, ради Философiи. Отбросивъ отъ Θεокрита то, что не Θεокритское, и отъ Θεодора Никифоровича Слѣпушкина то, что не въ его родѣ и внѣ круга его наблюдений, вы получите двѣ поэзіи, тождество которыхъ удивительно, несмотря на разность формъ, въ которыя онѣ одѣты. Я не помню въ жизни двухъ впечатлѣній, ни двухъ удовольствій, схожѣ тѣхъ, какія испыталъ я при чтеніи нѣкоторыхъ Идиллъ Θεокрита и нѣкоторыхъ мѣстъ «Новыхъ досуговъ» нашего «Сельскаго жителя.» Напримѣръ, слѣдующее, — начало описанія ярмарки:

Постало утро золотое,
Зарница въ небѣ чуть блеснуть,
Свѣтаетъ небо голубое,
И ранній соловей свиститъ;
Надъ нивой жаворонки вьются,
Скворцовъ напѣвы раздаются
По тихимъ рощамъ, по садамъ.
Струги межъ камнями играютъ,
Подъ ивами, на ручейкѣ,
Своимъ журчаньемъ привлекающъ!
Тамъ отдается въ далекъ
Звонъ тихой стараго погоста,
Тутъ почта рѣзвая летитъ
Съ крутаго берега, вдоль моста,
Лишь по дорогѣ пыль клубить!
Вотъ потянулись рядами
Обозы съ сельскими трудами,
На хлебной ярмарки базаръ;
Въ обгонъ въ коляскахъ и рыдванахъ
Мчатъ кони статные бояръ!
Купцы, посадскіе въ кафтанѣхъ,
Въ цветныхъ халатахъ дорогихъ

Песутъ вихремъ на ляхи,
 Какъ бы на пиръ веселой къ другу;
 Со всѣхъ сторонъ толпы гостей,
 По берегу, водой и дугу —
 Шумятъ, какъ стадо лебедей!»

Или картина крестьянъ, собравшихся зимою вечеркомъ въ своей избѣ, и разсужденія деревенскаго ворчуна, Вытегорскаго философа, Ермаила:

«Уже проходитъ зимній день,
 И тихій вечеръ наступаетъ;
 Вкругъ барскихъ селъ и деревень, —
 Какъ темно облако летаетъ —
 Крикливыхъ галокъ и воронъ!
 И на помѣстьяхъ радій звонъ
 Вечерній часъ напоминаетъ.
 Всѣ порелане той порой —
 Скоту готовить кормъ ночной,
 И ключевую носить воду,
 Изъ чистыхъ ведеръ льютъ въ колоду;
 Заря погасла! — облака
 Покрыли небо темнотою,
 Селяне прилетли къ покою,
 Нигдѣ невидно огонька.
 Сонъ сладкой по трудахъ поконить,
 А греза на сердце наводитъ —
 Печаль, заботы, радость, страхъ,
 Летятъ минуты въ чудесахъ!

Проснулись дѣвицы, срядились,
 Къ сосѣду Карпу, старику,
 Въ бесѣду, какъ на пиръ сходились!
 По чистымъ лавкамъ къ огоньку,
 Красавицы съ гребнями свѣи,
 И веретены загудѣли —
 На тонкой пряжѣ у дѣвицъ!
 Подругъ веселое собранье,
 Заводятъ рѣчи, толкованье
 О снахъ и дивахъ небылицъ: —
 Шутилой Танѣ сонъ приснился,
 Предъ нею голубокъ кружился;
 Надежда теребила левъ,
 А Катя ягоды собирала,
 Любовь колечко потеряла!
 Михеевна пряжу съ веретень —

На мотовило навиваешь,
И сны красавицам гадаешь:
Кружится голубокъ къ вѣстямъ,
Сборъ ягодъ — быть печали, скукъ,
А лень такъ вѣрно прибыль намъ,
Потеря видится къ разлукъ!

Карпъ по застолью проворчалъ
Недоброй намъ науку далъ,
Разгадывать, что въ ночь наснится;
Съ молитвой должно спать ложиться!
Такъ греза страхъ не наведетъ;
Будь крестная надъ нами сила!

Эхъ свать! — сонъ въ руку намъ кладезь,
Въспунья Карпу возразила;
Послушайте, скажу вамъ быль: —
Случилось это элиэзъ Валдая,» и проч.

.....

«Посадской старина Ермилъ,
Друзьямъ въ бесѣдѣ говорилъ:
Мудреные настали годы! —
Въ насмѣшку стала борода! —
Пустилась наша братья въ моды,
Полѣзли грудью въ господа.
Иной молодчикъ безъ стыда
По-Польски голову оправилъ,
Снялъ бороду, усы оставилъ,
На тотъ же кажется манеръ;
На немъ нарядъ богатой, модной,
И Щукинской напѣ кавалеръ,
Сталъ будто Князь великородной;
Купецъ ли онъ, иль дворянинъ,
Французъ ли, Грекъ иль Армянинъ,
Богъ знаетъ кто — вотъ вамъ загадка.
Другой съ опрятной бородой,
Гуляетъ съ милою женой,
На ней въ цвѣтахъ пестрѣтъ шляпка,
Разрѣжена какъ бы княжна;
Спроси жъ тихонько: кто она?
Малень Гурьевна — крестьянка.»
Или рассказъ стараго сбитенщика:
«Недавно сбитеньщикъ съдой
О старинѣ разговаривалъ;

На нынѣшній народъ дивился,
 Вдыхалъ, качая головою!
 Давно ли я ходилъ съ бѣлагой?
 Мой сбитень пили господа!
 А наша братья, — борода,
 Бузою забавлялись, брагой:
 Бывало празднымъ пещеркомъ,
 Отъемный пивникъ со стручкомъ,
 За здравье пили мы другъ друга!
 За то морозъ трескучій, вьюга,
 Не видно свѣту, вихри выють!
 А молодцы безъ рукавицы,
 Грудь на распашку, вдоль столицы,
 Идутъ, — какъ маковъ цвѣтъ цвѣтутъ!
 Ходить въ гостиницы стыдился,
 А нынѣ, какъ всѣ измѣнились!
 Веселыхъ заведеній — с. юшь.
 Изъ нашей браты молодежь —
 Тѣснится въ залы расписныя!
 Извозникъ, саечникъ, столяръ,
 Обручникъ, плотникъ и маляръ,
 Всѣ господа мастеровые —
 За чай! — и локти по столу,
 Кричатъ: — подайте-ко Ццолю!
 Читасть по складамъ Ерема,
 Сидить раскинувшись какъ дома,
 И гладить по усамъ порой,
 Любуясь въ зеркалъ собой;
 А кто пограмотнѣй найдется,
 Посмотришь, къ споръ еще влетется,
 Тамъ про какой-то про Романъ!
 Тутъ нѣ рѣчи съ номеромъ Иванъ,
 Въ извозъ прѣхавшій изъ Раги.
 Романы люди, а не книги;
 Толкуеть пожилой бочаръ.
 Всѣхъ лучше книга — Штица Жаръ!
 Кто про Бову, кто про Полкана,
 Кто про Илью, про Еруслана,
 Кто о Петрѣ златыхъ ключахъ,
 Читають, — слезы на глазахъ!
 За кипяткомъ промокли съ нуту,
 Часы осьмага четверть бьютъ,
 А други все сидятъ, да пьютъ,
 Забыли про свою работу.

Лишь изъ гостиницы домою,
 Накрываетъ молодцовъ простуда!
 И голова тяжеле пуда,
 А пиновать все — расписной!
 Пришла пора платить оброки,
 А денегъ вѣтъ, читай уроки;
 Крушатъ невзгода мать, жену!
 За недоника въ строй роднова!
 Примолвилъ дядушка три слова:
 Вспоминать нашу старину.

Вотъ настоящія Русскія Идилліи, — единственныя Идилліи, какія могутъ быть писаны въ XIX вѣкѣ! Теокрытъ писалъ за двѣ тысячи лѣтъ и представлялъ Природу того времени помощію поэтическихъ того времени формъ и красокъ; Г. Слѣпушкинъ пишетъ теперь, пишетъ о предметахъ того же рода, и пишетъ нынѣшнимъ стихотворнымъ языкомъ. Онъ не подражаетъ формамъ Греческаго поэта, и потому совершенно уподобляется ему духомъ поэзіи. Чтобъ уничтожить все свое съ нимъ сходство, ему стоитъ только проникнуться красотами классическаго образца, приспособить свои вдохновенія къ наружному виду Теокрытовыхъ твореній, вывести на сцену пастушковъ и называть свои стихи Идилліями: съ той минуты, онъ не напишетъ болѣе ни одной Идилліи. Именно такимъ образомъ люди производили всю ложную поэзію начиная съ Амипты и Pastor Fido до Г-жи Дезульеръ и до Г-на "... Советую Г. Слѣпушкину никогда не читать ни Теокрыта, ни Мосха, ни Віона, если онъ хочетъ удачно и вѣрно подражать первому.

Согласенъ, что между изящностью стиховъ Теокрыта и нашего сельскаго пѣвца есть маленькая разница, но должно принять въ соображеніе и то, что мы современники Г. Слѣпушкину, а въ отношеніи къ первому страстные, накопленные, удивительные потомки. Не знаю, что бы мы, нынѣшніе, сказали объ Александрійскомъ педанствѣ стихотворнаго языка Теокрыта, если бъ жили въ его время, и какъ бы нравилось нашему уху смѣсь Сицилійскаго мужичьяго нарѣчія съ окончаніями словъ, бывшими въ употребленіи въ другой части Греціи при Гезіодѣ и Гомерѣ?

Что жъ должно заключить изъ всего этого? — что я на-

зываю Г. Слѣпушкина великимъ поэтомъ, какъ самъ Тео-
крить?... Отнюдь, нѣтъ. Ни Теокрытъ, ни Г. Слѣпушкинъ
не поэты: оба они только стихотворцы, очень схожіе между со-
бою по существу и духу, очень различные по внѣшней ча-
сти своихъ произведеній, пріятные стихотворцы во мно-
гихъ мѣстахъ, — Теокрытъ такихъ мѣстъ имѣетъ сторазь бо-
лье нежели Г. Слѣпушкинъ, — первый, стихотворецъ, усовер-
шенствованный искусствомъ съ природнымъ дарованіемъ; вто-
рой, природный стихотворецъ безъ большого искусства; пѣвцы,
изъ которыхъ ни тотъ, ни другой, не думалъ писать Идиллій,
но тотъ и другой написали по нѣскольку настоящихъ Идиллій,
каждый для своего народа и для своего времени. У южна-
го Теокрыта часто играетъ роль любовь, — отнюдь не сен-
тиментальная, — любовь простая, чувственная, страстная и
грубая; у сѣвернаго, совсѣмъ нѣтъ любви, или она поч-
ти не замѣтна. Это еще одна точка сходства двухъ Тео-
критовъ: всякой изъ нихъ вѣрно изображаетъ Природу, ка-
кая у него передъ глазами. Г. Слѣпушкина можно было
бы еще уподобить Борнсу или Краббу; но поселянинъ
Борнсъ и Пасторъ Краббъ, по несчастію, были политиче-
скіе фанатики и поэты гораздо выше Теокрыта, хотя тоже
воспѣвали сельскую Природу, и хотя послѣдній нѣвѣдко пред-
ставлялъ ее столь же отвратительною, какъ знаменитый
Сиракузецъ.

Во мнѣніи «строгихъ» Критиковъ, я, можетъ быть, слиш-
комъ увлекаюсь въ пользу Г. Слѣпушкина: мы однако жъ,
скажутъ они мнѣ, по географическому положенію живемъ
въ Европѣ!.... Именно потому, что мы живемъ въ Европѣ,
я хочу подражать Европейцамъ, имѣть свое мнѣніе, и
искать хорошаго скорѣе въ своемъ, нежели въ чужомъ. Въ
пользу Г. Слѣпушкина, котораго, по моему разумѣнію, не
оцѣнили у насъ съ должной стороны, я увлекаюсь отъ то-
го, что нашъ Русскій Ерѣма, читающій по складамъ «Що-
лу» въ гостинницѣ, пріѣхавъ на рынокъ съ возомъ свина, гораз-
до для меня увлекательнѣе и живописнѣе «Сиваритскаго ва-
»стуха Лакона, который вчера укралъ козу у Сиракузскаго
«пастуха, Коматы.» Я бы искренно поздравилъ себя, если бы
мои замѣчанія удалили Г. Слѣпушкина отъ Басень, отъ пор-
ретовъ, отъ надгробій, отъ философическихъ разсужденій о

табакъ и шампанскомъ, и дали его таланту единое свойственное ему направление—къ предметамъ сельской жизни, къ картинамъ столь интереснаго и оригинальнаго житія-бытія нашихъ поселянъ. Онъ могъ бы сдѣлаться ихъ поэтомъ, облагородить ихъ занятія въ собственныхъ ихъ глазахъ, дать имъ почувствовать поэзію скромнаго, но благороднаго ихъ состоянія, утвердить въ нихъ чувство довольства своею судьбою, необходимое для счастья всякаго человека, разлить прелесть и утѣшеніе въ ихъ грамотныхъ хижинахъ. Мы тоже читали бы его стихи, и еще болѣе любили бы и уважали добрыхъ нашихъ дѣтокъ, мужичковъ. Съ этой стороны смотрю я на Русскаго Оеокрита, и потому считаю его «Русскаго поселянина» лучшею Русскою Идилліею.

Новосѣлье. Часть вторая. С.П.бургъ, въ типографіи Плюшара, 1834, въ-8, стр. VI и 570, съ виньеткою, изображающею внутренность библіотеки для чтенія.

Въ этой второй части содержатся: Чинъ-чунъ, или Авторская слава, — Барона Брамбеуса; Балтійское видѣніе; Къ Графу В. А. Соллогубу, — Князя П. А. Вяземскаго; Анджело, Поэма въ трехъ частяхъ, — А. С. Пушкина; Счастливецъ, — Историческая Повѣсть, — Барона Брамбеуса; Элевзинскій праздникъ, Баллада, — В. А. Жуковскаго; Прадѣлушкина свадьба, Повѣсть, — Князя А. А. Шаховскаго; Къ Н.....ъ, Стихи, — Князя С. Голицына; Похожденія одной ревизжской души, Калмыцкое Сказаніе, — Барона Брамбеуса; Бренда, Баллада, — И. И. Ковлова; Еще тройка, Стихотвореніе, — Князя П. А. Вяземскаго; Анекдоты объ Императрицѣ Екатеринѣ Великой, — А. С. Шишкова; Роландъ оруженосецъ, Баллада, — В. А. Жуковскаго; Мудренныя приключенія квартальнаго надзирателя, Повѣсть, — Ф. В. Булгарина; Возвращеніе крестоносца, Быль въ стихахъ, — И. И. Козлова; Катя, или Исторія воспитанницы, Отрывокъ изъ Романа, — Князя В. Ф. Одоевскаго; Русская добросовѣстность, Быль въ стихахъ, — Барона Е. М. Розена; Любовь къ ближнему, Философическое разсужденіе, — И. М. Ястребцова; Разговоръ души съ тѣломъ, Стихотвореніе, — Г. М. Воскресенскаго; Премьеръ-маіоръ Палицынъ, Полу-историческій Разсказъ, — В. А. Ушакова; Крестьянинъ и Собака,

Басня, — И. А. Крылова; Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ, — Папко-Рудаго. Всего 32 статьи.

Любовь моего сосѣда. Романъ. Сочиненіе Николая Лутковского. С. П.-бургъ, 1834, въ-12. Двѣ части, стр. 148 — 143.

Я въ томъ совершенно согласенъ съ авторомъ, что это не Романъ: это просто анекдотъ, рассказанный исторически, какъ рассказывалъ мой начальникъ, о которомъ говорилъ я въ Литературной Лѣтописи за Мартъ мѣсяцъ, — со всеми подробностями и околичностями. Если бы это былъ Романъ, что-нибудь общее о человѣческомъ сердцѣ и обществѣ, то нравственный смыслъ этого Романа поучалъ бы насъ той истинѣ, что, желая жениться на хорошей дѣвушкѣ, которая бы въ состояніи была составить вамъ счастье и сверхъ того принести вамъ порядочное и вѣрное приданое, слѣдуетъ всегда жениться на дочери нищаго, живущаго на мостовой подавляемыми прохожими. Но «Любовь моего сосѣда» только анекдотъ о томъ, какъ Скопинъ во время буйства черны, взволнованной холерою, спасся на Пески и влюбился сперва въ прекрасную Софію, потомъ въ прекрасную Надежду; какъ поѣхалъ онъ въ провинцію за наслѣдствомъ; какъ въ провинціи спроворили у него наслѣдство, а въ столицѣ не вѣсту; какъ онъ служилъ и выслужилъ себѣ дурной аттестатъ; какъ наконецъ сдѣлался нищимъ и женился на дочери нищаго, за которою получилъ тысячъ..... Не скажу сколько, — потому, что тѣмъ уничтожилъ бы въ насъ все любопытство читать самый Романъ, или самый анекдотъ въ двухъ частяхъ, въ-12., въ которомъ однако жъ есть много занимательнаго; гдѣ и этотъ бѣдный чиновникъ, желающій казаться богатымъ человекомъ, имѣя за душою всего 750 рублей жалованья, нѣсколько иностранныхъ орденовъ и нѣсколько историческихъ анекдотовъ, и эти дамы средняго состоянія, хотя второстепенныя лица въ повѣсти, и эти нравы въ засаленномъ халатѣ, могутъ вамъ очень понравиться, особенно своей несчастною истинною.

Поселящикъ. Сибирская Повѣсть, сочиненіе Н. Щ., автора Поѣздки въ Якутскъ. С. П.-бургъ, въ тип. Виттебера. 1834, въ-12., стр. 151.

Эту Повесть можно читать съ удовольствіемъ. Авторъ жаль изобразить Сибирскіе нравы, и началъ сочиненіе довольно живою картиною Сибири. Потомъ пошла нравы, — самые странные, самые невѣроятные, самые Сибирскіе нравы. Тамъ находите вы людей «секретныхъ» и разбойниковъ, которые откровенно носятъ это названіе; тамъ человекъ замерзаетъ изъ поты, и гитвается, когда его разогрѣютъ; тамъ Князь женится на Буряткахъ, и Бурятки превращаются въ премилыхъ, преумныхъ Княгинь; тамъ продаютъ прелестнѣйшихъ дочерей за 10 барановъ и покупаютъ самыхъ добродѣтельныхъ женъ за 50 рублей; тамъ по десяти лѣтъ мужья живутъ въ страшномъ уныніи и отчаяніи, когда ихъ супруга выйдетъ замужъ за другаго; а когда тамъ станутъ рассказывать про свою жизнь и свои проказы мѣстному губернатору, то рассказываютъ такъ долго, съ такими необыкновенными и повестественными подробностями, что хотъ уходи отъ разсказа въ Барабинскую Степь. Но таковы Сибирскіе нравы! Приключенія Князя П... могутъ быть только истиннымъ происшествіемъ, — правдоподобнымъ никакъ не могутъ они назваться. Имъ вовсе нельзя повѣрить, пока авторъ не побожится, что все это действительно случилось. И вотъ что пользы сочинять Повѣсти изъ случаевъ, дѣлающихъ изъясненіе!

Июки, или Вторичное покореніе Сибири, Повесть XVI столѣтія, изъ царствованія Θεодора Іоанновича. Москва, въ тип. Пономарева, 1834, въ-12. Брошюрка въ 82 страницы, съ подписью въ концѣ: «Сочинитель, Ив. Глухаревъ».

Достопамятный бракъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго. Историческая Повесть, взятая изъ древняго Новгородскаго преданія Николаемъ Ооминымъ. С. П.-бургъ, въ тип. Вингебера, 1834, въ-12. Брошюрка въ 68 страницъ.

Воспоминанія Институтки. Сочиненіе Ел..... Ал..... С. П.-бургъ. въ тип. Вингебера, 1834, въ-18., стр. 93.

Брошюрка, исполненная трогательныхъ подробностей истинно родительскаго попеченія, которое добрыя и нѣжныя

Русскіе Моцархи благоволятъ имѣть о воспитаніи князь подданныхъ, вторыхъ дѣтей своихъ. Молодая сочинительница, которая съ прекрасными чувствами признательности и энтузіазма къ Вышесоснымъ Благодѣтелямъ, соединяетъ еще примѣчательный даръ слога, родилась въ Ригѣ. Отецъ ея переселился на берега Невы. «Многочисленное семейство, говоритъ она, и недостатокъ были его удовольствій. Тягостно, даже мучительно, желать воспитать дѣтей; какъ должно, — и не имѣть возможности воспитать ихъ! Къ счастью, въ Россіи, люди не умираютъ съ голоду, — къ счастью въ Россіи за Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадають. Отецъ мой молился Богу и служилъ Царю.» Судьба послала имъ великодушнаго покровителя въ лицѣ одного Русскаго вельможи, и юная Бл... была определена въ Институтъ Дома Трудолюбія, что на Васильевскомъ Островѣ въ 13-ой Линіи, пансіонеркою блаженной памяти Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны.

Читайте эти восхитительныя страницы:

«Прошло нѣсколько мѣсяцевъ: Императрица навѣщала насъ чаще обыкновеннаго; но мы не могли наглядѣться на нее, не могли нарядоваться Бл ангельской привѣтливости. Однажды, я не упомяну котораго мѣсяца и числа былъ этотъ роковой день, — Государыня приглашаетъ къ намъ, и говоритъ: *дѣти! я пришла проститься съ вами; я уѣзжаю въ Тагилрогъ, для поправленія здоровья!* Эти слова, какъ внезапный ударъ грома, поразили насъ; мы зарыдали, и пали на колѣни предъ Монархиней. Государыня плакала вмѣстѣ съ нами. Поднявъ Начальницу съ колѣнъ, она обратилась къ намъ, и сказала: *дѣти! молитесь за меня Богу; — молитесь, чтобъ я выздоровѣла, и я скоро возвратилась къ вамъ! тогда все будетъ иначе: я перестрою домъ, вы все станете учиться по-Французски; — я велю вамъ сдѣлать новые переднички; не плачьте, дѣти, и молитесь за меня Богу!*

«*Seben sie nach die Kinder recht gut nach!*» говоритъ Императрица Начальницѣ, поцѣловавъ ее: *прощайте дѣти!* продолжая она, обращаясь къ намъ снова: *прощайте и не забывайте меня!* — «Прощайте, Ваше Величество!» отвѣчали мы сквозь слезы, и проводили Государыню до самыхъ воротъ Института. Она уѣхала; но еще нѣсколько разъ выглядывала къ намъ изъ кареты, и повторяла роковое *прощайте!* Намъ было грустно, очень грустно — когда мы прощались съ нашею Благотворительницей: мы простились съ Ней: — до свиданія въ Небѣ!.....»

«Мрачны, угромы осеннія ночи Сѣвера. Какъ грозная могильная насыпь — они бремятъ и мертвыхъ человека; но взойдетъ весеннее сол-

цы, и мертвая Природа оживаетъ снова; это солнце равно трепетъ и живущихъ, и холодныя могилы отжившихъ; — позднѣя оживотворяются его благотворными лучами: изъ праха мертвыхъ выпрыскивается живая зелень, и холодныя угрюмыя могилы красуются неподдѣльными цвѣтами Природы! какъ эти осеннія ночи были мрачны и угрюмы сердца наша, по кончаніи Августѣйшей Благотворительницы; но и для насъ взошло весеннее солнце, — взошло — и озарило — и оживило насъ милостями Добродѣтельной Монархини! Die gute Charlotte! такъ звали Ее въ родномъ краю; Александра — Благотворительница — такъ зовутъ Ее на святой Руси!...

Императрица Александра Олександровна благоволила принять на Себя обязанности почившей въ Вою Императрицы Елисаветы Александровны, — и мы съ нетерпѣніемъ ожидали перваго посѣщенія любимой всеми Государыни. — Желаніе наше исполнилось вскорѣ, и вскорѣ мы насладились лицезрѣніемъ новой нашей Покровительницы!... Солнце наше озарило насъ: мы пали на колѣни предъ Монархиней, и просили Ее — не оставить насъ!...

«Успокойтесь, милыя дѣти! я хочу быть вашею матерью: я не оставлю васъ!» отвѣчала Государыня, и дѣйствительно, какъ мать, она вошла во всѣ подробности нашей Институтской жизни!...

«Когда Императрица вторично посѣтила насъ, Императоръ былъ въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ; оттуда Онъ заѣхалъ къ намъ. «Bon jour, votre Majesté Impériale!» вскричали мы въ одинъ голосъ. Bon jour. Mesdemoiselles!» отвѣчалъ Государь ласково. — Въ это время Императрица стояла у окна; Императоръ подошелъ къ Ней, потрепалъ Ее по плечу, обнявъ, поцѣловалъ Ее, и спросилъ: «que fais - tu de bon? Осмотрѣвъ Институтскій домъ, Императоръ сказалъ: здѣсь надобно все перестроить; а дѣвицъ перевести покамѣстъ въ Чесму.

Слово Монарха было исполнено вскорѣ; насъ помѣстили въ Чесменскомъ дворцѣ. Какое прелестное мѣсто! Какіе очаровательные виды! Противъ дворца стояла церковь; — вѣсколько далѣе видѣлись два красивыхъ домика; тамъ возвышалась зеленая горка, на которой нерѣдко мы рѣзались, и проводили время въ дѣтскихъ играхъ; — здѣсь дремала роскошная гдѣ, въ часы досуга, мы собирали грибы для ягоды, и охотились нашимъ Dames de Classes.

Всегда прелестна, всегда величественна Природа; но всѣ ли могутъ постигать прелесть и величіе Природы!

«Перепадалъ дождикъ; Императрица ѣхала въ Царское Село, и, по пути, посѣтила насъ на новосельѣ. Поздоровавшись съ нами, Она спросила насъ: весело ли вамъ здѣсь, милыя дѣти! — «Весело, Ваше Императорское Величество!» отвѣчали мы, и Государыня была весела нашимъ весельемъ. — Часа черезъ два прибылъ въ Чесму Императоръ, съ Наслѣдникомъ Престола — Великимъ Княземъ Александромъ Николаевичемъ. — Царственнымъ гостямъ отвели особыя комнаты во дворцѣ, — Императоръ, вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ, пошелъ прямо въ покои Императрицы, и потомъ всѣ трое, вошли къ намъ. Добрый Царь

разспрашивала насъ о нашемъ житиѣ — бытъ, разспрашивала: нравятся ли намъ Чесма, и часто ли мы гуляемъ ... Потомъ, подводя къ намъ будущаго Владыку Россіи, сказалъ. *Mesdemoiselles! recommandoу вамъ второй нумеръ самаго себя!* — Мы поклонились Великому Князю. Онъ сконфузился, и не зналъ что дѣлать. — «Ахъ какъ же ты не учтивъ!» подхватилъ Императоръ, улыбаясь. «Тебѣ кланяются дѣвчѣ, а ты не отвѣчаешь!» — Его Высочество поклонился намъ, и мы снова поклонились Ему.

«Во время обѣденнаго стола, Императрица сидѣла на табуретѣ; — Императоръ и Наслѣдникъ Престола прохаживались по столовой. — За горючими, намъ подали бифштексы: Государь, взявъ тарелку, положилъ себѣ кусокъ, покушалъ и сказалъ: *Это блюдо хорошо!*

«Послѣ обѣда Императрица выслала насъ изъ своихъ покоевъ корзинку конфетокъ; потомъ вышла къ намъ Сама, и спросила насъ, вкусенъ ли былъ десертъ нашъ. — «Очень, очень вкусенъ, Ваше Величество!» отвѣчали мы. Государыня усмѣхнулась, и, уходя опять изъ свою комнату, просила, чтобъ Ей дали какуюнибудь книгу. Богатый экземпляръ Басенъ знаменитаго Крылова, издававшихся книгопродавцемъ Слѣпнинымъ, былъ поданъ Монархинѣ. Уходя изъ Чесмы, Императрица возвратила этотъ экземпляръ нашей Начальницѣ: ленточка была оставлена Монархиней на 135 страницъ божественнаго творенія Русскаго Баснописца.»

Читайте всю эту милую книжечку!

Прекрасная Грузинка, или Нашествіе Аги-Магметъ-Хана на Тифлисъ въ 1795 году, Историческій Грузинскій Романъ. Сочиненіе Платона Зубова. Москва, въ тип. Лазаревыхъ, 1834, въ 18. Дѣль части, стр. 150 — 183.

Предваряемъ читателей, что хотя это «Грузинскій Романъ», но онъ писанъ по-Русски. Судя по этому Грузинскому Роману, Грузинская Словесность еще въ самомъ плачевномъ состояніи, — хотя уже имѣетъ своихъ Вальтеръ-Скоттовъ.

Стрега. Сочиненіе Эдуарда Фуинѣ. ~~Съ Французскаго.~~ Чистъ первая. С.П.-бургъ, въ ~~тип.~~ Вингебера, 1834, въ-8., стр. 152.

Ба, ба, ба! это что? Предисловіе въ цѣлыхъ двадцать страницъ! Ужасная выходка противъ мужчинъ, на двадцати страницахъ, въ видѣ письма къ какому-то издателю Журнала! Двадцать страницъ самыхъ горькихъ, самыхъ убійственныхныхъ насмѣшекъ надъ почтеннымъ поломъ, брѣющимъ могущественную бороду, съ подписью — *Елисаветѣ Бездольной!*.... Это ужъ слишкомъ жестоко! Но такъ и быть:

я никогда не гнѣваюсь за двадцать умныхъ и хорошо написанныхъ страницъ, хотя бѣ онѣ забили мой полъ и меня въ грязь. Г-жа Елисавета Бездольная пишетъ предисловія какъ ангелъ, — какъ ангелъ, который сердитъ, и самъ не знаетъ на кого и за что. Если Г-жа Елисавета Бездольная женщина, — то я готовъ даже предположить, что она знаетъ, кто такой ее раздосадовалъ, готовъ соединиться съ нею противъ этого чудовища: но зачѣмъ такъ жестоко нападать на весь мужескій полъ? Я бьюсь съ нею объ закладъ во что угодно, что, разсмотрѣвъ нашъ полъ внимательнѣе, она тотчасъ нашла бѣ въ немъ кого-нибудь такого, котораго бы на другой день сама называла ангеломъ, божествомъ и еще нѣжнѣе этого. А соскучивъ этимъ божествомъ, она бы также легко нашла второе божество, третье и десятое. Стоить только поискать. Нашъ полъ, напротивъ, весь составленъ изъ ангеловъ: cadaго изъ насъ всегда которая-нибудь называетъ этимъ именемъ до сорока лѣтъ и далѣе.

Что касается до насильственного содержанія женщинъ въ невѣжествѣ; то Г-жѣ Елисаветѣ Бездольной не слѣдовало бѣ думать этого упрека по крайней мѣрѣ намъ, ея соотчичамъ. Иностранцы, и мы сами откровенно признаемъ умственное превосходство нашихъ Русскихъ дамъ передъ нами, — а что онѣ гораздо лучше насъ, о томъ никогда не было и спору. Мы всегда почитали умъ, образованность и просвѣщеніе въ женщинахъ, и сама Г-жа Елисавета Бездольная сознается, что въ пансіонахъ обучаютъ ихъ теперь всему. Скажу болѣе: собравъ отдѣльно все просвѣщеніе и всю образованность, разлитыя у насъ въ обоихъ полахъ, нѣтъ сомнѣнія, что масса просвѣщенія и образованности женщинъ оказалась бы втрое или вчетверо значительнѣе той, которою мы сами украшаемся. Въ чемъ же дѣло?

«А наше сердце, чувства, склонности?» говоритъ сочинительница предисловія: «Вы о томъ не справляетесь! Не гнѣвайтесь же: часто вамъ подѣломъ за сіе.» Да, часто! Не вѣдаю, подѣломъ, или нѣтъ, — но что часто то часто!!.... Вотъ знаете что, сударыня, — если кому-либо изъ насъ было бы «подѣломъ за сіе», то безъ всякаго сомнѣнія тому безвкусицу, который выучилъ насъ употреблять сіе. Вы пишете такъ

умно! вы пишете такъ мило!.... я удивляюсь, какъ ваше маленькое и нѣжное ухо не чувствуетъ всего ужаса словъ *сей и оный* въ такомъ легкомъ и веселомъ слогѣ, каковъ вашъ? Согласитесь, что нѣтъ въ свѣтѣ остроты, ни шутки, какъ бы умна она ни была, которой бы это слово не превратило въ колпакъ стараго подьячаго. Не употребляйте, сударыня, этихъ противословесныхъ мѣстоименій, — не для меня, а для васъ самихъ: лѣтъ черезъ двадцать, а можетъ и ближе, никто не будетъ употреблять ихъ въ Литературѣ; всѣ будутъ писать чистымъ современнымъ Русскимъ языкомъ, — это неизбежно, — и нынѣшнія книги будутъ называться писанными *старымъ слогомъ*, тяжелыми, нечеткими, единственно по милости этихъ приказныхъ заговорокъ, оставшихся отъ условнаго языка прошлыхъ вѣковъ.

Вразсужденіи одного особеннаго пункта обвиненія, произнесеннаго Г-жею Елисаветою Бездольною противъ нашего пода, — увы! — кладемъ повинную голову на плаху, — рубите, сударыня, — виноваты!... Согласенъ, что статьи о дамскихъ сочиненіяхъ, о дамскихъ переводахъ, даже о дамскихъ концертахъ, нерѣдко пишутся въ нашихъ газетахъ и Журналахъ очень невѣжливо, очень грубо. Согласенъ, что это дурно, и должно быть иначе. «Трудъ дамы,» какъ весьма изящно изъясняется Г-жа Елисавета Бездольная, долженъ быть паспортъомъ на снисходительность, — я прибавлю, если только онъ въ ней нуждается. По счастью, въ сочинительницѣ грознаго предисловія столько милаго и веселаго таланта, что она обойдется безъ снисходительности. Въ доказательство, приведу вамъ описаніе пріѣзда книжнаго разнощпка.

«Училась я многому въ пансіонѣ. За то сколько и збыва! Позже обстоятельства завлекли меня сюда; а скука, грусть, самолюбіе выводятъ теперь на незнакомую дорогу, и, можетъ-быть, доставятъ удовольствіе постраниковать въ телегѣ Ковровскаго или другаго Владимірской губерніи разнощпка по всѣмъ концамъ обширной нашей имперіи Россіи, по всѣмъ проселочнымъ дорогамъ и глухимъ деревнямъ.

«Люблю затѣливую промышленность странствующихъ нашихъ разнощпковъ. Гдѣ они не бываютъ? О чемъ не развѣдаютъ? Славный народъ! Смышленный народъ! Какъ бы раскричались объ нихъ, какъ бы описали ихъ во Франціи, въ Англіи; а у насъ никто ими не за-

ились, никто не поместилъ объ нихъ статейки въ Журналъ, ни даже... Спросите, и какъ толковито разскажутъ вамъ о богатствѣ и бѣдности ителей, ихъ потребностяхъ и вкусахъ, ихъ порокахъ и доблестяхъ; о всѣхъ путяхъ дорогахъ отъ Колы до Эривани, отъ Варшавы до — куда угодно. Когда бы только дѣятельная жизнь отняла у сихъ странниковъ навсегда охоту выпускать въ торговлю и собственнаго своего произведенія нравственно-сатирическія статейки, въ родѣ, наприимѣръ, кагонибудь Пустынника; а то чего не выведутъ наружу злодѣи? Но до этого покамѣсть еще далеко; а теперь разносчикъ на нѣсколькихъ, туго набитыхъ, телѣгахъ является въ деревни. Звукъ бубенчиковъ на лошадахъ извѣщаетъ о нетерпѣливо ожидаемомъ прѣздѣ его. Вы, жители столицы, вы не можете представить себѣ, какое производятъ онъ волненіе, какъ всѣ наперерывъ къ нему стремятся, какъ въ удовлетворяетъ всѣ возрасты, всѣ состоянія; какъ предугадываетъ съ вкусы. По первому слову распознаетъ, какой товаръ показать ли-есть, кому что и какъ предложить; да и какаѣ смѣтливосты въ выборѣ товаровъ: нѣтъ залежалыхъ, что ни куплено, все распродано, и въ одинъ путь, и съ барышкомъ. О, вы не постигаете, что такое разносчикъ! Что ваши магазины?

«Вотъ онъ на барскомъ дворѣ; вотъ предъ деревенскою барынею-зайкою развертываетъ на нѣсколькихъ листахъ реестръ своихъ товаровъ, гдѣ всему «послѣдняя цѣна,» все такъ дешево, такъ необходимо, къ пріятно манить всѣ чувства. Чего тутъ не найдете? Все, и все къ искусно, перемѣшано, какъ въ Нѣмецкомъ винегретѣ. Тутъ икра, гхи, помада, холстинка по 30 копѣекъ за аршинъ, парча, крашенина, французскій атласъ; тутъ витки, кружева, портреты знаменитыхъ цѣ, сахаръ, чай, сельди, шерстяные колпаки, теплые сапоги, набитые золотомъ платки: тутъ и книги, все самыя новыя, все самыя занимательныя, все самыя дешевыя (*сiе* прилагательное во всемъ необходимо), и «въ Москвѣ берутъ наперехватъ, — послѣдніе» выпросилъ экземпляры, и то по знакомству.»

«Когда маменька перебираетъ, пробуетъ, торгуетъ холстинку для рязичныхъ, чай, сельди; барышни между тѣмъ займутся пересмотрѣть помады, духовъ, блондъ; взглянуть и на книги. Авось и мой реводъ попадется въ ихъ ручки. Полюбопытствуютъ, купятъ, проутъ украдкою послѣ ужина, не у камина, которые, къ счастью, не модъ еще по нашимъ деревнямъ; а то, при тридцати-градусныхъ розахъ съ рѣзкимъ вѣтеркомъ, при чудесной архитектурѣ домовъ, ставили бы занятія воспитанникамъ Медицинской Академіи да воль-практикующимъ заѣзжимъ докторамъ. А знаете ли, что и сін Фигу, хотя не всегда ярко блеститъ, а все показываются на утѣдныхъ гоюнтахъ рѣже неподдѣльныхъ брилліантовъ на маскарадѣ у Энгельгар-

Можетъ быть, милыя мои читательницы въ тишинѣ ночи, при саническомъ свѣтѣ выюги сквозь плохопритворяющіяся ставни, иекутся воображеніемъ, вдохнуть; а кто даже изъ васъ не соглася, что сердечный вздохъ, взволновавшій прелестную грудь невин-и дѣвушки — дорогая награда. Это лучъ солнца, отразившійся въ

утренней росъ пышной розы. Признаюсь откровенно: предпочитаю мнѣніе своего пола; и когда заслужу такой вздохъ, что мнѣ ваши западки, что всѣ критики на мой переводъ! Я очень откровенна, не смотря, что за сіе часто мнѣ достается....»

А! ежели такой любезной писательницѣ и безъ меня достается за сіе, то съ моей стороны было бы жестоко дѣлать ей новый упрекъ по случаю этого гадкаго мѣстоименія. Не скажу болѣе ни слова, — и о самомъ переводѣ «Стретти» изложу свое мнѣніе тогда, когда выйдетъ изъ печати вторая часть.

СОВѢТЫ МАТЕРИ СВОЕЙ ДОЧЕРИ. Сочиненіе Маркизы де Ламбертъ. Новое изданіе, съ присовокупленіемъ историческаго предувѣдомленія о сочинительницѣ. Замѣчаній Г-жи Дюфренуа и изрѣченій Плутарха, Цицерона, Сенеки, Шарона и проч. Переводъ съ Французскаго. Дѣвицы А. Ш. С. П.-бургъ, въ тип. Плюшара, 1834 въ-8., стр. XII и 184.

Еще трудъ дамы. Рекомендуемъ его всѣмъ матерямъ, и просимъ ихъ не быть взыскательными за слогъ перевода по уваженію пользы сочиненія.

1. ХОРОША И ДУРНА, И ГЛУПА И УМНА. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ Французскаго Дмитріемъ Ленскимъ. Москва, въ тип. Семена, 1834, въ-8., стр. 118.

2. СВѢТСКАЯ НЕВѢСТА, или Докторъ самъ не свой, оригинальная Комедія-Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе П. Григорьева, актера И. С. П.-бургскихъ театровъ. С. П.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1834, въ-12., стр. 102.

Содержаніе первой изъ этихъ пьесъ уже извѣстно и публикѣ, и нашимъ читателямъ. Содержаніе второй можетъ остаться неизвѣстнымъ. Въ ней однако жъ есть одна довольно забавная сцена, когда докторъ Морбусовъ, принужденный Адашевымъ, берется ходатайствовать за своего соперника передъ тою, на которой самъ хочетъ жениться.

Часы Благоговѣнія для споспѣшествованія истинному Христіанству. Часть вторая. Бесѣды Христіанскаго семейства. Переводъ съ Нѣмецкаго, тринадцатаго

изданія. С.П.-бургъ, въ тип. Э. З. Государственныхъ Бумагъ 1834, въ-8., стр. 336.

О первой части этой превосходной и утѣшительной книги было объявлено въ предъидущей книжкѣ Б. для. Ч.

Нѣмецко-Русскій Словарь, составленный по лучшимъ и новѣйшимъ источникамъ, съ присовокупленіемъ списка употребительнѣйшихъ именъ мужскихъ и женскихъ, географическаго словаря и пространной таблицы неправильныхъ Нѣмецкихъ глаголовъ, — составленный Обществомъ любителей обоихъ языковъ. Часть первая. А—К. С.П.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1834, въ-16., стр. 939.

Мы всегда слышали, что этимъ полезнымъ трудомъ будемъ обязаны Е. И. Ольдекопу, и теперь крайне удивились, не находя на заглавномъ листѣ первой части, ни въ предисловіи, имени этого трудолюбиваго, точнаго и искуснаго лексикографа. Однако жъ имя Г. Ольдекопа было бы весьма важною рекомендаціею для этого рода предпріятія. Впрочемъ, чей бы онъ ни былъ, новыи карманный Русско-Нѣмецкій Словарь заслуживаетъ совершенное вниманіе публики, и пополняетъ собою одинъ изъ чувствительнѣйшихъ недостатковъ въ нашей Литературѣ.

Латинская Грамматика, съ примѣрами для чтенія и словаремъ, изданная по Брэдеру Николаемъ Кошанскимъ, Профессоромъ И. Ц.-С. Лицея, С. С. и К. Изданіе четвертое. С.П.-бургъ, въ тип. Медицинскаго Департамента М. В. Д., 1834, въ-8., стр. 134 — 90 — 102.

Краткое начертаніе Россійской Исторіи, составленное для руководства при изученіи Россійской Исторіи, Профессоромъ Кайдановымъ. С.П.-бургъ, въ тип. И. Академіи Наукъ, 1834, въ-8., стр. II и 81, съ 4 таблицами.

Записки Г. Буріенна, государственнаго министра, о Наполеонѣ, Директоріи, Консульствѣ, Имперіи и возстановленіи Бурбоновъ. Перевелъ съ Французскаго С. Де-

Паплетъ. Томъ первый, Часть II. С.П.-бургъ, въ тип. III. О. К. Внутренней Стражи, 1834, въ-8., стр. 349.

ФИЛОСОФИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ О ЗАВЕДЕНІЯХЪ И КОММЕРЦІИ ЕВРОПЕЙЦЕВЪ ВЪ ОБЪЯХЪ ИНДІАХЪ, сочиненная Аббатомъ Рейналемъ. Переводъ съ Французскаго. Изданіе второе. С.П.-бургъ, въ тип. Глазунова, 1834, въ-8. Двѣ части, стр. XXXI и 422 — 344.

КРИТИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА СТАТЬЮ «Скандинавскія Саги». Москва, 1834, въ-8., стр. 74. Произведеніе одного студента Московскаго Университета.

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ КОСМОГРАФІИ, или Описаніе устройства вселенной. Сочиненіе Александра Ободовскаго. Съ атласомъ, состоящимъ изъ 16 таблицъ. С.П.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1834, въ-8., стр. XV и 208.

Хорошая учебная книга, составленная по лучшимъ руководствамъ. Предметъ изложенъ ясно и удовлетворительно.

=

ДВА МАТЕРІАЛА

ДЛЯ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКАГО КНИГОПЕЧАТАНІЯ ВЪ РОССІИ.

1.

Выписка изъ дѣлъ типографской Конторы.

Во второмъ томѣ Атеней, Журнала, который издавался почтеннымъ Московскимъ профессоромъ, М. Г. Павловымъ, 1828 года, на страницѣ 122, находится слѣдующее извѣстіе:

«Первая книга, напечатанная по приказанію Петра 1-го гражданскими буквами, появилась въ свѣтъ въ 1708 году, подъ названіемъ: *Приклады, како пишутся комплименты.*» Далѣе слѣдуетъ выписка изъ книги.

Не знаю, на чемъ это извѣстіе основано, но въ доставшихся мнѣ отъ одного почтеннаго родственника моего бумагахъ, нашелъ я слѣдующую выписку, которой достоверность любопытно было бы повѣрить. На полѣ сей рукописи отмѣчено постороннею рукою: *получено отъ К. В. (отъ Князя Вяземскаго?) въ Декабрь 1773.*

«Копія съ экстракта, учиненнаго въ Московской типографской Конторѣ въ 1772 году,

«Прошлаго 1702 года Декабря въ 15 день* Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ всея великія, и малыя, и большія Россіи Самодержецъ указалъ по нмянному своему Великаго Государя указу куранты, по нашему вѣдомости, которыя присылаются изъ разныхъ государствъ и городовъ въ государственной Посольской и въ нныя Приказы, изъ тѣхъ Приказовъ присылать тѣ вѣдомости въ Приказъ книгъ печатнаго дѣла, а какъ тѣ вѣдомости присланы будутъ, и ихъ на печатномъ дворѣ печатать, и тѣ печатныя вѣдомости, что останется за подносомъ, продавать въ міръ по надлежащей цѣвѣ: тотъ Великаго Государя указъ сказалъ и въ книгу приказалъ записать Бояринъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, и по тому Великаго Государя нмянному указу въ Приказъ книгъ печатнаго дѣла печатаніемъ прежде начался того жъ 1702 года Декабря съ 27 дня съ писменнаго оригинала *Юрналъ или поденнал Роспись, что въ мимошедшую осаду подъ крпностью Нотенбурха Сентября съ 26 числа въ томъ 1702 году чинилось*, каковый Юрналъ отпечатанный церковными литеры на полуалександрійской бумагѣ въ одну страницу на цѣломъ листу безъ обороту первой листъ поднесень былъ Его Величеству на опробацію, на которомъ Его Величество собственною Своею рукою поправлять и къ печатанію отдать изволилъ, и оной листъ хранится въ типографской библіотекѣ, а на оборотѣ того листа подписано киноварью видно бывшимъ въ то время справщикомъ, тако: сей листъ правленъ рукою Великаго Государя Царя Петра Алексѣевича 1702 года Декабря съ 27. По сему переводу дѣлано тысячу листовъ, пять сотъ съ цыфирными числами, да пять сотъ съ Русскими; каковое печатаніе въ силу онаго указа вѣдомостей и юрналовъ и производилось по 708 годѣ церковными литерами.

«Во ономъ 1708 году Генваря въ 1^о Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и большія Россіи Самодержецъ указалъ по нмянному Своему Великаго Государя указу, каковъ за подписаніемъ боярина Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина, присланнымъ Галанскія земли города Амстердама книжнаго

* Указъ этотъ можно видѣть въ Полномъ Собраніи Законовъ, Томъ IV, стр. 201. No 1921.

печатнаго дѣла мастеровымъ людямъ наборщику Иакиру Сидбату, тередорщику и батыищику Ягану Фоскулу, да словолитцу Антову Демей, тако жъ которые съ нимъ словолитцомъ присланы новозобрѣтенныхъ Русскихъ литеръ три азбуки съ пунсоны и матеряцы и формы, да два станъ на ходу со всякимъ управленіемъ, и тѣмъ азбуками напечатать книгу Геометрію на Русскомъ языкѣ, которая прислана изъ военнаго походу, и ныне гражданскіе книги печатать тѣмъ жъ новыми азбуками;

«По оному указу въ Московской типографіи печатаніемъ начался Генваря съ 14 числа того 1708 году на Русскомъ языкѣ предписанными новозобрѣтенными Амстердамскими литеры разнаго званія гражданскія книги, въ томъ числѣ и Геометрія, да азбука, и изъ оныхъ книгъ Геометріи имѣется въ типографской бібліотекѣ два экземпляра въ поддѣсть, одинъ письменной съ поправленіемъ въ премногихъ мѣстахъ, а чьей руки за неподписаніемъ на немъ никакого свидѣтельства неизвѣстно; но по сношенію съ предписаннымъ поправленнымъ юрломъ признается Его жъ Величества руки; другой печатной гражданскими литеры въ кожномъ переплетѣ по образцу золотомъ безъ поправокъ, точію во оныхъ въ коемъ году мѣсяцъ и числѣ она написана и напечатана точно не изображено: а Азбука напечатанная въ поддѣсть же въ переплетѣ бумажномъ изображеніе древнихъ и новыхъ писменъ славянскихъ печатныхъ и рукописныхъ хранится въ бібліотекѣ жъ типографской; во оной азбукѣ на первомъ переплетномъ листу на оборотѣ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: *Сими литеры печатаютъ историческіе и манифактурные книги, а которые подчеркнуты тѣхъ въ вышесказанныхъ книгахъ не употребляютъ*. Подъ онымъ внизу подписано видно тогдашнимъ же справщикомъ тако: въ тетради сей правленіе и подписаніе собственные руки Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества, прислано чрезъ Секретаря Алексѣя Васильевича Макарова; на той же азбукѣ внизу первой печатной страницы киноварью написано дано: лѣта Господня 1710 Генваря въ 29 день; и потѣмъ вышеприведеннымъ указомъ таковое разныхъ гражданскихъ журналовъ, вѣдомостей и книгъ печатаніе въ Синодальной типографіи упоминаемыми литеры и производилось до 1727 года.

«Онаго 1727 года Октября 4 дня* по состоявшемуся блаженныя памяти Его Императорскаго Величества Государя Петра Второго въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ указу велѣно друкарнямъ въ Санктпетербургѣ быть вдву мѣстахъ, а именно: для печатанія указовъ въ Сенатѣ, для печатанія жъ историческихъ книгъ, которые на Россійскій языкъ переведены и въ Синодѣ апробованы будутъ при Академіи, а прочіи, которые въ Санктпетербургѣ были при Синодѣ и въ Александро-невскомъ монастырѣ, тѣхъ перевести въ Москву со всеми инструментами и печатать однѣ только церковныя книги какъ издревле было

* См. Полное Собраніе Законовъ, томъ VII, стр. 873, No 5175.

въ одномъ мѣстѣ на Москвѣ подѣ видѣніемъ Синодальнымъ; и по оному Его Императорскаго Величества указу Санктпетербургская типографія въ Москву въ 1728 году и переведена.»

Этимъ оканчивается выписка, списанная здѣсь со всею точностію и съ наблюденіемъ орфографіи. Желательно было бы знать, существуютъ ли еще въ типографской библіотекѣ упоминаемые экземпляры, въ чемъ именно состояли поправки безсмертнаго Петра, и нѣтъ ли тамъ еще какихъ-либо любопытныхъ древностей и рѣдкостей относительно книгопечатанія.

Д. К-ъ.

Благодаря почтеннаго любителя отечественной старины за доставленіе этого любопытнаго экстракта, мы не можемъ дать удовлетворительнѣйшаго отвѣта на предложенные имъ вопросы, какъ сообщая тутъ же статью, полученную нами изъ Москвы отъ И. М. Снигирева.

2.

Труды Петра Великаго въ книгопечатаніи.

Заслуги Петра I въ Русской Литературѣ составляютъ особую статью для Исторіи, важную по содержанію и любопытную по отношеніямъ къ духу его вѣка и народа: здѣсь представляется распря древняго съ новымъ, отечественнаго съ иноземнымъ; рѣшителемъ этой распрѣ былъ Петръ I, который совершалъ великое дѣло умственнаго, нравственнаго и политическаго преобразованія Россіи не однимъ указомъ своимъ, но и личнымъ примѣромъ. Во Всероссійскомъ хозяйствѣ рука его попеременно и ловко владѣла перомъ и молоткомъ, циркулемъ и топоромъ, шпагою и державою, пушкою и вѣсломъ; садила иностранныя деревья и собирала лекарственныя травы; дѣлала хирургическія операціи, и отъ

токарного станка бралась за типографскій. По его мысли и повелѣнію, подъ его надзоромъ, изданы первыя въ Россіи *Вѣдомости, календари*; переводились, печатались, сочинялись *географическія карты, книги, Исторія Русскаго государства*; собирались со всѣхъ концовъ Россіи отечественныя летописи и хронографы. Все это имъ самимъ направлялось и поощряемо было; онъ отмѣчалъ въ иностранныхъ газетахъ, какія статьи переводить въ Русскія; самъ свѣрялъ переводы, поправлялъ карты, перечитывалъ, какъ цензоръ и критикъ, сочиненія съ сочинителями; цѣня доброе намѣреніе и рачительность, онъ награждалъ и за тѣ, которыми былъ недоволенъ.

Съ измѣненіемъ стараго покроа у Русскаго народа, онъ измѣнилъ и древнія начертанія буквъ его слова, къ которому привиты, вмѣстѣ съ новыми понятіями, новыя слова и обороты. Тогда, какъ существовавшія въ Европѣ Славянскія типографіи были для Густава Адольфа средствами къ распространенію Лютерова ученія грамотой Русской, а для Карла XII орудіемъ къ печатанію пасквилей и возмутительныхъ писемъ противъ Царя Россійскаго, основатель Петербурга снабжалъ Сербію, неимѣвшую своей типографіи, не только печатными букварями, Грамматиками и церковными книгами, но и учителями Славянскаго, Греческаго и Латинскаго языковъ, что подало поводъ къ народной поговоркѣ у Сербовъ: *типикъ су Грци написали, Москали наштампали, а Србли држе*.

Находя затрудненіе въ титлахъ и словотитлахъ церковнаго языка, и желая не только Россію, но и слово Русское сблизить съ Европою самымъ обликомъ, Петръ I въ 1704 году изобрѣлъ *Русскую гражданскую азбуку*, и, по рисунку, данному отъ него самого, заказалъ отлить буквы въ Амстердамѣ, а для опыта повелѣлъ напечатать листъ первыхъ Вѣдомостей при Московской Духовной Типографіи, при которой до 1725 года помѣщались Греческія школы. Первая книга *гражданской печати* вышла изъ Московской типографіи 1705 года. Въ 1708 году разосланъ былъ по всѣмъ

* Описаніе старопечатныхъ книгъ Слав. и Росс. Гр. Ѳ. А. Толстаго М. 1820 г.

губерніямъ указъ о «буквахъ новоизобрѣтенныхъ». Тогда же напечатана новымъ типомъ книга въ Москвѣ: *Пріклады, како писати компліменты*, которую Тредьяковскій почиталъ въ 1748 году первою и рѣдкою. При Вѣдомостяхъ 1710 г. приложенъ «реестръ книгамъ гражданскимъ, которыя, по указу Царскаго Величества, напечатаны новоизобрѣтенною «Амстердамскою азбукою». При введеніи новой азбуки для гражданскихъ книгъ и при соблюденіи древняго типа въ церковныхъ, должность справщика, или корректора, по трудности и пользѣ своей, почиталась весьма важною, особливо въ тотъ вѣкъ, когда буква дѣлала ересь, и когда корректоръ былъ ответчикомъ; ее исправляли ученые мужи, извѣстные трудами своими въ Исторіи нашей Словесности, каковы были — братья Лихуды, Епифаній Славинецкій, Ѳеодоръ Поликарповъ, бывшій въ послѣдствіи первымъ директоромъ типографіи, Алексій Барсовъ, отецъ профессора Краснорѣчія при Московскомъ Университетѣ, Антона Барсова. Алексій Барсовъ, сотрудникъ Славинецкаго и Лопатинскаго, въ послѣдствіи сдѣланъ былъ директоромъ типографіи: онъ свидѣтельствуетъ, что самъ видѣлъ «набранный листъ гражданскими буквами и собственною рукою подписанный тако: *«Петръ. Сохранивъ сей листъ отъ истлѣнія, пишетъ Барсовъ, я приказалъ, яко достопамятный монументъ, соблюдать его въ особливомъ хранилищѣ; ибо таковыя зпѣки «попеченія о пользѣ общей въ роды родовъ сохраняться «долженствуютъ *.»*

Принявши въ образецъ Голландскую и Французскую азбуки, Петръ I въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ поправлялъ эти буквы, которыя на его монетахъ и печатныхъ листахъ сначала представляли пеструю смѣсь Русскихъ буквъ съ иностранными и нерѣдко замѣну однихъ другими. Съ этимъ вмѣстѣ сталъ перемѣняться почеркъ письма и правописаніе. Какъ рѣдко нововведеніе остается безъ противодѣйствія старой привычки, то и новый шрифтъ тогда казался сбивчивымъ для глазъ, привыкшихъ къ старой печати церковной, а для староверовъ это изобрѣтеніе представлялось ересью. Въ

* Утренній Свѣтъ, ежемѣсячное изданіе, С.-П., 1777, Сентябрь.

1711 году заведена въ Петербургъ на одинъ станъ гражданская типографія для печатанія указовъ, и первая, вышедшая изъ нее книга была: *Книга Марсова, или воинскихъ дѣлъ отъ войскъ Царскаго Величества Россійскихъ совершенныхъ*. С. П. 1713 г., въ листъ, съ искусно гравированными рисунками и портретомъ Петра I, работы Александра Зубова. Корректурный экземпляръ этой книги донынѣ хранится въ библиотекѣ Московской Духовной Типографіи, которая столько же достойна вниманія Ученыхъ, какъ и Патріаршее книгохранилище; въ этомъ экземплярѣ не только буквы, но и во многихъ мѣстахъ слова и рѣченія поправлены собственною рукою Петра I, напримѣръ, на стр. 17, въ надписи: «Осада города Юрьева, бывшая въ лѣто отъ Хр. 1704» — зечерткнуто слово *осада* и написано *белазръ*; вмѣсто *Юрьева* поставлено *Дерптъ*. Тамъ же, вмѣсто *нарочитый флотъ*, написано *эскадру*. На стр. 26, вмѣсто напечатаннаго *бои* — *баталія*; на стр. 37, вмѣсто *кавалеровъ* — *офицеровъ*, и т. д. На гравированныхъ рисункахъ при книгѣ попадаются также замѣчанія и поправки Царя.

И такъ можно сказать о всеобъемлющемъ Преобразователѣ, что онъ былъ первый въ Россіи Европейскій солдатъ, первый корабельщикъ, первый законоподвижникъ, и даже первый корректоръ гражданской печати, которая рѣзко разграничила церковный языкъ отъ гражданского, или *штатскаго*: такъ напримѣръ, «Саксонское зеркало, или права Саксонское и Магдебургское», въ 1732 году переведено для Малороссіи на *Русской штатской языкъ*. Не было, кажется, ни одного полезнаго ремесла и художества, котораго бы Петръ I не извѣдалъ собственнымъ опытомъ и не облагородствовалъ собственнымъ примѣромъ и въ отечествѣ своемъ, и въ чужихъ краяхъ: что было полезно, то не казалось ему мелочнымъ.

Мы бы привели еще точный противень съ корригованнаго имъ печатнаго листа «Устава ассамблей или собраній обоего пола», если бъ этотъ любопытный документъ не нашелъ уже мѣста въ третьей книжкѣ Б. для Ч. Онъ былъ напечатанъ гражданскими буквами 1719 году подъ коррек-

турую самого Государя, и хранится въ библіотекѣ Московской Духовной Типографіи, гдѣ доселѣ находится его походный типографскій станокъ.

Но, говоря о корректорскихъ трудахъ Петра Великаго, мы считаемъ за любопытное свидѣніе показать, въ чемъ состояли собственноручныя его поправки на первомъ оттискѣ Устава ассамблей.

Послѣ заглавнаго слова — **Объявление**, были набраны слѣдующія строки: «Ніжеписаннымъ Господамъ, которыя означены въ ніжеположенномъ реестрѣ, какъ онымъ содержать асамблей, тому предлагаются при семь пункты.» Эти три строки зачеркнуты, и вмѣсто ихъ написано рукою Петра I — *какимъ образомъ асамблею быть надлежитъ.*

Въ третьемъ пунктѣ было сказано — «пїтье, употребімое въ жажду». Петръ Великій вычеркнулъ слово — *употребімое*, и написалъ на полѣ — *употребляемое.*

Въ шестомъ пунктѣ, въ наборѣ находилось выраженіе — «такимъ же образомъ разумѣтся и женскому полу прїходіті на асамблеи протівъ вышеозначенныхъ мужеска полу чїновъ.» Вся эта фраза зачеркнута его рукою: вмѣсто ея написано — *тожь разумѣтся і о женскомъ полу, ежели гдѣ есть.* Послѣднія слова — *ежели гдѣ есть*, видно, были еще разъ измѣнены имъ самимъ, потому что въ изданномъ въ свѣтъ указѣ объ ассамблеяхъ взамѣнъ ихъ находимъ слова — *ихъ женъ и дочерей.*

Кромѣ семи пунктовъ, напечатанныхъ въ Б. для Ч., длинный оттискъ этого указа содержитъ въ себѣ еще осьмой пунктъ, который здѣсь сообщаемъ, и «Реестръ» лицъ, обязанныхъ поочередно давать асамблеи. Въ этомъ спискѣ Государь помѣстилъ и себя, подъ именемъ *Вице-адмирала Петра Михайлова.* Какъ противникъ папешства, онъ въ шутку нарекъ Зотова папою, а друга своего Боярина Тихона Никитича Стрѣшнева, архіереемъ. Всѣ прочія лица асамблей извѣстны изъ Исторіи.

«Также объявляется при семъ реестрѣ, кому ассамблеи держать, которыя начнутся отъ 27 числа, сего мѣсяца. Первая будетъ у Князь Папы, а потомъ будутъ слѣдоваться другія кому сказано будетъ отъ того хозяина, у кого будутъ сидѣть на ассамблеѣ, а тотъ хозяинъ повиненъ спрашивать о томъ у прінципаловъ, и у кого означать ассамблеѣ быть, то повиненъ оный хозяинъ тогда объявить тому, кому повелѣно имѣть ассамблею.»

«РЕЕСТРЪ.

«Князь Папа	«Шаутъбеннахтъ Паданъ.
«Санатъ-пітербургскій.	«К. Я. Долгоруков.
«Архіереи Стрешневъ.	«К. Д. Голіцынъ.
«Адміралъ Апраксинъ.	«Оборъ К. Серваеръ.
«Вице Адміралъ Петръ Міхаіловъ.	«Иванъ Головинъ.
«Вице Адміралъ Крсісь.	«Петръ Толстой.
«Шаутъбеннахтъ Свѣтлѣйшіи	«Гаврила Головкинъ.
К. Меньшиковъ.	

«Петръ Шаѳіровъ.
 «К. Алексѣй Черкаской.
 «К. Щербатовъ.
 «Адамъ Веиде.
 «К. Петръ Голіцынъ.
 «Алексѣй Салтыковъ.
 «Грігорей Чернышевъ.
 «Павелъ Егушинскій.
 «Антонъ Девізеръ.
 «Стефанъ Клокачевъ.
 «Стефанъ Нелединскій.
 «Иванъ Стрешневъ.
 «Андрей Апраксинъ.
 «Алексѣй Машиаровъ.»

И. Сизигревъ.

VII.

С М Ы С Ъ.

=

КОРОЛЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО УЧЕНЫХЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.
Электро-химическіе опыты Г. Фареде. Въ продолженіе многихъ засѣданій Королевскихъ Обществъ и Института, Royal Society и Royal Institution, извѣстный въ ученomъ свѣтѣ Профессоръ Фареде (Faraday) читалъ отчетъ о произведенныхъ имъ опытахъ по части химическаго разложенія тѣлъ помощію электричества, electro-chemical decomposition. Мы не можемъ привести здѣсь всѣхъ любопытныхъ фактовъ и открытій, которыми обогатилъ онъ Науку, ни соображеній, которыя несомнѣнно подѣйствуютъ на нынѣшнее состояніе физическихъ и химическихъ теорій, и удовольствуемся краткимъ изложеніемъ результата долговременныхъ трудовъ знаменитаго Ученаго, на которые желаемъ обратить вниманіе занимающихся у насъ подобными предметами. Г. Фареде полагаетъ, что его опыты такъ положительно утверждаютъ его теорію опредѣлительной правильности электро-химическаго разложенія, что дозволяютъ не только ввести новую номенклатуру, основанную на обнаружившихся ему дѣйствіяхъ Вольтова столба, но и составить таблицы, гдѣ разложеніе можетъ быть выражено числами, которыя будутъ называться электро-химическими величинами. Онъ доказалъ, что эти электро-химическія величины имѣютъ опредѣленные содержанія, совершенно подобныя тѣмъ, какія замѣчаются въ выраженіяхъ обыкновеннаго химическаго сродства, и слѣдственно, могутъ быть выведены изъ самаго состава тѣлъ; да и химическое сродство, по его мнѣнію, есть только слѣдствіе той притягательной силы, которою связаны всѣ частицы вещества.

Г. Фареде показалъ, что количество электричества, нужное для разложенія какого-нибудь тѣла, совершенно равно тому, которое содержитъ въ сѣплениі его частицы. Онъ

объяснилъ нѣкоторыми опытами, что это количество гораздо болѣе, нежели какъ обыкновенно думаютъ: напримѣръ, капля воды долѣе трехъ минутъ сопротивлялась дѣйствию электрическаго потока, которымъ три вершка платинной проволоки накачивались докрасна, и который, по другимъ опытамъ, оказывался равносильнымъ обыкновенной молніи. Это ведетъ къ заключенію о чрезвычайномъ обиліи электричества, соединеннаго съ веществомъ, и внушаетъ мысль, что посредствомъ химическаго разложенія откроется, можетъ-быть, такой способъ производить электричество, о которомъ Вольтова баттарей не даетъ намъ даже понятія. Новая теорія электро-химическаго разложенія такъ совершенно согласуется съ теоріею опредѣленныхъ содержаній, что обѣ какъ-бы составляютъ части одной и той же системы; а какъ сходство законовъ магнитности и электричества еще прежде познано, то вѣроятно, что теперь найденъ ключъ къ открытію общаго закона, соединяющаго всѣхъ дѣятелей вещества.

Существо смерти. Въ засѣданіи 20 Февраля, докторъ Филиппсъ читалъ разсужденіе, имѣющее предметомъ опредѣлить настоящее свойство состоянія, которое называемъ мы смертію. Вотъ результатъ его изслѣдованій. Отъ чего бы смерть ни приключалась, — отъ старости, отъ изнуренія возбуждательными средствами, отъ причинъ, ослабляющихъ жизненную дѣятельность, отъ поврежденія или болѣзненнаго состоянія органовъ, — во всякомъ случаѣ ей предшествуетъ уничтоженіе чувствительности, такъ, что явленіе, которое мы называемъ смертію, не сопровождается для насъ ни какимъ страданіемъ. Это доказывается опытомъ надъ спасенными утопленниками и удавленниками: всѣ они согласны говорить, что не чувствовали ни малѣйшаго страданія по прекращеніи жизненныхъ отправленій, но что первыя ощущенія возврата къ жизни подвергали ихъ жестокой боли. И такъ, смерть — просто потеря чувствительности.

КОРОЛЕВСКИЙ ИНСТИТУТЪ ВЪ ЛОНДОНѢ. Часы со стеклянными пружинами. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій этого ученаго Общества, Г. Дентъ представилъ отчетъ объ изобрѣтенныхъ имъ часахъ, которые общаются

презойти своею точностію всѣ донныя извѣстныя. Главная причина невѣрности въ хронометрахъ и всякаго рода часахъ заключается въ пружинѣ, движущей маятникъ, и механики употребляли разныя средства, чтобъ устранить это неудобство. Лучшіе нынѣшніе хронометры дѣлаются по изобрѣтенію Гука (Hook) съ усовершеніями, введенными Арнольдомъ. Г. Дентъ доказываетъ, что невѣрность, происходящая отъ пружины, зависитъ отъ двухъ причинъ, — расширения вещества ея теплотою, и ослабленія въ немъ упругости. Последняя причина здѣсь наиболѣе участвуетъ. Чтобъ пособить этому, Г. Дентъ доискивался опытами, въ какихъ тѣлахъ ослабленіе упругости, зависящее отъ переменъ температуры, бываетъ менѣе, чѣмъ въ металлахъ. Стекло оказалось желаемого свойства, и онъ устроилъ хронометръ съ стеклянными маятникомъ и пружиною, который, при неоднократномъ сравненіи его съ другими, извѣстными вѣрностью, хронометрами, всегда удовлетворялъ самымъ строгимъ требованіямъ. Но, чтобъ лучше оцѣнить его достоинство, онъ отдалъ теперь на шесть мѣсяцевъ для повѣрки на Гринвичской Обсерваторіи, съ тѣмъ, что, по истеченіи этого срока, о свойствахъ его донесено будетъ Адмиралтейству. Съ самаго начала испытанія до сихъ поръ, Г. Дентъ не имѣлъ еще ни малѣйшаго повода усомниться въ важности своего изобрѣтенія. Прочность стеклянной пружины въ сопротивленіи потрясательному дѣйствію также доказана была его хронометромъ, который приводили для того въ дѣйствительное сопрیکосновеніе съ пушкою: изъ нея выпалили, и ходъ хронометра ни сколько отъ того не измѣнился.

Странное свойство металловъ. По случаю изобрѣтенія Г. Дента, Г. Фареде сообщилъ замѣчанія свои о томъ, какъ медленно, при переменѣ температуры, металлы приходятъ въ окончательное, опредѣленное свое положеніе. Г. Фишеръ, бывшій съ Капитаномъ Парри въ экспедицію къ сѣверному полюсу, разсматривая въ сильнѣйшій холодъ металлическія полосы, свѣрхъ чаянія нашелъ, что онѣ ни сколько не сократились, но когда онъ ударилъ по нимъ ключемъ, такъ, чтобъ произвести нѣкоторое качаніе или движеніе въ ихъ частицахъ, тогда полосы тотчасъ дѣлались короче. Г.

Витстонъ замѣтилъ подобное явленіе при высокихъ степеняхъ температуры: оба эти обстоятельства показываютъ несовершенство упругости въ металлическихъ тѣлахъ. Напротивъ того, Профессоръ Ричи, по многократныхъ опытахъ надъ стекломъ, нашелъ, что въ немъ всегда оказывается чрезвычайная упругость: такимъ образомъ, тонкая стеклянная нить, скрученная винтообразно, распрямляется во всю длину свою, лишь только выпустишь ее изъ рукъ.

Теплотворныя машины. Примѣненіе паровъ къ машинамъ принесло удивительныя выгоды почти всѣмъ человѣческимъ занятіямъ, и многимъ изъ нихъ сообщило новое направленіе. Оно произвело между нами неизмѣримый переворотъ, котораго мы почти не замѣтили; но если бъ оно случилось два или три столѣтія тому назадъ, Всеобщая Исторія безсомнѣнія начинала бы новую эпоху съ него, а не съ открытіи Америки или съ реформы Лютера: да еще нельзя ручаться, не будутъ ли преподаватели Исторіи въ ХХІ или ХХІІ столѣтіяхъ раздѣлять ее на Древнюю, Среднюю № 1, Среднюю № 2, и Новѣйшую, отъ изобрѣтенія паровыхъ машинъ и пароходовъ. Несмотря однако на несмѣтныя пользы, какія мы отъ него получили и получаемъ, это изобрѣтеніе еще не полно: мы видимъ только его начало; усовершенія его и ихъ слѣдствія безконечны, и могутъ превзойти всѣ наши ожиданія. По сию пору паровые снаряды сопряжены съ большимъ неудобствомъ, — необходимостью значительныхъ количествъ угля, которыя пароходы и всѣ подвижныя машины должны тащить съ собою. Уже лѣтъ пятнадцать Ученые разныхъ странъ пытаются замѣнить пары другими веществами, въ особенности газами. Опыты этого рода были дѣланы и здѣсь въ Петербургѣ, и оказались безуспѣшными. Въ началѣ прошлаго года Г. Ирикссонъ изобрѣлъ новый снарядъ, который надѣлалъ много шума въ Лондонѣ, и былъ выдаваемъ за окончательное рѣшеніе вопроса, по который вскорѣ потомъ покрылся непроницаемою тайною, подавшею многимъ поводъ сомнѣваться въ его пользѣ и основательности. Извѣстно было только, что въ этой машинѣ уголь замѣняется теплотворомъ, добываемымъ изъ воздуха, почему изобрѣтатель и назвалъ ее «теплотворною машиною»,

caloric engine. Въ последнемъ засѣданіи Института, Г. Фареде старался объяснить начала новонизобрѣтеннаго снаряда. Съ перваго слова онъ объявилъ, что не скажетъ своего мнѣнія насчетъ достоинства машины, потому что она сдѣлалась уже предметомъ денежныхъ расчетовъ. Сначала, въ чисто ученомъ отношеніи, предложенъ былъ ему вопросъ изобрѣтателемъ, о возможности проводить теплоту изъ одного воздушнаго потока въ другой, при попеременномъ пропускѣ ихъ сквозь однѣ и тѣ же трубы. Онъ отвѣчалъ утвердительно; и способъ, какимъ это приводится въ исполненіе, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ особенностей машины Г. Ирикссона. Начало ея давно уже предлагали употребить въ видѣ движущей силы для жидкостей, но примѣненіе его къ газамъ принадлежитъ Г. Ирикссону. Часть машины, въ которой совершается процессъ перехода теплоты, названа воспроизводителемъ, *regenerator*. Въ трубкахъ множество металлическихъ пластинокъ, образующихъ родъ клапановъ, которыми воздушный потокъ перерывается и приводится въ тѣснѣйшее соприкосновеніе съ ихъ стѣнками. Въ машинѣ два цилиндра неравной величины и температуры, и воздухъ, выгоняемый изъ одного въ другой, и расширяющійся или сжимающійся при проходѣ сквозь трубы, приводитъ въ движеніе поршни. Посредствомъ чертежей, Г. Фареде объяснилъ образъ дѣйствія всего снаряда, присовокупивъ, что въ немъ недостаетъ, кажется, средства сохранить надлежащее равновѣсіе силъ, безъ котораго движеніе не можетъ продлиться. Впрочемъ, говорилъ онъ, эта мысль только-что пришла ему въ голову, и онъ еще не успѣлъ ни вникнуть въ нее самъ, ни сообщить ее Г. Ирикссону, который, можетъ-быть, устранилъ бы на этотъ счетъ всякое недоумѣніе.

КОРОЛЕВСКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО. *Новѣйшія извѣстія объ экспедиціи Ландера.* Всѣмъ нашимъ читателямъ безъ-сомнѣнія извѣстны усилія ученаго и коммерческаго свѣта проникнуть во внутренность Африки, гдѣ Наука должна обогатиться безчисленными свѣдѣніями по части Географіи, Исторіи политической и естественной, Этнографіи, Физики, Геологіи, и проч., и проч., и торговля

открыть себѣ новые народы, новый міръ потребителей Европейскихъ издѣлій и массу невѣдомыхъ продуктовъ для своихъ оборотовъ. Сколько благородныхъ людей уже пожертвовало собою, чтобы поднять завѣсу, скрывающую отъ насъ эти таинственныя и завѣтныя земли, чтобъ опредѣлить существованіе рѣки Нигера, огромнаго внутренняго озера или моря, *Чадъ*, и богатаго города *Томбукту*! Имена *Мунго-Парка*, *Клаппертона*, *Бельзони*, *Ленга*, освятили смертію это предпріятіе: многочисленныя путешествія и огромныя издержки довели насъ наконецъ до весьма правдоподобнаго заключенія, что прославленная рѣка *Нигеръ*, или *Западный Нилъ Африканскаго материка*, есть та же рѣка *Конго*, устье которой давно мы знаемъ въ *Бенинскомъ Заливѣ*. Едва это открытіе сдѣлано было для Науки, какъ предпріимчивые *Ливерпульскіе купцы* пустились торговать его путемъ со внутреннею *Африкою*. Известный *Ландеръ*, бывшій уже однажды въ *Томбукту*, взялся предводительствовать экспедиціею. Его товарищъ, *Г. Мекъ-Грегоръ Лердъ (Laird)*, возвратившійся въ началѣ сего года изъ *Африки* въ *Лондонъ*, былъ представленъ *Географическому Обществу* въ засѣданіи 10 Февраля, и сообщилъ ему весьма любопытныя свѣдѣнія о судьбѣ этого военно-ученокупеческаго похода.

Экспедиція, какъ извѣстно, состояла изъ двухъ пароходовъ, — деревяннаго, «*Кворра*» и желѣзнаго «*Албурка*», и изъ одного брига, которому предназначалось стоять въ устьѣ рѣки, и грузиться товарами, по мѣрѣ доставленія ихъ на пароходахъ. Эта маленькая флотилія отправилась изъ *Англіи* въ концѣ *Іюля 1832* года, а 19 слѣдующаго *Октября* была уже близъ *Нуна*. Тутъ вскорѣ оказалась на ней болѣзнь, и начальник *Кворры*, *Капитанъ Гаррисъ*, съ двумя матросами, умерли отъ нея прежде, чѣмъ экспедиція успѣла войти въ рѣку.

27 Октября пароходы пошли вверхъ по *Конго*, не встрѣчая явнаго сопротивленія со стороны туземцевъ, хотя можно было полагать, что *Король Бой* не благопріятствовалъ ихъ путешествію: онъ даже подучалъ лопмана посадить ихъ на мель. Сначала, верстъ на шестьдесятъ, по берегамъ тянулись сплошь топкія болота; далѣе почва становилась тверже. Приливъ входилъ въ рѣку на сто двадцать верстъ и болѣе.

Они прибыли въ Ибоэ 7 Ноября, не потерявъ, послѣ прежняго, ни одного человѣка, хотя ко вреднымъ испареніямъ болотъ присоединилась еще непріязненная встрѣча съ жителями одной деревни, въ сорока пяти верстахъ ниже Ибоэ, которую путешественники сочли нужнымъ разрушить, для примѣра. Съ передоваго парохода, Албурка, пушечнымъ выстрѣломъ данъ былъ Кворръ сигналъ становиться на якорь. Выпалили противъ самой деревни поздно вечеромъ: разумѣется, это встревожило жителей, и они отвѣчали жестокимъ ружейнымъ огнемъ. Необходимо было остановить покушеніе на первомъ шагу, и дѣло, какъ видно, кончилось не на радость нападателямъ.

Этотъ случай однако жъ ни сколько не помѣшалъ дружескому приему странниковъ въ Ибоэ. Общественность, по берегамъ всей рѣки, пришла въ такое разстройство отъ торга невольниками, что главные мѣста, какъ напримѣръ Ибоэ, Атта, Фунда, стараются только ловить другъ у друга людей, и продавать ихъ Испанскимъ и Американскимъ контрабандистамъ, а для взаимной защиты, не существуетъ ни какого союза. Оттого, туземцы никогда не думали упрекать гостей разореніемъ у нихъ деревни, хотя въ Ибоэ это многимъ было извѣстно, и по-видимому произвело желаемое предостерегательное дѣйствіе. Два дня пребыли они въ Ибоэ, и во все это время *палаверили* (мѣнялись подарками и учтивостями) съ Королемъ, и погружали на суда вымѣненные припасы. 9 Ноября отправились они далѣе, и прошли черезъ то мѣсто, которое Г. Ландеръ, въ прежнее свое путешествіе, почелъ значительнымъ озеромъ, съ тремя текущими изъ него рѣками, но которое оказалось только расширеніемъ одной и той же рѣки, разделяемой островкомъ не на три, а на два протока. Здѣсь она была около 1300 сажень въ ширину, съ неровною глубиною до семи сажень; но Г. Лердъ не придумаетъ, откуда берется вся эта вода, которая, по-видимому, вливается въ Бенинскій Заливъ разными путями.

Два дня по отбытіи изъ Ибоэ, въ экспедицію опять началась смертность: къ 5 Декабря на Кворръ недоставало уже четырнадцати человѣкъ, а на Албуркѣ трехъ. Такую несоразмѣрность приписывали сильнѣйшей прохладѣ послѣд-

ного парохода, на которомъ воздухъ освѣжался желѣзнымъ его корпусомъ.

Экспедиція достигла Атты, значительнаго города, живописно расположеннаго по низменному холму, на лѣвомъ берегу рѣки, заключающаго въ себѣ до 15,000 жителей. Населеніе Ибоэ полагалось не свыше 6000. Потомъ она вошла въ предѣлы Конгскихъ Горъ, которыя съ обѣихъ сторонъ возвышаются отъ 2000 до 2500 футовъ, и чрезвычайно уладили зрѣніе людей, такъ давно привыкшихъ видѣть одни болота: они приветствовали въ этой новой встрѣчѣ предвѣстницу будущаго здоровья.

Король Атты не такъ былъ радъ гостямъ, какъ Ибойскій, и всѣ усилія склонить его къ торгу слоновою костью остались тщетны. Нензвѣстно, самъ ли терпѣлъ онъ тогда недостатокъ въ этомъ товарѣ, о чемъ иногда намѣкалъ, хвастая однако жъ, что можетъ добыть его сколько захочетъ, или руководствовался единственно чувствами подозрѣнія и непріязни, а можетъ-быть, тутъ дѣйствовало и то и другое. Онъ грубъ и дерзокъ въ обращеніи: жрецы его совершили фетишъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стояли Ангійскіе пароходы, чтобъ имъ дальше вверхъ не идти, — то есть, они принесли въ жертву человѣка, и, разрубивъ тѣло его въ куски, бросили ихъ въ рѣку. Наконецъ, утомившись несговорчивостью Короля, Г. Ландеръ удалился, къ величайшему изумленію туземцевъ, что и чары ихъ непомѣшали Бѣлымъ плыть далѣе. Отсюда экспедиція прямо отправилась въ Бокку, городъ, оставленный Г. Ландеромъ въ прежнюю его бытность на правомъ берегу рѣки, и перенесенный на противную сторону послѣ недавняго разоренія непріятелемъ. Рынокъ, бывшій на рѣкѣ въ старомъ городѣ, перешелъ и въ новый: здѣсь нельзя умолчать о замѣчательномъ обстоятельстве, происходящемъ вѣроятно отъ необходимости, но показывающемъ, какъ иногда сближаются крайности варварства и образованности. Этотъ рынокъ былъ нейтральнымъ мѣстомъ, родъ вольной гавани, гдѣ мирно сходились торговать подданные враждебныхъ Государей. Пришельцы изъ Эги, Кутумъ, Корфи и другихъ верховыхъ городо́въ, безобидно обмѣнивали здѣсь товары съ жителями Атты, Ибоэ и другихъ низовыхъ мѣстъ. Главнѣйшими пред-

метами мѣны были лошади, козы, овцы, сарачинское пшено и т. п. На лодкахъ, приходившихъ съ верховья рѣки, подвозили хорошее масло, но безъ соли, которой по всему здѣшнему порѣчью почти нѣтъ ни слѣда. Въмѣсто ея употребляютъ грубый, острый и ѣдкій отстой щелока изъ золы нѣкоторыхъ растений, болѣе похожій на поташъ, чѣмъ на соль, но кристаллизованный.

За Аттою плаваніе вверхъ по рѣкѣ чрезвычайно затруднительно: Кворра безпрестанно попадалъ на мель, и наконецъ выпужденъ былъ простоять полгода на одномъ мѣстѣ. Албурка былъ счастливѣе: онъ доходилъ до Чады, и, по мнѣнію Г. Лерда, легко могъ бы итти далѣе, если бъ этого не отложили до слѣдующаго благопріятнѣйшаго времени года.

Между-тѣмъ, на обоихъ судахъ продолжалась смертность, хотя и не съ такою ужасною силою, какъ ниже Атты. Болѣзни были разныя, — лихорадки, поносъ, расслабленіе, и прочая. Негры (Крумены), взятые нами въ Кепъ-кость-кастль, къ счастью, оставались здоровы и вѣрны; и Г. Лердъ отдаетъ полную справедливость добрымъ свойствамъ этихъ людей, которыхъ тамъ по-просту называютъ *Шотландцами* (чурбанами), и безъ которыхъ врядъ-ли бъ можно было производить здѣсь торгъ.

Въ Февралѣ мѣсяцѣ, Г. Лердъ лишился послѣдняго ближайшаго своего товарища на Кворрѣ, Доктора Бриггса, сопровождавшаго экспедицію въ качествѣ врача и естественнаго испытателя. Оставшись послѣ него одинъ, онъ упалъ духомъ: Албурка стоялъ верстъ девять выше Кворры, и потому сообщенія его съ Г. Ландеромъ и Лейтенантомъ Алленомъ были очень рѣдки. Наконецъ ему пришлось въ голову отправиться въ Фунду, значительный городъ у верховья Чады, что онъ и сдѣлалъ въ Апрѣлѣ. Въ это время, онъ до того уже полагался на мирное расположеніе народа или, по крайней мѣрѣ, на могущество Бѣлыхъ повелѣвать ими, что пустился въ путь самъ-другъ съ цѣлымъ экипажемъ черныхъ. Онъ взялъ съ собою значительный запасъ товаровъ для размѣна. Прибывъ къ Чадѣ, онъ увидѣлъ, что эта рѣка шире рѣки Кворры, по имени которой былъ

названъ въ Лондонѣ одинъ изъ пароходовъ экспедиціи, но за то и мельче, такъ, что нѣтъ въ ней мѣста глубже девяти футовъ. Вода была 5 градусами холоднѣе: это заставляло думать, что она неподалеку и быстро стекаетъ съ какихъ-нибудь возвышенностей, хотя туземцы увѣряли потомъ Г. Лерда, что она выходитъ изъ озера Чадъ, и что въ двѣ недѣли они доставятъ его въ Куку «по одной и той же водѣ». Нельзя, однако жъ, полагаться на это показаніе, очень невѣроятное. Въ пятидесяти верстахъ, вверхъ по рѣкѣ, отъ соединенія ея съ Кворрою, на правомъ или сѣверномъ берегу, Г. Лердъ нашелъ городъ Джамахаръ, служащій пристанью Фундъ въ сухое время года, когда въ заливѣ, подходящемъ на пятнадцать верстъ къ городу, становится слишкомъ мелко. Фунда въ сорока пяти верстахъ къ сѣверу отъ рѣки, а не къ югу, какъ полагалъ Г. Ландеръ въ 1851 году. Отъ Джамахара до Фунды сухимъ путемъ сорокъ пять верстъ, а водою около пятидесяти: сначала поднимаются вверхъ по Чадъ, а тамъ по заливу, который ведетъ прямо къ городу. Это небольшое мѣстечко прекрасно расположено на вершинѣ обрывистаго холма что здѣсь въ обыкновеніи, и черезъ оврагъ, отдѣляющій его отъ окрестности, пролегаетъ, въ видѣ моста, искусственная плотина футовъ въ тридцать вышиною, очень хорошо устроенная, съ покатостями по бокамъ и прекрасною дорогою по верху. Эта плотина, стѣны Фунды, въ двадцать футовъ вышиною, со рвомъ въ тридцать футовъ глубины и почти правильными Мавританскими бастіонами, и другія обширныя работы въ такомъ же родѣ, заставили Г. Лерда полагать, что страна еще не въ давнемъ времени занята была народомъ, гораздо образованнѣйшимъ нынѣшнихъ ея обитателей. Фунда — обширный городъ, по мнѣнію Г. Лерда, величиною съ Ливерпуль, не менѣе какъ съ шестидесятью или семидесятью тысячами жителей. Онъ пробылъ здѣсь два мѣсяца, и все это время былъ такъ боленъ, что не могъ завязать ни какой прибыльной торговли.

Въ Королѣ нашелъ онъ грубаго и свирѣпаго дикаря, не кровожаднаго, но чрезвычайно склоннаго къ чувственнымъ наслажденіямъ и тиранству. Гаремъ его состоялъ изъ 1,500 женъ, а дворецъ изъ нѣсколькихъ круглыхъ хижинъ, обне-

сенныхъ частоколомъ. Въ одну изъ нихъ помѣстили Г. Лерда, лишивъ его всякаго сообщенія съ прочими обывателями: надо было оказать всю твердость и рѣшительность, чтобы не уронить себя въ этомъ новомъ и затруднительномъ положеніи. Худа ему не дѣлали, но не позволяли выѣхать.

Наконецъ онъ придумалъ средство къ своему избавленію. На просьбы его объ отпускъ обыкновенно отвѣчали, что за него молятся богамъ, но что еще нѣтъ отъ нихъ благопріятнаго отзыва. Онъ объявилъ, что самъ отправить къ нимъ посланца, — и пустилъ ракету; потомъ сжегъ голубую свѣчку, цвѣтъ которой, по его предвѣщанію, долженствовалъ быть знакомъ благопріятнаго отвѣта. Эта феерверочная хитрость произвела такое впечатлѣніе, что не только отпустили его со всѣмъ товаромъ, но не смѣли задержать и Лейтенанта Аллена, который былъ тамъ послѣ него.

Жители Фунды, говоритъ Г. Лердъ, почти поровну раздѣляются на магометанъ и на язычниковъ. Король поочередно придерживается обѣихъ Вѣрь, и между послѣдователями ихъ не замѣтно изувѣрства. Магометанство, по-видимому, все болѣе и болѣе распространяется, что можетъ быть и хорошо для ихъ образованности; но худо то, что вмѣстѣ съ нимъ возрастаетъ и могущество Феллатовъ, ближайшаго къ Фундѣ кочеваго магометанскаго народа съ сѣверной стороны. Въ то время, какъ Г. Лердъ былъ на верховьѣ рѣки, эти господа сдѣлали набѣгъ на западный берегъ Кворры, перешедъ ее подъ Рабою, и, хотя ихъ вѣроятно было не болѣе тысячи, потому, что туземцы даже со страху говорили только о пяти тысячахъ, никто однако жъ не думалъ сопротивляться, и всѣ искали спасенія въ бѣгствѣ. Не мудрено, что Феллаты такимъ образомъ опустошили этотъ край вдоль и поперекъ, и между прочимъ Ада-Куду, городъ, довольно обширный, и замѣчательный огромнымъ красивымъ заведеніемъ для суконъ и тканей сняго цвѣта. Неподалеку отъ него стояли наши пароходы.

Жители Фунды мастера выдѣлывать толстыя бумажныя ткани, и не такъ-то хвалили Манчестерскія издѣлія, которыя показались имъ очень жидкими. Однако жъ они любовались нашими яркими красками. Они также хорошіе

жестяники; умѣють выдѣлывать себѣ изъ мѣди трубки, и такія длинныя, что, вдуци верхомъ, могутъ курить, упирая ихъ въ ногу; хорошо готовятъ кожу, и шьютъ изъ нее все, что нужно; варятъ даже славное пиво. Перегонка имъ не извѣстна, и они равнодушны къ рому, но теперь скоро узнаютъ его пагубныя слѣдствія.

Лошади здѣсь не крупной, но доброй породы, и туземцы славные вѣдоки; держатся прекрасно на Мавританскихъ сѣдлахъ съ возвышеніемъ напередѣ и сзади. Нарядная одежда для выѣзда верхомъ состоитъ изъ такого множества разнаго платья, что бѣдному всаднику нельзя дохнуть: хорошо, что она рѣдко употребляется. Муштукъ здѣсь Арабскій. Коровы тоже не крупной породы, овцы и козы посредственной, а домашнія птицы очень мелкой. Въ рѣкѣ множество всякой рыбы: одна паружностію совершенно похожа на семгу, но цвѣтомъ бѣлая: въсу въ ней около десяти фунтовъ. Замѣчено два рода аллигаторовъ, или лучше крокодиловъ,—тупорылые, которые бросаются на людей, и попадались только въ тинистой водѣ у рѣчнаго устья, и острокрылые, которые водятся повыше и сами никогда не нападаютъ, если ихъ не затронешь. Туземцы ловятъ ихъ такъ же, какъ Египтяне своихъ крокодиловъ, всаживая имъ въ растворенную пасть толстый короткій колъ, съ обѣихъ концевъ заостренный. Два человека или больше нападаютъ на нихъ и съ копьями, но тутъ успѣхъ сомнительнѣе. Мясо ихъ ѣдятъ, и, въ послѣднемъ случаѣ, съ большимъ торжествомъ. Здѣсь есть особенное поколѣніе рыбаковъ, и, въ сухое время года, они строятъ себѣ на рѣчныхъ отмеляхъ соломенные шалаши, чтобъ удобнѣе отправлять свое ремесло; но Г. Лердъ полагаетъ, что они часто промышляютъ и невольничествомъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь чрезвычайно ободраютъ этотъ промыселъ, и торгъ невольниками, несмотря на трактаты, заключенные между Европейскими Державами, идетъ живо по всему портычю. Почти одному этому приписываетъ онъ неудачу настоящей экспедиціи въ торговомъ отношеніи, и полагаетъ, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ нельзя ожидать большихъ успѣховъ.

Въ силу договоровъ, существующихъ съ Испанією, корабли, производящіе торгъ невольниками, подвергаются от-

вѣтственности въ томъ только случаѣ, когда дѣйствительно поймаютъ ихъ съ грузомъ. Потому, они стоятъ въ рѣкахъ совсѣмъ готовые къ отплытію, ни мало не заботясь объ Англійскихъ крейсерахъ, которые стерегутъ ихъ; но лишь только крейсера уйдутъ въ Фернандо-По за припасами или почему бы то ни было удалятся, они быстро нагружаются людьми, идутъ по четыре или по пяти вмѣстѣ, а если нужно, въ разсыпную, и очень рѣдко попадаютъ на дѣль. Въ бытность тамъ Г. Лерда, сказывали, что сорокъ шесть такихъ кораблей стояло у Бенинскаго берега, и одиннадцать въ одной Бонійской гавани.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ТЕПЛОТВОРА ВЪ ЦВѢТАХЪ. Гг. Ламаркъ, Сеннебье и Гюберъ замѣтили въ семействѣ клецищевъ, *agum*, и преимущественно въ *agum italicum* и *agum cordifolium*, особенное свойство, освобождать при оплодотвореніи много теплорода; послѣ того, Гг. Броньяръ, Дютроше и Біо нашли, что всѣ растенія одарены этимъ свойствомъ, хотя и не въ столь высокой степени. Берлинскій Профессоръ, Г. Шульцъ, доказалъ теперь въ свою очередь, что освобожденіе теплотвора, при тѣхъ же обстоятельствахъ, оказывается очень сильно и въ *caladium pinnatifidum*: открытіе драгоцѣнное, — оно не только подкрѣпляетъ прежніе опыты и распространяетъ область Ботаники, но и разрушаетъ бездну ошибочныхъ мнѣній.

«Въ 1826 году, говоритъ Г. Шульцъ, гуляя по Берлинскому ботаническому саду, увидѣлъ я прекрасный *caladium pinnatifidum*. Сначала, мнѣ бросилась въ глаза только нарядная шанка, образуемая соединеніемъ двадцати или тридцати цвѣтковъ на верху стебля; но вскорѣ я былъ изумленъ быстротою, съ какой прозябаніе развивается въ этомъ растеніи, потому, что еще недавно проходилъ по тѣмъ же самымъ дорожкамъ, и, казалось, оно тогда не думало цвѣсти.

Такая быстрота заставила меня предполагать, что *caladium*, будучи одного семейства съ клецищемъ, *agum*, можетъ быть подобенъ ему и въ свойствахъ, что и онъ при оплодотвореніи долженъ освобождать теплотворъ. Я скоро убѣдился въ томъ опытомъ, опредѣливъ сперва температуру

парника, потомъ поднеся ртуть термометра къ цвѣточной чашечкѣ. Дѣйствительно, ртуть, поднятая температурою парника на 15 градусовъ, возвышалась еще на 4 или на 5, когда я приближалъ термометръ къ цвѣтку. Продолжая свои изслѣдованія, я убѣдился, что вся теплота выходитъ изъ той части чашечки, въ которой утверждены тычинки, что она сообщается потомъ всей чашечкѣ, и что, по мѣрѣ увяданія лепестковъ, температура понижается.

Нѣкоторые ученые, повторяя за мною эти опыты, нашли выводы мои очень сомнительными. Однако жъ мнѣ удалось повѣрить ихъ снова, и подкрѣпить неоспоримыми доказательствами.

Цвѣтокъ *caladium pinnatifidum* быстро достигаетъ своего полного развитія, но скоро блекнетъ. Природа, наблюдающая соразмѣрность во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, назначила ему двѣнадцать часовъ на увяданіе; зато она ведетъ его къ жизни съ такимъ могуществомъ и силою, какихъ не видимъ въ другихъ цвѣтахъ. Эта быстрота не равна; но въ сильнѣйшемъ напряженіи является она обыкновенно между восьми и десяти часовъ вечера. Въ остальное время *caladium pinnatifidum* управляется законами, общими всѣмъ растеніямъ: въ немъ нѣтъ ни какой особенноти, и температура его равна температурѣ атмосферы. Если родится цвѣтокъ не въ урочное время, то Природа къ нему настоящая машина: стебель не даетъ ему изъ земли питательныхъ соковъ, и онъ не освѣжится росою слѣдующаго утра; лишенный животворной теплоты, и предоставленный самому себѣ, онъ захирѣетъ и пропадетъ отъ холода. Приведенные мною факты чрезвычайно замѣчательны, хотя и оспариваются нѣкоторыми учеными.

1-го Мая прошлаго года, удостовѣрившись напередъ, что температура разцвѣтающаго *caladium* одинакова съ температурою окружающей его атмосферы, я сорвалъ чуть распустившійся цвѣтокъ, принесъ къ себѣ въ кабинетъ, и поставилъ въ стаканъ съ водою. Температура и кабинета и цвѣтка была въ 15° по Реомюру, и до пяти часовъ вечера я не замѣтилъ ни какой явной перемѣны. Къ шести часамъ, цвѣтокъ, бывшій дотолѣ безъ всякаго запаха, пустилъ силь-

ную и непріятную вонь, и температура возвысилась на два градуса; въ семь часовъ, термометръ показывалъ 15° , въ восемь дошелъ до 17° , въ половинѣ девятого до 19° , въ девять до $19\frac{1}{2}$, въ десять до $20\frac{1}{2}$, наконецъ, въ четверть одиннадцатаго до $21\frac{1}{2}$ градусовъ. Я не отставалъ отъ своихъ наблюденій вплоть до одиннадцати часовъ, но термометръ былъ все въ одномъ положеніи: теплота достигла своей высшей степени. Должно притомъ замѣтить, что непріятный запахъ, распространившійся при началѣ возвышенія температуры, усиливался соразмѣрно съ теплотою, и сталъ наконецъ такъ крѣпокъ, какъ-будто весь полъ былъ улитъ аммоніакомъ. На другой день, подошедъ къ цвѣтку, я увидѣлъ, что онъ опять одинаковой температуры съ атмосферическимъ воздухомъ, и въ этотъ вечеръ не было уже тѣхъ явленій, какія замѣтилъ я наканунѣ. Я не ограничился однимъ этимъ опытомъ, но повторялъ его надъ всеми цвѣтами, какіе только могъ достать, и всегда видѣлъ, что тотъ же самый феноменъ происходилъ по тѣмъ же законамъ и въ одинаковыхъ соразмѣрностяхъ.»

КАПЛЯ ВОДЫ, ВИДѢННАЯ ВЪ МИКРОСКОПѢ. Всѣ Журналы, и самая Б. для Ч., неоднократно говорили о невидимомъ мірѣ всякаго рода одушевленныхъ существъ, живущихъ въ водѣ, и примѣтныхъ только помощію микроскопа. Представляемъ здѣсь изображеніе одной капли воды со всѣмъ его народонаселеніемъ и географіею, — утесами, скалами, цвѣтами, полипами, червями, птицами, змѣями, угрями, крокодилами и китами, которыхъ читатели могутъ увидѣть простымъ глазомъ на приложенномъ рисункѣ. Въ подлинности ихъ существованія они легко убѣдятся, посмотрѣвъ въ микроскопъ на каплю воды изъ Черной Рѣчки или Мойки. Изображенная здѣсь капля увеличена въ 36,000 разъ, но есть орудія, умножающія объемъ даннаго предмета въ 200,000, въ 500,000 и въ 1,000,000 разъ. Микроскопъ, сдѣланный недавно въ Минхенѣ, увеличиваетъ въ 2, а изобрѣтенный въ Филадельфіи въ 1850 году — въ 4 милліона разъ.

Не должно однако жъ думать, чтобы всѣ эти уроды находились во всякой каплѣ воды: ихъ бываетъ болѣе или

менѣе, смотря по состоянію жидкости, и, чтобъ испытать удовольствіе видѣть ихъ въ многочисленномъ собраніи, надобно взять частицу гнилой воды или закрасить воду стойкою извѣстныхъ растеній. Доступъ свѣта и воздуха — необходимое условіе въ послѣднемъ случаѣ.

Постараемся дать краткое описаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ тварей, одаренныхъ органами и чувствами, волею и движеніемъ, наподобіе намъ, и за всѣмъ тѣмъ столь отличныхъ отъ насъ и отъ видимаго міра.

Мелкія существа, означенныя въ рисункѣ точками, суть такъ называемыя *монады*, или единицы одушевленнаго бытія. Это, покажѣтъ, самая отдаленная точка почина животной жизни, доколѣ дальнѣйшія изслѣдованія не откроютъ еще отдаленнѣйшей. Онѣ обыкновенно похожи на крошечные полу-прозрачные круги, или на песчанки, и раздѣляются на множество родовъ. Прежде считали ихъ лишеными всякаго животнаго устройства, и питающимися посредствомъ вбиранія или всасыванія въ себя, *absorbtio*; но опыты Г. Эренберга, въ Берлинѣ, доказали, что эти ничтожныя созданія, которыхъ три или четыре милліона могли бъ умѣститься на головкѣ маленькой булавки, одарены четырьмя желудками, такъ же какъ и мы. Закрасивъ каплю воды карминомъ или синькою, придвинувъ ее къ другой чистой каплѣ на кускѣ стекла или металла, и соединивъ обѣ капли въ одной точкѣ посредствомъ наколоты иглою, вы примѣтите, что у монадъ, переплывающихъ изъ своей капли въ сосѣднюю, животъ и пищевая каналъ наполнены жидкостью того же цвѣта, какимъ напустили вы прежнее ихъ жилище.

Вольвоксы, *volvox*, существа немножко побольше монадъ, тоже кругообразныя: они изображены въ рисункѣ по правую сторону, подлѣ самой черты круга, нѣсколько повыше его половины и пониже группы точекъ, представляющихъ родъ тварей, который мы уже описали. Вольвоксы иногда можетъ быть видны простымъ глазомъ. Отличительное свойство этихъ существъ, что онѣ непрерывно и съ неизменною быстротою толкаютъ однѣ другія, какъ шарики, пущенные по гладкой и покатой поверхности.

Вибріонъ, *vibrio*, движется безпрестанно какъ маятникъ, или дрожить, и живетъ въ группахъ, стройно расположенныхъ въ видѣ короткихъ иглокъ, лежащихъ плотно одна подлѣ другой. Въ рисунокѣ есть нѣсколько такихъ группъ различной формы.

Протей, довольно значительное микроскопическое животное, получилъ свое имя отъ способности непрерывно превращаться въ разные уродливые виды, продолговатые, круглые, крестообразные, и проч., чрезвычайно любопытные для наблюдателя. Вверху круга, между группами монадъ и вольвоксовъ помѣщены нѣкоторые виды, обыкновенно имъ принимаемые, и лучше всякаго описанія объяснять это явленіе.

Ротиферъ, *rotifera*, изображенный почти въ серединѣ круга, тѣмъ особенно достопримѣчателенъ, что движется помощію двухъ колесъ наподобіе парохода. Но Г. Валло (*Vallot*) удостовѣрился, что это только оптический обманъ: эти колеса, отъ которыхъ ротиферъ, или коловратникъ, получилъ свое названіе, суть его крылья, и только чрезвычайная быстрота ихъ движенія даетъ имъ видъ круговращательнаго орудія.

Угри и *змы*, которыхъ можно видѣть на рисунокѣ между разными родами червей находятся въ капляхъ жидкостей въ большомъ количествѣ. Самые тонкіе живутъ въ уксусѣ; тѣ, которые потолще, водятся въ разныхъ напиткахъ во время ихъ броженія.

Но самое обильное и разнообразное народонаселеніе капель составляютъ *полипы*, такъ названные отъ множества своихъ ногъ, или скорѣе рукъ, иногда весьма длинныхъ, которыя употребляютъ для ловли и притягиванія къ себѣ добычи, потому, что сами они заключены въ скорлупахъ, и большею частію прикрѣплены къ твердымъ тѣламъ, что лишаетъ ихъ возможности переходить съ одного мѣста на другое, и уподобляетъ растеніямъ. Одинъ родъ такой улитки, именуемый *вортицелла*, *vorticella senta*, начертанъ контуромъ въ нижней части круга, по лѣвую сторону; но, чтобъ получить объ немъ достаточное понятіе, читатели благоволятъ рассмотреть находящееся внизу, подъ кругомъ, изображеніе вортицеллы, увеличенной въ 144,000 разъ, со

всѣми ея органами, означенными съ большою точностію Г. Эренбергомъ.

ЖИВЫЯ ЖАБЫ ВЪ ТВЕРДЫХЪ ТѢЛАХЪ. Можно ли удивляться, что многіе весьма умные люди вѣрятъ въ чудеса магнетизма и Омеопатіи, когда самые знаменитые умы въ области Наукъ вѣрили и вѣрятъ въ жабъ, благополучно проживающихъ въ пѣдрахъ деревьевъ или камней со времени потопа? Еще въ концѣ прошлаго Января умерла въ Англіи жаба, которой было отъ роду четыре тысячи лѣтъ: всѣ Журналы объявили объ ея кончинѣ, и всѣ мудрые мужи повѣрили Журналамъ. Она была найдена въ глыбѣ гранита, въ которую попала, при его образованіи, вѣроятно еще до столпотворенія; по добытіи изъ камня, жила еще двадцать восемь дней, и на двадцать-девятый скончалась, къ общему сожалѣнію друзей и знакомыхъ. Ничто не должно такъ унижать нашей гордости отъ высокаго просвѣщенія, которымъ вѣкъ нашъ хвастаетъ, какъ доказательство подобнаго ученаго суевѣрія въ людяхъ, считающихъ себя въ правѣ не вѣрить многому, несравненно вѣроятнѣйшему и согласному съ естественнымъ разсудкомъ. Подлинно, надобно было Гг. Букленду и Стендею быть дерзкими, чтобъ пригласить ученый свѣтъ къ повѣркѣ факта, который уже внесенъ во всѣ лучшія Энциклопедіи и Естественныя Исторіи. Эта дерзость, узнать истину того, что первые естествоиспытатели выдаютъ за несомнѣнную истину, побудила Г. Валло сообщить Женевскому Журналу *Bibliothèque Universelle* замѣчанія свои объ этомъ предметѣ, и напомнить содержаніе его разсужденія, увѣнчанаго Парижскимъ Ляппеевскимъ Обществомъ еще въ 1824 году.

«Мнѣніе о существованіи живыхъ жабъ въ твердыхъ тѣлахъ, говоритъ онъ, не было извѣстно Древнимъ: оно появилось въ средніе вѣка. Фульгозій, первый пустилъ его въ ходъ, а переписчики, комментаторы и прочая, подхватили, не заботясь вникнуть въ его основаніе. Потомъ, Ученые считали его за дознанную истину, и употребляли Богъ-вѣсть какія умствованія въ доказательство его непреложности. Исслѣдованія Гриніона, опыты Гериссана, Боска, Доктора Эдвардса, Букленда, Стенлея, не помѣшали Добан-

тону, Ласепеду и многимъ другимъ Ученымъ допустить подлинность бреда, выпущеннаго Фульгюзіемъ.

Не было бъ конца, если бъ исчислять только имена тѣхъ писателей, которые повторили тотъ же рассказъ или по поводу его обнародовали собственныя наблюденія. Чтобъ добиться толку въ этомъ хаосѣ, надобно припомнить себѣ привычки жабъ и превращенія, которымъ онѣ подвержены: тогда чудесныя обрѣтенія ихъ въ пняхъ очень легко объясняются повадкою этихъ гадовъ, укрываться на зиму въ дупла или въ землю.

Самое состояніе головастика, предшествующее полному образованію жабъ и лягушекъ, доказываетъ, что, въ этомъ состояніи, нѣтъ имъ ни какой возможности быть въ камняхъ, куда прячутъ ихъ нѣкоторые писатели.

Шутку, сыгранную съ Гетаромъ насмѣшливыми или корыстолюбивыми работниками, приводили въ неопровержимое доказательство того, что точно попадались въ камняхъ живыя жабы; но стоитъ внимательно прочесть повѣсть Гетара, — тогда ясно увидишь, что онъ былъ игрушкою поденщиковъ, которые, чтобъ обмануть его, облѣпили алебастромъ живую жабу, и принесли къ нему, сказывая, что нашли ее при разломкѣ стѣны, въ пустотѣ фундамента, въ томъ положеніи, въ какомъ откапываютъ ихъ въ землѣ, обыкновенномъ ихъ убжищѣ. Впрочемъ, не одинъ разъ морочили такъ Гг. Членовъ славной Парижской Академіи Наукъ: подлогъ вооруженной лисицы, объясненный Г. Кювье, тоже недурень и хуже этого.

Такимъ образомъ, разсмотрѣвъ эти показанія, тотчасъ убѣждаешься въ ихъ невѣрности. Одни, изъ числа ихъ, основаны на случайной находкѣ жабы подлѣ разбитаго камня, какъ сказываетъ Амбруазъ Парё; другія на томъ, что разъ какъ-то попалось такое животное въ разсѣлинахъ каменоломни, и т. д.

«Сколько мнѣ извѣстно, говорятъ Гетаръ, Фульгюзій первый упоминаетъ о извлеченіи живой жабы изъ внутренности камня. Этотъ авторъ, жившій слишкомъ за двѣсти «пятьдесятъ лѣтъ, въ сочиненіи своемъ — О достопамятныхъ событіяхъ и сказаніяхъ, — пишетъ, что въ срединѣ

«камня найдена была пребольшая жаба. Открытіе это сдѣлапо въ Отѣнѣ, и многимъ извѣстно.»

Дѣло въ томъ, что давнымъ-давно каменщики, во Франціи и во многихъ другихъ земляхъ, прозвали жабами изъязы и землянчаки, или землянца глыбы, которыя бывають въ камняхъ, и на которыхъ кристаллы дѣйствительно образуютъ иногда что-то похожее на очерки этихъ гадовъ.

Жаба, о которой говоритъ Фульгозій, былъ пребольшой такого рода изъязы, найденный въ дикомъ камнѣ, при постросніи замка Аттонъ-Шатель въ IX вѣкѣ: Фульгозию показалось, что это пресмыкающееся, онъ сплелъ басню, а другіе повторили ее.

Надо еще замѣтить и то, что Гетаръ перенесши событіе въ Отѣнѣ, грубо ошибся: у него Вердѣнъ на Маасѣ очутился въ Бургони.

Мы уже прежде являли случай доказать, что единственно нахожденіе жабъ (настоящихъ) въ разсѣлинахъ утесовъ, трещинахъ камней и т. п. было поводомъ ко мнѣнію, будто пресмыкающіяся могутъ жить во внутренности камней.

Изслѣдованія наши простирились на вѣхъ тѣхъ животныхъ, которыхъ, по рассказамъ, находили будто-бы въ срединѣ камней, и мы удостовѣрились, что живой червякъ, найденный въ голышѣ, упоминаемый Баушемъ и видѣнный Кейзеромъ, Липсдорфомъ, Уллоа, Дуари и прочими, не что иное какъ личинка гусеницы.

Червь, найденный Г. Гено въ каменномъ утесѣ, есть *lumbricus gordioides*. Живыя рыбы въ камняхъ, упоминаемыя Ронделе, Горопомъ-Беканомъ, Алдрованди, Бонами и другими, просто каменоточцы, *mytilus lithophagus*, *pholas dactylus*, и нныя двучерепныя раковины; весьма извѣстныя естествоиспытателямъ.

Живой ракъ, подцѣпленный въ Гиволійскихъ каменоломняхъ, — ископаемый морской паукъ, котораго рабочіе сбили одному любителю, и погуляли на его счетъ.

Мы и не упомянули бы о живыхъ собакахъ, которыя также падали въ камнѣ, и одну изъ нихъ подарили еще Винчестерскому Епископу, еслибъ это не было новымъ доказательствомъ, какъ легко обманывать самыхъ великихъ Ученыхъ.

Достаточно тѣхъ подробностей, въ которыя мы здѣсь вошли, для объясненія всего нелѣпнаго басней, каждый день новоторяемыхъ на вѣру известными писателями. Теперь, кажется, ясно, что такое эти жабы и змѣи; живьемъ заключенныя въ камняхъ. Для насъ онѣ будутъ только земляничками и аммонитами.

Лягушка въ камнѣ, о которой говоритъ Гетаръ по Заксу, была въ него посажена для шутки, описанной Шотомъ. Кваканье можно было поддѣлывать посредствомъ чревоущипанія, которымъ, какъ говоритъ Баконъ, искони морочили добрыхъ людей.

Разсудивъ немножко, всякой и безъ дальнихъ выводовъ отгадаетъ, о какихъ жабахъ, найденныхъ, въ Тулузѣ, въ жерновахъ, говоритъ Алдрованди. Эти мнимыя жабы просто землянички, которые обнаруживаются, когда жернова треснутъ, — явленіе, приписываемое Шмитгалсомъ перевѣсу средобъжной силы надъ сцепленіемъ составныхъ частей каменной толщи. Въ известныхъ случаяхъ, разщепленіе жернововъ можно приписывать расширяющейся жидкости, заключенной въ пустотахъ какъ то было въ Квебекскомъ кварцовомъ кристаллѣ, который лопнулъ во рту у одного изъ сыновей Г. Сандерсона.»

ПРИРОДНЫЙ ОГНЕННЫЙ ФОНТАНЪ. Профессоръ Ориоли, въ Болоньѣ, стараясь обратить вниманіе своихъ согражданъ на рытье колодезей, называемыхъ обыкновенно артезианскими, утверждалъ, что если прорыться до надлежащей глубины, то непременно дойдешь до ключей — воды или горючаго газа. Эти указанія оставались незамѣченными, хотя, въ подтвержденіе ихъ, «Лѣтописи» Римской Пропанды, 1829 года, упоминали о существованіи такихъ колодезей въ Китаѣ; но недавно въ справедливости словъ Ориоли убедились собственными глазами. Въ Маѣ 1833 года, Графъ Альфонсо-Серафино-ди-Порчіа-ди-Конельяно сверлялъ такой колодезь въ помѣсть своего отца. После двадцатидневной работы, когда сверло вошло на семьдесятъ футовъ въ землю, онъ къ удивленію своему увидѣлъ, что вдругъ изъ отверстія хлынула струя углекислаго водороднаго газа на семь футовъ вверхъ, и вспыхнула съ явственно

слышнымъ трескомъ: она была шести дюймовъ въ объемъ, и горѣла постоянно, погасая только на время отъ обваловъ земли или отъ того, когда опять принимались за работу. Послѣ еще десятидневнаго сверленія, когда сверло проникло въ глубину земли на полтора фута, огнеметъ усилился до чрезвычайности, и при первомъ внезапномъ изверженіи выбросилъ съ собою грязь и горячую воду. Этотъ феноменъ, который вначалѣ надѣлалъ было тревоги, привлекъ потомъ вниманіе любопытныхъ. Пламя усиливалось до тѣхъ поръ, пока достигло тридцати футовъ въ вышину и шести въ окружности, и горѣло еще цѣлый мѣсяцъ послѣ сверленія. Дальнѣйшихъ свѣдѣній не получено.

Нѣжность нѣкоторыхъ чувствъ у слѣпыхъ. Докторъ Говъ (Howe), основатель Американскаго Института Слѣпыхъ въ Бостонѣ, долго путешествовавшій въ Европѣ для осмотра этого рода заведеній, и совершенно знающій предметъ, которому посвящалъ онъ себя изъ челолюбія, напечаталъ въ North American Review разсужденіе о воспитаніи этихъ несчастныхъ, и о способахъ усовершенствовать его во многихъ отношеніяхъ. Педагогическія замѣчанія автора достойны обратить на себя вниманіе тѣхъ, которые въ особенности занимаются облегченіемъ судьбы этого многочисленнаго и достойнаго всего участія класса нашихъ ближнихъ. Извѣстно, что умственное образованіе слѣпыхъ основано на чувствительности ихъ осязанія: книги съ выпуклыми буквами, тисненныя на папкѣ, служатъ имъ учебными руководствами, и они читаютъ ихъ пальцами. Въ Петербургѣ находится для нихъ одно изъ лучшихъ училищъ, устроенное самимъ изобрѣтателемъ этой метода, извѣстнымъ Гакомъ, который вызванъ былъ нашимъ Правительствомъ изъ Парижа, и прѣзжалъ сюда съ своимъ ученикомъ Фурнье, нынѣ Директоромъ подобнаго заведенія въ Версали. Мы извлечемъ изъ статьи Доктора Гова нѣкоторые примеры удивительной нѣжности чувствъ у слѣпцовъ.

«Слѣпота, останавливая развитіе мышечныхъ силъ и тѣхъ физическихъ способностей, которыя отъ нихъ зависятъ, въ то же время чрезвычайно способствуетъ усовершенію чувствъ, которыя содержитъ въ постоянномъ напряженіи. Осязаніе, слухъ и обонаніе слѣпыхъ пріобрѣтаютъ нерѣдко

такую утонченную нежность, что становятся какъ-бы совершенно различными отъ тѣхъ же чувствъ у другихъ людей.

«Часто говорятъ, что когда мы лишаемся одного изъ чувствъ, то оно переходитъ въ другія. Нѣтъ нужды доказывать ложность этого понятія. Если ухо чутче у слѣпago, чѣмъ у зрячаго, то это не потому, что онъ утратилъ зрѣніе, а потому, что, въ его положеніи, онъ долженъ особенно упражнять ухо. Онъ привыкаетъ вслушиваться издали въ разные роды звуковъ, какъ матросъ привыкаетъ ловить глазами парусъ въ морскомъ пространствѣ. Люди вообще худо знаютъ весь объемъ своихъ способностей. Невѣроятно, до какой степени можно изощрить ихъ вниманіемъ и трудомъ: вотъ источникъ чудесъ, которыя ежедневно удивляютъ насъ въ слѣпыхъ.

«Изъ всѣхъ чувствъ ихъ, слухъ способенъ къ самому большому развитію. Этому есть примѣры, кажушіеся почти невѣроятными: я знавалъ слѣпыхъ, которые, по степени звучности комнаты, могли опредѣлять ея форму и размѣры. Вошедъ въ знакомую имъ горницу, они замѣчали по звуку, стуча тростью о полъ, когда какія-нибудь мебели были вынесены или переставлены.

«Кто изъ насъ съ завязанными глазами узнаетъ ростъ окружающихъ его людей, по направленію ихъ голоса? А слѣпые всякой день это дѣлаютъ; и, что удивительнѣе, они угадываютъ по одному голосу лѣта человѣка: я двадцать разъ былъ свидѣтелемъ такихъ опытовъ. Достоверно, что голосъ ежегодно измѣняется, но наши органы такъ тупы, что не могутъ перечестъ звеньевъ этой цѣпи, — мы замѣчаемъ одни ея концы. Легко различаемъ мы крикъ младенчества, мужественные звуки зрѣлаго возраста, трепетный голосъ старика, но промежутки отъ насъ ускользаютъ. Время, въ медленномъ, но непрерывномъ шествіи, оставляетъ однако жъ слѣдъ свой въ нашемъ голосѣ, равно какъ и въ чертахъ: Эти-то, для насъ непримѣтные, слѣды превосходно чувствуетъ ухо слѣпago.

«Нѣкоторые изъ нихъ обладаютъ остротою слуха, превосходящею всякое понятіе. Они схватываютъ малѣйшіе переливы голоса, какъ мы замѣчаемъ перемѣну въ лицѣ, и такимъ образомъ судятъ о томъ, что происходитъ въ душѣ

говорящаго. Каждый человекъ болѣе или менѣе обладаетъ искусствомъ скрывать тайныя чувствованія подъ епанчею лицемерства; но рѣдко кто думаетъ о переходахъ голоса, и этой тропею слѣпцы проникаютъ въ лабиринтъ страстей. Освобожденные отъ чаръ, обморачивающихъ нашъ умъ или устрашающихъ нашу слабость, они разсуждаютъ по сердечному побужденію. Блескъ одежды ихъ не ослѣпляетъ; они не предубѣждаются противъ человека отъ того, что онъ подойдетъ неловко, или что наружность его непріятна.

— Счастливыя многихъ судьбы, они могутъ устоять противъ обаятельной улыбки: за то и милый взглядъ для нихъ не прелесть и не опасенъ!

«Кто не удивлялся, съ какою догадливостію слѣпые, ходя одни по многолюднѣйшимъ улицамъ столицы, предохраняютъ себя отъ опасностей, угрожающихъ имъ, кажется, на всякомъ шагу, и идутъ себѣ своей дорогою въ этомъ дедалъ? Они тотчасъ скажутъ вамъ, широка или узка такая-то улица, высоки ли дома или нѣтъ, глухой ли это или проезжий переулокъ. По стуку ногъ они узнаютъ, на какомъ они мѣстѣ. Взгляните, какъ они идутъ смѣло, съ поднятой головою. Будто видятъ ушами! Будто въ воздухѣ черпаютъ указанія!

«Эта нежность слуха дѣлаетъ слѣпыхъ чрезвычайно способными къ музыкѣ. На одинъ этотъ органъ они во всемъ полагаются. Онъ то руководствуетъ ихъ въ удивительномъ согласіи тоновъ, которымъ всегда отличается ихъ исполненіе. Мѣру соблюдаютъ они съ неизмѣняющей ловкостью: самъ Паганини, прослушавъ нѣсколько пѣсень, разыгранныхъ воспитанниками Парижскаго Института, признался, что до тѣхъ поръ не имѣлъ понятія о такой совершенной гармоніи.

«У слѣпыхъ, и осязаніе пріобрѣтаетъ необыкновенную чувствительность: можно бы было привести тому бездну доказательствъ. Слепецъ Сандерсонъ, профессоръ математики въ Кембриджскомъ Университетѣ, имѣлъ глубокія нумизматическія свѣдѣнія. Онъ безъ труда различалъ настоящіе древніе медали отъ поддѣльныхъ, и часто зрѣніе знатоки дѣла прибѣгали къ безошибочности его сужденій. За нѣсколько лѣтъ, жилъ въ Вѣнѣ слѣпецъ, дѣлавшій очень похожіе бюсты ошущю. Онъ снялъ такой бюстъ съ отца

пытнаго Императора, и его по сию пору показываютъ въ Императорскомъ Музее за образецъ разительнаго сходства.

«Вотъ фактъ, еще болѣе заслуживающій возбудить удивленіе наблюдателя: слѣпой, находясь въ обширной комнатѣ, узнаетъ вамъ, въ тихую погоду, по давленію атмосферы на лице его, какъ далеко отъ него окружающіе предметы. Сначала можно бы было подумать, что отголосокъ руководствуетъ его ухо; но повторенными опытами удостовѣрились, что онъ и съ заткнутыми ушами точно такъ же отгадываетъ, въ непосредственномъ ли онъ соствѣствѣ съ тѣломъ, хотя нѣсколько значительнымъ, или нѣтъ, даже когда, при приближеніи его къ этому тѣлу, взяты будутъ всевозможныя предосторожности, чтобъ не поколебать воздушнаго столба.

«Утверждали, что слѣпые различаютъ цвѣта: это ложно или по крайней мѣрѣ ни на чемъ не основано. У кого изъ нихъ я объ этомъ ни спрашивалъ, все отвѣчали, что они лишены этой способности, да и не думаютъ, чтобъ, какой нибудь слѣпецъ могъ обладать ею. Знаю, что въ Англіи была дѣвочка, славившаяся распознаваніемъ цвѣтовъ: и хотѣлъ удостовѣриться въ справедливости молвы, и вотъ слѣдствіе моихъ изслѣдованій. Эта дѣвочка узнавала цвѣтъ лоскутковъ сукна, прикладывая ихъ къ губамъ другъ за другомъ. Вѣрно, ей сказали, что нѣкоторые цвѣта поглощаютъ теплоту скорѣе другихъ: она и угадывала ихъ по количеству тепла, какое лоскутокъ сообщалъ ея губамъ. Во всякомъ случаѣ, это самый необычайный примѣръ нѣжности осязанія, какой мнѣ только извѣстенъ. Это чувство, доведенное до такой степени совершенства представляетъ слѣпымъ удивительную выгоду въ изученіи Наукъ и Искусствъ. Оно, посредствомъ выпуклой печати, надѣляетъ и ихъ сокровищами человѣческихъ познаній. Что жъ будетъ, когда искусство сообщить этому драгоценному открытію все улучшенія, къ какимъ оно способно? А стараться о всевозможныхъ улучшеніяхъ — одинъ изъ священнѣйшихъ долговъ человеколюбія, потому что люди, лишенные зрѣнія, вообще расположены къ занятіямъ глубокомысленнымъ и отвлеченнымъ, и мы не должны лишать ихъ правъ особенной степени ума, которымъ надѣляетъ ихъ Природа, ни лишать общество плодовъ ихъ умственныхъ упражненій.

ИСПОЛНИНСКІЕ ЦВѢТЫ НА ОСТРОВѢ СУМАТРА. Цвѣтокъ особеннаго вида и неимоверной величины найденъ былъ въ 1818 году Докторомъ Арнольдомъ, сопровождавшимъ Суматрскаго Губернатора, Сиръ Станфордъ-Расселъза, въ путешествіи его по острову; но преждевременная смерть прервала ученые его труды, обѣщавшіе познакомить Европу съ сокровищами этого неизвѣстнаго для нея края. Тѣмъ любопытнѣе прочесть, какъ описалъ свою находку самъ Докторъ Арнольдъ.

«Въ Пубо-Лаббанъ, на берегахъ Манны, говорить онъ, нашелъ я величайшее чудо растительнаго царства. Необыкновенной величины цвѣтокъ былъ водруженъ на низкомъ корешкѣ падьца въ два толщиною, который выходилъ изъ земли горизонтально. Весь цвѣтокъ былъ также значительной толщины, а лепестки и медовой сосудецъ мѣстами не менѣе четверти дюйма. Стволъ его былъ чрезвычайно соченъ. Когда я приблизился, рой мухъ леталъ около сосуда: вѣрно онѣ клали въ него свои яйца. Отъ цвѣтка пахло точно какъ отъ испорченной говядины. Въ самомъ широкомъ мѣстѣ онъ имѣлъ три фута, (около полусаженіи) въ поперечникѣ, а лепестки были въ двѣнадцать дюймовъ вышиной и въ столько же шириною. Медовой сосудецъ могъ бы вмѣстить двѣнадцать бутылокъ жидкости, а весь цвѣтокъ былъ не менѣе пятнадцати фунтовъ вѣсомъ.»

«Проводникъ изъ внутренности острова сказалъ намъ, что цвѣты эти тамъ рѣдки, однако жъ, онъ видалъ ихъ неразъ: жители называютъ ихъ *крубуль*. Дальнѣйшіе распросы показали, что *крубуль*, или большой цвѣтокъ, извѣстенъ болѣе, нежели какъ полагали первые, открывшіе его, Европейцы. Въ иныхъ округахъ называютъ его *амбур-амбур*. Отъ появленія почки, цвѣтку надобно три мѣсяца, чтобъ совсѣмъ распуститься. Цвѣтетъ онъ разъ въ годъ, и то послѣ дождливаго времени. У него нѣтъ стебля, а корень или комъ, подобный циссовому, *cissus anguifolia*. *Крубуль* выходитъ изъ отверстій или трещинъ въ стволѣ дерева, и скоро авляется въ видѣ круглой почки, внутри которой, открывъ ее, найдешь начатокъ цвѣтка, окруженный множествомъ покрововъ, которые, по мѣрѣ развитія, постепенно расходятся и опадаютъ, такъ что въ полномъ его цвѣтѣ не остается поч-

ти и сѣдвовъ ихъ. Распустившись, цвѣтокъ скоро портится, и сѣмена пропадаютъ вмѣстѣ съ мякотью.»

Этотъ исполинскій цвѣтокъ можно почитать чудомъ растительнаго царства; и хотя попадались нѣкоторые другіе, сходные съ нимъ видомъ и свойствами, но не найдено еще ни одного, равнаго ему величиною. Докторъ Горсвилль описалъ мелкую его породу, но тутъ цвѣтокъ былъ не въ три фута, а въ три дюйма шириною. Другой видъ, и самый прекрасный, имѣвшій фута два въ поперечникъ, открытъ былъ на одномъ островку близъ Явы, и внесенъ Блумомъ въ его «Яванскую Флору». Жители именуютъ его *патма*: отсюда образовали для него ботаническое названіе *gafflesia patma*. Это настоящій Буддическій ледвенецъ, лотосъ, *lotus*, который Монголы, Калмыки и прочіе поклонники Ламы признаютъ символомъ своей вѣры, и котораго имя упоминается въ известной ихъ молитвѣ: *Омъ-манъ-патма-хумъ*! «Да будетъ восхваленъ цвѣтъ *патма*!»

Еще одинъ изъ этихъ растительныхъ парадоксовъ, описанный Блумомъ, находится въ области Бейтинзоргъ, въ западной части Явы, и растетъ въ тысячѣ двухъ стадъ или полуторѣ тысячъ футовъ надъ морской поверхностью: онъ названъ *brugmansia zippalii*.

Всѣ эти любопытныя растенія похожи другъ на друга во многихъ отношеніяхъ: во-первыхъ, у нихъ нѣтъ особенныхъ корней, и они получаютъ пищу изъ тѣхъ прозябаній, на которыхъ выпли; во-вторыхъ, у нихъ нѣтъ стеблей, и цвѣты ихъ находятся на вѣтвяхъ, которыя ихъ поддерживаютъ; притомъ, они безъ листьевъ, но съ пурпуровыми или буроватыми шелухами вокругъ цвѣтовъ, подобными тѣмъ, какими одѣты наши древесныя почки, или какія бываютъ и у прочихъ чужезднхъ растений. И такъ, эти цвѣты, прекраснѣйшіе изъ всѣхъ донынѣ известныхъ, безъ корней, безъ стеблей и безъ листьевъ: въ собственномъ смыслѣ нѣтъ у нихъ и сѣмянъ; они размножаются отъ собственныхъ чашницъ, какъ грибы, съ которыми вообще имѣютъ большое сходство. Цвѣточные листья веществомъ очень похожи на грибокъ, и пахнутъ испортившеюся говядиной. Цвѣты, подобно грибамъ, какъ-будто выходятъ изъ-подъ коры цисса, *cissus*, или другихъ деревь. Такъ, эти чудныя проявленія,

имѣющія отъ шести до девяти футовъ въ окружности, въ цѣломъ растительномъ царствѣ не находятъ себѣ ближайшаго подобія, кромѣ класса грибовъ, въ числѣ которыхъ есть виды столь мелкіе, что едва можно примѣтить ихъ простымъ глазомъ.

ИЩУЩОСТЬ НѢКОТОРЫХЪ НАСѢКОМЫХЪ. Насѣкомыя вообще, какъ бы чувствуя свою слабость, ищутъ тѣни и тайны: они плетутъ коконы, чтобы въ нихъ спрятаться и положить свои яйца; они вырываютъ ямки, приготовляя себѣ убѣжище и какъ бы крѣпость; но нѣкоторыя изъ нихъ, по злобному инстинкту, готовятъ засады, дѣлаютъ ловушки, приготовляютъ закрытыя ямки и ждутъ, пока добыча упадетъ въ нихъ. Мы бросимъ бѣглый взглядъ на-этихъ крошечныхъ разбойниковъ, которыхъ уловки хитрее и менѣе извѣстны.

1. *Муравей-левъ*.. Знаменитѣйшее и самое жадное изъ нихъ, безъ сомнѣнія, мирмилеонъ, *myrmileon formicarius*, котораго называютъ также *formica-leo*, или муравей-левъ. Это насѣкомое, плотоядное и кровожадное, лишено орудій, необходимыхъ для того, чтобы броситься на свою добычу, сразиться и побѣдить; оно тяжело во всѣхъ своихъ движеніяхъ, не можетъ ходить иначе какъ задомъ, не умѣетъ, подобно пауку, разставлять сѣти: потому оно медленно вырываетъ круглую ямку, которой края обваливаются, и на днѣ которой оно сидитъ спрятавшись какъ мифологическій гигантъ, поджидавшій прохожихъ на пути. Часто, когда обыкновенный муравей прохаживается по краю западни, и не попадаетъ въ нее, мирмилеонъ бросаетъ на него большими своими клещами песокъ, который увлекаетъ его въ пропасть. Остовъ пожраннаго насѣкомаго разбойникъ выбрасываетъ изъ своего колодца. По этому-то признаку узнаютъ обыкновенно его западню; она бываетъ не болѣе трехъ дюймовъ въ діаметръ, и всегда окружена трупами. Удовлетворивъ такимъ образомъ своимъ потребностямъ, мирмилеонъ строитъ себѣ келью, выдерживаетъ въ ней карантинъ и выходитъ оттуда въ видѣ четырехкрылой мухи, похожей на *libellula*.

2. *Могильщикъ*, или *sepulchrophorus vespillo*: это насѣкомое

представляет подробности, не менее занимательныя, и по случаю его мы замѣтимъ одно обстоятельство, безъ-сомнѣнія известное всѣмъ нашимъ деревенскимъ читателямъ. Записные охотники до звѣриной ловли, которые всегда любить хвастать своими подвигами и секретами, поймавъ *проклятаго Ученаго*, и чтобъ поставить его въ тупикъ, обыкновенно спрашиваютъ, — куда дѣваются кости птицъ и лѣсныхъ животныхъ, что ихъ никогда не находятъ ни въ лѣсахъ, ни на полѣ, гдѣ однако жъ множество ихъ оканчиваетъ свою жизнь? Намъ нерѣдко случалось быть жертвою этого вопроса и слѣдующихъ за нимъ торжественныхъ насмѣшекъ надъ Учеными, *которые не знаютъ, куда дѣваются кости покойныхъ птицъ и зайцевъ*. Мы даже помнимъ, какъ одинъ нашъ хорошій знакомецъ, Украинскій помѣщикъ, озадачилъ знаменитаго Барона Кювье этимъ предложеніемъ: ученый естествоиспытатель, съ замѣтнымъ смущеніемъ и съ свойственнымъ остроуміемъ, отвѣчалъ ему: «Куда дѣваются кости? Я вамъ скажу, куда онѣ дѣваются: онѣ дѣваются куда-нибудь. Пойщите ихъ тамъ: навѣрное найдете:»

Охотящіеся на зайцевъ господа безспорно знаютъ много удивительныхъ вещей, но имъ, можегъ-быть, не такъ-то извѣстны обычаи маленькаго жука, котораго «проклятые Ученые» называютъ могильщикомъ. «Я не разъ замѣчалъ, говорятъ Г. Гледичъ, что мертвые кроты, лежавшіе на дернѣ, вдругъ исчезали, такъ, что не оставалось ни малѣйшихъ слѣдовъ ихъ. Мнѣ хотѣлось доискаться причины этого страннаго исчезанія. Я велѣлъ положить мертваго крота въ назначенномъ мѣстѣ. На другой день его уже не было. Я разрылъ землю и нашелъ крота дюймахъ въ трехъ глубины; подъ нимъ скрывались два настькомыхъ, черныхъ, съ двумя неправильными ломаными полосками желтаго цвѣта. Трунъ крота былъ почти еще не початъ. Я снова засыпалъ его землею. Дней черезъ шесть я опять разрылъ землю: въ землѣ было множество маленькихъ могильщичковъ, дѣтей тѣхъ супруговъ, которыхъ видѣлъ я прежде. Само собою разумѣется, что они зарыли крота для того, чтобы прокормить имъ семью свою.

«Я посадилъ четырехъ изъ новорожденныхъ могильщи-

ковъ въ стеклянный сосудъ до половины насыпанный землею и закрытый. На эту землю положилъ я двухъ мертвыхъ лягушекъ. Не прошло и полусутокъ, какъ одинъ изъ этихъ труповъ, былъ уже погребенъ. Другой зарытъ былъ на слѣдующій день. Тоже сдѣлали они и съ мертвою птичкою, которую я имъ кинулъ. Два насѣкомыя сначала вырывали землю подъ трупомъ и, когда ямка была довольно глубока, они втаскивали его туда. Сперва работала самка, но потомъ пришелъ самецъ, прогналъ ее, и самъ принялся за дѣло: онъ уложилъ тѣло въ могилу, и продолжалъ трудиться пять часовъ сряду; потомъ, влѣзъ на трупъ и какъ-будто утаптывалъ его; потомъ, какъ-бы измученный и сонный, приклонилъ головку къ тѣлу птички, и цѣлый часъ оставался безъ движенія. Наконецъ, онъ опять сошелъ въ ямку. На другой день утромъ, птичка была спущена на дюймъ; на третій день на два дюйма, а вечеромъ того же дня, она была уже погребена надлежащимъ порядкомъ. Я продолжалъ эти нетрудные опыты: въ *пятьдесятъ* дней мои четыре могильщика похоронили *сорокъ* труповъ.»

ДИКИЯ УТКИ ЗИМОЮ. Вотъ еще одно любопытное обстоятельство для охотниковъ до ловли. «Прошлой зимою я производилъ работы на одномъ замерзшемъ озерѣ въ Граествѣ Буккингамскомъ, говорить тотъ же Ученый въ одномъ Англійскомъ Журналѣ. Стая дикихъ утокъ, которая поселилась въ южной части этого озера, доставила мнѣ пріятное развлеченіе и забаву. Многіе уже говорили, что дикія утки проводятъ зиму въ озерахъ и прудахъ, которые наиболее противятся дѣйствию холода: конечно они выбираютъ озера и пруды, расположенные удобнѣе, но надобно сказать и то, что онѣ сами, своими усиліями, не даютъ водѣ замерзать. Описаніе того, что происходило передъ моими глазами, покажетъ, какъ искусны утки.

«Вся стая была раздѣлена на два отряда, одинъ дѣйствующій, другой резервный; и они смѣнялись. Дѣйствующій корпусъ спускался на воду, подплывалъ ко льду какъ можно ближе и своими быстрыми движеніями и взмахами крыльевъ содержалъ воду въ непрерывномъ волненіи. Маневры ихъ были чрезвычайно удачны: на противоположномъ кон-

ца озера ледъ былъ такъ толстъ, что поднималъ самыя тяжелыя бревна, а на томъ, гдѣ собрались дикія утки, вода, на довольно большомъ пространствѣ, совсѣмъ не замерзла. Когда работники утомлялись, они выпускали пронзительный крикъ и тотчасъ резервный корпусъ вылеталъ изъ углубленія скалъ, какъ солдаты бѣгутъ въ траншею, и съ жаромъ принимался за работу. Я замѣчалъ, что утки, спустившіяся на воду, прежде всего подплывали ко льду, ныряли и отламывали кусочки его. Замѣчательно, что ничто не могло отвлечь ихъ отъ работы: караульный часто свистѣлъ, работники хлопали въ ладоши и даже бросали въ стаю утокъ камнями; все это въ другое время тотчасъ заставило бы ихъ разлетѣться, а тутъ не производило на утомимыхъ работниковъ ни малѣйшаго впечатлѣнія. На неизмѣнной ихъ физиономіи не замѣтно было ни какого смущенія; напротивъ, онѣ какъ-будто надувались и выказывали гордость, происходящую отъ успѣшныхъ усилій. Каждый отрядъ работалъ не болѣе часа сряду; но онѣ день и ночь смѣнялись и неусыпную свою работою сохранили всю довольно суровую зиму небольшое пространство голыши.»

БАНКРОТСТВО ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТА. Знаменитый романистъ купилъ—было на берегахъ Твида, близъ Мельроза, небольшую ферму и нѣсколько сотъ акровъ земли. Почва была покрыта лѣсомъ; мало-по-малу живописныя случайности сдѣлали весьма разнообразнымъ монотонный видъ этого мѣста. Черезъ нѣсколько времени тутъ возвысился странный замокъ, съ высокими башнями, съ образчиками всѣхъ родовъ архитектуры, съ разными поразительными неправильностями, — удивительный лабиринтъ, со множествомъ любопытныхъ закоулковъ, потайныхъ дверей, съ кабинетомъ антиковъ, съ прекраснымъ звѣринцемъ, съ довольно богатою библіотекою, и имя Абботсфорда сдѣлалось извѣстнымъ во всей Европѣ. «Это была моя игрушка, мое блаженство, говорить Вальтеръ-Скоттъ; ни одна дѣвочка не одѣвала своей куклы съ такимъ стараніемъ и удовольствіемъ. Я зналъ, что мнѣ долго придется ждать исполненія моихъ обширныхъ плановъ, но я былъ терпѣливъ; и это долгое ожиданіе, эти послѣдовательныя улучшенія моего

дома, ишли для меня прелесть невыразимую.» Онъ достигъ цѣли своихъ желаній, и Абботсфордъ былъ однимъ изъ любопытнѣйшихъ зданій въ Европѣ, когда состояніе Вальтеръ-Скотта вдругъ разстроилось.

Онъ вступилъ въ торговую компанію съ книгопродавцемъ Арчибалдомъ Констеблемъ, своимъ стариннымъ прителемъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до банкротства этого торговца, секретарь Шотландскаго Банка, удивляясь, что тудъ поступаетъ такъ много векселей, данныхъ Констеблемъ и поручительствомъ Вальтеръ-Скотта, смѣкнулъ, что книгопродавецъ долженъ скоро разориться, и послалъ за Барнетомъ. — Знаете ли вы, сказалъ онъ, что Констебль даетъ множество векселей? Берегитесь, Сиръ Вальтеръ!

— Вѣрю вамъ, отвѣчалъ Вальтеръ-Скоттъ, и благодарю васъ; но Констебль былъ моимъ вѣрнымъ другомъ, когда друзей у меня было не много, и я не потерплю, чтобы онъ разорился, по недостатку нѣсколькихъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Несостоятельность Констебля ввергла Вальтеръ-Скотта въ банкротство, подробности котораго мало извѣстны публикѣ, хотя дѣлаютъ честь нашему столѣтію и во всякомъ другомъ показались бы невѣроятными; онъ впалъ въ огромные долги, простиравшіеся, на его долю, по словамъ однихъ, до семидесяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ (1,750,000 р.), а по увѣренію другихъ, до пятидесяти осьми тысячъ (1,250,000 р.). Одинъ изъ богатыхъ Англійскихъ банкировъ, изъ уваженія къ знаменитому писателю, поступилъ при эгомъ случаѣ такъ благородно, какъ только могъ бы поступить Царь: онъ прислалъ ему бланковый вексель за своею подписью, прося взять на его счетъ изъ Банка, сколько ему нужно. Вальтеръ-Скоттъ, у котораго не оставалось другаго имущества кромѣ пера, еще такъ недавно служившаго въ Европѣ символомъ нищеты, возвратилъ банковый вексель, поблагодаривъ банкира за его великодушное намѣреніе. Онъ обязался заплатить своимъ перомъ въ десять лѣтъ всю требуемую отъ него сумму съ процентами.

Онъ тотчасъ принялся за работу. Плодомъ трудовъ его были *Жизнь Бонапарта*, въ девяти томахъ, и послѣдніе его Романы, которые не безъ достоинствъ и не безъ кра-

сотъ. Дешевое изданіе его твореній съ предисловіями, почти вывело его изъ затрудненія; и еще до наступленія назначеннаго должникомъ срока, облако, которое заволокло было священныя башенки Абботсфордскія, разсыялось, и начались дни болѣе ясныя. Авторъ, банкротъ на полтора милліона и удовлетворяющій своихъ кредиторовъ авторствомъ въ такое короткое время! Ни Пошъ, ни Дидеротъ не повѣрили бы этому.

Смерть поразила Вальтеръ-Скотта тогда, когда онъ уже съ удивительнымъ мужествомъ превозмогъ это неожиданное несчастіе и въ томъ же самомъ году, въ которомъ похитила она Гёте, Кювье, Мекинтоша и Бентама. Эти свѣтила затмѣлись почти въ одно время, въ роковую эпоху, когда старинныя начала обществъ разсыпаются въ прахъ, и когда свѣтъ наиболѣе имѣлъ нужду въ этихъ свѣтилахъ!

Вальтеръ-Скоттъ былъ человекъ удивительный, не столько можетъ-быть, по превосходству одного какого нибудь качества ума, но по соединенію и блестящему употребленію разныхъ качествъ. Въ Жилбазѣ вы найдете сцены общественной жизни, болѣе тонкія и пѣжныя чѣмъ въ романахъ Вальтеръ-Скотта; въ Томъ-Джонъ болѣе правоучительнаго, болѣе драматическаго; въ Донъ-Кихотъ мысли возвышеннѣе, созданіе смѣлѣе; но никто, за исключеніемъ развѣ одного только Вольтера, не былъ одаренъ отъ Природы гениемъ болѣе плодотворнымъ и болѣе разнообразнымъ. Литературный багажъ его составляютъ пятнадцать томовъ стихотвореній и девяносто томовъ прозы. Если бы собрать всѣ его письма, они наполнили бы еще пятнадцать томовъ. Онъ былъ человекъ, истинно Европейскій, или, лучше сказать, всемірный. Бюсты его, работы Чентрея, сдѣланный изъ алебаstra, изъ обожженной глины, изъ камня, и мраморныя подражанія этому бюсту, находятся во всѣхъ частяхъ свѣта. Въ 1850 году одинъ контрабандистъ отвезъ въ Америку двѣ тысячи бюстовъ Вальтеръ-Скотта, а въ Восточную Индію полторы тысячи. Въ наше время и бюсты авторовъ составляютъ предметъ выгодной контрабанды; Вольтеръ не удостоивался этой чести!

НОВОЕ ТОЛКОВАНІЕ ДАНТА. Всѣмъ любителямъ Италіанской Словесности извѣстны усилія, какія комментаторы

Т. III. — Отд. VII. 3

разныхъ временъ употребляли для отысканія настоящаго смысла Божественной Комедіи, *La divina comedia*, Данта Аллигери. Множество темныхъ и совсѣмъ непонятныхъ мѣстъ заставляли предполагать, что въ нихъ таится сокровенный смыслъ, и Богословіе было призвано въ помощь, для ихъ объясненія. Ни одно изъ предложенныхъ толкованій не удовлетворяло строгой логикѣ, и натяжка загадочныхъ выраженій Данта къ положеніямъ Богословія заключала въ себѣ еще то неудобство, что приписывала поэту такія религіозныя мнѣнія, которыхъ не оправдывалъ ни духъ его вѣка, ни историческій его образъ мыслей. Обожатели его сочиненій рѣшились наконецъ понимать его слова, безъ всякихъ справокъ, такъ, какъ они написаны, — вмѣстѣ съ нимъ печально вздыхать о прекрасной *Беатриче*, или сокращенно, *Биче*, «дамѣ его разума», добросовѣстно разбирать тонкости «Науки любви», и тѣшиться отъ всего сердца безконечными спорами между «Государемъ Амуромъ» и «Государынею Ненавистью», между Царемъ Иерусалима и Вавилонскимъ Салтаномъ, Свѣтомъ и Антихристомъ, — словомъ, читать его какъ эротическаго писателя, подобно Боккаччіо и Петраркѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Профессоръ Розетти изъявилъ мнѣніе, что смыслъ твореній Данта можетъ быть ни богословскій, ни эротическій, а просто политическій, и навлекъ на себя колкія насмѣшки и тѣхъ, которые, по ихъ разумѣнію, совершенно его объяснили, и тѣхъ, которые не хотѣли объяснять его. Это заставило Г. Розетти предпринять обширныя разысканія и стараться проникнуть тайны политической секты Гибелиновъ, къ которой принадлежалъ поэтъ; и въ 1852 году издалъ онъ въ Лондонѣ сочиненіе свое объ этомъ предметѣ подъ заглавіемъ: *Dello spirito anti-papale etc., di Dante, Boccaccio e Petrarca. Da Gabriele Rosetti, professore della letteratura italiana al Collegio Reale di Londra*, — которое заслуживаетъ вниманіе знатоковъ Италіанской Словесности, но совершенно разочаровываетъ ихъ на счетъ красоты и занимательности древнихъ образцовыхъ писателей.

Италія въ тѣ годы терзаема была бореніями и происками двухъ политическихъ партій, Гвельфовъ, и Гибелиновъ. Первые были приверженцы неограниченнаго честолюбія

Папъ, и проповѣдывали власть его, распоряжать всеми коронами свѣта, извиняя и одобряя развратъ Римскаго Двора и Италіянскаго Духовенства. Вторые, то есть, Гибелины, питали надежду возвратить Италію подъ власть Императоровъ, съ которыми состояли они въ сношеніяхъ, и увидѣть ее опять славною, цвѣтущею, очищенною отъ соблазна и насилія прелатовъ, какъ при Августѣ или Титѣ. Говнимые приверженцами Папскаго могущества, Гвельфами, они принуждены были превратиться въ тайную секту, и создать себѣ условный языкъ, которымъ могли бы не только говорить въ присутствіи другихъ, но и писать книги о своихъ дѣлахъ, не будучи понимаемы врагами. Для означенія своихъ желаній и надеждъ, они приняли такіа слова, которыя не подвергали политическаго ихъ фанатизма ни какому подозрѣнію. Еще у Евреевъ слова «любовь» и «любовница» употреблялись въ мистическомъ смыслѣ. Аравитяне того времени сочиняли множество стиховъ, въ которыхъ тѣ же слова скрывали тайныя мнѣнія писателей, и приверженцы секты хорошо понимали ихъ мысль, тогда какъ всѣ посторонніе восхищались эротическими ихъ порывами, и были увѣрены, что дѣло идетъ о любви. Гибелины сдѣлали тоже: слово «любовь» получило у нихъ значеніе непоколебимой приверженности къ Императорамъ; «ненависть» выражала отвращеніе ихъ къ честолюбію Папъ. Г. Розетти доказываетъ что, не только Данте, но и Боккаччіо, и Петрарка ни сколько не думали о жепщинахъ, когда воспѣвали прелести Биче, Беатриче, Лауры, Фіямметты, Нины, Хлоры, и проч.; что ихъ пылкая любовная поэзія есть простая, холодная аллегорія политическихъ мнѣній; что Беатриче Данта представляетъ въ лицѣ чистой и добродѣтельной жепщины Римъ Цесарскій, а Меретриче, то есть, распутница, Римъ Папскій того времени; что всѣ красавицы, которыхъ привели мы имена, прославленныя Петраркою, Боккаччіо и другими поэтами и прозаиками изъ Гибелиновъ, изображаютъ ту же идею, какъ и Беатриче, или Биче. Г. Розетти открылъ талисманы секты, и, основываясь на нихъ, обнаруживаетъ, что слова ALTRI, TAL, и другія, которыя истожили проникательность комментаторовъ Данта, суть тоже талисманы, и состоятъ изъ пропис-

ныхъ буквѣ титула Императора Генриха VII, который долженствовалъ, по условію съ Гибелинами, овладѣть Римомъ на страстной недѣлѣ 1510 года.

Вотъ нѣкоторые изъ стиховъ Данта, гдѣ встрѣчаюся слова ALTRI, онъ, нѣкто, и TAL, такой-то, нѣкто.

..... da TAL n' è dato.

TAL ne s' offerse.....

O quanto tarda a me ch' ALTRI qui giunga!

«Нѣкто не соглашается. — Такой-то не явился. — О какъ ся выжидая той поры, когда Нѣкто сюда прійдетъ!» — Выраженія эти ясно обнаруживаютъ смыслъ вовсе не богословскій, и Г. Розетти открылъ, что первое изъ нихъ, TAL, означаетъ Teutonico Arrigo Lucemburghese (Нѣмецкій Генрихъ Луксембургскій), а второе ALTRI, соединяетъ въ себѣ начальные буквы — Arrigo Lucemburghese Teutonico Romano Imperatore (Генрихъ Луксембургскій, Нѣмецкій, Римскій Императоръ). Но вотъ, что любопытнѣе: VICE, прекрасная Биче, является въ этой дипломатической дешифровкѣ поэзіи; не идеаломъ прекрасной и нѣжной жепщины, но вензелемъ — Beata Iesu Christo, Enrico, то есть, Благословенный (Римъ) — Иисусъ Христосъ — Генрихъ, — или символъ Спасителя, благословящаго подвиговъ освободителей древней столицы Имперіи, символъ IC, поставленный между буквою В, означающею въ условномъ языкѣ Римъ, и другою буквою Е, означающею Генриха VII, который потомъ заплатилъ жизнью за связи свои съ Гибелинами и замыслы противъ Папъ. Извѣстный стихъ Божественной Комедіи, доселѣ совершенно непонятный и похоронившій на безсмысленный каламбуръ, —

Ma quella reverenza che s' indonna

Di tutto me, pur per В, e per ICE,

Mi richinava, —

«но это благоговѣніе, которымъ проникнуть я и къ В, и «къ ICE, заставило меня преклонить голову», — становится по-этому яснымъ какъ солнце: онъ значитъ — по это благоговѣніе, которымъ проникнуть я къ *Риму*, къ *Вѣрѣ Христовой* и къ Императору *Генриху*, и проч.

Г. Розетти приводитъ множество примѣровъ изъ разныхъ другихъ поэтовъ той же школы, которыхъ безъ этой

дешифровки никакъ понять не возможно, и которые въ самомъ дѣлѣ почитались неудобопонятными. По его объясненію, подъ именемъ Аптихриста и Вавилонскаго Салтана они подразумѣвали Папу; Іерусалимскій Царь представлялъ имъ идеаль Императора; всѣ добродѣтели, украшающія Дантово небо и производимыя отъ «любви» суть качества настоящихъ патріотовъ, Гибелиновъ; всѣ пороки, происходящіе отъ «ненависти», и помѣщенные поэтомъ въ адъ, суть свойства Гвельфовъ. Круги, или отдѣленія, которые придаютъ такую странность небу Данта, могутъ быть не что иное, какъ тайныя степени секты. Развертывая свою мысль, которой нельзя не назвать блистательною, Г. Розетти сдѣлалъ любопытное сближеніе воображаемыхъ обстоятельствъ жизни геронны Данта, Боккаччіо, Петрарки и другихъ Гибелинскихъ писателей. Всѣ эти женщины появляются на Страстной недѣлѣ (условленной съ Генрихомъ); всѣ повергаютъ своихъ любовниковъ въ созерцаніе (разумѣется, будущаго блаженства Рима подѣ властію Императоровъ); ихъ любовники дѣлаются тогда пильгримами (первая степень секты), предпринимаютъ отдаленныя путешествія (порученія, даваемые ся начальниками для испытанія ихъ способностей и твердости), переходятъ черезъ адъ (тогдашнее состояніе Италіи), чистилище (время искорененія закоренѣлыхъ безпорядковъ Императорами, послѣ овладѣнія Римомъ), и небо, въ которомъ еще предстоятъ имъ разныя степени; наконецъ достигаютъ они до третьяго неба, гдѣ «дама ихъ разума», Беатриче или иная, дѣлаетъ имъ выговоръ за ихъ ошибки. Потомъ, сама она превращается въ свѣтъ, Лусе, и соединяетъ съ собою своего друга, — и это значитъ, что отъ союза Христіанской Вѣры съ Императорскою властію въ столицѣ Италіи возникнетъ ея блескъ, слава и могущество, которыя озарятъ міръ, погруженный въ пороки и невѣжество. Мы не можемъ привести здѣсь болѣе подробностей остроумной теоріи Г. Розетти, и отсылаемъ любопытныхъ къ его сочиненію. *Se non è vero, è ben trovato*, — но оно весьма походитъ на правду.

ПАРИЖСКІЕ СКИЦЫ. 1. *Одна изъ маковыхъ обществъ.*
Я всегда думалъ, что во Франціи, что въ Парижѣ, живетъ

только одинъ народъ, Французы. Это написано во всѣхъ Географіяхъ: это ложь, — и безстыдная! тутъ живетъ нѣсколько совершенно различныхъ народовъ, — народъ настоящій, народъ прошедшій, народъ давно-прошедшій, народъ будущій, не считая народовъ условныхъ и сослагательныхъ. Всякой изъ нихъ имѣетъ свой особый языкъ, котораго другіе, сосѣдніе народы не понимаютъ, имѣетъ свои понятія, свою вѣру, свои законы, свою политику и даже своего царя. Всякой ведетъ войну вооруженною рукою съ своими сосѣдями. Кто вамъ сказалъ, что на свѣтѣ есть Французскій народъ, тотъ обманулъ васъ безчеловѣчно. Французовъ нѣтъ въ Природѣ: это только оптическій обманъ. Француженки — есть, но и тутъ, кажется, не безъ обмана. На томъ мѣстѣ, гдѣ на картахъ показана Франція, существуетъ теперь, въ 1853 году отъ Р. Х., нѣсколько разномысленныхъ враждебныхъ народовъ, но между ними нѣтъ ни одного Французскаго. Поправьте это въ своихъ Географіяхъ.

Здѣсь все тѣнно, и все гибнетъ всякой день. Вчерашніе нравы родились третьяго дня ввечеру, — сегодня уже умерли, и гардеробъ ихъ продается съ публичнаго торга. Тотъ, кто думаетъ по-вчерашнему, называется парикомъ, человѣкомъ безъ воображенія. Вчерашніе законы, — какой вздоръ! — сегодня въ пять часовъ по-полудни будутъ новые. А завтра что будетъ? — Богъ знаетъ! отвѣчаетъ вамъ Парижанинъ: я купилъ славное ружье.

Куда дѣвался Французскій умъ? — этотъ умъ, легкій, милый, насмѣшливый, веселый, болтливый, проникательный?... Я ищу его въ театрѣ, ищу въ Журналахъ, ищу въ Словесности: нигдѣ ни слѣда. Г. Густавъ Планшъ! вы человѣкъ умный и много пишете объ умѣ; скажите, куда дѣвался вашъ народный умъ, которымъ восхищалась вся Европа? — Умъ? Вы вѣрно спрашиваете о томъ поверхностномъ, колкомъ, Французскомъ умѣ?.... То была легкомысленность. *Nous ne sommes plus frivoles*, — мы уже не легкомысленны: мы основательны. — Вы говорите такъ, Г. Густавъ Планшъ? Это, съ позволенія вашего, тоже легкомысленность: вы сдѣлались скучными, и называете себя основательными. Прочитайте еще разъ статью, которою вчера высокомерно увѣряли вы весь свѣтъ въ нынѣшней Фран-

цузской основательности и важности, и даже страдали ими Европу, и признайте сами, не есть ли она лучшее доказательство легкомысленности!

Вчера на дворъ былъ дождь: всѣ сидѣли дома, и со скуки бранили Англичанъ. Сегодня прекрасная погода: всѣ нарядились по-Англійски, всѣ, — люди, вещи, Журналы, Драмы, законы, понятія, — и корчатъ вчерашнюю Англію. Г. Гозланъ, говорить, пишетъ статью о самобытной оригинальности «юной Франціи», которая, спрятавшись за угломъ улицы, штукатуритъ румянами свои преждевременныя морщины. Скоро жъ истощила она свою молодость!

Одна только черта Французскаго характера никогда не старѣется, — это неодолимая склонность къ параду, напыщенности, представленію, — *la représentation*. Все для наружности: каждый старается изумлять другихъ своею почти офиціальною важностію. Вчера я заказалъ одному молодому живописцу сдѣлать мою миниатюру: онъ, клянусь вамъ, писалъ ее такъ величаво, какъ-будто отдавалъ приказанія по государственному управленію: — *l'art est un ministère, un ministère sacré, monsieur!*

Глядя на это общество, я не могу дать вамъ точнѣйшаго объ немъ понятія, какъ сравнивъ его съ тѣломъ, въ которомъ вывихнуты всѣ суставы и котораго всѣ члены не на мѣстѣ. Раздраженіе нарисовано на всѣхъ лицахъ судорожными чертами. Всякъ раздраженъ, — и знаетъ противъ кого. Все общество раздражено, и, бѣдное, не можетъ сказать, ни на кого, ни за что оно сердится.

Страсть къ равенству мучить это общество, и отравляетъ его жизнь, его занятія, его наслажденія. Она не происходитъ отъ чувства личной независимости или личнаго достоинства: нѣтъ, это попросту безпокойная и омерзительная зависть, нетерпящая, чтобы кто-нибудь стоялъ выше насъ. Оттуда эта непрерывная перемежка наглости и раболѣпства. Въ слѣдствіе этого умственного недуга, ни какой человѣкъ на мѣстѣ не можетъ пользоваться честнымъ именемъ, и каждый человѣкъ въ силѣ, какой бы нравственности онъ ни былъ, привлекаетъ въ свои пріемныя залы рои льстецовъ и искателей.

Чтобъ видѣть Настоящихъ, я былъ на балѣ, chez une des sommités du jour, — у одной изъ мажорныхъ текущего времени. Хозяинъ человекъ въ большой славѣ и силѣ. Нѣтъ ничего забавнѣе этой герцогской пышности палаты, заставленной быть свидѣтельницами целомковости мѣщанскихъ его пріемовъ. Посланники и Депутаты играютъ первую роль. Во всемъ собраніи нѣтъ двухъ лицъ, въ которыхъ бы выражалось одно и то же мнѣніе: всякой, кажется, презираетъ или ненавидитъ другаго, старается замѣшаться въ толпъ, чтобъ никто его не примѣтилъ, и течетъ вмѣстѣ съ толпою изъ комнаты въ комнату, не обращая вниманія на хозяина. Хотите ли его увидѣть? — посмотрите въ углубленіе котораго-нибудь окошка: тамъ стоятъ двѣ фигуры; одна держится прямо, другая низехонько кланяется; одна изъ нихъ могущественный хозяинъ, другая покорный провинціалъ, который пріѣхалъ въ столицу выхлопотать себѣ мѣстечко. Безъ мѣстечка нельзя быть порядочнымъ человекомъ: въ странѣ, гдѣ имѣнія такъ малы и покровительства такъ много значатъ, казенное мѣсто считается почти наслѣдствомъ, которое рано или поздно не должно миновать васъ.

Всѣ средства для достиженія мѣста равно хороши въ общемъ образѣ мыслей. Одинъ говоритъ: Я получу его за полезное, которое сдѣлалъ. Другой: Я получу за вредъ, который могу сдѣлать. Каждый безнаказанно въ правѣ сказать о своемъ сосѣдѣ: C'est un homme sans principes, — это человекъ безъ правилъ, — и слова его никого не поражаютъ, ежели только самъ онъ не подастъ собою случая къ осмѣянію его — pour en avoir trop, — за то, что онъ ужъ черезъ чуръ твердъ въ правилахъ.

Эти балы, эти вечера нужны только для провинціаловъ. Правительства такъ часто здѣсь мѣнялись и мѣняются, что три четверти жителей вовсе не заботятся объ ихъ духѣ и образѣ дѣйствія; но тѣ, которые читаютъ Парижскія газеты внѣ Парижа, не повѣряютъ существованію новаго правленія, пока сами не увидятъ его въ лицѣ, пока ему не представятся, не потолкуютъ съ нимъ о погодѣ, не засвидѣтельствуютъ ему своего почтенія. Порядочный провинціалъ непременно ѣдетъ въ столицу, чтобъ раскланяться

съ правительствомъ, — приче́мъ, може́тъ, уда́тся подмахну́ть мѣстечко́ одного́ изъ прі́ятелей. И тогда́, какъ Французы серьёзно утверждаю́тъ вамъ, что стари́нное правленіе (l'ancien régime) противно ны́нѣшнимъ нрава́мъ, они и по сѹ пору живу́тъ подѣ деспотизмомъ улыбокъ XVIII вѣ́ка. Они ругаю́тъ на ули́цѣ люде́й въ случа́хъ, потому́ только что эти люди́ возвыси́лись, и роняю́тъ шляпы́ въ грязь, чтобѣ поклониться́ временщи́ку, который кивну́лъ имъ головою́ проѣ́здомъ.

Г. Гизо, — потому́ что у него-то́ былъ я на ба́лѣ, — низокъ́ ростомъ, худо́щавъ, лице́ черное́, истоще́нное физически́ и нравственнó, голосо́ звонкі́й, пріе́мы учительскі́е. Онѣ́ принимае́тъ у себѣ́ гостей́ словно́ какъ соде́ржатель пансіона́, отпу́стивші́й учениковъ́ своихъ́ домой́ въ Воскресе́нье. Но онѣ́ ми́лъ и уме́нъ въ бесе́дѣ, и рѣши́тельно подае́тъ о себѣ́ понятіе́ челове́ка съ дарова́ніемъ. О ми́нистерскихъ́ его до́стоинствахъ́ я суди́ть не смѣю́.

2. *Карли́стъ.* Для оригина́льности́ портре́та должнó взять́ молодого́ карли́ста: ча́сто нельзѣ́ не ува́жать благо́родства́ его́ чувствъ́, но въ́ своихъ́ правахъ́ онѣ́ такъ́ же смѣшнó, какъ́ и его́ противни́ки. Молодой́ карли́стъ́ нѣкогда́ не быва́лъ во́ дворцѣ́ при́ Карлѣ́ X: онѣ́ сдѣ́лался́ его́ приверженце́мъ послѣ́ его́ паде́нія, но онѣ́ тоже́ противни́къ стари́ннаго́ правленія́. Онѣ́ же́нать, живу́тъ уедине́нно въ́ своемъ́ оте́лѣ́ и посѣща́етъ́ только́ родныхъ́. Раздраже́ніе́ парті́й, котора́го нельзѣ́ себѣ́ даже́ предста́вить, не́ выдавши́ собственными́ глаза́ми, лиши́ло его́ соо́бще́нія́ съ́ людьми́ и искривило́ понятія́: всео́бщая́ балоти́ровка, le vote universel, сдѣ́лалась́ у него́ мысли́ю, необходи́мою́ для́ сна́ и пищева́ренія́. Большую́ часть́ дня́ сиди́тъ онѣ́ въ́ своемъ́ кабинете́, въ́ халатѣ́ съ́ бѣлы́ми и зеле́ными́ полоса́ми; передѣ́ нимъ́ ле́житъ́ Gazette de Francé и нѣ́ско́лько́ карикату́ръ на ны́нѣшнее́ правитель́ство. Алжи́рскій́ ятага́нъ и портре́тъ Генрика́ V су́тъ необходи́мое укра́шеніе́ стѣ́нъ́ этого́ убо́жища. Же́на у́ него́ молодая́ и хороше́нькая. Она́ раздѣ́ляетъ́ весь́ родъ́ челове́ческій, мужчи́нъ и женщи́нъ, лакее́въ и горничныхъ́, на bien-pensanś и mal-pensanś, — благопрі́ятствую́щихъ́ и неблагопрі́ятствую́щихъ́ ихъ́ надежда́мъ. Ихъ́ паня́

страшаетъ ребенка «толстымъ трубочистомъ, который теперь сидитъ въ Тюльери.»

Мой пріятель, Графъ Д*** есть подлинный типъ молодого карлиста. Онъ не ѣздитъ ко Двору, «чтобъ не попасть въ дурное общество», и на прошедшей недѣлѣ просилъ меня «представить» его одному книгопродавцу, у котораго я бываю.

3. *Человѣкъ стариннаго правленія.* Милостивый государь мой, все это негодяи! Мы скоро сладимъ съ ними: два аршина веревки приведутъ все въ прежнее состояніе. За этими лавочниками теперь для порядочнаго человѣка нѣтъ забавы. Посмотрите, что теперь за женщины, что за актрисы!.... Куртизаны стали рѣже самыхъ мамонтовъ. Если бъ вы знали, сударь, напримѣръ хоть мамзель-Адали: то-то была женщина! Держала карету, имѣла дачу!.... Забраться къ ней на вечеръ было труднѣе, чѣмъ получить приглашеніе на балъ у Королевы. Я самъ помню, что у Герцога Субизъ было семь фигурантокъ, по числу дней въ недѣлѣ. Онъ не могъ всѣмъ имъ дать столько денегъ, чтобъ онъ исключительно ему принадлежали: по условію съ нимъ, онъ были въ правѣ заводить постороннія связи, но только съ коренными дворянами. А теперь что?.... Все это должно кончиться!

— Маркизь, вы не будете сегодня у Графа Д***?

— Нѣтъ!.... Признаюсь вамъ, что я съ нимъ не вижусь, хотя онъ мнѣ племянникъ. Онъ признаетъ своимъ Королемъ Генриха! Во Франціи царствуетъ теперь Карлъ X....

— А Виконтъ де Г***?... Здоровъ ли онъ? Я давно его не вижу.

— Я тоже. Онъ утверждаетъ, что во Франціи царствуетъ теперь Лудовикъ XIX.

4. *Республиканецъ.* Это лице не смѣшное, а отвратительное. О нравахъ этого народа я не скажу ни слова.

5. *Герцогиня время Имперіи.* Вотъ подлинно одна изъ самыхъ странныхъ чертъ здѣшняго общества: книгопродавецъ представилъ меня въ домъ Герцогини Двора Наполеона! Она живетъ въ монастырѣ. Мы вошли по узкой лѣстницѣ, — потомъ направо, — и очутились въ двухъ небольшихъ, но прекрасныхъ комнатахъ. Наемъ обширнѣйшей

квартиры, быть-можетъ, отложенъ до втораго изданія «Записокъ Герцогини д'Абрантесъ.»

Около двадцати человѣкъ гостей толпилось въ пріемной; — настоящая мозаика именъ и званій, въ которой недоставало только одного и самаго важнаго куска, — моего пріятеля и проводника. Тутъ Наполеоновскій генераль; тамъ именъ Института; древняя красавица временъ Директоріи, уставляющая сладкіе глазки на молодого поэта; модный Франтъ съ бородою и испанскимъ галстукомъ, занятый важнымъ чувствительнымъ разговоромъ съ одною сочинительницею, *femme de lettres*, безсмертнѣйшею своими подвигами нежели твореніями. Въ этомъ кругу мой книгопродавецъ вдругъ выросъ на три вершка выше: онъ тутъ нашелъ съ юджины авторовъ, и такихъ, которые пишутъ книги и не подписываютъ имени, и такихъ, которые не пишутъ книгъ, но подписываютъ на нихъ свое имя, — принялъ видъ и жанку Мецената, и сталъ окидывать ихъ хозяйскимъ взоромъ, точно какъ свою лавку.

La librairie est une aristocratie de l'époque. Книгопродавецъ, предприимчивый и въ славъ представляетъ теперь въ Парижѣ лице гораздо значительнѣйшее, нежели какъ Іеръ Франціи.

Госпожа д'Абрантесъ маленькая женщина, ни худа, ни толста, а въ самую пору. Лице ея никогда не могло быть нило или красиво, но оно и по сіе время заодно, оригинально и сладострастно. Черные глаза ея еще горятъ огнемъ; рудъ полна и гладка какъ атласъ, хотя уже ей лѣтъ крѣпко за пятьдесятъ. Сообразивъ все сіе надлежащимъ образомъ, легко можно отдать себѣ отчетъ, какимъ чудомъ, несмотря на румяны, морщины и нѣкій отпечатокъ старости вокругъ устъ, года три тому, не болѣе, Г. Бальзакъ могъ быть счастливымъ ея обожателемъ, и почему еще и въ эту минуту есть искатели подобной чести.

Тонъ ея отрывистъ, немножко рѣзокъ и грубоватъ, — тонъ точной середины между тономъ маркизантки и фельдмаршалши; но она очень умна, жива, весела, и исполнена той пылкости въ бесѣдѣ, которая тотчасъ разшевелитъ наше воображеніе и вовлечетъ васъ въ безконечную болтовню.

6. *Писатель юной школы.* Я былъ у моего пріятеля, книгопродавца Г***, на званомъ вечерѣ. Очень любопытно видѣть этихъ господъ дома: они рѣшительно считаютъ себя аристократами. «Пройграть 200 или 300 франковъ въ одинъ вечеръ, для меня все равно!» сказалъ мнѣ хозяинъ кичливо и съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. Но такой теперѣ духъ у всей купеческой молодежи: вмѣсто одного какого-нибудь Шуазеля, общество угнетено сотнею мелкихъ баръ, гордыхъ, тщеславныхъ, грязныхъ, и перѣдко столь же нищихъ, какъ и эмигранты Лудовика XVIII.

Тутъ былъ и Жюль-Жаненъ, котораго давно желалъ я видѣть. Это молодой человекъ лѣтъ тридцати, малый, толстый, черноволосый, съ лицомъ полнымъ, лоснящагося оливковаго цвѣта, довольно пріятнымъ; тонъ его совершенно пошлый, фізіономія представляетъ что-то Италіянское. Говоря, онъ ужасно размахиваетъ руками. Онъ имѣетъ отъ своихъ статей 40,000 франковъ дохода, и состоитъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ мамзель-Жоржъ, которая имъ управляетъ. Его обвиняютъ въ недостаткѣ всякихъ правилъ, и въ писаніи статей для доктринеровъ, карлистовъ и республиканцевъ. Поэтому-то онъ безпрестанно и жалуется на отсутствіе правилъ во Франціи. Я примѣтилъ, что онъ часто сбивался съ одного мнѣнія на другое, и сообщилъ о томъ моему сосѣду. Тотъ отвѣчалъ мнѣ хладнокровно: — Да! это правда! У бѣднаго Жанена нѣтъ совѣсти: но онъ не виноватъ въ этомъ; онъ родился безъ совѣсти, точно такъ, какъ иные родятся безъ носа или безъ руки.... Mais c'est une naissance! «но онъ державенъ!»

Господи! до какой степени нравственнаго униженія должно низойти общество, чтобъ подобный человекъ считался въ немъ державнымъ!

ВЫСТАВКА ИЗЯЩНЫХЪ ХУДОЖЕСТВЪ ВЪ ПАРИЖѢ. Вниманіе Парижской публики поглощено теперь любопытнымъ и разнообразнымъ зрѣлищемъ художественныхъ произведеній, выставленныхъ въ Лувръ. Журналы только и толкуютъ что овыставкѣ. Но чѣмъ болѣе они толкуютъ, тѣмъ менѣе знаешь о чемъ. Съ нѣкотораго времени общественное мнѣніе во Франціи взрыто и расхищено дерзкими обо всемъ

сужденіями именно того класса, который тамъ называется «артистами», скромно именуя себя обладателемъ всего народнаго разума, первымъ и важнѣйшимъ классомъ общества. Во время выставокъ этотъ классъ совершенно заглушаетъ голосъ публики, и самъ себя раздаетъ похвалы, самъ домашнимъ образомъ раздѣляетъ славу и безсмертіе между своихъ сочленовъ. Народное тщеславіе, всегда почти безсовѣстное и наглое, раздуваетъ этотъ огромный костеръ высокопарныхъ и горючихъ эпитетовъ, снесенныхъ изъ вѣтъ мастерскихъ и чердаковъ, и сваленныхъ общими силами въ груды; пламя хвалы страшно пылаетъ на всю Европу, и зависть сожигаетъ въ немъ, въ честь несравненнымъ Парижскимъ «артистамъ», всякую иностранную заслугу. Знаменитый Англійскій живописецъ Лоренсъ (Lawrence), гдѣ нѣсколько тому назадъ, прислалъ-было въ Парижъ дѣятокъ своихъ работъ, которыя, разумѣется, затмили весь наборъ Парижскихъ ше-д'ёвровъ: Журналы, набиваемые статейками тѣхъ же артистовъ, сказали, что это — дрянь!

Слышали ли когда-нибудь о великомъ живописцѣ, Г-нѣ Энгрѣ (Ingres)? Наши художники, бывшіе въ Парижѣ, едва знаютъ его по имени. Но спросите у Парижскихъ Журналовъ, и они вамъ скажутъ, что это первый живописецъ въ мірѣ. Нѣтъ такого выпренняго прилагательнаго въ Словарѣ Французской Академіи, который бы не шелъ къ лицу его «непомѣрному, невѣроятному» генію. А Г. Павелъ Деларошъ?.... Г. Павелъ Деларошъ по сю пору былъ извѣстенъ только своимъ сумасбродствомъ въ живописи, — тѣмъ, что онъ такъ сочинялъ картины, какъ Г. Викторъ Гюгё сочиняетъ Драмы; такъ пестрилъ и терзалъ на поютнѣ подобранную въ грязи идею, какъ Г. Фёльдъ или Г. Балзакъ пестритъ и терзаетъ несчастную мысль на бумагѣ; такъ проповѣдовалъ неистовый родъ въ Художествахъ, какъ весь приходъ юныхъ авторовъ проповѣдуетъ его въ Словесности. Но вотъ и Г. Деларошъ первый живописецъ въ мірѣ! — первый, несмотря на то, что подлѣ него есть еще дюжина другихъ первыхъ живописцевъ, не болѣе его извѣстныхъ міру! Я однако жъ ошибся: онъ первый живописецъ не въ мірѣ, но своего вѣка: это гораздо пестнѣе. Журналъ *L'Artiste* объяснитъ вамъ, почему такъ

должно называть Г. Делароша: — онъ постигъ свой вѣкъ. Какъ бы не такъ! вѣкъ обожаетъ отвратительное, — Г. Деларошъ пишетъ отвратительное; вѣкъ любить смѣсь милаго съ мерзкимъ, — Г. Деларошъ въ одинъ мигъ намѣщаетъ ему блюдо того и другаго; вѣкъ безъ памяти отъ палачей, — Г. Деларошъ не прочь и отъ этого: онъ дастъ ему палачей, плахъ, крови, сколько угодно. Онъ растеръ духъ вѣка на камнѣ, съ деревяннымъ масломъ, положилъ на его палитру, и пишетъ картины духомъ своего вѣка. Вотъ, почему написалъ онъ на сей 34 годъ своего вѣка, одинъ изъ умнѣйшихъ годовъ въ цѣломъ столѣтїи, картину *Иоанна Грей и ея палачъ*: слѣдственно, онъ первый его живописецъ, и вѣкъ долженъ преклонить передъ нимъ колѣни.

Эти замѣчанія относятся только къ духу Художественной Критики во Франціи, а не къ достоинству выставленныхъ теперь въ Лувръ произведеній. Не нужно и говорить, что мы не судимъ, не можемъ и не думаемъ судить о твореніяхъ, которыхъ не видали. Между ними есть безсомнѣнія и весьма примѣчательныя, но легко можетъ-статься, что самое большое количество таланта содержится не въ тѣхъ, которыя Журналы, по обыкновенію преданные въ руки партій, выдаютъ за образцовыя. Мы скажемъ нѣсколько словъ, по тѣмъ же Журналамъ, объ отличнѣйшихъ сюжетахъ этой выставки, отнюдь не ручаясь въ ихъ превосходствѣ, и не унижая легкомысленно ихъ предполагаемаго достоинства.

Мученіе Св. Симфорїана, безподобная, чудесная картина Г-на Энгра: но она не для публики, и привлекаетъ мало зрителей. Колоритъ тусклый, подробности оставлены безъ вниманія, несметное множество головъ отъ перваго плана до самаго послѣдняго, — за всѣмъ тѣмъ, это «образцовое произведеніе во всѣхъ отношеніяхъ». Подъ этимъ «тусклымъ и матовымъ» колоритомъ сидитъ высочайшій гений. Все, что можно сказать о Рафаэлѣ, Микель-Анджело и Тиціанѣ, уже сказано въ Журналахъ объ этой картинѣ, и предметъ еще не исчерпанъ: общають хвалить болѣе.

Иоанна Грей, красавица лѣтъ семнадцати, невинность и добродѣтель въ лицѣ ангела или кроткой женщины, при-

несенная Королевою Маріею въ жертву своему властолюбію, и которой вся вина заключалась въ томъ, что, злополучная, противъ собственной воли, была пятнадцать дней на Англійскомъ престолѣ, — эта Іоанна Грей на эшафотѣ; эшафотъ покрытъ чернымъ сукномъ, подлѣ Іоанны палачъ съ топоромъ, и священникъ съ Распятіемъ, вокругъ нихъ народъ, — вотъ содержаніе картины Г. Делароша, для которой нѣтъ достаточныхъ похвалъ ни въ какомъ языкѣ; она выше всего, хотя, кажется, ниже многого другаго: напри-
миръ, она ниже картины — хоть-бы и Г. Энгра, по сознанію тѣхъ же похвальщиковъ. Мы никакъ не могли добиться въ этомъ изверженіи эпитетовъ, который именно, Г. Энгръ или Деларошъ, первый живописецъ въ мірѣ, и не знаемъ даже, какую минуту избралъ авторъ Іоанны для изображаемаго дѣйствія. Не ту ли, когда палачъ проситъ у благородной жертвы своей простить ему злодѣяніе, которое долженъ онъ совершить надъ ея головою? Мы бы такъ полагали, но Журналы говорятъ, что въ этой картинѣ явился имъ «весь» авторъ картинъ *Дити Эдуарда* и *Кромвель*: «тотъ же вкусъ въ выборѣ предмета,» говоритъ *L'Artiste*, «та же гармонія красокъ, тѣ же могущество и тонкость кисти, то же драматическое распредѣленіе фигуръ. Костюмъ палача дышитъ удивительною простотою и истинною.» Тотъ же вкусъ въ выборѣ предмета! Стало быть, здѣсь рубать головы? Вѣроятно, такъ: Г. Деларошъ понималъ нашъ вѣкъ непостижимымъ образомъ, и знаетъ, что ему нужно: — нашъ вѣкъ не можетъ жить безъ сильныхъ, потрясеній души, — даромъ, что онъ уже находитъ кофе слишкомъ крѣпкимъ для своихъ первовъ напиткомъ!

Г. Деларошъ выставилъ еще *Галилея*, котораго тоже очень хвалятъ: Галилей, увѣряютъ насъ Парижскіе Журналы, есть любимая мечта нашего вѣка. Сверхъ-того онъ выставилъ *Св. Амелію*, которую писалъ по заказу: тутъ ужъ не извѣстно, какой вѣкъ заказалъ у него эту картину: ежели нынѣшній, то стоило бъ сказать напрямикъ нынѣшнему вѣку, что онъ не понимаетъ самого себя.

Г. Декапъ (Desamps), также первый живописецъ въ мірѣ: энтузіасты говорятъ объ немъ, что онъ «комористъ, равный Рубенсу и Рембранту, и второй Сальваторъ Роза вразсуж-

деніи воображенія». Это только на первый случай: подробныя похвалы еще впереди. По сую пору мы знаемъ только, что онъ написалъ для выставки картину, — да какую картину! — *Марій въ сраженіи съ Кимврами*.

Тутъ уже мы не въ силахъ вытерпѣть, чтобъ не дать нашимъ читателямъ понятія о томъ, чего стоятъ эти возгласы. Картина перваго живописца въ мірѣ, Г-на Деканъ, сколько мы можемъ заключать изъ ея содержанія, извѣстнаго намъ изъ другихъ источниковъ, есть верхъ живописнаго дурачества. На полотнѣ малаго размѣра художникъ умѣстилъ два, три, можетъ, четыре милліона микроскопическихъ Кимвровъ, и три или четыре милліона крошечныхъ Римлянъ. Придвинувъ глаза къ картинѣ, вы видите сраженіе двухъ армій; отойдите подальше, и она кажется вамъ пейзажемъ съ безконечною перспективою: Кимвры и Римляне превратились въ деревья, поля, овраги, горы, пропасти, ущелія. Мистификація, достойная шарлатанства, а не Художества!

Смерть Пуссена, картина Гранета, заслужила слѣдующій скромный отзывъ: «никогда еще ни одинъ въ свѣтѣ живописецъ не соединялъ столько чудесъ иллюзіи и свѣта, не достигалъ до той высоты чувства. Смерть Пуссена не должна бояться сравненія ни съ какими картинами: она восторжествуетъ надъ всеми ими». Прощай *Преображеніе Господне!* Прощай, *Аѳинская школа!*... Но Гранетъ хорошій второстепенный живописецъ, и его твореніе конечно не безъ достоинства. Онъ написалъ еще *Плынаго Веръ-вера*.

Мы пропускаемъ всѣ произведенія новой Французской кисти, которыя получили одобреніе, отзывающееся снисходительностью или условное.

Горацій Верпетъ не стоитъ въ числѣ первохвалимыхъ: онъ прислалъ — *Аравитяне, слушающіе разскащика*. Альфредъ и Тони Жоанно явились съ нѣсколькими неокончанными работами. Руссо, хорошій пейзажистъ, представилъ нѣсколько «волшебныхъ» картинокъ, равно какъ Евгений Деларошъ, котораго всякое сочиненіе — *chef-d'oeuvre*; но одинъ изъ этихъ ше-д'ёвровъ былъ такого содержанія, что даже Коммиссія Присяжныхъ не позволила показывать его нашему взку. Ужасный крикъ на Коммиссію!

Архитектура очень слаба. Скульптура также. Такъ называлъ намъ самъ энтузіазмъ.

Сверхъ всего этого отличаются еще картины *Искушеніе Св. Антонія*, картина Брюна, и *Сраженіе Архангела Михаила съ сатаною*, скульптурный группъ Дюсенъера.

Непростительно было бы окончить извѣстіе о Парижской выставкѣ, не присоединивъ къ нему двухъ или трехъ выписокъ, заключающихъ въ себѣ весьма любопытныя свѣдѣнія объ одномъ пребогатомъ путешественникѣ. I. *Revue de Paris*: «Иностранцы похищаютъ у насъ самыя прекрасныя картины. Возьмите печатный списокъ выставки, и читайте: кому принадлежитъ Деларошева Іоанна Грей? — Г. Д—ову; кому Смерть Пусена? — Г. Д—ову; кому военная картина и *Ристаніе къ башнѣ Лама*? — Г. Д—ову, и прочая, и прочая, и прочая. Полно, полно: насъ, пожалуй еще обвинять въ томъ, будто мы вознамѣрились Г-на Д—ова прославить Маркизомъ Караба нынѣшней выставки.» — 2. *L'Artiste*: «Имя Г. Д—ова каждый день пріобрѣтаетъ болѣе правъ на признательность Французскихъ артистовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ этотъ благородный иноземный вельможа поселился между нами, онъ уже составилъ себѣ галерею изъ нашихъ произведеній, которая скоро будетъ самая богатая и замѣчательнѣйшая въ Европѣ. Онъ уже купилъ Іоанну Грей Делароша и картину Дедрѣ, и еще намѣренъ купить многія другія. Не имѣя счастья быть соотечественниками Г. Д—ова, понадѣмся по крайней мѣрѣ, что этотъ отличный любитель Художествъ поселится между нами, и что превосходныя творенія Французской кисти не будутъ потеряны для Франціи.» — 3. *Un vieux livre*: «У одного Греческаго философа на западнѣ, въ которую клалъ онъ для приманки поджаренный кусокъ сала, было написано по-Гречески: *c'est comme ça qu'on attrape les sougis....* Извините! записался! — это не относится къ Парижской выставкѣ.

Карлъ Брюмловъ тоже пріѣхалъ въ Парижъ, съ своею картиною *Послѣдній день Помпеи*. Онъ выставилъ ее въ Лувръ. Что, думаете вы, находимъ мы въ тамошнихъ Журналахъ вразсужденіи этого геніальнаго плода могуществен-

ной кисти, приведшаго въ восторгъ, въ изступленіе, въ сладостный трепетъ всю Италію? Мы находимъ — Разругали! Разругали впрахъ! — даже бранять публику, если она останавливается передъ нею. Карлъ Павловичъ, помните, что вамъ вздумалось везти прекрасное свое твореніе въ Парижъ, и искать ему цѣнителей въ народѣ, для котораго высокая музыка и высокая живопись были всегда загадкою? И когда уже вы пріѣхали, когда вошли въ Лувръ и увидѣли Гранетову Смерть Пуссена, — вы, безъ-сомнѣнія, остановились передъ нею! — какъ въ ту же минуту не свернули вы своей великолѣпной картины, и не ушли съ нею въ Италію, не оглядываясь? Этотъ великій Пуссенъ! этотъ добрый, бѣдный Пуссенъ! онъ, изъ естественнаго соучастія генія къ генію, нарочно воскресъ подъ кистью Гранета, и сталъ въ Лувръ на вашемъ пути, желая напомнить вамъ собою о томъ, что васъ здѣсь ожидаетъ. Онъ два раза въ жизни уходилъ въ Римъ отъ вкуса своихъ земляковъ къ живописи и отъ справедливости Парижскихъ «артистовъ»: къ нему писали Ришельё и самъ Король; — а вы поѣхали туда незванные, изъ потьхи! Подъѣмъ вамъ, подъѣмъ!

Но, следуя внимательно за движеніемъ статей о выставкѣ, нельзя не отгадать тайны этого рева похвалъ въ честь Парижскихъ живописцевъ, особенно въ пользу Г-на Энгра. Зависть, низкая, хотя надѣвшая личину патріотизма, причиною всего шума. Общій заговоръ мѣстныхъ «артистовъ», котораго даже не стараются прикрыть приличіемъ секрета, составилъ противъ Карла Брюллова, слава котораго опередила въ Парижъ, и, чтобъ унижить Русскаго художника, чтобъ отвлечь публику отъ его картины, они дали себѣ слово прокричать, возвеличить, обоготворить Г. Энгра, передразнивая для этого всѣ изъявленія энтузіазма, который нашъ великій художникъ возбудилъ въ Италіи. Жалкое подражательство въ этомъ отношеніи дошло до того, что стали писать Оды къ картинѣ Г. Энгра, какъ въ Италіи писали ихъ къ «Последнему дню Помпеи», — чего никогда не бывало во Франціи. *Provera umanità!*....

Г. Штейбенъ сдѣлалъ картину для одного плафона въ

Дувръ, изображающую Генриха IV послѣ сраженія при Иври. Онъ испыталъ отъ Парижской Критики ту же судьбу, какъ и Брюлловъ, и по тому же поводу, — что онъ Русской.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. Michel Perrin, *Мишель Перренъ*, Водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. Мишель Перренъ, говорятъ, самая миленькая маленькая драма, какую видѣть только можно. Эта драма пришла въ голову одной очень умной женщины, Г-жѣ Бавръ, которая сдѣлала изъ нея Повѣсть, а Гг. Мелезвиль и Дювержье сдѣлали изъ этой Повѣсти презабавную Комедію. Вотъ содержаніе.

Мишель Перренъ добрый Нормандскій священникъ, котораго революція выгнала изъ его прихода. Бѣднякъ, пріѣзжаетъ въ Парижъ въ то время, какъ Бонапарте дѣлается Первымъ Консуломъ. У Мишеля Перрена есть хорошенькая племянница, Тереза, а у хорошенькой племянницы женихъ Бернаръ. Они принимаютъ дядю съ отверзтыми объятіями, и всѣ трое счастливы; но съ ними скоро поселился незваный гость, — нищета. Именно въ это утро, за завтракомъ, Мишель замѣчаетъ, что у Терезы нѣтъ ея золотого крестика: крестикъ въ закладѣ. Нечего дѣлать: Перренъ рѣшается просить мѣста у Фуше, Министра Полиціи, стараго своего товарища по семинаріи. Фуше принимаетъ его весьма хорошо и рекомендуетъ начальнику Полиціи, Демаре, который говоритъ Перрену: Вы будете получать по 20 фр. въ день: за это вы должны гулять по публичнымъ садамъ, обѣдать въ лучшихъ рестораціяхъ и всякой вечеръ приходить ко мнѣ «разговаривать». Вы можете вообразить, что это мѣсто Перрену нравится. Въ тотъ же вечеръ онъ отправляется съ Бернаромъ и Терезою въ гостиницу Свнне Часы. Случилось такъ, что тамъ же собрались какіе то молодые люди, которые дѣлали заговоръ противъ жизни Перваго Консула, считая его единственнымъ препятствіемъ возвращенію Бурбоновъ. Бернаръ пріятель съ главою этихъ заговорщиковъ, и его почти противъ воли замѣшиваютъ въ это дѣло. Между тѣмъ Мишель Перренъ всякой вечеръ ходитъ къ Демаре, и тотъ его спрашиваетъ.

Мишель, снроста, рассказываетъ ему все, что видѣлъ и

слышалъ. Заговорщиковъ берутъ подъ стражу. Увидѣвъ Перрена въ Полицію, заговорщики съ ужасомъ отъ него удаляются, но Мишель подаетъ имъ руку, увѣщаетъ ихъ, умоляетъ оставить свое жестокое намѣреніе: — Убить чело-вѣка! какъ вамъ не грѣхъ! Потомъ онъ отворяетъ потаен-ную дверь и выпускаетъ ихъ. Между-тѣмъ Демаре при-ходитъ и спрашиваетъ, гдѣ заговорщики. Тутъ только чест-ный и добродѣтельный священникъ извѣщается, что онъ былъ шпиономъ Г-на Фуше. Можно вообразить его отчаяніе! Узнавъ, что преступники выпущены Перреномъ, Демаре бѣсится; но скоро приходитъ Фуше, исправляетъ ошибку своего стараго товарища, и отправляетъ его обратно въ Нор-мандію.

2. *Les liaisons dangereuses*, *Опасныя связи*, Водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, Гг. Ансело и Ксентина. Г. Ансело помѣшался на маркизахъ XVIII вѣка, и выходитъ уже изъ всякихъ границъ благопристойности. Эта драма, изволите видѣть, не новая драма, а старинный Романъ прошлаго вѣка. Вы приходите въ театръ и воображаете себѣ, что услышите или увидите новую драму: ничего не бывало! Зана-вѣсъ подымается, и нѣсколько актеровъ и актрисъ читаютъ вамъ общими силами книгу, — книгу, которой публика уже не читаетъ, или, по крайней мѣрѣ, читаетъ по-тихоньку. Но дѣло не въ Водевиль и не въ Г. Ансело, а въ томъ, что вы должны непременно прочесть со вниманіемъ, — со всевозможнымъ вниманіемъ, — нижеслѣдующее. Мы сказали — актеры читаютъ, то есть, пересказываютъ, книгу. И какую книгу! Книгу, которая испугала своею безнравственностію дряхлѣющій осьмнадцатый вѣкъ, — а онъ и смолода былъ не трусливъ: подъ старость, и давно! Этотъ Романъ явился послѣ Г-жи Помпадуръ, послѣ Вольтеровой Дѣвственницы, послѣ Романовъ Кребильона-сына, послѣ банкротствъ знат-ныхъ господъ, послѣ записокъ Г-жи де Ламоттъ: и это-то время устрасило онъ своею безнравственностію! *Опасныя связи* затмили даже Новую Элоизу! Твореніе Г-на Лакло удивило самого Графа де Мирабо, который, сидя въ тюрь-мѣ, писалъ неблагопристойныя книги, для прокормленія себя честнымъ трудомъ. Всѣ книжки этой книжной эпохи по-блекли предъ исторіею Вальмона и Маркизы де Мертель.

И съ появленія ея одинъ гнусный челоѣкъ принялся писать знаменитыя книги, которыхъ даже заглавія не можетъ написать перо благопристойное; которыя покрыли грязью конецъ осьмнадцатаго вѣка, столь великаго, столь остроумнаго, понятливаго, благороднаго, — вѣка, которому потомство простить многіе, и долги его, и забавы, и развратныхъ аббатовъ, и циническихъ поэтовъ, и полунагихъ красавицъ, и алхимиковъ, и шарлатановъ, и танцовщицъ, но не простить трехъ или четырехъ скверныхъ книгъ, наполненныхъ гнусными подробностями и непредставляющихъ ничего, кромѣ нечистаго воображенія и отвратительной прихоти своего автора. Это одно изъ несчастій осьмнадцатаго вѣка, эпохи столь малозвѣстной и не во всемъ справедливо осужденной. Всѣ книги, которыя произвела эта эпоха, — а она породила ихъ такъ много, — всѣ эти книги приписаны ей одной: авторы оправданы. Вотъ, напримеръ, книга, въ которой свѣтскій челоѣкъ и свѣтская дама, вступаютъ въ союзъ, и общими силами производятъ неслыханныя мерзости. Онъ обольщаетъ невинную дѣвушку, ввергаетъ въ распутство добродѣтельную женщину, и потомъ предаетъ ее на поруганіе свѣта; она предается распутству, которому даже нѣтъ имени; онъ и она приносятъ множество жертвъ своей ярости; гнусные союзники подаютъ другъ другу совѣты, учатъ другъ друга разврату, злодѣйствуютъ вдвоемъ, по внушенію Маркиза Сада, и наши историки, прочитавъ эту книгу, съ важностію восклицаютъ: «Вотъ вѣрное изображеніе осьмнадцатаго вѣка! Таковъ именно былъ онъ!» Въ этихъ мерзостяхъ они узнаютъ осьмнадцатый вѣкъ! въ нихъ узнаютъ великое, прекрасное общество осьмнадцатаго вѣка! великія имена! прекрасныхъ женщинъ! великихъ поэтовъ! въ нихъ видятъ великое общество, уже умирающее, но которое еще крѣпится, рисуется и драпируется, чтобы умереть мужественно и живописно! Это не его распутство, не его порокъ. Порокъ его былъ изыщень, распутство безъ злобы, и развратъ гнѣзился у него не въ сердцѣ, а только въ головѣ. Добросовѣстная Критика должна всеми мѣрами противиться предпріятію изобразить въ наше время и на театрѣ прежнее общество по Романамъ, которыми тѣшилась его лѣнь и праздность. Осьмнадцатый вѣкъ не въ Романахъ,

а въ серьезныхъ книгахъ; онъ не въ Г-нѣ Лакло, не въ Кребилльонѣ. Чтобы хорошо описать осмысленный вѣкъ, бросьте Опасныя Связи и Фоблаза. Усмотрите въ этомъ времени, произведшимъ много великаго, не однихъ только людей, которые пьютъ шампанское, проводятъ ночь съ танцовщицами, и для забавы развращаютъ добродѣтельныхъ женщинъ. Несчастіе, право, что между Клариссою Гарло и Опасными Связями одна только разность творческаго генія съ копирующею посредственностью. Вальмонъ тотъ же Ловеласъ, только подлѣе, жесточе, развратнѣе; Г-жа де Турвелъ та же Кларисса, только Кларисса менѣе осторожная и болѣе преступная. И въ томъ, и въ другомъ твореніи видимъ мы мужчину, который заманиваетъ женщину въ свои сѣти. Герой Ричардсона не запятналъ Исторіи своего времени, а Вальмонъ положилъ пѣтню неизгладимую на Исторію осмысленнаго вѣка. Мудрено ли оклеветать время, которое уже не можетъ защищаться; мудрено ли обезславить общество, которое умерло на эшафотъ или въ изгнаніи?.....»

Что, какъ вамъ нравится это разсужденіе?..... Оно, право, хорошо: но отгадайте автора? — автора, который такъ жарко защищаетъ XVIII вѣкъ и чистоту нравовъ? — автора, котораго перо не можетъ прописать даже заглавій Пигго-Лобреневыхъ Романовъ?..... Это авторъ Барнава, пѣвецъ *des filles de Séjan*, и Мертваго Осла! Г. Жюль-Жаненъ — стоящій Протей!

На основаніи этихъ «Опасныхъ Связей» Ансело написалъ Водевиль, который не стоитъ того, чтобы говорить объ немъ, и который между-тѣмъ имѣетъ большой успѣхъ въ Парижѣ, потому что очень безнравственъ, и поставленъ на сцену великолѣпно.

3) *Le domino Rose*. *Розовое домино*, Водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. Въ тотъ же день играна, на другомъ Парижскомъ театрѣ, другая пьеса того же знаменитаго Г. Ансело, въ которой также изображенъ осмысленный вѣкъ, и которой безнравственность не уступаетъ предыдущей. Въ этой, рѣчь идетъ о женщинѣ честной и порядочной, обольщенной и обезславленной знатымъ негодяемъ. Въ той о женѣ

начальника полиціи, спасенной благоразуміемъ полицейскаго нипіона. Тамъ Виконтъ Вальмонъ затаптываетъ въ грязь женщину почтенную, достойную всякаго уваженія; здѣсь мерзавецъ Легріель спасаетъ репутацію женщины, которая не слишкомъ дорожитъ добродѣтелью. Два совершенно противоположныя дѣйствія въ той же эпохѣ, у одного и того же автора. Гдѣ же преступленіе? Гдѣ добродѣтель? И особенно гдѣ же осымнадцатый вѣкъ?

4) *Le Remplacant. Исправляющій должность.* На той же безнравственной недѣлѣ, давали новый Водевиль подъ этимъ названіемъ, — Водевиль такой глупый, что самъ Г. Жаненъ, говоря объ немъ, не сказалъ ничего умнаго.

5) *Léonard ou le pendu. Леонардъ, или повѣшенный (!/).* Авторъ этой почтенной Мелодрамы чрезвычайно удивляется, что успѣхъ ея былъ неблестящъ. Онъ тщательно собралъ въ пьесѣ своей все что нужно, все что въ модѣ. Изможеніе драмы состоитъ изъ отравленія и казни. Во второмъ актѣ похищаютъ дѣвушку, и убиваютъ кого-то изъ пистолета; въ третьемъ человѣкъ топится въ рѣкѣ; въ четвертомъ и послѣднемъ корабль взлетаетъ на воздухъ и тонетъ въ морѣ. Такимъ образомъ въ этой драмѣ одинъ умираетъ отъ ада, другой отъ пули, третій отъ веревки, прочіе погибаютъ на кораблѣ..... И между-тѣмъ она никому не понравилась? Авторъ не знаетъ уже, что и думать!

6) Вскорѣ послѣ этой Мелодрамы явилась другая Мелодрама, *Жюльетта, Juliette*. Это нѣчто въ родѣ Анжелы, нѣчто столь же непристойное, раздирающее, безнравственное, жестокое и пустое.

7, *Новая Комедія Скриба. Une passion secrète, «Тайная страсть»*, Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ.

Первое представленіе этой пьесы было отъ времени до времени прерываемо шумомъ, однако жъ ее выслушали до конца, и имя автора было спрошено и единогласно. Завязка ея основана на деньгахъ. Правда, общество покорится на томъ же основаніи: вся разница между человѣкомъ и человѣкомъ, что у одного денегъ больше, у другого мень-

ние; но Г. Скрибъ очень хорошо понималъ, что страсть къ игръ, къ прибыли, къ спекуляціямъ, сама по себѣ не можетъ возбуждать участія, что въ ней есть даже что-то гнусное, и хотѣлъ прикрыть постыдную склонность героини своей, Г-жи Дюлитель, какимъ-нибудь побужденіемъ, болѣе честнымъ и возвышеннымъ.

Г-жа Дюлитель вышла замужъ, сама не зная зачѣмъ: она не любила и не любитъ мужа, — да, правду-сказать, и не за что любить его. Г. Дюлитель былъ при Наполеонѣ Полковникомъ, но потомъ отказался отъ славы для богатства. Онъ только и думаетъ о спекуляціяхъ; биржа сдѣлалась для него полемъ сраженія; онъ играетъ въ фонды, — человѣкъ вспыльчивый, суровый, однимъ словомъ, мужъ пренесносный. Есть и еще причина, по которой Г-жа Дюлитель напрасно согласилась на этотъ глупый бракъ: въ нее былъ влюбленъ прекрасный молодой человѣкъ, Г. Леопольдъ, котораго и она втайнѣ любила. Но тогда Г. Леопольдъ былъ бѣденъ, и притомъ въ отсутствіи, — а это въ любви двѣ весьма важныя погрѣшности. Съ тѣхъ поръ, какъ она вышла замужъ, онъ получилъ отъ дяди богатое наследство, и возвратился въ Парижъ. Ахъ, еслибы онъ былъ бѣденъ, а Г-жа Дюлитель еще не замужемъ! Но теперь дѣлать нечего. Къ счастью, у ней есть сестрица, молоденькая, миленькая дѣвица, Селина, которой Леопольдъ очень нравился. Г-жа Дюлитель задумала женить на ней прежняго своего обожателя, который упрямится, и, несмотря на ея замужество, хочетъ непременно обожать самое Г-жу Дюлитель. Но упрямство въ любви повергаетъ его въ ужасныя хлопоты. Дѣло въ томъ, что сегодня утромъ, гуляя по бульварамъ, онъ видѣлъ, какъ Г-жа Дюлитель проѣхала въ наемной каретѣ и остановилась въ маленькой улицѣ Св. Роха, у какого-то подозрительнаго дома, подъ № 7. Что ей тамъ дѣлать? Бѣдный Леопольдъ не знаетъ, что и думать, особенно когда извѣстился отъ дѣвицы Селины, что сестра ея цѣлую ночь проплакала, и уѣхала со двора очень рано. Леопольдъ забиралъ справки и у Селины, и у лакея Ивана; наконецъ, обратился съ распросами къ одному человѣку, который часто бываетъ у Г-жи Дюлитель, — къ Г-ну Дюрозуару. Отъ него узнаетъ онъ только то, что онъ,

Дюрозуаръ, человекъ богатый, любить погулять и поволочиться, щедръ для своихъ удовольствій, скупъ для пріятелей, но вездѣ хорошо принять, потому что ни у кого денегъ не просить и самъ ни кому денегъ не даетъ.

Чтобы разсѣять или утвердить свои подозрѣнія, Г. Леопольдъ рѣшается на поступокъ отважный: онъ спрашиваетъ самое Г-жу Дюлитель, зачѣмъ ѣдила она въ улицу Св. Роха? Она отвѣчаетъ ему съ такою увѣренностію, жетъ такъ смѣло, что бѣдный Леопольдъ перестаетъ вѣрить глазамъ своимъ, какъ вдругъ слуга докладываетъ при немъ же, при Г. Дюрозуарѣ и дѣвицѣ Селинѣ, что какой-то молодой человекъ изъ дома подъ No 7, въ улицѣ Св. Роха, проситъ позволенія войти. Тутъ уже Леопольдъ не можетъ болѣе сомнѣваться, и хочетъ навсегда покинуть коварную; но Г-жа Дюлитель такъ мило упрасиваетъ его, что онъ общается черезъ два часа возвратиться. Этимъ кончится первое дѣйствіе.

Улица Св. Роха, утрення прогулка, молодой незнакомецъ и, вообще, таинственность Г-жи Дюлитель, заставляли предполагать какую-нибудь сердечную связь, и зрители съ нетерпѣніемъ ожидали развязки, — и обманулись. Разговоръ ея съ Г. Дюрозуаромъ скоро удостовѣрилъ всякаго, что Г-жа Дюлитель никого не любитъ: она страдаетъ страстію къ игрѣ; ночью она играетъ въ карты, днемъ играетъ фондами на биржѣ, гдѣ Г. Дюрозуаръ служитъ ей повѣреннымъ. Правда, что въ первое время своего замужества, она еще любила Леопольда; но однажды, на какомъ-то балѣ, ей предложили карты; она съѣла играть, выиграла большую сумму, пристрастилась къ игрѣ, и любовная наклонность къ Г. Леопольду, о которомъ прежде она думала съ утра до вечера, уступила мѣсто алчности къ деньгамъ. Теперь она рѣшительно, но, разумѣется, тайно, предана игрѣ и спекуляціямъ на фонды: она имѣетъ въ своихъ рукахъ 40,000 франковъ, приданое сестры своей; надѣется помощію ихъ выиграть огромныя деньги, удвоить состояніе Селины, и себѣ составить независимый капиталъ. Недавно она могла получить 50,000 прибыли отъ фондовъ, но не хотѣла остановиться: она желаетъ взять болѣе.

Теперь Г-жа Дюмитель въ большомъ затрудненіи. Чтобъ отдѣлаться отъ Г. Леопольда въ неудобную минуту, она просила его пожаловать часа черезъ два, для объясненія. Онъ безъ-сомнѣнія явится въ назначенный часъ, какъ всякой несчастный любовникъ, и теперь она должна сказать, что дѣлала въ домѣ подъ № 7. Надобно лгать Г. Леопольду, лгать собственной совѣсти. Г-жа Дюмитель прибѣгаетъ къ самому пустому обману: она рассказываетъ, что заказала тамъ потихоньку свой портретъ, который намѣрена подарить сестрѣ. Г. Леопольду стоило бы только съѣздить въ этотъ подозрительный 7 номеръ: онъ тотчасъ узналъ бы, что Г-жа Дюмитель продавала тамъ брилліанты, чтобъ заплатить свой проигрышъ въ карты. Какъ бы то ни было, на первый случай, она спасла себя ложью во мнѣніи человѣка, нѣкогда очень ей милаго, а теперь немножко. Но этого мало: она въ то же время дѣлала на биржѣ спекуляціи на повышеніе курса фондовъ, и до сихъ поръ все выигрывала. Вдругъ приходитъ мужъ, Г. Дюмитель. Онъ въ большой радости. Онъ и нѣсколько его товарищей дѣлали спекуляціи на пониженіе курса, и шайка мужей въ этотъ разъ одержала побѣду: возможно ли любить такого человѣка? Она теперь имѣетъ уже полное право ненавидѣть своего супруга: злодѣй Дюмитель выигралъ сто шестьдесятъ двѣ тысячи франковъ, а Г. Дюрозуръ, является съ извѣстіемъ, что Г-жа Дюмитель проиграла 50.000 франковъ, и что биржевой агентъ тотчасъ требуетъ этихъ денегъ, грозя, въ случаѣ неуплаты, пожаловать съ *экзекуціей*, то есть, взять ее черезъ полицію и посадить въ тюрьму. Бѣдняжка не въ состояніи уплатить этой суммы! Агентъ человѣкъ жестокой: онъ въ самомъ дѣлѣ готовъ тотчасъ приступить къ *экзекуціи*, и тогда все обнаружится, — Г. Леопольдъ, мужъ, пріятели, всѣ узнаютъ, что она картежница и биржевая спекулянтка! Въ страхъ, въ замѣшательствѣ своемъ, Г-жа Дюмитель отдаетъ деньги, составлявшія приданое Селіны и, что еще хуже, 2000 франковъ, принадлежащихъ ея лакею и бывшихъ у нея въ сохраненіи. Волнуемая нуждою, сожалѣніемъ, раскаяніемъ, Г-жа Дюмитель холодно принимаетъ Г. Леопольда, почти прогоняетъ его, и онъ, въ любовной досадѣ, проситъ Г. Дюмителя отдать ему руку Селіны. Тотъ сей-часъ соглашаетъ-

ся, потому, что Г. Леопольдъ очень богатъ. Г. Дюлитель, какъ человекъ дѣловой, знаетъ, что въ важныхъ случаяхъ времени терять не надо: онъ рѣшаетъ, что въ тотъ же вечеръ, при гостяхъ, которые у него будутъ, бракъ Г. Леопольда съ Селиною будетъ объявленъ, контрактъ подписанъ, и Г-жа Дюлитель выдастъ приданое, — а мы уже знаемъ, что это приданое на биржѣ!

Теперь, говорить ли вамъ о томъ, что терпитъ Г-жа Дюлитель въ третьемъ дѣйствіи. Въ отчаяніи, она прибѣгаетъ къ Г. Дюрозуару, и проситъ его помощи. Старый волокита соглашается, но съ условіемъ, котораго честной женщины не предлагаютъ. Г-жа Дюлитель опять въ отчаяніи; но она должна внести деньги, — взять ихъ негдѣ, — и она общается Г. Дюрозуару въ тотъ же вечеръ написать ему рѣшительный отвѣтъ, — *да* или *нѣтъ*! Ужасъ! Къ чему приводить тайная страсть! Надобно однако жъ написать *да* или *нѣтъ*. Написавъ *нѣтъ*, она не представитъ приданого Селины, и всё откроется. Г. Леопольдъ узнаетъ объ ея поступкахъ, и станетъ презирать ее! Наступаетъ вечеръ; гости съѣзжаются; Г-жа Дюлитель, внѣ себя, пишетъ письмо, и сама отдастъ его Г. Дюрозуару. Къ счастью, Г. Леопольдъ, какъ часто бываетъ на свѣтѣ, чтобъ лучше вникнуть въ дѣло, подслушалъ за дверьми. Онъ слышалъ всю эту сцену: является неожиданно, вырываетъ изъ рукъ Дюрозуара письмо, въ которомъ было сказано *да* или *можетъ и нѣтъ*, а *можетъ* ни *да*, ни *нѣтъ*. Гости прерываютъ своимъ присутствіемъ дальнѣйшія объясненія. Теперь надобно веселиться: у нихъ вечеринка! Подаютъ карты. Г. Леопольдъ хочетъ играть: онъ играетъ, и проигрываетъ Г-жѣ Дюлителю 2000 франковъ, которые должна она своему человеку, и которыхъ Иванъ неотступно требуетъ, преслѣдуя ее исподтишка, даже при гостяхъ. А когда нотаріусъ приноситъ свадебный договоръ, Г. Леопольдъ объявляетъ, что онъ уже получилъ приданое, и благополучно женится на Селинѣ, а Г-жа Дюлитель, вѣроятно, снова отправляется играть, — потому что на игроковъ уроки не дѣйствуютъ.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦИИ. Мартъ не болѣе благопріятствовалъ Изящному во Франціи, чѣмъ и у насъ. Пусто-

та пустотѣ! все пустота, — и все пустяки! Одинъ, нѣсколько получше совершенно дурныхъ, литературный Журналъ, *Revue de Paris*, говоритъ: «Невзирая на нашъ патріотизмъ, мы должны признаться, что изъ числа недавно вышедшихъ книгъ, одна, которая доставила намъ истинное удовольствіе, — это иностранное сочиненіе, это «Рейнскіе Пилигримы», переводъ извѣстнаго Англійскаго Романа, *The Pilgrims of the Rhine*, Г. Больвера». Объ этомъ твореніи рассказываютъ чудеса. Тѣмъ лучше, когда оно такъ нравится! Насъ Г. Больверъ до сихъ поръ не пугалъ ни вымысломъ, ни слогомъ, ни своею философіею.

Вообще, въ нынѣшнемъ усиленіи юной школы, Англійскія литературныя произведенія въ большой славѣ въ Парижѣ. Послѣ «Записокъ Капитана Базиля Галля», о которыхъ было сказано въ третьей книжкѣ Б. для Ч., послѣ Томъ-Крингля, *Tom Cringle's log*, прелестнаго Романа, изъ котораго извлекли мы для ней же статью «Морскія явленія», повременныя изданія теперь гремятъ похвалами новому морскому Роману, *Peter Simple*, переведенному съ Англійскаго, и по своей занимательности неуступающему предъидущимъ; новому собранію фантазмогорическихъ Повѣстей Г. Больвера (*Les pèlerins du Rhin*), переведеннаго съ Англійскаго; новому правоописательному творенію Г-жи Эджвортъ, *Helen*, переведенному съ Англійскаго, «Абботсфордскіе Вечерамъ», переведеннымъ съ Англійскаго, и т. д. Публика опять ищетъ Англійскихъ Романовъ и переводчики работаютъ днемъ и ночью. Да и самыя Парижскіе Журналы давно уже живутъ только Англійскими статьями. Нельзя себѣ представить, какъ ничтожно и пусто въ нихъ все оригинальное: если въ Парижскомъ литературномъ Журналѣ попадется нѣсколько умныхъ, занимательныхъ и пріятныхъ страницъ, безъ политической лжи и нравственнаго сумасбродства, вы можете заранѣе быть увѣрены, что онѣ переведены съ Англійскаго. Наши читатели, привыкшіе благоговѣть передъ Французскимъ геніемъ, вероятно удивляются, что въ Б. для Ч. почти не встрѣчаютъ они статей изъ Парижскихъ повременныхъ сокровищъ. Передъ нами лежатъ полторы дюжины Французскихъ Журналовъ, и мы не можемъ отыскать въ нихъ ничего всеоб-

шаго, ничего важнаго, даже ничего порядочнаго и достойнаго быть предложеннымъ людямъ просвѣщеннымъ, благомыслящимъ, чуждымъ смѣшныхъ или омерзительныхъ понятій, терзающихъ нынѣ умы того края. Поневолю сдѣлаешься англоманомъ, при всемъ желаніи пользоваться безъ разбора всеми Европейскими источниками хорошаго чтенія. Но Французскія ленты, но Французскія шелковыя матеріи, платки, платочки, эшарпы, пряжки, браслеты, — прелесть! Что ваши Англійскія!... Послѣ этого возданія должной справедливости Французскому уму, всѣ наши читательницы, мы увѣрены, признаютъ, что мы люди со вкусомъ и съ рѣдкимъ литературнымъ безпристрастіемъ.

L'Europe Littéraire, Журналъ ультра-романтической, то есть сказать неистовой партіи, истощивъ всѣ мѣры и средства, чтобъ обратить на себя вниманіе, запятанный литературнымъ и политическимъ шарлатанствомъ, — волею Божіею, помре. Издатель его, Г. Фельдъ, объявилъ при сей okazji, что только одинъ онъ былъ такой дуракъ, что доверялъ хорошему вкусу Парижской публики, но теперь и онъ совершенно убѣдился въ ея неспособности понимать тонкость новаго ученія, — и, по-несчастію, убѣдился въ томъ цѣною всего своего состоянія.

Скажемъ при этомъ случаѣ нѣчто и о Нѣмецкихъ литературныхъ Журналахъ: они еще пустѣе Парижскихъ, и состоятъ почти исключительно изъ переводовъ Французскихъ и Англійскихъ статей, разбиваемыхъ на безконечныя «продолженія впредь».

Въ прошломъ мѣсяцѣ, въ Парижѣ читали, — если это правда, — вышедшій въ Февраль Романъ Г-на Сулье, *Le Vicomte de Béziers*. «Это настоящій Историческій Романъ», говорятъ тѣ, которые его рекомендуютъ: «весь Провансъ, со всею своею топографіею и своими древностями, заключенъ въ этомъ сочиненіи».

Изъ новыхъ Романовъ, *La jolie fille de Paris* Г-на Пигоро, и *Le vagabond* Мервиля, — оба въ родѣ знаменитаго Поль-де-Кока, пользуются у любителей рода полнымъ и заслуженнымъ успѣхомъ. Вышло еще продолженіе «Кукара-

чи», Евгенію Сю, но объ немъ не говорятъ ни слова. Компания Мишель-Ремонова издаетъ Романъ *Le coeuf d'une jeune fille*; компания Струэнзе (Массонъ и Фурнье) печатаетъ Романъ, котораго заглавіе еще не извѣстно.

По недостатку новыхъ книгъ, Словесность весь прошлый мѣсяцъ жила себѣ литературными сплетнями. Ихъ пропасть!

Во-первыхъ Г. Ламотъ-Лангонъ пишетъ «удивительный» Романъ, подъ заглавіемъ — *Le comptoir, l'épée et la robe*.

Во-вторыхъ, Г. Александръ Дюма пишетъ новую «удивительную» Драму, и, написавши актъ, тотчасъ отсылаетъ его въ театръ для изученія и репетицій. Г. Низаръ называетъ нынѣшнюю Французскую Словесность «Нетрудною», *littérature facile*: это скорѣе *littérature vélocifère*, «Словесность на перекладныхъ». Другіе Журналы утверждаютъ, что Г. Дюма пишетъ не одну, а двѣ Драмы.

Въ-третьихъ, Г. Викторъ Гюго пишетъ новую Драму, тоже «удивительную». Уфъ!....Онъ издалъ въ концѣ Марта сочиненіе подъ названіемъ — «Смѣсь Словесности и Философій», *Littérature et Philosophie mêlées*. Это книга съ тремя различными заглавіями, и, кажется, содержаніемъ похожа на прославленные *The Curiosities of literature* Г-на Д'Израили, которыхъ Англійская публика начитаться не можетъ.

Жилъ былъ некогда во Франскомъ царствѣ, въ Ротвейнскомъ государствѣ, ближній Боаринъ, по имени Таллеманъ де Рео (*Tallemant de Réaux*), который крѣпко пьянствовалъ, а писать ничего не писалъ, и едва ли зналъ грамоту. Теперь отыскались собственноручныя его записки; ихъ нарекли *Historiettes*, и предали тисненію: Г. Жаненъ свидѣтель тому, что онъ подлинныя, и набиваетъ перышкомъ пѣну на подготовляемомъ для нихъ успѣхѣ. Сколько видно изъ отрывковъ, это будетъ соблазнительная летопись времени Генриха IV и двухъ его наследниковъ.

Но вотъ важное событіе. Шатобрианъ уже окончилъ свои

Мемуары, — то есть, окончилъ до того мѣста, на которомъ приостановился. Пятнадцать вечеровъ сряду знаменитый поэтъ-писатель читалъ ихъ въ Абен-о-буа своимъ приближеннымъ, которые отъ нихъ безъ памяти. По-несчастію, онъ уже сдѣлалъ духовную, и завѣщалъ, чтобы они были напечатаны не прежде какъ по его смерти. Мемуары такого человека и такого писателя, какъ Шатобріанъ, безъ всякаго сомнѣнія, чрезвычайно любопытны и важны. «Я рѣшился сочинить Записки о своей жизни», говоритъ онъ въ одномъ предисловіи: «она была очень мятежна. Я нѣсколько разъ переплывалъ море, жилъ въ хижинѣ дикаря и въ царскихъ палатахъ, въ лагерѣ и въ столицахъ. Путешественникъ въ Греціи, пилигримъ въ Іерусалимѣ, я садился на всѣхъ развалинахъ, видѣлъ пролетѣвшія мимо меня царствованія Лудовика XVIII и Наполеона Бонапарте, раздѣлялъ заточеніе съ Бурбонами, и докладывалъ имъ объ ихъ возвращеніи. Двѣ гири привязаны судьбою къ моему существованію, безпрестанно то поднимаютъ его вверхъ, то опускаютъ внизъ: меня берутъ, меня бросаютъ, и опять меня берутъ. Вчера содрали съ меня платье, сегодня на меня накиннули мантию, и ввечеру отпустили безъ рубахи. Я привыкъ къ этимъ шкваламъ. — Важнѣйшія современныя дѣла переходили черезъ мои руки; я зналъ почти всѣхъ Государей, всѣ замѣчательнѣйшія лица моего времени. Бывъ представленъ Лудовику XVI, вскорѣ потомъ я познакомился съ Вашингтономъ, и, спустя немного, съ Бонапартомъ. — Такія перемѣны судьбы, испытываемыя мною уже со времени несчастнаго дѣтства, конечно прольютъ на мои Записки нѣкоторую занимательность.» И большую, неизъяснимую! Но хорошо ли Г. Шатобріанъ сдѣлалъ, возбуждая такимъ образомъ любопытство всей Европы: теперь не знаешь, желать ли ему многихъ лѣтъ или скорого пути къ предкамъ? Англичане, по увѣренію Журнала, въ которомъ напечатано краткое содержаніе новаго труда автора «Духа Христіанства», предлагаютъ ему пятьсотъ тысячъ за его Мемуары, если онъ обѣзится не долго жить на свѣтѣ.

Наконецъ, и Г. Ламартинъ написалъ новую книгу, — «Путешествіе на Востокъ». Поговариваютъ о цѣлой сотнѣ ты-

сятъ франковъ, яко бы предлагаемой ему за это сочиненіе какимъ-то неизвѣстнымъ Парижскимъ Констеблемъ или Мурреемъ.

Наконецъ, и студенты Парижскаго Университета завели свой Журналь, подъ названіемъ *La presse des écoles*. Сущая умора! — если бъ только это недоказывало, что язвительныя испаренія поруганнаго и брошеннаго въ грязь на улицѣ трупъ убитой общественной нравственности уже отравили всѣ, и самыя юныя, отрасли злополучнаго народа! Въ политическомъ отношеніи духъ этого Журнала самый неблагонамѣренный. Въ литературномъ, — о, въ литературномъ стоитъ видѣть, какъ школьники подняли на плеча великую школу, какъ рядятъ обо всемъ, какъ все называютъ божественнымъ или мерзкимъ! Наука, опытность, — къ чему онѣ! *Что говоритъ душа, то говоритъ Богъ*: другія правила тутъ не нужны. *Дѣти принуждены сдѣлаться людьми, потому, что люди сдѣлались дѣтьми*. И на этомъ основаніи они «предпріяли изданіе настоящаго Журнала, въ которомъ преимущественно будутъ обнаруживаемы красоты Драмъ Виктора Гюгô, и нелѣпости парижскихъ университетскихъ Профессоровъ.»

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. Быть-можетъ, нѣтъ въ Европѣ двухъ вещей, противоположившихъ другъ другу, чѣмъ пынѣшнія Французская и Англійская Словесности. Въ первой все дерзость, наглость, высокомеріе, постоянная война съ человѣкомъ и обществомъ, безпрерывныя комедіи мнимыхъ торжествъ, во время которыхъ гордо тащитъ она на цѣпяхъ за колесницею бѣдную ихъ нравственность, посрамленную, избитую, съ лицомъ покрытымъ синими пятнами, съ оцарапанною грудью и въ изорванномъ платьѣ, среди ржанія разнузданныхъ страстей и бѣснованія политическаго фанатизма; во второй все тихо, чинно, благопристойно, даже примѣчаешь немножко ханжества. Та живетъ на улицѣ, льститъ черни, и помогаетъ ей во всѣхъ мятежахъ и безчинствахъ; другая сидитъ спокойно дома, у каминна, въ своихъ Англійскихъ вольтеровскихъ креслахъ съ тысячею пружинъ, колесъ, подпорокъ и удобствъ, и думаетъ съ любовію о своемъ home, «домашнемъ и семейномъ быту», котораго сдѣ-

далась она подрукою, совѣтницею и штатною философкою. Та съ шумомъ извергаетъ творенія, которыя, подобно ракетамъ, нарисовавшись въ темномъ воздухѣ огненною чертою и озаривъ окружающіе предметы ложнымъ сѣрнымъ свѣтомъ, лопаются съ трескомъ и исчезаютъ навсегда; другая, безъ шума и почти безъ молвы, производитъ прелестныя книги, которыя долго читаются въ уединеніи, и не прежде какъ черезъ десять или пятнадцать лѣтъ дѣлаются образцами для другихъ Словесностей. Флагъ безвѣрія развѣвается на жилищѣ первой; вторая просто и умильно рассказываетъ свою повѣсть, опершись на Библію. Благоговѣніе передъ Религіею есть главная и самая увлекательная черта нынѣшней Англійской Словесности: это чувство еще такъ сильно въ народѣ и обществѣ, что и самые вольнодумные Журналы и газеты въ Англіи не чужды набожности, и сочиненіе, дерзнувшее поругать Христіанскую Вѣру, не только не найдетъ для себя публики, но и ни какая Литературная Критика не осмѣлится защищать дарованія сочинителя. Одно обстоятельство, которое можетъ быть названо общимъ обѣимъ Словесностямъ, которое даже первоначально вышло изъ Англійской, а теперь свирѣпствуетъ во всѣхъ безъ изъятія Словесностяхъ, исключая быть-можетъ Турецкой, — это меркантильность, — попросту, лавочничество. Вальтеръ Скоттъ болѣе всѣхъ причиною этой заразы, которую послѣ него успѣшно поддерживаетъ Г. Больверъ, стряпая книги для торговли, а не для Художества. Но если ужъ мы, Русскіе, неизбежно обречены на то, чтобъ таскаться за хвостомъ иностраннаго ума, отъ всей души желалъ бы я нашей публикѣ, которая не можетъ жить безъ заграничныхъ Романовъ, для пользы вѣрованія и нравственности пристраститься скорѣе къ Англійской Словесности, тѣмъ болѣе, что и въ отношеніи къ Изыщному она нашла бы въ ней обильнѣйшую для себя пищу, нежели какъ въ новой Парижской школѣ. Право, умъ Лерда, д'Израэли, Алленъ-Коннингтама, Вильсона Монтгомери, Миссъ Эджвортъ, Маріи Говиттъ, Больвера, Колли-Граттана, Купера и Ирвинга-Вашингтона, умѣе ума Гг. Жанена, Бальзака, Дюма, Сулье, Сю, Мишель-Ремона и Сентъ-Бѣва съ товарищи! По крайней мѣрѣ, тѣ взрослые, свѣдущіе и опытные люди, а послѣдніе большею частію

еще мальчишки, — не говоря даже о томъ, что нѣкоторые изъ нихъ набитые невежды.

Но слава Парижскихъ гениевъ приходитъ къ намъ по почтѣ вмѣстѣ съ блистательными лентами, эшарпайи и атласами «среднихъ вѣковъ», тогда, какъ изящныя произведенія Великобританскаго пера въ подлинникѣ доступны не всякому благовоспитанному человѣку, и остаются извѣстными только немногимъ любителямъ истинно прекраснаго и основательнаго. Нерѣдко случается у насъ слышать, даже изъ литературныхъ устъ, вопросъ: Есть ли теперь какіе-нибудь хорошіе писатели въ Англіи? На это можно было бы отвѣчать: Должны же быть! — и именно тѣ самые, изъ которыхъ Парижскіе гении частенько выкрадываютъ лучшія свои страницы, не заикаясь о томъ ни словечкомъ. Французскій языкъ такъ овладѣлъ нами, что мы не знали бы и Вальтера Скотта, если бъ его сочиненія не были переведены на этотъ языкъ, и не свели съ ума его Словесности. Другая причина негромкости нынѣшней Англійской Литературы заключается въ прикѣрѣ, поданномъ также Вальтеръ Скоттомъ, и теперь вошедшемъ въ моду въ Англіи, издавать сочиненія свои безъ имени. Тогда какъ въ Парижѣ всякая журнальная статейка, изъ которой часто нельзя извлечь двухъ порядочныхъ мыслей, не иначе является въ свѣтъ, какъ съ прославленною фирмою автора, получающею каждый разъ новое приращеніе знаменитости отъ толстыхъ «Египетскихъ» литеръ, употребляемыхъ для ея изображенія, въ Англійскихъ Журналахъ ни одна статья не подписана, или подписана вымышленнымъ названіемъ: она будетъ превосходная, удивительная, будетъ переведена на всѣ языки, сдѣлается Европейскою, и произведетъ ощутительное вліяніе на господствующія мнѣнія и теоріи, — и между-тѣмъ никто не знаетъ, чья она. Не далѣе взявъ, какъ съ болтливой области Словесности, — кому у насъ извѣстно, что *Эліа* есть подпись Г. Лерда (Laird), писателя ни въ чемъ неуступающаго Стерну? Кто скажетъ имя сочинителя безподобныхъ статей Журнала *New Monthly Magazine*, печатавшихся въ немъ подъ названіемъ «Асмодей на волю», которыя расхватали всѣ Европейскіе Журналы, и изъ которыхъ послѣднюю читатели наши вѣрно съ восхищеніемъ наслаждались въ неподражае-

мой Повѣсти «Любовь на двухъ различныхъ ступеняхъ общества», помѣщенной во второй книжкѣ Б. для Ч.? Эта Повѣсть, одна изъ десяти подобныхъ, написана ужь подлинно не умомъ Г. Бальзака, и не познаніемъ Гг. Массона или Жанена сердца человѣческаго! Подписчики Журнала *Bibliothèque Britannique* лѣтъ десять сряду находятъ почти въ каждой его книжкѣ статьи о нравахъ, не всегда хорошо избранныя, но всегда обнаруживающія присутствіе высочайшихъ литературныхъ талантовъ, глубокой Философіи и самой тонкой наблюдательности: что жъ?—было ли когда-нибудь подписано подъ ними имя сочинителя, и догадались ли мы, что многія изъ нихъ принадлежать поэту Вильсону, котораго «Записки Капитана Базилъ Галля» и «Морской дневникъ Томъ-Крингля», вышедшіе тоже безыменно, читатели и читательницы вырываютъ изъ рукъ другъ у друга въ Лондонѣ и въ Парижѣ?

Если бъ мы, въ свою очередь, предложили нѣкоторымъ литераторамъ и цѣлому собранію читателей Французскихъ Романовъ и Повѣстей вопросъ — кто теперь лучший Романистъ въ Европѣ?—и не дожидаясь, пока они вымолвятъ имя Гг. Виктора Гюгѡ, Сю или Мишель-Ремона, сказали имъ, что это Миссъ Эджвортъ: всѣ глаза устремились бы на насъ съ удивленіемъ! Это однако жъ сушая правда. Миссъ Эджвортъ нынѣ первый и во всѣхъ отношеніяхъ лучшій Романистъ въ Европѣ. Если кто-нибудь захочетъ назвать это предубѣжденіемъ, мы утѣшимся мыслию, что раздѣляемъ это ложное мнѣніе съ покойнымъ Гёте, съ самимъ Вальтеромъ Скоттомъ, который не стыдился говорить и печатать подобныя безсмыслицы, съ *Quarterly Review*, который ненавидитъ Французовъ, съ *New Monthly*, который ихъ обожаетъ по извѣстнымъ ему причинамъ, и съ *Athenaeum*, который никого не ненавидитъ и ни кого не обожаетъ. На подобные авторитеты можно иногда опереться безгласному человѣку.

На этомъ-то основаніи, мы извѣщаемъ, какъ о важномъ литературномъ явленіи, о выходѣ въ свѣтъ въ Лондонѣ новаго Романа Миссъ Эджвортъ, подъ заглавіемъ *Helen*, «Елена», изданнаго въ то же самое время и въ Парижѣ во

Французскомъ переводѣ. Сладкій и дружескій голосъ Миссъ Эджвортъ давно уже не раздавался въ царствѣ вымысла, давно она не тянула своей золотой нити, и всѣ думали, что она уже сломала свою волшебную прасляцу, какъ неожиданно появилось это твореніе, и публика опять увидѣла себя подѣ ея властью. Въ ней не должно искать сильныхъ ощущеній: тѣ которые воображаютъ себѣ, что прекрасное и удивительное въ Романѣ состоитъ въ томъ, чтобы, взявши книгу въ руки, вздрагивать отъ ней всѣмъ тѣломъ, какъ отъ электрическаго столба Вольты, — чтобы сердце билось въ груди такъ шибко, что пуговицы прыгаютъ изъ жилета, и петельки одна за другой лопаются въ корсетѣ, — тѣ не въ состояніи постигнуть высокое достоинство этой сочинительницы. У нея нѣтъ страницъ, писанныхъ единственно для блеска и ослѣпленія читателя; но она обладаетъ безпредѣльнымъ познаніемъ общества и повсемѣстнаго челоука; верхъ ея искусства — постепенное и полное развитіе характеровъ, а въ умѣніи сообщить повѣсти единство дѣйствія, происшествія, занимательность, разсказу естественность и вѣрный колоритъ, она не подражаема. По отрывкамъ судить объ ней не возможно, и въ этомъ уподобляется она Ричардсону: ея умъ отражается въ цѣломъ, — что безспорно есть признакъ истиннаго генія. Талантъ безъ генія въ состояніи только отдѣлывать части и блистать подробностями: одинъ геній создаетъ прекрасное цѣлое. Къ главнымъ красотамъ Г-жи Эджвортъ принадлежитъ то, что у нея жизнь течетъ по всѣмъ членамъ повѣсти, и что она щедрою рукою сыплетъ всюду чувство и воображеніе. Она не старается поражать васъ внезапными, смѣлыми умозаключеніями или очаровывать великолѣпнымъ фейерверкомъ пустыхъ мыслей и искристыхъ выраженій; но производитъ дѣло тихо и осторожно, обезпечиваетъ себѣ ваше вниманіе совершенною истиною словъ, вѣрностью и непостижимою свободою рисунка, и, въ продолженіе всего чтенія, вы даже не примѣчаете, что находитесь подѣ заговоромъ сильнаго и пріятнаго колдовства, которое неуклонно влечетъ васъ къ послѣдней страницѣ. Новый ея Романъ, быть-можетъ, слабѣе прежнихъ, снискиваетъ однако жъ большія похвалы въ Англійскихъ Журналахъ. Г. Пишо, одинъ изъ основатель-

нѣйшихъ и умнѣйшихъ Французскихъ литераторовъ, неохотно отдавая справедливость этому творенію, произнесъ объ немъ такую фразу, которой мы не можемъ не привести здѣсь. «Разговоры ея, отзывается онъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, скорѣе естественны, чѣмъ остроумны!» Г. Пишо даже не примѣтилъ того, что, желая унижить Англійскую писательницу, онъ воздалъ ей прекраснѣйшую похвалу, и отпустилъ жестокою эпиграмму на Французскіе Романы, обнаруживъ характеристическій ихъ недостатокъ, — отсутствіе естественности: Парижскіе писатели полагаютъ, что выводя въ книгѣ два разговаривающія лица, должно непременно заставить ихъ производить бѣглый огонь остротъ, убійственную перепалку колкостями и шутками: иначе никто не станетъ ихъ слушать.

— Другое сочиненіе, имѣющее теперь необыкновенный успѣхъ въ Англіи, это *The seven temptations*, знаменитой Маріи Говиттъ, о которой у насъ едва ли кто слыхивалъ. Всѣ прелести саркастическаго ума, нѣжнаго и свѣтлаго чувства, неподдѣльнаго огня души и чистоты вдохновенія украшаютъ дарованіе этой необыкновенной писательницы. Едва ли когда-либо женщина писывала стихи болѣе достойные мужескаго генія. Сожалѣемъ, что малая извѣстность Англійскаго языка въ Россіи воспрепятствуетъ намъ занимать страницы этого Журнала выпискою изъ знакомыхъ уже намъ отрывковъ новаго творенія Г-жи Говиттъ, въ которыхъ замѣтили мы мѣста истинно удивительныя.

— «Рейнскіе Пилигримы» въ такой же модѣ въ Лондонѣ какъ и въ Парижѣ, и снискиваютъ себѣ приверженцевъ даже въ тѣхъ Журналахъ, гдѣ прежде не любили хвалить Г. Больвера. Въ слѣдующей книжкѣ Б. для Ч. будетъ помѣщена примѣчательная статья объ этомъ сочиненіи изъ *New-Monthly Magazine*.

— «Автобіографія» Г. д'Израэли и его *The Curiosities of Literature* поддерживаются въ прежней славѣ. Последнее изъ этихъ двухъ твореній вышло въ началѣ Марта девятнадцатымъ тисненіемъ. Г. д'Израэли, своими умомъ и талантомъ, сдѣлалъ такое впечатлѣніе, что въ Англіи всѣ поdraжатели принялись писать автобіографіи. Погодимъ лѣтъ

пять или шесть: вся Европа послѣдуетъ этой модѣ. Это неизбежно.

Хвалить также два новые Романа — *The Old Maiden's talisman*, въ которомъ есть много сценъ юмористическихъ и глубокаго *патоса*, — и *The Frolics of Puck*, сочинение фантастическое, колкое, ѣдкое, веселое, сумасбродное, обывавшее ужасную войну насмѣшки послѣдователямъ утилитарной системы или такъ называемымъ людямъ положительнымъ. «Въ немъ однако жъ встрѣчаются, и во множествѣ, мѣста необыкновенной красоты, кипящія жизнью и воображеніемъ», говорить Атеней, не весьма довольный тономъ этой книги.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

Французскія.

HISTOIRE DE LA REFORME, de la ligue et du règne de Henri IV, par M. *Capefigue*. 2 vol.

MÉMOIRES scientifiques et anecdotiques du physicien-aéronaute Robertson. 2 vol.

DES DIVERS GOUVERNEMENTS, considérés dans leur rapport avec le bien-être des populations, par le baron Massias, ancien chargé d'affaires, etc. 1 vol.

TRAITÉ DES RÉTENTIONS D'URINE, occasionnées par les retrécissemens du canal et autres causes, sur la gonorrhée et sa cure, etc. Méthode Ducamp, perfectionnée et publiée, par M. *Dubouchet*. 1 vol.

APPERÇU SUR LES PRINCIPALES DIFFORMITES, déviations vertébrales, courbures des membres, etc., sous le rapport orthopédique, par le docteur N. *Duval*. 1 vol.

PHYSIOLOGIE DU GOUT, par M. *Brillat-Savarin*. 2 vol.

LITTÉRATURE ET PHILOSOPHIE mêlées, par M. *Victor Hugo*. 1 vol.

LA NUIT DU TREIZE SEPTEMBRE, roman, par M. *Dinocourt*. 2 vol.

HUGUES D'ENFER, roman, par le même. 2 vol.

LES VEILLES D'HIVER, contes, par MM. *Ch. Nodier*, *A. Dumas*, le bibliophile *Jacob*, *F. Soulié*, *L. Gozlan*, *E. Morice*, *Michel Raymond*, *Ph. Chasles*, *J. Arago*, *Mme Desbordes Valmore*, etc. 4 vol.

LA COUCARATCHA, continuation du roman, par M. *Eugène Sue*. Tomes 3 et 4.

LE VAGABOND, roman, par M. Merville. 4 vol.

LE PAILLASSE, épisode du carnaval, par M. Durat de Gurgy. 1 vol.

LE DERNIER DES GIBELINS, roman, par Mme Françoise Trembicka. 1 vol.

SOUFFRANCES, roman, par Mme la comtesse Eugène d'Hautefeuille. 1 vol.

OUVRAGES PAR SOUSCRIPTION ET PAR LIVRAISONS.

L'Angleterre pittoresque, histoire des trois royaumes, antiquités, géographie, topographie, statistique, biographies, mœurs, coutumes, traditions, édifices, avec 300 gravures, par M. Amédée Pichot. 150 livraisons à 25 cent.

Voyage pittoresque autour du monde, résumé général de tous les voyages de découvertes, etc., par une société de Voyageurs, sous la direction du capitaine Dumont d'Urville. 120 livraisons à 4 sous.

Plantes de la France, décrites et peintes d'après nature, par M. Jaume Saint-Hilaire.

Plutarque, vies des hommes illustres, trad. par M. Ricard.

Dictionnaire des sciences mathématiques, pures et appliquées, par une société d'anciens élèves de l'École Polytechnique. 50 livraisons à 40 cent.

Univers pittoresque, histoire et description de tous les peuples, leurs religions, mœurs, coutumes, etc. avec 800 planches. 4 sous la livraison.

Coutumes pittoresques de tous les peuples de l'univers, recueillies et publiées, par MM. de Sainson et Ch. Lesueur. Texte et plusieurs milliers de gravures coloriées. 80 livraisons. à 50 cent.

Английскія.

THE PHILOSOPHICAL TRANSACTIONS of the Royal Society of London, for the year 1833. Part II.

CABINET CYCLOPAEDIA, edited by Lardner. History of natural philosophy, from the earliest periods to the present days. By Baden Powell. History of the Christian Church. By H. Stebbing. vols. LI and LII.

ENCYCLOPAEDIA of Geography, comprising a complete description of the Earth, physical, political, statistical, commercial, natural, etc. By Hugh Murray and others. 20 vols.

DESCRIPTIVE CATALOGUE of rare and unedited Roman coins. By L. Y. Akerman. 2 vols.

THE ORNITHOLOGICAL DRAWINGS. Natural history of birds. part. I — Exotic Conchology. Part I. — New zoological illustrations. 3 vols. By William Swainson.

ENTOMOLOGIA EDINENSIS. Description and history of the insects, etc. By James Wilson. 1 vol.

- GLEANINGS** in Natural History. By *Edward Jesse*. 1 vol.
- READINGS ON SCIENCE**. 2 vols.
- ARCANA** of Science and art for 1834. 1 vol.
- A SERIES OF DISCOURSES** upon architecture in England, from the Norman æra to the close of reign of Queen Elizabeth. By the Rev. *James Dallaway*. 4 vol.
- OATHS**, their origine, nature and history. By *James Eudell Tyler*. 1 vol.
- THE GREAT BRITAIN** for the last forty years. By *Thomas Hopkins*. 4 vol.
- HISTORY** of the British Colonies. India. By *R. Montgomery Martin*. vol. I.
- CHINA**. An outline of its government, policy and laws, etc. By *Peter Auber*. 1 vol.
- RUSSIA** as it is, and not as it has been represented. 1 vol.
- THE LIFE** of Lieutenant-general Sir John Moore. By his brother, *James Carrick Moore*. 2 vols.
-
- A PEDESTRIAN TOUR** through France and Italy. By *G. Hume Weatherhead*. 2 vols.
- SKETCHES IN SPAIN** in the years 1829—1832, containing notices of some districts very little known, etc. By the Captain *S. Cook*. 2 vols.
- EXCURSIONS** in the Holy Land, Egypt, Nubia, Syria, etc, including a visit to the unfrequented district of Haouran. By *John Madox*. 2 vols.
- JOURNAL** of a West India proprietor, kept during a residence in the island of Jamaica. By the late *M. G. Lewis*. 1 vol.
- NARRATIVE** of travels in Europe, Asia and Afric in the XVII century, by *Evliya Effendi*. Translated from Turkish by *Joseph Hammer*. Published by the Oriental Committee. 1 vol.
- BUBBLES** from the Brunnens of Nassau. By an old man. 1 vol.
-
- LIFE AND POEMS** of the rev. George Crabbe. By his son. 2 vols.
- THE SEVEN TEMPTATIONS**, a dramatic heptalogy. By *Mary Howitt*. 1 vol.
- THE VILLAGE PATRIARCH**—Love—and other poems. By *Ebenezer Elliot*. 2 vols.
- THE PILGRIMS OF RHINE**. By the author of *Pelham*, *Eugene Aram*, etc. 1 vol.
- HELEN**, a novel. By *Maria Edgeworth*. 3 vols.
- THE YOUNG MUSCOVITE**. Edited by Captain *Frederic Chamier*. 3 vols.
- TREVELYAN**, a novel. By the author of *A Mariage in high life*. 3 vols.
- THE BLACK WATCH**, a novel. By the author of *The Dominic's Legacy*. 3 vols.

- THE OLD HAIDEN'S TALISMAN**, and other strange tales. By the author of *Chartley*. 3 vols.
- IMAGINATIVE BIOGRAPHY**. By Sir *Egerton Brydges*. 1 vol.
- SALVADOR**, the guerilla, a novel. By the author of the *Castilian* 3 vols.
- MACANNA**, or the land of the Savage, a historical novel. 3 vols.
- GALE MIDDLETON**, a story of the present days. By the author of *Brambletye House*. 3 vols.
- THE HEADSMAN**, a novel. By the author of *The Spy*. 3 vols.
- THE FAOLIC OF PUCK**. 3 vols.
- PETER SIMPLE**, a novel. By the author of the *King's Own*. 3 vols.
- THE PREDICTION**, a novel. 3 vols.

Нѣмецкія.

- DIE DREI LETZTEN FELDZUEGE GEGEN NAPOLEON**, kritisch historisch dargestellt von *P. F. Stuhr*, 2 Bände.
- POMPEJI**. Erster Band, in 2 Abtheilungen. Mit 174 Abbildungen. Leipzig.
- DAS WELTTHEATER**, oder die allgemeine Weltgeschichte von der Schöpfung bis zum Jahre 1840, in fünf Abtheilungen, bearbeitet von *C. Strahlheim*. Mit 240 histor. Stahlstichen und 300 Bildnissen der berühmtesten Menschen aller Zeiten. Frankfurt.
- DER GEHEIME BUND DER SCHWARZEN BRUEDER**. Urquell der vorzüglichsten akademischen Verbindungen. In einer Reihe verbürgten Originalurkunden mitgetheilt von *Tyrtäus*. Mainz.
- UEBER DAS GEHIRN**, das Rückenmark und die Nerven. Eine anatomisch-physiologische Untersuchung von Prof. *Mayer*. Bonn.
- DIE HOMŒOPATHIE EINE IRRLEHRE**. Nach den eigenen Geständnissen der homöopathischen Aerzte, von Dr. *W. Kramer*. Berlin.
- UEBER ALLŒOPATHIE UND HOMŒOPATHIE**, zur Belehrung gebildeter Zeitgenossen. Von einem Nichtarzte. Leipzig.
- BRIEFE UEBER HOMŒOPATHIE**, von Dr. *Attomyr*. Januar bis Ende Junius 1833. Leipzig.
- FERNERE WISSENSCHAFTLICHE BEITRÄGE** zur Arzneimittellehre von Dr. *E. Bischoff*. Auch als Supplementband zu dessen Arzneimittellehre. Bonn.
- VOH DEN KRANKHEITEN DES MENSCHEN**. Specieller Theil, oder specielle Pathologie und Therapie. Von Dr. *C. G. Neumann*. 3 Bände. Berlin.
- BEITRÄGE ZUR WUERDIGUNG DER HOMŒOPATHIE**, von Dr. *Becker*. Mühlhausen.
- DIE HOMŒOPATHISCHE DIÄT**. Herausgeg. von *C. von Bönninghausen*. 2te verm. Aufl. Münster.

- DIE KUNSTLICHE PUPILLENBILDUNG** in der Sclerotica. Von Dr. *B. Stilling*. Mit Abbildungen. Marburg.
- PFENNIG - ENCYKLOPÄDIE**, oder neues elegantestes Conversations-Lexikon für Gebildete aus allen Ständen. Herausgeg. von Dr. *O. L. B. Wolff*. Mit Kupfern. Erste Lieferung. Leipzig.
- DE VITA PSYCHICA**. Auct. *G. Schraub*. Marburgi.
- HANDBUCH DER PSYCHOLOGIE**, zum Gebrauche bei akademischen Vorlesungen und zum Selbststudium, von Dr. *C. H. Scheidler*, Darmstadt.
- DAS HARZGEBIRGE** in besonderer Beziehung auf Natur- und Gewerbskunde geschildert. Von Dr. *Ch. Zimmermann*. Mit Kupfern. 2 Theile. Darmstadt.
- WALLENSTEIN ALS FELDHERR UND LANDESFÜRST**. Eine Biographie von Dr. *F. Förster*. Potsdam.
- MYTHOLOGISCHE FORSCHUNGEN** aus dem Nachlasse des Joh. Heinr. Voss. zusammengestellt und herausgeg. von Dr. *H. G. Brzoska*. Leipzig.
- DIE ARITHMETIK DER SPRACHE**, oder der Redner durch sich selbst. Psychologisch-rhetorisches Lehrgebäude von *M. Langenswarz*.
- DIE DYKRATISCHEN REPRODUCTIONSFIEBER** des letzten Jahrzehend als Weltseuche. Von Dr. *N. Weigersheim*. Berlin.
-

- KAISER FRIEDRICH BARBAROSSA**. Nationaltragödie in fünf Aufzügen, von *F. W. Rogge*. Lüneburg.
- WIE DEM DOCTOR NASSE** fünfundzwanzig Mal der Kopf gewaschen wird! Von dem Doctor Trocken. Nürnberg.
- ERICH XIV**, König von Schweden. Ein dramatisches Gedicht in 2 Theilen, von *E. Willkomm*. Leipzig. 3 Bände.
- BELUSTIGUNGEN UND REISEN** eines Todten aus Zickzacks nachgelassenen Schriften, herausgeg. von *E. Ortlepp*. Leipzig.
- LIEBESGESCHICHTEN IN BILDERN**, von *Belindor*. 2 Theile. Gera.
- MAHA GURU**. Geschichte eines Gottes. Von *C. Gutzkow*. 2 Theile. Stuttgart.
- PAULINE VON BELSIS**. Erzählung von *L. Storch*. Gotha.
- HERZ UND WELT**, von *Sengebusch*. Wismar.
- ANEKDOTEN VON HUNDEN**. Von *C. G. H. Froberg*. Quedlinburg.
- DAS JUNGE EUROPA**. Novelle von *Heinrich Laube*. 2 Bände. Leipzig.
- LENZBLÜETHEN**. Erzählungen und Novellen, von *C. Spindler*. 2 Bände. Stuttgart.
- KARL VON BOURBON**, historisches Schauspiel in 5 Akten, von *J. B. Zahlhas*. Darmstadt.
- JACOB VON BADEN**, Schauspiel in 5 Acten, von demselben.
-

М О Д Ы.

Парижъ. Мартъ.

— Въ платьяхъ дамскихъ мы не замѣтили ничего новаго: тотъ же какъ и прежде фасонъ талин, тѣ же рукава. Модистки только разнообразятъ вообще теперь принятый манеръ разрезныхъ платьевъ на юбки другого цвѣта, обыкновенно бѣлой атласной. Нѣкоторыя платья расходятся отъ кушака къ низу довольно широко и полы ихъ прикрѣпляютъ къ юбкѣ шестью бантами бѣлыхъ атласныхъ лентъ по обѣимъ сторонамъ; тринадцатый бантъ помѣщается у кушака въ томъ мѣстѣ, гдѣ полы начинаютъ расходиться; на талин спереди по шву три такіе же банта, нѣсколько поменьше; на эполеткахъ два большіе банта съ длинными концами. При такихъ платьяхъ и рукава бываютъ разрезаны въ шести мѣстахъ сверху внизъ, такъ чтобъ виднѣ былъ исподній рукавъ изъ бѣлаго атласа. Въ другихъ платьяхъ полы не расходятся, но вырезаны спереди въ видѣ пяти большихъ 0, соединяющихся между собою концами, и атласная юбка видна сквозь эти отверстія, которыхъ края обшиты плетенкою изъ мелкихъ цвѣтовъ, съ большими розами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сходятся эти красивые вѣнцы. На талин по шву спереди такая же плетенка, и кругомъ всего корсажа сверху, на груди и на спинѣ. Одно изъ прекраснѣйшихъ разрезныхъ платьевъ, robes ouvertes, представлено на прилагаемой картинкѣ. Вообще Парижскія щеголихи пристрастились къ покрою прошлаго столѣтія: должно однако жъ замѣтить, что только тѣло хорошенькой женщины принадлежитъ прошлому вѣку: голова представляетъ XIX вѣкъ, и причесывается въ новѣйшемъ вкусѣ.

Носятъ также и неразрезныя платья: они креповыя съ пятью большими листьями изъ атласа, нашитыми спереди на креповой юбкѣ, ниспадающими на обѣ стороны и постепенно увеличивающимися отъ кушака къ низу, и съ пятью бантами изъ атласныхъ лентъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ каждыя два листа сходятся. Рукава внизу всегда бываютъ обшиты

широкою блелою блондою, образующею древнія маншеты, какія можно видѣть на портретахъ бабушекъ. Нѣкоторыя ультра-щеголихи обшиваютъ такою же блондою кругомъ талии низъ лифа, сдѣланнаго обыкновенно en pointe, съ острымъ концемъ, обращеннымъ къ землѣ: блонда пришивается такъ, что, кажется, она выходитъ изъ-подъ лифа и принадлежитъ къ ночной кофточкѣ, особенно, когда вмѣсто блонды употреблены для этого широкія кружева.

На платьяхъ съ закрытою грудію, robes montantes, нашиваютъ по два ряда буффъ изъ атласа, почти соединяющихся своими концами, образуя линіи пузырей. Двѣ такія линіи идутъ спереди отъ эполетокъ къ кушаку, у котораго почти сходятся; другія двѣ начинаются у кушака и идутъ внизъ по юбкѣ, разумется, неразрѣзной, удаляясь постепенно, такъ что у земли разстояніе между ними бываетъ болѣе аршина. Такія платья должны быть безъ фалдъ спереди: всѣ фалды отбрасываются на бока и на тылъ.

Носятъ еще довольно много бархатныхъ платьевъ темныхъ тоновъ съ высокими и плоскими корсажами. Рукава широкія, собранные у кисти. Вокругъ шеи рядъ Англійскихъ кружевъ, и на концѣ рукава также маленькая кружевная маншетка.

Одно изъ удивительнѣйшихъ платьевъ, видѣнныхъ въ Парижѣ, было слѣдующее: бархатное платье цвѣта ноготокъ, couleur scabieuse, разрѣзное на боку, вкось; разрѣзъ сдерживался въ четырехъ мѣстахъ большими застѣжками, agrafes, изъ камней подъ тѣнь съ брилліантомъ по серединѣ, талия гладкая была обведена по поясу и на верху ниткою камешковъ.

Кашемиры еще въ употребленіи, но уже не производятъ ни какого вліянія на умы.

Атласы такъ называемые *среднихъ вѣковъ*, satins du moyen âge, составляютъ все счастье порядочной женщины: безъ нихъ нѣтъ прелести въ жизни. Самые пышные наряды дѣлаются изъ этого новаго рода матерій, которыя бываютъ бѣлыя съ голубыми полосами, или съ полосами вишневаго и каштановаго цвѣтовъ, couleur cerise и couleur marron. На бѣлыхъ полосахъ вышиты цвѣтными шелками

маленькіе букеты или вытканы серебромъ и золотомъ узоры, которые повторяются и на цвѣтныхъ полосахъ. Одно такое платье появилось на большомъ балѣ на прекрасной дамѣ, съ разрывомъ спереди, выкроеннымъ овальными зубцами, обшитыми золотымъ кружевомъ. Надвемся, что пышнѣе этого не наряжались и при Дворѣ Людовика XIV! На другой день двѣ тысячи щеголихъ страдали спазмами съ зависти: весь Парижъ былъ въ смятеніи.

На балѣ, двѣицы надѣваютъ креповыя платья, убранныя спереди на юбкѣ гирляндой цвѣтовъ, расположенною въ видѣ двухъ расходящихся полукруговъ оканчивающихся у колѣнъ двумя букетами розъ, изъ-подъ которыхъ выходятъ двѣ ленты, которыя опять идутъ къ поясу, какъ будто букеты висѣли на нихъ,—украшеніе простое, милое, и очень согласное съ головной уборкою съ цвѣтами.

Есть еще одно простое прелестное украшеніе юбки. Спереди прикрѣпляется рядомъ шесть атласныхъ розовыхъ лентъ у пояса и это мѣсто закрывается двумя бантами. Три ленты идутъ къ одному колѣну, три другіе къ другому, и на нихъ оканчиваются тремя бантами, которыхъ концы падаютъ до подола.

Но вообще платья вырѣзныя въ большой модѣ; грудь и спина очень обнажены. Розовый и голубой цвѣта весьма обильны; но самый модный цвѣтъ — лимонный, *couleur citron*.

— Турбаны, шляпки и чепчики тѣ же. Дамы рѣдко появляются на вечерахъ съ прическами, а большею частію въ турбанахъ.

— Локоновъ почти не носятъ: виски украшаются такъ называемыми *косами* волосъ, *mèches de cheveux*, искусно набрасываемыми однѣ на другія, и съ одного боку нисходящими болѣе нежели съ другаго.

— Въ нынѣшнихъ дамскихъ нарядахъ цвѣта нерѣдко перемѣшаны удивительнымъ образомъ; въ одномъ и томъ же нарядѣ видишь иногда самые противоположныя, — розовый и зеленый, или розовый и голубой, и т. д.

— На балахъ видно много эшарповъ изъ гладкаго блондоваго тюля.

— Золотыя повязки съ пластинкою на лбу, *bandeau avec une plaque*, теперь самыя роскошныя галантерейныя

вещи. Украшеніе въ серединѣ повязки, вмѣсто пластинки, состоитъ часто изъ маленькой діадемы, брилліантовой или изъ другихъ каменьевъ. Самыя повязки дѣлаются также эмалевыя съ жемчугомъ или брилліантами; другія съ прекрасными камнями. Иныя бываютъ съ странными украшеніями, — напримѣръ, съ брилліантовой розой въ серединѣ, окруженной изумрудными листочками, которые уменьшаются расширяясь, и образуютъ надъ челою небольшую корону. Вмѣсто брилліантовъ употребляются и другіе камни, болѣе скромные, или бирюзы, жемчугъ, и т. п. Такая повязка на миленкой головкѣ, съ двумя букетами розъ или другихъ цвѣтовъ по сторонамъ, надъ висками, можетъ свести съ ума самого закоснѣлаго философа. Теперь дѣзнано, по опыту, что передъ повязкою съ двумя букетами нѣтъ и быть не можетъ ни жестокаго, ни неблагодарнаго, сердца.

— Брилліантовые серги дѣлаются въ видѣ жирафолоей или кистей, и спускаются довольно низко. Много носятъ длинныхъ серегъ эмалевыхъ съ камнями.

— Въ модѣ также черныя перстни и кольца, украшенные брилліантами.

Нельзя лучше заключить лѣтописи зимнихъ фантазмагорій моды, какъ хорошенькою сплетнею: вотъ, что случилось въ Парижѣ въ половинѣ прошлаго Марта мѣсяца. Маркизь де Шатовилльяръ давалъ въ Монтомоновомъ отелѣ великолѣпный балъ по случаю «средопостій», что у католиковъ почитается дѣломъ совершенно правильнымъ. Виконтесса Л^{***}, одна изъ первыхъ красавицъ той столицы, по ошибкѣ или съ умысломъ, не была имъ приглашена. Она горько жаловалась на эту невѣжливость въ присутствіи Г. Бодона, генеральнаго сборщика и онъ, поднявшись на любезность, вызвался дать въ честь красавицъ, въ тотъ самый день, балъ во-стократъ великолѣпнѣе того, на который ея не позвали. Несмотря на краткость времени и сопротивленіе хозяина дома, имъ занимаемаго, онъ много выстроилъ пышный деревянный флигель и балъную залу въ саду, украсилъ ихъ съ необыкновенною роскошью, чрезъ своихъ подчиненныхъ забралъ у поставщиковъ своего соперника всю лучшую дичину, рыбу, зелень, оранже-

рейныя деревья и цвѣты, назвалъ къ себѣ тысячу восемьсотъ гостей, и, помощію денегъ, дѣятельности и усилій, сдержалъ данное Виконтессѣ слово. Балъ Маркиза де Шатовильяръ, хотя очень блистательный, не могъ итти въ сравненіе съ праздникомъ Г. Бодона: ужинъ въ Монтолоновомъ отелѣ былъ плачевный. Читая подобный анекдотъ, кажется, видишь передъ собою воскресшій вѣкъ Людовика XV. Дамы приписываютъ это внезапное возрожденіе стариннаго духа женскаго угодничества Французовъ магнитическому дѣйствию стариннаго покроя своихъ платьевъ, и болѣе чѣмъ когда либо увѣрены, что любезность мужчинъ зависитъ отъ формы ихъ юбки.

Но уже наступаетъ весна, и лѣтніе наряды начинаютъ убивать поэзію моды. Простота и единообразіе, приличныя уединенію на дачахъ, скоро замѣняютъ занимательную пестроту зимнихъ балныхъ костюмовъ. Платья теперь не создаются какъ идея, но только донашиваются. Новыя будутъ безъ огня и безъ жизни. Клоки остались въ томъ же видѣ: они только перемѣнили матерію, предпочитаютъ всякой другой, фуляръ съ большими пестрыми рисунками.

Поля шляпокъ увеличиваются, и лѣтомъ будутъ довольно велики. Въ шляпкахъ визитныхъ и надѣваемыхъ на гулянья и теперь уже тулья и поля дѣлаются довольно большія, но, еще по-прежнему спущенныя на щеки и приподнятыя въ серединѣ.

Полу-вуали на шляпкахъ болѣе изъ чернаго кружева, чѣмъ изъ бѣлыхъ кружевъ или бѣлой блонды.

Эмаль и золото искусственно перемѣшанныя, образуютъ прелестнѣйшія вещицы, какія только можно носить съ лѣтними нарядами. Къ этому прибавляютъ бирюзу и камни. Много носятъ великолѣпныхъ булавокъ и застежекъ, которыя помѣщаются въ сборкахъ таліи или на шейномъ платкѣ: отъ ней идетъ до пояса цѣпочка, къ которой привѣшиваются часы, кассолеты, и т. п.

Мода на полу-перчатки, *mitaines*, должна поддерживаться все лѣто, потому что ихъ теперь очень много дѣлаютъ. Черныя полу-перчатки дѣлаютъ изъ кружевъ; бѣлыя изъ шелковаго прозрачнаго трико.

Въ магазинахъ видно много шелковыхъ чулокъ всѣхъ цвѣтовъ, вышитыхъ бѣлымъ: уже начинаютъ ихъ носить.

Надобно заказывать вышивки, broderies: все заставляетъ думать, что онѣ будутъ въ большой модѣ нынѣшнимъ лѣтомъ, которое уже начинается въ Парижѣ.

Однако, лѣтнія ткани еще рѣдки въ магазинахъ; ихъ ожидаютъ всякой день. Мы можемъ объявить заранее, что шелковыя матеріи будутъ въ большой модѣ: ихъ теперь дѣлаютъ во множествѣ на фабрикахъ, съ огромными рисунками, съ разводами, à gamages; но рядомъ съ этими причудами, приготавливаются ткани съ мелкимъ рисункомъ, болѣе приличныя особамъ скромнымъ и умереннымъ состояніямъ: таковы, напримѣръ, шелковыя матеріи съ мушками чернаго цвѣта на зеленомъ, гранатовомъ, розовомъ, голубомъ, и пр. Фуляры однако жъ удержатся въ прежней силѣ у прекраснаго пола: они неизбежны какъ самое лѣто.

Словомъ, наступающіе во Франціи жары нанесли уже смертельный ударъ фантазій. Какъ моды теперь собственно кончились, умерли, и возродятся изъ своего праха только осенью, когда опять начнутся балы и вечера, то до того времени и мы не будемъ прилагать картинокъ къ ихъ описанію. Появляющіяся лѣтомъ въ Модныхъ Журналахъ рисунки необычайныхъ нарядовъ суть простое шарлатанство модистокъ, средство, употребляемое ими къ воспламененію воображенія мотовокъ: эти костюмы или никѣмъ не носятъ, или носятъ десяткомъ жеманныхъ женщинъ, но они никогда не входятъ въ моду. Несмотря на это, если бы случился какой-нибудь важный переворотъ, особенно въ таѣн Парижскихъ дамъ, въ лифахъ, корсажахъ, юбкахъ, канезу, шляпкахъ или другихъ коренныхъ точкахъ убранства, мы не преминемъ и среди лѣта объяснить рисункомъ вѣрное описаніе событія.

Объясненіе приложенной картинки. Верхнее платье, tunique, изъ штофнаго атласа, помпадуръ, satin damassé Pompadour. Иногда платье изъ бѣлаго атласа, обшитою блондою и украшенное золотыми брандесбургамъ. Головная уборка съ бриллиантами.

ВПЕЧАТЛЕНІЯ СВѢТЛОЙ НЕДѢЛИ 1851. Великій день для Христіанства! Великій вечеръ для Россіи! Какая кисть изобразить лучезарную ночь 22 Апрѣля? Съ трепетомъ беру перо, чтобъ при блескѣ этихъ огней, освѣщающихъ радость и будущность Руси, удержать нѣсколько мыслей, несущихся черезъ душу потокомъ.

Онѣ принадлежать не мнѣ одному; онѣ теперь наполняютъ всю эту яркую атмосферу, отражаются во всѣхъ душахъ. Мнѣ довольно, въ тихомъ уединеніи, прислушаться къ бѣнію пламенной мысли, возникшей въ собственномъ умѣ, чтобъ отгадать мысль цѣлаго пародонаселенія, вырывающагося среди ночи изъ объятій домашняго счастья, и бѣгущаго толпами дышать народнымъ счастьемъ на улицахъ въ огнѣ, на площадяхъ, кипящихъ восторгомъ.

Какое сердце пребудетъ холоднымъ, какая душа не взволнуется умиленіемъ при этомъ высокомъ соединеніи священнѣйшихъ воспоминаній Вѣры съ однимъ изъ торжественнѣйшихъ событій отечественной Исторіи! Мысль, слѣдующая съ трудомъ и съ благоговѣніемъ за Божествомъ, возлетающимъ изъ гробницы на небо для приготовленія намъ вѣчнаго блаженства, падаетъ на землю, и находитъ на ней другой залогъ благополучія, приготовленный для смертныхъ Провидѣніемъ: тамъ всемогущій Отецъ міровъ встрѣчаетъ своего богорожденнаго Сына, приносящаго ему искупленіе рода человѣческаго; здѣсь Отецъ Отечества принимаетъ отъ своего Сына клятву, до нѣя той же великой тайны и передъ лицомъ ея, быть вѣрнымъ счастьемъ вѣренной ему части человѣчества. Выспреннѣе и священнѣе этого я ничего вообразить не въ состояніи. Это по-истинѣ Свѣтлое Воскресеніе Россіи. Никогда Исторія челоѣка не сопрягалась достойнѣйшимъ образомъ съ Исторіею Неба. Есть ли гдѣ-нибудь на землѣ хладныя сердца, которыя бы отъ луча этой мысли не возгорѣлись благоговѣйнымъ восторгомъ?.... Въ Россіи нѣтъ ихъ. Тотъ, который прибавилъ къ ея бытописанію день, подобный нынѣшнему, можетъ быть увѣренъ, что ихъ нѣтъ въ подвластной землѣ. Да будутъ же бѣнія сихъ сердецъ наградою его сердцу за всѣ скорби, которыя нерѣдко принуждено оно переносить въ вели-

комъ и трудномъ дѣлѣ попеченія о нашемъ благѣ! Чѣмъ другимъ въ состояніи мы возблагодарить его?....

Такихъ дней я мало знаю въ Исторіи: пусть она поспѣшитъ записать его на своихъ страницахъ, и записать со всѣми его чувствованіями, для своего украшенія. О, какъ мало помнить она о счастливыхъ и трогательныхъ минутахъ народовъ, тогда какъ съ удовольствіемъ удерживаетъ въ памяти ихъ бѣдствія или торжества, пріобрѣтеныя дорогою цѣною!

Въ двадцати огромныхъ томахъ Византійскаго бытописанія, изъ семи столѣтій страданій и уничтоженія обширнаго государства, только одна свѣтлая мысль сохранилась для потомства. Когда бъ напыщенный и хвастливый лѣтописецъ, самъ не зная цѣны подобраннаго имъ изрѣченія, не передалъ намъ словъ мудраго Императора, сказавшаго что «два выпреннѣйшіе характера человеческой природы и общества суть Самодержецъ и мудрецъ», Исторія Византіи, разрушающейся безъ важности и славы, почти не стоила бъ чтенія. Одна эта мысль облагораживаетъ ея паденіе: она велика и утѣшительна! Самое положеніе самодержца выше всѣхъ прочихъ людей и страстей, самое назначеніе повелѣвать всѣми окружающими страстями, самое обладаніе всѣмъ, возносятъ его безъ труда и усилія на ту степень нравственного превосходства, до которой мудрый достигаетъ только помощію безконечнаго совершенствованія своего ума и долгодѣтельной борьбы съ склонностями своей природы. Между несомнѣнными нравственными истинами, быть-можетъ, лишь эта одна истина состоитъ внѣ всякаго спора, что въ дапной массѣ человечества благороднѣйшее и совершеннѣйшее нравственное лице есть монархъ. Цицеронъ, единый практическій философъ во всей извѣстной намъ Древности, — Цицеронъ, республиканецъ по рожденію, по нравамъ и по честолюбію, — этотъ Цицеронъ, обожавшій свое отечество и его учрежденія, чувствовалъ въ полной мѣрѣ эту великую истину, и не усомнился произнести ее, когда желалъ быть откровеннымъ съ самимъ собою. Заставляя Сципіона разсуждать съ своими собесѣдниками о наилучшемъ образѣ правленія, онъ положилъ ему въ уста примѣчательное сознаніе, что одно правленіе, истинно благодѣтельное и бо-

лѣ всѣхъ другихъ приближающееся въ отвлеченному совершенству, — это самодержавное. Мы, Русскіе, сроднены съ этимъ убѣжденіемъ, и находимъ въ нашихъ сердцахъ и въ высокіхъ примѣрахъ нашихъ Монарховъ неопровержимыя доказательства для его подкрѣпленія; но любопытно сравнить мнѣніе великаго философа Древности, изъявленное имъ среди могущественнѣйшей и блистательнѣйшей въ мірѣ Ресублики, и основанное на ея современномъ опытѣ, съ безпокойною безызвѣстностью, въ какой мнимое любомудріе нашего вѣка находится на счетъ лучшаго образа правленія; но отрадно думать, что убѣжденіе наше согласно съ высочайшими наведеніями истинной Философіи; но всякой изъ насъ съ гордостью почувствуетъ, что судьба его ввѣрена Провидѣніемъ благороднѣйшему уму и сердцу изъ всего отечества, самому высокому и свѣтлому нравственному характеру въ обществѣ, къ которому онъ принадлежитъ. Если бѣ въ комъ либо изъ Русскихъ природная любовь къ Царямъ, мгновенно совращенная ложными умствованіями вѣка, не была достаточна для утвержденія подобнаго нувства, то самая эта мысль должна бы для него сдѣлаться источникомъ искренней и безпредѣльной преданности къ своимъ Монархамъ!

Какое величественное и утѣшительное зрѣлище представляетъ Россія, твердая своею вѣрою въ самодержавіе, пламеннымъ своимъ усердіемъ къ законнымъ Царямъ, среди Европы, растерзанной и разоренной происками буйныхъ страстей! Она спокойна; она счастлива и сильна; исполненная довѣрія къ высокой мысли мудраго и обожаемаго Государя, въ которой заключается ея жизнь и будущность, она идетъ скорымъ и вѣрнымъ шагомъ по пути улучшеній, стремясь къ истинной образованности черезъ прекрасное царствованіе, все величіе котораго будетъ вполнѣ достигнуто только нашими потомками. Посмотрите на одну Западную страну, нѣкогда предсѣдательницу Европейскаго разума, доколѣ была вѣрною законнымъ своимъ повелителямъ и монархическимъ понятіямъ, теперь послѣ сорока-лѣтнихъ непрерывныхъ несчастій и горькихъ опытовъ, потерявшую уваженіе народовъ, низшедшую на степень смѣшной, безсильной подражательницы и еще невидящую конца своимъ мученіямъ, проступкамъ и сраму!

Тогда какъ Россія окружаетъ любовію свою Наслѣдника престола, переноситъ его на сердцахъ изъ одного конца Государства въ другой, встрѣчаетъ его совершеннолѣтіе съ тѣмъ восторгомъ, съ какимъ встрѣчаютъ славу или дражайшую надежду, та страна — ужасно сказать! — вся облитая кровію, стрѣляетъ по своимъ Принцамъ, доискиваясь наилучшаго образа правленія. Стыдъ и несчастіе ея да послужатъ всѣмъ народамъ примѣромъ, какаѣ гибель ожидаетъ ихъ при первомъ уклоненіи отъ своего вѣковаго, отечественнаго правленія. Двадцать второе Апрѣля въ Россіи да утѣшитъ всѣхъ друзей человѣчества! Это нашъ день историческій; это Русское Свѣтлое Воскресеніе. О. С-ій.

НОВЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫКЪ. Всякое званіе имѣетъ у насъ свое нарѣчіе. Въ большомъ кругу поддѣлываются подъ jargon de Paris. У помѣщиковъ всему своя кличка. Судьи не бросили еще *понеже* и *поелику*. У журналистовъ воровскія латынь. У романтиковъ особый словарь туманныхъ выраженій; даже у писарей и солдатъ свой праздничный языкъ. Въ каждомъ классѣ, въ каждомъ званіи, отличная тарабарщина: никто съ разу не пойметъ другаго, и въ этомъ-то вся претензія, чтобъ, не думавши, заставить думать; во купчики, пуще всего купчики любятъ говорить свысока, то есть, собирать кучу словъ безъ связи и смыслу. Вотъ образчикъ.

Вхожу въ трактиръ на станціи: двое купцевъ въ сибиркахъ играютъ на билліардѣ. Мнѣ приносятъ самоваръ; пью чай.

Купецъ помоложе (*бьетъ*). Ахъ, далъ скользетъ! 42 и 10.

Купецъ постарѣе. Не въ ударъ брать, не въ ударъ (*бьетъ*) Ась, каково-сь? — Да еще съ верхнимъ подходимъ! 45 и 10.

Купецъ помоложе. Вамъ можно *отчалваться* и на удалую: партія въ дорогъ-сь. Вотъ и мы *накатимъ* до-ѣхали.

Партія кончилась, и купчикъ постарѣе, пошептавъ съ другимъ, подходитъ ко мнѣ охорашиваясь и потряхивая кудрями. — Позвольте попросить позволенія узнать, съ кѣмъ то есть нѣмъ осчастливленную честь говорить-съ?

Я. Я не говорю съ вами.

Онъ. Такъ-съ, всеконечно-съ, дѣло дорожное-съ! Я вѣдь впрочемъ не для ради чего нѣаго прочаго, а такъ изъ канпанства, хотѣлъ только, утрудивъ, побезпокою васъ, попросить соблаговоленія, чтобы нашему чайнику возымѣть соединяемое купносообщеніе съ этимъ самоваромъ-съ. Попросту такъ сказать-съ, малую толику водицы-съ!

Сначала я думалъ, что это мистификація; потомъ мнѣ стало смѣшно; потомъ и совѣстно, что я такъ небрежно отвѣчалъ этому сплетателю глупостей. Я старался всѣми учтивостями сгладить слѣды перваго впечатлѣнія: самоваръ кипѣлъ, — и какое Русское сердце не распарится отъ него какъ сухарь! Мало по-малу у насъ завелся ужъ и политическій разговорецъ. Старшій купчикъ, поглаживая свою подстриженную бородку, смотритъ на лубочный портретъ Кульнева. «Вотъ, батюшка, была въ 12-мъ-то году кампанія, такъ ужъ кампанія-съ! ужъ можно сказать, что *богатеель*! Французскія всѣ арміи да и войски уничтожительно истреблены съ двенадесатью языкъ, — и по дѣламъ супостату-съ. Вся антирель теперь въ Москвѣ лезитъ: пушекъ-съ какъ моркови. Позвольте, къ слову стало, узнать-съ, достохвалный и знаменитой Генераль Кульневъ, въ конномъ или въ кавалерицкомъ полку служительство производить бытъ нѣмъ?

Я. Онъ служилъ въ гусарахъ.

Онъ. Такъ-съ. (*Обращается къ товарищу*) А ты спорилъ, что въ кавалеріи. (*Ко мнѣ*) Ученье свѣтъ, неученье тма-съ! Съ нашимъ удовольствіемъ благодареніе приносимъ, что изволили объяснить-съ. А этотъ храбрый Генераль-Маіоръ Кульневъ-съ и въ чины происходитъ къ повышенію производство въ томъ же полку благоволилъ-съ?

Я. Помнится, въ одномъ и томъ же.

Онъ. По всему видно, что герой-съ. А онъ на полѣ чести или на полѣ брани животь за отечество положить удостоенъ-съ!

Я. Онъ былъ смертельно раненъ на полѣ сраженія.

Онъ. А вотъ этотъ простякъ говорить, что на полѣ брани-сь!

Я. Мнѣ кажется, это все равно.

Онъ. Такъ-сь. Справедливо изводите нѣтъ такое у-
мственное разсужденіе въ мысляхъ-сь. Я и самъ, то есть, по
своей комплекціи, думаю, что онъ навѣрно былъ славно зна-
менить-сь, коли ему въ памятное воспоминаніе-сь не даромъ
Высочайшимъ утвержденіемъ учрежденъ орденъ-сь!

Я. Какой орденъ?

Онъ. А желѣзной-то *Кульневской* съ серебрянными краеш-
ками-сь!

Мнѣ нѣкогда было разувѣрять его, что это не Кульнев-
ской, а Кульмскій крестъ. О невѣжество! о слава! сказалъ
я, садясь въ сани. Нерѣдко одна перестановка буквы въ
реляціи передаетъ вѣнокъ храброго трусу, — а здѣсь слава
цѣлаго сраженія приписана одному! *А. Марлинскій.*

ЛУЧШИЯ ВРЕМЕНА. Лучшія времена точно Еврейскіе глаго-
лы: настоящаго у нихъ нѣтъ, только прошедшее да будущее.
Слушать другаго ворчуна, такъ право подумаешь, что круг-
лый годъ все Ноябрь мѣсяцъ, все только падаетъ листь,
— солнце не грѣетъ, и звѣзды погасли, какъ сальные огарки.
Впрочемъ, почему жъ иногда не потужить, не поворчать, не
поохать? Когда, напримѣръ, барометръ кармана опустился, же-
лудокъ немножко разстроился, такъ тутъ-то имѣешь право
сказать, что все теперь не по-прежнему. Боже упаси, отнимать
мнѣ у честнаго человека это драгоценное право! Только не
должно чувственныхъ впечатлѣній выдавать за Исторію и
философическую истину: можно поворчать, да при томъ и
остаться. А вѣдь иные ворчуны право напоминаютъ того
мальчика, который говорилъ, что его бабушка девятнадцать
разъ въ день взойдетъ на лѣстницу, а назадъ никогда не
сходить; или того могильщика, который искалъ чего-то,
ночью съ фонаремъ, на церковномъ дворѣ, и когда его спро-
сили, чего онъ ищетъ, отвѣчалъ: — Охъ, я потерялъ свой
фонарь! — «Да вѣдь фонарь у тебя въ рукѣ!» — Такъ что
жъ? этотъ фонарь я нашелъ, а гдѣ тотъ, который я поте-
рялъ? — Мы вообще больше думаемъ о фонарѣ, который по-
теряли, нежели о томъ, который нашли. Споры нѣтъ, что

теперь все не то, какъ было прежде: важныя перемены происходили и происходятъ на свѣтѣ ежедневно; но наши чувства и понятія измѣнились еще болѣе окружающаго насъ міра и общества. Какая удивительная перемена должна была совершиться въ промежутокъ времени отъ Троянской войны до Гомера: поэтъ говоритъ, что Аяксъ поражалъ враговъ такими камнями, какихъ не поднять бы десяти или двѣнадцати его, Гомеровымъ, современникамъ. А съ тѣхъ поръ все шло къ худшему, такъ, что нынѣшніе люди, я ужъ и не знаю что такое: поколѣнія одни другихъ мелече, и кончится тѣмъ, что совсѣмъ исчезнутъ. Солнце свѣтитъ не по-прежнему, времена года перепутались: это всѣмъ извѣстно!

Въ половинѣ прошлаго столѣтія, Вальполь писалъ письма, которыя, какъ водится, были напечатаны: у меня нѣтъ ихъ подъ рукою; только помню, въ одномъ онъ жалуется, что, среди лѣта, принужденъ писать у камина, и что не то было въ его молодые годы. Однако жъ, когда Вальполь былъ молодъ, Свѣтъ былъ старикъ, и жаловался на то же самое. Стиховорецъ Коуперъ писалъ лѣтъ сорокъ послѣ Вальполя, и жаловался. Теперь живутъ дѣти Коупера, и жалуется. Всѣ мы жалуемся.

Еще Тацитъ изобразилъ климатъ Германіи такимъ, каковъ онъ по сю пору, а Нимфы все толкуютъ объ измѣненіи годовыхъ временъ, какъ-будто-бы солнце износилося, какъ-будто и прежде не бывало иногда знойныхъ лѣтъ и очень холодныхъ зимъ. Сказать правду, ничто такъ не перемѣняется, какъ мы сами. У васъ есть знакомые лѣтъ тридцати, сорока, пятидесяти, шестидесяти, семидесяти и, можетъ, восьмидесяти: спросите ихъ, не измѣнились ли въ Петербургѣ времена года съ тѣхъ поръ, какъ они были молоды, — всѣ будутъ отвѣчать вамъ въ одно слово, а вѣдь не вмѣстѣ были они ребятами. Потому что при Екатеринѣ Великой устрицы и вино были дешевле, имъ кажется, что и лѣто было теплѣе и времена были лучше.

Съ нравами то же, что съ погодою; только, упадокъ ихъ замѣчаемъ мы не такъ скоро, какъ перемены во временахъ года. Впечатлѣніе послѣднихъ преобладаетъ въ насъ отъ десяти до пятнадцати-лѣтняго возраста, а впечатлѣніе нра-

вовъ при первомъ вступленіи нашемъ въ свѣтъ. Вся перемѣны, последовавшія съ того времени, считаемъ мы новизнами, уклоненіями отъ образца приличій. Что было въ модѣ, когда стали созрѣвать въ насъ понятія, то умно; что вышло тогда изъ моды, то устарѣло, натянуто, ситливо; что вошло въ моду послѣ, то все перемѣна къ худшему, отступленіе отъ приличій и правилъ благоразумія. Умъ съ лѣтами матерветъ, теряетъ гибкость; ему трудно пошнелиться съ мѣста; всякая перемѣна тревожитъ его и сердитъ. Тутъ онъ припоминаетъ себѣ лучшія времена, когда и не знали тѣхъ нововведеній, которыя нынче въ такой силѣ. Слава Богу, что я не газъ и не паръ: гдѣ бы мнѣ вынести все то, чего потерпѣлись они бѣдные!

Нѣтъ ничего трогательнѣе сѣтованій объ утратѣ всѣхъ великихъ людей, какіе были прежде. Что за удивительно великіе люди жилали въ старыя годы! Съ этимъ ужъ нельзя не согласиться, говорятъ торжествующіе ворчуны всѣхъ народовъ: неоспоримо, что Шекспиръ, Мильтонъ, Поупъ, Расинъ, Корнель, Вольтеръ, Шиллеръ, Гёте, Тюрень, Миннихъ, Румянцевъ, Ломоносовъ, Державинъ, все умерли, и не оставили себѣ подобныхъ. Трудно вообразить человеческое существо гордѣе и счастливѣе ворчуна, который разбилъ васъ въ прахъ этимъ доказательствомъ. Попробуйте остановить рѣку сѣтованій, и доказать, какъ дважды два четыре, что жаловаться не на что, — вы его разобидите! За то, если ему удастся опровергнуть ваши доводы и отстоять свою ворчательную позицію, онъ счастливѣйшій изъ смертныхъ. Ну, есть ли теперь люди, скажетъ онъ, которые бы писали, какъ Гомеръ или Шекспиръ? — Конечно, нѣтъ; да если бъ и были, такъ что жъ за радость: вѣдь ихъ бы тоже разругали въ журналахъ!

Причину этой склонности упрекать настоящее прошедшимъ, должно полагать въ громкихъ сѣтованіяхъ, которыми сопровождается кончина великихъ людей. Умираетъ отличный человекъ, публика чувствуетъ потерю: погребеніе, стихи, памятникъ, надгробіе, жизнеописаніе, еще больше заставляютъ говорить объ этомъ. Но родится гений, — и никто ни слова! Мы замѣчаемъ, когда срубятъ большое дерево, а до отпрысковъ, выбѣгающихъ около пня, намъ и дѣла нѣтъ.

Такъ точно мы вѣкъ думаемъ, что живемъ въ худую пору, и привыкаемъ не ставить великихъ людей ни во что, пока они не умерли. Въ книгѣ Притчей Соломоновыхъ сказано, что мертвый левъ не стоитъ живой собаки. Можетъ быть: только, мы не этой вѣры; мы живыхъ считаемъ собаками, а мертвыхъ львами.

Другая причина, почему мы видимъ всегда въ прошедшемъ лучшія времена, заключается въ томъ, что мы стареемся. Міръ для насъ далеко не такъ прекрасенъ и удивителенъ теперь, какъ былъ въ молодые годы. Въ глазахъ мальчика школьный учитель великое дѣло; на него смотрятъ съ благоговѣніемъ, дивясь грозному виду и необъятнымъ свѣдѣніямъ велемудраго. А мы, грѣшные, достигшіе зрѣлаго возраста, такъ ли думаемъ о современныхъ школьныхъ учителяхъ? Мы мѣримъ вещи на аршинъ своихъ чувствъ, — другаго мѣрила взять негдѣ; и едва почувствуемъ, что начали старѣться, намъ приходитъ въ голову, что старѣется свѣтъ; чуть потускнѣютъ у насъ глаза, мы думаемъ, что солнце свѣтитъ не попрежнему; чуть притупятся наши чувства, мы воображаемъ, что нѣтъ ничего привлекательнаго въ цѣломъ мірѣ!...

За всѣмъ тѣмъ, неоспоримо, что прежде все было лучше. Даже прекрасный полъ былъ несравненно прекраснѣе. Гдѣ теперь такія женщины, какъ первая моя любовница? Мнѣ хочется смѣяться, когда слышу нынѣшнюю молодежь разсуждающую о любви: стоитъ ли теперь портить свое сердце для женщинъ съ такими безобразными руками и съ локонами изъ чужихъ волосъ! Ахъ, женщины, женщины лучшихъ временъ!.... То-то были времена!

Одинъ только порокъ былъ у лучшихъ временъ, что моя любовница и всѣ хорошенькія женщины тоже состарѣлись. Но, я думаю, отъ того, что климатъ очевидно измѣнялся къ худшему.

ВЛІЯНІЕ ВРЕМЕНЪ ГОДА НА СВОЙСТВА ЧЕЛОВѢКА.

Г. Кетле, (Quetelet) Директоръ Брюссельской Обсерваторіи, долго занимавшійся статистическими разысканіями, соединилъ всѣ свои наблюденія въ книгѣ, которая вышла въ 1833 году подъ заглавіемъ — *De l'influence des saisons sur les fa-*

cultés de l'homme, — «О вліянні временъ года на свойства человека». Она обнаруживаетъ множество любопытныхъ и важныхъ фактовъ нашей жизни. Отъ періодическихъ причинъ происходятъ и дѣйствія періодическія. Замѣчательный примѣръ этого находимъ въ чередованіи годовыхъ временъ, или, другими словами, относительныхъ положеній Земли къ Солнцу. Дѣйствіе этихъ періодическихъ перемѣнъ замѣчается не только на поверхности Земнаго Шара, въ измѣненіяхъ, претерпѣваемыхъ растительными трубками, атмосферою, всѣми физическими дѣятелями, каковы теплота, свѣтъ, магнетизмъ, электричество, но и въ тѣхъ перемѣнахъ, которымъ подвержены существа одушевленные. На человека времена года имѣютъ такое вліяніе, что удивительно какъ этому предметъ по сю пору не обращалъ на себя болѣе вниманія. Взглянемъ, напримѣръ, на процессъ смертности: число умершихъ и въ городахъ и въ селеніяхъ, гораздо значительнѣе зимою, чѣмъ лѣтомъ, такъ, что содержаніе ихъ въ эти двѣ поры равняется 3: 2. И, — что очень странно, — люди рождаются точно въ той же соразмѣрности: если примемъ, что въ Январѣ и въ Февралѣ новорожденныхъ бываетъ среднимъ числомъ три, то на лѣтнее время придется не болѣе двухъ, и то ужъ много. Этотъ законъ нашей природы проявляется не только въ частныхъ выводахъ по одному какому-нибудь округу, но и въ общемъ, обширномъ расчисленіи. Существованіе приводимой Г-мъ Кетле разности въ числѣ родившихся зимою и лѣтомъ не подлежитъ ни какому сомнѣнію; но мы должны замѣтить, что это обстоятельство отнюдь не порука въ томъ, чтобы взрослое народонаселеніе состояло изъ большаго количества родившихся зимою, нежели лѣтомъ, чему причиною неблагоприятность зимняго времени для существованія младенцевъ, — предметъ, требующій небольшого объясненія.

Нѣкогда Европейскіе Ученые полагали, что всѣ молодыя животныя обладаютъ сильнѣйшею способностію производить теплоту, и это заключеніе выводилось изъ слѣдующей теоріи: когда тѣло тепло, обращеніе соковъ всегда происходитъ быстро, и слѣдственно скорое бѣженіе пульса у младенцевъ всегда можетъ служить ручательствомъ въ способности, ихъ производить для себя достаточное количество тепло-

ты. Изъ этого вообразили, что если эти юныя существа одарены способностью производить теплоту по мѣрѣ надобности, то не только не вредно, а еще полезно, для укрѣпленія дѣтей холодомъ, выносить ихъ на воздухъ и сажать въ ледъ. Читатели Руссо вспомнить, съ какимъ энтузіазмомъ поддерживалъ онъ эту несчастную идею, распространившуюся, по его милости, во Франціи, Швейцаріи и Германіи. Но въ новѣйшее время, она должна была измѣниться, не только вслѣдствіе повѣрки выводовъ теоріи, но и вслѣдствіе заключеній, къ которымъ привели насъ опыты. Въ послѣднія десять лѣтъ Французскіе фیزیологи постоянно занимались вопросомъ о способности молодыхъ животныхъ производить теплоту. Оказалось, что животныя надѣлены ею весьма разнообразно: есть изъ нихъ теплокровныя, которыхъ если и въ серединѣ лѣта поддержать на открытомъ воздухѣ, они становятся одинакой температуры съ холоднокровными, а напротивъ другія очень долго сохраняютъ теплоту на холодѣ. Кажется, что къ разряду охлаждающихся принадлежатъ всѣ тѣ, которыя рождаются слѣпыми: всѣ, сохраняющія одинаковую теплоту въ атмосферѣ низшей противъ нихъ температуры, выходятъ на свѣтъ съ открытыми глазами. Найдено, что температура въ млекопитаемыхъ гораздо ниже, чѣмъ въ питающихъ, — по крайней мѣрѣ двумя градусами. Тѣ же опыты показали, что дѣти отнюдь не обладаютъ способностью производить теплоту въ равной степени съ взрослыми, и что эта способность тѣмъ слабѣе, чѣмъ меньше ребенокъ. Тотъ же законъ управляетъ и низшими классами животныхъ: котятъ, перенесенные въ холодное мѣсто, скоро лишались своей теплоты. Съ птицами происходило то же самое.

Г. Кетле старается подкрѣпить свою мысль о соразмѣрности умершихъ и родившихся таблицами, основанными на чрезвычайно точныхъ переписяхъ, производимыхъ ежегодно въ Бельгіи. Въ слѣдующей таблицѣ представляетъ онъ среднее число родившихся и умершихъ, выведенное имъ изъ сравненія двѣнадцати годовъ по-мѣсячно.

Мѣсяцы.	Число родившихся.		Число умершихъ.	
	Въ город.	Въ селен.	Въ город.	Въ селен.
Январь.....	1,067	1,002.	1,158	1,212.

Февраль....	1,122	1,177.	1,088	1,198.
Мартъ.....	1,085	1,157.	1,050	1,192.
Апрѣль.....	1,035	1,014.	1,002	1,120.
Май.....	0,974	00,927.	0,946	0,978.
Іюнь.....	0,918	0,862.	0,904	0,888.
Іюль.....	0,983	0,838.	0,874	0,809.
Августъ....	0,952	0,908.	0,910	0,822.
Сентябрь...	0,980	0,995.	0,974	0,888.
Октябрь....	0,977	1,009.	0,999	0,954.
Ноябрь.....	1,005	1,009.	1,024	0,935.
Декабрь....	1,018	1,022.	1,076	1,030.

Изъ этой таблицы видно, что вліяніе годовыхъ временъ въ селеніяхъ гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ въ большихъ городахъ, гдѣ живутъ тѣснѣе. Это легко объясняется тѣмъ, что горожане пользуются превосходнѣйшими средствами пособлять неправильностямъ температуры. Самое большое число родившихся показано здѣсь въ Февралѣ мѣсяцѣ; по этому зачатіе ихъ можно относить къ Маю предшествовавшаго года. Въ таблицѣ не означено лѣтъ умершихъ; а какъ это данное необходимо для вывода вѣрныхъ заключеній изъ общихъ фактовъ, то авторъ сообщилъ его въ особой вѣдомости. Въ другой таблицѣ показаны лѣта умершихъ въ Январѣ и въ Іюлѣ, потому что эти мѣсяцы заключаютъ въ себѣ два крайніе предѣла смертности.

	Число умершихъ.		Число умершихъ въ Іюлѣ на каждыя 100 Январскихъ.
	Въ Январѣ.	Въ Іюлѣ.	
Мертворожденныхъ..	269	215	80
Одномѣсячныхъ.....	5,321	1,711	52

Лѣта:

Отъ 4 до 5	878	600	69
8 12	646	447	73
12 16	409	420	105
16 20	502	545	109
20 25	861	796	95
25 30	793	724	92
40 45	818	615	75
62 65	968	525	54
79 81	658	332	51
90 и выше.....	252	99	39

Здѣсь вліяніе годовыхъ временъ на разные возрасты очевидно: даже мертворожденныя въ Январѣ и въ Іюлѣ содержатся какъ 5 къ 4. Но это вліяніе всего сальнѣе въ то время, когда дитя начинаетъ видѣть свѣтъ, такъ что на каждаго двухъ младенцевъ, умирающихъ въ Январѣ мѣсяцѣ, въ Іюлѣ умираетъ только одинъ. Однако жъ, столь значительная смертность малютокъ въ зимнюю пору уменьшается по мѣрѣ ихъ возрастанія, и когда ребенокъ достигъ десятого, двѣнадцатаго года, онъ уже не столько подверженъ вредному дѣйствию зимы. Въ этомъ возрастѣ способность производить внутреннюю теплоту очень усиливается, такъ, что для отрока всего опаснѣе вліяніе лѣтняго зноя.

Въ періодѣ жизни, называемомъ совершеннымъ возрастомъ, когда человекъ уже способенъ къ браку, вліяніе годовыхъ временъ почти ничтожно. Такъ думаетъ Г. Кетле, но Иппократъ и Плиній совсѣмъ инаго мнѣнія. Они согласны въ томъ, что лучшее время года для женитьбы — весна: къ этому ведетъ сама Природа. Г. Кетле замѣчаетъ, что вліяніе холода, прекращающееся отъ юношескаго до сороко-лѣтняго возраста, послѣ того опять входитъ въ права свои надъ человекомъ, и эта перемена такъ крута, что шестидесяти-пяти-лѣтнему старику защита отъ холоду такъ же нужна, какъ новорожденному младенцу! Она тѣмъ болѣе необходима девяносто-лѣтнему старцу: это видно и изъ того, что въ зимніе мѣсяцы умираетъ отъ 2 до 3 такихъ стариковъ на 1-го, умирающаго въ Іюлѣ. Числа въ послѣднемъ столбцѣ второй таблицы можно принять за вѣрные выраженія количества жизненной теплоты въ человекѣ, въ разные его возрасты, и читатели замѣтятъ, что въ юношескомъ это количество самое большее.

Остается еще опредѣлить вліяніе годовыхъ временъ на нравственность человека, или дѣйствіе ихъ на страсти, склонности, побужденія, и проч., по числу преступленій, совершенныхъ въ извѣстный періодъ года. Должно замѣтить, что слѣдующая таблица вся относится къ Франціи. Въ ней означено число преступленій противъ лицъ и собственности отдѣльно, для сравненія. Среднее число преступленій, на каждый мѣсяцъ, выведено изъ точныхъ показаній за три года. Эта таблица особенно любопытна тѣмъ, что

Г. Кетле счелъ нужнымъ включить въ нее число сумасшедшихъ, содержащихся въ Шарантонъ, будучи убежденъ, что излишекъ преступлений противъ лицъ должно приписывать единственно помѣшательству въ умѣ.

Мѣсяцы:	Преступленія противъ		Число людей, которые поступили въ домъ сумасшедшихъ.
	Личности.	Собственности.	
Январь	282	1,095	37
Февраль	272	910	49
Мартъ.....	335	968	53
Апрѣль	314	841	58
Май.....	381	844	44
Іюнь.....	414	850	70
Іюль.....	379	828	61
Августъ	382	934	64
Сентябрь	355	896	47
Октябрь	285	926	49
Ноябрь	301	961	35
Декабрь	347	1,152	52
	3,847	11,205	619

Здѣсь видно, что преступлений противъ собственности почти втрое больше, чѣмъ преступлений противъ личности, и, — что очень замѣчательно, — въ тотъ самый мѣсяць, когда совершенно наиболѣе преступлений противъ личности, было наименѣе преступлений противъ собственности. Зимой, преступления противъ собственности въ самомъ большомъ числѣ, а преступления противъ личности въ самомъ маломъ, и наоборотъ, лѣтомъ послѣднихъ больше, а первыхъ менѣе. Сравнивая далѣе, найдемъ, что въ Январѣ не менѣе четырехъ преступлений противъ собственности прійдется на одно преступленіе противъ личности, а въ Іюнѣ первымъ содержанія къ послѣднимъ, какъ 2 къ 1. Эти странности легко объяснить, когда вспомнимъ, что бѣдность и нужда всего тягостнѣе зимою, а лѣто, столь благопріятное возбужденію страстей, настоящая пора преступлений противъ личности.

Не менѣе замѣчательно отношеніе, существующее, по видимому, между возрастаніемъ числа преступлений противъ личности и числа людей, поступающихъ въ дома сумасшед-

шихъ. Этимъ любопытнымъ фактомъ, кажется, очень сильно подкрѣпляется мнѣніе Г. Кетле, будто всѣ смертоубійства и тому подобныя злодѣянія совершаются въ припадкахъ помѣшательства.

И такъ, существуетъ постоянный законъ, по которому вліяніе разныхъ временъ года производитъ свои опредѣленные дѣйствія, а это вліяніе простирается не только на число родившихся и умершихъ, но и на жизнь страстей, на склонность человека совершать преступленія, и на расположеніе ума его къ помѣшательству. Бюффонъ, первый, кажется намъ, открылъ эту дивную связь между нравственностью и воздухомъ, — или, если онъ не объяснилъ ея въ тѣсномъ смыслѣ нравственности, по крайней мѣрѣ положилъ правиломъ, что тѣло человеческое быстрее растетъ лѣтомъ, чѣмъ зимою. Г. Кетле, въ своихъ «Исслѣдованіяхъ о законѣ человеческого роста», допускаетъ это положеніе, какъ сейчасъ увидимъ, и нѣтъ сомнѣнія, что чѣмъ дальше впередъ пойдутъ разысканія, тѣмъ очевиднѣе будетъ дѣйствительное существованіе такого закона.

Съ самаго рожденія, бываетъ всегда большая разность между вѣсомъ и величиною дѣтей обоихъ половъ: ребенокъ тяжеле при рожденіи, чѣмъ послѣ; тутъ онъ становится все легче до тридцатаго дня, и не замѣтно, чтобъ онъ росъ до исхода ему первой недѣли. Мальчики тяжеле дѣвочекъ, но двѣнадцати лѣтъ они одинакаго вѣса, который, при полномъ естественномъ развитіи, ровно въ двадцать разъ больше вѣса ихъ при рожденіи; обыкновенный ихъ ростъ въ эти годы въ три раза съ четвертью противъ первоначальнаго. Въ старости оба пола теряютъ отъ 14 до 15 фунтовъ вѣсу, и около трехъ дюймовъ въ ростѣ. Мужчины достигаютъ наибольшаго вѣса въ сорокъ лѣтъ, женщины въ пятьдесятъ: съ шестидесяти лѣтъ мужчины опять становятся легче. Женщины отъ восемнадцати до сорока лѣтъ мало тяжелѣютъ.

СУДЕБНАЯ СТАТИСТИКА ЕВРОПЫ. Съ нѣкотораго времени, почти всѣ правительства, пекущіеся о нравственности подданныхъ имъ народовъ, стали издавать годовые отчеты о числѣ обнаруженныхъ и разобранныхъ Судами пре-

ступлений, чтобы обратить вниманіе Философін на источники этого общественнаго бѣдствія и воспользоваться ея сужденіями. Россія не могла отстать отъ столь похвальнаго и благаго примѣра: у насъ уже положено основаніе Судебной Статистикѣ, но надобно извѣстное число лѣтъ, чтобы ея показанія могли представить настоящій матеріалъ къ соображеніямъ этого рода и быть съ пользою сравнены съ показаніями другихъ народовъ. Къ уменьшенію нашего труда по предмету, которымъ желаемъ заняться, и къ чести Россіи, даже не предстоитъ на первый случай ни какой нужды присоединять ея къ сообщаемой здѣсь перечени Судебной Статистики главнѣйшихъ государствъ Европы: въ отношеніи къ общей массѣ безнравственности, мы еще не можемъ выдержать сравненія съ высокообразованными народами. Въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что нигдѣ въ Европѣ не совершается такъ мало преступленій, какъ у насъ въ Россіи, несмотря на чрезвычайную кротость нашего уголовного законодательства. Такъ мы займемся только Франціею, Англіею, Австріею и Германіею, не думая впрочемъ сравнивать по итогам этой Статистики степень нравственности каждаго народа. Подобное сближеніе, безсомнѣнія, было бы весьма полезно; но ему противятся многія обстоятельства, въ особенности неодинаковость законодательства въ разныхъ странахъ. Убіеніе и отравленіе, конечно, всѣ народы причисляютъ къ преступленіямъ, но они весьма несогласны между собою въ классификаціи другихъ виновныхъ дѣяній. Въ каждой странѣ приняты особыя правила для отличенія злодѣянія отъ проступка или нарушенія полицейскихъ законовъ (*crime, délit, contravention*). Такъ какъ въ границахъ этихъ категорій нѣтъ ничего опредѣлительнаго, какъ всякой народъ устанавливаетъ ихъ по своимъ обычаямъ и предразсудкамъ, то онѣ не сходны между собою, а слѣдственно и сравненіе ихъ не можетъ быть ни точно, ни полезно.

Во Франціи, воровство, безъ обстоятельствъ увеличивающихъ преступленіе, считается проступкомъ и влечетъ за собою наказанія исправительныя; въ Англіи, напротивъ того, при опредѣленіи наказанія принимается въ соображеніе свойство и цѣна украденной вещи, и если польза, принося-

мая этою вещію и цѣна ея значительны, то и безъ обстоятельствъ, увеличивающихъ преступленіе, воровство наказывалось смертію. Если бѣ мы стали сравнивать число преступленій во Франціи и въ Англіи, не обративъ вниманія на разность опредѣленія въ томъ и другомъ государствъ однихъ и тѣхъ же дѣяній, то сдѣлали бы грубыя ошибки, причисливъ къ преступленіямъ дѣйствія, которыя во Франціи считаются проступками, или просто нарушеніемъ полицейскихъ законовъ. Есть даже такія дѣйствія, которыя въ Англіи влекутъ за собою позорныя наказанія, *reines infamantes*, а въ другихъ мѣстахъ не считаются даже и проступками.

Надобно принять въ соображеніе и то, что въ государствахъ, въ которыхъ, какъ въ Англіи, право обвиненія находится въ рукахъ частныхъ людей, разныя обстоятельства могутъ противиться обнаруженію истины и препятствуютъ преслѣдованію преступленій. Обиженный часто боится мщенія; въ случаѣ оправданія обвиненныхъ, онъ принужденнымъ находится заплатить не только судебныя издержки, но и вознагражденіе. Въ другихъ странахъ, раздѣленныхъ на разныя мелкія владѣнія, какъ напримѣръ въ Германіи и Швейцаріи, полиція дѣйствуетъ медленно и нерѣшительно. Преступникъ легко укрывается отъ ея преслѣдованія. Ему стоитъ только переплыть рѣку, перейти дорогу, перескочить черезъ заборъ, чтобы очутиться въ другомъ государствѣ и, слѣдственно, подъ вліяніемъ другихъ законовъ. Ясно, что въ странахъ, такимъ образомъ подраздѣленныхъ, число преступленій должно казаться менѣе, чѣмъ въ другихъ земляхъ, въ которыхъ дѣйствуетъ власть единообразнаго правительства. Но изъ этого ничего нельзя заключить въ пользу тѣхъ или другихъ. Мы просто изложимъ здѣсь факты, собранные въ разныхъ государствахъ, и сдѣлаемъ нѣкоторыя замѣчанія, чтобы объяснить ихъ подробности. Начнемъ съ Франціи.

Въ 1825 году, когда въ первый разъ составленъ былъ правильный отчетъ о дѣйствіяхъ судебной власти, уголовные Суды рѣшили участь 7,234 обвиненныхъ. Это число содержалось къ числу всего народонаселенія, какъ 1 къ 4,211. Съ тѣхъ поръ число обвиненныхъ составляло 6,988,—

6,929, — 7,396, — 7,393, — 6,962, — 7,606. Последнее число принадлежит 1831 году; а какъ часть преступлений, современныхъ 1830 году, была судима въ 1831, то числа этихъ двухъ годовъ представляютъ мнимую несоразмѣрность, которая въ самомъ дѣлѣ не существуетъ. Вообще число преступлений во Франціи простиралось въ 1825, 1826 и 1827 году до 7,000, а въ слѣдующихъ четырехъ годахъ до 7,400; слѣдственно оно увеличилось.

Число смертныхъ приговоровъ въ эти семь лѣтъ измѣнялось отъ 90 до 175; число наказаній тяжкихъ и позорныхъ отъ 2,000 до 3,000; исправительныхъ отъ 1,400 до 2,700.

Осужденія составляли въ 1825 и слѣдующихъ годахъ по 4,550 на годъ; а въ 1830 и 1831 простирались только до 4,100.

Изъ этого выходитъ, что число преступлений въ послѣдніе годы увеличилось 400, а число осужденій 400 уменьшилось; почему, умноженія числа ненаказанныхъ преступниковъ можно полагать въ 800, что безъ сомнѣнія надобно приписывать распространенію на разные роды дѣлъ Суда присяжныхъ, который весьма благопріятствуетъ ненаказанности, и только ослабляетъ спасительную строгость законовъ, не принося ни какой пользы правосудію, а напротивъ становясь обремененіемъ частнымъ людямъ въ ихъ отношеніяхъ и занятіяхъ.

Чтокасается до пропорціи числа преступниковъ съ общимъ числомъ жителей, то можно полагать, что первое вообще содержится къ послѣднему какъ 1 къ 4,250.

Въ общемъ числѣ преступлений, совершаемыхъ ежегодно во Франціи, число ихъ противъ лицъ составляетъ обыкновенно около четверти, а четверть послѣднихъ состоитъ въ ударахъ и ранахъ. Преступлений противъ лицъ во Франціи бываетъ въ годъ около 1900, слѣдственно болѣе 5 въ день. Изнасилованіе и преступления противъ стыдливости составляютъ около шестой части числа преступлений противъ лицъ. Суды разсматриваютъ ежегодно до 130 дѣлъ сего рода.

Двуубійство, оскорбленіе родственниковъ по восходящей линіи, отравленіе и отцеубійство уменьшаются. Два послѣднія преступления, по своей рѣдкости, могутъ быть скорѣе

почитаемы случайностями, чѣмъ предметами, подлежащими исчисленію.

Преступленія противъ права собственности составляютъ около трехъ четвертей всего числа преступленій: ихъ бываетъ въ годъ около 5,300. Они заключаются большею частью въ воровствѣ разныхъ родовъ. Воровство раздѣляется на воровство въ домахъ, воровство на большихъ дорогахъ, воровство въ церквахъ; первое составляетъ около четверти всего числа, послѣднее рѣже. За тѣмъ слѣдуютъ въ меньшей пропорціи подлоги, ложныя банкротства, дѣланіе фальшивой монеты, зажигательство и другія болѣе или менѣе рѣдкія преступленія.

Что касается до пропорціи, въ которой оба пола участвуютъ въ преступленіяхъ, то, изъ 100 преступленій противъ лицъ, 86 совершаются мужчинами, 14 женщинами; изъ 100 преступленій противъ права собственности, 79 совершаются женщинами, 21 мужчинами.

Въ числѣ преступленій противъ лицъ, совершаемыхъ мужчинами, большую часть составляютъ нанесеніе ударовъ, причиненіе извѣ и убійство непреднамеренное или заранее замышленное; меньшую, отравленіе и отцеубійство. У женщинъ напротивъ. Женщины совершаютъ только двадцатую часть убійства, двадцать-пятую преступленій, состоящихъ въ нанесеніи ударовъ и опричиненіи извѣ, по третью часть отцеубійствъ и половину отравленій.

Въ преступленіяхъ противъ права собственности участіе женщинъ увеличивается по мѣрѣ уменьшенія опасности. Такимъ образомъ изъ числа кражи на большой дорогѣ принадлежитъ имъ только 8 сотыхъ, а изъ числа обыкновенныхъ кражъ 17 сотыхъ; изъ числа кражъ въ церквахъ совершаютъ онѣ около четверти. Перейдемъ въ Австрію.

Въ 1824 году число проступковъ, совершенныхъ въ семи провинціяхъ Австрійской Имперіи при народонаселеніи въ 15 милліоновъ (потому что въ отчетѣ, издаваемомъ въ Вѣнѣ, Венгрія, Ломбардія, Трансильванія и провинція Военныхъ Границъ не включаются), простиралось до 12,447. Эта страшная разность съ Франціею гдѣ на 32 миліона бываетъ только около 7,500 преступленій зависитъ вся отъ разности законодательства и понятія о случаяхъ, подлежащихъ уголов-

ному суду. Это число содержится слѣдующимъ образомъ къ народонаселенію разныхъ провинцій.

Въ Моравіи и Силезіи какъ 1 къ...	1,907.
— Внутренней Австріи.....	1,809.
— Богеміи.....	1,650.
— Галиціи.....	1,425.
— Тироль и Форарлбергъ.....	1,022.
— Австрія и Зальцбургъ.....	807.
— Далмаціи.....	167.

Въ 1828 году число проступковъ, совершенныхъ въ тѣхъ же провинціяхъ, простиралось до 16,99¹/₂, и, въ сравненіи съ народонаселеніемъ, составляло слѣдующія пропорціи:

Въ Галиціи одинъ проступокъ на 1,530 душъ.	
Во Внутренней Австріи.....	1,420.
— Моравіи и Силезіи.....	1,389.
— Богеміи.....	1,079.
— Тироль и Форарлбергъ.....	928.
— Австріи и Зальцбургъ.....	433.
— Далмаціи.....	128..

Число приговоровъ, произнесенныхъ судами тѣхъ же семи провинцій, съ 182¹/₂ по 1828 годъ простиралось до 29,450, въ томъ числѣ 90 чел. приговорено къ смертной казни, 28,796 къ заключенію въ тюрьму на срокъ менѣе 10 лѣтъ, 538 къ заключенію въ тюрьму на 10 и до 20 лѣтъ, 26 къ пожизненному заточенію. Число осужденныхъ преступниковъ распределяется слѣдующимъ образомъ по разнымъ провинціямъ въ означенные годы:

	1824.	1828.
Богемія.....	1,088.	1,858.
Галиція.....	1,300.	1,654.
Австрія и Зальцбургъ..	1,240.	1,549.
Моравія и Силезія.....	647.	778.
Внутренняя Австрія.....	562.	715.
Тироль и Форарлбергъ..	334.	545.
Далмація.....	269.	244.
	<hr/> 5,450.	<hr/> 7111.

Въ 182¹/₂ году число осужденныхъ преступниковъ содержалось къ числу жителей какъ 1 къ 2,777; а 1828 году

какъ 1 къ 2,08½, а по разнымъ провинціямъ пропорція была слѣдующая:

1821. 1828.

Жителей.

Въ Богеміи одинъ осужденный преступникъ на	3,229	1,995.
— Далмаціи.....	1,063.	1,527.
— Галиціи.....	3,520.	2,656.
— Внутренней Австріи.....	5,545.	2,654.
— Моравіи и Силезіи.....	2,859.	2,414.
— Австріи и Зальцбургъ.....	1,607.	1,286.
— Тироль и Форарлбергъ.....	2,288.	2,106.

Сравнивая число преступковъ съ числомъ приговоровъ, нельзя не замѣтить снисходительности Австрійскаго правосудія. Къ смерти приговорено весьма немного, да и изъ эгихъ приговоровъ большая часть не исполнена. Императоръ утверждалъ смертные приговоры только въ случаѣ самыхъ важныхъ преступленій. Такъ, напримѣръ, въ Богеміи казнено смертію въ пять лѣтъ только 14 человекъ, въ Моравіи только 5, и все за поджоги и убійства. Большая часть пожизненныхъ заточеній назначены вмѣсто смертной казни; остальные замѣнены другими не столь строгими наказаніями. Вообще Нѣмецкое законодательство оказываетъ величайшее уваженіе къ человѣческой жизни: смертные приговоры произносятся весьма рѣдко, исполняются еще рѣже. Въ Пруссіи съ 1818 по 1829 приговорено къ смерти только 210 человекъ, казнено только 87. Въ Королевствѣ Виртембергскомъ съ 1816 по 1825 годъ казнено смертію 2¼ человека; въ Баваріи, въ 1826 году 2; въ Великомъ Герцогствѣ Баденскомъ въ 1827 году, 7.

Чтобы легче видѣть благость Нѣмецкихъ законовъ, надобно было бы сравнить ихъ съ законами другихъ странъ, напримѣръ съ кровожаднымъ Англійскимъ законодательствомъ. Сообщаемъ читателямъ нашимъ извлеченіе изъ отчетовъ о судопроизводствѣ, изданныхъ Англійскимъ Министерствомъ Юстиціи. Мы беремъ почти равные сроки, и показываемъ число преступленій противъ лицъ и права собственности, и число приговоровъ.

Въ 1810 году Англійскіе Суды рѣшили дѣла 5,1½ обвиненныхъ. Изъ нихъ приговорены къ разнымъ наказаніямъ

3,594 ч., а именно 64 за преступленія противъ лицъ, 3,550 за преступленія противъ права собственности. Въ томъ числѣ смертныхъ приговоровъ было 409.

Въ 1815, обвиненныхъ было 7,818; приговорено 5,170 ч., именно 61 за преступленія противъ лицъ, 8,725 за преступленія противъ права собственности. Къ смертной казни приговорено 496 ч.

1821. — Число обвиненныхъ 13,115; приговоренныхъ 8,796; за преступленія противъ лицъ 71, противъ права собственности 8,725; смертныхъ приговоровъ было 1,020.

1825. — Число обвиненныхъ 14,437, приговоренныхъ 10,181; за преступленія противъ лицъ 94, противъ права собственности 10,087; число смертныхъ приговоровъ 1000.

1831. — Число обвиненныхъ 19,647; приговоренныхъ 12,175; за преступленія противъ лицъ 57, противъ права собственности 12,118. Смертныхъ приговоровъ было 1,601!

Эти примѣры лучше всѣхъ возможныхъ разсужденій доказываютъ жестокость Англійскихъ законовъ; но мы должны прибавить, что тѣ, которымъ поручено примѣнять эти законы, умѣютъ умѣрять ихъ строгость, представляя объ облегченіи приговоровъ. Такимъ образомъ изъ числа 1,601 ч. приговоренныхъ въ 1831 г. къ смертной казни, дѣйствительно казнено только 52.

Разсматривая отчеты объ уголовномъ судопроизводствѣ въ разныхъ странахъ Европы въ теченіе послѣднихъ девяти или десяти лѣтъ, мы были поражены однимъ весьма важнымъ обстоятельствомъ. Мы замѣтили, что число преступленій противъ лицъ повсюду постепенно уменьшается; число преступленій противъ права собственности напротивъ ужасно увеличивается. Радоваться ли этому? Намъ кажется, что не должно. Преступленія перваго рода вообще считаются важнѣе послѣднихъ: въ отношеніи къ результату это, конечно, справедливо; но на преступленія надобно глядѣть не съ этой одной точки зрѣнія. Должно смотрѣть на степень безправственности, которую преступленіе заставляетъ предполагать въ томъ, кто его совершаетъ. Нанесеніе ударовъ, причиненіе лѣвъ, и проч., если только они не сопровождаются кражею, суть

нерѣдко результатъ минутной вспыльчивости, порыва страсти, ревности, гнѣва или мщенія. Побудительному причиною этихъ преступленій часто бываетъ даже ложное понятіе о чести, которое легко извинится нашими предрасудками. Напротивъ, преступленія противъ собственности бываютъ всегда плодомъ злоумышленія, доказываютъ подлость и закоренѣлую испорченность. Обманщикъ, человекъ дѣлающій фальшивую монету, которые, нося на себѣ личину образованности, разоряютъ цѣлыя семейства, безъ-сомнѣнія несравненно безправственнѣе, преступнѣе грубаго простолюдина, который въ минуту бѣшенства убиваетъ своего непріятеля.

Какъ бы то ни было, но мы не излишнимъ считаемъ показать увеличеніе или уменьшеніе въ послѣдніе годы разнаго рода преступленій. Слѣдующія таблицы заимствуемъ мы изъ судебныхъ лѣтописей Великобританціи.

1-е. Преступленія, влекущія за Число преступленій въ собою наказанія умрелныя 1820. 1831.

Простое воровство и обманъ.....	6,953.	10,065.
Грабежъ.....	133.	297.
Кража товаровъ.....	119.	276.
	<hr/> 7,205.	<hr/> 10,638.

2-е. Преступленія, влекущія за собою смертную казнь.

Смертоубійство.....	14.	14.
Кража въ домахъ вооруженною рукою.....	283.	99.
Отогнаніе скота.....	165.	182.
	<hr/> 469.	<hr/> 295.

Надобно признаться, что хотя законы успѣли обуздать страсти, но они не могутъ воздержать человека отъ пороковъ, устрашающихъ общество. Чему приписать это? Многіе люди съ дарованіями занимались разсмотрѣніемъ этого вопроса, но ни одинъ не рѣшилъ его удовлетворительно. Увѣряютъ, что главная причина всѣхъ преступленій есть нечѣстество, и что надобно только просвѣтить людей, чтобы содѣлать ихъ добродѣтельными. Это мнѣніе, пріятное

филантропамъ и друзьямъ просвѣщенія, принято почти всеми, и его поддерживали съ такою увѣренностію, что оно сдѣлалось пошлымъ афоризмомъ.

Сколь ни достойна уваженія теорія, проповѣдуемая отличнѣйшими въ обществѣ людьми, но она не можетъ преодолѣть могущества фактовъ. Несомнѣтельность этого мнѣнія ежедневно доказываютъ замѣчанія, самыя положительныя и неопровержимыя.

Въ Австріи, гдѣ первоначальное обученіе сдѣлало въ послѣднее время быстрые успѣхи, нечисленно, въ какой степени разлито въ каждой провинціи просвѣщеніе и въ какой степени участвуютъ жители ся въ проступленіяхъ. Провинціи занимаютъ совсѣмъ не одинаковое мѣсто въ этихъ двухъ категоріяхъ. Нижняя Австрія, которая въ отношеніи къ просвѣщенію занимаетъ первое мѣсто, въ отношеніи къ нравственности стоитъ въ пятомъ ряду: въ ней считается одинъ преступникъ на 609 жителей; между тѣмъ какъ Галиція, которая стоитъ въ послѣднемъ ряду въ отношеніи къ просвѣщенію, по нравственности помѣщается выше Нижней Австріи: въ ней считается только одинъ преступникъ на 1,582 души. Россія, не занимающая перваго мѣста въ числѣ просвѣщенныхъ народовъ, можетъ служить примѣромъ нравственности цѣлой Европѣ.

Намъ кажется, что постепенное увеличеніе уголовной безнравственности происходитъ отъ причины болѣе общей и вѣщественной. Въ послѣднее время, между прочими два извѣстныхъ повременныя изданія, *The Metropolitan* и *Blackwood's Magazine*, занимались ея изысканіемъ, и первый изъ нихъ ввелъ ее въ нѣмцѣ, происходящей отъ возвышенія въ Европѣ податей и налоговъ и неравной ихъ раскладки, второй въ распространеніи просвѣщенія. Не нужно и доказывать, что первое изъ этихъ мнѣній есть оптический обманъ или мистификація духа партій; послѣднее достойно только быть представленнымъ отъ Жанъ-Жака Руссо въ Дижонскую Академію для полученія преміи за софизмъ. Изъ того, что число уголовныхъ преступленій усилилось въ то самое время, какъ и просвѣщеніе, нельзя еще заключать ничего болѣе того, что оба эти факта современны другъ другу: приписывать

первое второму было бы такъ же нельзя, какъ и приписывать его употребленію резиновыхъ галошъ, опираясь на томъ, что увеличеніе общественной безнравственности и мода на этотъ родъ обуви случились въ одно и то же время, и усиливались почти въ одинаковомъ содержаніи. Язва, о которой разсуждаемъ, безъ-сомнѣнія состоитъ въ нѣкоторой связи и съ нищетою и съ просвѣщеніемъ, но только въ томъ отношеніи, въ какомъ умноженіе общественныхъ богатствъ сопряжено съ тѣмъ и съ другимъ. Образованный міръ сталъ несравненно богаче прежняго. Быстрое и изумительное возвышеніе его богатствъ съ одной стороны есть слѣдствіе успѣховъ просвѣщенія, съ другой непосредственная и немѣлкая причина усиленія нищеты. Чѣмъ болѣе общество пріобрѣтаетъ богатствъ, тѣмъ болѣе умножаются искусственныя потребности, наклонность къ роскоши, мелочныя, но того не менѣе сильныя и опасныя страсти, тѣмъ завидующихъ богатому, масса плутовъ и людей, уже недовольствующихся насуннымъ, и ищущихъ легкими и непозволительными средствами удовлетворить своимъ прихотямъ, тогда какъ, наоборотъ, въ богатомъ классѣ, самая гордость богатства ведетъ насъ къ частѣйшему презрѣнію и нарушенію закона. По мѣрѣ приращенія народнаго довольства, усиливается число минимыхъ нищихъ и лицъ, считающихъ себя выше всего запрещеннаго; однимъ словомъ, усиливается итогъ и наглость страстей, — и вотъ причина постепеннаго приращенія безнравственности, которой нельзя приписывать безпосредственно ни просвѣщенію, ни большимъ налогамъ, потому, что первое отдѣлено отъ нея цѣлою массою своихъ благотворительныхъ слѣдствій, а вторые только современность и результатъ возвышенія богатства. По поводу того, что преступленія умножаются, общество еще никакъ не можетъ отказаться отъ просвѣщенія, изъ котораго происходитъ его вещественное благо и первѣйшая сила, — богатство; а что богатство имѣетъ свои неудобства для нравственности, въ томъ не вина просвѣщенія и не вина общества. Изслѣдовать эти неудобства дѣло Философіи; искоренить ихъ, конечно, было бы дѣломъ правительствъ, если бы подобное предпріятіе не превосходило силъ и мудрости человѣческихъ.

НОВѢЙШІЯ СВѢДѢНІЯ О КАФРАХЪ. Лейтенантъ Роджерсъ, служившій въ Англійскихъ Южно-Африканскихъ владѣніяхъ, привезъ въ Европу весьма любопытныя подробности о Кафрахъ. «Въ раннее утро, говоритъ онъ въ своей Запискѣ, двинулись мы въ горы, занимаемыя однимъ поколѣніемъ этого народа, и скоро достигли до первыхъ хижинъ, гдѣ все было мертвымъ сномъ, даже собаки. Царствовала глубочайшая тишина; утренній туманъ подернулъ горы; мы нехотя нарушили это безмолвіе нашимъ приближеніемъ, и выпугнули бѣдныхъ Кафровъ изъ жилищъ ихъ: въ горахъ отозвался внезапный крикъ, — все поднялось и разсыпалось въ разные стороны, между хижинами, по долинамъ, въ кустарникъ; однако жъ ни одинъ не выпускалъ изъ рукъ оружія. Женщины и дѣти остались въ хижинахъ, потому что здѣсь и въ заводѣ нѣтъ обижать ихъ: объ нихъ заботятся даже при дѣлѣ добычи, и предоставляютъ имъ дойныхъ коровъ и телятъ, уводя только бойную скотину да молодыхъ быковъ, употребляемыхъ на войнѣ. Быки составляютъ артиллерію Кафровъ, или, если угодно, ихъ регулярную пѣхоту, у которой штыкъ замѣняется рогами. Въ приученіи ихъ къ этому ремеслу Кафры проводятъ большую часть времени, и, правду сказать, за ними трудъ не пропадаетъ: они имъ добрые помощники во всѣхъ почти предпріятіяхъ, послушны и смыслены до чрезвычайности. Чтобъ остановить ихъ на всемъ скаку, когда уже нѣтъ для нихъ ни какого препятствія, одно средство — убить передоваго; остальные, какъ будто объятые паническимъ страхомъ, теряютъ свою воинскую пылкость, и тутъ уже легко съ ними управиться. Но Кафры и въ этомъ случаѣ сохраняютъ надъ ними удивительную власть, дѣйствуя и голосомъ и тѣлодвиженіями.

«Видъ Кафровъ, идущихъ въ атаку на непріятеля, поразителенъ. Они скидаютъ съ себя *каро*, или епанчи изъ размягченной бычачьей шкуры, носимыя обыкновенно черезъ плечо, и идутъ въ атаку совсѣмъ нагіе: на темпобурой, лоснящейся ихъ кожѣ, облитой ручьями пота, ясны только мѣдныя и костяныя кольца, которыми они унижаютъ себя не пальцы, а руки; да нити цвѣтныхъ бусъ и шнурковъ или другихъ зубовъ, которые носятъ они на шеѣ или

по поясу, считая талисманами. Въ лѣвой рукѣ держать они связку изъ пяти и до семи *ассагеевъ*, или дротиковъ, прикрѣпленную къ дубинѣ, которая употребляется въ послѣдней крайности, и особенно дѣйствительна въ рукопашномъ боѣ. Ассагей около шести футовъ длиною, съ остриемъ въ футъ или болѣе, и часто съ наконечникомъ. Они бросаютъ имъ чрезвычайно мѣтко, и въ двадцати, даже въ тридцати сажняхъ пробиваютъ насквозь. Съ равнымъ искусствомъ дѣйствуютъ они *кери*, или дубиною, и отражая, и нанося удары. Они обыкновенно нападаютъ изъ засадъ, и, если только удастся имъ вынудить залпъ у сопротивнаго войска, бросаются на него такъ быстро, что нападенія ихъ часто бываютъ гибельны. Въ отвращеніе этого, всѣ Англіійскія войска на Мысѣ Доброй Надежды снабжены теперь двуствольными ружьями.

Кафры кажутся высоки въ сраженіи и безъ своей спанчи. Но въ самомъ дѣлѣ ростъ ихъ не великъ, и все вообще сложеніе уступаетъ Европейскому. Только отъ постоянного движенія, ладвен, голени и ступни становятся у нихъ огромны до уродливости, такъ, что легко различить слѣдъ Кафра по его величинѣ и расширенію пальцевъ. Они неутомимые путешественники и дѣятельны до чрезвычайности, точно сайги, которыя, говорятъ, и прострѣленные пулею съ ногъ не валятся, а бѣгутъ далѣе, собственно уже по смерти. Даже получивъ самую сильную рану, они всегда почти улизнутъ отъ васъ, затыкая ее травою и листьями, и не остановятся, пока душа въ тѣлѣ. Ихъ воздержной и ко всему привычной жизни должно приписать то, что они выздоравливаютъ отъ такихъ ранъ, отъ которыхъ не встать бы Европейцу.

Въ дикой, почти недоступной глуши, Кафры обезпечены отъ непріятельскихъ нападеній и отъ недостатка въ продовольствіи, для котораго служатъ имъ мелкая порода сайгъ и медъ. Съ помощію буроватой, невидной птички, называемой *указатель*, *indicator*, находятъ они меду чрезвычайно много въ деревьяхъ, утесахъ и тѣхъ коническихъ муравейникахъ, которыми усѣяна вся Южная Африка, такъ, что кажется безконечнымъ кладбищемъ съ высокими могилами. Муравейники эти прочно слѣплены изъ глины. Удивитель-

но, что маленькое пастбище въ состояніи дѣлать такіе постройки, ніюгда очень далеко отъ воды, которая необходима для подобнаго зодчества: оно въетъ такіе же гнѣзда и на деревьяхъ. Но прійдетъ муравьѣдъ, и длиннымъ языкомъ своимъ вынжетъ всѣхъ обитателей изъ этихъ художественныхъ зданій: тогда поселяются въ нихъ пчелы и, въ свою очередь, становятся добычею человѣка и его пернатого союзника, «указателя», который, за приличную плату, обязуется ему открывать медъ. Ставъ между муравейниками, Каоръ зоветъ птичку особннымъ крикомъ, — не то она сама къ нему является, стараясь обратить его вниманіе также особннымъ чиликаньемъ. Замѣтивъ, что Каоръ сидитъ, она перепархиваетъ съ мѣста на мѣсто прямо къ пчельнику, и все чиликаетъ, а тотъ отклоняется ей по-своему: наконецъ она прилетаетъ къ улью, и пока человекъ подбираетъ медъ, крылатый шпионъ, за оказанную услугу, преспокойно ожидаетъ своей доли, которая всегда ему остается, чтобъ и впередъ дѣйствовать заодно.»

СРАЖЕНІЕ КОРАБЛЕЙ ВОСНЕСЪ СЪ КИТОМЪ. Съ половины минувшаго столѣтія, то есть, со времени рѣшительнаго преобладанія Англичанъ на морѣ, этотъ выгодный промыселъ былъ почти исключительно въ ихъ рукахъ. Кроме прибыли, онъ приносилъ и ту неоцѣненную пользу, что на китоловныхъ корабляхъ образовывались отличные матросы для флотовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это лучшая школа для моряковъ. До двухъ сотъ пятидесяти судовъ занимались имъ ежегодно. Но должно замѣтить, что изъ нихъ большая часть принадлежала Англійскимъ колоніямъ: иначе нельзя объяснить внезапнаго уменьшенія числа ихъ съ тѣхъ поръ, какъ эти колоніи образовали независимое государство Соединенныхъ Штатовъ. Теперь Северо-Американцы посылаютъ до четырехъ сотъ кораблей въ годъ на китоловный промыселъ: Англія не болѣе девяноста, Франція около сорока. Число всѣхъ Европейскихъ и Американскихъ кораблей, занимающихся этой ловлею, помогаютъ около семи сотъ. О важности ея для торговли и народнаго богатства можно судить по тому, что въ четыре послѣдніе года средняя выручка на салъ и усахъ простиралась въ Соединенныхъ Штатахъ до 4, 500,000 долларовъ (22,500,000 р.) ежегодно.

Китовая ловля производится вообще въ холодныхъ и, следовательно, здоровыхъ климатахъ: только отъ продолжительнаго плаванья и невозможности имѣть всегда свѣжіе припасы, люди часто подвергаются цынготной болѣзни. Но имъ угрожаютъ иногда опасности совсѣмъ другаго рода, о которыхъ пусть поразскажетъ вамъ капитанъ Сѣверо-Американскаго судна Эссексъ, Г. Овенъ-Кливъ. Страшный и любопытный этотъ случай описанъ имъ въ вышедшемъ въ прошломъ году, въ Нью-Йоркѣ, сочиненіи — *Discovery and adventure in the Polar Seas with an account of whale fishery*. New-York, 1853.

«Я видѣлъ, говорить онъ, огромнаго кита, длиною, по глазомеру, до восьмидесяти пяти футовъ (?)». Эти животныя рѣдко бываютъ длиннѣе десяти сажень, или семидесяти футовъ. «Онъ показался изъ воды въ шестидесяти саженьяхъ отъ корабля, и препокорно лежалъ къ нему головою. Выбрызнувъ воду раза два или три, онъ скрылся; но, меньше нежели черезъ три минуты, выплылъ уже гораздо ближе и пошелъ прямо къ намъ. Сначала появленіе его насъ не испугало, но, увидѣвъ, что онъ быстро приближается, я велѣлъ рулевому править отъ него въ сторону. Только я успѣлъ это выговорить, китъ ударилъ въ судно головою, и поколебалъ его такъ сильно, что мы едва устояли на ногахъ. Корабль отпрянулъ будто отъ подводнаго камня, и нѣсколько минутъ дрожалъ какъ листъ. Молча, глядя на друга на друга въ крайнемъ изумленіи, а китъ нырнулъ подъ корабль, и, задѣвая за киль, выплылъ на другую сторону; тутъ онъ лежалъ съ минуту на поверхности воды, по-видимому, самъ ошаложенный ударомъ; потомъ вдругъ пустился по вѣтру. Когда мы опомнились отъ ужаса, мнѣ сейчасъ пришло въ голову, что онъ пробилъ корабль, и я велѣлъ качать воду; но почти въ ту же минуту замѣтилъ, что носовая часть примѣтно садится въ воду. Я велѣлъ сдѣлать позывный сигналъ лодкамъ, посланнымъ съ корабля тоже за китами, и тутъ опять увидѣлъ въ трехъ стахъ саженьяхъ прежняго непріятеля: онъ, казалось, трепеталъ на поверхности воды, и оттого набилъ такую пѣну, что весь ею покрылся. Я могъ хорошо разглядѣть, какъ онъ стискивалъ челюсти, будто отъ бѣшенства. Между-тѣмъ корабль

все глубже садился въ воду, и я считалъ его погибшимъ, хоть и приказывалъ безпрестанно качать. На всякой случай, я занялся приготовленіемъ къ спуску лодокъ, которыхъ только двѣ и оставалось на суднѣ. Вдругъ слышу крикъ: «Вотъ онъ! онъ опять плыветъ къ намъ!» Я обернулся и увидѣлъ его, приближающагося съ удвоенной быстротою и съ такимъ яростнымъ видомъ, что меня объялъ ужасъ. Брызги летѣли во все стороны, и, футовъ на двадцать въ ширину, слѣдъ его означался полосой пѣны взбиваемой безпрестанными ударами хвоста. Голова его до половины видна была изъ подъ воды: онъ всплылъ, и опять ударилъ въ корабль. Напрасно я кричалъ рулевому держать въ сторону, надвѣясь избѣгнуть этого гибельнаго для корабля удара: китъ пробилъ его насквозь подъ самой кранбалкой. Онъ опять нырнулъ подъ корабль, выплылъ на другую сторону, и мы его уже не видали.»

Поле этой ужасной стычки было близъ экватора, и ближайшія земли лежали въ полторы тысячъ верстъ отъ несчастнаго судна. Двадцать человекъ экипажа успѣло броситься въ три ничтожныя лодки, съ частью жизненныхъ припасовъ, спасенныхъ отъ кораблекрушенія. Одна изъ нихъ пропала безъ вѣсти; двѣ другія, послѣ долгаго плаванія и безчисленныхъ бѣдствій, были подобраны встрѣтившимися кораблями въ ту самую минуту, когда злополучные страдальцы избрали уже одного изъ среды себя по жребію для удовлетворенія своего голода.

ПЛОДОРОДНОСТЬ И ЖИЗНЬ НАЛИВОЧНЫХЪ ЖИВОТНЫХЪ. Говоря въ предъидущей книжкѣ Б. для Ч. о каплѣ воды и ея жителяхъ, мы изъяснили, какимъ образомъ профессоръ Эренбергъ, употребляя весьма усовершенствованный микроскопъ, и питая этихъ наливочныхъ животныхъ разными красивыми веществами, удостовѣрился, что нѣкоторыя породы этихъ существъ имѣютъ два, три и четыре желудка, и замѣтилъ различные органы, употребляемые ими для жеванія. Онъ сверхъ-того открылъ у нихъ мышцевую систему, особенные органы дѣторожденія и другіе, которые, по его мнѣнію, составляютъ системы сосудистую и нервную. Но всего любопытнѣе изысканія его о продолженіи жизни, развитіи и распложеніи микроскопическихъ животныхъ.

«Вотъ какія средства употреблялъ я, говоритъ Г. Эренбергъ, чтобы увидѣть, сколько времени живутъ они. Я взялъ часовое стекло, налилъ туда немножко воды, въ которой были наливочныя животныя, и потомъ пересаживалъ каждое изъ нихъ въ узкую стеклянную трубку, закрытую съ одного конца и наполненную водою, въ которой не было животныхъ той же породы. Это была моя обсерваторія. Такимъ образомъ я собралъ около полудюжины наливочныхъ животныхъ, длиною около шестой части линіи, и которыхъ, слѣдственно, наблюдать было довольно легко. Они принадлежали къ роду *hydatina zenta*. Двое изъ этихъ животныхъ умерли въ самый день переселенія, восьмеро жили семнадцать дней, а четыре девятнадцать. Я нѣсколько разъ повторялъ этотъ опытъ, и, получивъ всегда одни и тѣ же результаты, могу сказать утвердительно, что среднее продолженіе жизни наливочныхъ животныхъ изъ рода гидатинъ, *hydatina*, составляетъ отъ осмнадцати до двадцати дней.

«Гидатина животное яйцеродное и размножается весьма скоро, но это измѣняется, смотря по качеству и количеству даваемой ему пищи. Положивъ въ нѣсколько сосудовъ, въ которыхъ были наблюдаемыя мною наливочныя животныя, небольшое количество зеленого вещества, являющагося на поверхности стоячей воды и состоящаго также изъ одной породы наливочныхъ животныхъ, *monas pulvisculus*, я замѣтилъ, что гидатины съ жадностію ѣдятъ это вещество, и что оно производитъ въ нихъ большую плодородность. Такимъ образомъ животныя, бывшія въ трубкѣ, въ которую я не наливалъ этой жидкости, клали только два яйца въ день; но когда я пустилъ въ эту трубку нѣсколько капель зеленого вещества, животныя вскорѣ послѣ того начали класть по шести, семи и даже девяти яицъ въ день. По этому примѣру и другимъ подобнымъ, я думаю, что одна гидатина, можетъ наплодить въ двадцать дней отъ десяти до двѣнадцати миллионовъ животныхъ; но въ другихъ породахъ эта плодородность совсѣмъ не такъ велика.

«Такимъ образомъ, размноженіе желудочныхъ животныхъ, которыя распложаются только поперечнымъ раздѣленіемъ своего тѣла, идетъ медленно. Вотъ, какъ оно совершается: животныя жили нѣсколько дней, не претерпѣвая почти ни

какой перемычки; тѣла ихъ казались только нѣсколько сжатыми въ срединѣ, и это доказывало, что они уже начинаютъ раздѣляться; суженіе ихъ тѣла быстро увеличивалось. Я замѣтилъ случаи, въ которыхъ это подраздѣленіе совершалось до трехъ разъ въ сутки, такъ, что изъ одного животнаго выходило четыре. Претерпѣвъ нѣсколько разъ подобное раздѣленіе, эти животныя жили десять или двѣнадцать дней, что и должно быть обыкновеннымъ продолженіемъ ихъ жизни.»

ГЕРМАНИЯ, УЧЕНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ. Примѣчательно, что почти всѣ великіе или знаменитые мужи, бывшіе украшеніемъ нашего вѣка, родились около 1759 и 1769 годовъ, то есть, около времени появленія двухъ величайшихъ кометъ, какія только были видны съ Земли послѣ паденія Римской Имперіи. Комета 1759 года (Галлеева) возвратится къ намъ въ будущемъ году: должно надѣяться, что въ слѣдующую зиму родится такая же, какъ и въ прошедшее ея появленіе, куча великихъ дѣтей, изъ которыхъ вырастутъ великіе мужи для второй половины нашего столѣтія. Но комета 1769 воротится только въ 2698 году: поэтому втораго Наполеона, втораго Кювье, надо ожидать не прежде какъ черезъ восемь сотъ шестьдесятъ пять лѣтъ. Я приписываю стеченію этихъ двухъ великихъ кометъ то множество великихъ геніевъ, какое вдругъ высыпало на нашу планету въ концѣ прошлаго вѣка. Въ 1811 году была тоже необыкновенная комета: вѣроятно лѣтъ черезъ десять вылапятся на свѣтъ всѣ необыкновенные умы, родившіеся подъ ея вліяніемъ, и на землѣ опять будетъ знаменито и весело. Между-тѣмъ, нѣтъ хорошихъ кометъ, нѣтъ и великихъ людей.

Германія, подобно другимъ странамъ Европы, потеряла въ послѣдніе годы большую часть своихъ прославленныхъ мужей, произведенныхъ этою блистательною кометною эпохою. Еще не простыли могилы Гегеля и Рудольфи, какъ она должна уже оплакивать смерть Шлейермахера. Берлинскій Университетъ лишился въ немъ первѣйшаго своего украшенія: Шлейермахеръ былъ великъ не только умомъ, но и сердцемъ, но и своими добродѣтелями; его смерть про-

извѣла въ Германіи впечатлѣніе общественнаго несчастія. Философія Шлейермахера сперва была чистое Кантово ученіе: впоследствии онъ примѣнялъ къ ней идеи Фихте и Якоби, и чѣмъ болѣе старѣлся, тѣмъ сильнѣе пристращался къ системѣ послѣдняго: съ Гегелемъ не хотѣлъ онъ имѣть ничего общаго, и отвращеніе къ его теоріи простиралось до того, что рѣшительно противился выбору его въ Члены Академіи.

Отличнѣйшимъ ученикомъ Гегеля и представителемъ его Философіи считается теперь Габлеръ: ему не удалось быть преемникомъ Гегеля на кафедрѣ, несмотря на желаніе покойнаго.

Довольно странно, что философія Кузена начинаетъ входить въ моду въ Германіи.

Шеллингъ, какъ извѣстно, живетъ въ Мюнхенѣ, гдѣ Философія не въ большой славѣ. Въ теченіе двухъ прошедшихъ зимъ онъ читалъ тамъ «Критическій разборъ философскихъ системъ отъ Декарта до нынѣшняго времени.» Наружность стараго любомудра не привлекательна, но лице внушаетъ невольное къ нему почтеніе: рѣзкія, сильныя, исполненныя выраженія и мысли черты поражаютъ всякаго, кто на него ни взглянетъ. На кафедрѣ онъ то ужасно терпкій, кислый, дѣвительный діалектикъ, то поэтъ, — даже энтузіастъ: послѣднее столь же легко можетъ быть въ немъ отблескомъ еще той огненной и поэтической его эпохи, въ которую такъ сильно воспламенялъ онъ слушателей и вскружалъ головы, склонныя къ мечтанію, какъ и натяжкою. Въ обращеніи онъ сухъ и важенъ, но, говорятъ, очень милъ въ кругу короткихъ знакомцевъ. Шеллингъ во многомъ сходенъ съ Гёте: тотъ и другой получили отъ Природы умъ геніальный и софистическій; тотъ и другой не нашли въ жизни своей точки, на которой могли бы твердо опереться. Но Гёте вкушалъ некоторое спокойствіе души, благодаря своему систематическому равнодушію, тогда какъ Шеллингъ являетъ въ себѣ совершенную противоположность съ квиетизмомъ Спинозы. Дикій нравъ умозрителя и на старости лѣтъ увлекаетъ его въ тягостную борьбу со страстями, и горькая печаль доселѣ извѣстна его сердцу. Любя или ненавидя, онъ всегда попадаетъ въ крайность. Сквозь его холодную и безпокойную

наружность вы легко примѣчаете въ немъ гнѣвъ, презрѣніе и внутреннее несчастье.

Шеллингъ, который у насъ еще такъ сильно дѣйствуетъ на нѣкоторые умы, почти совершенно забытъ въ Германіи. Известно, что онъ измѣнилъ свою Философію, и многіе не безъ основанія думаютъ, что къ этому неожиданному поступку подстрекнуло его огорченіе, причиненное упадкомъ его славы, и необходимость опять обратить на себя взоры. Въ самомъ дѣлѣ, онъ успѣлъ возбудить этимъ, если не прежній восторгъ, по крайней мѣрѣ любопытство ученой и учащейся Германіи, которая теперь ожидаетъ отъ него обѣщанной «Системы Положительной Философіи.» Мы имѣемъ передъ глазами письмо его, писанное въ Москву къ одному изъ нашихъ соотечественниковъ въ Сентябрѣ прошлаго года, и съ удовольствіемъ сообщили бы его вполнѣ нашимъ читателямъ, если бъ умозрительное мечтательство какого бы то ни было человека считали важнымъ дѣломъ для человѣчества. Когда пройдемъ мыслію весь рядъ философскихъ системъ, въ которыя люди вѣрили и которыми они восхищались, въ истинѣ которыхъ были убѣждены и надъ которыми теперь смѣются; когда подумаемъ, что всю прошлую зиму Шеллингъ съ ѣдкою и презрительною улыбкою перебиралъ въ Мюнхенѣ ученія своихъ предшественниковъ, и черезъ десять лѣтъ съ той же кафедрой другой философъ такъ же пріятно будетъ забавляться на ихъ счетъ и выводить на счетъ системы его, великаго Шеллинга, у насъ почти не достаетъ силы серьезно говорить объ этихъ вещахъ, которыхъ впрочемъ не отвергаемъ необходимости: надо же тѣшить людскіе умы чѣмъ-нибудь, — не той, то другою системою, не тѣмъ, то другимъ умозрѣніемъ! Глядя на предметъ съ этой утилитарной точки, мы приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ письма, въ которомъ Шеллингъ старается оправдать свое философское отступничество и, дать понятіе о сочиняемомъ имъ ученіи, о своемъ *gegenwärtigen Standpunkt*. «Я уже упоминаю,» говоритъ онъ, «трудъ, начатый очень давно, слѣдствіемъ котораго будетъ *новый умственный міръ, до сихъ поръ непрístupный для Философіи*..... Это не помысль, жалкій и тощій, одного человека, но общій духъ времени, который возжелалъ *проживиться въ насъ и черезъ*

мась.» Почтенный профессор изъясняется немножко вдохновеннымъ слогомъ! «Собственно, я не оставляю прежняго пути, но продолжаю его; также, не отказался отъ прежнихъ средствъ, но ищу употребить ихъ высшимъ образомъ; словомъ, стремлюсь не оторвать прежнія мои пріобрѣтенія въ области ума, но воспарить выше и распространить ихъ предѣлы. Философія Откровенія составляетъ не цѣлое, но послѣднюю часть всей моей Философіи. Система тѣмъ различается отъ всѣхъ прежнихъ, что содержитъ въ себѣ философію, которая дѣйствительно можетъ до того достигнуть, не противудѣйствуя Христіанству, ни Философіи вообще: hoc opus, hic labor erat.» Далѣе Шеллингъ утверждаетъ, что, придерживаясь по-возможности прежняго своего образа изслѣдованія, онъ старается преодолѣть нынѣшній раціонализмъ, — философскій, не богословскій, — но не хочетъ впадать въ сентиментальность, изуверство или мистицизмъ: онъ имѣетъ въ предметъ дѣйствовать на всеобщее и вѣчное убѣжденіе, и утвердить свое ученіе *навсегда*. Блаженъ, кто въ состояніи тѣшиться подобными надеждами!

То, что Шеллингъ называетъ духомъ вѣка, который «возжелалъ проявиться въ немъ и черезъ него,» есть въ самомъ дѣлѣ духъ значительной части нынѣшней Германіи: никогда религіозный мистицизмъ не господствовалъ тамъ съ такою силою, какъ теперь. Это обыкновенный признакъ общества въ опасности, общества мучимаго безпокойными политическими страстями: люди, любящіе спокойство, охотно предаются въ такихъ случаяхъ мистицизму, и не нужно кажется объяснять, какъ подобное направленіе умовъ вредно для самой Религіи, которую заражаетъ оно восторженнымъ мечтательствомъ, лишая сердце сладости чистаго и утѣшительнаго вѣрованія. За этимъ лихорадочнымъ припадкомъ ума, непременно послѣдуетъ переломъ, и должно опасаться возврата пагубнаго скептицизма: человекъ всегда изъ одной крайности переходитъ прямо въ другую. Между тѣмъ, такъ называемые «книги благоговѣнія,» *Andachts-Bücher*, льются рѣкою на Германію, и одни ихъ заглавія занимаютъ значительную часть «Ярмарочнаго Каталога,» выпущеннаго въ концѣ Марта мѣсяца. Разсматривая этотъ каталогъ, можемъ получить достаточное понятіе объ умственномъ движеніи того края.

Тогда какъ одна часть умовъ утопаетъ въ мистицизмъ, другая, и самая большая, опрометью кинулась на необыкновенное по части опытныхъ Наукъ и на утилитарное, или то, что Нѣмцы называютъ *Realistische*, — на легкія, повержистыя и дешевыя свѣдѣнія обо всемъ вещественномъ. Омеопатія производитъ ужасныя опустошенія въ головахъ, которыя Философію считаютъ лунатизмомъ. Цѣлыя полки книгъ и разсужденій объ Омеопатіи выстроились передъ кривостью Германской учености: въ книжныя лавки надо силою пробираться сквозь Омеопатию, которая всѣ ихъ она и двери заняла своими афишками и объявленіями.

Но Омеопатіи было еще мало для логики нашего просвѣщеннаго вѣка: явилась ультра-омеопатія подъ именемъ гидрофилизма, или «любоводья». Новое медицинское ученіе, быстро снимающее себя приверженцевъ, находитъ, что безконечно малые приемы лекарства еще слишкомъ крѣпки для человѣка, который впрочемъ хорошо переноситъ пушечныя ядра и трюфли, и что лучшее лекарство — ключевая вода. Всѣ болѣзни и недуги исцѣляются водою, и въ Аншпахѣ одинъ изъ начальниковъ водяной медицинской системы публично даетъ консультаціи приходящимъ къ нему пациентамъ, прописываетъ сотнями стаканы воды по почтѣ во всѣ стороны Германіи, и печатаетъ въ Журналахъ наставленія, какъ пить воду наилучшимъ для страждущаго человечества образомъ.

Подлѣ Омеопатіи стоитъ жадная, всепоглощающая страсть къ дешевымъ книгамъ и изданіямъ. Эта Англійская язва предала въ Германіи весь общественный умъ въ руки книгопродавцевъ, которые наперерывъ понижаютъ справочныя на него цѣны. Теперь дѣло не въ книгахъ, не въ хорошихъ книгахъ, или, какъ доселѣ водилось въ томъ краю, въ книгахъ плотно набитыхъ цитатною ученостію, но въ томъ, кто дешевле продастъ умъ, кто купитъ его съ большею уступкою. Лучшій писатель тотъ, который болѣе добываетъ денегъ за своимъ сочиненіемъ. Или, скорѣе, писатели теперь — сами книгопродавцы. Всякой изъ этихъ господъ, немного поважѣе и предприимчивѣе, завербовавъ толпу дешевыхъ сочинителей, указываетъ имъ, что писать, набирая всегда предметы, на которые предвидитъ требованіе на ярмаркѣ; тѣ пишутъ, онъ

печатать; тѣ не постигаютъ его мысли, онъ передѣлываетъ ихъ писаніе, печатаетъ и продаетъ гуртомъ: онъ доволенъ, и они довольны, а публика и подавно. Всякой книгопродавецъ имеетъ свой Журналъ или газету, тоже очень дешевые, въ которыхъ дешевые редакторы и сотрудники весьма исправно объявляютъ объ его предпріятіяхъ, превозносятъ его изданія, и бранятъ изданія другихъ книгопродавцевъ, не присылающихъ ему книгъ на комиссію. Число оригинальныхъ писателей естественно уменьшается: «должно полагать», говорить одинъ независимый Нѣмецкій Журналъ, «что когда-нибудь засвѣтаетъ лучший день для нашей Литературы; теперь мы очевидно живемъ въ годахъ семи тощихъ коровъ: неужто не настанетъ періодъ семи жирныхъ?» Между-тѣмъ Литература въ Германіи въ такомъ же отчаянномъ положеніи, какъ и во Франціи, — вся на предпріятіяхъ; разница лишь въ томъ, что во Франціи сочинитель составляетъ торговое достоинство книги, а здѣсь книгопродавецъ. Дешевая Литература произвела то, что высшія сословія почти не покупаютъ книгъ, а съ потерей образованнѣйшихъ цѣнителей, хорошія творенія сдѣлались безприбыльными и, слѣдственно, излишними.

Высшая Эстетика въ совершенномъ упадкѣ: по этой части не вышло ничего примѣчательнаго съ послѣдней Лейпцигской ярмарки.

Политика упражняетъ множество перьевъ, которыя пишутъ да пишутъ, преимущественно о нынѣшнемъ конгрессѣ и объ эмиграціи. Ахертъ, Агрикола, Рингсейсъ, Грубенъ, напечатали пропасть брошюръ о Вѣнѣ и Германскомъ Союзѣ: всѣ они принадлежатъ къ консервативной партіи. Отставной демагогъ, Морицъ Арндтъ, извѣстный буршевскими писнями, все еще разсуждаетъ о Бельгіи.

Политическая Экономія тоже сильно занимаетъ писателей. Роттекъ и Велькеръ принялись за изданіе Staatslexicon, — «Государственного Словаря».

«Исторія Нѣмцевъ», — Нѣмцевъ, а не Нѣмчины, — есть необходимость и очень хорошая спекуляція. Между прочимъ, Галлингъ издаетъ одну такую Исторію, Менцель дру-

гую. Въ каталогѣ объявлены — Церковная Исторія Г-на Га-зе, Исторія Македонин Г-на Флате и Исторія Славянской Америки Г. Куфала. Профессоръ Штуръ, въ Берлинѣ, является съ новою Исторіею семилѣтней войны, — потому что семилѣтняя война еще мало известна. На ярмаркѣ будетъ также «Исторія книжной торговли».

Путешествія становятся чаще годъ отъ году. Теперь извѣщаютъ о Путешествіи Бера по Россіи, о Путешествіи Гуцлафа въ Китай, Фольрата Гофмана, Фольгера, Камерера, Берггауза въ Грецію, Раумера въ Палестину, и т. д. Картины, воспоминанія, скиццы Испаніи, Швейцаріи, Англіи, и прочая, наполняютъ нѣсколько страницъ каталога.

Словесность представляетъ нѣсколько любопытныхъ сочиненій по части своей Литературы. Фарнгагенъ-фонъ Энзе издалъ — «Aogelus Silesius» съ примѣчаніями Радля, Генте — «Руководство къ Иностранной Словесности», Лудвигъ Винбаргъ — «Эстетическіе походы, посвященные юной Германіи». Г. Винбаргъ очень умный писатель, и должно полагать, что въ самой его книгѣ болѣе эстетическаго вкуса, нежели въ этомъ заглавіи. Халатная Словесность все еще весьма обильна: письма и записочки знаменитѣйшихъ покойниковъ собираются наперехватъ и печатаются въ разныхъ видахъ. Безъ одного или двухъ разсужденій о Гетовомъ Фаустѣ въ Германіи нѣтъ литературнаго года, въ Лейпцигѣ нѣтъ ярмарки. Каспаръ Гаузеръ, злополучный Каспаръ Гаузеръ, нынѣ герой Нѣмецкой Словесности: всю осень всю зиму, блѣдный и кровавый его призракъ являлся въ книжныхъ лавкахъ, бібліотекахъ для чтенія и театрахъ: изъ него дѣлаютъ Драмъ, изъ него кропаютъ Водевильи; онъ сообщаетъ лирическія вдохновенія, и онъ же служитъ предлогомъ къ Сатирамъ.

Всѣ извѣстнѣйшіе романисты успѣли сочинить что-нибудь для ярмарки: Рефуэсъ — *Belagerung des Kastele Gozzo*; Бехштейнъ — *Fürstentag*; Г-жа Бирхъ-Полейеръ — новый Романъ; Лудвигъ Шторхъ кучу Романовъ и Повестей — *Karl II von Spanien, Diplomat, Erzählungen* въ четырехъ частяхъ, и проч.; Гейне — *Salon, Штернбергъ* — *Las*

иизъ, — Леопольдъ Шефферъ *Laienbrevier*, — Дуллера — оиать Повѣсти и Фантазін; Гудковъ — Повѣсти; Ваксманъ — Повѣсти и Разсказы; Шпиндлеръ — ничего. Сверхъ-того много Повѣстей, оставшихся послѣ покойнаго Брониковскаго. Историкъ Мюнхъ сдѣлалъ Романъ изъ Папы Пія II.

Драматическая часть, по-прежнему, проводить жизнь въ ужасной нищетѣ. Раупахъ, все Раупахъ, и опять Раупахъ! Правда, Г. Раупахъ никогда совершенно не портитъ избраннаго имъ предмета, но и рѣдко дѣлаетъ изъ него что нибудь сносное. Онъ пишетъ свои пьесы для актрисъ и характеры создаетъ такіе, какіе гдѣ удобнѣе разыгрываются. Въ последнее время представляли въ Берлинѣ двѣ его новыя Трагедіи, — «Манфредъ», которая совершенно упала, и «Конрадинъ», въ которой было замѣчено нѣсколько дѣйствій.

Изъ драматическихъ писателей, сочиненія которыхъ показаны въ каталогѣ, заслуживаютъ вниманіе только Ихтрицъ за свою Трагедію «Розамунда» и Цедлицъ, авторъ «Тасса», Г. Ауфенбергеръ предсталъ съ новою Драмою, *Das böse Haus*.

А переводы! Если изъ того, что вышло въ Англіи и во Франціи, не все еще переведено въ прошломъ году на Нѣмцкій языкъ, такъ ужъ вѣрно осталось очень мало. Можно сказать, что Германія превратилась въ машину для перевода.

ЛОНДОНСКІЕ ТЕАТРЫ. Упадокъ Англійскихъ театровъ, такъ сильно угрожаетъ разореніемъ авторамъ, директорамъ и актерамъ, что Парламентъ принужденъ былъ обратить на нихъ вниманіе: нѣсколько наярженныхъ имъ комитетовъ не произвели ни какого существеннаго результата: они только доказали, что вкусъ въ драмѣ, особенно къ тому, что Англичане называютъ *legitimate drama*, — драмою въ примѣненіи къ Искусству, — совершенно исчезъ въ публикѣ, и что привлечь ее въ театръ можно только машинами, перемѣнами декораций, введеніемъ на сцену животныхъ и фантазмогорій; однимъ словомъ, всѣмъ, что совершенно чуждо драматическому Искусству. Комедіи Шеридана нѣкого уже въ театръ не при-

влекаютъ; піесы Шекспира играютъ передъ пустыми лавками, и публику прельщаютъ только Французскія танцовщицы, Индѣйскіе слоны и Арабскія лошади. Посреди этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ является нѣкто Альфредъ Бонъ, актеръ, директоръ, диктаторъ, и особенно спекулантъ, который понялъ, что дѣло не въ искусствѣ, а въ шарлатанствѣ.

Вотъ какъ теперь въ Лондонѣ занимаются драматургіею: всѣ піесы Французскія; Оперы, Комедіи, Трагедіи, пantomины, — все, начиная отъ Мелодрамы съ пальбою и громами до самаго глупаго фарса, — все это переводится, передѣлывается, перенатягивается, перепутывается и играется. Директоръ театровъ Ковентгарденскаго и Друриленскаго, Г. Бонъ, и помощникъ его, Капитанъ Полгиль, только объ этомъ и заботятся. Водевили Скриба, Водевили Ансело, Густавъ и Гернани, Бертранъ и Ратонъ, даже Парижскіе Балеты, даже «Бунтъ въ сералѣ», такъ и кипятъ на Лондонской сценѣ, съ перемѣнами содержанія, съ перемѣною въ названіи, а по скорости времени и безъ перемѣны. Въ Парижѣ, директоры, чтобъ надуть публику, по крайней мѣрѣ придумываютъ новыя средства шарлатанства; въ Англіи публика позволитъ надуть себя тѣмъ, чѣмъ уже обманули и ограбили Парижанъ. Скажите, сколько надо ограниченныхъ головъ, чтобъ составить хорошую публику?... Пришла очередь на «Бунтъ въ сералѣ»: тутъ-то время подцѣпить Джонъ-булей!... Г. Бонъ на это большой мастеръ —

Его старѣеишъ заведетъ
Порядокъ вѣчный.....

За два мѣсяца до представленія Балета начинается трезвонъ. Въ гостинныхъ, въ кофейныхъ, на гуляньяхъ, превозносятъ заранѣе съ нетерпѣніемъ ожидаемое явленіе, рассказываютъ о немъ чудеса, точнехонько такъ же какъ на биржѣ распускаютъ ложныя вѣсти, которыя иногда приносятъ чрезвычайный барышъ. — Скажите, сдѣлайте милость, что такое «Бунтъ въ сералѣ»? спрашиваетъ краснолицый Англійскій зывака, разинувъ ротъ и играя своими былыми перчатками. — О, это нѣчто восхитительное! Говорятъ, что постановка этого Балета будетъ стоить Г. Бону 24,000 фунтовъ стерл. (600,000

р.). — О!? — Вообразите, что онъ объѣхалъ всѣ модныя магазины, всѣ лавки; вездѣ забралъ ленты и хорошенеккихъ женщинъ, чтобъ украсить этотъ Балетъ. — О!? — Вообразите, что тутъ явятся на сценѣ двѣсти женщинъ. — Ооо!!! — Двѣсти прелестныхъ женщинъ, которыя будутъ плавать и рѣзвиться на сценѣ въ огромной ваннѣ! — Эээ?! — Да помилуйте! вѣдь и въ афишѣ крупными, готическими буквами напечатано!.....

Зѣвака, узнавъ такую важную новость, безъ устали бѣгаетъ по гостиннымъ, и безъ умолку рассказываетъ. А зѣвакъ въ Лондонѣ не меньше чѣмъ гдѣ-нибудь. Публика воспаляется. Ложки за мѣсяцъ разобраны, и въ день перваго представленія въ театрѣ давка. Зѣвака сидитъ въ одной изъ первыхъ ложъ, — и чтожъ онъ видитъ? что слышитъ? Слышитъ плохую музыку, глупую пѣсу, видитъ порядочныя декораціи и небольшую коллекцію женскихъ ногъ, красоты сомнительной, юности заматерѣлой, сцену слишкомъ нескромную для людей разборчивыхъ, слишкомъ скромную для сластолюбцевъ; нѣсколько штукъ женщинъ болѣе или менѣе дурныхъ, болѣе или менѣе старыхъ, которыя кой-какъ дѣлаютъ ружьемъ, кой-какъ маршируютъ; однимъ словомъ, чепуху, насмѣшку, мистификацію. Но онъ не смѣетъ сказать, что скучаетъ въ театрѣ; ему стыдно не восхищаться Балетомъ, который ему такъ дорого стоилъ, для котораго жена его такъ принарядилась, который онъ самъ заранѣе расхваливалъ. А директоръ посмѣивается, и прячетъ въ карманъ деньги.

Такова исторія театровъ Парижскихъ, такова исторія театровъ Лондонскихъ: вездѣ одно и то же, — только честь изобретенія плутии принадлежатъ Французамъ. На Шекспира, Отвал, Мессингера никто не обращаетъ вниманія. Давайте намъ ученыхъ животныхъ, пантомины, балъ Густава (что только и есть хорошаго во всей пьесѣ), діорамы и панорамы: театральное искусство говоритъ нынѣ не душѣ, а глазамъ, льстятъ только чувствамъ. Право, я думаю, что когда-нибудь станутъ курить въ театрѣ дузами, разносить по ложамъ мороженое, и будутъ называть это театральнымъ представленіемъ. Да это еще луч-

ше: тогда по крайней мѣрѣ публика будетъ получать за свои деньги что-нибудь существенное, а теперь подбиваютъ ее пустыми словами, дурными Мелодрамами и статьями въ Журналахъ, въ которыхъ ее уверяютъ, что новая піеса ей чрезвычайно понравилась.

Не думайте однако жъ, чтобы надувать публику было очень легко. О, нѣтъ! Вы не можете вообразить, сколько тутъ нужно умѣнья и ловкости; сколько лжи и плутней надобно израсходовать! сколько журналистовъ подкупить! съ какимъ искусствомъ расположить афишки, съ какою хитростію и тонкостію написать предварительныя объявленія и хвалебныя статьи, которыя печатаютъ въ своихъ листахъ журналисты. Чтобы доставить успѣхъ Оперѣ Густавъ, Г. Боннѣ принужденъ былъ выдумать больше сказокъ, чѣмъ сколько ихъ въ *Тысячѣ и одной ночи*; онъ рассказывалъ, что піеса запрещена, сообщалъ публикѣ о переговорахъ его по этому дѣлу съ министрами, о спорахъ своихъ съ театральною ценсурою; уверялъ, что піеса переведена одною знаменитою дамою, любимую писательницею, публики и проч., и проч. Въ Лондонѣ точнехонько такъ, какъ въ Парижѣ; точно какъ въ Комедіи Мольера, гдѣ поютъ припѣвъ, который можетъ служить эпитафіею нашему вѣку, особенно Лондонскимъ и Парижскимъ директорамъ театровъ:

O grande puissance
De l'orvietan!

А между-тѣмъ истинный талантъ погибаетъ въ неизвестности, а публикою управляетъ искусный шарлатанъ! Вотъ наприимѣръ Шериданъ-Поль, человѣкъ истинно замѣчательный, актеръ и писатель, достигшій одними своими дарованіями почетнаго мѣста между Англійскими литераторами: новая его Трагедія, *Слѣпецъ Бетмель-Гриммъ*, конечно имѣла успѣхъ, но она не пользуется знаменитостію множества глупыхъ піесъ. И онъ принужденъ былъ взять на откупъ одинъ маленькій безызвѣстный театръ. Дай Богъ, чтобы, несмотря на свои дарованія и скромность, онъ имѣлъ успѣхъ, и переманилъ въ свои карманы часть гиней, которыя валатся въ кошельки Бонновъ и другихъ шарлатановъ!

И вотъ, въ какомъ положеніи находится театръ въ отечествѣ безсмертнаго Шекспира!

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. I. *Валентина*, Мелодрама въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе Гг. Гильберъ-де-Пиксерекура и Франсиса. — *Индіана*, *Валентина*, *Лелія*, — три родныя сестрицы, вышедшія изъ одной и той же головы, въ минуту отчаянія и тотчасъ погруженныя въ грязь, — *Лелія* нѣсколько подальше сестеръ! *Индіана*, *Валентина*, *Лелія*, три созданія тождественныя, три порочныя страсти, три лица, составляющія одно и то же лице, три женщины, которыхъ скука, больше чѣмъ любовь, довела до преступленія и несчастія. *Индіана*, невѣрная жена, обманутая своимъ любовникомъ; *Валентина*, невѣрная жена, ведущая жизнь злополучную; *Лелія*, которая даже и не невѣрная жена, которая напрасно старается, подобно сестрамъ своимъ, совершить любовное преступленіе; *Лелія*, которой неистовые крики безсмысленныя вы слышали, хоть издали, хоть черезъ газеты; *Лелія*, существо безъ смысла безъ добродѣтелей, безъ пороковъ, безъ скромности, безъ страстей, безъ стыдливости; *Лелія*, въ которой нѣтъ ничего женскаго; *Лелія*, которая становится между *Индіаною* и *Валентиною*, и ту и другую столь отвратительнымъ образомъ объясняетъ. Изъ *Индіаны* сдѣлали Драму, изъ *Валентины* тоже; погодите, и изъ *Леліи* вамъ сдѣлаютъ Драму.

Эти три Романа, *Индіана*, *Валентина*, *Лелія*, разили на современные Французскіе нравы какой-то снѣгій блѣдный свѣтъ, представляющій ихъ въ ужасномъ видѣ. Сколько мнѣ извѣстно, даже циники Аѳинской школы не надѣвали мантія такой изорванной, какъ эти три госпожи. Даже самъ Жакъ-Жакъ Руссо никогда не выходилъ такъ далеко въ своей «Исповѣди», какъ сочинительница *Индіаны*, *Валентины* и *Леліи*. Вотъ ужъ рассказы простые и ясные! Вотъ открытія живыя и признанія неожиданныя! Вотъ страсти, которыя идутъ прямо къ цѣли, прямо къ дѣлу, ни для чего на свѣтъ не сворачивая съ дороги! О, тутъ все высказано напрямикъ, и высказано данною, которая не занимается! Тутъ ужъ нѣтъ околичностей, нѣтъ лустой болтовни, и особенно нѣтъ умола-

чаній! Это ужъ не Галатея, которая убѣгаетъ и прячется за кустъ, полувидимая; нѣтъ, это просто Галатея, которая вдругъ выходитъ изъ-за куста и является безъ покроя. Индіана отвергнутая тѣмъ, кого она любитъ; Лелія, которая напрасно призываетъ своихъ любовниковъ; одна, которой любовь отвергнута ея любезнымъ; другая, которая, скрежеща зубами, отвергаетъ всѣхъ любви своихъ любовниковъ. Если ужъ подобныя были не заставить любителей Французскаго романтизма сказать:—вотъ, тутъ истина! вотъ это ново!—такъ я не знаю, что и думать о любителяхъ Французскаго романтизма. Истина, новое,—два слова, которыя, благодаря этой школѣ и ея любителямъ, скоро не будутъ имѣть никакого значенія въ Искусствахъ!

Но въ этихъ книгахъ есть нѣчто дивное и мрачное: женщина возмущается противъ мужчины, своего, властелина. Возмущеніе, исполненное горести, мщеніе, исполненное сожалѣнія, какъ и самая гордость, какъ мщеніе сатаны въ «Потерянномъ Раѣ». Надобно много мужества женщинѣ, чтобы такъ возмущаться противъ всѣхъ принятыхъ правилъ; чтобы публично, въ печати, бить по щекѣ своего господина и властителя, чтобы смѣлою и твердою рукою разрушать всѣ преграды общества и стыда; надобенъ былъ женщинамъ очень счастливый случай, вѣкъ такихъ гениевъ какъ Гг. Балзакъ, Сю да Сулье, чтобы пробудиться изъ долгаго сна, въ которомъ погружены были всѣ женщины. Мы уже сказали, что въ ожиданіи драмы изъ Лелія, Парижскіе драматурги смастерили драму изъ Валентины. Въ Мелодрамѣ, какъ и въ Романѣ, Валентину любитъ одинъ молодой человекъ, и она выходитъ замужъ за другаго молодого человека. Мужъ Валентины такъ же гнусенъ въ Мелодрамѣ, какъ и въ Романѣ: онъ обираетъ жену свою. Жена его, имъ разоренная, уѣзжаетъ въ столицу, скрыть нищету свою и свою любовь къ ханжѣ Бенедикту. Бенедиктъ встрѣчаетъ въ Парижѣ Валентину. Этого мало: онъ встрѣчаетъ и ея мужа. Онъ его оскорбляетъ. Мужъ Валентины даетъ ему пощечину; Бенедиктъ повергаетъ его на землю и задушаетъ.

Мелодрама цѣломудреннѣе Романа. Она не говоритъ, чтобы Бенедиктъ былъ счастливымъ обожателемъ Валентины.

Напротивъ, Валентина любовница чистая, женщина невинная и целомудренная. Валентина любитъ Бенедикта однимъ сердцемъ; онъ ее также. Авторы Мелодрамы не видятъ, что, дѣлая своихъ героевъ пошлымъ образомъ невинными, они сдѣлали мужа Валентины менѣе ненавистнымъ: они не поняли идеи Г-жи Зандъ. Вотъ въ чемъ состоитъ главная тонкость сочинительницы: у ней чѣмъ болѣе жены обманываютъ мужей своихъ, тѣмъ невиннѣе кажутся онѣ, тѣмъ гнуснѣе кажутся ихъ мужья, — идея махиавеллическая, которая могла войти въ голову только женщинѣ, и отъ которой самъ Г. Пиксерекуръ, человѣкъ такъ часто пугавшій публику драматическими злодѣянiями, отступилъ въ ужасъ.

Справедливость требуетъ сказать, что въ Романѣ Г-жи Дюдеванъ многія сцены невольно плѣняютъ васъ удивительною своею прелестью. Поцѣлуй на деревенскомъ балѣ; прогулка верхомъ; сцена, въ которой три женщины, полулежа на дерѣвѣ, подъ однимъ лучемъ солнца, всѣ три, въ одно время, но по разнымъ причинамъ, влюбляются въ одного и того же молодого человѣка, и прочая, и прочая. Всѣ эти очаровательныя подробности, весь этотъ слогъ пламенный подлинника, совершенно исчезли въ Мелодрамѣ. Г. Пиксерекуръ слишкомъ хорошо знаетъ свое дѣло, чтобы заботиться о такихъ бездѣлицахъ. Къ чему это все въ театральной пiесѣ? Въ самомъ дѣлѣ, она и безъ того принята въ Парижѣ съ одобренiемъ.

2. *Une dame sous l'Empire. Барыня во время Имперiи*, Водевиль Г-на Ансело. — Увѣряю васъ, что это точно такъ, какъ я имѣю честь вамъ докладывать: Г-ну Ансело наконецъ пришла въ голову идея. Идея почти новая, очень удобная для того, что онъ хотѣлъ изъ насъ сдѣлать; идея, которую онъ заимствовалъ у всякаго человѣка, — слѣдственно, не заимствовалъ ни у кого. Г. Ансело былъ такъ радъ этой идее, что тотчасъ пустилъ ее въ ходъ, тотчасъ поставилъ на сцену, сырую и голую, какъ она была. Нужды нѣтъ, идея все таки есть; и если Водевиль Г. Ансело не хорошо обдуманъ, по крайней мѣрѣ занимателенъ, — а это главное.

Ну, ужъ было удивленія знатныхъ и гордыхъ дамъ Сент-Жерменскаго предместья, когда Наполеонъ вдругъ принялся создавать новое дворянство! Этого удивленія ни описать, ни изъяснить не возможно. Довольно знать, что это было страшное удивленіе. Всемошній Наполеонъ дѣлалъ Графовъ, Князей и Герцоговъ, какъ балующій мальчикъ дѣлаетъ мыльные пузыри. Всемошному Наполеону не трудно было сдѣлать изъ солдата Князя, потому что великое званіе носить еще легче нежели великую славу; но превратить солдатку въ Герцогиню было несравненно труднѣе. Между прежними и новыми Герцогами была одна разница, — слава. Между женщинами стараго и новаго дворянства была цѣлая бездна. Вчера сострипанныя Герцогини не умѣли ни войти, ни выйти, ни сѣсть, ни встать, ни говорить, ни молчать, ни одѣваться, ни повелѣвать, ни кстати краснѣть. Трудненько было сдѣлать ихъ свѣтскими женщинами; и если когда-нибудь Наполеонъ явилъ свое всемогущество, то именно тогда, какъ, пожаловавъ Князей и Герцоговъ, сдѣлалъ и женъ ихъ Княгинями и Герцогинями. Но онъ со своею желѣзною волею успѣлъ и въ этомъ!

Въ новой пьесѣ Г. Ансело, генеральша Гужю прѣзжаетъ изъ дворца; она видѣла Императора, обнимала Императрицу; она Герцогиня, она фельдмаршалша, она хороша, жива, развѣтлива; она кричитъ, бранится, плачетъ, отъ души хохочетъ, даетъ объ свои маленькія ручки цѣловать придворнымъ господчикамъ; она мила и забавна; генеральша Гужю не умѣетъ ни ходить, ни держаться, — но она не скупна, потому что она естественна, потому что она мила, потому что она добрая женщина безъ претензій; а притомъ и потому, что за ней стоитъ мужъ ея, другъ и пріятель товарищъ Императора, генералъ Гужю, который только-что прѣхалъ изъ арміи, который любить жену свою, и завтра же пойдетъ гулять съ нею подъ ручку; а тогда берегитесь, франты: насмѣшникамъ прійдется плохо! Эта новая и хорошенъкая Герцогиня, веселая фельдмаршалша, знатная дама миленькая и нежесманная, маркитантка въ шелковомъ платьѣ, честная женщина, не надменная, не педантка, не злая, не злословная, — однимъ словомъ, Г-жа Гужю, возбудила громкія рукоплесканія, и заставила всѣхъ отъ

души смѣяться. Что страннѣе во всемъ этому — Г. Ансело съ фельдмаршалшею Гужю составили очень хорошій Водевиль.

3. La paysanne demoiselle, *Крестянка барышня*, Водевиль, не знаю чей-то. Говорятъ, господь Массона и Гзавье. Г. Массонъ, какъ извѣстно, составляетъ Мишель-Ремонову компанію съ Гг. Брюкеромъ и Гозланомъ. Но не въ томъ дѣло. Любите ли вы все сельское, зеленѣющіяся деревья, розовыя облака, которыя закрываютъ солнце прозрачною пеленою, радуго, погружающую въ озеро прозрачный шаръ свой? Любите ли вы смотрѣть, какъ течетъ вода, какъ мужикъ идетъ на работу, какъ жаворонокъ улетаетъ въ поднебесье, какъ заяцъ перебѣгаетъ черезъ дорогу, какъ лисичка, распутивъ хвостъ, несется въ лѣсъ? Любите ли вы слышать запахъ хлѣба въ печи и навоза у дверей конюшни? Любите ли вы наконецъ молоко и свѣжія лица? Ступайте въ Михайловскій театръ, когда будутъ играть такъ этотъ трогательный, сентиментальный Водевиль: вы все это увидите, и увидите крестянку, которая сдѣлалась знатною госпожею, и крестянина, который сталъ баринномъ, и увидите Геснерову Идиллію въ образѣ Водевиля.

Андрей любить Сусанну, Сусанна любить Андрея: въ слѣдствіе сего Сусанна выходитъ замужъ за другаго, и дѣлается знатною госпожею; Андрей идетъ въ солдаты и отъправляется съ полкомъ въ Африку. Прощайте, молоко и свѣжія лица!

Черезъ восемь лѣтъ Андрей возвращается на родину: онъ сержантъ, но подъ галунами его мундира бьется прежнее, чувствительное сердце. Сусанна съ своей стороны повысилась однимъ чиномъ: Андрей сержантъ, а Сусанна вдова. Послѣ перваго раскаянія и первыхъ сѣтованій, они встрѣчаются, узнаютъ другъ друга, любятъ другъ друга пуще прежняго, потому что и тотъ и другая много претерѣли; въ заключеніе спектакля, они женятся и возвращаются къ парному молоку и свѣжимъ лицамъ.

Любите ли вы слушать какъ поетъ птичка, какъ воркуетъ горлица, какъ журчитъ ручеекъ, какъ свиститъ вѣтеръ, — ступайте въ Михайловскій театръ, когда будутъ давать этотъ

Водевиль, и послушайте хорошенькіе куплеты, которые споетъ вамъ Г-жа Женни Оливье.

Какъ мы говоримъ въ подробности только о пьесахъ, которыя въ Парижѣ увѣнчались успѣхомъ, и которыя по-этому могутъ съ-временемъ литься на Петербургской сценѣ, или о дурныхъ пьесахъ весьма знаменитыхъ авторовъ, то никто не поставитъ намъ въ вину, если мы ничего не скажемъ о тѣхъ, которыя не имѣли тамъ ни какого успѣха, ни о дурныхъ драмахъ дурныхъ авторовъ, представленныхъ въ то же время въ первый разъ и, вѣроятно, въ послѣдній. Мы ограничимся исчисленіемъ ихъ названій.

4. *La Vénitienne, Венеціанка*, Драма въ пяти дѣйствіяхъ и осьми картинахъ, Г-на Анисе-Буржуа.

5. *L'honneur dans le crime, Честь въ преступленіи*, Мелодрама въ пяти дѣйствіяхъ, Г-на Мальяна.

6. *La fille du cocher, Дочь кучера*, Водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, Г-на Ружмона.

7. *Les boutiqueurs, Лавочники*, Водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, Г-на Дюмерсана.

8. *Théophile, ou la Vocation, Теофилъ, или Зовъ души*, Водевиль въ одномъ дѣйствіи, Гг. Этсьенна, Араго и Держе.

9. *Un Mariage à gompie, Бракъ, могущій еще и не состояться*, Водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, Гг. Фурнье и Арну.

По-настоящему, слѣдовало бы сказать что-нибудь о предпослѣднемъ, весьма дурномъ, Водевиль, потому что авторы его — люди весьма знаменитые на водевильномъ поприщѣ; но въ этотъ разъ мы охотно отступаемъ отъ принятаго правила. Сочинители самой послѣдней пьесы, «Бракъ», еще знаменитѣе: это авторы извѣстнаго Романа «Струэнзе»; но ихъ Водевиль еще безтолковѣе.

СЛОВЕСНОСТЬ ВО ФРАНЦІИ. «Наполина», Г-жи Эмилъ Жирарденъ (нѣкогда дѣвнцы Дельфины Гэ) и *Les souffrances*, сочиненіе въ стихахъ и прозѣ, Графини д'Отвилль, доставляютъ теперь въ Парижѣ большое услажденіе сердцамъ нѣжнымъ, склоннымъ къ меланхоліи и любящимъ рюмсанную поэзію.

— О новомъ сочиненіи Виктора Гюгò, *Mélanges de littérature et de philosophie*, мы еще не знаемъ ничего опредѣлительнаго; по сию пору, большею частію слышны лишь общія, необходимыя похвалы «выспреннему ребенку», *l'enfant sublime*, — какъ называлъ его Шатобріанъ. Одинъ только Г. Густавъ Планшъ выступилъ впередъ съ критическимъ разборомъ этого творенія въ *Revue des deux mondes*, Журналъ, преданномъ Александру Дюма, сопернику и противнику Виктора Гюгò. Нѣтъ сомнѣнія, что въ разсужденіи Литературной Критики, этотъ Журналъ, зараженный республиканскою нечестностью, руководимый духомъ партіи въ Словесности и предоставляющій свои страницы безнравственнымъ проповѣдямъ Жоржъ-Занда, не заслуживаетъ ни какого доверія; но если только половина того, что Г. Планшъ сказалъ въ немъ о послѣдней книгѣ Виктора Гюгò, правда, то должно заключить, что «выспренный ребенокъ» не только литературный сумасбродъ, но и набитый невѣжда во всѣхъ отношеніяхъ. Г. Планшъ, что называется, *отдѣлалъ* Г. Виктора Гюгò.

— Мемуары Шатобріана все еще составляютъ предметъ журнальных разсужденій. Отрывокъ изъ нихъ, напечатанный въ послѣдней книжкѣ того же Журнала, подъ заглавіемъ *L'avenir du monde*, признаемся, такъ поразила насъ своею странностью, что почти не знаемъ, какъ и говорить о великомъ поэтѣ-писателѣ. Мы еще не читали ничего, носящаго на себѣ такой рѣзкій отпечатокъ шатобріанства. Что Г. Шатобріанъ весьма поверхностный знатокъ Исторіи и плохой Философъ, что три четверти его понятій совершенно составлены изъ парадоксовъ и пустыхъ контрастовъ, о томъ мы давно знаемъ; но никогда не думали, чтобъ человѣкъ съ такою литературною славою былъ въ состояніи простереть до такой степени вѣсть ложность мысли, ложность слога и ложность выраженія. Этимъ отрывкомъ, который можетъ ослѣпить своимъ блескомъ только самыхъ обыкновенныхъ читателей, Г. Шатобріанъ довершилъ невыгодное о себѣ понятіе у людей, умѣющихъ оцѣнить надлежащимъ образомъ авторскія его достоинства.

— Извѣстно, что Г. Жаненъ прежде восхищался двумя первыми Романами Г-жи Дюдеванъ (Жоржъ-Занда), а потомъ,

съ выхода третьяго ея Романа, «Лелія», сталъ гнать ее ужаснымъ образомъ. Персивичивый судья извиняется тѣмъ, что до выхода «Лелія» онъ не понималъ направленія «Индіаны» и «Валентины», и что, только прочитавъ третье сочиненіе, постигъ всю мерзость двухъ предъидущихъ. Сочинительница напечатала въ *Revue de deux mondes* оправданіе нравственности своихъ твореній, увѣряя своего критика, что онъ и теперь еще ея не понимаетъ, и что безъ-сомнѣнія станеть говорить совсѣмъ иначе, прочитавъ еще одинъ ея Романъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно судить о человѣкѣ по тремъ его сочиненіямъ, не выдавши четвертаго! По-этому, Г-жа Зандъ издала въ послѣднихъ числахъ Апрѣля четвертый Романъ, подъ названіемъ *Le secrétaire intime*.

— Сочиненіе Г. Низара, извѣстнаго противника «юной Словесности», названной имъ «нетрудною»: *Etudes sur les poëtes latins de la décadence*, уже вышло изъ печати. Г. Низаръ не выдержалъ и здѣсь: онъ по выноскамъ, по примѣчаніямъ, по заглавіямъ, даже въ оглавленіи, задѣваетъ начальниковъ новой школы. Надо ожидать новаго манифеста въ отраженіе этой неблагогородной, истинно Черкесской войны.

— *Nouveau tableau de Paris*, — родъ продолженія или подражанія извѣстной «Картинѣ Парижа» остроумнаго Мерсье. Въ этомъ собраніи статей, отличаются — «Букинисты» Библиофила Жакоба и «Парижскіе Забавники» Г. Жалю.

— Второй томъ «Записокъ Маркизы де Креки» также поступилъ въ продажу. Незнаемъ, что и сказать о безчестномъ ремеслѣ, которымъ такъ долго и такъ прилежно занимается Французская печать, — объ этомъ низкомъ обманѣ публики подложными Мемуарами, посредствомъ которыхъ безыменныя писатели и именитые книгопродавцы собираютъ сотни-тысячи денегъ со всей Европы. Эта постыдная промышленность опять поднялась на ноги. Безспорно, что въ «Запискахъ Маркизы де Креки» много дарованія, но это самое обстоятельство дѣлаеть подлогъ еще презрительнѣе: у кого есть отличный талантъ и охота писать Мемуары, тотъ можетъ писать свои собственные, не то должепъ выставить свое имя на книгѣ, чтобъ всякой зналъ, что его не надувають. Намъ приходитъ на мысль анекдотъ, расст-

зывается Г. Арно въ предисловіи къ Запискамъ о собственной его жизни, изданнымъ въ прошломъ году. Онъ принесъ рукопись свою къ одному известному книгопродавцу, который не зналъ его лично. Г. Арно изъявилъ желаніе чтобъ тотъ издалъ ее на свой счетъ. Книгопродавецъ просилъ оставить сочиненіе у него, для разсмотрѣнія. «Вы позволите мнѣ, сказалъ онъ автору, прочесть эти Записки и прибавить къ нимъ кое-что истины, чтобъ сдѣлать ихъ подлинными: безъ этого нельзя, — публика тотчасъ приметъ, что это подлогъ; и, сказать вамъ правду, я не издаю подлинныхъ Мемуаровъ, которые не моей работы.»

— Новое сочиненіе покойнаго Герцога фонъ - Мускау, здоровье котораго теперь очень поправилось, печатается въ Парижѣ подъ заглавіемъ Tutti frutti. Хвалятъ также сочиненіе одного дипломата изъ иностранцевъ, Маркиза де-Сальво Mon portefeuille, ou papiers détachés sur des sujets politiques et littéraires.

— Между оригинальными Романами, вышедшими въ прошломъ мѣсяцѣ и уже прочитанными въ Парижѣ, рѣшительно нѣтъ ничего достопримѣчательнаго. Лучшій изъ нихъ, по слогу, — *Les annales secrètes d'une famille pendant dix-huit siècles*, сочиненіе Крѣзе-де-Лесеръ. Если что-либо стоитъ примѣчанія, это послѣднія усилія неистовой школы, которая при смерти старается превзойти самую себя ужасомъ и отвратительностью. Овуаиге, «Костянице», — таково заглавіе одного изъ новѣйшихъ ея твореній: костяницею у Католиковъ называется особая комнатка подлѣ церкви или подлѣ церковью, куда складываютъ кости мертвецовъ, выкидываемыя изъ старыхъ склеповъ. Текстъ и Примѣчанія этого гнуснаго Романа сплошь завалены костями, трупами и черепами. Вышелъ также, по обязанности, одинъ Романъ и противъ супружества, для вѣщней и непосредственной пользы посвященный молодой и прекрасной дѣвушкѣ: въ началѣ сочинитель объявляетъ, что онъ хочетъ mettre à nu l'intérieur hideux de cette espèce féroce et basse qui s'appelle hommes et femmes; книга оканчивается казнью каторжника, «пытавшагося уйти изъ галеръ.» Вотъ Литература!

СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ АНГЛІИ. «Елена», послѣдній Романъ Миссъ Эджвортъ, возбуждаетъ большее и большее восхищеніе читателей, читателей и критиковъ. Какъ сужденіе иностранцевъ, которыхъ Г-жа Сталь очень остроумно называетъ «современными потомками», можетъ казаться безпристрастнѣе мнѣнія соотечественниковъ сочинительницы, то мы сообщимъ нашимъ читателямъ то, что объ этомъ твореніи говорятъ Французскій Журналъ, *Revue de Paris*. Сперва приводитъ онъ слова знаменитаго Аллемъ - Конингтама, весьма умнаго и строгаго Англійскаго критика. «Г-жа Эджвортъ,» говоритъ этотъ писатель, «между опытными романистами, не имѣетъ себѣ равнаго вразсужденіи вѣрности рисунка сценъ и нравовъ, тонкости наблюденія, заманчивости разсказа, и проч., и проч. У ней нѣтъ ничего натянутого: все такъ естественно и живо, что вы забываете «о живописцѣ, и думаете только о портретѣ. Палитра у ней всегда готова, кисть ея всегда сильная и твердая, колоритъ всегда теплый и вѣрный.» Далѣе Французскій Журналъ присовокупляетъ: «Все эти качества, и еще многія другія, нашли мы въ высочайшей степени въ новомъ ея Романѣ, Еленѣ. Никогда дарованіе Миссъ Эджвортъ не являлось въ большей чистотѣ и обширности, никогда не бывало богаче опытностью и наблюденіемъ, и особенно никогда болѣе патетическимъ. Это достойный вѣнецъ прекраснымъ картинамъ Англійскаго и Ирландскаго общества, написаннымъ этою знаменитою женщиною. Съ отпечаткомъ высочайшей нравственности, отличающей всѣ ея творенія, въ этотъ разъ соединяется еще большее драматическое могущество. Почти не возможно дать посредствомъ выписокъ понятіе о сочиненіи, въ которомъ все связано такъ искусно; гдѣ каждая сцена — естественное слѣдствіе и дополненіе предыдущаго,» и проч. Мы бы искренно желали, чтобъ кто-нибудь изъ молодыхъ нашихъ литераторовъ перевелъ этотъ Романъ на Русскій языкъ, какъ скоро онъ будетъ полученъ въ Петербургъ: подобное сочиненіе и пріятно для публики, и хорошая школа для переводчиковъ, готовящихся писать оригинальныя книги, и въ тысячу разъ полезнѣе вычурныхъ бессмыслицъ Гг. Бальзака, Сю, Жапена или Сулье, покорившихъ

себѣ извѣстныя удивленія шарлатанствомъ слога, мысли и литературныхъ способовъ.

— О новомъ Романѣ Купера, *The Headsman*, еще ничего не пишутъ, но чрезвычайныя похвалы въ Журналахъ творенію безименнаго сочинителя — *Cruikshank at home*: все соглашается въ томъ, что можно засмѣяться до смерти, читая, его. Газета *Times* утверждаетъ, что она никогда не читала пріятнѣйшаго сочиненія. Курьеръ говоритъ: «Если цѣль остроумнаго и веселаго автора была ввергнуть читателя въ судороги отъ смѣху, то образъ какимъ онъ ея достигъ, достоинъ удивленія.»

— Изъ новыхъ Романовъ приобрѣтають большой успѣхъ — *Macanna, or The land of Savage*, — *The Hamiltons*, — *Salvador the Guerilla*, и *Cleone, a tale of married life*, сочиненіе Г-жи Лименъ-Гримстонъ. Особенно первый, «Маканна», заслуживаетъ большія похвалы новостью своего рода и красотою слога. Это Романъ не морской, и не твердой земли, а что-то двухъ-жидое, — книга водоземная, подобно крокодилу. Авторъ, объѣхавшій все моря и все земли, настоящій бобръ: онъ такъ же удобно живетъ въ водѣ какъ и на сушѣ, и эта удивительная обоюдность доставила ему средство украсить свое твореніе множествомъ великолѣпныхъ картинъ всякаго рода. Въ Смѣси слѣдующей книжки Б. для Ч. мы сообщимъ некоторыя мѣста изъ «Макаанны». Второе сочиненіе, *The Hamiltons*, Романъ въ модномъ родѣ: какъ въ Парижѣ теперь мода на страшное и отвратительное, — она господствовала и въ Англіи лѣтъ пятнадцать тому назадъ, — такъ въ Лондонѣ въ большой славѣ предметы изъ *high life*, большаго свѣта: люди и чувства должны быть вызолочены, облиты о-де-колономъ, обставлены великолѣпными бронзами и ходить не иначе какъ по дорогимъ коврамъ. Въ Романѣ, о которомъ здѣсь упомянуто, вы встрѣчаете только министровъ, герцоговъ, графовъ, перовъ и кавалеровъ подвязки: самое бѣдное изъ дѣйствующихъ лицъ имѣетъ 250,000 руб. годоваго дохода. За всемъ тѣмъ, онъ несравненно лучше другихъ этого рода произведеній: Г. Горъ одинъ изъ умнѣйшихъ Англійскихъ писателей. «Сальвадоръ» — Историческій Романъ, заимствованный изъ послѣдней Испанской войны за

*

независимость, и очень хвалимъ журналами, равно какъ и «Клеона». Sir Rudolph of Habsburgh, также Историческій Романъ, отличается многими хорошими мѣстами.

— Четыре новыя сочиненія, изъ которыхъ первое въ родѣ Tom Cringle's log, обращаютъ на себя вниманіе: это The — naval sketch-book, second series, — Lays and legends of various nations, Г. Томса, — Our Town or Rough sketches of character, manners, etc., книга, усыпанная прелестными юмористическими скипцами во Фламандскомъ вкусѣ, — и Pictures of private life, Г-жи Сары Стикней, известной уже однимъ прежнимъ сочиненіемъ подъ тѣмъ же заглавіемъ.

— Славная Г-жа Троллопъ, надѣлавшая столько шуму своею книгою о Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, издаетъ теперь «Путешествіе по Бельгій и Западной Германіи.»

— Эпопея еще не вышла изъ употребленія въ Англій: въ прошлую зиму, въ числѣ множества стихотвореній, списокъ большихъ Поэмъ умножился тремя — The judgment of the flood, by John Heraud, автора Поэмы The descent into hell, — The wonder of Chaos and the Creation, — The revolutionary Esrick известнаго Д'Израэли-Младшаго, произведеніе, болѣе отличающееся благонамѣреннымъ духомъ, нежели поэтическимъ вдохновеніемъ.

— «Исторія Англійской революціи 1688 года» Мекинтоша вышла изъ печати: она найдена въ бумагахъ знаменитаго писателя, который умеръ, не окончивъ сочиненія. Изъ 640 страницъ этой примѣчательной книги, только 358 принадлежатъ покойному Мекинтошу; остальные дополнены чужою рукою, но доведены хорошо.

— Лондонское Азіятское Общество объявило, что будетъ издавать свой Журналъ, подъ заглавіемъ Asiatic Quarterly Review — вѣсть, чрезвычайно пріятная ориенталистамъ.

— Нѣмецкій Конверсационсъ-Лексиконъ дѣлается необходимою книгою Европейскаго образованнаго свѣта: въ то самое время, какъ въ Парижѣ предприняли два различныя изданія этого преполознаго сочиненія, въ Лондонѣ вышли два первые тома Англійскаго перевода, подъ названіемъ Popular

Encyclopaedia. Между-тѣмъ Англійскіе 2 статьи противъ «дешевой Словесности» тамъ учебныхъ пяти-копѣчныхъ книгъ кое исчисленіе, и между ними ни одной перъ свѣтъ рѣшился учиться въ точн на медныя деньги. Изданіе Конверсацион Англійски имѣетъ въ предметъ противол хотя и недешевую, книгу этому ужасно верхностныхъ алтынныхъ свѣдѣній, котор зораетъ основательное просвѣщеніе народ къ правильному и трудному изученію.

=

Н О В Ы Я К Н И Г И

Французскія.

TABLEAU DE L'HISTOIRE générale de l' jusqu' en 1830. 3 vol.

ATLAS HISTORIQUE des guerres de 1792 à l'Atlas Lesage, par P. G. 1 vol. 4to.

OEUVRES COMPLETES DE TACITE, traduit nouf. 6 vol.

SUPPLEMENT à la Biographie Universelle, еи мьер vol.

DE L'ÉTAT ACTUEL DE LA GRECE et des restauration, par M. Fr. Thiersch. Leipzig. 1

DE LA SOCIÉTÉ ET DU GOUVERNEMENT Vieil-Castel. 2 vol.

NOUVELLES CONSIDÉRATIONS sur les rapp du moral de l'homme, ouvrage posthume de publié par M. Cousin. 1 vol.

EXAMEN DES DOCTRINES médicales et des gie, précédé de propositions renfermant la decine physiologique, par F. J. V. Broussai

MEMOIRE sur l'emploi de la nouvelle méthоdive des dartres, de la gale, des écrouelles e tes, sans mercure, inventée par le docteur Bel commission de médecins. 1 vol.

GEOLOGIE POPULAIRE, par M. Boubée. 1 v

VOYAGES EN ORIENT, entrepris par ordre du çais de 1830 à 1833, par M. Fontannier. 1 v

- VOYAGE D'UN ICONOPHILE**, revue des principaux cabinets d'estampes, bibliothèques et musées de l'Allemagne, de la Hollande et de l'Angleterre, par M. *Duchesne* aîné. 1 vol.
- DICTIONNAIRE DES ARTS** du dessin, la peinture, la sculpture, la gravure et l'architecture, par M. *Bouliard*. 1 vol.
- INSTRUMENS ARATOIRES**, collection complète de tous les instrumens d'agriculture, de jardinage, etc., français et étrangers, par M. *Boitard*. 1 vol., avec 105 planches.
- ATLAS UNIVERSEL** de géographie ancienne et moderne, par M. *Vivien*. 64 cartes.
-

- ETUDES** de mœurs et de critique sur les poètes latins de la décadence, par M. *Nisard*. 2 vol.
- HISTOIRE LITTÉRAIRE** de l'Italie de Ginguené, continuée par son collaborateur, M. *de Salfi*. 2 vol.
- NOUVEAU TABLEAU DE PARIS**, par MM. *Jal*, le bibliophile Jacob, etc. etc. 1 vol.
- MON PORTEFEUILLE**, ou feuilles détachés sur des objets littéraires et politiques, par le marquis *de Salvo*. 1 vol.
- SCHILDINE**, roman, par M. *Lesguillon*. 2 vol.
- ANNALES SECRÉTES** d'une famille pendant dix-huit-cent ans, mises au jour par M. *Creuzé de Lesser*. 2 vol.
- L'OBLIGEANT**, roman gai, par M. *Rabau*, auteur du *Comte Ory*, de *Blaise l'Eveillé*, etc. 3 vol.
- L'OSSUAIRE**, ou les Assassins de *Peirebeilhe*, roman. 2 vol.
- LA DUCHESSE DE CHATEAUXROUX**, roman, par Mme *Sophie Gay*. 2 vol.
- LES VIEILLARDS**, par *Ernest Legouvé*, auteur de *Max*. 1 vol.
- LE SECRÉTAIRE INTIME**, roman par *George Sand*. 2 vol.
-

OUVRAGES PAR SOUSCRIPTIONS ET PAR LIVRAISONS.

- Histoire de la révolution* de 1814 à 1833, par M. *Dulaure*. 6 vol., avec 60 planches.
- Histoire pittoresque* du Mont St.-Michel. 7 livraisons à 75 cent.
- Histoire des femmes* depuis Eve jusqu'à nos jours, avec gravures. 120 livraison à 50 cent.
- Dictionnaire général et grammatical* des dictionnaires français, par N. *Landais*. 52 livraisons.
-

Английскія.

- ON THE CONNEXION** of the physical sciences. By Mrs. *Somerville*. 1 vol.

CHEMISTRY, METEOROLOGY and the function of digestion, considered with reference to natural Teology. By *William Prout*. 1 vol.

HISTORY OF THE REVOLUTION in England in 1688. By the R. H. Sir *James Mackintosh*. 4to. 1 vol.

THE GAEL AND THE CIMBRI, an inquiry into the origine and history of the Irish, Scoti, Gaule, Caledonians, Picts, Welsh, Cornish and Bretons. By Sir *W. Betham*. Dublin. 1 vol.

THE FEATHERED TRIBES of the British Islands. By *Robert Muir*. 2 vols, with plates.

PATHOLOGICAL ANATOMY. Illustrations of Tubercle. By *Robert Carswell*, professor of Morbid Anatomy in the University of London. Fasc. 1.

ON THE INHALATION OF IODINE AND CONIUM in tubercular phthisis. Second edition, considerably altered and enlarged. By Sir *Charles Scudamore*, M. D. 1 vol.

THE CHANNEL ISLANDS; Jersey, Guernsey, Alderney, etc., being the result of a two years' residence. By *Henry Inglis*. 2 vols.

JOURNEY TO THE NORTH OF INDIA, overland from England. By Lieutenant *Arthur Coholly*. 2 vols.

A VOYAGE ROUND THE WORLD, including travels in Asia, Africa, Australasia, America, etc., etc. By *James Holman*. 1 vol.

NAVAL SKETCH BOOK. Second series. 2 vols.

RECOLLECTIONS of a naval life. By Captain *James Scott*. 3 vols.

A SOLDIER'S RECOLLECTIONS of the West Indies and America. By Lieut.-Col. *Saint-Clair*. 2 vols.

THE JUDGMENT OF THE FLOOD, a poem. By *John Heraud*. 1 vol.

THE WONDERS OF CHAOS and the creation exemplified, a poem in eight cantos. 1 vol.

GUIDONE, a dramatic poem. 1 vol.

THE REVOLUTIONARY EPICK. The work of D'Israeli the Younger, author of the *Psychological Romance*. 1 vol.

LAYS AND LEGENDS of various nations. By *W. J. Thoms*. Part 4. Germany.

HAMILTONS, or the new Aera, a novel. By the author of *Mothers and Daughters*. 3 vols.

OUR TOWN, or Rough sketches of character, manners, etc. By *Peregrine Reedpen*. 2 vols.

SIR RUDOLPH of Habsburgh, an historical romance. 3 vols.

CLEONE, a tale of married life. By *Mrs. Leman Grimetone*. 2 vols.

PICTURES of private life. Second series. By *Sarah Stickney*. 2 vols.

EUSTACE CONWAY, or the Brother and Sister, a novel. 3 vols.

CRUIKSHANK at home. 1 vol. With 38 engravings on wood.

Нѣмецкія.

THEORETISCH-PRAKTISCHE Geburtskunde, durch Abbildungen erläutert von Dr. *D. W. H. Busch*. 1ste Lieferung. Berlin.

GESCHICHTE und Institutionen des römischen Rechts. Ein Leitfa-
den für Vorlesungen von Dr. *G. C. Burchardi*. Kiel.

VERSUCH EINER METAPHYSIK der innern Natur. Von *H. Schmid*.
Leipzig.

STAATSVERRFASSUNG DER ISRAELITEN. Von *K. D. Hüllmann*.
Leipzig.

GESCHICHTE DER DEUTSCHEN, von Dr. *K. Halling*. Erster Band.
Geschichte der Skythen. Erste Abtheilung. Asien. Berlin.

UNGARISCHE GRAMMATIK, nach einer neuen und leicht fassli-
chen Methode theoretisch und praktisch bearbeitet von *P. Kis*. Wien.

WENZEL RUELL UND WASENSEPP. Criminalerzählung von *J. K.*
von Train. Zwei Bände. Meissen.

GEDICHTE von *Hoffmann von Fallersleben*. Zwei Bände. Leipzig.

М О Д Ы.

Парижъ. Апрель.

Въ фасонѣ дамскихъ платьевъ рѣшительно нѣтъ ничего
новаго. Всѣ модныя картинки, полученныя изъ Парижа,
представляютъ тотъ же покрой платьевъ, какой сообщили
мы въ предыдущей книжкѣ нашего Журнала, или совер-
шенно гладкія платья, безъ всякихъ украшеній, приличныя
загородной жизни.

— Лѣтнія платья, кажется, будутъ также разнѣзныя. Ру-
кава остались тѣ же, очень широкія вверху и узкіе у ки-
сти. Тамъ со шнипомъ и безъ шнипа, смотря по фантази.
Множество складокъ на юпкахъ, которыя довольно длинны; но
складки дѣлаются двойныя и на бокахъ чрезвычайно широ-
кія, такъ что платье представляетъ видъ опахала и превос-
ходно выказываетъ тонкость стана. Въ складкахъ весь се-
кретъ и весь духъ времени нынѣшняго лѣта.

— Теперь вышивають и изготовляютъ множество
рединготовъ, то есть, капотовъ, изъ Индѣйской киски, ма-
шитою или гладкой, обшитыхъ кружевомъ; эти рединготы

будутъ носить съ платями розоваго, лиловаго или соломеннаго цвѣтовъ. На гуляньяхъ видно нѣсколько рединг-товъ со шпигомъ. Вообще рединготы въ большой модѣ: кисейные, подложенные гроденаппемъ, будутъ составлять нынѣшнимъ лѣтомъ самый изящный нарядъ. Рединготы изъ фонтанжа, *fontange*, встрѣчались очень часто на большихъ гуляньяхъ. Эта матерія походитъ на гро-д'этѣ, съ желтыми вытканными узорами, *brochés*, съ гороховыми или миндальными цвѣтками, съ трелистникомъ, и т. д. Зеленый десенъ на коричневомъ полѣ производитъ милый эффектъ. Но все это еще весеннее, а у насъ весны нѣтъ.

— Въ такомъ положеніи дѣлъ, остается только выборъ матеріи или ткани для лѣта. Можно сказать утвердительно, что скоро наступитъ конецъ свѣту: никогда еще десени на тканяхъ не были такъ страшны и безобразны. — Гадко! — Фи! — Ужасъ! — Смѣшно! — Безподобно! — Очень благородно! Очень мило! — вотъ слова, вотъ восклицанія, которыя вырываются тысячами изъ группъ молодыхъ дамъ, останавливающихся персдъ магазинами, гдѣ развѣшаны новыя ткани. Въ самомъ дѣлѣ, ничего не можетъ быть безвкуснѣе и поразительнѣе рисунковъ на перкаляхъ, кисеяхъ и фулярахъ, въ которые, по милости Французскихъ фабрикантовъ, зараженныхъ Бюльскимъ вольнодумствомъ, Европейскій прекрасный полъ обреченъ одѣваться все нынѣшнее лѣто. Узоры такіе огромные, такъ испещрены яркими красками, букеты такой величины, что въ длину юбки помѣстится не болѣе двухъ или трехъ, и надо имѣть сверхъ-человѣческую храбрость Француенокъ, чтобъ носить подобныя уродливости. Съ этими тканями даже опасно: дама низкаго роста, — а это такой прелестный и милый классъ дамъ! — если не остережется, можетъ купить что-нибудь такое, что вся, съ ногъ до головы, будетъ покрыта однимъ букетомъ и казаться сидящею въ куствъ піоновъ. Полосы похожи на гигантскія колоннады, и на бѣлыхъ полосахъ разбросаны цвѣты такой величины, что ни-дать-ни-взять старинныя занавѣски или пологи Симбирской купчихи. Но въ нашемъ важъ узоры поменьше почти не возможны: наши сердца требуютъ сильныхъ ощущеній; великія страсти и великіе букеты на платьяхъ, — это такъ связано между собою, какъ причина и

слѣдствіе. Страсти въ Парижѣ теперь такъ неукротимы, что въ любви уже не цѣлуются, но кусаются!... Есть также цвѣтныя кисеи, черныя, желтыя, лиловыя, на которыхъ перемѣшаны съ множествомъ зеленыхъ листьевъ большія розы, маковые цвѣты, тюльпаны, размалеванные съ такою роскошью яркихъ, рѣзкихъ красокъ, что и самыя краски дивятся, какъ онѣ очутились вмѣстѣ на одномъ цвѣтѣ. Но, къ счастью, есть также кисея съ мелкимъ розовымъ или голубымъ горохомъ, *fleurs de pois de senteur*, и съ шалевыми узорами, съ мелкими Турецкими рисунками по черному и бѣлому полю, съ частыми маленькими букетами, и съ сѣтками вѣтвей, перемѣшанныхъ цвѣтками: эти кисеи можно носить, не боясь, что васъ увидятъ за четыре версты.

Большіе запасы въ магазинахъ шерстяной кисеи, *moirés-lignes de laine*, съ нынѣшними рисунками, доказываютъ, что и эту ткань будутъ носить лѣтомъ: по крайней мѣрѣ, модные Журналы, которые всегда помогаютъ магазинщикамъ и модисткамъ, заохочиваютъ дамъ носить ихъ.

Но для красивыхъ нарядовъ преимущественно будутъ употребляться фуляры съ крупными рисунками. Фуляры продаются тысячами.

Для загородныхъ платьевъ покупаютъ много жаконъ кружевного, *jasonaz point d'Aleçon*, очень удобнаго для лѣта. Представьте себѣ на розовомъ, лиловомъ или голубомъ полѣ широкое кружево, расположенное колоннами, изъ которыхъ однѣ выются, другія представляютъ видъ складокъ или трубокъ: обманъ для глазъ! прелесть! очарованье! Теперь еще однѣ только ультра-щеголихи носятъ Шотландскія матеріи, *étoffes écossaises*. Для платьевъ визитныхъ и нагулянье, онѣ безподобны. Эти матеріи будутъ въ большомъ употребленіи съ вышивными канзу.

— Этого еще недовольно, что у васъ есть платье странное, забавное, удивительное, никогда не виданное: чтобъ быть довольною своимъ нарядомъ и совершенно счастливою, надо еще подобрать кушакъ къ ткани. Всѣ безчисленные краски и оттѣнки, блестящіе на модномъ вашемъ платьѣ, должны находиться и на толстой, богатой лентѣ,

которая служить кушакомъ, — если вы не предпочитаете опоясаться газовой или тафтяною лентою съ большимъ бантомъ спереди и съ предлинными концами.

Нарядившись въ странное, забавное, удивительное платье, надо еще непременно имѣть носовой платокъ: такова ужъ судьба человеческой природы! Но никогда еще не видано такой роскоши въ носовыхъ платкахъ, какъ нынче. Они до того покрыты вышивками, убраны такими пышными кружевами, такъ великолепыны, обворожительно, необходимы, что мужъ, который не хочетъ заплатить 300 рублей за одинъ платокъ, во всѣхъ Судахъ объявляется тираномъ и чудовищемъ: такого человека можно тотчасъ покинуть, и всѣ щеголихи признають васъ совершенно правою.

— Теперь дѣло о шляпкахъ. Шляпка для лѣта вещь столь же важная, какъ самое солнце.

Форма нынѣшнихъ шляпокъ очень *авантажна*. Лице окружено полями, которыя по бокамъ спускаются низко, а на лбу поднимаются вверхъ, и такимъ образомъ не теряются ни цвѣтъ подкладки, ни блонды, на ней находящіяся. На лбу кладется или свернутая лента, *guban cerclé*, или узкая гладкая блонда. Два банта, приколотые внутри по сторонамъ и примыкающіе къ лицу, всегда идутъ прекрасно. Вотъ общій взглядъ на шляпки, приготовляемыя въ Парижѣ для лѣта.

1. Шляпка *deni-capote*, полу-капотъ, вся сшита изъ розовыхъ лентъ съ бѣлыми клетками, *quadrillé en blanc*, неимоверно красива. Снаружи два пучечка Китайской гвоздики, одинъ бѣлый, другой розовый, приколоты сбоку и разделены между собою двумя коками изъ такихъ же лентъ, какъ и самая шляпка. Внутри поля, вдоль лица, рюшъ изъ блонды очень рѣдкой, оканчивающійся на вискахъ двумя малыми бантами изъ атласной ленты. Тулья сзади довольно высока и нагнута напередъ.

2. Шляпки-капоты изъ желтаго крепа съ сиреневыми ветками.

3. Самые красивыя шляпки — бастовыя, *paille de riz*, или изъ рисовой соломы. Онѣ бываютъ прозрачныя, *à jour*,

съ готическимъ узоромъ. Подложенныя розовымъ крепомъ и убранныя газовыми лентами или легкими цвѣтами, онѣ едва ли не прелестнѣйшая часть нынѣшняго дамскаго убранства. Онѣ даже благороднѣе соломенныхъ прозрачныхъ, которыя весь свѣтъ носить. Но теперь дѣлають въ Парижѣ особеннаго рода ткань, очень легкую, которая можетъ замѣнить бастъ, и всѣ модистки начали дѣлать изъ нея шляпки.

4. Нѣкоторыя шляпки изъ Италіанской соломы убираются широкими Шотландскими лентами.

5. Шляпки изъ желтой соломы удержали право имѣть поля больше всѣхъ прочихъ шляпокъ.

6. На многихъ шляпкахъ видны букеты изъ дубовыхъ листьевъ съ желудями. Весенніе цвѣты, какъ напримѣръ фіалки, еще въ большой модѣ. Иныя шляпки только опоясаны одною очень широкою лентою съ бантомъ сбоку и двумя висящими отъ него концами. Шляпки изъ матеріи *soie et fil*, сырцового цвѣта, украшаются зелеными лентами и зелеными цвѣтами. Есть еще одна матерія, сырцового, лиловаго и другихъ цвѣтовъ, которая употребляется на рединготы и на шляпки, но мы смѣемъ назвать ее по-Русски: на Французскомъ языкѣ, который гораздо изящнѣе нашего, имя ея очаровательно для слуха, — *pou de soie*!

Но здѣсь необходимо общее замѣчаніе: поля нынѣшнихъ шляпокъ гораздо шире прошлагодныхъ, и тулья вообще высоки, острыя сзади.

— Наконецъ платки, или шали. Для шалей есть шелковыя ткани, очень мягкія; нагруженныя узорами Турецкими, Китайскими. Арабскими, и т. п. Будутъ также носить платки шерстяные кашемировые, рисункомъ совершенно похожіе на Индѣйскіе кашемиры. Эшарповъ еще невидно, но есть одна премилая фантазія: это шелковые мышечки, шитые съ обѣихъ сторонъ шелкомъ и золотомъ, и которые прививаются къ кушаку, иногда по обѣимъ сторонамъ, — что молодой дѣвушкѣ сообщаетъ видъ очень молодой и очень интересной прапрабабушки.

Мужскія моды. Борода все еще въ большей модѣ. Да, борода!! Кто хочетъ одѣваться совершенно по-Парижски, тотъ долженъ носить бороду: это очень занимательно.

Въ мужскомъ платьѣ еще менѣе переменъ, нежели какъ въ дамскомъ. На балахъ щеголи являются еще въ бархатныхъ фракахъ, зеленыхъ или свѣтло-синихъ. На придворные балы: черный фракъ съ вышивкою по краямъ, оттопырившимися полами и безъ клапоновъ. Сюртуки несравненно короче прежнихъ, съ бархатнымъ или съ обыкновеннымъ воротникомъ. На сюртукахъ - фракахъ носятъ серебряныя пуговицы, выпуклыя, рѣзныя, въ Англійскомъ вкусѣ. Впрочемъ, за исключеніемъ панталоновъ изъ шелковой матеріи гладкой или брошѣ и жилетовъ изъ бѣлаго атласа, тисненыхъ и вышитыхъ, нѣтъ ничего новаго. Галстуки могутъ быть и черный, и бѣлый; но для молодыхъ людей чаще черный.

Что касается до *неглиже*, то оно становится все болѣе и болѣе смѣшнымъ. Чтобы ѣздить верхомъ или дѣлать утренніе визиты, нынче надобно надѣть казимировые панталоны перловаго или шамоваго цвѣта съ широкою гирляндою, вышитою шелкомъ по правому и лѣвому швамъ. Казимировые жилеты также украшаются мелкими букетами, вышитыми цвѣтнымъ шелкомъ или шелкомъ того же цвѣта, какъ и казмиръ.

Всѣ модныя Журналы наполнены описаніями гулянья въ Лоншанъ, которымъ въ Парижѣ закрывается зима и ея увеселенія, какъ у насъ гуляньемъ Екатеринингофскимъ. Описанія замѣченныхъ тамъ экипажей могутъ быть занимательны только для каретныхъ мастеровъ, которыхъ вѣрно не много между нашими читателями. По-этому мы не станемъ описывать Парижскихъ каретъ, ни колясокъ, но бросимъ на нихъ издали одинъ «высшій взглядъ». Прежде на Лоншанской дорогѣ щеголяли экипажами гордые герцоги, графы, посланники; теперь на ней забрызгиваютъ пышеходцевъ грязью гордые банкиры и гордые адвокаты. Всѣ луч-

шія Парижскія кареты тащали въ нынѣшнемъ году одну нонаторную смѣсь, цвѣтъ новой аристократіи, которая твердить о равенствѣ, и ищетъ затмить другихъ своимъ величіемъ. Болѣе всѣхъ при одили въ удивленіе—карета банкира Агвадо съ зеркальными стеклами и четырьмя бѣлыми лошадьми; ливреи двухъ каретъ, бѣлая съ коричневымъ, банкира Шиклера, ливреи и экипажи банкира Стекпуля, фазтоны банкира Макадо съ двумя жокеями на отличныхъ коняхъ, и т. д.; также пышное купе и чудесныя ливреи одного изъ блистательнѣйшихъ литераторовъ «юной школы» (Г. Жюль-Жанена?), который, наскучивъ гулять пѣшкомъ, вытрясъ изъ пера все это великолѣпіе. Право странный вѣкъ! — вѣкъ пяти-копѣечныхъ Журналовъ, и статьи-писателей въ каретахъ!

=

ОПЕЧАТКИ.

— Въ отдѣленіи Русская Словесность, на страницѣ 214, напечатано: *Библіотека для Читенія, вѣрная своему назначенію, служитъ зеркаломъ, въ которомъ бы отражались всѣ совершенныя дарованія литературной Руси, и проч.*, — вмѣсто «совершенныя», слѣдуетъ читать *современныя*.

— Въ отдѣленіи Иностранная Словесность, подъ статью «Рейнскіе Пилигримы» выставлено по ошибкѣ *Blackwood's Magazine*. Статья эта заимствована изъ двухъ Журналовъ — *New Monthly Magazine* и *Athenaeum*.

— Въ отдѣленіи Смѣсь, на стр. 26, имена извѣстныхъ Англійскихъ поэтовъ, *Борнса* и *Крамбба* странно исковерканы въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Читатели удивятся или улыбнутся, найдя вмѣсто ихъ, Русскаго *Бориса* и какого-то *Крамбба*. Но все это слѣдствія веселости Свѣтлой Недѣли, по поводу которой и эта книжка опоздала выходомъ цѣлыхъ пять дней.

=

СР
16

JUN 2 - 1937

